

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

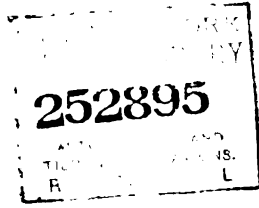
ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1860.

Н. Мухоморовъ
ФЕВРАЛЬ.

САНКТВЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

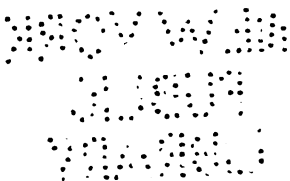

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31 Января 1860 года.

Ценсоръ *А. Яровлацковъ*

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНІИ

ВЪ УСТНОМЪ И ГЛАСНОМЪ ПРОЦЕССѢ *).

Устный и гласный уголовный процессъ въ томъ отдѣлѣ, который обнимаетъ изслѣдованіе преступленій, совершается не одинакимъ образомъ. Независимо отъ частныхъ, случайныхъ различій, въ немъ замѣтно и разительное несходство главныхъ положеній, происходящее отъ господства того или другаго принципа, управляющаго его движеніемъ. Съ перваго взгляда, можно было бы ожидать ббльшаго единства въ законодательствахъ: гдѣ ни предпринималась реформа судебныхныхъ учреждений, судопроизводство устроивалось повидному вездѣ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ и вездѣ слыветь подъ именемъ словеснаго, публичнаго и обвинительнаго. Въ дѣйствительности выходитъ однако не то, ибо программа разностороннихъ преобразованій часто съ умысломъ или ненамѣренно выполнялась не вполнѣ; особенно когда требовалось замѣнить прежній инквизиціонный порядокъ противоположнымъ, замѣнъ сдѣланъ былъ едва не номинально. Но въ чемъ выражается вообще характеръ обвинительнаго и

*) C. J. A. *Mittermaier*. Das englische, schottische und nord-amerikanische Strafverfahren. 1851.

— Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren nach ihrer neuesten Fortbildung. 1856.

J. W. *Planck*. Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens auf Grundlage der neueren Strafprozessordnungen seit 1848. — 1857.

слѣдственнаго порядка? Въ дѣятельности или бездѣйствіи суда относительно преслѣдованія преступленій. Уголовнымъ судилищамъ предлежитъ задача рѣшить, долженъ ли прилагаться къ извѣстнымъ дѣйствіямъ карательный законъ и въ какомъ объемѣ. Для того имъ необходимо имѣть подъ рукою весь фактической матеріалъ, позволяющій сдѣлать какое нибудь заключеніе. Матеріалъ доставляется двояко. Онъ можетъ быть предлагаемъ суду, такъ, что тотъ не принимаетъ никакого участія въ собираніи его, а ограничивается обсуживаніемъ и приговоромъ. Или же судъ по должности обнаруживаетъ самъ всякое доходящее до свѣдѣнія преступленіе, приводитъ въ ясность его признаки и изыскиваетъ пути къ открытію и уличенію виновныхъ. Въ первомъ случаѣ предполагается всегда присутствіе другихъ лицъ, которыя вызываютъ судъ на рѣшеніе того, что представляютъ и по различію своихъ интересовъ являются двумя спорящими и притомъ равными сторонами; все обвинительное производство имѣетъ здѣсь видъ тяжёбнаго разбирательства и клонится къ тому, чтобы признать или отвергнуть утверждаемую однимъ изъ тяжущихся необходимость наказанія. Во второмъ судъ дѣйствуетъ одинъ и не видитъ предъ собою никого, кромѣ подсудимаго, служащаго лишь объектомъ розыска; конечно постороннія лица даютъ иногда движеніе и слѣдственному процессу, но ихъ появленіе тамъ случайно и они только помогаютъ суду. Одною изъ спорящихъ сторонъ при обвинительномъ производствѣ бываетъ обвинитель, который въ качествѣ представителя государства домогается наказанія. Обвиненія могутъ исходить отъ частныхъ людей или отъ официальнаго, особо на то уполномоченнаго лица, такъ называемаго государственнаго адвоката (Staatsanwalt), занимающаго почти такое же мѣсто, какъ и защитникъ подсудимаго и отличающагося тѣмъ, что заступаетъ определенное лицо, именно государство по отношенію къ правамъ, возникающимъ изъ преступленія, и есть административный чиновникъ. Его должность состоитъ въ развѣдованіи чрезъ полицейскія начальства о случившихся преступленіяхъ и раскрытіи ихъ на сколько нужно для обвиненія, только не судебными дѣйствіями, куда относятся, напримѣръ, употребленіе

принудительныхъ мѣръ и допросъ свидѣтелей, — существенно же въ началѣ и поддержкѣ уголовного иска, наконецъ надзорѣ за выполненіемъ приговоровъ. Но какъ ни велика власть, вручаемая публичному обвинителю, и какъ ни важны, ввѣренные его охраненію интересы, въ глазахъ суда онъ есть простой тяжущійся, столько же ему подчиненный какъ и всякій подсудимый. Оба противники поставляются въ одинаковомъ положеніи, обоимъ усваиваются равныя права, уже и потому, что въ большей части случаевъ одинъ изъ нихъ по силамъ и средствамъ имѣетъ замѣтный перевѣсъ надъ другимъ. Въ силу равенства каждая сторона въ сферѣ своей дѣятельности пользуется независимостію и не обязана помогать другой, какъ при инквизиціонной процедурѣ обвиняемый помогаетъ слѣдователю правдивымъ показаніемъ. Каждая имѣетъ притязаніе быть выслушанною вполне и для того знать въ точности всѣ приводимыя противъ нее доказательства, также предлагать что нужно. Изъ равенства вытекаетъ наконецъ право подсудимаго держать постоянно подлѣ себя опытнаго защитника и правило, по которому въ видахъ облегчить оправданіе, сдѣланное однажды предъ судомъ, обвиненіе остается основаніемъ для дальнѣйшаго производства и рѣшенія.

Въ чисто обвинительномъ процессѣ судъ долженъ былъ бы только наблюдать за разбирательствомъ тяжущихся, за тѣмъ, чтобы они держались правильныхъ формъ и законныхъ положеній и потомъ рѣшать. Но этотъ процессъ способенъ къ видоизмѣненіямъ, которыя не трогая существа, сближаютъ его нѣсколько съ слѣдственнымъ порядкомъ и по которому суду присваивается большее или меньшее участіе въ собраніи матеріала, доставляемаго главно все-таки обвинителемъ и обвиняемымъ. Вліяніе инквизиціоннаго начала можетъ обнаруживаться въ томъ, что предварительное изслѣдованіе, не входящее въ составъ собственнаго производства, происходитъ подъ судебнымъ надзоромъ, такъ, что государственный адвокатъ прежде формальнаго обвиненія долженъ убѣдить судъ въ вѣроятности своихъ притязаній, или такъ, что для употребленія нѣкоторыхъ средствъ розысканія необходимо бываетъ одобреніе и содѣйствіе судебной власти,

или же эта власть управляет всѣмъ изслѣдованіемъ и результатъ его обсуживается то ею одною, то обвинителемъ, то совокупно. Но судъ можетъ и дополнять дѣятельность спорящихъ сторонъ, ежели она оказывается неловкою или недовольно сильною, тѣмъ ли, что обращаетъ только ихъ вниманіе на какіе нибудь недостатки или даже тѣмъ, что даетъ въ извѣстной мѣрѣ ходъ находящимся у него доказательствамъ. Въ свою очередь и судопроизводство слѣдственное способно къ тому, чтобы заимствовать у обвинительнаго формы и положенія, придающія ему наружно болѣе мягкія черты, причемъ опять возможна не одна степень сближенія.

Истинный обвинительный процессъ существуетъ въ Англіи, Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Напротивъ судопроизводство уголовное, введенное въ новѣйшее время въ германскихъ государствахъ отъ подражаніе французскому есть слѣдственное съ обвинительными формами, хотя съ болѣею или меньшею примѣсью чуждыхъ его существу началъ.

Во многихъ случаяхъ уголовный процессъ начинается не вдругъ съ обвиненія и формальнаго изслѣдованія. Очень часто у него не достаетъ еще до времени прочнаго основанія, оттого, что сомнительно преступленіе, открывающееся иногда послѣ долгихъ и трудныхъ техническихъ изысканій. Ежели извѣстно преступленіе, то не всегда извѣстенъ предполагаемый виновникъ. Прежде, чѣмъ покажутся достаточныя причины подозрѣвать прямо кого нибудь, тотъ, кому хочется найти преступника, нерѣдко блуждаетъ въ глубокой темнотѣ, переходитъ отъ одной догадки къ другой и теряетъ не разъ надежную повидимому нить. По этой причинѣ собственному процессу предшествуютъ приготовительныя дѣйствія съ цѣлію собранія матеріала къ обвиненію. Ихъ успѣхъ зависитъ существенно отъ скорой и энергической дѣятельности, бросающейся на каждый слѣдъ, но имъ свойственна и нѣкоторая осторожность, такъ какъ стараніе попасть на истинный путь заставляетъ дѣлать поиски повсюду и прибѣгать къ сред-

ствамъ, стѣснительнымъ для невинныхъ. Всѣ подобнаго рода дѣйствія, въ отличіе отъ главнаго производства, гдѣ имѣется въ виду уже опредѣленный обвиняемый, относятся къ предварительному изслѣдованію. Здѣсь представляются разсмотрѣнію лица, участвующія въ изслѣдованіи вообще, его цѣль, вѣдомство и ходъ, степень власти суда и мѣра защиты подсудимаго, форма и опредѣленіе результата.

Собираніе данныхъ, на которыхъ можетъ быть утверждено обвиненіе, въ Англіи предоставляется обвинителю, — частному ли человѣку или должностному. Онъ самъ, или при посредствѣ полиціи, дѣлаетъ годныя для своей цѣли розысканія, приводитъ въ извѣстность признаки преступленія, слѣдитъ за вѣроятными виновными, пріискиваетъ доказательства и обращается къ судебной власти въ томъ только случаѣ, какъ падаютъ надобность употребить принудительныя мѣры или предпринять дѣйствія, важныя для будущаго производства и требующія удостовѣренія авторитетомъ суда. Предварительное изслѣдованіе, происходящее предъ судомъ, назначается для того, чтобы дать возможность одной сторонѣ сообразить, довольно ли у нее данныхъ для начатія уголовного иска, а другой узнать, въ чемъ ее подозрѣваютъ и, ежели хочеть, защищаться. Оно оканчивается какъ скоро судья полагаетъ или освободить подсудимаго по недостатку уликъ, или наказать, ежели по роду проступка вправѣ постановить окончательный приговоръ, или же накопецъ объявить въ подозрѣніи, послѣ чего тотъ долженъ быть подвергнутъ уголовному суду. Изслѣдованіе продолжается короткое время въ-особенности оттого, что судъ останавливается очень не долго на доказательствахъ, не заботится о техническихъ мнѣніяхъ и не касается трудныхъ вопросовъ о вѣрности. Такое производство, достаточное во многихъ случаяхъ, оказывается однакоже не рѣдко неудовлетворительнымъ и бываетъ причиною поверхностныхъ обвиненій и неосновательныхъ оправданій. Законодательства французское и германское поручаютъ все предварительное изслѣдованіе извѣстнымъ, правительствомъ опредѣляемымъ чиновникамъ, окружаютъ его постоянно формальностями и притомъ даютъ ему большіе размеры. Оно отдѣляется тоже отъ настоящаго уголовного про-

десса, но должно готовить надлежащимъ образомъ главное производство, раскрывать какъ достаточныя причины къ обвиненію, такъ и основанія, приводимыя въ защиту и съ такою полнотою, чтобы послѣ не настояло повода прерывать разбирательство и обращаться къ впропущеннымъ розысканіямъ. Но эта полнота не обязываетъ слѣдователя разрѣшать всѣ сомнѣнія и противорѣчія, они уясняются вполне подробными преніями въ судѣ, гдѣ произносится приговоръ. По этому подсудимый отсылается въ уголовный судъ, какъ скоро преступленіе по роду и важности уликъ вѣроятно. Но практика позволяетъ себѣ часто отступленія отъ закона. Такъ нѣмецкіе слѣдователи отъ привычки къ инквизиціонной процедурѣ, стремленія къ аккуратности, старанія предупредить неосновательныя публичныя пренія и особенно отъ непокинутой еще мысли, что устное производство есть только повтореніе предварительнаго изслѣдованія, распространяютъ послѣднее слишкомъ далеко, дѣлаютъ подсудимымъ длинные допросы и мучаютъ ихъ продолжительнымъ заключеніемъ въ надеждѣ на признаніе, хотя неперемѣнно распутать каждое противорѣчіе и тѣмъ самымъ замедляютъ движеніе процесса. Впрочемъ, предварительное изслѣдованіе не считается существенно частію судопроизводства, ибо лица, подозрѣваемые въ менѣ важныхъ преступленіяхъ требуются прямо въ судъ, гдѣ имъ предъявляется на словахъ обвиненіе съ доказательствами. Разумѣется, при такомъ порядкѣ часто берегаются пенужные расходы и устраняется лишняя медленность, но за то онъ имѣетъ и невыгоды, бываетъ причиною судебныхъ отсрочекъ, лишая возможности приготовиться къ защитѣ. Изслѣдованіе, о которомъ идетъ рѣчь, значитъ еще менѣе у англичанъ, потому что на него почти не смотрятъ въ формальномъ процессѣ и обвинитель можетъ начать дѣло и безъ приготовительнаго производства и даже вопреки приговору суда объ освобожденіи подсудимаго.

Преступленіе въ Англіи преслѣдуются не однимъ лицомъ. Обвиненія могутъ исходить отъ частныхъ людей и коронныхъ адвокатовъ (*Attorney general* и *solicitor general*) при посягательствахъ, направленныхъ непосредственно противъ государства или особы короля, также адвокатовъ по нѣкото-

рымъ частямъ управленія. Все почти предварительное изслѣдованіе сосредоточивается въ полиціи, обыкновенной, существующей въ бѣльшей части графствъ, или особенной, учрежденной въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и отдѣльныхъ графствахъ и предназначенной исключительно для предупрежденія и открытія преступленій (delective force). Къ составу послѣдней, какъ извѣстно, принадлежитъ и огромная, прекрасно организованная масса способныхъ, подъ руководствомъ опытныхъ чиновниковъ дѣйствующихъ агентовъ. Эти агенты по первому востребованію обвинителя помогаютъ ему въ первоначальномъ розыскѣ; находясь между собою въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ, они приступаютъ немедленно къ развѣдываніямъ, собираютъ доказательства, производятъ домовые обыски съ разрѣшенія суда, слѣдятъ за виновными и, ежели дозволяетъ инструкція, подвергаютъ ихъ временному аресту до ближайшаго засѣданія суда, не дѣлая притомъ никому допроса. По обязанности открывать преступленія, каждый полицменъ дѣйствуетъ и самостоятельно, не выжидая указаній, и извѣщаетъ судъ о преступленіи, когда его не предупреждаетъ кто нибудь другой. Впрочемъ, полиція служитъ не одной сторонѣ; къ ея посредству обращаются и подсудимый и его адвокатъ всякій разъ, когда желаютъ получить какія нибудь свѣдѣнія. Послѣ простыхъ развѣдываній начинается чисто судебная дѣятельность полиціи, отнесенная, по преобразованіи ея, къ вѣдомству особыхъ судовъ (police courts), которые замѣщены опытными и честными юристами и пользуются заслуженными похвалами. Цѣлое производство здѣсь отличается строгимъ обвинительнымъ характеромъ. Въ немъ все ново въ сравненіи съ обычными понятіями объ уголовной процедурѣ. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ является естественно судья, но нисколько непохожій на другихъ чиновниковъ этого рода. Онъ не беретса за розысканія, а знаетъ одну обязанность быть безпристрастнымъ, наблюдать, чтобы обвинитель и подсудимый пользовались равными правами и средствами и потомъ судить, опредѣлять наказаніе, освобождать подсудимаго или же отсылать къ уголовному суду. Судья принимается за должность, какъ скоро есть обвиненіе или извѣщеніе о преступленіи. Входитъ об-

винитель, рассматриваемый въ качествѣ свидѣтеля, дѣлаетъ показаніе подъ присягою и потомъ самъ или чрезъ своего адвоката, въ которомъ почти никогда не отказывается, спрашиваетъ, обыкновенно въ присутствіи подсудимаго, приведенныхъ свидѣтелей. По выслушаніи ихъ, судья обращается къ противной сторонѣ и предлагаетъ ей отвѣчать на слышанное, предвѣряя однакоже, что она не обязана къ тому, а ежели желаетъ говорить, то ея слова будутъ записаны и могутъ быть доказательствомъ при главномъ производствѣ. При этомъ подсудимому или его защитнику принадлежитъ право давать тоже вопросы свидѣтелямъ, которыми они не рѣдко и ограничиваются на первый разъ, откладывая свою защиту до формальныхъ публичныхъ преній. Судья вмѣшивается въ отвѣты подсудимаго и свидѣтелей лишь тогда, когда встрѣчаетъ неясность или противорѣчіе, но онъ спрашиваетъ послѣднихъ подробнѣе, ежели нѣтъ частнаго обвинителя или подсудимый не имѣетъ при себѣ адвоката. При необходимости сдѣлать личный осмотръ, отряжается для того полицейскій инспекторъ, который докладываетъ о послѣдствіяхъ въ ближайшемъ засѣданіи. Въ случаѣ недостаточнаго разъясненія обстоятельствъ дѣла засѣданіе откладывается на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ та и другая сторона, при посредствѣ полиціи, можетъ искать новыхъ доказательствъ. Одинъ коронеръ, производяшій изслѣдованіе по поводу подозрѣній въ насильственной смерти походить на слѣдователя. Изъятіе изъ правила составляютъ также многія преступленія, которыя изслѣдуются коронными адвокатами и поступаютъ на судебное разсмотрѣніе безъ обвиненія, утверждаемаго большимъ судомъ присяжныхъ (случаи гдѣ употребляется т. н. *information*). Отъ англійскаго способа производства отступаетъ во многомъ Шотландія. По всѣмъ преступленіямъ ищутъ здѣсь публичные обвинители (фискальные прокуроры), подчиненные лорду-адвокату, высшему административному чиновнику, завѣдывающему и юстиціею. Обвинять могутъ и частные люди, потерпѣвшіе непосредственно отъ преступленія или находящіе существенный интересъ въ преслѣдованіи его, но они должны имѣть согласіе лорда-адвоката, представлять обеспеченіе и отвѣчать за

несправедливый искъ. Прокуроръ предъявляетъ обвиненіе шерифу, который соединяетъ въ своемъ лицѣ полицейскую и значительную судебную власть и бываетъ главнымъ лицомъ въ предварительномъ изслѣдованіи въ качествѣ судьи. Но это изслѣдованіе, не смотря на примѣръ сосѣдней страны, благодаря упрямой привязанности шотландцевъ къ своимъ національнымъ учреждениямъ, осталось и до-сихъ-поръ тѣмъ же, какимъ было встарину: оно направлено къ полученію признанія отъ подсудимаго, который притомъ не пользуется выгодною спрашивать свидѣтелей и имѣть при себѣ защитника. Прежде всего берутся за подсудимаго; прокуроръ засыпаетъ его вопросами съ цѣлію смѣшать и запутать въ противорѣчіяхъ и прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы вынудить признаніе, освобождающее отъ дальнѣйшаго труда. Хотя допросъ и дѣлается при двухъ свидѣтеляхъ, но подсудимому бываетъ трудно указать впослѣдствіи на неправильности въ актахъ, такъ какъ судъ не доступенъ для публики. Свидѣтелей допрашиваетъ болѣе самъ судья. Начала, лежащія въ основаніи англійскаго процесса, перенесены и въ американскіе штаты и развиты тамъ далѣе, чему способствовали много практика союзныхъ судищъ и общіе законы о судопроизводствѣ по преступленіямъ противъ цѣлаго союза. И въ Америкѣ самое важное участіе въ собраніи и приготовленіи доказательствъ принимаютъ частные люди, вспомоществуемые полиціею. Что касается до государственныхъ адвокатовъ (Attorney), то они, кромѣ тѣхъ, которые назначаются для союзныхъ судовъ, во многихъ штатахъ являются въ процессѣ только по особеннымъ порученіямъ отъ правительства, или хотя и находятся въ судѣ во время предварительнаго изслѣдованія и предлагаютъ вопросы свидѣтелямъ, но начинаютъ искать когда пропускается обвиненіе присяжными. Кромѣ того они помогаютъ своими совѣтами частнымъ людямъ, жалующимся на преступленіе. Изслѣдованіе можетъ происходить предъ мирнымъ, полицейскимъ или и предъ другимъ судьей, но согласно съ кореннымъ правиломъ устройства, что никто не можетъ быть принужденъ свидѣтельствовать противъ самого себя, американскому праву не извѣстенъ спросъ подсудимаго; но выслушаніи показаній свидѣте-

лей ему только объявляютъ, что имѣеть право объясниться на счетъ обвиненій, но притомъ можетъ отклонять отъ себя всякій отвѣтъ. Подсудимому съ самаго начала и по закону, а не по усмотрѣнiю судьи, какъ у англичанъ, предоставляется возможность имѣть у себя адвоката, и ежели онъ является къ судѣбѣ одинъ, тотъ напоминаетъ ему объ его правѣ и даетъ время найти защитника. Наконецъ въ огражденiе подсудимыхъ законъ запрещаетъ судѣбѣ откладывать безъ ихъ согласiя засѣданiя долѣе десяти дней и позволяетъ требовать спроса предлагаемыхъ ими свидѣтелей.

По французскому и германскому праву предварительное изслѣдованiе раздѣляется на полицейское и судебное. Первое дѣлается полициею подъ руководствомъ государственнаго адвоката и имѣеть цѣлю прояснить уголовный случай до такой степени, чтобы тотъ въ состоянiи былъ опредѣлить возможность или непосредственнаго обвиненiя или, при болѣе важныхъ нарушенiяхъ, судебного изслѣдованiя. У него та же цѣль, и тѣ же источники познанiя, но нѣтъ иногда такихъ средствъ, какими обладаетъ судъ. Полицейское изслѣдованiе у французовъ отнесено къ вѣдомству, такъ называемой, судебной полиции, которая подчиняется генераль-прокурору, состоитъ изъ весьма разнообразныхъ элементовъ и приходитъ въ движенiе сама собою или по востребованiю прокуроровъ, также другихъ начальствъ, извѣщенныхъ о преступленiи*). Эта полиция выходитъ однакоже далеко изъ предѣловъ назначенной ей роли. Разумѣется, въ обстоятельствахъ крайнихъ, полиция можетъ быть дано большее полномочiе. Но законъ соединяетъ подобнаго рода случаи подъ неопредѣленнымъ понятiемъ *delit flagrant*, прилагающемся не только тогда, когда виновный бываетъ застигнутъ на преступленiи, но и тогда, когда оно уже совершилось и у подсудимаго въ скоромъ времени найдены вещи, заставляющiя предполагать, что онъ былъ виновникомъ или участникомъ преступленiя или на него указываетъ народный говоръ (*la clameur publique*). При такой неопредѣленности понятiя полиция вправѣ раз-

*) L. Frey. Frankreichs Civil- und Criminalverfassung mit Beziehungen auf England. 1851.

ширять по произволу кругъ своей дѣятельности, и что еще хуже, нарушить безотвѣственно коренную форму суда, основанную, хотя и по виду, на обвинительномъ началѣ, потому что не ограничивается отдѣльными, оправдываемыми надобностію, судебными дѣйствіями, но производитъ все вообще изслѣдованіе, отправляя должность обвинителя и судьи. Законъ погрѣшаетъ еще сильнѣе противъ провозглашаемаго имъ принципа, разрѣшая полиціи уклоняться отъ правила и безъ всякой необходимости. Неумѣренное распространеніе полицейской власти не выгодно и въ томъ отношеніи, что у бѣльшей части слѣдователей недостаетъ потребныхъ качествъ, нѣтъ ни опытности, ни порядочного знанія законовъ. Французскаго государственнаго адвоката не должно впрочемъ сравнивать съ обыкновеннымъ публичнымъ обвинителемъ. Хотя ни одинъ уголовный процессъ не ведется безъ содѣйствія адвоката, котораго должность исполняютъ прокуроры, принадлежащіе къ составу *ministère public*, но прокуроръ не есть простой представитель государства для отысканія въ судѣ извѣстныхъ правъ, онъ есть часть общаго организма юстиціи, особый правительственный органъ, также служащій къ отправленію правосудія, какъ и судебныя мѣста. Его обязанность заботиться дѣятельно о надлежащемъ господствѣ закона. Ежели на прокурорѣ и не лежитъ исключительно подобное попеченіе, то его вліянію болѣе или менѣе подчиняется все, что въ этомъ отношеніи касается юстиціи. Такимъ образомъ государственному адвокату присвоивается нѣкоторое участіе въ управленіи юстиціею: онъ смотритъ за службою всѣхъ чиновъ, даже судей, и пользуется властію, хотя и незначительною, взыскивать за упущенія, обращаетъ вниманіе на недостатки и потребности по отправленію правосудія, ищетъ содѣйствія подлежащихъ начальствъ, составляетъ по требованію ихъ отчеты и употребляется для административныхъ занятій, не относящихся къ другимъ чиновникамъ. Участіе прокурора въ отдѣльныхъ процессахъ состоитъ въ заступленіи спорящихъ предъ судомъ сторонъ и притомъ не опредѣленной какой нибудь стороны, а той, которая по его мнѣнію должна быть правою. Для судопроизводства уголовного у французовъ нѣтъ особой должности

обвинителя и послѣдній только воображается существующимъ, но прокуроръ служитъ единственнымъ органомъ, для проявленія воображаемаго лица, вѣпнаетъ уголовный искъ, хотя не обязанъ поддерживать его и съ переменною убѣжденіемъ можетъ даже взять сторону обвиняемаго, ежели усмотритъ обвинителя не правымъ.*) Но государственный адвокатъ защищаетъ всегда подсудимаго, когда идетъ дѣло объ его правахъ, и потому жалуется на несообразныя судебныя опредѣленія для пользы обѣихъ сторонъ. Наконецъ онъ смотритъ за исполненіемъ рѣшеній, заступая опять не только обвинителя, но и состоящаго подъ судомъ, ежели не видитъ въ требованіяхъ подсудимаго ничего противнаго законамъ. Вообще по отношенію къ суду адвокатъ является начальствомъ, которое обязано по правилу находиться при всѣхъ его дѣйствіяхъ и въ сущности не подчинено ему нисколько; только тогда, когда оно держитъ руку одного изъ противниковъ въ процессѣ, судъ по формѣ рѣшаетъ за него или противъ. Французскія учрежденія служили до нѣкоторой степени примѣромъ для должности государственнаго адвоката въ Германіи и оттого съ нею соединены отдѣльныя права, расширяющія ее далѣе надлежащихъ границъ. Эти права различны, смотря по тому, на сколько законы отделились отъ первоначальной мысли о публичномъ обвинителѣ. Хотя государственный адвокатъ почти вездѣ устраняется отъ занятій, касающихся управленія юстиціею, и по смыслу бѣльшей части законовъ въ сущности есть публичный обвинитель, но его признаютъ таковымъ и обращаются съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ тяжущимся только въ немногихъ мѣстахъ. Въ другихъ, напротивъ, слѣдуютъ совершенно иному взгляду и дѣлаютъ адвоката составною частію суда, которая обыкновенно необходима для его полноты, подъ опасеніемъ недействительности распоряженій, и которую надобно выслушивать прежде нежели постановляется что нибудь. Нѣкоторыя нѣмецкія государства (Пруссія, Саксонія, Брауншвейгъ) съ 1848 года болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ и съ измѣненіями переняли и судебную полицію, прочія же остались при

*) *Trébutien*. Cours élémentaire de droit criminel. 1854. Т. II, p. 14.

обыкновенныхъ полицейскихъ учрежденіяхъ и только согласовали ихъ съ новою должностію государственнаго адвоката. У этой полиціи менѣе власти. Ей поручено дѣлать разныя освѣдомленія, сохранять слѣды преступленія, отыскивать и сберегать вещи, необходимыя для судопроизводства, преслѣдовать каждаго подозрительнаго человѣка, не прибѣгая впрочемъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Она вправѣ браться и за средства принудительныя, входитъ насильно въ дома, обыскивать, арестовать, но по распоряженію суда или адвоката, ежели ему дано на то право въ видѣ изъятія, также при обстоятельствахъ, непозволяющихъ медлить и ждать разрѣшенія. Но всякая подобнаго рода мѣра, предпринятая полиціею по собственному побужденію, должна считаться временною до утвержденія судомъ. При опасности потерять время, полиціи предоставляется и власть предпринимать нѣкоторыя судебныя дѣйствія, хотя сюда не надобно было бы причислять непременно допроса подсудимому и свидѣтелямъ, какъ то случается иногда.

Послѣ полицейскаго изслѣдованія начинается судебное, но это не что иное, какъ обыкновенное слѣдствіе, гдѣ судъ самъ съ помощію своихъ обширныхъ средствъ старается раскрыть все касающееся до преступленія, съ тою особенностію, что приводится въ движеніе обвинителемъ, который, находя въ извѣстной степени основательными доходящія до него извѣщенія и жалобы, требуетъ изслѣдованія по нимъ. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, когда всякое замедленіе вредитъ общественнымъ интересамъ, судъ имѣетъ право приступить къ нѣкоторымъ розысканіямъ и безъ приглашенія, но обязанъ извѣщать о послѣдствіяхъ адвоката и ожидать его распоряженій для послѣдующихъ дѣйствій. Предложенія государственнаго адвоката уважаются впрочемъ не вездѣ одинаково. Они обязательны наиболѣе для французскаго слѣдователя, которому можно отговариваться только некомпететностію, но не позволено входить въ разсужденіе есть ли достаточный поводъ къ открытію изслѣдованія или нѣтъ подъ предлогомъ вмѣшательства въ должность обвинителя. Такое положеніе не гармонируетъ разумѣется съ самостоятельностью отвѣтственнаго за свои поступки судьи, и

было бы справедливѣе предоставить каждому свое, одному независимость мѣнѣя, а другому возможность жаловаться на отказъ. Такого правила держаться въ Германіи, гдѣ отказъ по встрѣтившимся сомнѣніямъ обсуживается судебными мѣстами, даже прямо по докладу слѣдователя. Дальнѣйшія отношенія между обвинителемъ и судьей опредѣляются тѣмъ общимъ началомъ, что судья дѣйствуетъ свободно, по своему усмотрѣнію, а государственный адвокатъ только помогаетъ при слѣдствіи. По этому у обвинителя не отнимается право обращать вниманіе на отдѣльныя, необходимыя по его соображеніямъ мѣры, но ему запрещается требовать принятія ихъ. Онъ не можетъ даже настаивать на допросѣ представляемыхъ свидѣтелей, хотя такое ограниченіе противорѣчить правилу, наблюдаемому при главномъ производствѣ, и ослабляетъ его силу, мѣшая пользоваться возможными средствами доказательства. Присутствіе адвоката при судебномъ слѣдствіи не всегда необходимо, ему запрещается ясно законами находиться при допросѣ подсудимаго и свидѣтелей изъ опасенія вреднаго вліянія, но его допускаютъ къ участию въ личномъ осмотрѣ и обыскахъ, о чемъ заблаговременно извѣщаютъ. Но какъ адвокату нужно знать подробно ходъ слѣдствія, то онъ вправѣ требовать для просмотра письменные акты, и его предваряютъ обо всѣхъ важныхъ дѣйствіяхъ, именно освобожденіи отъ ареста и докладахъ суду по возникающимъ сомнѣніямъ. Государственный адвокатъ долженъ помогать судѣ сообщеніемъ своихъ замѣчаній и свѣдѣній, приобретаемыхъ урезъ полицію. Чтобы видѣть въ какой степени вѣрны такія указанія, судья употребляетъ всѣ законные способы доказательства и даже повторяетъ судебныя дѣйствія, предпринятія уже прежде: дѣлаетъ вновь личный осмотръ, допрашиваетъ снова свидѣтелей. слѣдователю дается бѣльшій или меньшій просторъ, смотря потому, имѣетъ ли онъ власть привлекать къ слѣдствію только поименованныхъ обвинителемъ лицъ или же и другихъ, но во всякомъ случаѣ его розысканія касаются исключительно преступленія, выставляемаго обвинителемъ и не распространяются на другіе роды правонарушеній. слѣдствіе продолжается до-тѣхъ-поръ, пока не обнаружатся достаточныя

причины къ обвиненію, иначе оно прекращается, бѣльшею частію по заключенію судебного мѣста и донесенію слѣдователя. Только въ немногихъ нѣмецкихъ государствахъ (напримѣръ: Австрія, Баварія, Виртембергѣ, Баденѣ) судъ по прежнему начинаетъ самостоятельно уголовныя слѣдствія и адвокату предоставленъ одинъ надзоръ съ правомъ предлагать мнѣніе и дѣлать заключенія.

Производство предварительнаго судебного слѣдствія во Франціи, кромѣ разбора чисто полицейскихъ проступковъ, принадлежитъ къ вѣдомству окружнаго суда, который слушаетъ первую инстанцію въ гражданскомъ процессѣ и рѣшаетъ уголовныя дѣла, не подлежащія ассизамъ. Одинъ изъ его членовъ исполняетъ постоянно (въ продолженіе трехъ лѣтъ) обязанность слѣдственнаго судьи. Назначеніе для этой должности особаго чиновника выгодно потому, что слѣдователь долженъ имѣть навыкъ и качества, встрѣчающіяся не у всякаго, и кромѣ того не развлекается посторонними занятіями. Судъ въ его коллегіальномъ составѣ, когда образуется т. н. *chambre de conseil*, также много участвуетъ въ слѣдствіи. Къ его авторитету прибѣгаютъ прокуроръ и *juge d'instruction* при случающихся разногласіяхъ, онъ повѣряетъ всѣ дѣйствія слѣдователя и судитъ о результатѣ заключеннаго изслѣдованія, останавливаетъ его, ежели не видитъ нарушенія закона или достаточныхъ основаній къ подозрѣнію, даетъ слѣдствію иное направленіе, не обращая однако его на преступленіе, не указываемое обвинителемъ, объявляетъ производство не полнымъ, наконецъ при уважительныхъ подозрѣніяхъ противъ подсудимаго рѣшаетъ о представленіи дѣла обвинительной камерѣ. Въ Германіи, тамъ, гдѣ низшіе суды устроены коллегіально, тоже опредѣляется обыкновенно изъ членовъ на болѣе или менѣе продолжительное время отдѣльный слѣдователь и есть отдѣленіе, соотвѣтствующее *chambre de conseil* (*Rathskammer*), которое постановляетъ заключеніе обо всѣхъ значительнѣйшихъ дѣйствіяхъ, входящихъ въ составъ слѣдствія, и въ томъ числѣ о взятіи подъ стражу и освобожденіи отъ ареста. Впрочемъ совѣщательнымъ камерамъ, по поводу мнѣнія, что онѣ замедляютъ много ходъ процесса, дается иногда менѣе правъ. Такое стѣсненіе, при-

нося нѣкоторую пользу въ одномъ отношеніи, вредитъ въ другомъ. Конечно, ежели каждое слѣдствіе разсматривается еще окончательно въ высшей инстанціи, двойная повѣрка мѣшаетъ скорости производства; но нѣтъ сомнѣнія, что она во многихъ случаяхъ доставляетъ большую выгоду, предотвращая безосновательные розыскн.

Объемъ власти, принадлежащей суду, и мѣра защиты подсудимаго опредѣляются различно. Что касается до права судьи пользоваться доказательствами, коренное свойство процесса отражается видимо въ способѣ, какимъ подсудимый вызывается на объясненіе. Тогда какъ въ судопроизводствѣ обвинительномъ доказательство падаетъ на обвинителя и подсудимый бываетъ свободенъ отъ обязанности помогать своему будущему противнику въ собраніи доводовъ, въ судопроизводствѣ слѣдственномъ отъ подсудимаго, какъ и отъ всякаго другаго, требуется, чтобы содѣйствовалъ суду въ розысканіи истины, показывалъ правду и даже признавался въ винѣ. По этому ему дѣлаютъ допросъ въ строгомъ смыслѣ слова, которому предшествуютъ увѣщанія. Каждый подозрѣваемый въ преступленіи спрашивается и въ судѣ, гдѣ нѣтъ ничего инквизиціоннаго, но единственно для того, чтобы дать ему случай пояснить возможные недоразумѣнія и положить основанія защиты; въ его волѣ пользоваться или не пользоваться правомъ быть выслушану. Этой цѣли не опускаетъ изъ виду и слѣдственный процессъ, но смотритъ вмѣстѣ на допросъ, какъ на средство получить признаніе. Обязанность говорить правду смягчается однако тѣмъ, что новѣйшими законами запрещаются угрозы и обѣщанія для вынужденія признанія, и въ случаѣ отказа отвѣчать, подсудимому только замѣчается, что онъ молчаніемъ замедляетъ слѣдствіе; его не подвергаютъ уже и наказанію за ложныя показанія. Подобной обязанности даже не признаютъ вовсе нѣкоторые уложенія, напримѣръ, брауншвейгское, и высказываютъ правило, по которому слѣдственный судья при первомъ допросѣ долженъ объявлять подсудимому напередъ о томъ, что онъ можетъ не говорить. Въ силу того же самаго требованія показывать правду, находящемуся подъ слѣдствіемъ дѣляется болѣе обширный допросъ, нежели какой нуженъ бы былъ для одной

защиты: его заставляют объясняться при всякомъ разногласіи и противорѣчіи съ показаніемъ другихъ, людей или съ дознанными иначе фактами, выводятъ на очныя ставки съ свидѣтелями и опять не для того только, чтобы узнать реѣ улики, дополнилъ или исправилъ свой рассказъ, а съ цѣлю добиться признанія. Хорошо еще, по крайней мѣрѣ, что слѣдователямъ запрещается прибѣгать во время допрашиванія къ разнаго рода уловкамъ, опаснымъ для людей, не отличающихся соображеніемъ. По отношенію къ доказательству свидѣтелями, въ похвалу нѣмецкихъ законовъ надобно сказать, что они стараются устранить стѣснительное положеніе, въ какое иногда поставляются допросомъ свидѣтели, не принуждая къ открытію тайнъ, соединенному съ матеріальнымъ вредомъ, и позволяя уклоняться отъ показаній, вредящихъ собственной чести или доброму мнѣнію людей, находящихся съ ними въ родственныхъ или другихъ близкихъ связяхъ. Но законы, пропитанные слѣдственнымъ началомъ, не строго разборчивы въ условіяхъ при разрѣшеніи личнаго осмотра въ видѣ домовыхъ обысковъ. Казалось бы, въ уваженіе неприкосновенности домашней жизни, суровую мѣру слѣдовало приберегать для тѣхъ крайнихъ случаевъ, когда при вѣроятности преступленія и слѣдовъ на извѣстномъ предметѣ, также достовѣрности нахожденія его у опредѣленнаго лица, послѣднее отказывается отъ добровольной выдачи; но ее отдаютъ на произволъ судьи, который вправѣ пересмотрѣть что ни есть въ домѣ, ежели надѣется прояснить обыскомъ дѣло и ежели противъ подсудимаго существуютъ другія улики или онъ имѣетъ дурную репутацію. Нѣсколько болѣе осторожности соблюдается при домовыхъ обыскахъ у людей постороннихъ и пересмотрѣ бумагъ. Въ видахъ охраненія общественныхъ интересовъ судѣ присвоивается власть ограничивать свободу подсудимаго, подвергать его при извѣстныхъ предположеніяхъ заключенію во время слѣдствія. Такая власть тяготитъ, впрочемъ, надъ нимъ не вездѣ одинаково. Въ этомъ отношеніи суровѣ постановленія французскаго и германскаго законодательства: они предписываютъ всегда содержать подъ стражею обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ. Англійское право не опредѣляетъ вовсе случаевъ, когда долженъ

имѣть мѣсто арестъ, и судья руководствуется своими соображеніями. Либеральнѣе всѣхъ американскіе законы, позволяющіе всякому подсудимому оставаться на свободѣ, ежели даетъ ручательство въ томъ, что будетъ являться по приказанію суда. Защита подсудимаго ограждается достаточнымъ образомъ, только равенствомъ въ борьбѣ съ обвинителемъ. Приложение этого начала къ приготовительному изслѣдованію встрѣчаетъ затрудненія при отсутствіи прочной основы для процесса. Но оно возможно и здѣсь, по крайней мѣрѣ, съ извѣстнаго времени. Полной защиты нельзя искать въ судопроизводствѣ, довольствующемся однѣми обвинительными формами. Равенство требуетъ сообщенія подсудимому обвиненія и доказательствъ съ цѣлію доставить случай къ подробному объясненію. На такія сообщенія не слишкомъ щедры законодательства германскія. Они допускаютъ ихъ, какъ скоро оттого не происходитъ никакого вреда для слѣдствія. Такимъ образомъ, хотя подсудимый и знаетъ при допросѣ основанія къ подозрѣнію, но ихъ открываютъ не вдругъ, а постепенно, выжидая признанія, или, хотя ему и передаютъ причины арестованія, но въ общихъ чертахъ, такъ какъ просмотръ слѣдственныхъ актовъ зависитъ отъ воли судьи и подлинныя бумаги становятся вполне доступными только по окончаніи слѣдствія. За подсудимымъ утверждается право наставать на допросѣ, ежели онъ подвергнутъ заключенію и притомъ въ короткій срокъ, но затѣмъ дальнѣйшая возможность объясненія поставляется опять въ зависимость отъ усмотрѣнія судьи. Этотъ произволъ, впрочемъ, ограничивается нѣсколькими тѣмъ, что судья обязанъ выслушивать подсудимаго, какъ скоро не видитъ препятствій, по крайней мѣрѣ, при изслѣдованіи болѣе важныхъ преступленій. Подсудимымъ мѣшаютъ пользоваться и совѣтами опытнаго защитника оттого, что адвокаты устраняются или вовсе или до заключенія слѣдствія, а ежели и терпятся, то испытываютъ разныя стѣсненія. Въ одномъ Брауншвейгѣ защитникъ, назначаемый иногда даже самимъ судомъ, во всякое время можетъ являться на допросѣ съ своимъ кліентомъ, сообщаться съ нимъ свободно и прочитывать подлинныя акты безъ затрудненія. Находящійся подъ слѣдствіемъ не обезпечивается хорошо и противъ зло-

употребленій чиновниковъ произвольнымъ лишеніемъ свободы. Ему мало помогаютъ и формальности, опредѣляемыя французскими законами, ибо неисполненіе правилъ не ведетъ за собою ни недѣйствительности распоряженій, ни наказанія, и чиновники избавляются отъ отвѣтственности тѣмъ, что не предаются суду безъ особеннаго распоряженія правительства. Нигдѣ въ этомъ отношеніи нѣтъ такой защиты, какъ въ Англіи и американскихъ штатахъ, гдѣ полицейскіе агенты, снабженные большимъ полномочіемъ, даютъ строгій отчетъ суду въ своихъ дѣйствіяхъ, подвергаются допросу подсудимаго и нарѣканію отъ судьи за всякое превышеніе власти, даже иску о вознагражденіи вреда. Всякому, кого арестовали безъ причины или кому неправильно отказано въ поручительствѣ открытъ путь жаловаться лично высшему суду.

Предварительное изслѣдованіе, какъ приготовленіе къ главному производству, ведется обыкновенно на письмѣ. Безъ письменныхъ актовъ не могутъ обойтись государственные адвокаты и инстанціи, повѣряющія судью, акты необходимы и для обозначенія результата такихъ судебныхъ дѣйствій, которыя не повторяются уже послѣ — личнаго осмотра, обысковъ и проч. Но публичное изслѣдованіе, не включая однако же сюда полицейскаго розыска, идетъ только въ поименованныхъ выше странахъ. Такую гласность находятъ вредною въ другихъ мѣстахъ: она, говорятъ, препятствуетъ открытію доказательствъ и прямоѣ показаній подсудимаго и свидѣтелей, также бываетъ чувствительною для невинныхъ, часто подозрѣваемыхъ вначалѣ. По отзывамъ практиковъ, знакомыхъ съ публичностію по службѣ, послѣдняя напротивъ имѣетъ много выгодъ: часто содѣйствуетъ открытію доказательствъ, предохраняетъ отъ односторонности и пристрастія изслѣдующаго, поселяетъ въ гражданахъ вѣру въ правдивый судъ и даетъ подсудимому заблаговременно сильную защиту.

Сужденіе о томъ, можно ли, смотря по слѣ обнаруженныхъ доказательствъ, подвергнуть подсудимаго формальному процессу, дѣлается различно. Оно принадлежитъ во-первыхъ самому государственному адвокату, такъ что онъ безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія предъявляетъ уголовному

суду непосредственно обвинение въ преступленияхъ *), или съ цѣлю собранія матеріала производитъ самъ слѣдствіе кромѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, и затѣмъ по своему соображенію приступаетъ къ иску **). Власть, какою облачается адвокатъ въ этомъ случаѣ заставляетъ опасаться злоупотребленія и угрожаетъ равенству между обвиненіемъ и защитой, и ежели она внушаетъ къ себѣ иногда довѣріе, то причиною тому бываютъ особенныя мѣстныя условія, встрѣчающіяся не вездѣ ***). По англійскому судебному устройству объ открытіи настоящаго процесса рѣшаетъ мѣрный или полицейскій судья, поколику объявляетъ подсудимаго въ такой степени подозрительнымъ, что его можно представить въ уголовный судъ. Между англичанами все болѣе и болѣе распространяется мысль о совершенной удовлетворительности такой повѣрки, хотя похвала и относится къ однимъ полицейскимъ судьямъ, какъ людямъ вполне достойнымъ, а не къ другимъ. За англійскаго полицейскаго судью ручаются и его исключительное положеніе при изслѣдованіи и публичность. Но въ Англии съ намѣреніемъ противодействовать легкомысленнымъ обвиненіямъ принять еще другой способъ повѣрки, перешедшій и въ Американскіе Штаты, — это большой судъ присяжныхъ, занимающійся единственно пересмотромъ обвиненія (grand jury). Судъ собирается разъ въ каждую четверть года и составляется изъ двадцати четырехъ гражданъ, которые получаютъ обвинительный актъ, выслушиваютъ въ тайномъ засѣданіи обвинителя и приводимыхъ имъ свидѣтелей и потомъ рѣшаютъ, можетъ ли быть допущено обвиненіе или нѣтъ. Grand jury въ дѣйствительности, по замѣчаніямъ англичанъ, далеко не то, что въ идеѣ; они отправляютъ свою должность поспѣшно, судятъ односторонно оттого, что не видятъ подсудимаго, вводятся не рѣдко въ обманъ свидѣтелями, пропускаютъ неосновательныя обвиненія, ведущія къ бесполезному производству и тѣмъ самымъ не

*) Напримѣръ во Франціи, при менѣ важныхъ преступленияхъ (delits) и въ Англии при information.

***) Напримѣръ въ Шотландіи.

***) Mittermaier. Die Gesetzgebung und Rechtsübung etc., S. 385.

доставляютъ ни защиты подсудимымъ, ни выгоды гражданскому обществу. Недовольство не надобно, однакоже, понимать такъ, какъ будто англичане хотятъ отмѣны института; они желаютъ только его исправленій, какія и сдѣланы американцами. Даже противники присяжныхъ того мнѣнія, что въ нихъ нѣтъ нужды въ Лондонѣ при тамошнихъ полицейскихъ судахъ и съ тою оговоркою, что рѣчь идетъ не о преступленіяхъ государственныхъ. Въ 1791 году съ нѣкоторыми измѣненіями Grand jury переняты были и Францію; ихъ предполагалось удержать и при составленіи дѣйствующаго теперь уголовного уложенія, но многочисленные противники присяжныхъ вообще добились, что изъ уложенія исключены, по крайней мѣрѣ, присяжные обвиняющіе. Съ того времени повѣрка обвиненія поручена суду, — сначала окружному, а затѣмъ обвинительной камерѣ, — отдѣленію апелляціоннаго суда съ рѣшительнымъ намѣреніемъ дать публичному обвинителю возможность дѣйствовать съ полною энергіею и создать сильную, зависящую отъ правительства власть. Обвинительная камера смотритъ за соблюденіемъ законныхъ формъ при слѣдствіи, разбираетъ, запрещено ли дѣйствіе, составляющее предметъ обвиненія, уголовными законами и какими именно, нѣтъ ли оснований, уничтожающихъ вину, распоряжается дополненіемъ слѣдствія, и наконецъ постановляетъ заключеніе о томъ, важны ли собранныя доказательства до такой степени, что подсудимаго можно поставить въ состояніе обвиненія. По роду занятій камера не соответствуетъ точно jury: она привязана къ фактамъ слѣдствія, но за то въ правѣ предписывать дослѣдованія, разсуждать о вѣрности, также усвоивать себѣ другую точку зрѣнія, нежели съ какой смотритъ обвинитель, — чего не дѣлаютъ присяжные. И камера не благопріятствуетъ подсудимому, ибо судить по докладу прокурора, который тѣ-жъ самая имѣетъ вліянія на исходъ повѣрки. Французская система принята и въ Германіи, съ тою разностію, что въ однихъ мѣстахъ обвиненіе пересматривается дважды, — окружнымъ судомъ и обвинительною камерою, а въ другихъ однимъ судомъ — высшимъ, или, по привычкѣ къ прежнему судебному устройству и ради сбереженія издержекъ — низ-

шимъ. Но нѣмецкіе законы исправляютъ недостатокъ французскаго учрежденія тѣмъ, что возлагаютъ составленіе доклада по слѣдственнымъ актамъ на одного изъ судей, оставляя однакоже за государственнымъ адвокатомъ право присутствовать въ засѣданіи, для словесныхъ объясненій, да участвовать въ сужденіи, но безъ голоса. Подсудимымъ не возбраняется оправдываться и въ продолженіе повѣрки слѣдствія. Они могутъ входить въ камеры съ записками, хотя и не повсюду и не съ большою увѣренностію въ успѣхѣ по затруднительному доступу къ подлиннымъ актамъ. Взамѣнъ мемуаровъ, гдѣ они не въ употребленіи, введенъ, такъ называемый, заключительный допросъ (Schlussverhör), въ которомъ судья, выставя все обнаруженное слѣдствіемъ, требуетъ отъ подсудимаго объясненія и указанія на доказательства его невинности, — допросъ, не много подвигающій впередъ защиту. Въ заключеніи камеры, ежели утверждается обвиненіе, опредѣляется точно преступленіе, съ отчетливымъ обозначеніемъ его юридическаго свойства, постепенностей, рода участія, обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ наказательность. И подсудимому и государственному адвокату принадлежитъ въ томъ или другомъ разиѣрѣ право жаловаться на заключеніе. Приговоръ объ освобожденіи подсудимаго отъ дальнѣйшаго суда, имѣетъ ограниченную силу, — не спасаетъ отъ вторичнаго преслѣдованія, какъ скоро открываются противъ него новыя доказательства. Обвиненіе, высказанное въ приговорѣ, должно служить основаніемъ для послѣдующаго производства. Это правило очень важно по отношенію къ вопросу: можетъ ли судъ при своемъ рѣшеніи брать во вниманіе другія, доголъ неизвѣстныя и въ-особенности усиливающія виновность обстоятельства. Англійская судебная практика противится распространять такъ обвиненіе, и справедливо, потому что иначе нарушались бы права защиты. Не такъ бываетъ въ практикѣ нѣмецкой. Вслѣдъ за постановленіемъ камеры — французскій прокуроръ составляетъ письменный обвинительный актъ. Въ этомъ актѣ должно было бы заключаться повтореніе или простое описаніе того, что содержится въ постановленіи камеры, которое и по понятіямъ французскихъ юристовъ служить

основою процесса. Но такіе рамы кажутся узкими прокурорамъ; они очень не скуны на слова и не сдерживаютъ себя въ нападеніяхъ, придаютъ актамъ предварительнаго слѣдствія вѣсь, какого у нихъ нѣтъ, выдаютъ за непреложную правду помѣщенныя тамъ безъ достаточныхъ доводовъ факты, или, отдаляясь отъ взгляда камеры, понимаютъ факты по своему и представляютъ въ томъ видѣ, какой согласуется съ ихъ цѣлю, произвольно толкуютъ жизнь и поведеніе подсудимыхъ и своими натяжками часто дѣлаютъ ему большой вредъ, предубѣждая противъ него публику и мѣшая безпристрастію судей. Составленіе обвинительнаго акта признается необходимымъ и въ Германіи, по крайней мѣрѣ, при уголовныхъ процессахъ, наиболѣе важныхъ. Тамъ, гдѣ обвиненіе повѣряется большимъ судомъ присяжныхъ, jury рѣшаютъ на основаніи уже заранѣе заготовленнаго обвинительнаго акта (indictment), и этому порядку отдають предпочтеніе по той причинѣ, что судъ долженъ знать, въ какомъ видѣ сдѣлано будетъ обвиненіе. Кромѣ того, актъ представляетъ не болѣе, какъ простое, ясное, опредѣленное, безъ всякихъ одностороннихъ сужденій изложеніе фактовъ, на которыхъ опирается обвиненіе, съ цѣлю показать подсудимому взводимое на него преступленіе, а присяжнымъ, произносящимъ приговоръ о виновности, то, на что имъ нужно обратить вниманіе.

Обвиненіемъ подсудимаго оканчивается предварительное изслѣдованіе. Но главному производству предшествуютъ еще нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія. Сюда относятся: 1) сообщеніе находящемуся подъ судомъ заключенія обвинительной камеры и обвинительнаго акта для доставленія возможности приготовиться къ защитѣ. 2) Допросъ подсудимому, дѣлаемый предсѣдателемъ суда присяжныхъ или другаго трибунала; цѣль его та, чтобы доставить случай предсѣдателю узнать подсудимаго и приготовиться къ засѣданію, а послѣднему объясниться еще лучше на счетъ обвиненія, указать на неправильности въ актахъ и поставить на видъ новыя доказательства. 3) Назначеніе защитника, ежели его не было дотогѣ; тогда какъ англійскіе законы не заботятся о посторонней судебной защитѣ подсудимаго, прочія законо-

дательства считаютъ ее необходимою принадлежностію суда въ важныхъ уголовныхъ случаяхъ, отдають, хотя и не вполне, на волю обвиняемаго выборъ адвоката, или ежели тотъ не избираетъ, поручаютъ назначеніе предсѣдателю. Вместе съ опредѣленіемъ, адвокатъ получаетъ и право пользоваться средствами, безъ которыхъ нельзя приступить къ дѣлу, напримѣръ, просматривать всѣ акты, говорить свободно съ своимъ кліентомъ. 4) До начала формальнаго процесса подсудимому сообщаются заблаговременно копии со всѣхъ существенныхъ актовъ, списокъ присяжныхъ и судей для того, не пожелаетъ ли онъ послѣ отвести кого-нибудь изъ нихъ по подозрѣнію, также списокъ предложенныхъ обвинителемъ свидѣтелей. Подобнымъ же образомъ и подсудимый дѣлаетъ указанія на лица, которыя должны быть спрошены въ его пользу. По мѣрѣ того, на сколько законодательства отдаляются отъ обвинительнаго начала, они оставляютъ за судомъ большее или меньшее право въ выборѣ свидѣтелей.

А. ПАДЬКОМБЕЦКІЙ.

ГАФИЗЪ.

Дѣвой — слово назовемъ,

Новобрачнымъ — духъ:

Съ этимъ бракомъ тотъ знакомъ,
Кто Гафизу другъ.

г г г.

Представляя на судъ истинныхъ любителей поэзи небольшой букетъ, связанный въ моемъ переводѣ изъ стихотворныхъ цвѣтовъ персидскаго поэта, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, могущихъ споспѣшествовать вѣрному воззрѣнію на предполагаемыя пьесы. Не зная персидскаго языка, я пользовался нѣмецкимъ переводомъ, составившимъ переводчику почетное имя въ Германіи; а это достаточное ручательство въ вѣрности оригиналу. Нѣмецкій переводчикъ, какъ и слѣдуетъ переводчику, скорѣе оперсичить свой родной языкъ, чѣмъ отступить отъ подлинника. Съ своей стороны и я старался до послѣдней крайности держаться не только смысла и числа стиховъ, но и причудливыхъ формъ газелей, въ отношеніи къ размѣрамъ и приемамъ, часто двойнымъ въ соответствующихъ строкахъ.

Даже поверхностное знакомство съ нашимъ поэтомъ служитъ отраднымъ подтвержденіемъ двухъ несомнѣнныхъ истинъ: во-первыхъ, что духъ человѣческій давно уже достигъ той зѣирной высоты, которой мы удивляемся въ поэтахъ и мыслителяхъ нашего Запада; во-вторыхъ, что цвѣты истинной поэзи неувядаемы, независимо отъ эпохи и почвы ихъ производившей. Напротивъ того, если они дѣйствительно живые цвѣты, — экзотическое ихъ происхожденіе сообщаетъ имъ особенную прелесть въ глазахъ любителей.

Новымъ подтвержденіемъ тому, что Азія страна чудесъ и вопіющихъ противоположностей, является странная судьба нли, лучше сказать, странное духовное развитіе нашего поэта.

Магометъ-Шемзединъ, *солнце вѣры* *), по прозванію Гафизъ, блюститель корана, такъ какъ онъ съ начала до конца зналъ наизусть эту священную книгу, — родился въ Ширазѣ и жилъ въ немъ съ перваго до послѣдняго десятилѣтія XIV вѣка нашей эры. Онъ принадлежалъ къ сектѣ дервишей и софи или созерцательныхъ мудрецовъ и мистиковъ, предавался богословскимъ и философскимъ трудамъ, сочинялъ въ аскетическомъ вдохновеніи возвышеннѣйшіе гимны, въ которыхъ попиралъ во прахъ все плотское, за что и получилъ прозваніе: *мистическій языкъ*. Онъ былъ великимъ, славнымъ учителемъ своего времени, окруженнымъ толпою учениковъ, и въ качествѣ наставника состоялъ въ такой милости при дворѣ, что великій визирь Хаджи-Ковамединъ-Магометъ-Али выстроилъ для него отдѣльную школу. И вдругъ, подъ старость лѣтъ, этотъ мистикъ и мудрецъ добровольно отказывается отъ всѣхъ плодовъ своихъ долговременныхъ усилій и бойкая пѣсня старца расцвѣтаетъ тѣми яркими красками жизни, тѣмъ ароматомъ неподдѣльной свѣжести, какими украшены пѣсни юности только немногихъ избранныхъ; а между тѣмъ все, что пережилъ, извѣдалъ и перемыслилъ старецъ, звучитъ въ его лирѣ, перестроенной на новый ладъ.

Этотъ нравственный переворотъ возбудилъ негодованіе въ прежнихъ приверженцахъ поэта; тѣмъ не менѣе у него нашлись благородные и просвѣщенные друзья. Окруженный ихъ любовью и уваженіемъ, Гафизъ скончался въ глубокой старости въ 1389 году. Прахъ его покоится въ Моселѣ — одномъ изъ прелестныхъ предмѣстій Шираза и понынѣ привлекаетъ почитателей поэта.

Переведенныя мною пѣсни относятся ко второй эпохѣ его дѣятельности, и я желалъ бы, чтобы читатель испыталъ хотя часть того наслажденія, которое выпало на долю моему труду.

*) Странно напоминать, что все это происходитъ на магометанскомъ Востокѣ.

I.

Звѣзда полуночи дугой золотою скатилась ;
На лоно земное съ его суетою скатилась.

Цвѣты тамъ она увидала и травы долины,
И радостной ихъ и живой пестротою плѣнилась.

Она услышала звонки говорливые стада,
И мелкихъ, серебряныхъ звуковъ игрою плѣнилась.

Коня увидала она, проскакавшего въ полѣ,
И лошади статной летучей красою плѣнилась.

И мирнымъ кромами хижинъ она и деревьевъ,
И даже убогой гнилушкой лѣсною плѣнилась.

И все полюбя, ужъ на небо она не просилась —
И рада была, что ночью порою скатилась.

II.

О! если бы озеромъ былъ я ночнымъ,
А ты луною, по немъ плывущей!

О! если бѣ потокомъ я былъ луговымъ,
А ты былинкой, надъ нимъ растущей!

О! если бы розовымъ былъ я кустомъ,
А ты бы розой, на немъ цвѣтущей!

О! если бы сладостнымъ былъ я зерномъ,
А ты бы птичкой его клюющей!

III.

Мы Шемзеддинъ, со чадами своими,
Мы шейхъ Гафизъ и всѣ его монахи —
Особенный и странный мы народъ.
Удручены и вѣчныхъ жалобъ полны,

Безъ устали яро свое влача,
 Роняя перлы изъ очей горячихъ —
 Мы веселы и ясны какъ свѣча.
 Подобно ей мы таемъ, исчезаемъ,
 И какъ она, улыбкой счастья свѣтнимъ.
 Пронизаны кинжалами рѣсницъ
 Жестокихъ, вѣчно требующихъ крови,
 Мы только въ этихъ мукахъ и живемъ.
 Въ грѣховномъ морѣ вѣчно утопая,
 Съ раскаяньемъ нисколько не знакомы,
 А между тѣмъ свободные отъ злаго,
 Мы вѣчно дѣти свѣта, а не тьмы —
 И тѣмъ толпѣ вполне непостижимы.
 Она людей трехъ видовъ только знаетъ:
 Ханжу во-первыхъ, варвара тупаго,
 Фанатика, съ его душою мрачной;
 А во-вторыхъ развратника безъ сердца,
 Ничтожнаго, сухаго эгоиста —
 И наконецъ, обычной колеей
 Бредущаго; но для людей какъ мы
 Ей не найти понятя и названья.

IV.

Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ,
 Затоскую, загрущу одинъ,

Если плоть и кости у меня
 Станутъ ныть и чахнуть, безъ кручинъ,

Не давай мнѣ горькихъ пить лѣкарствъ:
 Не терплю я этихъ чертовщинъ.

Принеси ты чашу мнѣ вина,
 Съ нею лютю, флейту, тамбуринъ.

Если это не поможетъ мнѣ,
 Принеси мнѣ сладкихъ усть рубинъ.

Если жъ я и тутъ не исцѣлюсь,
 Говори, что умеръ Шемзеддинъ.

V.

Я былъ пустынною страной;
 Огонь мистическій спалилъ
 Моей души погнбшій доль;
 Песокъ пустыни огневой,
 Я тамъ взвивался и пылилъ,
 И, вѣтромъ уносимый,
 Я въ небеса ушелъ.
 Хвала Творцу! во мнѣ Онъ
 Унялъ убійственный огонь...
 Онъ дождикъ мнѣ послалъ сырой —
 И кротко охлажденный,
 Я прежній отыскалъ покой;
 Богъ далъ мнѣ быть веселой,
 Цвѣтущею землей.

VI.

О! какъ подобенъ я — смотри!
 Свѣчѣ, мерцающей въ потьмахъ;
 Но ты, въ сіяющихъ лучахъ,
 Восходъ зари.
 Лишь ты сіяй, лишь ты гори,
 Хотя по первому лучу
 Твой яркій свѣтъ зальетъ свѣчу,
 Но умолять тебя хочу:
 Лишь ты гори,
 Чтобъ я угасъ въ твоихъ лучахъ.

VII.

Дано тебѣ и мнѣ
 Созвѣздіемъ любовнымъ
 Украсить небеса:
 Ты въ нихъ луною пышной,
 Красавицей надменной,
 А плачущей Плеядой
 При ней мои глаза.

VIII.

Десять языковъ лгѣи
Жаждутъ пѣсни соловья,
И съ нѣмѣющихъ выходитъ
Ароматная струя.

IX.

Вѣтеръ нѣжный, окрыленный,
Благовѣстникъ красоты,
Отнеси привѣтъ мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Разскажи ей, что со свѣта
Унесутъ меня мечты,
Если мнѣ отъ ней не будетъ
Тѣхъ наградъ, что знаешь ты.

Потому, что подъ запретомъ
Видѣть райскіе цвѣты
Тяжело — и сердце гложетъ
Та печаль, что знаешь ты.

И на что цвѣты Эдема,
Если въ душу пролиты
Ароматы той долины,
Тѣхъ цвѣтовъ, что знаешь ты.

Не орломъ я быть желаю
И парить на высоты;
Соловей Гафизъ ту розу
Будетъ пѣть, что знаешь ты.

X.

Падеть ли взоръ твой гордый
На голову, во прахъ
Трактирнаго порога,
Не тронь ея, — молю я!
То голова Гафиза,
Что надъ собою невластенъ...

Не наноси ты словомъ
 Ему — или зазорнымъ
 Наспиемъ — обидъ.
 Незнающее мѣры,
 Все существо въ немъ, — словно
 Лишь изъ трактирной пыли
 Всемилосердый создалъ —
 Онъ знаетъ, что творить.
 Обдумай только это —
 И кроткимъ снисхожденьемъ
 Твою исполнить душу
 Тогда бѣдняги, старца,
 Упавшаго постыдно,
 Неблагодарный видъ.

XI.

Книгу мудрую берешь ты —
 Свой бокалъ беретъ Гафизъ ;
 Къ совершенству все идешь ты —
 Къ безднѣ золъ идетъ Гафизъ.

Въ рабствѣ тягостномъ живешь ты,
 Терпѣливою овцей —
 Какъ пустынный левъ въ неволѣ,
 Всѣ оковы рветъ Гафизъ.

Съ тайной гордостью ведешь ты
 Списокъ мнимо добрыхъ дѣлъ —
 Новый грѣхъ ежеминутно
 На себя кладетъ Гафизъ.

Многихъ избранныхъ блюдешь ты
 Поученіемъ своимъ —
 Къ безразсудствамъ безразсудныхъ,
 Веселясь, зоветъ Гафизъ.

Мечъ убійственный куешь ты,
 Покарать еретиковъ —
 Свѣтлый стихъ свой, драгоценный,
 Золотой, — куешь Гафизъ.

Къ небу ясному встаешь ты,
 Дымою тяжкимъ и густымъ —
 Горной рѣчки блескъ и свѣжесть
 Въ глубь долины несетъ Гафизъ.

Все скажу однимъ я словомъ :
 Вѣчно бѣдный человекъ,
 Горечь каждому даешь ты,
 Сладость всѣмъ даетъ Гафизъ.

XII.

Ты въ мозгу моемъ убогомъ
 Не ищи совѣтовъ умныхъ,
 Только лютней онъ веселыхъ,
 Только флейтъ онъ полонъ шумныхъ.

XIII.

Пусть, на сколько хватитъ силъ,
 Чернь тебя клянетъ!
 Пусть злоты на тебя
 Выступятъ въ походъ!

Ты не бойся ихъ, Гафизъ ;
 Вѣчно милосердъ,
 Самъ Аллахъ, противу нихъ,
 Твердый твой оплотъ,

Зельзебилами *) твою
 Жажду утолить,
 Сварить солнце для тебя
 Райскихъ этихъ водъ.

Чтобы горести твои
 Усладить вполне,
 Онъ безкрылаго, неразъ,
 Ангела пришлетъ.

*) Зельзебила — райскій источникъ.

Мало этого ; Онъ самъ
 Въ благости своей
 Поэтический вѣнецъ
 На тебя кладеть.

И не Греція одна,
 Даже и Китай —
 Пѣсни вѣчныя твои
 Съ завистью поеть.

Будуть нѣкогда толпой
 Гробъ твой навѣщать ;
 Всякій уница тебя
 Съ честью помянетъ.

И когда урешь ты, — твой
 Присвѣтленный ликъ
 Солнце, блескомъ окружа,
 Въ небо понесеть.

XIV.

Въ царство розы и вина приди,
 Въ эту рошу, въ царство сна — приди.

Утиши ты пѣснь тоски моей,
 Камнямъ эта пѣснь слышна — приди.

Кротко слезъ моихъ уйми ручей ;
 Ими грудь моя полна — приди.

Дай испить мнѣ, здѣсь, во мгла вѣтвей,
 Кубокъ счастья до дна — приди.

Чтобъ любовь до тла моихъ костей
 Не сожгла, — она сильна, — приди.

Но дождись, чтобъ вечеръ сталъ темнѣй ;
 Но тихонько и одна — приди.

XV.

XVI.

Веселись — о, сердце-птичка!
 Пой, довольное судьбиной,*
 Что тебя плѣвила роза,
 Воцарившись надъ долиной.

Ужъ теперь тебѣ не биться
 Въ грубой сѣти птицелова,
 И тебя не тронуть когти,
 Не укусить зубъ змѣиной.

Правда, что занозы розы
 Глубоко въ тебя вонзились,
 И истечь горячей кровью
 Ты должна передъ кончиной.

Но за то твоей кончинѣ
 Нѣтъ подобной ни единой: —
 Ты умрешь прекрасной смертью,
 Благородной, соловьиной.

XVII.

Предавъ себя судьбамъ на произволъ,
 Моя душа жила голубкой мирной;
 Но твой — о солнце! пламень къ ней дошелъ, —
 Испепелилъ ее твой огонь всемирной.

И вотъ, смотри, что пепель произвелъ:
 Свободныхъ крылъ гордая стезей обширной,
 Божественнаго генія орелъ
 Дышать взлетаетъ радостью эфирной.

XVIII.

Грозныя тѣни ночей,
 Ужасы волнъ и смерчей —
 Кто на покойной землѣ,
 Даже при полномъ желаньи,
 Васъ понимать въ состояньи?

Тотъ лишь одинъ васъ пойметъ,
Кто, подъ дыханіемъ бурь,
Въ неизмѣримомъ плыветъ
Отъ береговъ разстоянн.

XIX.

Ахъ, какъ сладко, сладко дышетъ
Ароматъ твоихъ кудрей!
Но еще дышалъ бы слаще
Ароматъ души твоей.

XX.

Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи,
При звѣздахъ прійди на лугъ — не откажи.

И въ бальзамѣ, кроткій врачъ души моей,
Чтобъ унять мой злой недугъ, — не откажи.

Въ леденцахъ румяныхъ устѣ, чтобы мой взоръ
За слезами не потухъ, — не откажи.

Въ пищѣ тѣмъ устамъ, что юности твоей
Воспѣваютъ гимны вслухъ, — не откажи.

Въ персяхъ, нѣжныхъ какъ лилѣйные цвѣты,
Въ этихъ округленныхъ двухъ, — не откажи.

И во всемъ, на что завистливо въ ночи
Смотритъ неба звѣздный кругъ, — не откажи.

Въ томъ, чему отдавшись разъ, хотя на мигъ,
Вѣки счастья помнить духъ, — не откажи.

Въ томъ, что властно укротить еще одно
Предъ могилою испугъ — не откажи.

XXI.

Ежели осень наноситъ
Злые морозы — не сѣтуй ты.
Снова надъ міромъ проснутся
Вешнія грозы — не сѣтуй ты.

Ежели мертвою листвою
 Всюду твой взоръ оскорбляется,
 Знай, что изъ смерти живыя
 Выглянуть розы, — не сѣлуй ты.

Если тернистой пустыней
 Путь твой до Кабы *) потянется,
 Ни на колючій кустарникъ,
 Ни на занозы не сѣлуй ты.

Если Юсуфъ **) одинокій
 Плачетъ, отторженъ отъ родины,
 Знай, что заблещутъ звѣздами
 Жаркія слезы, — не сѣлуй ты.

Все переходчиво въ міръ,
 Жребій и твой перемѣнится;
 Только не бойся судьбины
 Злобной угрозы, — не сѣлуй ты.

XXII.

Гиацинтъ своихъ кудрей
 За колечкомъ вилъ колечко,
 Но шепнулъ ему эфиръ
 О твоихъ кудряхъ словечко.

XXIII.

Твой вѣчно, неизмѣнно,
 Пока дышать я буду;
 Усну ль я подъ землею —
 Взлечу къ твоей одеждѣ
 Я пылью гробовой.

XXIV.

.....

*) Каба или Кааба — мечеть съ гробомъ Магомета.

**) Юсуфъ — Иосифъ.

XXV.

О помыслахъ Гафиза
Лишь онъ одинъ, да Богъ на небѣ знаетъ.
Ему онъ только — сердце
Грѣховное и пылкое ввѣряетъ.

И не однимъ прощеньемъ
Всемигосердый благъ, — Онъ благъ молчаньемъ...
Ни ангеламъ, ни людямъ
Объ этомъ онъ словечка не роняетъ.

XXVI.

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Гафизъ! зачѣмъ мечтаешь,
«Что самъ творишь ты пѣснь свою?
«Съ предвѣчнаго начала
«На лиліяхъ и розахъ,
«Узоръ ея волшебный
«Стоитъ начертанный въ раю!»

А. ФЕТЪ.

КОЛЬБЕРЪ и СИСТЕМА ЕГО.

Вторая половина XVII вѣка была эпохой величайшаго переворота для Франціи. Старая, давнишняя борьба феодальнаго начала съ монархическимъ окончилась полной побѣдой въ пользу абсолютной власти. «L'état c'est moi» — Людовика XIV было послѣднимъ выраженіемъ личнаго произвола короля и окрѣпшей государственной централизаціи. На обломкахъ муниципальных правъ и индивидуальной жизни является политическое *единство*, повитое интригами Ришелье, загрязненное корыстолюбіемъ Мазарини и облитое кровью безчисленныхъ жертвъ, безмолвно погибшихъ въ Бастиліи. Послѣ Фронды, послѣдняго демократическаго движенія среднихъ вѣковъ, какъ будто по магическому жезлу, встаетъ королевскій авторитетъ, окруженный внѣшнимъ блескомъ силы, побѣдъ, талантовъ, монументальной роскоши и ароматомъ лести. Наука, поэзія, искусство и церковная проповѣдь — все преклоняется передъ кумиромъ новой власти, все ищетъ «ея милости и взгляда.» Олицетвореніемъ этой эпохи былъ человекъ, любившій деспотизмъ съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ. Воспитанный подъ руководствомъ хитраго кардинала, подъ вліяніемъ суевѣрной матери, въ кругу ханжей и придворныхъ лакеевъ, Людовикъ XIV соединяетъ въ себѣ самые рѣзкіе контрасты. Гордый передъ народомъ, надменный передъ иностранными властителями, но смиренный въ кругу друзей и старыхъ аббатовъ, вѣжливый на словахъ съ преданными ему женщинами, но грубый съ ними на дѣлѣ, храбрый внѣ опасно-

сти, но трусь передъ лицомъ ея, хитрый и откровенный, чивый на обѣщанія и неблагодарный, онъ семьдесятъ лѣтъ держитъ въ своей рукѣ судьбу народа. Характеръ его отпечатлѣвается на всемъ обществѣ. Въ этомъ обществѣ, потрясенномъ гражданскими смутами, съ убитой политической совѣстью, верховнымъ закономъ становится безусловная покорность одной волѣ. Въ немъ бродятъ разнообразныя элементы: молодая отвага Донъ-Жуана съ рыцарствомъ Донъ-Кихота, шутство Скапэна съ лицемѣриемъ Тартюфа; ножъ убійцы, кубокъ яда, клевета и интрига идутъ рядомъ съ великодушiемъ и честью. Дворъ дѣлается центромъ жизни; изъ него, какъ изъ волшебнаго замка, рассылаются во всѣ концы Франціи полномочныя приказанія, награды безъ заслугъ, и казни безъ протеста. Отъ одного каприза больной головы или минутнаго раздраженія часто зависитъ участь многихъ семействъ и цѣлыхъ провинцій. Состоянія и люди возникаютъ съ баснословной быстротою или падаютъ отъ одного слова. Чувство законности и даже приличія, какъ будто, забыто. Съ постели грубаго и безобразнаго шута Ментенонъ переходитъ на постель самаго свѣтскаго короля, въ виду его жены и всего Парижа. Изъ нюртской тюрьмы и бѣднаго захолустья латинскаго квартала она является вторымъ лицомъ монархіи. Однимъ словомъ, въ вѣнцѣ Лудовика XIV странно переплетаются розы съ репейникомъ, брилліанты съ слезами угнѣтенной страны. «Онъ принялъ Францію больную, замѣтилъ Боливброкъ, а оставилъ — мертвую.»

Разсматривая этотъ періодъ съ точки политической силы, основанной на военной и административной системѣ, нельзя не удивляться счастливому соединенію обстоятельствъ. По видимому все растетъ и зрѣетъ съ быстротою весенняго восхода; одно колоссальное предпріятіе смѣняется другимъ, и если не всегда удается, то всегда безмѣрно превозносится. Межъ тѣмъ, какъ сухопутныя войска, предводимыя умными полководцами, изумляютъ Европу успѣхомъ побѣдъ, на моряхъ является огромный флотъ, которому завидуютъ Англія и Голландія; Средиземное море сливается съ океаномъ посредствомъ Лангедокскаго канала; отъ Версальскихъ садовъ до колоннады Лувра рѣвецъ скульптора, кисть живописца

импровизируютъ чудеса искусствъ; на сценѣ, послѣ пошлаго провинціального фарса, даются произведенія Мольера и Расина, самый языкъ, очищенный бесѣдой литературныхъ кружковъ и общественнымъ вкусомъ, принимаетъ новыя граціозныя формы. Роскошь доведенная до безстыднаго мотовства, обращается въ непремѣнное условіе свѣтской жизни. Въмѣсто одного маршала, король окружаетъ себя восемью и увеличиваетъ придворный штатъ до восточныхъ размѣровъ. На шеѣ Монтеспанъ тѣмъ ярче горять алмазы и перлы, чѣмъ тягостнѣй — общественные налоги. Кругомъ Парижа празднуются афинскіе вечера, за которыми нерѣдко обнажаются мечи, и голова врага покупается однимъ взглядомъ королевской любовницы, танцы возводятся въ науку; картежная игра заражаетъ всѣ классы; наследственные имѣнія и кучи лундоровъ ставятся на карту и, въ нѣсколько минутъ, переходятъ изъ рукъ въ руки ловкихъ спекуляторовъ. Мазарини бросаетъ въ одинъ вечеръ по пятисотъ тысячъ франковъ въ подарокъ своимъ гостямъ, а Фуке, наканунѣ паденія и ареста, даетъ королю обѣдъ, стоившій не менѣе ста двадцати тысячъ ливровъ, — въ загородномъ домѣ, на устройство и обстановку котораго онъ истратилъ болѣе девяти милліоновъ.

Но за этими богатыми декораціями открывается совершенно иная картина. «Въ душѣ народа, по мнѣнію Джемса, незамѣтно происходила реформа, ложная по принципу, и гибельная по результату. Въ его понятіяхъ смѣшались свободу съ безумнымъ своеволіемъ, увѣривъ, что она — врагъ всякаго законнаго авторитета.» (The Life and Times of Louis XIV. By James, т. II стр. 286.) Въ такой политической школѣ, подъ тѣнью трона, воспитывалась живая Франція, усталая отъ сокрушительныхъ войнъ, бѣдная и разоренная. Провинціи, одна за другой, теряли прежнія права и привилегіи. Долѣе всѣхъ боролись Бретань и Провансъ, но и онѣ, наконецъ, замолчали. Прекрасныя письма Севинье служатъ надгробной ихъ эпитафіей. Парламентъ, генеральные штаты и коммунальное управленіе, постепенно исчезая въ королевской власти, обратились въ бездушныя корпораціи, не имѣвшія ни уваженія въ общественномъ мнѣніи, ни гра-

жданскаго мужества. «Подавленные всемогущимъ вліяніемъ, дѣйствующіе по приказанію избираемыхъ или губернатора, принуждаемые насильно подавать голосъ за назначенныхъ впередъ кандидатовъ, выборы сдѣлались трудными и бесполезными. Ничего не можетъ быть отвратительнѣй въ этой пустой свободѣ, оставляемой деспотизмомъ, какъ справедливое сознаніе лицемернаго употребленія ея. Малодушіе овладѣло всѣми; не хотѣли больше подавать мнѣнія, не имѣвшаго смысла....» (Une province sous Louis XIV. Par A. Thomas, стр. 312.) Правда, по временамъ провинціи еще протестовали противъ королевскихъ эдиктовъ и стѣснительныхъ мѣръ, но эта оппозиція была больше эгоистической, чѣмъ народной, и находила, если не предателя, то отпоръ вооруженной силы. На мѣстѣ коммунальной администраціи повсюду были введены продажныя должности; цѣной золота покупались самыя святыя обязанности — суда и защиты невиннаго. Число чиновниковъ только по части юстиціи и финансовъ простиралось до 45,780; окладная цѣнность всѣхъ королевскихъ должностей равнялась 459,630,842 ливрамъ, правительство впрочемъ получало изъ этой суммы не болѣе 187,276,978 ливровъ; по одному этому можно судить; какое грабительство существовало въ управленіи. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Вслѣдствіе развитія бюрократіи и упадка чувства справедливости, всякое покушеніе отстоять мѣстныя права или выгоды считалось государственнымъ преступленіемъ, и поборники общественныхъ интересовъ стали называться на официалномъ языкѣ «канальей.» Произволъ правительственныхъ органовъ былъ безграничный; воровство — явное. Королю, окруженному гаремомъ любовницъ и множествомъ дѣтей нужны были деньги. «Подать, говоритъ Сисмонди, слѣдовала за податью; несостоятельный крестьянинъ подвергался военнымъ наказаніямъ; у него отнимали все земледѣльческое имущество, продавали его, и разоръ бѣдняка падалъ на его сосѣдей, которые были обязаны платить за него.... Каждый приходъ отвѣчалъ за своего неоплатнаго должника, и каждая провинція за свой приходъ.» (Histoire des Francais, par Sismondi,

т. 25 стр. 328.) И за всѣмъ тѣмъ, «финансовый кризисъ постоянно угрожалъ государству, которое уже давно, говоритъ Форбоне, существовало только кредитомъ, — безъ теплоты и жизни.» (*Recherches et Considérations sur les finances de France, par Forbonnais, т. 5, стр. 63.*) Въ 1715 году, послѣ двадцати лѣтъ почти непрерывныхъ войнъ, соединенныхъ со всевозможными бѣдствіями — голодомъ, наводненіями, падежомъ скота, неурожаями и убылью народонаселенія, общій заемъ Франціи доходилъ до двухъ миллиардовъ. (Forbonnais.) Само собой разумѣется, что вся эта тяга падала на самое полезное и дѣятельное сословіе — земледѣльцевъ. Они давали солдатъ и содержали войско. «Народъ, продолжаетъ Сисмонди, былъ еще бѣднѣе казны. Мануфактурная дѣятельность, вмѣстѣ съ изгнанными и замученными протестантами, остановилась; большая часть полей была заброшена; коммерція прекратилась... Не только избытокъ, но самое довольство исчезло... Для большей части французовъ жить — значило удовлетворять господъ. Въ этой суровой борьбѣ съ нищетой всякая національная гордость, всякая любовь къ независимости, всякое благородное чувство изсякли. Въ этихъ людяхъ, столько выстрадавшихъ, осталась одна ненависть къ настоящему порядку вещей и горячее желаніе переменъ его.» (Sismondi. *Histoire des Français, т. 27, стр. 220.*) До насъ дошли самыя достовѣрныя свидѣтельства о современномъ положеніи Франціи. Локкъ, жившій въ 1671 году на югѣ ея, записывалъ каждый вечеръ, что видѣлъ кругомъ себя въ деревняхъ и на фермахъ: при чтеніи его журнала самое холодное сердце не можетъ выносить этихъ страданій. Черезъ сорокъ лѣтъ, Вобанъ, представляя королю проектъ, говоритъ въ немъ откровенно, что «у народа остались одни глаза, чтобы плакать.....» «Изъ всѣхъ моихъ многолѣтнихъ изысканій, продолжаетъ онъ, я хорошо замѣтилъ, что въ послѣднее время почти десятая часть народа доведена до нищенства, и дѣйствительно нищенствуетъ. Изъ другихъ девяти частей — пять не могутъ подать милостыни первой, потому что сами, съ небольшимъ различіемъ, тѣ же нищие. Изъ остальныхъ четырехъ частей — три обременены и запутаны долгами и процессами; наконецъ въ послѣдней кате-

горя, къ которой я отношу всѣхъ людей жалованныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, все дворянское сословіе, всѣхъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, — нельзя насчитать на сто тысячъ семействъ и десяти тысячъ такихъ, которыя жили бы въ большомъ довольствѣ.» (*Projet d'une dîme royale, par Vauban.*) Подъ конецъ жизни Лудовика XIV, Франція, разочарованная въ военномъ энтузіазмѣ, истощенная въ производительныхъ силахъ, находилась въ состояніи опасно-беременной женщины. И дряхлый деспотъ, съ надорваннымъ сердцемъ, осужденъ былъ смотрѣть на страну, потерявшую всѣ завоеванія, укрѣпленныя мѣста, съ открытыми границами для внѣшнихъ враговъ, и съ глухимъ, но сильнымъ ропотомъ внутри. Смерть его была принята съ радостью, потому что только въ ней еще мерцала кой-какая надежда на спасеніе.

На сценѣ этого пышнаго и нищаго, веселаго и печальнаго царствованія личность Кольбера занимаетъ самое видное мѣсто. Съ его государственной дѣятельностью совпадаютъ лучшіе дни Лудовика XIV; его уму и необыкновенному усердію Франція обязана развитіемъ промышленности и морскихъ силъ. Многія изъ благородныхъ намѣреній его не осуществились, потому что превышали данныя средства или были разрушены его бездарными преемниками; многія ошибки были доведены до крайности, но общая идея его доселѣ лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ экономическомъ воспитаніи народовъ. Предметъ настоящей статьи не въ томъ, чтобъ обозрѣть всю дѣятельность Кольбера, а только оцѣнить его систему; для насъ важны не столько фактическія подробности, сколько внутренній смыслъ ея. Мы не оскорбимъ напраснымъ укоромъ славнаго имени, но и не простимъ ему недостатковъ.

Жанъ-Батистъ Кольберъ не былъ геній въ томъ значеніи, въ какомъ мы понимаемъ государственныхъ преобразователей. Его умственный темпераментъ не имѣлъ ничего

необыкновеннаго; онъ не отличался ни смѣлостью реформаціонныхъ идей, ни глубокимъ теоретическимъ взглядомъ, ни дальновидными соображеніями выше времени и обстоятельствъ. Ничего подобнаго не было въ характерѣ Кольбера; но это былъ замѣчательный умъ, въ высшей степени реальный, соединенный съ твердой волей и рѣдкимъ трудолюбіемъ. Дѣятельность этого ума могла быть плодотворной только на положительной почвѣ, не лишенной ни благопріятныхъ условий, ни практической цѣли. Работая по шестнадцати часовъ въ сутки, онъ изучалъ каждое дѣло до мельчайшихъ подробностей, и чѣмъ больше собиралъ данныхъ, тѣмъ вѣрнѣй и шире оглядывалъ предметъ. Знаніе факта, внимательная повѣрка его и систематическое занятіе были также необходимы для этого аналитическаго ума, какъ зоркій взглядъ и общая мысль для генія. Кольберу нужно было терпѣніе, на какое не былъ бы способенъ ни Дантъ, ни Байронъ, и въ этомъ терпѣніи тайна его успѣха. Въ наставленіяхъ сыну онъ главнѣе всего рекомендуетъ прилежаніе; «отъ него, говоритъ онъ, зависитъ уваженіе и доброе имя.» (Colbert, par Clément, стр. 300). Съ кропотливымъ усердіемъ у него соединялась искренняя любовь къ самой обязанности; и это понятно. Чѣмъ больше мы разрабатываемъ извѣстный предметъ, чѣмъ глубже вникаемъ въ него, тѣмъ ближе сживаемся съ нимъ. Взгляните на этого натуралиста; просидѣвъ нѣсколько лѣтъ за изученіемъ какой-нибудь козявки, онъ совершенно вправѣ думать, что его дѣло — первое дѣло въ мірѣ, что выше его козявки нѣтъ интересовъ въ человѣческой жизни. Чтобъ пояснить личность Кольбера примѣромъ, мы не знаемъ ни одного историческаго дѣятеля, который бы такъ близко подходилъ къ нему, какъ Робертъ Пиль. Оба они происходили изъ одного и того же сословія, оба занимали одинаковые посты, оба были одинаковыхъ наклонностей. Пиль также не былъ великій талантъ или замѣчательной мыслитель; нѣтъ, это былъ честный и умный чиновникъ, не упустившій ни одного парламентскаго засѣданія, не сказавшій во всю жизнь ни одного слова, которое поразило бы слушателей новой или оригинальной идеей. За всѣмъ тѣмъ, никто не говорилъ въ пар-

ламентъ съ такимъ знаніемъ дѣла и тактомъ убѣжденія, и никого не слушала Англія съ такой довѣренностью къ этому знанію. И дѣйствительно первый министръ понималъ интересы страны — не говоримъ лучше и выше, но глубже своихъ современниковъ; въ его головѣ, какъ въ громадномъ архивѣ, были собраны и расположены самые разнообразныя матеріалы. Онъ зналъ по именамъ cadaго сторожа, образъ мнѣній cadaго члена, cadaго сословія; изъ кабинета онъ чутко слѣдилъ за потребностями cadaго города, видѣлъ, что дѣлается въ Эдинбургѣ и Манчестерѣ, въ Парижѣ и въ Константинополѣ. И съ какимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ онъ перечитываетъ дипломатическую депешу изъ Петербурга, докладъ изъ Калькутты, соображенія архитектора, потомъ письмо родственника-просителя, за нимъ счетъ казначея и т. д. На все отвѣчаетъ немедленно, дѣлаетъ помѣтки, поправки и скорѣй, чѣмъ поэтъ придумаетъ риму или картинку, онъ опредѣлитъ торговую компанію или кругосвѣтное путешествіе. Эта быстрота есть слѣдствіе навыка; у Пиля она была плодомъ сорока лѣтъ, проведенныхъ между кабинетомъ и канцеляріей. Подобно Кольберу, у него не было собственныхъ убѣжденій; онъ бралъ ихъ готовыми изъ того міра, въ которомъ дѣйствовалъ. Поэтому они оба не имѣли политической вѣры, или измѣняли ее подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Но на этомъ сходство ихъ и оканчивается. Что касается примѣненія дѣятельности, Кольберъ зависѣлъ отъ воли лица, а Пиль отъ общественнаго мнѣнія. Первый работалъ по напередъ предписанной программѣ, а второй служилъ точнымъ выраженіемъ народной мысли. Пиль часто отступалъ отъ своего плана, мѣнялъ воззрѣнія, противорѣчилъ себѣ, потому что шелъ вмѣстѣ съ волненіемъ партіи, торговой, расчетливой и эгоистической. Она управляла имъ, какъ своимъ камертономъ. Напротивъ, министръ Лудовика XIV, не видя передъ собой другаго закона, кромѣ воли монарха, дѣйствовалъ рѣшительно и часто тираннически. Подъ рукой его гнулось общество, какъ гипсовый слѣпокъ подъ рукой лѣпнаго мастера. Если эта энергія принимала хорошее направленіе, она, разумѣется, была очень полезна; если же онъ

ошибался, ошибки его, вмѣстѣ съ деспотизмомъ, носили характеръ поразительной нелѣпости. Поэтому мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ его распоряженіяхъ упрямство. Обдумавъ предпріятіе наединѣ, самъ съ собой, Кольберъ больше не отступалъ отъ него; препятствія и неудачи только возбуждали его энергію; оппозиція или угроза воспаляли его страсть, и онъ готовъ былъ на несправедливость, жестокость и даже клевету, когда дѣло шло о достиженіи задуманной цѣли. Такихъ примѣровъ въ его жизни было много. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ основаніе компаніи въ Западной Индіи. Она была любимой его мечтой, и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ привить ее къ народной жизни; онъ убѣдилъ короля принять въ ней участіе, почти насильно раздавалъ акціи, составлялъ правила, поощрялъ и наказывалъ; но все напрасно—компанія не удалась; съ первыхъ же дней она потеряла кредитъ и разстроила колоніи. Не смотря на очевидную ошибку, Кольберъ восемь лѣтъ преслѣдовалъ фантомъ, пока не истощилъ послѣдняго средства.

Какъ человѣкъ системы и орудіе неограниченной власти, онъ способенъ былъ увлекаться. Современники не замѣтили въ немъ этой черты, они называли его человѣкомъ «мраморнымъ, безчувственнымъ», судя по наружности. Его морщинистый лобъ, густыя нахмуренныя брови, серьезный взглядъ, молчаливый пріемъ, наконецъ, холодная и нѣсколько рѣзкая манера ставили въ тупикъ самыхъ неробкихъ посѣтителей. М-ше Севинье, при всей своей развязности, стѣснялась и не находила рѣчи въ его присутствіи; но подъ этой жесткой оболочкой скрывалась горячая душа, когда ее волновала страсть или широкая мысль. Онъ поддавался увлеченію медленно, но увлеченный, шелъ гораздо дальше, чѣмъ можно было предположить. Иначе и не могло быть: натуры пылкія и раздражительныя принимаютъ впечатлѣнія живо, но не глубоко; темпераменты флегматическіе, въ которыхъ повидимому нѣтъ ни одной чувствительной струны для пылкаго ощущенія, увлекаются рѣдко, но опасно. Раскаленная сталь не такъ легко охладѣваетъ, какъ стекло. Подъ вліяніемъ этихъ минутъ, Кольберъ забывалъ личныя

отношенія и смѣло высказывалъ королю горькую правду. Однажды, по случаю чрезмѣрныхъ расходовъ, вызванныхъ постройкой Версаля, онъ писалъ Лудовику XIV такъ: «я объявляю вамъ, государь, что бесполезный обѣдъ въ тысячу ливровъ необычайно оскорбляетъ меня; но еслибъ нужны были милліоны по дѣлу Польши, я продалъ бы все свое имѣніе, заложилъ бы жену и дѣтей и всю жизнь ходилъ бы пѣшкомъ, чтобъ только удовлетворить этой нуждѣ? Надѣюсь, что ваше величество проститъ мнѣ это маленькое одушевленіе... Государь не долженъ забывать, что онъ устроилъ расходы по своимъ конюшнямъ... Если выикнете, вы увидите, что ливрен, содержаніе людей и лошадей, жалованье и покупки — все это съ каждымъ годомъ увеличивается на 200,000 ливровъ. Прибавьте къ этому игру свою и королевы, праздники, обѣды и чрезвычайные балы, вы найдете, что по этому предмету истрачивается болѣе 300,000 ливровъ. Ваши предшественники никогда не имѣли такихъ расходовъ, и они вовсе не составляютъ необходимости.» (Colbert, par Clément, стр. 198). Такимъ языкомъ, въ официальномъ рапортѣ, съ Лудовикомъ XIV говорили рѣдко. Рѣшительный, иногда гордый, всегда самоувѣренный тонъ Кольбера поставилъ его въ какое-то исключительное положеніе. «Сознаніе своихъ достоинствъ, говоритъ Ломуаньонъ, привело его къ убѣжденію, что все несогласное съ его образомъ мнѣній — дурно, что противорѣчить ему только можно по невѣжеству или злонамѣренности; онъ думалъ, что его поступки непогрѣшмы и что кромѣ его никто не можетъ имѣть добрыхъ стремленій, если только они расходятся съ его собственными.» (Clément, стр. 151). Эта самоувѣренность, конечно, была отчасти необходима, и ее вправѣ питать личность, подобная Кольберу; но къ сожалѣнію, она была не столько результатомъ вѣры въ свои силы, сколько — привилегированнаго положенія. Мы не знаемъ, какъ онъ обращался съ низшими, но можемъ судить по одному случаю, что это обращеніе было деспотическое, по крайней мѣрѣ, до того надменное, что въ социальныхъ отношеніяхъ Пия оно положительно невозможно. Мы приводимъ его здѣсь потому, что оно бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны,

на состояніе общества, съ другой на грубость правительства, раздѣленнаго съ народомъ духомъ касты. Желая по-совѣтоваться относительно торговли, Кольберъ приказалъ однажды собраться къ себѣ главнымъ купцамъ Парижа. Засѣданіе началось; но никто изъ нихъ не смѣлъ произнести ни одного звука. «Господа, сказалъ разгнѣванный министръ, да что вы нѣмые, что ли?» «Нѣтъ, монсеньоръ, отвѣчалъ одинъ орлеанскій негодянтъ; но мы боимся обидѣть ваше превосходительство, если у насъ сорвется слово, непріятное для васъ.» Это называлось совѣщаніемъ въ французской монархіи XVII вѣка!

Намъ остается сказать о нравственномъ характерѣ Кольбера, о чемъ такъ много спорили. Одни старались представить его рыцаремъ безъ пятна и порока; другіе видѣли въ немъ мелкаго интриганта, не имѣвшаго ни одного безукоризненнаго достоинства. Когда началась реакція противъ меркантильной системы, враги теоріи его не пощадили и самой жизни. Всякій частный фактъ, всякая семейная тайна были обнажены и подвергнуты уголовному приговору. Къ сожалѣнію, это обыкновенная участь людей, поставленныхъ на большой дорогѣ историческихъ реформъ. Чтобъ оцѣнить безпристрастно нравственную сторону Кольбера, надо знать его отношенія къ Лудовику XIV и строго отдѣлать искренность его ошибокъ отъ преднамѣренныхъ пороковъ.

Могъ ли онъ претендовать на высоко-нравственный характеръ по своему положенію? Нѣтъ. Мы не можемъ представить истинно-нравственнаго человѣка безъ независимой воли и самостоятельнаго воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ я могу сохранить чистоту мысли, совѣсти и дѣйствія, когда надъ ними постоянно тяготитъ постороннее вліяніе? Положимъ даже, что это вліяніе доброе, но если оно ежеминутно вторгается въ кругъ моей индивидуальной жизни, оно стѣсняетъ ее и слѣдовательно лишаетъ меня перваго и самаго законнаго права — личной свободы, а безъ свободы нѣтъ нравственности ни въ области идей, ни въ области вѣрованій. Если я не отвѣчаю за свое намѣреніе или выполняю его не такъ, какъ хотѣлъ бы — я поступаю безнравственно. Если я жертвую своимъ убѣжденіемъ въ поль-

зу матеріальной силы, гнетущей меня, — я поступаю безнравственно. Если вся моя жизнь, какъ счетная книга банкира, состоитъ изъ чужихъ желаній, мнѣній и поступковъ, въ которыхъ я долженъ искать не истины, а рабскаго угожденія имъ, такая жизнь безнравственна. Это было положеніе Кольбера.

Онъ жилъ въ то время, когда мѣра человѣческаго достоинства опредѣлялась разстояніемъ подданнаго отъ монарха. Сынъ реймскаго купца и шотландскаго выходца, питомецъ простаго нотаріуса, не учившійся даже латинской галиматѣй, потомъ канцелярскій писецъ у прокурора и коми у казначея Саботье, юноша безъ состоянія, безъ связей, смѣлъ ли онъ мечтать о томъ, чтобъ стать въ ряду «шелковыхъ» интригантовъ при дворѣ Анны Австрійской? Конечно, это раннее практическое воспитаніе было необычайно полезно развитію Кольбера: оно спасло его отъ школьной рутины, отъ потери времени на затверживаніе реторикки Квинтиліана и іезуитскихъ рѣчей; оно скоро ввело его въ самую жизнь. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно не могло приготовить ему высшаго государственнаго поста. Для этого необходимъ былъ, по духу той эпохи, непремѣнный покровитель, — та переходная и очистительная ступень, съ которой потомокъ мелочнаго лавочника могъ шагнуть къ подножію трона. Покровителемъ Кольбера является Мазарини и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, совершенно случайно. Ему нуженъ былъ смѣтливый управитель дома. Летелье, лоренгскій интендантъ и родственникъ кардинала, представилъ ему Кольбера. Молодой клиентъ алчнаго сановника, оцѣнивъ свое настоящее положеніе, старался приобрести полную довѣренность его; и онъ успѣлъ: сокращеніе расходовъ по домашнему обиходу Мазарини, умѣнье во время польстить и угадать желаніе его, неутомимая дѣятельность и совершенная преданность, по крайней мѣрѣ, съ виду, его интересамъ, вполне расположили къ нему хитраго италянца. Изъ простаго управителя, Кольберъ скоро дѣлается необходимымъ совѣтникомъ Мазарини; докладывая о покупкѣ дынь и индѣекъ, онъ не упускаетъ случая подать мнѣніе о государственномъ вопросѣ; превозноситъ

небывалыя добродѣтели кардинала, онъ въ то же время жалѣеть о его кротости и совѣтуетъ ему твердую политику Ришельё, открываетъ новые источники къ обогащенію и порицаетъ его враговъ, не стѣсняясь ни правилами чести, ни совѣсти. Иногда онъ даже унижался до роли полицейскаго шпиона, слѣдилъ вмѣстѣ съ аббатомъ Фуке за тѣми лицами, которыя распространяли пасквили на-счетъ ненавистнаго временщика. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ не терялъ изъ виду своихъ личныхъ интересовъ и, сколько можно догадываться, это было однимъ изъ главныхъ побужденій Кольбера; при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ намекалъ кардиналу о своихъ заслугахъ и его великодушій, увѣряя, что благодѣянія его не упадутъ на «неблагодарную почву». Министръ не оставался въ долгу; онъ дождалъ милостями на любимца, увеличивалъ его доходы, награждалъ новыми выгодными должностями и осторожно, но безопасно прокладывалъ ему дорогу ко двору. Въ 1655 году положеніе Кольбера было блистательное. Братья и родственники его занимали высшіе служебные посты, самъ онъ получалъ не менѣе сорока тысячъ годовой ренты и изъ скромнаго надзирателя за кухней и кладовой былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ къ римскому двору. Съ нимъ совѣтовался король, къ нему обращались сановники съ просьбами, его интриги уронили Фуке и тѣмъ окончательно приготовили ему будущее министерство. Въ то же время, обставивъ себя вліяніемъ и авторитетомъ, онъ не забываетъ извлекать изъ нихъ всякую выгоду, какая только представляется. Такъ, около 1650 года, онъ задумалъ жениться на дочери Жака Шарона, который изъ виннаго торговца пролѣзъ въ чрезвычайнаго военнаго казначея. Шаронъ, обѣщая за дочерью огромное приданое, рассчитывалъ составить ей самую блестящую партію въ столицѣ, и потому готовъ былъ отказать Кольберу. Но женихъ грозилъ будущему тестю значительнымъ налогомъ на его торговыя спекуляціи, и тотъ поневолѣ согласился выдать дочь. Впослѣдствіи онъ также хотѣлъ женить одного изъ сыновей своихъ. Приискавъ ему богатую невѣсту, маркизу д'Алегръ, наслѣднику дяди маркиза д'Юрфе, Кольберъ узналъ, что у этого маркиза есть процессъ съ

его племянникомъ. Чтобъ помочь выиграть его, онъ поручилъ президенту бордоскаго парламента, уговорить судей его именемъ, чтобъ рѣшеніе процесса было благопріятнымъ д'Юрфе, единственно потому, что сынъ его посватался на родственницѣ маркиза. Все это, впрочемъ, было совершенно въ характерѣ той эпохи. За что настоящій англійскій джюри, вѣроятно, приговорилъ бы Мазарини къ висѣльцѣ, а управителя его къ ссылкѣ на Ботани-бе, за то современники Кольбера съ спокойной совѣстью называли ихъ людьми *честными*, хорошо знавшими *Savoir-vivre*. Въ самомъ дѣлѣ *Savoir-vivre* была великой и едва ли не главной способностью того времени, той мудрой способностью, по которой кошка уживается въ одномъ углу съ собакой, нисколько не чувствуя взаимной антипатіи другъ къ другу. *Savoir-vivre*, было тѣмъ общепринятымъ правиломъ, по которому короли позволяли себѣ открыто обманывать подданныхъ, куртизаны подниматься вверхъ въ прямой пропорціи своего раболѣпія и люди расчетливые, подобные Кольберу, находить себѣ женъ, подъ угрозой тестямъ. И еслибъ онъ этого не сдѣлалъ, навѣрное, нашлись бы милліоны, которые бы чисто-сердечно назвали его дуракомъ. Когда султанъ, желая отвязаться отъ какого-нибудь пашы, посылаетъ ему вмѣсто сурка чашку кофе съ ядомъ — это называется *милостью* на языкѣ турецкой имперіи. Толкуйте, послѣ этого, о незыблемыхъ принципахъ нравственности. Поэтому мы не можемъ оправдать Кольбера, но не смѣемъ и осудить его безусловно. Воспитанный въ школѣ Мазарини, гдѣ все дышало обманомъ и коварствомъ, онъ не могъ идти противъ общаго потока; если онъ рѣшился *служить* ему, то кто же не зналъ какой цѣной покупается эта служба? Объ искренней преданности кардиналу здѣсь не могло быть и рѣчи. Кольберъ любилъ его ни больше, ни меньше, — на сколько онъ былъ пужень ему. Когда благодѣтель его умираетъ, назначивъ его опекуномъ своего громаднаго состоянія, Кольберъ спѣшитъ забѣжать къ Лудовику XIV и объявить ему, что кардиналъ оставилъ пятнадцать милліоновъ звонкой монетой, и что слѣдовательно этой суммой можно пополнить пустые ящики казначейства.

Другое обстоятельство, которое содѣйствовало возвышенію Кольбера, заключалось въ самыхъ требованіяхъ эпохи. Съ паденіемъ феодализма, французская монархія искала опоры въ людяхъ новаго поколѣнія, враждебныхъ по крови, по духу и по состоянію той родовой аристократіи, которая еще держалась за стѣнами замковъ, не признавая ни власти монарха, ни силы народа. Чтобъ противопоставить ей другую партію, не имѣвшую ничего общаго съ предразсудками и интересами феодальнаго періода, короли приближали къ себѣ или иностранныхъ бродягъ или людей средняго сословія. Въ этомъ отношеніи Кольберъ былъ, дѣйствительно, даромъ Бога для славы своего короля. Умный, ревностный и, въ извѣстной степени, добросовѣстный, не любившій ни роскоши, ни аристократическаго образа жизни, онъ совершенно отвѣчалъ надеждамъ Лудовика XIV.

Съ тѣмъ вмѣстѣ отношенія его къ королю были чище и нравственнѣе, чѣмъ къ Мазарини. Впрочемъ, теперь не было и надобности слишкомъ жертвовать человѣческимъ достоинствомъ въ пользу матеріальныхъ выгодъ. Достигнувъ крайней черты своихъ желаній, удовлетворивъ честолюбію и жаждѣ богатства, оцѣненный и любимый монархомъ, обратившій на себя вниманіе Европы, счастливый въ семьѣ, и въ управленіи, теперь онъ могъ подумать о болѣе высшихъ и благородныхъ цѣляхъ. Сынъ реймскаго купца, разумѣется, помнилъ, что онъ вышелъ изъ среды народа, онъ видѣлъ его бѣдность, онъ, можетъ быть, раздѣлялъ его горе и слезы. Это чувство тѣмъ живѣй должно было проснуться въ душѣ Кольбера, что та гордая аристократія, которая подобострастно толпилась въ версальскихъ переднихъ, все еще свысока смотрѣла на этихъ случайныхъ выскочекъ. Она не могла простить, что ея дѣти и внуки, обвѣщенные гербами и титулами герцоговъ, графовъ и маркизовъ, должны были кланяться и дожидаться приѣма какого-нибудь «слуги Мазарини». Поэтому, между прочимъ, онъ жилъ вдали отъ свѣта и не имѣлъ партій, безъ которой было трудно устоять при дворѣ Лудовика XIV. Единственное лицо, которое могло поддерживать его, была де-ла-Вальеръ. Обязанная ему сближеніемъ съ королемъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей, она, есте-

ственно, дружила Кольберу. Но съ удаленіемъ ея въ монастырь кармелитокъ, онъ остается одинъ и притомъ въ виду своего соперника Лувуа, котораго выдвигаетъ на первый планъ Монтеспанъ. При такомъ шаткомъ положеніи, лучшей опорой его была любовь короля. И онъ ее имѣлъ. Отъ 1661 до 1672, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, Лудовикъ XIV питалъ безграничную довѣренность къ Кольберу. Декреты, учрежденія, раздача высшихъ должностныхъ мѣстъ — все это дѣлалось не иначе, какъ по совѣту и желанію генераль-контролера. Этого мало, король довѣрялъ ему задушевные тайны, конечно не думая унизить тѣмъ своего министра до роли очень жалкаго посредника; черезъ него онъ интриговалъ Монтеспанъ, черезъ него выгналъ ея мужа изъ Парижа. «Я знаю, писалъ онъ изъ Сень-Жермена, что Монтеспанъ угрожаетъ видѣть свою жену и онъ способенъ на это; такъ какъ за послѣдствія надо бояться, то я опять полагаюсь на васъ, чтобъ предупредить это свиданіе. Не забудьте подробностей этого дѣла, и особенно того, чтобъ немедленно удалить его изъ Парижа.» (*Oeuvres de Louis XIV*, т. V. стр. 389). И это говорилъ Лудовикъ Великій своему первому министру, у котораго не было праздныхъ минутъ для исполненія и болѣе приличныхъ порученій. И Кольберъ разумѣется, повиновался. Въ послѣдствіи, когда Лудовикъ XIV охладѣлъ къ нему и, угорѣлый отъ лести и тщеславія, не зная мѣры своеволю, Кольберъ принужденъ былъ сносить оскорбленія. Одно надо замѣтить къ чести его, — онъ иногда отвѣчалъ на нихъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Послѣдніе дни его были омрачены явной неблагодарностью Лудовика XIV, отъ которой, говорятъ, онъ и умеръ. Въ 1683 году Кольберъ представилъ отчетъ, о государственныхъ расходахъ; король, недовольный слишкомъ большими тратами, замѣтилъ министру: «Здѣсь есть плутовство». — «Государь, возразилъ обиженный Кольберъ, надеюсь по крайней мѣрѣ, что это не относится ко мнѣ». — «Нѣтъ, прибавилъ онъ, но надо быть болѣе внимательнымъ», и потомъ заключилъ: «если вы хотите познакомиться съ экономіей, поѣзжайте въ Голландію; вы увидите, какъ дешево стоили тамъ укрѣпленія завоеванныхъ мѣстъ». Этотъ неза-

служенный и дерзкій выговоръ поразилъ Кольбера въ самое сердце. Вскорѣ затѣмъ онъ заболѣлъ и умеръ. Умирая, онъ долженъ былъ вспомнить о судьбѣ своего предшественника Фуке и убѣдиться, что «благодарность королей есть наемное чувство». Говоря о Лудовикѣ XIV въ послѣдній разъ, Кольберъ произнесъ: «еслибъ я сдѣлалъ для Бога все, что я сдѣлалъ для этого человѣка, я былъ бы вдвойнѣ спасенъ; а теперь не знаю что со мной будетъ». Но раскаяніе было слишкомъ позднее, потому что расчетъ съ земнымъ богомъ кончался, а съ небеснымъ только начинался....

Въ минуты такого разочарованія государственному дѣятелю остается одно великое утѣшеніе — сочувствіе народа. Къ сожалѣнію, Кольберъ не приобрѣлъ его; онъ былъ самымъ непопулярнымъ лицомъ, и сходилъ въ могилу среди неистовой ненависти своихъ враговъ и народа. Эта ненависть была такъ велика, что погребеніе его было совершенно ночью, тайкомъ, подъ прикрытіемъ военнаго отряда изъ опасенія, что жители Парижа наругаются надъ его прахомъ. И едва разнеслась по городу вѣсть о кончинѣ его, повсюду были разсѣяны сатиры, пасквили и памфлеты, очернившіе одно изъ лучшихъ именъ французской исторіи. Впрочемъ эта ненависть не оскорбляетъ памяти Кольбера. Извѣстно, что самые честные министры, какъ напримѣръ, Сюлли и Тюрго были также гонимы и оклеветаны народомъ, какъ будто Франціи суждено боготворить только самыхъ худшихъ изъ вождей своихъ. Какъ ни тяжела эта мысль, но въ ней есть не малая доля правды...

Теперь посмотримъ на самую систему Кольбера. Но прежде чѣмъ станеть разбирать ее, пояснимъ экономическое состояніе Франціи въ началѣ его управленія.

Кольберъ принялъ финансовый контроль изъ рукъ Фуке почти въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Сюлли. Главнымъ источникомъ государственной экономіи было земледѣліе. Министръ Генриха IV, стойкъ въ душѣ, строгій аристократъ въ жизни, ненавидѣлъ мануфактурную промышленность, какъ орудіе изнѣженности и ослабленія народныхъ нравовъ. Это спартанское воззрѣніе, возведенное въ систе-

матическую бѣдность, перепутало всѣ планы честнаго Сюлли. Онъ преслѣдовалъ ввозъ иностранныхъ произведеній, называя его грабительствомъ Франціи, и выпускъ звонкой монеты считалъ рѣшительнымъ бѣдствіемъ для государства. Такъ, безъ всякаго умысла, онъ явился жаркимъ защитникомъ запретительной системы, «которой, по мнѣнію Бланки, человечество обязано бѣдшею долей слезъ и крови, чѣмъ всѣмъ войнамъ вмѣстѣ». (*Histoire de l'économie politique, par Blanqui, т. II, гл. IV*). Впрочемъ ложная теорія Сюлли не была результатомъ его собственной мысли; она господствовала, въ его время, во всей Европѣ, проходя рука-объ-руку съ возрастающей политической централизаціей, колониальнымъ рабствомъ, международной ненавистью и контрабандой, воспитавшей нѣсколько поколѣній таможенныхъ съищиковъ и воровъ; — Сюлли только далъ своей идеѣ полное примѣненіе, развивъ ее въ ряду законодательныхъ постановленій. Думая, что «для обогащенія короля надо прежде обогатить народъ», онъ не обогатилъ ни того, ни другаго. Правда, онъ погасилъ государственный долгъ въ триста милліоновъ и оставилъ по себѣ четырнадцать милліоновъ сохранной казны въ подвалахъ Бастиліи; онъ сдѣлалъ гораздо больше, освободивъ земледѣльцевъ отъ хищныхъ откупщиковъ, отъ разбоя солдатъ, разбѣянныхъ по деревнямъ, отъ алчности провинціальныхъ губернаторовъ; онъ первый предписалъ, ни въ какомъ случаѣ, не отнимать у пахаря ни скотъ, ни инструменты, уменьшилъ подати и поправилъ дороги, но народнаго богатства не создалъ. Не создалъ, потому что ложно понималъ его; онъ искалъ его не въ развитіи народныхъ силъ и въ организаціи труда, а въ деньгахъ, т. е., онъ принялъ слѣдствіе за причину и работалъ надъ постройкой пирамиды, поставивъ ее острымъ концомъ внизъ. Слѣдствіе этой ошибки скоро обнаружилось. Въ нѣсколько лѣтъ мануфактурная дѣятельность исчезла, а вмѣстѣ съ ней упала и земледѣльческая производительность. Нищета была повсемѣстная, — удвоенная войнами и внутренними смутами. Правительство, по временамъ просыпаясь отъ стона подданныхъ, ощупывало большую язву, накладывало на нее припарки, но самого зла уничтожить не хотѣло или не умѣло. Оно по-прежнему пе-

редѣлявало эдикты, усложняло бюрократическій механизмъ, увеличивало безконечные займы, подати и королевскіе поборы (*dons gratuits*), строило новыя заставы и карало строгостію закона тамъ, гдѣ всякая возможность нравственной жизни была отнята; однимъ словомъ оно оправдало на себѣ басню Езопъ, «убивая курицу, чтобъ достать изъ нея золотыя яйца». Еще въ 1583 году Генрихъ III издалъ постановленіе, по которому «право трудиться» было объявлено неотъемлемымъ королевскимъ правомъ, т. е., въ силу этого закона право жить и дышать сдѣлалось, въ нѣкоторомъ смыслѣ, особенной привилегіей. Между тѣмъ, толпы нищихъ и бродягъ, осаждая главные города и большія дороги, съ каждымъ днемъ прибывали. Чтобъ избавиться отъ нихъ, правительство устроило въ Ліонѣ и Парижѣ общія богадѣльни, и въ то же время, подъ угрозой плети и галеры, запретило просить милостыню у церквей, на улицахъ и площадяхъ, днемъ и ночью. Но этого было слишкомъ мало; зло лежало гораздо глубже филантропическихъ мѣръ. Чтобъ составить болѣе наглядное понятіе о современномъ состояніи общества, мы приведемъ здѣсь одинъ фактъ—голодь Франціи въ тотъ самый годъ (1662), когда Кольберъ вступилъ въ управленіе. Не урожай и запрещеніе парламента составлять компаніи для продажи хлѣба или собирать зерновые запасы распространяли панический ужасъ среди бѣднаго народа. «Городскіе жители, пишетъ игуменья одного провинціального монастыря, питаются, подобно пороссятамъ, мякиной, размоченной въ чистой водѣ, и почли бы счастливыми, еслибъ имѣли ее вдоволь. Въ канавахъ и грязи они собираютъ полусгнившіе обрубки капусты, варятъ ихъ съ отрубями и жалобно просятъ тресковой соленой воды, выливаемой на улицахъ, по имъ отказываютъ въ ней. Множество порядочныхъ семействъ страдаютъ отъ голоду и стыдятся говорить о томъ; двѣ дѣвочки, о нищетѣ которыхъ не знали, скрытно ѣли мякину съ молокомъ. Лицо, которое застало ихъ за этой пищей, было такъ тронутъ, что заплакало вмѣстѣ съ ними».

«Подумайте о печальныхъ слѣдствіяхъ этой почти общей бѣдности. Одинъ человѣкъ, послѣ нѣсколькихъ голодныхъ дней, повстрѣчалъ добраго крестьянина, предложившаго ему

обѣдъ; но ослабѣвшій и истощенный желудокъ не сварилъ пищи, и онъ немедленно умеръ. Другой не далѣе какъ вчера зарѣзался съ отчаянія, чтобъ избѣжать мученій голодной смерти. . Здѣсь же нашли женщину, умершую отъ голода съ ребенкомъ на груди, которую онъ сосалъ и послѣ смерти, но черезъ три часа скончался. Одинъ мерзавецъ, у котораго трое дѣтей, съ слезами на глазахъ, просили хлѣба, убилъ ихъ и потомъ самъ уничтожилъ себя... Другой, котораго умоляла жена подѣлиться съ ней кускомъ хлѣба, сбереженнаго имъ, нанесъ ей шесть ударовъ топоромъ, и скрылся. Коротко, не проходитъ дня, чтобъ не находили мертвецовъ отъ голода въ домахъ, на улицахъ и поляхъ; нашъ мельникъ встрѣтилъ одного бѣдняка, котораго хоронили при дороге».

«Наконецъ бѣдность и голодъ дѣлаются такъ повсемѣстными, что въ окрестностяхъ, говорятъ, половина крестьянъ кормятся травой, и что мало такихъ дорогъ, гдѣ не валялись бы мертвыя тѣла»... Мы останавливаемся на этой потрясающей картинѣ, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ; не думаемъ, чтобъ она была преувеличена, потому что авторитетъ Вобана вполне подтверждаетъ ее. Между тѣмъ, какъ тысячи этихъ несчастныхъ питались мякиной или умирали съ голоду, въ тотъ же годъ и, можетъ быть, въ то же время, въ Парижѣ, на улицѣ Сэнъ-Жермень, въ домѣ герцога Ришелье былъ данъ великолѣпный вечеръ королевской фамилии. За столомъ, покрытомъ серебромъ и фарфоромъ, сидѣло пять-сотъ посѣтителей, изъ которыхъ многіе, замѣчаетъ историкъ, прокормили бы нѣсколько семействъ однимъ перстнемъ или ожерельемъ.

Вечеръ стоилъ безславному потомку славнаго предка пятьдесятъ тысячъ ливровъ, изъ которыхъ десять тысячъ было брошено только на плоды и вино. (Colbert, par Clément, гл. II. Histoire de l'économie politique, par Blanqui, т. II, стр. 430 — 440. Mémoires du règne de Louis XIV, кн. 3, стр. 77, 99 и проч.).

Вотъ та Франція, которую Кольберъ засталъ въ первые дни своего министерства. Мы ужъ замѣтили, что онъ лучше,

тѣмъ кто-либо могъ понимать нужды народа, и дѣйстви- тельно, онъ обратилъ вниманіе прямо на него. Первымъ дѣломъ Кольбера было уничтоженіе или преобразованіе тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя мѣшали осуществленію его плановъ. Онъ хотѣлъ прежде разчистить почву, потомъ уже сѣять. Реформы его начались съ государственныхъ податей.

Въ 1661 году Франція платила девяносто милліоновъ подати, изъ которыхъ государство получало только около тридцати пяти милліоновъ, то есть, немногимъ болѣе третьей части, за исключеніемъ расходовъ по сбору и содержанію чиновниковъ. Изъ этихъ податей самая ненавистная для на- рода была подушная подать (*l'impôt sur les tailles*); она стѣс- няла народъ до невѣроятной степени. «Работникъ, говорить Форбоне, у котораго нѣтъ никакого состоянія въ его округѣ, и который нуждается въ трудѣ, не можетъ идти въ другой округъ, гдѣ онъ находитъ свое существованіе, не заплативъ оклада въ двухъ мѣстахъ, впродолженіе двухъ лѣтъ, и если онъ переходитъ въ другую общину, впродолженіе трехъ». (*Forbonnais. 1664 годъ.*) Не говоря уже о неравенствѣ этой подати, за неимѣніемъ полного кадастра, который былъ на- чать Кольберомъ и, къ сожалѣнію, не конченъ, не говоря о тягости ея, которую чувствовали всѣ честные министры, не говоря о произволѣ налоговъ, возникавшихъ по мѣрѣ слу- чайныхъ нуждъ, но потомъ обращаемыхъ въ постоянные, здѣсь были два существенныхъ недостатка: во-первыхъ, под- ложное изытіе отъ общественныхъ повинностей и во-вто- рыхъ, самое безсовѣстное воровство сборщиковъ податей. Первое обстоятельство было слѣдствіемъ увеличенія дол- жностныхъ лицъ, которыя, въ силу королевской привилегіи, освобождались отъ всякаго налога. Само собой разумѣтся, что каждый старался выйти изъ податнаго состоянія, чтобъ воспользоваться этимъ правомъ. Между тѣмъ, какъ число плательщиковъ убывало, съ другой стороны количество са- мой подати съ каждымъ годомъ возрастало, и тягость ея тѣмъ чувствительнѣе падала на комуну. Притомъ, многіе поддѣлывали или пріобрѣтали подкупомъ дворянскія грамоты или выпрашивали такія должности, которыя ставили въ раз-

рядъ привилегированнаго сословія. Жалобы провинцій были постоянныя, но при отсутствіи правильнаго контроля и совершенномъ равнодушіи къ народнымъ правамъ, масса паразитовъ росла непомерно; она плотояднымъ звѣремъ сидѣла на груди народа. И что особенно было несправедливо, — это были люди, бѣльшею частію, состоятельные, которые безъ особеннаго обремененія могли нести общественныя повинности. Другое злоупотребленіе зависѣло отъ безсовѣстности самыхъ чиновниковъ, которые завѣдывали сборомъ податей. Низшую степень ихъ занимали сержанты или жандармы; въ извѣстные сроки года они обходили деревни, оставляя за собой слѣды, подобные моровому повѣтрію. У несостоятельнаго работника они имѣли полномочіе отбирать все — одежду, посуду, кровати, скоть, земледѣльческія орудія, подвергая ихъ въ то же время военнымъ наказаніямъ *). Такимъ образомъ собранныя, или лучше выбитыя, суммы переходили черезъ руки другихъ инстанцій и когда достигали королевской казны, въ наличности ихъ было не болѣе трети. Поэтому государство жило долгомъ, забраннымъ впередъ за два года. За то министерству финансовъ было открыто полное раздолье составлять громадныя состоянія въ нѣсколько лѣтъ. Маза-рини оставилъ своему потомству пятьдесятъ милліоновъ ливровъ, а Фуке, какъ мы видѣли, могъ бросать по девяти милліоновъ на украшеніе загородныхъ дачъ.

Какъ ни опасно было мутить грязнымъ болотомъ, въ которомъ купалось самое сильное сословіе, какъ ни трудно было затрогивать вопросъ самаго чувствительнаго свойства, но его надо было поднять, потому что рана слишкомъ наболѣла, и Кольберъ рѣшился, если не истребить, то поправить зло. Въ ноябрѣ 1661 года вышелъ королевскій эдиктъ, который угрожалъ примѣрнымъ наказаніемъ «виновникамъ или соучастникамъ грабительства, которое совершается уже нѣсколько лѣтъ, и необычайнаго воровства, истощившаго наши

*) Сюлли, какъ мы ужъ сказали, запретилъ отнимать рабочій скоть и земледѣльческія орудія; но, вѣроятно, это запрещеніе потеряло силу, потому что Кольберъ, въ 1667 году, повторилъ его новымъ эдиктомъ (Colbert, par Clément, стр. 267).

финансы и раззорившаго наши провинціи» (Clément, страница 98). Вся вина, какъ водится, была отнесена къ войнамъ и неурядицамъ старѣхъ временъ. Вслѣдъ затѣмъ была учреждена «палата юстиціи» (Chambre de Justice), которой былъ ввѣренъ главный надзоръ за исполненіемъ финансовыхъ обязанностей. Мѣра была строгая, но доселѣ она не искажала юридическаго характера. Къ сожалѣнію, Кольберъ рѣдко умѣлъ остановиться во время, и почти всегда отъ энергическаго приѣма переходилъ къ жестокому деспотизму. Здѣсь именно такъ и было. Самому процессу изслѣдованія преступленій онъ далъ варварскую черту: во имя короля онъ обѣщаль награды доносчикамъ, которые откроютъ правительству вповнаго, такъ что всякій полицейскій агентъ могъ явиться обвинителемъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что подсудимый не имѣлъ на своей сторонѣ даже гласной защиты. Съ тѣмъ вмѣстѣ Кольберъ предписалъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, служившимъ по финансовой части, съ 1635 года представить удовлетворительный отзывъ о состояніяхъ ихъ, какъ наследственныхъ, такъ и приобрѣтенныхъ. «За недостаткомъ же, говоритъ указъ, такого отзыва, по прошествіи восьми дней имѣніе ихъ будетъ схвачено... а противъ лицъ наряженъ чрезвычайный судъ, какъ противъ преступниковъ казеннаго воровства» (Clément, страница 99). И еслибъ они, послѣ втораго срока, впродолженіе одного мѣсяца, не удовлетворили требованіе, все состояніе ихъ будетъ конфисковано безъ возврата. Этого мало; Кольберъ употребилъ самую религію въ пользу своей реформы; онъ приказалъ объявить во всѣхъ церквахъ волю короля и пригласить всѣхъ прихожанъ — участвовать въ доносѣ на виновныхъ. Такое распоряженіе, оставленное религіознымъ церемоніаломъ и страшными угрозами противъ личности и собственности, возбудило громкій ропоть. «Первыя дѣйствія палаты юстиціи, говоритъ Клеманъ, распространили ужасъ во многихъ семействахъ; со всѣхъ сторонъ начали остерегаться, чтобъ избѣжать бури. Между замѣшанными лицами, нпыя скрывались, инныя прятали драгоценныя вещи и серебро, нѣкоторыя переводили свои имѣнія на другихъ; болѣе же напуганныя спѣшили перебраться за-границу» (Clément, страница 101). За всѣмъ тѣмъ,

впродолженіе первыхъ двухъ лѣтъ болѣе семидесяти милліоновъ было конфисковано у обвиненныхъ, нѣкоторые попались жизнию, и палата продолжала терроръ до 1669 года. Точно съ такимъ же мужествомъ и упорствомъ генералъ-контролеръ боролся съ парижскими мѣщанами за государственные ренты, гдѣ происходилъ тотъ же хаосъ и тотъ же произволъ. Наконецъ, желая раззорить послѣднее гнѣздо «маленькихъ тирановъ народа», онъ уничтожилъ дворянскіе патенты, проданные правительствомъ съ 1634 года. Это распоряженіе было особенно благотворно въ томъ отношеніи, что прекратило поддѣлку и подлоги привилегированныхъ грамотъ, за которыми укрывались тысячи сановитыхъ воровъ, по всѣмъ угламъ Франціи.

Другая, болѣе важная реформа состояла въ сокращеніи бесполезныхъ должностей. Продажа ихъ была одной изъ феодальныхъ привилегій короля. Такъ, Лудовикъ XII, для уплаты долговъ, сдѣланныхъ его предшественникомъ во время италіанскихъ войнъ, принужденъ былъ пустить въ торгъ всѣ административныя и судебныя мѣста. Впослѣдствіи этотъ торгъ постепенно увеличивался, обратившись въ національный обычай. Онъ былъ вызванъ не столько политическимъ расчетомъ, сколько чисто-финансовой необходимостью, и это самая худшая его сторона. Всякій разъ, какъ король чувствовалъ нужду въ деньгахъ, онъ придумывалъ новыя должности, раздавая ихъ желающимъ за опредѣленную плату. Иногда, на одномъ и томъ же мѣстѣ служили три или четыре чиновника, изъ которыхъ каждый покупалъ себѣ пзвѣстную долю власти, а съ ней и выгоды. Генрихъ IV хотѣлъ обратить ихъ въ наследственное право, по которому каждое семейство могло передавать свою должность потомству, какъ недвижимую собственность, съ тѣмъ однакожь, что каждый годъ оно должно было выдѣлять шестидесятую часть окладной суммы случайнымъ покупателямъ; но Сюлли, вѣроятно, для болѣе простаго и вѣрнаго счета, вернулся къ старой системѣ. При Лудовикѣ XIV, когда централизація задушила комунальные выборы, эта продажа возросла до колоссальныхъ размѣровъ. Меръ и староста, прежде назначаемые народомъ, теперь были опредѣляемы королемъ или провин-

ціальными его агентами. Затѣмъ муниципальному совету было дано мундирное платье — атласныя мантии фиолетоваго цвѣта и горностаемъ обшитыя шапки. Народъ ропталъ за уничтоженіе древнихъ выборовъ, «а королевскіе лакеи, замѣтилъ одинъ сатирикъ, радовались новому отличію».

Такимъ образомъ была воспитана особенная каста людей, которые, по самому положенію, стали въ сплошномъ заговорѣ противъ народа. Покупая должность на годъ или на два, они смотрѣли на нее какъ на болѣе или менѣе прибыльную спекуляцію, и старались выжимать изъ націи до послѣдней капли жизненныхъ соковъ. Съ другой стороны и правительство старалось какъ можно выгоднѣй сбыть мѣсто, а какъ имъ будутъ управлять — этотъ вопросъ былъ для него менѣе, чѣмъ второстепеннымъ. Отъ наемника требовалась не способность и добродѣтель, а толщина кармана и, при случаѣ, покровительство сановника. Раствлѣніе нравственнаго характера Франціи, ббльшей долей, принадлежитъ этой продажной бюрократіи. Не имѣя ни политической совѣсти, ни гражданской чести, раздѣленная съ народомъ глубокой антипатіей, она развращала вмѣстѣ и власть и подданныхъ. Едва ли можно указать во всей Европѣ бюрократію болѣе бездарную, хищную и анти-народную, какъ французская до революціи 1789 года. Она вмѣстѣ съ феодальной аристократіей приготовила націи тѣ кровавые дни, въ которые чувство мести вырвалось изъ ея груди огненнымъ волканомъ.

Въ экономическомъ отношеніи это сословіе было еще болѣе вредно. Въ рукахъ его сосредоточивалось до четырехъ сотъ девятнадцати милліоновъ мертваго капитала, бесполезнаго для земледѣлія и промышленности. (Clément, стр. 263.) Само оно, лишенное пропзводительныхъ силъ, не вносило дѣятельныхъ элементовъ въ то общество, на счетъ котораго жило и богатѣло. Кольберъ посмотрѣлъ на него только съ этой точки. Мая 30-го, 1664 года, онъ обнародовалъ эдиктъ, которымъ уничтожилъ множество прежнихъ судебныхъ должностей и двѣсти пятнадцать секретарскихъ мѣстъ при особѣ короля. Впослѣдствіи онъ опредѣлилъ цѣну каждаго мѣста, возрастъ и способность чиновниковъ, подчинивъ ихъ болѣе строгому контролю. Конечно, эта мѣра только вполонину

облегчала зло; но Кольберъ не могъ идти дальше, ни по убѣжденію, ни по обстоятельствамъ. Онъ допускалъ необходимость сложной администраціи, но только требовалъ отъ нея болѣе честной дѣятельности и менѣе тунеядства. Притомъ чрезмѣрные расходы короля часто заставляли его противорѣчить лучшимъ цѣлямъ. Такъ, въ 1672 году, противъ всякаго желанія, онъ долженъ былъ, для пополненія казны, открыть новую продажу должностей, поставивъ въ число королевскихъ чиновниковъ торгашей дичи и супоровныхъ свиней, разносчиковъ ликеровъ и проч. и проч. За всѣмъ тѣмъ реформа его принесла свой плодъ: она освободила самую важную государственную отрасль — судебную — отъ аукціоннаго торга.

Наконецъ мы упомянемъ здѣсь о третьей его реформѣ, — строго экономической и въ высшей степени народной; мы говоримъ объ уничтоженіи внутреннихъ заставъ и таможенъ. Какъ порожденіе феодальнаго самоуправства, внутренняя таможенная система разбросила сѣть безчисленныхъ препятствій и стѣсненій по всей Франціи. Каждый сеньёръ, пользуясь правомъ поземельнаго собственника, опредѣлялъ и собиралъ пошлыны за проѣздъ по его владѣніямъ произвольно. И по мѣрѣ того, какъ эти владѣнія дробились, затрудненія коммерческихъ сношеній возрастали. «Купцу, говоритъ Бланки, положительно нельзя было сдѣлать ни одного шага, чтобъ не заплатить за право проѣзда — онъ платилъ за мосты, за сплавку по рѣкѣ, за проходъ мимо замка, за пыль, которую поднималъ по дорогѣ и за множество другихъ случаевъ». (*Histoire de l'économie politique*, т. 1, стр. 139.) Послѣ этого не удивительно, если торговля среднихъ вѣковъ болѣе походила на воровство, чѣмъ на социальную связь людей и народовъ. Гонимый еврей, для котораго деньги были единственнымъ сокровищемъ въ жизни, — религіей, отечествомъ, правомъ гражданства и властью, поддерживалъ эту связь обманомъ ростовщика. Впослѣдствіи, когда феодальная ограда стала валиться, таможенные таксы обратились въ мѣстные права муниципальныхъ обществъ; города и провинціи, ради собственныхъ выгодъ, старались распространить ихъ, какъ можно шире. Пограничныя линіи были по-

всюду обставлены заставами и сторожками дозорщиковъ. Чтобъ привести, на примѣръ, изъ Анжера въ Марсель, телегу хлѣба, надо было заплатить девять разъ пошлину и получить девять квитанцій. Въ одномъ мѣстѣ можно было сплавлять товаръ только водой; въ другомъ — только сухимъ путемъ; тамъ надо было объѣхать охотничій паркъ барина, здѣсь тащиться по ступицу въ грязи, чтобъ не беспокоить мирную обитель монастыря. Притомъ на каждой границѣ была своя мѣра, своя монета, свой уставъ и своя расправа. Если мы прибавимъ къ этому разбой на проселочныхъ дорогахъ, невѣжество торговаго класса и безнаказанный произволъ таможенныхъ чиновниковъ, обезпеченныхъ наемными судьями на случай жалобы или процесса, мы составимъ приблизительно-вѣрную картину средневѣковой промышленности.

Кольберъ совершенно понималъ, что для успѣха ея необходимо удалить препятствія, отдѣлявшія производителя отъ потребителя и потомъ вырвать ее изъ рукъ паразитовъ. Но вопросъ былъ такъ запутанъ, что разрѣшить его безъ потрясенія множества частныхъ интересовъ было невозможно. При всей его стойкости, онъ не рѣшился на радикальный переломъ и ограничился только полумѣрой. Въ концѣ 1664 года онъ предложилъ ввести однообразный тарифъ; двѣнадцать лучшихъ провинцій согласились принять его, а остальные продолжали упорствовать, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, на примѣръ, Валансъ, держались старой рутины до самой революціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ Кольберъ убавилъ пошлины и уничтожилъ многія права ввоза и вывоза. Не смотря на странное раздвоеніе Франціи на двѣ торговыхъ системы, прогрессъ былъ огромный. Почти половина страны усвоила новую систему тарифа; доставка товаровъ сдѣлалась легче, социальное движеніе прибыло; обращеніе капиталовъ и дѣятельности оживилось; тысячи пустыхъ и часто пошлыхъ формальностей сами собой исчезли. Это улучшеніе было такъ быстро и очевидно, что нѣкоторые города, безъ всякаго приглашенія, послѣдовали примѣру первыхъ. Жалко одно, что Кольберъ, столь рѣшительный въ другихъ обстоятельствахъ, остановился на полпути своего плана; онъ по-

жертвовалъ величайшими результатами полной реформы духу партіи, вовсе не опасной, потому что она не имѣла ни ума, ни воли, ни истины, чтобъ остановить исполненіе идеи, на сторонѣ которой было общественное нѣмя и благословеніе народа.

Доселѣ Кольберъ разрушалъ и карагъ; теперь пришло время строить и облегчать; доселѣ онъ былъ преобразователемъ, теперь является законодателемъ. Видя Францію бѣдную, голодную, измученную привилегированными ворами, ошутанную долгами и процессами, онъ хотѣлъ пробудить въ ней народныя силы и дать ей богатство. Онъ зналъ, что всѣ данныя условія улучшенія жизни скрывались въ недрахъ страны, но скрывались, какъ зерно въ заброшенной нивѣ, какъ мощь человѣка въ больномъ тѣлѣ. Географическое положеніе у двухъ морей, плодоносная почва, прекрасный климатъ, разнообразіе естественныхъ произведеній и гений народа — все ругалось за болѣе счастливую судьбу Франціи. Кольберъ понялъ, что источникъ ея бѣдности, между прочимъ, заключался въ одностороннемъ направленіи общественной дѣятельности, ограниченной однимъ земледѣльческимъ трудомъ; что для успѣха этого труда необходимо развитіе мануфактурной промышленности, что равновѣсіе этихъ двухъ силъ есть непремѣнный законъ экономическаго прогресса. Мысль достойная знаменитаго министра! Опыты двухъ-сотъ лѣтъ убѣдили Европу въ ея справедливости, и если она не вездѣ вошла въ совѣты правительствъ, то давно оправдана фактами и принята наукой.

Пояснимъ эту мысль. Экономія труда, какъ одно изъ главныхъ условій цивилизаціи, основывается на гармоніи между производительными силами природы и человѣческой способностью — употреблять ихъ въ свою пользу. Чѣмъ стройнѣй соединяются эти два начала, то есть, чѣмъ лучше гений человѣка овладѣваетъ разнообразными стихіями природы, тѣмъ выше успѣхъ труда и легче побѣда. Земля вездѣ и всегда служитъ неистощимой кормилицей человѣка, но она отдаетъ сокровища только по мѣрѣ нашего искусства и силы. Цвѣтущее земледѣліе всегда было результатомъ не обилія и богатства почвы, а высокаго гражданскаго раз-

витія; оно требуетъ, кромѣ силы мускуловъ, глубокихъ и разностороннихъ познаній. «Хорошій земледѣлецъ, говоритъ американскій социалистъ, постоянно старается объ улучшеніи механическихъ орудій, утилизируя тѣ матеріалы, которые прежде не имѣли никакой цѣны для человѣческаго прогресса; и чѣмъ сумма такого труда больше, тѣмъ вознагражденіе его лучше, а цѣнность земли выше. Запуская плугъ глубже, онъ собираетъ плодъ богаче; осушая почву, онъ споритъ свою жатву... Во всякомъ случаѣ, чѣмъ полнѣй онъ прилагаетъ силы къ ея разработкѣ, тѣмъ трудъ его вознаграждается лучше, если притомъ подъ рукой его находится мѣстный рынокъ.» (Princ. of Soc. science. By Carey, т. II, стр. 29.) Такъ жизненные нервы земледѣлія невидимо, но тѣсно соединяются съ общественнымъ образованіемъ, съ политической свободой, съ воспитаніемъ массъ, съ семейнымъ и гражданскимъ благосостояніемъ народа. Въ порядкѣ социальнаго развитія, оно не предшествуетъ а слѣдуетъ за прогрессомъ промышленности; ему необходимо усовершенствованіе механическихъ искусствъ, открытіе новыхъ способовъ удобренія, разнообразіе въ занятіяхъ и средствахъ жизни. Съ другой стороны, земледѣліе, возведенное на степень правильнаго труда, помогаетъ успѣху мануфактурной дѣятельности, обогащая ее новыми матеріалами и вызывая новыя потребности. Если только эти два органа народнаго богатства дѣйствуютъ согласно, по направленію къ одной цѣли, если мануфактурный трудъ не стѣсняетъ земледѣльческаго, и обратно, общество представляетъ два капитальныхъ явленія: 1) сближеніе производителя съ потребителемъ и 2) улучшеніе земледѣльческаго класса, съ повышеніемъ цѣнъ на сырые матеріалы и съ пониженіемъ на фабричныя произведенія.

Всякое противоположное направленіе ведетъ къ односторонней системѣ, вредной развитію народныхъ силъ; если земледѣліе принимаетъ исключительный характеръ, разрывая соотвѣтственную связь съ мануфактурной промышленностью, неизбежно является нищета самаго многочисленнаго класса и богатство немногихъ, живущихъ насчетъ чужаго труда и состоянія: это эпоха рабства и централизаціи. Напротивъ, если фабрика и торгъ вытѣсняютъ земледѣльческій трудъ,

общество падаетъ въ другую крайность; оно приноситъ работника въ жертву капиталисту и порождаетъ тотъ социальный паразитизмъ, съ которымъ идетъ рядомъ бѣдность и развратъ современнаго пролетарія. Во главѣ послѣдней системы стоитъ Англія. Ея коммерческая политика всегда стремилась къ уничтоженію международной солидарности, къ закрытію мѣстныхъ рынковъ и къ разъединенію производителя съ потребителемъ. Это политика эгоизма и смерти, еслибы мы отняли у нея великія гражданскія начала. Вслѣдствіе системы, основанной на споліаціи человѣческаго труда и слѣдовательно собственности, только одна четвертая часть ея народонаселенія производитъ, а три — остаются праздными или бесполезными членами общества. «У насъ, говоритъ Стюартъ Миль, десять лавочниковъ работаютъ надъ такимъ дѣломъ, для котораго было бы довольно одного.» (Political Economy. By J. S. Mill, т. II, стр. 311.) Нигдѣ, послѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, экономія механическаго труда не достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Англіи; паровыя машины ея равняются шести стамъ милліонамъ человѣческихъ силъ; въ распоряженіи ея двадцать тысячъ кораблей, въ четыре милліона съ половиной тоннъ; ея желѣзные рельсы покрываютъ девять тысячъ пять-сотъ шесть миль, по которымъ, въ 1858 году, проѣхало около ста сорока милліоновъ пассажировъ (Cagey, т. I, стр. 385. Times, 1859, octob. 17). При такомъ необыкновенномъ движеніи общества и экономіи труда, повидимому, земледѣлецъ долженъ находиться въ возможно-лучшемъ состояніи. Къ сожалѣнію, вотъ безпристрастная оцѣнка его: «Позвольте спросить, говоритъ Кобденъ, какимъ образомъ семейство, состоящее изъ пяти лицъ, въ бѣдномъ состояніи, можетъ жить хлѣбомъ по два съ половиною пенса (семь копеекъ серебромъ) за фунтъ? Никто не можетъ сказать; но посмотрите на крестьянина, когда онъ положитъ свою косу или кирку и сядетъ за обѣдъ подъ навѣсомъ или на чердакѣ, загляните въ его сумку, или войдите въ его хижину въ двѣнадцать часовъ и спросите, изъ чего приготовленъ обѣдъ его семьи: — изъ хлѣба, — рѣдко изъ чего-нибудь лучшаго, да и того не всегда вдоволь; изъ его платы ему не остается

ничего на чай, сахаръ, мыло, свѣчи или одежду, тѣмъ мѣнѣе — на воспитаніе дѣтей; что принесетъ ему жатва будущаго года, то уже истрачено имъ на сапоги. И это участь милльоновъ людей, живущихъ подъ нашими дверями; это большинство земледѣльцевъ, о счастіи которыхъ мы такъ много разглагольствуемъ. Никогда на памяти человѣческой состояніе ихъ не было такъ дурно, какъ въ настоящее время.» (What next? By Cobden, стр. 45.) Другой ученый экономистъ, долго наблюдавшій социальное состояніе континента, увѣряетъ насъ, что «ни въ одной странѣ Европы, развѣ за исключеніемъ Турціи, южной Италіи и нѣкоторыхъ частей Австрійской имперіи, нѣтъ невѣжественнѣе, безнравственнѣе, беспомощнѣе и бѣднѣе земледѣльческаго сословія, какъ въ Англии» *). (Social Condition of England and Europe. By Kay, т. I, стр. 70.) Теперь спрашиваемъ, на что же истрачивается эта колоссальная работа машинъ, паровъ, судоходства и громаднхъ капиталовъ, спосимыхъ въ Лондонъ со всѣхъ концовъ міра? Въ этомъ вопросѣ вся задача нашего вѣка и будущая реформа Англии. Она истощила всѣ средства, чтобъ отвести ея грозное приближеніе, но вопросъ слишкомъ созрѣлъ и постоянно становится передъ ней, какъ тѣнь отца Гамлета, преслѣдующая своего убійцу. Увлеченная колониальной системой, она такъ сжилась съ ея меркантильными интересами, что ни громкій протестъ Адама Смита, ни вопль чартистовъ и филантроповъ, ни благородное негодованіе социальныхъ вождей не могутъ разсѣять ея летаргическаго сна. Эту систему Робертъ Пидль очертилъ нѣсколькими словами: «покупай на самомъ дешевомъ рынкѣ, а продавай на самомъ дорогомъ; захватывай трудъ какъ можно невыгоднѣй для работника, а сбывай его какъ можно выгоднѣй для себя.»

*) «Английскій земледѣлецъ, говоритъ Кэрей, страдаетъ оттого, что онъ служить простымъ орудіемъ въ рукахъ купца, который пользуется имъ, пока онъ нуженъ, а потомъ бросаетъ его, какъ изношенную шапку или перчатку. Средства жизни его вмѣстѣ съ семействомъ видоизмѣняются отъ 6—9 шиллинговъ (7½—11¼ рублей ассигнаціями) въ недѣлю; изъ этого два шиллинга онъ платитъ ренту за хижину, такъ что ему остается не болѣе двадцати копеекъ ассигнаціями въ день, изъ чего онъ долженъ накормить, одѣть и воспитать своихъ дѣтей.» (Carey, т. II, стр. 93.)

По этому правилу древняя британская пословица: «иностралецъ покупаетъ отъ англичанина шкуру лисицы за грошъ, а продаетъ ему одинъ хвостъ ея за шиллингъ,» теперь эта пословица обратилась на другихъ народовъ, покоренныхъ Англiей. Она ищетъ богатства не въ трудѣ, а въ деньгахъ, не въ развитiи силъ человѣка, а въ порабощенiи его матеріальнымъ интересамъ дня. Стараясь предупредить вездѣ связь земледѣльца съ фабрикантомъ, она устроиваетъ для цѣлаго міра одну центральную лавку. Извѣстно, какъ она довела Ирландію до упадка ея мануфактуръ и періодическихъ возстаній раздѣлаго и истомленнаго народа. «Ей (т. е., Ирландiи), говоритъ Кэрей, не осталось выбора между переселеніемъ и голодной смертью; мы видимъ, что ирландецъ покидаетъ домъ отца, и повсюду ищетъ пропитанія, котораго не можетъ дать ему страна, богатая землей и минералами, обильная судоходными рѣками и открытая сообщеніямъ всѣхъ націй» (Cagey, т. I, стр. 331—332). Съ тѣмъ вмѣстѣ въ послѣдніе тридцать лѣтъ (1821—1851 г.) убыль народонаселенія достигаетъ здѣсь поразительной цифры — болѣе одного милліона съ половиной. «Чему надо приписать, спрашиваетъ Кэрей, это необыкновенное явленіе? Конечно, не недостатку земли, потому что около одной трети всей географической поверхности — включая сюда милліоны самыхъ плодородныхъ десятинъ королевства — остаются невоздѣланными. Конечно, не бѣдности этихъ почвъ, потому что онѣ всегда считались самыми лучшими въ предѣлахъ британской имперiи. Конечно, не недостатку минеральныхъ рудъ или угля, потому что желѣзо и камень превосходнаго качества, равно какъ и другіе металлы, находятся здѣсь въ изобилiи. Конечно, не недостатку физическихъ свойствъ ирландца; доказано, что онъ способенъ работать гораздо больше, чѣмъ англичанинъ, французъ или бельгіецъ. Конечно, не отсутствію его умственныхъ дарованій, потому что Ирландія дала Англiи лучшихъ солдатъ и государственныхъ людей, и заявила міру, что она способна къ величайшему нравственному совершенству. И не смотря на всѣ естественныя превосходства, ирландецъ дома — рабъ поземельнаго собственника, окруженный такой бѣдностью и разоромъ, какого мы не видимъ ни въ одной

части образованнаго міра» (Cagey, т. I, стр. 331). Бросая взглядъ на эту печальную картину, англійскіе экономисты объясняли ее недостаткомъ мѣстныхъ капиталовъ, чрезмѣрнымъ народонаселеніемъ, образомъ жизни и пищи ирландца, но все это далеко отъ истины; упадокъ земледѣлія здѣсь шелъ въ прямой пропорціи съ уничтоженіемъ мануфактурной промышленности; вывозъ сырыхъ матеріаловъ и отдаленность рынка истощали производительность почвы и сократили кругъ дѣятельности и разнообразіе занятій рабочаго класса. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны запросъ на трудъ увеличился, и вознагражденіе уменьшилось, поземельныя ренты поднялись, а средства работника понизились.

Еще ярче выразился этотъ фактъ въ судьбѣ восточной Индіи, которая бѣднѣла по мѣрѣ того, какъ Англія богатѣла. Здѣсь меркантильное зло, подкрѣпленное всѣми жестокостями огня и меча, обратило богатѣйшую страну въ мірѣ въ безгласную жертву нищеты, тиранніи и бунтовъ. Обложенная безчисленными таксами, оцѣпленная таможенными, осажденная военнымъ лагеремъ, ограбленная въ дому, на рынкѣ и на полѣ, Индія, подъ видомъ европейской цивилизаціи, вынесла всѣ бѣдствія покореннаго народа. «Дурное управленіе англійской компаніи, говоритъ Маколэ, было доведено здѣсь до такой крайности, что съ нимъ едва было совмѣстно существованіе общества. Она принудила жителей продавать дешево, а покупать дорого; она безнаказанно оскорбляла полицію, судебные трибуналы и туземныя власти. Между тѣмъ, какъ въ Калькуттѣ быстро росли громадныя состоянія, тридцать милліоновъ людей едва не умирали съ голоду. Они привыкли жить подъ ярмомъ деспотизма, но никогда не видѣли деспотизма, подобнаго нашему... Подъ старымъ правленіемъ, по крайней мѣрѣ, у нихъ было одно облегченіе: когда оно становилось невыносимымъ, народъ возставалъ и низвергалъ правительство. Но англійскій гнетъ лежалъ на нихъ крѣпко; это самый жестокий гнетъ варварской тиранніи, вооруженный всей силой цивилизаціи. Онъ болѣе походилъ на правленіе злаго генія, чѣмъ на правленіе человѣческаго самовластія». (Speeches. By Macaulay. т. II, стр. 27, 1855.) Последнее возстаніе освободило Индію изъ рукъ компаніи, «от-

мѣтившей свою исторію всѣми злодѣйствами, какія только могло придумать человѣческое воображеніе», но не измѣнило общаго хода англійской политики. Эта политика, со времени плессейской побѣды, постоянно стремилась къ вытѣсненію мѣстныхъ властей и утвержденію централизаціи. Орудіемъ ея была торговля. Вѣрная споліантивному началу, Англія начала съ монополіи труда и произведеній земли. Уничтожая мало-по-малу мануфактурную промышленность, она оставила многочисленному народонаселенію Индіи одну разработку полей. Еще въ концѣ прошлаго вѣка здѣсь процвѣтали богатыя фабрики, съ которыхъ отпускалось шерстяныхъ матерій на 200,000,000 ливровъ; одна Дикка имѣла до 90,000 торговыхъ домовъ. Теперь всѣ эти великолѣпныя заведенія лежатъ въ развалинахъ; Англія перенесла ихъ на бирмингемскія и ливерпульскія факторіи, заставивъ индійца платить не менѣе шиллинга за то же количество хлопчатой бумаги, обращенной въ чулки или рубашки, которое онъ добываетъ съ земли за одно пенни. Фунтъ сахара, пронесенный два раза по океану и прошедшій черезъ руки множества торговыхъ посредниковъ, продается ему въ десять разъ дороже, чѣмъ стоилъ бы на самомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, какъ добываніе самыхъ обыкновенныхъ удобствъ жизни сдѣлалось почти невозможнымъ, тысячи работниковъ оставлены безъ дѣла. «Большая часть времени у рабочаго класса въ Индіи, говоритъ Чапмэнъ, пропадаетъ въ лѣности. Я нисколько не думаю обвинять его въ порокъ; лишенный возможности отпустить излишекъ своихъ произведеній за-границу, съ ничтожными средствами капитала, знанія и механическаго искусства, онъ не можетъ разработывать на мѣстѣ предметы, доставляющіе народу удобства лучшей соціальной жизни; и онъ, дѣйствительно, не имѣетъ никакого желанія работать свыше того, что необходимо для удовлетворенія насущныхъ и самыхъ ограниченныхъ его потребностей..» Вѣроятно, половина времени и энергіи индійца погибаетъ даромъ; послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что страна бѣдная». (Cotton and Commerce of India. By Charman. стр. 110.) Но это не все; отсутствіе путей сообщенія, соединенное съ потерей времени и капитала, съ изнуреніемъ человѣческихъ силъ и

страданиями животныхъ, отнимаетъ послѣднія средства для легкаго объёма труда и произведеній. Во время неурожаевъ цѣлые округи томятся голодной смертью, тогда какъ въ другихъ частяхъ имперіи земледѣлецъ нуждается въ сбытѣ своего хлѣба. Все это прекратило взаимныя отношенія людей и довело агрикультуру до крайняго запустѣнія. Подобно Ирландіи, почва ея тощала по мѣрѣ уничтоженія фабричнаго труда, пропорціональной нищетѣ, рабству и невѣжеству челоуѣка. Лучшія пажити, нѣкогда покрытыя роскошнѣйшими жатвами, теперь заброшены; даже долина Гангеса, — эта обѣтованная земля древняго райа, — въ настоящую минуту представляетъ жалкій видъ полудикой пустыни.

Матеріальное несчастье народа всегда тѣсно соединялось съ его нравственнымъ паденіемъ. По мѣрѣ того, какъ исчезала индивидуальная способность индїйца и социальное движеніе, парализированное изсякшими источниками труда, нравственныя связи страны ослабѣвали. Воровство, коварство и ложь вошли въ обыденный порядокъ вещей. «Чѣмъ долѣе, замѣчаетъ Чапмэнъ, мы владѣемъ провинціей, тѣмъ обыкновеннѣй и общѣй становится вѣроломство». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ глубже проникаемъ въ сѣверо-западные части Индіи, куда англійская система еще не успѣла пронести своего растлѣнія, тѣмъ общество здоровѣй и нравственнѣй. Въ Пунджабѣ, при всей мѣстной тираниі, чувство личнаго и общиннаго права, чувство взаимнаго уваженія и отвѣтственности сохранились лучше, чѣмъ въ Бенгалѣ и Мадрасѣ. «Посмотрите, куда угодно, на эту великолѣпную страну, говоритъ Кэрей, вы вездѣ видите упадокъ индивидуальности и силы ассоціаціи, сопровождаемой прогрессивнымъ возвышеніемъ централизаціи; изъ всѣхъ послѣднихъ примѣровъ самымъ разительнымъ служитъ присоединеніе Удской области. Централизація, рабство и смерть всегда идутъ рядомъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ мірѣ» (Cagey, т. 1, стр. 343).

Къ такому результату, обыкновенно, приводитъ система исключительнаго торга, основанная на монополіи труда, на уничтоженіи мѣстной дѣятельности и на развитіи мануфактурной промышленности въ ущербъ земледѣлію. Отъ Смир-

ны до Кантона, отъ Мадраса до Самарканда, Англія поглотила всѣ туземныя фабрики, и тѣмъ приготовила нищету милліонамъ побѣжденныхъ народовъ ради богатства одной метрополіи. Она чувствуетъ, что такая система, какъ выразился Стимзъ, со временемъ можетъ потопить ее въ слезахъ и крови непрерывныхъ бунтовъ угнѣтеннаго Востока.

Возвращаемся къ Кольберу. Главная идея его, какъ сказано выше, состояла въ томъ, чтобъ ввести Францію въ сферу новой промышленной дѣятельности, соединивъ земледѣліе съ фабричною производительностью. Здѣсь мы должны оправдать министра отъ обвиненія, что будто онъ, открывая новые родники народному богатству, совершенно пренебрегъ капитальной отраслю его — агрикультурой. Какъ человѣкъ системы, онъ, дѣйствительно, увлекся своей преобладающей мыслью, придавая ей гораздо больше значенія, чѣмъ она могла имѣть на самомъ дѣлѣ; но нельзя упрекнуть его въ непониманіи или равнодушіи къ интересамъ земледѣлія. Мы уже видѣли, что онъ сократилъ бесполезныя служебныя мѣста, въ продолженіе всей жизни старался облегчить общественные налоги, запретилъ отбирать скотъ и орудія у крестьянъ и заботился о введеніи кадастра; мы знаемъ, что онъ употреблялъ всѣ усилія уменьшить или ослабить хищные аппетиты тунеядныхъ сословій, которыя сосали народныя силы, не прибавляя къ нимъ ни одного жизненнаго элемента. Съ этой цѣлью, между прочимъ, онъ убавилъ норму процентовъ съ внутреннихъ займовъ, которыми жили болѣе двухъ-третьей всего народонаселенія. Видя, что съ одной стороны духъ спекуляціи породилъ множество людей, богатѣвшихъ единственно на-счетъ нуждъ и бѣдности народа, съ другой — нищета сельскихъ работниковъ принуждала ихъ часто обращаться къ заимодавцамъ, онъ ограничилъ выгоды первыхъ и поднялъ значеніе вторыхъ. Убѣжденный, что производительный трудъ есть самое вѣрное средство къ достиженію общественнаго довольства, онъ хотѣлъ уронить стоимость денегъ и тѣмъ возвысить цѣнность земли и человѣка. Наконецъ онъ возставалъ противъ безумной роскоши двора, разорительныхъ войнъ и еще болѣе разорительнаго содержанія огромной арміи, пожирившей десятую часть государ-

ственныхъ доходовъ (Clément, стр. 264 — 269). Изъ всего этого видно, что Кольберъ отнюдь не пренебрегалъ земледѣльческимъ трудомъ и судьбой двадцати милліоновъ Франціи.

Но если нельзя обвинить его въ исключительномъ направленіи его системы, то надо согласиться, что дѣятельность его была односторонней, потому специальная цѣль его состояла въ развитіи мануфактурной промышленности. Сначала онъ только чувствовалъ ея недостатокъ; потомъ, работывая одну отрасль за другой и угадывая счастливые результаты ихъ, глубже и глубже заходилъ въ область своихъ идей и предпріятій. Малѣйшій признакъ успѣха одушевлялъ его новыми надеждами, и всякое препятствіе возбуждало новую энергію. Съ его деспотическими инстинктами и упрямствомъ систематическаго характера, онъ потратилъ много времени и средствъ единственно на то, чтобъ настоять на своемъ замыслѣ, выполнить его во-что бы то ни стало. Поэтому ошибки его также поразительны, какъ велики и смѣлы самые планы. «Я не могу не увлекаться работой, писалъ онъ брату въ 1674 году, потому что кромѣ ея не знаю другаго удовольствія въ мірѣ... Передо мной такъ много новыхъ открытій и соображеній, что еслибъ моя жизнь состояла изъ тысячи жизней, то и тогда я далеко не достигъ бы желаемой цѣли. Чего бы моя рука не коснулась, все требуетъ или поправки или разрушенія, и чѣмъ дальше развивается мой планъ, тѣмъ больше вызываетъ на мысль, обсужденіе и дѣло; но взявшись за дѣло, я рѣдко умѣю остановиться, не увидѣвъ послѣдняго результата, какой бы онъ ни былъ». (Correspondance de Colbert. A la bibliothèque du Louvre. N° 12). Это говоритъ дѣйствительный министръ и человекъ, вовсе не упругаго характера. Такіе темпераменты способны къ величайшему злу или добру, смотря по обстоятельствамъ. Это тѣ планеты нравственнаго міра, которыя свѣтятъ и жгутъ, живутъ и мертваютъ, по мѣрѣ разстоянія отъ предмета. Упорная и тиранническая воля Кольбера тѣмъ болѣе вредила его свѣтлому настроенію духа, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ другой воли, не менѣе стойкой, и болѣе грубой.

Но не столько личный характеръ, сколько предрасудки вѣка и царствованіе Лудовика XIV перепутали лучшіе его замыслы и осудили его систему на величайшія ошибки. Основной принципъ былъ понятъ вѣрно, но примѣненіе его было ложно. Поэтому въ администраціи этого государственнаго чловѣка надо строго различить идею отъ факта, теоретическое соображеніе отъ практическаго результата. Иногда самыя чистыя и благородныя намѣренія его оканчивались самыми вредными послѣдствіями. *«Всегда великолѣпный въ идеяхъ, говоритъ Шуази, онъ былъ почти всегда несчастливъ въ исполненіи... Онъ организовалъ всевозможныя мануфактуры, которыя стоили больше чѣмъ онѣ приносили; онъ учредилъ компанію восточной Индіи, не имѣя достаточнаго фонда и не сообразивъ, что французы, нетерпѣливые по природѣ и въ этомъ отношеніи вовсе не похожіе на голландцевъ, никогда не могли жертвовать капиталомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ на такое предпріятіе, изъ котораго они не извлекали никакой выгоды».* (Цит. Clément, стр. 229). Осматривая дѣятельность Кольбера вообще, мы чувствуемъ, что надъ всѣми его планами тяготѣла какая-то виѣшняя разрушающая сила. *«Я не знаю, пишетъ онъ, огорченный глухимъ ропотомъ провинцій, почему мнѣ суждено встрѣчать тысячи препятствій тамъ, гдѣ я вправѣ ожидать полное сочувствіе... Какъ будто духъ зла нарочно опрокидываетъ то, что я строю».* (Correspondance de Colbert. N° 16). Къ сожалѣнію, Кольберъ не замѣтилъ, что этотъ *духъ зла* скрывался въ немъ самомъ и въ обстоятельствахъ, выше которыхъ онъ не могъ или не умѣлъ стать.

Какъ государственный дѣятель, онъ вполнѣ исповѣдывалъ вѣру своего вѣка. Его политическія убѣжденія были убѣжденіями Ришелье и Лудовика XIV. Централизація Франціи казалась ему идеаломъ совершенства; обманутый ея наружнымъ блескомъ и силой, онъ помогалъ королю затягивать народную жизнь въ пустыя административныя формы, и тѣмъ стѣснять ея естественное теченіе. Гдѣ бы ни проявилась индивидуальная воля общества, — въ протестѣ парламента или генеральныхъ штатовъ, въ просьбѣ торговой компаніи или цѣлой провинціи, онъ всегда принималъ сторо-

ну власти, какъ будто правота неразлучна съ силой. И если общественное мнѣніе протпворѣчило интересамъ ея или его личнымъ воззрѣніямъ, онъ не уважалъ, это мало— онъ часто презиралъ его. Онъ думалъ, что чѣмъ больше государство выѣшивается въ намѣренія, желанія и дѣйствія частнаго лица, не оставляя ему ни свободы совѣсти, ни домашней защиты, тѣмъ счастливѣе народъ. Такое убѣжденіе, естественно, привело Кольбера отъ политическаго принципа къ ложному экономическому воззрѣнію; оно было главнымъ источникомъ всѣхъ его заблужденій и постоянныхъ противорѣчій самому себѣ. Искренно желая разбудить дремавшія силы Франціи, онъ разбудилъ ихъ для того, чтобъ заковать въ новыя цѣпи; предполагая облагородить трудъ и возвысить его цѣну, онъ унизилъ его до непонятнаго рабства. Поэтому творчество идеи его, сила характера и двадцать лѣтъ строго-выдержанной дѣятельности окончились печальными результатами. Онъ оставилъ Франціи двѣсти семьдесятъ шесть морскихъ сооруженій, обогатилъ ее фабриками, далъ возможность королю совершить нѣсколько блистательныхъ походовъ и построить нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ, но народу не далъ ни богатства, ни правильно-организованнаго труда. Послѣ его смерти земледѣльческое сословіе находилось въ худшемъ положеніи, чѣмъ во времена Сюлли. Кто бы могъ подумать, что, послѣ всѣхъ его добрыхъ желаній, народъ могъ такъ бѣдствовать, какъ это видно изъ слѣдующаго отзыва герцога Ледигьера: «Я увѣрился, пишетъ онъ Кольберу въ 1675 году, и считаю долгомъ извѣстить васъ, что большая часть жителей нашей провинціи (Дофине)—пробивалась въ продолженіе зимы пищей изъ желудей и корней и теперь они ѣдятъ траву и древесную кору». (Clément, стр. 279). Такое положеніе не было исключеніемъ одной или двухъ провинцій; напротивъ, подобныя донесенія приходили къ Кольберу со всѣхъ частей Франціи. Онъ отвѣчалъ на нихъ постояннымъ запрещеніемъ вывозить зерновой хлѣбъ за-границу, но запрещенія если и облегчили зло, то на нѣсколько мѣсяцевъ, и увеличивали его на будущее время. «Администрація Кольбера, справедливо замѣчаетъ Клеманъ, представляетъ единственное и грустное зрѣлище министра, который,

не смотря на горячее сочувствіе благу народа, сдѣлалъ ему, можетъ быть, болѣе зла». (Clément, стр. 281). Такова участь государственныхъ реформъ, постановленныхъ на ложныхъ основахъ...

Идею централизаціи и неизбежнаго съ ней деспотизма, Кольберъ выразилъ во всѣхъ административныхъ актахъ. Онъ, прежде всего, примѣнилъ ее къ ремесленнымъ корпораціямъ, которыя въ его время потеряли смыслъ. Какъ единственная защита противъ феодальнаго самоуправства, онѣ образовались въ средніе вѣка вслѣдствіе того же притязанія на власть и привилегію, которое господствовало въ замкѣ, монастырѣ и школѣ. Мастерская, подобно кельѣ, допустила іерархію работниковъ, управляемыхъ своимъ уставомъ, своими синдикатами, совѣтами и адвокатами. Сложившись въ крѣпко-замкнутую касту при Лудовикѣ Святомъ, она постепенно усложняла стѣснительныя правила, пока не довела ихъ до ненавистной монополіи. Не было ни одной, самой ничтожной отрасли труда, которая бы не была обложена налогомъ и не составляла исключительнаго цеха. Такъ четыре отдѣльныя корпораціи занимались выдѣлкой шляпъ — одна производила только шерстяныя, другая цвѣтныя, третья — съ павлиньими перьями, четвертая — суконныя; одна могла дѣлать только ножи, а другая только ножевые черенки. Притомъ каждая стремилась захватить въ свои руки какъ можно болѣе монополіи и привилегій. Отсюда происходили постоянныя столкновения между цеховыми сословіями и безконечныя процессы, въ свою очередь порождавшіе безконечную бюрократію. Къ концу XVII вѣка судебныя издержки по тяжбамъ ремесленниковъ дошли болѣе чѣмъ до пятисотъ тысячъ франковъ. (Blanqui, т. I, стр. 311). Генрихъ III и его пріемники, увеличивая число цеховъ, въ то же время облагали ихъ болѣе и болѣе тяжелыми таксами, такъ что мастерской только начинавшій свое ремесло, былъ собственностью цеховаго тирана; хозяинъ (maître) имѣлъ право заставлять его работать подъ палочными ударами и если онъ послѣ семи или восьми лѣтъ добивался званія компаніона въ Бордо или Лионѣ, съ переходомъ его въ Парижъ или Орлеанъ онъ обязанъ былъ начинать снова съ простаго ремесленника. До ка-

кихъ нелѣпостей не доводитъ система, враждебная духу свободы. Но если производителю, рабу своего цеха, было тяжело, то потребителю, рабу лавки, было отнюдь не легче; онъ пріобрѣталъ удобства жизни на условіяхъ, произвольно налагаемыхъ той или другой корпораціей. Злоупотребленія наконецъ были такъ очевидны и вредны развитію промышленности, что общество требовало отмѣны ихъ громко. Въ 1614 году генеральныя штаты формально протестовали, предполагая уничтожить всѣ цехи, основанные съ 1576 года и предоставить свободный выборъ и занятіе ремесломъ «всѣмъ бѣднымъ подданнымъ короля». (Clément, стр. 220). Но протесты забывались, и купеческій феодализмъ, болѣе ненавистный чѣмъ аристократическій и духовный, продолжалъ угнетать пролетарія и народъ. Кольберъ встрѣтился съ этимъ предразсудкомъ въ то время, когда нелѣпость его вполне разоблачалась: и за всѣмъ тѣмъ, онъ не только не ослабилъ, но укрѣпилъ его новыми распоряженіями. Думая одушевить мануфактурную промышленность и избавить ее отъ соперничества съ англійскими, голландскими и фламандскими фабриками, онъ хотѣлъ образовать способныхъ и дѣятельныхъ работниковъ. Но чтобъ образовать ихъ онъ избралъ средство, совершенно противоположное дѣлу, замѣнивъ послѣднюю свободу труда принужденіемъ, страхомъ и угрозой. Ему казалось, что довольно королевскаго указа, чтобъ пробудить въ работникѣ усердіе и знаніе — дѣла. Ему казалось, что чѣмъ больше правительство связываетъ руки мастераго, тѣмъ онъ будетъ умнѣй и энергичнѣй. Это обыкновенная метода старыхъ педагоговъ, которые учатъ религіи и всякому добру розгой. Слѣдуя этой системѣ, Кольберъ предписалъ «основать цехи тамъ, гдѣ ихъ не было, и дать всѣмъ корпораціямъ статуты, чтобъ съ помощію ихъ возвысить качество произведеній» (Clément, стр. 242). Въ 1666 году онъ издалъ эдиктъ, въ которомъ говорилось такъ: «ремесленники, дозволяя себѣ полную свободу производить матерію разной длины и широты, слѣдуютъ собственнымъ капризамъ; поэтому продажа ихъ значительно уменьшилась, но причинъ дурнаго издѣлія, къ общей невыгодѣ всѣхъ и каждаяго». (Clément, стр. 251). Что нужно было, чтобъ воз-

становить продажу? По мнѣнію Кольбера надо было предписать закономъ — опредѣленную мѣру каждой матеріи, качество и цвѣтъ ея. Далѣе онъ назначилъ возрастъ, когда мастеровой могъ сдѣлаться хозяиномъ, какая работа могла быть отдана мальчикамъ и какая дѣвушкамъ. Точно такими же правилами опредѣлялась фабрикація суконъ, ковровъ, мебели, стекла и проч. Въ инструкціи, состоявшей изъ 117 пунктовъ, встрѣчаются такія мелочи, которыя скорѣе походятъ на комическій фарсъ, чѣмъ на идею законодателя. Такъ, между прочимъ, было приказано торгошамъ вывѣшивать у своихъ лавокъ *блвы* водоемы, чтобъ отличить лавочниковъ отъ лѣкарей, которые выставляли желтые; только брадобрѣямъ-парикмахерамъ дозволялось продавать волоса, а всѣмъ другимъ было запрещено, *развѣ только они принесутъ къ первымъ свои собственные*. Весь этотъ административный соръ сваливался въ парламентъ и, за его скрѣпой, разносился по всей Франціи. Составителями регламентовъ были, обыкновенно, привилегированныя лица, изъ того же цеховаго сословія, которыя, разумѣется, не упускали случая придавить работника въ пользу собственныхъ интересовъ. За исполненіемъ ихъ наблюдали особенные агенты; штрафы и конфискаціи увеличивались по мѣрѣ того, какъ усложнялись предписанія. Все это возмущало общественное мнѣніе; работники не хотѣли повиноваться узаконеніямъ, а хозяева искали случая избѣжать ихъ обманомъ или подкупомъ; повсюду слышался ропотъ, иногда сопровождаемый серьезными оппозиціями. Кольберъ, по обыкновенію упорствовалъ: гдѣ истощились его увѣщанія и кроткія мѣры, тамъ онъ прибѣгалъ къ тираниіи. Въ статутѣ амьенской мануфактуры было умзано: «если въ ткани найдется хоть одна свѣжая и мокрая нитка, — съ цѣлію обмануть вѣсомъ, такую ткань слѣдуетъ сожечь на огнѣ». (Clément, стр. 236 — 239). «Какъ будто, справедливо выражаетъ Клеманъ, не было другаго, болѣе разумнаго средства, высушить нитку, какъ спалить ее на огнѣ». (Тамъ же). Съ тѣмъ вмѣстѣ для всей Франціи было введено въ обычай выставлять товары, выпущенные съ фабрики не въ томъ видѣ, въ какомъ предписывалъ законъ, — выставлять у позорнаго столба на площади, съ именами ви-

новныхъ. Теперь нельзя не изумляться, какимъ образомъ народъ могъ вынести это драконово законодательство и какимъ образомъ французская промышленность не задохлась подъ этой массой эдиктовъ. «Эта нація, говоритъ Форбоне, обвиняемая въ непостоянствѣ, самая упорная въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно сохранить ложныя мѣры, одинъ разъ принятыя ею». (Recherch. et consider. sur les finances de France, т. III., стр. 89).

За всѣмъ тѣмъ, благодаря духу времени и прогрессу общества, многіе мануфактуры, созданныя Кольберомъ, процвѣтали. Фабрики шелковыхъ тканей, Гобелиновъ и обоевъ сохранили доселѣ блескъ и всемірную репутацію. Образование послѣдующихъ поколѣній сообщило имъ тотъ единственный изящный вкусъ, который составляетъ огромный капиталъ народнаго богатства и отличительную черту французскаго гения. Но надо знать, чего онѣ стоили народу во время Кольбера. Чтобъ перенести во Францію иностранныя мануфактуры, которыхъ еще не было, и поощрить основателей ихъ, государство истрачивало каждый годъ до 12,000,000 ливровъ; отъ 1661 — 1710 поддержаніе одной фабрики Гобелиновъ и мыла стоило казнѣ 3,945,643 ливра. (Clément, стр. 227). Притомъ вліяніе Кольбера на его преемниковъ было самое вредное въ томъ отношеніи, что они, слѣдуя его фискальному направленію, не имѣли ни его таланта, ни любви, чтобъ уравновѣсить зло гибельной системы. Думая, что прогрессъ промышленности заключается не въ развитіи народа и свободной дѣятельности человѣка, а въ приказаніяхъ правительства и надзорѣ полицейскихъ агентовъ, они приняли призракъ за дѣйствительную силу, и наводнили Францію эдиктами, регламентами и статутами. Эта манія творить на бумагѣ учрежденія, компаніи и разныя отрасли труда, не вызванныя внутреннимъ процессомъ народою жизни, продолжалось до самой революціи, которая обратила въ пыль картонное построеніе десяти вѣковъ. По крайней мѣрѣ не облегчила ли она работника на счетъ общихъ лишеній? Такой вопросъ походить на слѣдующій: «будетъ ли скорѣе ходить пѣшеходъ, если набьютъ ему на ноги колодки.» Даже въ настоящую минуту, когда Франція перешла два ра-

дикальныхъ финансовыхъ кризиса, три европейскія революціи и нѣсколько гражданскихъ войнъ, положеніе ремесленника, по мнѣнію Корбона, ничѣмъ не лучше, если не хуже, бѣлаго негра. (De l'enseignement professionnel. Par A. Corbon, стр. 25). Если такъ теперь, то что же должно сказать о его состояніи за двѣсти лѣтъ, когда цѣлыя провинціи часто питались травой и желудями, когда личность человѣка стояла немногимъ больше вьючнаго животнаго, когда нищету считали непремѣннымъ удѣломъ народа, оскверняя этимъ софизмомъ святое имя Провидѣнія... Напротивъ, мы готовы думать съ Жюль Симономъ, что именно этой системѣ Франція обязана современнымъ безвыходнымъ положеніемъ рабочихъ сословій и парализнымъ состояніемъ труда. «Намъ предстоитъ одна реформа, говоритъ французскій профессоръ,—не отказываться отъ свободы, а довершить ее. Доселѣ вы только предвидѣли ее. Вы идете, связанные корпорціями, патентами, монополіями, статутами, привилегіями, таможами, запретительными правами и инквизиціей... Работникъ безъ сомнѣнія страдаетъ, но развѣ онъ будетъ страдать меньше, еслибъ вы закрыли половину фабрикъ? Вы говорите объ организаціи труда, а организуете лобное мѣсто.... Вы хотите реформъ, но развѣ преобразовать человѣка — значитъ опошлять его? Спросите у экономистовъ, они скажутъ, что свобода творитъ ремесленника; спросите у философовъ, они скажутъ, что изъ всѣхъ силъ первая и творческая сила—талантъ; не душите его!...» (La Liberté, par Jules Simon. 1859. Т. II, стр. 162—163).

Еще больше деспотическихъ стремленій выразилъ Кольберъ въ своей запретительной системѣ; она была также результатомъ его любви къ централизаціи и бюрократической маніи. Мы, конечно, не вправѣ обвинять его въ этой системѣ безусловно, потому что она въ ту эпоху господствовала повсюду; мы не можемъ никогда и нигдѣ признать ея справедливости *по принципу*, но есть періоды въ жизни каждаго народа, когда она оправдывается *по факту*. Во второй половинѣ XVII вѣка, при всеобщемъ невѣжествѣ промышленныхъ сословій, при отсутствіи всякой международной солидарности, при злоупотребленіяхъ привилегиро-

важныхъ классовъ, наконецъ при политической организаціи Франціи подъ правленіемъ Лудовика XIV, она была также естественна, какъ настоящая тюрьма и ссылка. Правительство, покровительствуя труду и успѣху торговли, думали, что они, дѣйствительно, покровительствуютъ обществу, нисколько не догадываясь, что ихъ слишкомъ отеческая заботливость предоставила народъ чистому произволу судьбы. Этого мало; не зная, гдѣ остановиться на пути протекціонной системы, они положительно вредили социальному прогрессу, увеличивая бѣдность рабочихъ классовъ и замедляя совершеннѣе народовъ. Положимъ, что намѣренія ихъ были хороши, но однихъ намѣреній недостаточно, когда практическое осуществленіе ихъ ведетъ къ другимъ результатамъ. Представимъ, еслибъ винные откупщики всего міра согласились уничтожить моря и рѣки, чтобъ отнять у насъ воду для утоленія жажды и тѣмъ поднять значеніе самого промысла, заставивъ насъ пить одно вино и водку; разумѣется, ихъ торгъ процвѣлъ бы и распространился повсюду. Представимъ, что ламповые мастера, для поощренія своей промышленности, запретили бы солнцу освѣщать насъ; разумѣется, они обогатились бы скоро; но большинство и въ томъ и въ другомъ случаѣ пострадало бы. Въ этомъ главная ошибка всякой запретительной системы: она удовлетворяетъ минутнымъ интересамъ или извѣстной кучкѣ людей на счетъ общаго зла и въ ущербъ миллионамъ. «Я могу выразить, говорить Жюль Симонъ, предупредительную систему въ двухъ словахъ: это система недовѣрія къ гражданину и полной довѣренности къ правительству». (La Liberté. J. Simon, т. II, стр. 225.)

Кольберъ возвелъ эту фаталистическую систему на степень классическаго авторитета. Онъ приложилъ ее не только къ мануфактурному, но и земледѣльческому труду. Мысль его, какъ всегда, была благородная, но примѣненіе ея нелѣпое. Желая сблизить земледѣльца съ фабричнымъ производителемъ и обезпечить Франціи самое существенное довольство; особенно въ продовольствіи войскъ на зимнихъ квартирахъ, онъ запрещалъ вывозъ зерноваго хлѣба за границу. Эти запрещенія были тѣмъ разорительнѣе для на-

рода, что они не имѣли ни опредѣленныхъ періодовъ, ни уважительныхъ причинъ; они въ расплохъ заставляли купца и земледѣльца, подрывая ихъ кредитъ другъ къ другу. Впродолженіе четырнадцати лѣтъ (1669—1683 годъ) вывозъ былъ прекращенъ на пятьдесятъ шесть мѣсяцевъ. Такой произволъ министра, часто основанный на воображаемомъ опасеніи, почти совсѣмъ остановилъ внутреннюю торговлю хлѣбомъ; лучшія поля были брошены, энергія и довѣріе работника упали и напуганное общество каждые три года испытывало непремѣнный голодь. Состояніе деревни было самое жалкое. За недостаткомъ первой необходимости, и всѣ остальные жизненные потребности вздорожали. Буа Гильберъ высчиталъ, что пара чулковъ, стоявшая въ началѣ XVII столѣтія пятнадцать су (семьдесятъ пять копеекъ ассигнаціями), черезъ сто лѣтъ продавалась въ пять разъ дороже, между тѣмъ какъ хлѣбъ оставался при той же цѣнѣ или сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно понизился. Такъ отъ 1656—1665 гектолитръ стоилъ восемнадцать ливровъ, а отъ 1666—1686 годъ — десять ливровъ. По мѣрѣ того, какъ производительность земли и добываніе сырыхъ матеріаловъ сократились, большая часть грубыхъ мануфактуръ, которыхъ издѣлія были особенно важны для народа, упали, когда правительство не поддерживало ихъ. Кольберъ разсылалъ приказы, погонялъ одного курьера за другимъ въ провинціи, совѣтовался, сердился, снова запрещалъ и снова позволялъ, но все было напрасно. Земледѣліе падало, а съ нимъ и благосостояніе всей страны. «Эту ошибку министра, говоритъ Клеманъ, столь замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, надо считать общественнымъ бѣдствіемъ; послѣдствія ея были самыя печальныя. Грустно сказать, что никогда состояніе сельскихъ жителей не было такъ бѣдно, какъ въ правленіе Лудовика XIV и даже во время администраціи Кольбера, то есть, въ самый прекрасный періодъ царствованія и въ началѣ тѣхъ великихъ роковыхъ войнъ, которыя отуманили большую часть его жизни.» (Clément, стр. 278.) Теперь понятно, что «злой духъ, который разрушалъ то, что строилъ Кольберъ», заключался въ самомъ характерѣ его дѣятельности. Не угадавъ великой

тайны народного богатства — свободы труда и индивидуальной независимости, онъ самъ уничтожилъ плоды своей свѣтлой мысли. Это былъ неутомимый строитель грандіознаго заданія на песчаной почвѣ; прежде чѣмъ онъ завершилъ его, увидѣлъ, что основаніе рушилось.

Но могъ ли Кольберъ, въ свое время, если не оцѣнить, то предвидѣть идею свободнаго труда? Разумѣется, могъ. Ее понималъ и выразилъ Локкъ въ Англии, ее предчувствовали во Франціи *), но она была достояніемъ немногихъ передовыхъ умовъ, свѣтившихъ для грядущихъ эпохъ и поколѣній. Для большинства же она была утопіей праздною фантазіей, потому что выходила изъ круга общепринятыхъ понятій. Это обыкновенная судьба великихъ идей, въ ихъ зародышѣ. Онѣ лежатъ безъ дѣйствія до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣтятся съ общимъ сочувствіемъ и благоприятными обстоятельствами. Послѣ этой встрѣчи онѣ дѣлаются практическими истинами, и неотразимо увлекаютъ за собой потокъ матеріальныхъ фактовъ. Мы живемъ въ то время, когда передъ нами совершается радикальный переворотъ въ европейскихъ обществахъ; но немногіе чувствуютъ его движеніе, еще меньше тѣхъ, кто понимаетъ его внутренній смыслъ. Можетъ быть, черезъ сто лѣтъ социальная наука обратится въ математическую аксіому, доступную уму каждаго ребенка, но теперь большинство считаетъ ее иллюзіей и боится, какъ старыя бабы боялся холоду. Кольберъ, какъ мы уже сказали, вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ умовъ, которые далеко видятъ въ будущемъ. Но еслибъ онъ и понялъ высокія требованія социальной жизни Франціи, то могъ ли онъ осуществить ихъ при Лудовикѣ XIV, и въ томъ обществѣ, которое доселѣ не можетъ принять ихъ? Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ въ ряду тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые осуждены падать подъ ношей

*) Еще въ 1623 году, одинъ безымянный авторъ издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Le nouveau Cynée ou discours des occasions et moyens d'établir une paix générale et la liberté du commerce par tout le monde*. Впоследствии Сэнъ-Пьеръ развилъ эту тему вполне. Что особенно замѣчательно въ этомъ произведеніи, — неизвѣстный ея писатель совершенно ясно понималъ многіе социальные вопросы нашего времени.

своего собственнаго труда. Онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать въ эпоху грубаго деспотизма.

Кольберъ представляетъ намъ два лучшихъ урока. Онъ доказалъ собой, что для воспитанія великаго государственнаго человѣка нужны великія гражданскія начала; что безъ политической свободы нѣтъ свободы труда, а безъ свободы труда нѣтъ народнаго богатства.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Лондонъ. 22 октября 1859.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ И. С. НИКИТИНА.

I.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые,
Глянешь назадъ, точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
Спать точно мертвое, спать какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ на вѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Вд-время счастье на зовъ не явилося,
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При-горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые,
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездоли помянется!

II.

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать;
Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
Мнѣ нужно слзы расточать?

Утраты, нужды и печали,
 Къ чему меня вы привели?
 Какой мнѣ путь вы указали?
 Какое благо принесли?

Дождусь ли я успокоенья, —
 Отъ мукъ разумнаго плода?...
 Рѣши ты, жизнь, мой сомнѣнья,
 Когда ты смысла не чужда!

Но если ты полна позора,
 Обмана, мелочныхъ заботъ, —
 Во что же вѣрить? Гдѣ опора?
 Изъ темной пропасти исходъ?

Исходъ... едва ли онъ возможенъ:
 Душа на скорбь осуждена,
 Изныло сердце, умъ встревоженъ,
 А даль темна, какъ ночь темна...

Ужъ не пора ли лечь въ могилу:
 Усопшихъ сонъ невозмутимъ...
 О, Боже мой! пошли Ты силу
 И каплю радости живымъ!

ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1743 годъ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

—
II 1).

ДВОРЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Вышняя жизнь двора Елисаветы: празднества, торжества, проповѣди и стихи хвалебные; банкеты и церемоніи; награды и повышенія. — Шубинъ. — Разумовскіе. — Великій князь Петръ Федоровичъ; его дѣтство и отрочество. — Петръ — капралъ голштинской гвардіи. — Производство его въ офицеры. — Брудершафтеръ. — Страсть къ фрунтовой выправкѣ. — Характеръ, способности и недостатки воспитанія Петра. — Первое свиданіе съ Екатериной. — Петръ въ Россіи. — Антипатія къ ней. — Веселовскій, Штелинь, Ланге, Тодорскій. — Внутренній бытъ двора: партіи, интриги, сплетни, подкупы и доносы. — Слѣдствія этого для Россіи и ея управленія.

«У того, кому самъ Богъ чрезъ собственный свой инструментъ (Елисавету) высочайшую власть жалуетъ, мы, какъ звѣри ненасытные, никогда своимъ недозвольнымъ, изъ горла выдираемъ, и за полушку, за щепку, за бездѣльнѣйшее нѣчто человекѣка умертвить мы рады!»

Слово Славяцкаго (1743 г., января 9, стр. 13).

Жизнь Елисаветы и ея двора въ первые годы сего царствованія отчасти разнится отъ послѣдующихъ годовъ: государыня была еще молода, хотя рѣдко, тѣмъ не менше

1) «Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ и первый годъ ея царствованія». См. наши статьи въ Русскомъ Словѣ 1859 г., № 2, 6, 8; главы I, II, III, IV до XIII включительно; также въ Русскомъ Словѣ 1860 года, № 1, Царствованіе Елисаветы 1743 года, глава I.

офаталась иногда къ дѣламъ государственнымъ, была жива, веселилась съ тѣмъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, съ какимъ отдавалась забавамъ до восшествія своего на престолъ. Она еще не погрузилась въ жизнь среди людей, *особенно къ ней приближенныхъ*; не всѣ еще ея занятія ограничивались препровожденіемъ времени за питьемъ и яствами въ обществѣ Разумовскихъ, Шуваловыхъ, Бекетова и новыхъ любимцевъ; не всѣ свободные часы отъ этихъ бесѣдъ проводила она у обѣденъ, всенощныхъ бдѣній и молебновъ. Но и въ первые годы царствованія Елисаветы характеръ ея достаточно обнаружился: и теперь она являла себя женщиной безпечной, легкомысленной, сластолюбивой; и теперь при ея дворѣ кипѣли распри и интриги сановниковъ, бушевали страсти; шла борьба, — не всегда замѣтная для императрицы, тѣмъ не менѣ самая ожесточенная.

Но прежде нежели раскроемъ пружины этой борьбы и обнажимъ тайную жизнь двора того времени, перевернемъ медаль: познакомимся съ официальной стороною этой жизни, съ тою которая видна была если не Россіи, то жителямъ столицы.

Эта сторона скудна, разумѣется, содержаніемъ: ее составляютъ празднества, всевозможныя торжества, льстивые панегирики съ церковныхъ кафедръ на библейскомъ нарѣчій и проч. въ томъ же духѣ ²⁾. Такъ напримѣръ, король польскій и курфирстъ саксонскій, заискивая у могущественной сосѣдки, прислалъ Елисаветѣ орденъ Бѣлаго Ора. Петербургскія Вѣдомости сообщали о церемоніи поднесенія сего ордена съ мельчайшими подробностями, придавая имъ особое значеніе:

«23 января послѣ обѣдни, государыня, окруженная свитой, остановилась *въ галлерей, въ средней комнатѣ, подлѣ большаго стлѣннаго зеркала, у столѣка*. Тогда подошли къ ней съ поклонами принцъ Гессенъ-Гомбургскій, оберъ-гофмаршалъ графъ М. П. Безстужевъ-Рюминъ (кавалеры Бѣлаго Ора), за ними королевско-польской и курфирстъ-саксонской резидентъ фонъ-Пецольтъ ³⁾, съ подушкою въ рукахъ, на которой лежали орденъ и звѣзда, украшенныя брилліантами. Гессенъ-Гомбургскій сказалъ на нѣмецкомъ языкѣ *весьма изрядное*

привѣтствіе, на него по нѣмецки же отвѣчалъ Алексѣй Кетровичъ Безстужевъ-Рюминъ. Подушка передана изъ рукъ, въ руки, поднесена Елисаветѣ и та надѣла на себя орденъ, высказавъ свое удовольствіе. Пецольдъ отвѣчалъ по нѣмецки, допущенъ былъ къ рукѣ; а за нимъ облобызали руку императрицы всѣ присутствовавшіе. За торжественнымъ столомъ подлѣ государыни сидѣли ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, оба Безстужева и Лестокъ, кавалеры Бѣлаго Орла; послѣдній получилъ отъ короля его портретъ, осыпанный брилліантами ⁴).

Въ придворной церкви за обѣднями, по случаю подобныхъ торжествъ, гремѣли рѣчи проповѣдниковъ. «Покайтесь, покайтесь, приближися бо царствіе небесное, взывалъ дьяконъ Стефанъ Савицкій, *при высочайшемъ присутствіи* Елисаветы, у которой дворцовый ораторъ прямо просилъ.... «обычнаго, матерняго снисходительства къ его скудоумной бесѣдѣ....» «Человѣкъ и до-сихъ-поръ бѣгаетъ и безпрестанно удаляется отъ царствія Божія, а Богъ самъ за нимъ ходитъ, ищетъ его, зоветъ, и не инымъ резономъ къ покаянію его возбуждаетъ, только тѣмъ, что царствіе небесное само къ нему приблизилось. О милосердія сего никакимъ востинну умомъ необъятаго! никакимъ языкомъ неисповѣдимаго! не только въ прежніе вѣки чрезъ пророковъ, но и нынѣ приводя человѣка ко спасенію, чрезъ сына своего единороднаго, Богъ употребляетъ къ тому средствомъ едино милосердіе. Отсюда несумнѣнно заключить можно: что хотя у Бога и миллионныя, и неисчетныя находятся способы, которыми онъ приводитъ человѣка ко спасенію, однако всѣ они утверждаются на основаніи милосердія.... И если кто изъ насъ погибнулъ и лишился спасенія, тотъ самъ не похотѣлъ его милосердія.»

Чтобъ доказать это, столь важное положеніе, проповѣдникъ вдается въ толкованія, которыя, безъ сомнѣнія, не безъ любопытства перечитывались современными любителями духовнаго краснорѣчія ⁵). Всѣ доводы Стефана ограничиваются разборомъ двухъ *способовъ*, которыми Богъ ведетъ насъ ко спасенію и «которыя имянутся въ общежитіи: благополучіемъ и противностью.» Подъ благополучіемъ разумѣтъ Савицкій «все пріятнѣйшее, сладчайшее и желаннѣй-

шее; подъ противностью — неприятное, горькое, невкусное и вовсе нами не желаемое.»

Интересны утѣшенія, которыя выказываетъ дьяконъ людямъ, на долю которыхъ выпали плачь и горе. «Не желайте благополучія, говоритъ онъ, не гонитесь за счастьемъ, вы уподобитесь младенцамъ, которые вопреки приказу родителей, тянутся къ зажженной свѣчкѣ, не понимая того, какую боль причинитъ имъ этотъ яркій пламень. Счастье для васъ — свѣтильникъ для малютки! Свыкайтесь съ плачемъ и горемъ, то Богъ вамъ послалъ, чтобъ вѣчными противностями очистить вашу душу и приготовить ее.... къ царствію небесному. Если мы нынѣ до того разслаблены, что не можемъ подражать древнимъ христовоборцамъ: если ихъ убиваніе плоти, неустанное бдѣніе, бѣдность, — ради вѣчнаго живота, кажутся намъ подвигами вышеестественными, то будемъ же спискивать Божье расположеніе милосердіемъ къ ближнему! Не забудемъ словъ: блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ — этимъ способомъ приблизимся къ царствію небесному. Но, воистинну! *«Самый разумный Діогенъ, въ полудни со свѣчю искавши челоуѣка, сего въ насъ не сыскалъ бы!* Развѣ то милосердіе наше, что мы даже не по частямъ, а всецѣло всячески стараемся поглощать нашихъ ближнихъ? И откуда мы научились сему милосердію? Ужъ конечно не отъ Бога; онъ самъ страдалъ и умеръ за насъ безчестно, — нѣтъ, — наше милосердіе не богоподражательное, а подобно дьявольскому. Одного не достаесть нашей злобѣ: Богъ, къ нашему сожалѣнію, ключи отъ ада къ себѣ единому отобралъ и неослабно ихъ при бедрѣ своемъ носитъ, о чемъ самъ говоритъ въ апокалипсисѣ: *азъ имамъ ключи ада*, а достались бы они намъ въ руки: наполнили бы мы его жертвами своей злобы — и весь бы адъ застоналъ! Въ тебѣ, въ тебѣ одной, наша мать-государыня, заключается милосердіе; какъ бы не говорили о немъ пространно, все будетъ коротко; ты одна подражательница Божьяго милосердія, ты одна приблизилась ко царствію небесному. Съ самыхъ пеленъ одарена ты милосердіемъ, нѣтъ надобности изъяснять твои дѣла милостивыя — всѣмъ они извѣстны. Начала и неустанно продолжай, по благоутробію своему, мловать бѣдныхъ, сирыхъ,

беспомощныхъ, защищать ихъ отъ руки обидящаго; въ особенности же не оставяй рабовъ твоихъ, *свидѣтельствовавшихся въ вѣрности*. Но что я, низжайшій, сердце твое утруждаю, оно въ рудѣ Божіей — знаешь ты, что дѣлаешь!»

10 февраля, день рожденія наследника, отпраздновали съ обычными церемоніями и баломъ ⁴⁾, но съ наступленіемъ поста стихли пѣсни и звуки *камерной* музыки, прекратились танцы и прочія удовольствія.

«Сей родъ, порожденіе сатанинское, ничимже можетъ изыти токмо молитвою и постомъ,» ирочно возглашала Арсеній Могилеанскій ⁶⁾; душеспасительнымъ словомъ іеремонахъ предлагалъ изгнать изъ предстоящихъ «духа нѣма, его же отецъ сатана, духа зависти, лести, боязни, унынія, гордости! *Не естующая въ дальнія любовитства*, проповѣдникъ рассказывалъ, какъ Спаситель ратуетъ для нашего спасенія съ сонмомъ духовъ, а намъ даетъ постъ и молитву, необходимѣйшія орудія въ этой борьбѣ. Арсеній, какъ и его сотоварищи по дворцовой *ораторіи*, не пренебрегалъ и мѣологіей для округленія своихъ доводовъ; эти мѣста для насъ тѣмъ интереснѣе, что они обнаруживаютъ степень начитанности *передовыхъ* людей того времени. «Историческіе творцы, замѣчаетъ Могилеанскій, описуя возставленіе рода человѣческаго по потопѣ обыкновеннымъ творческимъ слогомъ, баснословятъ, аки бы оставшіе по немъ Девкаліонъ и жена его Пиррга (вмѣсто праведнаго Ноя, яко же истинствуется у насъ) возставляли родъ человѣчскій верженіемъ камней по себѣ, и сколько камней верже Девкаліонъ, столько мужеска пола, сколько Пиррга верже, толико женска пола рождалось. Вещь эта и невѣроятна, и неподобна; но мнѣ кажется, творцы чрезъ сію басню хотѣли изобразить твердость и неудобосклонность человѣка къ повелѣніямъ Божиимъ; объ этой твердости самъ Богъ чрезъ Исаію сказалъ: вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна — выя твоя, и чело твое мѣдяно!.... Регулярное воинство сильнѣйшее есть противъ супостатовъ отъ нерегулярнаго, аще и толь нетвердо видится, яко по слову единаго человѣка цѣлая армія повинуется. Тако регулы правой жизни наученый человѣкъ, повинующійся весь въ молитвѣ волѣ единаго Бога, надежнаго вождя своего, сильнѣй-

шій есть многихъ козней вражнихъ... А мы какъ молился и отчего въ молитвѣ просимое зачастую не получаемъ: зане згѣ просимъ! Иные больше о тѣлесныхъ благахъ, а не о душевныхъ молятся, или *безъ всякой нужды нужное царствіе небесное получить хотяще*; или еще болѣе о всякомъ довольствѣ и сладѣхъ, а не о божеской жизни промышляемъ. Иные молятся достойнаго просятъ, но зане не внятно, не разсуждая что глаголютъ!»

Приводя цитату за цитатой изъ разныхъ книгъ, преимущественно Священнаго Писанія, Арсеній такъ заключаетъ свои доводы о необходимости поста: «не постясь, мы лишаемся Иисуса Христа; а принявше постъ въ свѣтлы преобразуемся ангели: а въ сіе превозшедше достоинство, чего ужасатися будемъ?»

Съ окончаніемъ поста прекратились и призывы къ умерщвленію плоти: 25-го апрѣля — день коронованія Елисаветы отпраздновали роскошнѣйшимъ обѣдомъ и *великимъ торжествомъ*. Государыня съ племянникомъ обѣдали на тронѣ, служили имъ Воронцовъ и *форшнейдеръ Балкъ*. За ближайшимъ столомъ въ числѣ именитѣйшихъ дамъ была статсъ-дама *И. О. Лопухина* ⁷⁾, (о дѣлѣ и казни которой мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей главѣ). Возглашали тосты за здоровье ея величества и высочества, за счастливое оружіе и благополучное окончаніе всѣхъ дѣлъ. Елисавета въ отвѣтъ провозглашала тостъ за *всѣхъ вѣрныхъ слугъ* ⁷⁾. Особенное вниманіе какъ теперь, такъ и при слѣдующихъ обѣдахъ обращено было на убранство обѣденной залы: столъ былъ фигурный, на двѣсти приборовъ, между другими украшеніями отличались «пирамидальной, архитектурной поставленъ съ небольшими статуями бѣлаго мрамора, съ горшками прензрядныхъ цвѣтовъ, деревъ, между которыми отличалось большое, свѣжее пальмовое дерево. Въ маскарадныхъ залахъ длинныя столы заставлены были яствами и завалены конфетами и фруктами; въ антрактахъ между танцами за нихъ сажались всѣ, безъ наблюденія очереди, чина и званія... Балы продолжались двѣ ночи, городъ былъ иллюминированъ, а на особомъ щитѣ горѣла *аллегорія* — сочиненная Штелинымъ: на горѣ замокъ, вѣщальный коропой, надъ коропой мачта, на

ней штандартъ съ царскимъ вензелемъ; сквозь ворота видѣнъ садъ съ зеленой аллеей, въ глубинѣ ея — восходъ солнца.» Изъясненіе аллегоріи предлагалось найти въ слѣдующихъ виршахъ:

Зри счастье твое, Россія обновлена,
 Главою кая днесъ короной украшена,
 Въ сей день, въ который та наслѣдства пріяла,
 И твой коронный градъ — *вторично основала.*
 Вторично освѣтивъ въ отеческомъ престолѣ,
 Выложивъ на той вѣнецъ, во вѣкъ недвижимъ болѣ.
 Выиграло солнце вновь опять своимъ восходомъ,
 Отдавъ твою весну желанную народамъ.
 Съ надеждою ведетъ твое преславно племя,
 Столповъ защитный ходъ, въ благополучно время.

Амвросій, архіепископъ новгородскій сулилъ «свои все-радостныя чувства» въ приличной предикѣ ⁷⁾, даже пасторы въ Финляндіи и Остзейскихъ провинціяхъ — не упустили случая воскурить оміамъ, и думая о благахъ земныхъ, сулили владычицѣ своей — блага небесныя ⁷⁾. Объ участіи народа въ *радостяхъ* этихъ — не извѣстно; впрочемъ А. Б. Бутурлинъ въ официальномъ донесеніи изъ Москвы писалъ: «что высокія торжества эти съ высказаніемъ всего народа веселиемъ препровождается». Что же касается до придворныхъ сановниковъ, эти дни ознаменовывались для нихъ полученіемъ разныхъ наградъ. Изъ длиннаго списка награжденныхъ 25-го апрѣля нельзя не упомянуть о А. Я. Шубинѣ. Мы уже говорили, что съ царствованія Екатерины I-й, по словамъ иностранцевъ, сослано было до 20,000 несчастныхъ. Большую часть изъ нихъ ссылали безъ приговору, въ которомъ называютъ мѣсто ссылки, имъ перемѣняли имена и за частую прямо отъ двора, безъ сношенія съ тайпой канцеляріей отправляли толпами и по одиночкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири ⁸⁾. Въ числѣ ихъ попалъ и Шубинъ — явившійся изъ ссылки съ воцареніемъ Елисаветы послѣ всѣхъ (ихъ смѣняли постепенно въ Сибири опальные новаго царствованія). Шубинъ въ началѣ царствованія Анны, т. е., въ годъ своей ссылки, былъ гвардіи сержантомъ, по другимъ преданіямъ

тіямъ прапорщикомъ, и состоя при царевнѣ Елисаветѣ, вѣдалъ ея казной (впрочемъ довольно скудной: дочь Петра I-го была въ постоянныхъ долгахъ) и пользовался ея особою любовью. Это было его преступленіе. Впродолженіе мѣсячнаго регенства Бирона, затѣмъ и въ правленіе Анны Леопольдовны, по ходатайству Елисаветы, дѣлались распоряженія о возвращеніи Шубина; но его искали тщетно и въ Сибири и въ Камчаткѣ. Наконецъ какъ-то дознано было, что ордеръ объ отправленіи любимца Елисаветы данъ былъ фельд-маршаломъ Мннихомъ. Тотчасъ въ Пелымъ поскакалъ новый курьеръ и только Мннихъ указалъ мѣсто, гдѣ можно найдти Шубина; это было на самой оконечности Камчатки, по причинѣ большихъ объѣздовъ въ 15,000 верстахъ отъ дворца новой государыни ⁹⁾. Бывшій фаворитъ помѣщенъ немедленно при дворѣ, произведенъ за прежнія, ему извѣстныя заслуги и невинное претерпѣніе въ генераль-маіоры, «зачисленъ въ прежній Семеновскій полкъ свой премьерь-маіоромъ» украшенъ орденомъ Александра Невскаго, пожалованъ душами и деревнями — не получилъ одного: здоровья разстроеннаго въ ссылкѣ ⁷⁾.

Силы Шубина до того были ослаблены, что уже онъ не могъ помѣшать А. Г. Разумовскому пользоваться прежними правами. Елисавета постоянно оказывала ему свое расположеніе и одновременно съ возвращеніемъ прежняго любимца, явила новому фавориту особую милость: нятнадцатилѣтній братъ Разумовскаго, крестьянинъ деревни Лемеша, Кирила Григорьевичъ, вызванъ былъ ко двору. Неразвитый, безграмотный, по видный и рослый мальчикъ (24-го апрѣля 1743 года) получилъ званіе камеръ-юнкера и ввѣренъ адъюткту академіи Г. Н. Теплову, съ которымъ и отправленъ за-границу учиться ⁷⁾.

Съ наступленіемъ весны Петербургъ опустѣлъ. Дворъ вслѣдъ за государыней разѣхался на дачи. Съ одиннадцати часовъ утра до двухъ пополудни, 23-го мая, государыня пробыла въ полномъ собраніи сената, о чемъ, какъ о рѣдкомъ случаѣ, успѣли возвѣстить вѣдомости. Елисавета простилась съ сенатомъ, а два дня спустя вышла къ съѣхавшимся во дворецъ саповникамъ, въ особомъ *зеленомъ уборѣ*, допу-

стила къ рукѣ и при пушечной пальбѣ отбыла при всенародно желаемомъ благополучиі въ Петергофъ ?), «для провозженія нынѣшняго весьма пріятнаго и веселаго лѣтняго времени».

Петергофъ, основанный еще въ 1711 году, въ это время представлялъ весьма хорошее мѣсто для житья здѣсь лѣтомъ, и постепенно украшаемый Петромъ I, Екатериной I, Анной I, былъ значительно улучшенъ Елисаветой, которая между прочимъ вскорѣ по восшествіи на престолъ построила здѣсь, въ небольшомъ лѣску, *весьма знатный павильонъ* *Mon plaisir* ¹⁰⁾, недалеко отъ подобнаго же домика, выстроеннаго ея отцомъ. Впрочемъ самый дворецъ, занимаемый Елисаветой, какъ и всѣ дворцы того времени, былъ небольшой двухъ-этажный домикъ съ низкими комнатами, неудобно расположенными ¹⁰⁾.

Отсылая сухой и скучной дневникъ переѣздовъ изъ дворца во дворецъ Елисаветы — въ примѣчанія, дневникъ празднествъ и торжествъ постоянно однообразныхъ ¹¹⁾, упомянемъ только о днѣ ангела великаго князя Петра Ѳеодоровича, 29-го іюня, болѣе другихъ замѣчательномъ, потому что въ этотъ день М. В. Ломоносовъ поднесъ новую — сто-сорока стихшную оду; въ ней между стихами надутыми и вялыми попадаются строфы, дышущія истиннымъ чувствомъ и поэзіей ¹²⁾; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ:

1.

Уже врата отверзло лѣто;
 Натура ставитъ общій пиръ;
 Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
 Колеблетъ вѣтви тѣхъ зефиръ;
 Объемлетъ мягкій лугъ крилами;
 Крутится чистый токъ полями;
 Брега питаетъ тучный илъ;
 Древа и цвѣтъ покрылсь медомъ;
 Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
 Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

3.

(Соляце) почти Петрова внука,
 Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
 Горитъ отъ радостнаго звука,
 Который въ нашъ внушаетъ слухъ
 Младаго шумъ орла паряща
 И предкамъ вслѣдъ взлетѣть спѣшаща;
 На міръ возрѣть, искать побѣдъ.....

7.

..... Премудрость сядетъ въ судъ съ тобою,
 Изгонитъ леть и ковъ съ хулою.
 И мужество твои чресла
 Скрѣпитъ для общей нашей чести,
 Защититъ насъ, къ противныхъ мести,
 Дабы исторгнуть корень зла.

13.

Возри на трудъ и громку славу,
 Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтить;
 Нептунъ позналъ его державу,
 Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія '5),
 Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
 Сошедъ къ тебѣ отъ горныхъ мѣстъ;
 Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На внука весело взираетъ,
 Среди героевъ, выше звѣздъ, и т. д.

. Но если Петръ I, по поэтическому выраженію Ломоносова, весело взиралъ на своего внука, тѣмъ не менѣе Елисавета не только не весело глядѣла на племянника, но даже тяготилась его присутствіемъ, по многимъ обстоятельствамъ. Чтобъ не имѣть повода сердиться, видя не всегда удовлетворительное поведеніе Петра Федоровича, притомъ, чтобъ не стѣсняться его присутствіемъ, она положила на будущее время жить великому князю съ своимъ штатомъ весну и лѣто до поздней осени въ восьми верстахъ отъ Петергофа, въ Ораніенбаумѣ. — Императрица не замедлила обнародованіемъ указа, въ силу котораго «вселюбезнѣйшій ея племян-

никъ получалъ въ свое владѣніе отъ князя Меншикова мѣсто Ораніенбаума съ деревяннымъ, каменнымъ строеніемъ, съ землями, заводами и угодьями»¹⁴⁾.

Остановимся на интересной личности новаго владѣльца Ораніенбаума. Петру Ѳеодоровичу было въ это время пятнадцатъ лѣтъ; мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ о томъ, какъ пріѣхалъ онъ въ Россію, какія лица его окружили, какимъ людямъ поручено было его воспитаніе. Но чтобы вполнѣ ознакомиться съ племянникомъ Елисаветы необходимо прослѣдить его воспитаніе въ дѣтскій и отроческій его возрастъ; безъ этого привычки, странности, характеръ Петръ III будутъ для насъ непонятны.

Мать его, дочь Петра I, 3-го мая 1728 г. скончалась отъ чахотки, три мѣсяца послѣ рожденія сына, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Кнлѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, племянникъ Карла XII, какъ видно изъ рассказовъ Беркгольца, былъ человекъ хворый, бѣдный, дурень собою, безхарактерный, небольшого роста, слабого сложенія, наконецъ нилъ безмѣрно — что и свело его впоследствии въ преждевременную могилу. — Въ 1735-мъ году, на седьмомъ году отъ рожденія, наслѣдникъ Голштинскій освобожденъ отъ надзора мамъ и нянюшекъ; къ нему стали представлять попеременно нѣкоторыхъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ: эти придворные кавалеры въ тоже самое время занимали офицерскія должности въ герцогской гвардіи. Въ прочихъ же маленькихъ корпусахъ было нѣсколько офицеровъ, служившихъ нѣкогда въ прусской арміи; поэтому при дворѣ, такъ рассказываетъ Я. Штелльнъ, воспитатель Петра Ѳеодоровича¹⁵⁾, — только и говорили, что о фрунтовой службѣ. Наслѣдный принцъ, еще ребенкомъ, пожалованъ унтеръ-офицеромъ, учился ружью и маршировкѣ, ходилъ на дежурство съ другими молодыми людьми, и говорилъ съ ними только о высшихъ формахъ солдатскаго быта. Вслѣдствіе этого, съ самаго нѣжнаго возраста, такъ онъ къ нему пристраивался, что ни о чемъ другомъ не хотѣлъ и слышать. — Начинаясь маленькій парадъ предъ его окнами, Петръ бросалъ книги и перья, летѣлъ къ окну и до окончанія церемо-

ин не было возможности оторвать его отъ завѣтнаго мѣста. Иногда, въ наказаніе за дурное поведеніе принца, закрывали нижнюю половину его оконъ, оставляя свѣтъ только вверху, чтобъ его королевское высочество не имѣлъ удовольствія смотрѣть на горсть голштинскихъ солдатъ. «Объ этомъ, добавляетъ Штелинь, часто мнѣ рассказывалъ принцъ, какъ о самомъ жестокомъ наказаніи. Онъ приходилъ въ неописанный восторгъ, когда говорилъ о солдатахъ, о своихъ военныхъ выходкахъ и о строгости военной жизни. Никакой день въ его жизни не былъ для него такъ достопамятенъ, какъ тотъ, въ который на девятомъ году своего возраста, былъ произведенъ изъ сержантовъ въ офицеры отцовскаго войска. Это случилось въ день рожденія герцога, празднованный при дворѣ съ возможною пышностью (1738 г.); былъ большой обѣдъ; маленькій принцъ, въ чинѣ сержанта, стоялъ на часахъ, вмѣстѣ съ другимъ великорослымъ сержантомъ, у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него безпрестанно текли слюнки. — Отецъ, глядя на это, смѣялся съ сидѣвцами подлѣ него особами; когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его офицеромъ, и позволилъ ему занять мѣсто за столомъ, по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія, онъ (какъ самъ мнѣ рассказывалъ), почти ничего не могъ ѣсть. Съ этого времени всѣ мысли его были заняты исключительно военными потѣхами, и его обхожденіе съ пустоголовыми его товарищами стало свободнѣе. Онъ говорилъ имъ всѣмъ *ты* и хотѣлъ, чтобъ они, какъ его братья и друзья, также говорили ему *ты*»¹³⁾.

Съ десятилѣтняго возраста, то есть, съ производства своего въ офицеры и съ выпивки на *брудершафтеръ* наслѣдникъ голштинскаго герцога сталъ привыкать къ крѣпкимъ напиткамъ, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ одна изъ его современницъ; время свое юный отрокъ сталъ проводить либо на парадахъ и дворцовыхъ церемоніяхъ, либо въ кругу сотоварищей за пивомъ и виномъ. Отецъ умеръ въ 1739-мъ году и опеку надъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ принялъ его дядя, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій Адольфъ-Фридрихъ,

вступившій потомъ по абовскому конгрессу и ходатайству Елисаветы на шведскій престоль. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гоф-маршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-каммергеръ Берхгольцъ (авторъ любопытнаго дневника). Какъ Брюмеръ такъ и Берхгольцъ, смотрѣвшій на все глазами Брюмера, были приверженцы принца-опекуна и правителя. Каммергерами при малолѣтнемъ принцѣ были Адлерфельдтъ, составитель исторіи Карла XII, Вахмейстеръ— шведъ, Волфъ и Мадфельдтъ— голштинцы. Петра воспитывали, какъ наслѣдника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидѣвшихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по своему, и разумѣется внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и изъ всѣхъ придворныхъ показывалъ привязанность только къ двумъ старикамъ камердинерамъ: лифляндцу Крамеру и шведу Румбергу; послѣдній былъ для его дороже всѣхъ, а между тѣмъ это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный: онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Вслѣдствіе всего этого никто изъ голштинцевъ не любилъ своего наслѣднаго принца, а тѣмъ болѣе его приближенныхъ.

Вскорѣ послѣ смерти Карла-Фридриха, въ 1739-мъ году, будущая императрица Екатерина II въ первый разъ увидѣла Петра III. — Его опекунъ созвалъ въ Евтинъ всѣхъ родственниковъ, чтобъ представить имъ своего питомца. Бабушка Екатерины (мать принца-епископа) и сестра его, мать Екатерины, пріѣхали изъ Гамбурга съ будущей женой Петра III. Катеринѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ ихъ въ Евтинъ пріѣхали принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. — На этомъ первомъ свиданіи съ Петромъ, Екатерина услышала, какъ собравшіеся родственники толковали между собой, что молодой герцогъ наклоненъ къ неумѣренному питью крѣпкихъ напитковъ, что его приближенные не даютъ ему много пить за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приставниковъ и особливо Брюмера; что впрочемъ онъ до-

вольно живаго нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, лицо его Екатерина находила блѣднымъ. Петръ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобъ онъ держалъ себя какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ внѣшнихъ приемовъ обращенія и въ самый характеръ ¹⁶).

Извѣстно уже намъ какъ Петръ III вызванъ былъ въ прошломъ году Елисаветой. Государыня рѣшилась объявить его наслѣдникомъ престола; враги гофмаршала Брюмера, графъ Безстужевъ и Н. Панинъ распустили слухъ, что какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе императрицы, Брюмеръ приложилъ всѣ старанія испортить душу и сердце своего питомца, между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ будто бы стараніе воспитать его достойнымъ шведской короны. Молва эта была не болѣе, какъ придворная сплетня, но вѣрно было то, что обученіе пятнадцатилѣтняго юноши въ Россіи было едва ли не хуже, нежели въ Голштиніи. Еще съ дѣтства онъ вовсе не хотѣлъ ничему учиться, и съ приѣздомъ въ Петербургъ не пошло ученіе: преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самого начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинь, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи — былъ, по увѣренію Пецольтда, наставникомъ ученымъ и способнымъ ¹⁶), но Екатерина II свидѣтельствуетъ противное — она прямо говоритъ (и безъ всякаго сомнѣнія справедливо) что Штелинь, вмѣсто занятій только игралъ съ великимъ княземъ и служилъ ему вмѣсто шута ¹⁶). Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Въ своихъ внутреннихъ покояхъ Петръ Оедоровичъ исключительно занимался военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были дѣтскія игры, постоянное ребячество и вообще, не смотря на близкое свое совершеннолѣтіе, Петръ, по общимъ разсказамъ очевидцевъ, былъ очень ребячливъ ¹⁷).

Капризный и вспыльчивый молодой человекъ, онъ вдаля въ самыя пустыя развлеченія; а главный его менторъ Брюмеръ, какъ видно изъ донесенія саксонскаго резидента ¹⁶⁾, забывая воспитанника, хлопоталъ объ одномъ, какъ бы при посредствѣ Лестока пріобрѣсти на дѣла больше вліянія, — чего и достигъ. А между тѣмъ въ Петръ III только развилось одно: его слѣпая любовь къ военнымъ игрушкамъ; научныхъ свѣдѣній онъ не пріобрѣлъ никакихъ, душу и сердце развить было не гдѣ за недостаткомъ хорошихъ примѣровъ.

«Все голштинское привлекаетъ великаго князя, пишетъ Пецольдъ 12-го октября 1742 года, все русское — онъ презираетъ. До-сихъ-поръ Петръ почти ни слова не говоритъ по русски. Для обращенія его въ греко-россійское исповѣданіе приставили къ нему Симона Тодорскаго, человека не даромъ проведеншаго четыре года въ Галле, много трудившагося, съ большими свѣдѣніями и убѣжденіями самыми кроткими. Слушая его лекціи, Петръ обнаруживалъ отвращеніе къ новой вѣрѣ, говорилъ, что въ немъ не найдутъ приверженца православію». Его высочество вступалъ съ учителемъ въ преніе, не хотѣлъ ни съ чѣмъ соглашаться и его приближенные часто были призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ ¹⁶⁾. Разъ какъ-то, въ присутствіи австрійскаго посланника маркиза де-Ботта и прусскаго, барона Мардефельда, онъ выразился такимъ образомъ: «слишкомъ уже много обѣщаль и попомъ, сдержать будетъ трудно, не упоминай!».

Не смотря на недостаточную подготовку къ перемѣнѣ религіи, государыня поспѣшила крещеніемъ племянника потому именно, что въ это время напугана была слухомъ, будто бы брауншвейгская фамилія, арестованная въ Ригѣ, пріобрѣтаетъ больше и больше приверженцевъ. Робкая Елисавета, страшась какого-нибудь волненія, приказала совершить обрядъ не въ главномъ кремлевскомъ соборѣ (6-го ноября 1742 года), а въ дворцовой церкви, вокругъ которой разставлены были войска. Объявляя племянника наследникомъ и великимъ княземъ, государыня умалчивала о материнскомъ завѣщаніи, въ силу котораго, какъ извѣстно, Петръ III

имѣлъ болѣе правъ на корону, нежели Елисавета. Составленіе манифеста въ величайшей тайнѣ поручено было Брюмеру, Лестоку и архіепископу новгородскому Амвросію, который, по отзыву посланника Пецоляда, *вертъся туда, куда дунетъ вѣтеръ*. Порученіе было исполнено такъ, что генераль-прокуроръ сената узналъ о немъ въ день крещенія Петра и публикаціи манифеста ¹⁶⁾.

Всѣ эти извѣстія незамѣтно вводятъ насъ въ самую средѣ придворныхъ интригъ, распрей и ожесточенной борьбы партій, кончавшихся возвышеніемъ однихъ и арестами, ссылками и казнями другихъ.... Посланники французскіе, англійскіе, польско-саксонскіе и другіе, находившіеся при нашемъ дворѣ и принимавшіе участіе съ той или другой стороны, въ депешахъ къ своимъ дворамъ знакомятъ насъ съ составомъ партій и съ ходомъ борьбы ¹⁸⁾.

Вообще можно сказать, что исторія Россіи этого времени представляетъ исключительно борьбу честолюбцевъ, не рѣдко самыхъ низкихъ, пользовавшихся всѣми средствами, чтобы исторгнуть другъ у друга власть и могущество. Въ этихъ распряхъ Германъ болѣе находитъ азіатскаго звѣрства и невѣжества нежели вліянія европейской цивилизаціи и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ любопытныя выписки изъ рукописныхъ источниковъ.

Такъ саксонскій посолъ, камергеръ Герсдорфъ, не можетъ надвинуться (въ донсеніи 16-го августа 1743 года) какимъ образомъ столь огромное государство, какова Россія, при общей безурядицѣ во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ все еще держится, между тѣмъ какъ *столбы*, ее поддерживающіе вовсе не радятъ о своихъ обязанностяхъ. «Елисавета, замѣчаетъ Герсдорфъ, меньше, чѣмъ когда-либо занимается дѣлами.... она какъ бы сама старается уничтожить то уваженіе, какое должны питать къ ней ея подданные: таково, по крайней мѣрѣ, ея поведеніе и образъ жизни. Прихоть, минутный капризъ — руководятъ дѣлами государственными; каждый страшится за свое званіе, мѣсто, значеніе, боится интриги, могущей ему повредить, почему и не заботится о своей обязанности. Сегодня безъ причины жалуется госуда-

рыня своей довѣренностью, завтра безъ всякаго повода лишаетъ ея — вотъ почему всѣ люди сильные пекутся объ одномъ, какъ бы имъ усидѣть на мѣстѣ, а тамъ хоть трава не расти...»

Главными бойцами въ дворцовыхъ партіяхъ 1742 и 1743 года были Лестокъ, маркизь Шетарди, великій-канцлеръ Черкасскій и вице-канцлеръ Безстужевъ; они преимущественно вѣдали дѣламъ иностранными, между тѣмъ какъ Н. Ю. Трубецкой имѣлъ рѣшительной голосъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Вотъ въ какихъ чертахъ обрисовываются эти правители имперіи россійской въ реляціяхъ иноземныхъ пословъ:

«Лестокъ то и дѣло толкуеть, по словамъ Пецольда, 25-го февраля 1742 года, про свое сильное вліаніе на императрицу. Онъ входитъ съ докладами по такимъ дѣламъ, съ какими бы никто другой и не сунулся, онъ докладываетъ, онъ и рѣшаетъ дѣла, какъ ему вздумается. Впрочемъ лейбъ-хирургъ признавался мнѣ, что тяготится этой ролью, охотно де взялъ бы прежнюю; бывало отъ иной пакости взялъ да отвернулся; а теперъ поди, докладывай, упрасивай о ней, да пересылай въ министерство. За хлопоты, кромѣ зависти вельможъ, ничего; благоволеніе государыни никогда не обходится безъ кислой мины на многихъ лицахъ. Впрочемъ, по увѣренію Лестока, ему нѣтъ дѣла до завистниковъ и враговъ; онъ вѣрить въ клятвы и увѣренія императрицы; знаетъ, что онъ ей необходимъ и по докторской части: кромѣ какъ у него, она не станетъ ни у кого пользоваться, и никого не допуститъ открывать себѣ кровь. •

Безстужевъ тѣмъ болѣе досадовалъ на зависимость Елисаветы отъ ея врача, что ненавидѣлъ прусскаго короля; изъ личныхъ выгодъ искалъ союза съ Австріей и Англіей — Лестокъ же, состоя на жалованьи у французскаго двора, имѣлъ совершенно противныя мнѣнія относительно шведской и силезскихъ войнъ. Притомъ докторъ пользовался правомъ проводить по нѣсколько часовъ глазъ на глазъ съ государыней каждый день; могъ нѣсколькими словами повернуть все дѣло, о которомъ хлопотали сторонники Безстужева,

тщетно добиваясь приёма у императрицы хоть на четверть часа.

По приѣздѣ въ Москву на коронацію (въ мартѣ 1742 года) Елисавета занемогла обычной своей болѣзнью колыкой. Лестоку удалось время и ввелъ маркиза Шетарди на тайную аудіенцію въ спальню къ больной. Министерство вошло съ докладомъ о томъ, какое могутъ придать политическое значеніе этому свиданію; Елисавета отвѣчала, что дружбу съ Франціей она считаетъ нужнымъ поддержать, тѣмъ болѣе, что Шетарди человекъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный и доказалъ ей свою преданность и усердіе. Противъ этихъ доводовъ нечего было возражать. Тѣмъ болѣе, что государыня, не ограничиваясь словесными изъявленіями своего расположенія къ маркизу; какъ видно изъ донесенія Пецольда (отъ 3-го сентября 1742 года), Шетарди получилъ въ разное время деньгами около 150,000 рублей, андреевскій орденъ: крестъ со звѣздой, усыпанные крупными алмазами въ 35,000 рублей, — золотую табакерку съ портретомъ государыни, перстень съ большимъ брилльянтомъ въ 30,000 рублей, дорожную карету; государыня купила у него сервизъ за 20,000 рублей и проч. и проч. Трудно описать, заключаетъ посолъ, то негодованіе и общій ропотъ, съ которыми смотрятъ всѣ на эти награды французу, въ то время, какъ люди болѣе достойные ничего не получаютъ. Проклітіямъ на маркиза Шетарди нѣтъ конца. Лестоку не упустилъ случая высказывать свои убѣжденія о необходимости союза съ Франціей; всѣхъ не раздѣлявшихъ его мнѣнія, прямо называлъ противниками интересовъ государыни. Особое уваженіе представителю французскаго правительства Лестоку заявлялъ вездѣ, гдѣ только можно; такъ, напримѣръ, въ день переѣзда изъ Кремля въ яузскій дворецъ, Елисавета пожелала проѣхать по Москвѣ, вечеромъ, въ мужскомъ костюмѣ и полюбоваться на иллюминацію, причемъ сказала своему лейб-хирургу, что съ прогулки заѣдетъ къ нему. Лестоку отдалъ изъ-подъ себя лошадь маркизу Шетарди, чтобъ не оставить императрицы безъ спутника, а самъ поспѣшилъ приготовиться къ приему. Случай маловажный, но и онъ возбудилъ толки и пересуды, и онъ подстрекалъ зависть и досаду вице-

канцлера. Къ его удовольствію Черкасскій рѣшился явно возстать противъ ненавистнаго доктора. Дѣло въ томъ, что великій канцлеръ положительно узналъ, что тысячи червопцевъ, проигрываемыя Лестокомъ въ карты идутъ изъ кошелька Шетарди, о чемъ Черкасскій и не преминулъ довести до высочайшаго свѣдѣнія; канцлеръ обще съ вице-канцлеромъ просили государыню либо запретить своему доктору мѣшаться въ политическія дѣла, или же, буде считаетъ его человѣкомъ особенно способнымъ, помѣстить въ конференцію и тѣмъ прекратить дальнѣйшія дрязги.

Въ другихъ донесеніяхъ Пецольдъ, какъ бы въ отвѣтъ на высказанныя ему жалобы вице-канцлера, приводитъ сужденія Лестока; дѣло въ томъ, что ловкій и осторожный резидентъ умѣлъ близко сойтись съ обоими противниками, людьми сильными при дворѣ.

«Враги мои, говорилъ Лестокъ, обвиняютъ меня въ дружбѣ съ Шетарди. Сознаюсь, люблю хорошее общество, а оно-то и собирается у маркиза; люблю тамъ потолковать, поѣсть, попить и поиграть. Я много обязанъ маркизу за услуги, оказанныя имъ государынѣ, да и мнѣ самому. Но безъ личныхъ отношеній всегда скажу, что союзъ Россіи съ Франціею необходимъ. Въ началѣ своего правленія, императрица, за отсутствіемъ правильно учрежденнаго министерства, совѣтовалась со мной исключительно. Въ дѣлахъ я знатокъ небольшой, но для нихъ не было нужно много свѣдѣній. Государыня старалась упрочить за собой любовь народа и тѣмъ укрѣпиться на престолѣ, я въ этихъ видахъ старался о заключеніи мира съ Швеціей, и о посредничествѣ на конгрессѣ Франціи. Но великій канцлеръ, лѣнивый и отъ природы капризный человѣкъ, понять не можетъ, для чего заискивать у Франціи, когда прежде этого не дѣлали? Достаточною причиною Черкасскому для возраженія служить то обстоятельство: зачѣмъ послали грамоту въ Парижъ безъ его совѣта. А между тѣмъ, вотъ какъ честно и умно обдѣлывалъ онъ свои дѣла: башкирская орда предложила возобновить существующій съ Россіей дружескій договоръ. Не пустое дѣло расположить въ свою пользу богатую и могущественную орду, а что дѣлаетъ Черкасскій? Продерживаетъ посольство

два мѣсяца и не входитъ о немъ съ докладомъ. Послы пришли ко мнѣ съ жалобой, я навелъ справки и оказалось, что тайный совѣтникъ Татищевъ, астраханскій губернаторъ, зная, что башкирскіе депутаты принесутъ на него справедливую жалобу, выслалъ великому канцлеру 30,000 рублей. По моему докладу, башкирцы были представлены императрицѣ, причѣмъ государыня невольно спросила меня: «отчего это, когда великій канцлеръ хранить молчаніе, не говоритъ и вице-канцлеръ». Вопросъ далъ мнѣ случай распространиться о томъ, какъ вяло и лѣнливо идутъ дѣла въ иностранной коллегіи, какъ удерживаетъ у себя на дому важнѣйшія дѣла князь Черкасскій и чисто изъ зависти (?) не даетъ имъ ходу; какъ трусливъ вице-канцлеръ, ничего не рѣшающійся представить лично отъ себя. Я никогда не считалъ, продолжалъ Лестокъ, А. П. Безстужева-Рюмина за особенно дѣльную голову, но все-таки рассчитывалъ на его сметливость и на то, что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, даетъ ему надлежащее направленіе; но въ этомъ-то я и ошибся. Братья очень и очень не далекіе люди, лѣнливы, корыстны, честолюбивы и злы. Преданные интересамъ Австріи, они впутались въ сѣти вѣнскаго посла, маркиза де-Ботта. Безстужевы убѣждены, что Россія обязана помочь королевѣ венгерской; но императрица знаетъ ихъ замыслы и интриги, она сама мнѣ сказала однажды, что «слышала о полученіи вице-канцлеромъ 20,000 рублей отъ Маріи-Терезіи», притомъ замѣтила, «когда начинается разговоръ о маркизѣ де-Ботта, А. П. Безстужевъ и блѣднѣетъ, и краснѣетъ»¹⁹⁾. Время покажетъ кто изъ насъ больше подкупленъ: я ли французскимъ, или онъ вѣнскимъ кабинетами. А отъ существующаго нынѣ русско-австрійскаго союза пользы не видать: не происками ли вѣнскаго кабинета, во время правленія Верховнаго тайнаго совѣта (въ 1730 году), Елисавету объявляли незаконной дочерью Петра²⁰⁾ и предлагали заточить въ монастырь? Императрица никогда этого не забудетъ.

«При спорахъ, возникшихъ во время церемоніала при коронаціи: кому изъ иностранныхъ пословъ слѣдуетъ быть выше мѣстомъ, государыня сказала мнѣ: «Ботта меньше всѣхъ имѣетъ право важничать; коли онъ будетъ черезъ-

чуръ чваниться, такъ пусть убирается туда, откуда пришелъ. Расположеніе людей преданныхъ издавна для меня важнѣе, нежели дружба какой-нибудь *голячки-королевы* (*nackende Königin*).

«Итакъ, заключилъ Лестоку, если теперь что и помѣшаетъ ближайшему соединенію съ Франціей, то съ устраненіемъ австрійскаго вліянія все придетъ къ желаемому мной результату....»

Противникамъ Лестока, составлявшимъ *русскую партію* (Черкасскій, Трубецкіе и проч.), пребываніе двора въ Москвѣ казалось чрезвычайно удобнымъ: здѣсь всего меньше чувствовали они стѣсненія со стороны партіи иноземцевъ, въ Москвѣ они жили въ покоѣ. А между тѣмъ Лестоку, изъ своихъ видовъ, то и дѣло толковалъ Елисаветѣ, что въ Москвѣ ей предстоитъ много непріятностей, что обширность древней столицы вполне способствуетъ развитію тайныхъ сходбищъ, составленію заговоровъ... Лестоку зналъ всѣ слабости стороны своей пациентки (нельзя не вспомнить о фокусѣ его съ разрисованной картой, смотр. глава VI), зналъ, чѣмъ надо дѣйствовать на трусливую женщину... Государыня вышла изъ Москвы по первому зимнему пути, хотя и предполагала пробыть здѣсь до конца года.

Между тѣмъ, къ большому удовольствію вице-канцлера, 15-го ноября 1742 года скончался князь Черкасскій; чловѣкъ этотъ, сильно мѣшавшій своею лѣнностью Безстужеву, въ послѣдніе мѣсяцы много потерялъ въ глазахъ Елисаветы по проискамъ камергерши Шуваловой, задушевной любимицы и повѣренной всѣхъ тайныхъ распоряженій императрицы. Почти всѣ, замѣчаетъ Пецольдъ въ донесеніи отъ 17-го ноября 1742 года, искренно радовались смерти Черкаскаго, до такой степени этотъ лѣнивый и безпечный чловѣкъ злоупотреблялъ своею властію. Слѣдующіе три факта превосходно рисуютъ предъ нами эту любопытную личность: во всю свою жизнь Черкасскій не могъ сдѣлать трехъ вещей: не достроилъ множество домовъ, имъ начатыхъ; родную дочь продержалъ въ дѣвкахъ до тридцати лѣтъ, не умѣя выбрать жениха по своему праву; наконецъ, владѣя громадными по-

мѣстями съ 70,000 душъ крестьянъ, подарками отъ царствовавшихъ лицъ на 150,000 рублей, онъ умеръ, не заплативъ ни своихъ, ни даже отцовскихъ долговъ ¹⁶⁾.

Черкаскаго замѣнилъ, если не по титулу, то по существу власти, А. П. Безстужевъ-Рюминъ съ помощникомъ своимъ фонъ-Бреверномъ. Лестоку согласился на возвышеніе своего противника ¹⁷⁾. Способности и ловкость сего противника теперь стали болѣе и болѣе проявляться. Проведя всю почти молодость при дворахъ англійскомъ, ганноверскомъ, брауншвейгскомъ и датскомъ, Безстужевъ признавалъ необходимость иноземцевъ, только никакъ не допускалъ ихъ до значительныхъ мѣстъ, а своею сметливостью, ловкостью, умомъ изворотливымъ — онъ сталъ несравненно выше всей *русской партіи*. Одинъ изъ главнѣйшихъ ея партизановъ, генераль-прокуроръ Трубецкой легблялъ надежду достигнуть того, о чемъ старались верховники (1730 года), т. е., ограничить самодержавіе, измѣнить форму правленія. Пецольдъ увѣряетъ ¹⁸⁾, что Трубецкой домогался того, чтобъ заправлять всѣми внутренними дѣлами россійской имперіи съ полнымъ произволомъ, безотчетно. На сколько это справедливо, рѣшить трудно, а подлѣ Елисаветы въ числѣ ея родственниковъ не было пока еще никого, въ пользу котораго, по словамъ саксонскаго резидента, Трубецкой могъ бы сдѣлать новый переворотъ.

Достоинно замѣчанія, что самое отреченіе Елисаветы за своего племянника стъ предложенной ему шведской короны было не что иное, какъ слѣдствіе придворныхъ интригъ и подкупа. 4-го января 1743 года прибыли въ Петербургъ депутаты изъ Стокгольма съ предложеніемъ Петру наслѣдованія шведскаго престола. Ихъ приняли чрезвычайно холодно. Безстужевъ уже былъ въ достаточной силѣ, чтобъ брать верхъ надъ партіей Лестока; былъ подкупленъ Англійей, опасавшейся сильнаго вліянія Россіи въ Швецію, почему и поспѣшилъ увѣрить императрицу, что избраніе ея племянника не болѣе какъ обманъ, ловушка. Депутатовъ держали какъ арестантовъ, подъ постояннымъ присмотромъ; имъ нельзя было сдѣлать шагу, безъ сопровожденія приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ. Во дворцѣ, въ пріемные дни,

лишь только заводили они разговоры съ кѣмъ бы то ни было, приближались лазутчики и подслушивали. Вступать въ объясненія, по дѣлу избранія Петра III, дозволено было депутатамъ не иначе, какъ съ людьми, назначенными самимъ Безстужевымъ ¹⁸⁾. Слѣдствіемъ всего этого было то, что шведскіе послы оставили Петербургъ (19-го января) съ отказомъ Петра Федоровича.

Лестоку, проигравъ въ этомъ дѣлѣ *partію*, выигралъ слѣдующую, и тѣмъ оплатилъ Безстужеву. На абовскій конгрессъ отправлены были не оберъ-гофмаршалъ Михайло Безстужевъ-Рюминъ и сенаторъ Голицынъ, какъ хотѣлъ вице-канцлеръ, а Румянцевъ и Люберасъ — люди преданные Лестоку ¹⁸⁾. Оба уполномоченные, желая угодить своему патрону, предписали Швеціи миръ далеко не столь тягостный, какъ этого можно было ожидать, невыгодный и для Россіи, относительно тѣхъ издержекъ, какихъ стала намъ эта трехъ-лѣтняя война ¹⁸⁾.

Такимъ-то образомъ рѣшали судьбу множества милліоновъ людей, торговали интересами цѣлой страны — люди бездушные, мелкіе интриганты и корыстолюбивые честолюбцы.

Любопытно, что Елисавета забавлялась, прислушиваясь къ переторжкамъ ея сановниковъ, состоявшихъ на жалованьи у разныхъ дворовъ; любила до страсти придворныя сплетни, сама подстрекала одну партію въ проискахъ противъ другой. Въ одно изъ многочисленныхъ ея посѣщеній своего хирурга, Лестоку пожаловался ей на буйное и развратное поведеніе лейбъ-камнанцевъ. Воротясь къ себѣ, Елисавета передала этотъ разговоръ шести-семи лицамъ, причемъ не обинуясь сказала: «мнѣ кажется, еслибы Лестоку могъ за одинъ разъ отравить ложкой яду всѣхъ *моихъ* русскихъ, то онъ бы это сдѣлалъ».

Вслѣдствіе подобныхъ выходовъ вражда распалась, число враговъ Лестока расло. «Онъ мнѣ самъ рассказывалъ, пишетъ Пецольдъ, 13-го апрѣля 1743 года, что даже старикъ фельдмаршалъ Долгорукій, который многимъ ему обязанъ, сказалъ въ сердцахъ двумъ офицерамъ нѣмцамъ: «чего вы хлопочете по вашему дѣлу, обратитесь къ тайному

совѣтнику Лестоку — вѣдь онъ для нѣмцевъ тоже, что для насъ русскихъ Богъ!». Шубинъ, только что пріѣхавшій изъ Камчатки, также попалъ въ усобицу петербургскаго двора и примкнулъ къ противникамъ Лестока ¹⁸).

«...Дворъ и правленіе російской имперіи, заключаетъ Пецольдъ, въ донесеніи *отъ 29-го ноября 1743 года*, находятся въ самомъ плачевномъ состояніи: ропотъ и общее негодованіе возникаютъ все больше и больше. Правители обще съ Елисаветой, ночь превращаютъ въ день, а день въ ночь; время убиваютъ въ прогулкахъ, комедіяхъ, маскарадахъ, балахъ, катаньяхъ и тому подобныхъ развлеченіяхъ. Не желая, чтобы что-нибудь мѣшало проводить время такъ, какъ ей вздумается, государыня терпѣть не можетъ дѣлъ государственныхъ; удаляется отъ нихъ, либо разсматриваетъ чрезвычайно небрежно, и зачастую, въ досадѣ, что ей *мѣшаютъ*... назначаетъ приговоры съ ужаснѣйшей строгостью. Вслѣдствіе беспорядочнаго управленія недостатокъ въ финансахъ до того увеличился, что большая часть служащихъ чиновниковъ и офицеровъ, не получая года полтора слѣдующаго имъ жалованья, должны закладывать послѣднее свое платье. А между тѣмъ и общая неурядица не упускаетъ интригующихъ савонниковъ! Пронски продолжаютъ едва ли не съ бѣльшимъ ожесточеніемъ; каждый торопится воспользоваться успѣхомъ, выкопать яму своему совѣтнику. Весь сенатъ пляшетъ по дудкѣ генераль-прокурора Трубецкаго; Лестокъ ворочаетъ иностранными дѣлами, причѣмъ послѣдній употребляетъ все усилія посадить на мѣсто великаго канцлера А. И. Румянцева, преданнѣйшаго ему человѣка, а Безстужева съ Бреверномъ — удалить отъ дѣлъ. Замыселъ не удался, Лестокъ пришелъ въ такую ярость, что въ одномъ торжественномъ собраніи русскихъ вельможъ, прямо назвалъ: вице-канцлера Безстужева пзмѣнникомъ. «Чтобы вывести его безбожные замыслы на чистую воду, сказалъ Лестокъ, надо засадить Безстужева въ застѣнокъ, казематъ и допросить подъ кнутомъ!» ²¹).

Видно дьяконъ *Савицкій* вполне справедливо восклицаетъ, въ *высочайшемъ присутствіи*, обращаясь къ враждующимъ савонникамъ: «мы какъ звѣри ненасытны, никогда своимъ не-

довольны, изъ «горла выдираемъ (власть и отличія), и за полушку, за щепку, за бездѣльнѣйшее иѣчто, человѣка умертвить мы рады!».

ПРИМѢЧАНІЯ.

2) *Вѣдомости* 1743 г., стр. 29 и 30.

3) *Щецольдъ* оставилъ по себѣ въ высшей степени интересныя и правдивыя донесенія о событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Документы эти впервые обнародованы *Германомъ* въ его: «Geschichte des russischen Staats» von Dr. Ernst Herrmann, ausserordentlicher Professor an der Universität zu Jena. Hamburg, 1853, ч. 4 и 5. Книга Германа доставила намъ обильные матеріалы.

4) *Вѣд.* 66, 126, 134, 142, 274. Академическій, извѣстный намъ, экземпляръ *Вѣдомостей* 1743 г. не полонъ: въ немъ нѣтъ описанія праздниествъ 10-го февраля и другихъ царскихъ дней. Любопытно, что подобно прошедшему году, въ газеты присылались описанія иногородныхъ праздниествъ: изъ Риги, Ревеля, Москвы, Выборга, иногда изъ Архангельска, разъ даже находимъ извѣстіе, что въ финляндскомъ городѣ *Улео* въ царскій день былъ богатый трапезентъ и магистръ *Дегерманъ*, полковой пасторъ, говорилъ *преурядную* предикую.

5) *Слово* въ недѣлю по просвѣщеніи, которая по сошествіи святаго духа была 31-я, проповѣданное придворнымъ дьякономъ *Стефаномъ Савицимъ* 1743 г., января 9-го. Печатано при академіи наукъ 16-го мая. 4 д., гражд. печ., 16 стр.

6) *Слово* въ недѣлю четвертую великаго поста, въ высочайшемъ присутствіи *ея священнѣйшаго величества* (этотъ эпитетъ впервые встрѣчается при имени Елисаветы) и наследника ея, проповѣданное *Мотлеанскимъ* въ придворной церкви, 13 марта 1743 г. Печ. гражд. печатью при академіи наукъ 25-го мая. 4 д. У *Сопикова* смотр. т. I, стр. 205.

7) *Журналы* церемоніальные, банкетныя и походныя 1743 г. 8 д. *Журналъ банкетной* за апрѣль, сентябрь, ноябрь и декабрь. Изд. публичной библіотеки 1851 г. — Также *Вѣд.* 1743 г., стр. 265, 289, 297, 305, 346, 401. Въ Выборгѣ «изрядную предикую, по сему случаю, говорилъ препозитъ *Мелантопеусъ.*» — Елисавета, по прежнему, любила крестить дѣтей; таковы были кре-

стны 16-го мая у М. Л. Воронцова (доч. Анна), у Б. Г. Юсупова 19-го мая (доч. Александра) и друг. Какъ извѣстно, отецъ жены Воронцова, дядя Елисаветы, Карлъ Самуйловичъ Скарвронскій, выкупленъ изъ крѣпостнаго состоянія за весьма дорогую цѣну и въ 1727 году, черезъ четыре года, сдѣланъ графомъ. Двѣ сестры его выкуплены на волю изъ лифляндскихъ поселянъ въ 1723 г.

8) Изъ сыновей Шубина намъ извѣстенъ Иванъ Алексѣевичъ; въ царствованіе Петра III онъ былъ воеводою въ Ярославѣ. Въ *Москвитяинѣ* (1849 г., т. XX, стр. 132, и 1851 г., т. I, стр. 125) напечатаны два письма къ нему принца Карла Бирона, съ которымъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

9) *Herrmann. Geschichte des russischen Staats*, т. V, стр. 185, прилож. III.

10) Новый и полный *географическій словарь Россіи*. 4. д. л. М. 1788. 4 тома. Лексиконъ историко-географической *Татищова*. Спб. 1793 г. Географическій Лексиконъ *Полунина*, 1773 г., стр. 250: «Петергофскій дворецъ, сказано въ Лексиконѣ, садъ, статуи, фонтаны, гроты, каскады, аллеи, рощи и другія, къ увеселенію чувствъ служащія мѣста, подають причину сравнить Петергофъ съ славною Версалью; а по прекрасному мѣстоположенію оному и предпочесть.» О Петергофѣ временъ Петра I, см. у *Беркгольца*, ч. I, стр. 131—136. О Петергофѣ временъ Петра II, см. *Lettres d'une dame anglaise Rondo. Rotterdam, 1776* года, стр. 5 и 52. О Петергофѣ позднѣйшаго времени у *Щекатова*: Географическій словарь 1805 г., т. 4, стр. 1105—1107 и проч.

11) Вся безцѣльность препровожденія времени Елисаветы какъ нельзя лучше усматривается изъ безграмотнѣйшаго дневника, или «журнала за 1743 г. церемоніальнаго, банкетнаго и походнаго». Не считая нужнымъ соблюдать орфографію и длинные титулы, которыми испещрены журналы, дѣлаемъ изъ него краткое извлечение: «4-го мая, среда. Сухимъ путемъ государыня отправилась въ Петергофъ, гдѣ провела три дня. Отъѣздъ возвѣщали стрѣльбою изъ пушекъ. 7-го мая. Осматривала въ Кронштадтѣ флотъ; были молебны, обѣдъ и проч. 8-го мая. Не доѣзжая семи верстъ до Царскаго села, кушала въ палаткѣ, на дорогѣ. 9-го мая. Слушала обѣдню въ церкви св. Николая, тамъ же молебень. При выходѣ и входѣ въ комнаты палили изъ пушекъ. 10-го, *вторникъ*. Забавлялась послѣ обѣда въ звѣринцѣ, гдѣ потомъ кушала и увеселялась съ оберъ-егермейстеромъ А. Г. Рау-

мовскимъ. 11-го, среда. Слушала обѣдню, отправилась въ Петербургъ; не доѣзжая, верстахъ въ одиннадцати закусывала въ палаткѣ. 23-го мая, вторникъ. Вновь отправилась въ Петергофъ; ѣхала, по обычаю, весьма медленно съ роздыхами; пила и кушала въ Лиговой мызѣ на дорогѣ. 27-го, въ пятницу. Очень веселилась на свадьбѣ камеръ-юнкера, графа Гендрикова. Былъ большой столъ. Маршаломъ и церемоніймейстеромъ Н. Ю. Трубецкой. 29-го числа, шествовала въ Стрѣльну и Царское село *). 2-го июня. Обратная поѣздка, вечернее кушанье въ селѣ Ивановѣ. 5-го июня, катанье въ Петербургъ, на другой день возвращеніе въ Петергофъ. 8-го числа, прогулки по окрестностямъ и новая поѣздка въ столицу. 15-го июня въ Царское село. 19-го числа въ Петергофъ, 22-го, вторникъ, въ Петербургъ. 7-го июля, въ Царскомъ селѣ. 15-го въ Петергофѣ. 16-го въ Стрѣльнѣ. 18-го въ Петергофѣ. 20-го въ Петербургѣ. 22-го въ Петергофѣ. 24-го въ Петербургѣ. Дни между показанными числами государыня проводила въ дорогѣ; завтракая, обѣдая, нерѣдко ночуя въ разбиваемыхъ для нея и ея свиты палаткахъ. Нѣсколько десятковъ лейбъ-компанцевъ составляли конвой государыни. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, почему императрица не оставалась долго въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ дворцѣ, не ночевала нѣсколько ночей сряду въ одной и той же комнатѣ... 5-го сентября, понедельникъ. Празднество въ новомъ лѣтнемъ домѣ (гдѣ нынѣ инженерной замкъ). За обѣдней говорилъ предикъ архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, Кирилъ Флоринскій. Обѣдала на тронѣ съ племянникомъ. Присутствовавшіе сановники были не ниже шестаго класса. За столомъ Елисаветы стоялъ камергеръ Скворцовъ (бывшій лакей ея въ царствованіе Анны), форшнейдеромъ былъ камергеръ Строгоновъ (Балкъ, исправлявшій эту должность въ прежніе праздники, теперь былъ въ опалѣ), за столомъ Петра красовался камергеръ Бецкій. 6-го сентября. Играна комедія; весь лѣтній садъ былъ иллюминованъ. 15-го числа праздновали объявленіе мира. «За ужиномъ, внутри столовъ, изъ сдѣланныхъ нарочно фонтановъ пущена вода.» Октября 7-го. Обѣдъ, ужинъ и разныя удовольствія въ Лиговѣ, на дачѣ у гофмаршала Д. А. Шепелева. Ночевала государыня въ Красномъ селѣ.

*) О Царскомъ селѣ издана Б. Х. любопытная брошюрка въ 1840 году. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ фактовъ, собранныхъ въ этой книжечкѣ: «Стѣны одной изъ комнатъ дворца царскосельскаго обложены яптарными дощечками, подарокъ отъ Фридриха Вильгельма I Аннѣ Ивановнѣ за ея небольшой презентъ: восьмидесяти рослыхъ гренадеръ, стр. 8—10.

8-го числа, въ шестомъ часу по полуночи, «шествовала Елисавета для стрѣлянiя птицъ, къ нарочно сдѣланнымъ для того шалапахамъ, и тутъ пробыла цѣлый день.» Ночевала въ Царскомъ. 10-го, *понедѣльникъ*, провела въ шалапахъ, «на стрѣлянью птицъ.» 11-го октября веселилась и забавлялась въ новопостроенномъ дворцѣ на дорогѣ изъ Царскаго въ Петербургъ. Спутниками на охотѣ были: Разумовскiй, Шепелевъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Девиеръ (незадолго вернувшiйся изъ Охотска, куда былъ сосланъ въ 1728 году), Петръ Сумароковъ, Елагинъ, камеръ-юнкеръ Лялинъ (бывшiй лакей Елисаветы), Сиверсъ и отрядъ лейбъ-кампанцевъ. 24-го ноября, *день великомученицы Екатерины*, большой обѣдъ, балъ, ужинъ и концертъ итальянскихъ музыкантовъ. 25-го числа, день восшествiя на престолъ, обѣдня, проповѣдь Амвросiя, жалованье къ ручкѣ. «За обѣдомъ, какъ всегда, государыня сидѣла рядомъ съ Разумовскимъ.» Участниками въ царской трапезѣ были двѣсти сорокъ четыре лейбъ-кампанскихъ гренадеръ. Они были и на большомъ придворномъ балѣ, заключившемъ этотъ день. 30-го ноября, орденскiй праздникъ Андрея Первозваннаго, новое торжество въ большомъ зимнемъ, каменномъ домѣ. Проповѣдь въ высочайшемъ присутствiи рождественскаго архимандрита Платона. Обѣдъ, балъ и проч. 18-го декабря, день рожденiя Елисаветы, предика Флоринскаго, обѣдъ на тронѣ, подъ балдахиномъ, балъ и иллюминацiя на льду, противъ дворца, и т. д.

12) Вл. д. 458, 601, 816. Собранiе разныхъ сочиненiй въ стихахъ и прозѣ, *Михайла Ломоносова*, изд. 1751 года, съ портретомъ автора, ода на 10-е февраль 1743; стр. 138—145; въ изданiи 1847 года см. т. I, стр. 65—71; изд. 1778 года, ч. I, стр. 93—100; изд. 1803 года, ч. I, стр. 73—78.

13) Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ похвальномъ словѣ 26-го апрѣля 1755 года Ломоносовъ повторилъ это: «Часто размышлялъ я, говорить Ломоносовъ, каковъ тотъ, который всемилнымъ мановенiемъ управляетъ небо, землю и море? Но мыслямъ челоувѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ челоувѣческомъ видѣ. И такъ ежели челоувѣка Богу подобнаго, по нашему понятiю, найдти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.» Но если предписанъ предѣлъ челоувѣческимъ мыслямъ, то не положенъ предѣлъ лести придворныхъ пѣвцовъ и ораторовъ. До чего доходитъ эта лесь — видно изъ выписанныхъ нами строкъ.

14) П. С. З. № 8820. Оранiенбаумъ состоялъ съ 1736 года

въ вѣдомствѣ адмиралтейства. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ брошюрѣ *А. Вейдемейера*: «Царствованіе Елизаветы», попадаются весьма странныя и наивныя ошибки. Такъ, напримѣръ, ссылаясь на исторію Малороссіи *Каменскаю*, онъ рассказываетъ о поѣздкѣ Елизаветы въ Кіевъ на богомолье, *въ августъ 1743 года*, причемъ утверждаетъ, что старшины казацкіе просили ее объ избраніи гетмана. (Стр. 77.) *Вѣдомости, походные журналы* и другіе современные документы молчатъ объ этой поѣздкѣ. *Нашокинъ* прямо говоритъ, что «1743 годъ государыня изволила продолжаться въ Петербургѣ неотлучно» (стр. 70 и въ *Библ. для Чит.*, т. LIV, стр. 19—21). Что же касается до цитируемаго *Каменскаю*, то у него безошибочно сказано (изд. 1830, ч. I, стр. 192): «Елизавета ѣздила въ Кіевъ *въ 1744 году*». Объ этой поѣздкѣ мы имѣемъ много свѣдѣній. Видимо, что *Вейдемейеръ*, какъ часто съ нимъ случается, спуталъ года и вмѣсто одной поѣздки у него вышло двѣ: въ 1743 и 1744 годахъ.

15) Записки *Штелина*. О нихъ смотр. въ указателѣ къ Москвитянину *Бартенева*. Временникъ общества исторіи. Москва, 1855 года, стр. 59 и 65; также въ статьѣ *М. П. Погодина*, стр. 4—6.

16) *Записки* современницы, стр. 2—6. Въ сообщаемыхъ ею извѣстіяхъ, кажется, сомнѣваться трудно. Не смотря на то, что пишущая, по разнымъ обстоятельствамъ, смотрѣла на Петра пристрастно, почти всѣ ея слова подтверждаются свидѣтельствомъ *Штелина*, *Цецольда* и другихъ. *Geschichte des Russischen Staats, Herrmann*, т. V, гл. I: «anlagen, carakter und erziehung des jungen Herzogs Karl-Peter-Ulrich von Holstein.» Стр. 1—24. *Жизнь* Петра III, изд. 1808 года. Тюбингенъ, ч. I, стр. 21 и слѣдующія. «Histoire de Pierre III, imprimée sur un manuscrit, trouvé dans les papiers de *Montmorin*, ancien ministre des affaires étrangères, et composé par un agent secret de Louis XV à la cour de Pétersbourg; avec des éclaircissemens et des additions importantes. Avec figures. Paris. An. vil. de la république française», стр. 360. Эта книга самая восторженная защита Петра III отъ нареканій писавшихъ о немъ.

17) Петръ Ѳедоровичъ любилъ, между прочимъ, базагурить, слушать хорошихъ рассказчиковъ и т. п. Такъ, напримѣръ, многіе вечера проводилъ у него надзиратель за постройками галеръ, Игнатій Ѳедоровичъ Елагинъ, одинъ изъ заграничныхъ воспитанниковъ корабельнаго дѣла, въ царствованіе Петра I. Елагинъ много рассказывалъ о старинѣ. Петръ Ѳедоровичъ

смѣлся, слушая рассказы и высказывалъ иногда сомнѣнiе. Простодушный старикъ выходилъ изъ себя. «Пожалуй, Петръ Ѳедоровичъ, говаривалъ Елагинъ въ этихъ случаяхъ, не ври пустаго, а вѣрь всему, что я передаю о твоёмъ дѣдѣ, да поступи также, какъ онъ поступалъ». Елагинъ умеръ въ глубокой старости, въ 1760 году. Смолр. *Штелина* анекдоты о Петрѣ I *Каменскаго*: Словарь 1836 года, ч. II, стр. 379—380.

18) *Geschichte des Russischen Staats, Herrmann*, т. V, гл. I. Донесенiя Пецоьлда отъ 25-го февраля, 29-го марта, 12-го октября, 3-го сентября, 16-го, 26-го и 29-го ноября 1742 года и другiя; глава II, стр. 56, 57, 58. Донес. *Пецоьлда* отъ 8-го января, 5-го февраля и 15-го декабря 1743 года. Приложенiя: III, стр. 185—186, VI, стр. 190, 191.

19) Въ VI томѣ «Исторiи Петра I», Спб. 1859 года, Устряловъ обнарудовалъ письмо Безстужева изъ Лондона къ царевичу Алексѣю въ Неаполь (1717 года). Безстужевъ предлагалъ свои услуги бѣглецу-царевичу. Г. Устряловъ нашелъ копию этого письма въ вѣнскомъ тайномъ архивѣ; оригиналъ, нѣтъ сомнѣнiя, сожженъ Алексѣемъ предъ возвратомъ на родину. Во всякомъ случаѣ документъ, любопытный для полной характеристики вице-канцлера.

20) По этому поводу нельзя не привести любопытной замѣтки; мы ее находимъ въ запискахъ *Г. Р. Державина*. (Русск. Бесѣда 1859 года, N° V, стр. 453.) «..... По гражданскому закону, пишетъ Державинъ, говоря объ одномъ сенатскомъ дѣлѣ щекотливаго свойства, по уложенiю, строго воспрещено выб...-..мъ вступать въ наслѣдство и принимать фамилю отцовъ; а по духовнымъ правиламъ позволено привѣнчивать при совершенiи браковъ незаконныхъ дѣтей или такъ сказать усыновлять — чему и былъ весьма знатный примѣръ въ Россiи: императрица Елизавета Петровна привѣнчана была при совершенiи брака Петра I и почиталась законною.»

21) *Geschichte, Herrmann*. Гамбургъ, 1853 года, т. V; смолр. также: «*La Cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin. 1858 года. 8-я д. л., стр. 96—105. «Это время, говоритъ составитель этой книги о царствованiи Елизаветы, представляетъ зрѣлище поразительное, едва ли не единственное въ исторiи Россiи.» Германъ, котораго нельзя заподозрить въ преувеличенiи фактовъ и пристрастiи, справедливо замѣчаетъ: все, что дѣлалось въ это время въ Петербургѣ, напоминаетъ азиат-

скія государства, гдѣ царствуетъ произволъ и полное презрѣніе къ правамъ человѣка. Къ этому выводу придетъ всякій, кто прочтетъ депеши нѣмецкихъ пословъ, обнародованныя Германомъ. Донесенія французскихъ и англійскихъ агентовъ несравненно умѣреннѣе, потому ли, что они не хотѣли пристально вглядываться въ современные обстоятельства, или потому, что не отличались наблюдательностью. Впрочемъ, вотъ что, на примѣръ, писалъ ко двору своему М. Wich, 29-го апрѣля 1743 года: «Настоящее правительство далеко и далеко не прочно; оно всегда будетъ подвергаться всякаго рода колебаніямъ и революціямъ тайныхъ заговоровъ. Если императрица не перемѣнится въ своемъ поведеніи, не обратитъ надлежащаго вниманія на управленіе внутренними и внѣшними дѣлами, то государство придетъ въ безвыходное положеніе.... Елизавета много обѣщала при восшествіи своемъ на престолъ (?), но страсть къ наслажденіямъ всякаго рода испортила все; она будетъ причиною несчастій ужасныхъ и бѣдъ неисправимыхъ!»

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

1860 года. Спб. Января 1-го.

ИСТОРИЯ ИСЛАМА.

I. Обзоръ Востока въ политическомъ отношеніи предъ появленіемъ Мохаммеда.

I.

Двѣнадцать съ половиною вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ громаднаго событія, потрясшаго тогдашній историческій міръ. Событіе это было такого рода, что созданный имъ порядокъ вещей остается до-сихъ-поръ не прикосновеннымъ, хотя уже давно онъ пересталъ развиваться въ новыя границы и формы, и представляется въ настоящее время какъ бы окаменѣлымъ, далекимъ отъ разрушенія. Стоя за рубежомъ этихъ двѣнадцати вѣковъ, при взглядѣ на обширный міръ мохаммеданскій, на то коснѣніе въ основныхъ его религіозныхъ и политическихъ началахъ, на которыхъ онъ былъ построенъ, и которыя такъ рѣшительно противорѣчатъ началамъ христіанской цивилизаціи, мы должны быть поражены тѣмъ большимъ изумленіемъ, что цивилизація христіанская представляла непрерывные и гигантскіе успѣхи на пути своего развитія, и была въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ мусульманскимъ міромъ. Положимъ, что развитіе это ограничивалось внутреннею стороною жизни христіанскихъ народовъ, что цивилизація ихъ стремилась къ усовершенствованію ихъ внутренняго быта и политическаго устройства, къ разработкѣ и опредѣленію вопросовъ ихъ національности и между-народныхъ отношеній, — но сила, выработанная такимъ развитіемъ, повидимому, должна была бы

естественно подѣйствовать на сосѣдній міръ, столь близкій, совершенно инаго склада, во многомъ негѣпаго, склада, который переходилъ изъ вѣка въ вѣкъ безъ всякаго усовершенствованія и измѣненія и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ долженъ былъ приходиться въ разстройство и разслабленіе: духовное развитіе мусульманъ и по истеченіи 1,200 лѣтъ ихъ политическаго существованія стоитъ на той же низкой степени, на которой оно стояло у нихъ вначалѣ. Но мусульмане даже торжествовали не однажды въ борьбѣ съ христіанами: вспомнимъ покореніе Испаніи, крестовые походы и разрушеніе византійской имперіи. И въ настоящее время—благословеннѣйшія страны, которыя, по преданію, были колыбелью человѣчества и театромъ первыхъ его историческихъ дѣяній и, по своимъ естественнымъ богатствамъ и положенію, возбуждаютъ и въ современныхъ образованныхъ и могущественныхъ народахъ живѣйшій интересъ, — и въ настоящее время въ странахъ этихъ господствуетъ мусульманская сила, совсѣмъ ея невѣжествомъ, которая должна бы быть въ XIX столѣтіи, у порога образованной Европы, вопіющимъ анахронизмомъ.

Все это должно возбуждать въ насъ, повторяемъ, крайнее изумленіе и, конечно, какъ прилично европейцамъ, любопытство, а слѣдовательно, все это должно вызывать самое тщательное и дѣятельное изученіе затронутаго предмета, для разъясненія многочисленныхъ, возникающихъ въ этомъ случаѣ, важныхъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ современная наука и политика уже поставили себѣ ближайшею задачею. Конечно, окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ мы дождемся еще не скоро, ибо оно должно быть повѣрено вѣроятно вѣками опыта и борьбы во имя реформъ, которыя несутъ европейцы на Востокъ. Что наука тутъ сдѣлала еще очень немного, это доказывается слабостью новѣйшихъ, первоначальныхъ успѣховъ европейцевъ на Востокъ: но — тѣмъ большее вниманіе она должна теперь обратить на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе мы должны интересоваться ея сообщеніями.

Сколь ни изумительно необыкновенное появленіе и распространеніе исламизма, мы знаемъ однако, что ничто въ

мірѣ не совершается безъ разумныхъ и болѣе или менѣе ясныхъ причинъ и вопреки извѣстнымъ, непреложнымъ законамъ, по коимъ развивается всякая жизнь, между прочимъ и политическая жизнь народовъ. Такъ извѣстенъ естественный законъ обновленія жизни силою новыхъ элементовъ, законъ, по которому все живущее, совершивъ опредѣленный кругъ своего индивидуальнаго развитія, органически разрушается или правильнѣе перерождается въ новыя формы и стремленія, подѣ дѣйствіемъ новыхъ силъ, которыя, созрѣвъ до извѣстной стройности и полноты, начинаютъ оказывать болѣе или менѣе дѣятельное вліяніе на жизнь окружающую, прививаются къ ней и тѣмъ поддерживаютъ или видоизмѣняютъ то, что близко къ разрушенію. Въ видоизмѣненной такимъ образомъ жизни часто проявляются съ свѣжею силой совершенно новыя инстинкты и избирается ею новое, совершенно отличное отъ прежняго, направленіе и способъ развитія, а чрезъ это, изъ прежней ея области, стѣсненной направленіемъ ея преобладавшей силы, выдѣляются новыя элементы для самостоятельной и свободной жизни и дѣятельности и преобразуются нерѣдко въ силу тѣмъ болѣе могучую, чѣмъ болѣе заключается въ нихъ началъ свѣжихъ и оригинальныхъ. Въ политической жизни народовъ, историческое русло, при постепенномъ движеніи впередъ, вслѣдствіе новыхъ политическихъ комбинацій, переходитъ на новыя почвы, а на прежнихъ образуются и разливаются новыя ручьи, достигая иногда громадныхъ размѣровъ, дѣйствуя съ большею или меньшею силою на исторію сосѣднихъ странъ. Что такіе новыя ручьи образуются первоначально на почвахъ совершенно дѣвственныхъ, прежде не показывавшихъ видимому признаковъ жизни, — это совершенно понятно, если прежнее русло истощило почвы, по которымъ протекало и для которыхъ, въ историческомъ смыслѣ, всегда бываетъ очень трудно возрожденіе своими собственными средствами, а богатство содержанія, жизненность, въ каждомъ молодомъ созданіи, въ каждой не початой почвѣ бываетъ такъ велика, что достаточно случайнаго толчка, достаточно воззванія одного отважнаго и энергическаго человѣка, чтобы вызвать изъ нѣдръ данной среды изумительныя, необычайныя силы и

излить ихъ широкою и сокрушительною или плодотворною рѣкою на поприще исторіи. Впрочемъ для этого не нужно и случайности: у Провидѣнія всегда есть достаточно разумныхъ причинъ произвести въ жизни то или другое движеніе, и только не дальновидные мыслители имѣютъ надобность въ гипотезахъ, основанныхъ на таинственномъ и не понятномъ происхожденіи всего совершающагося въ человѣческомъ мірѣ.

Всѣ эти истины какъ нельзя удобнѣе примѣняются къ вопросу о появленіи и распространеніи ислама. Для этого намъ нужно только оглянуться нѣсколько назадъ, на тотъ историческій міръ, который предшествовалъ Мохаммеду. Мы увидимъ римлянъ. За пятьдесятъ лѣтъ до Мохаммеда ихъ политическое существованіе совершенно пало, но агонія его началась гораздо прежде. Совершивъ свой циклъ развитія, достигнувъ высшей степени могущества, возвысившись надъ всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ, римская имперія обнаружила наконецъ признаки дряхлости и разложенія. Гражданскія и воинскія доблести уступили въ ней мѣсто изнѣженности, роскоши, корыстолюбію, гнусной лести, низкимъ правительственнымъ интригамъ, повсемѣстному и ужасающему растлѣнію нравовъ, нравственныхъ и физическихъ силъ; римскіе герои превратились въ сластолюбцевъ и тирановъ; подвиги славы и служеніе отечеству замѣнились безнравственными оргіями и заботою о личныхъ благахъ. Все это неминуемо отразилось въ соотвѣтственной степени на политическомъ значеніи имперіи, которая стала распадаться на отдѣльныя части; часть могущества ея перенесена была на новую территорію, въ Византію, но вмѣстѣ съ могуществомъ перешли туда и тлетворные элементы дряхлости и нравственнаго безсилія, такъ что если эта новая имперія и существовала еще долго, то все время ея существованія представляло жалкій, хотя и долгій періодъ постепеннаго склоненія къ упадку, погасанія, и ни единожды силы ея не ознаменовались тѣми подвигами, которые для сильнаго государства расширяютъ границы его политическаго и нравственнаго господства: напротивъ, границы эти постоянно суживались и стянулись наконецъ въ тѣсную петлю константинопольскихъ

стѣнь, задушившую послѣдній проблескъ древней доблести; это былъ тысячелѣтній историческій status quo, который потому и погибъ такъ жалко, такъ безслѣдно, что продолжался слишкомъ долго. Исходъ Рима былъ благополучнѣе: это была не смерть, а перерожденіе въ новыя формы, въ новыя стремленія. Орудіемъ этого явился младенческой народъ, патріархальнаго быта, изъ невѣдомыхъ сѣверныхъ степей и лѣсовъ. Тѣснымъ дикими пришельцами съ сѣверо-востока, онъ двинулся на западъ и югъ, и такимъ образомъ перешелъ римскія границы, путь чрезъ которыя ему давно указанъ былъ самими же римскими героями. Свѣжія силы германцевъ взяли верхъ надъ одряхлѣвшими силами Рима; но они были слишкомъ немногочисленны и притомъ, по своему прошедшему образу жизни, были кротки и честны и склонны болѣе къ мирной, гражданской жизни, чѣмъ къ дѣяніямъ военнымъ, — потому они не подавили римской народности, а слились съ нею и вмѣстѣ съ нею переродились въ сильныя племена, основавшія всѣ существующія нынѣ государства на западѣ Европы; они подали руку кроткому, челоуѣколюбивому христіанству и съ-тѣхъ-поръ пошли съ нимъ рука объ руку; они не пренебрегли науками и искусствами, выработанными вѣками на римской почвѣ, и разнесли все это съ собою по Европѣ. Римъ палъ, но изъ его развалинъ, съ прибавленіемъ новыхъ матеріаловъ, возникло зданіе западной имперіи, унаслѣдившей его гражданственность, науки; римскій духъ переродился въ Карловъ Великихъ и Наполеоновъ, его отпечатки и черты виднѣются во всѣхъ учрежденіяхъ западной Европы, развившихся до той высокой степени, на которой они стоятъ нынѣ: такъ жизненны и благотворны были привившіеся къ Риму германскіе элементы. Но историческое русло приняло рѣшительно новое направленіе: оно двинулось на сѣверъ и западъ; геній исторіи вдохнулъ дѣятельную жизнь въ новыя племена, населявшія Германію, Норвегію, Галлію, Испанію, Англію, и много вѣковъ было употреблено на то, чтобы въ этихъ странахъ водворить новую гражданственность на прочныхъ началахъ; феодаальная система и международная борьба задали много работы туземцамъ и содѣлали безуспѣшными слабыя попытки

рыцарства водвориться на Востокъ: эти попытки были въ то время скорѣе прихотью воинственныхъ и безпокойныхъ феодаловъ, чѣмъ историческою необходимостью, — Востокъ въ сущности былъ надолго забытъ нашею исторіею, которая вмѣсто того подошла къ великому океану и, подъ наитіемъ новаго духа европейской цивилизаціи, поплыла вмѣстѣ съ нею въ далекія, невѣдомыя страны. Связью между Европой и Востокомъ оставалась Византія, но эта была весьма слабая связь. Отторгнутая отъ западной Европы посредствомъ раздѣленія церквей, даже ставши чрезъ-то во враждебное къ ней отношеніе, Византія жила только преданіями прошедшаго; зерно ближайшаго будущаго было не въ ней. Замкнутая въ самой себѣ, предоставленная своимъ собственнымъ средствамъ, которыя постепенно должны были ослабѣвать, не освѣжаемыя, не возбуждаемыя новыми элементами, она не только съ большимъ трудомъ могла поддерживать свое владычество въ Азіи, не говоря объ его распространеніи и прочномъ утвержденіи, но и на своей родной территоріи обнаруживала явное безсиліе во внутренней борьбѣ партій, озаменованной то анархіей, то деспотизмомъ, лишенной всякаго историческаго смысла и перешедшей изъ политическаго значенія — въ жалкую игру страстей частныхъ лицъ и общественныхъ кружковъ. Исключительныя явленія дѣятельныхъ и мудрыхъ императоровъ не могли уже предотвратить органическаго разрушенія своей державы, они могли только отсрочить его на нѣкоторое время.

Впрочемъ, и при такомъ печальномъ положеніи Византіи въ эпоху, о которой мы хотимъ говорить, нельзя было ждать ни откуда рѣшительнаго, сокрушительнаго удара. Она была еще довольно сильна относительно. Западной Европѣ было не до нея, тѣмъ болѣе что тамошнія юныя государства были еще очень слабы, едва складывались въ нѣчто правльное и совершенно были преданы своему внутреннему устройству или ближайшимъ международнымъ отношеніямъ, да и отдѣлены они были отъ византійской имперіи дикими ордами кочевниковъ, пришедшихъ изъ Азіи черезъ степи теперешней Россіи и расположившихся на равнинахъ Венгріи и Валахо-Молдавіи. Отъ этихъ ордъ Византія также была до-

вольно безопасна, благодаря своему золоту и правильно организованным военным силамъ. Наконецъ, малая Азія и Египетъ были ей подвластны, и въ населеніяхъ своихъ, давно сроднившихся съ римскимъ и греческимъ господствомъ, не представляли ничего опаснаго для ея независимости и никакихъ задатковъ для своего самостоятельнаго существованія. Былъ одинъ только врагъ, съ которымъ Византія приходилось въ то время бороться съ переменнымъ счастьемъ, — это Персія, но и въ послѣдней не было такихъ зачатковъ политическаго могущества, которыя могли бы поработить Византію: обветшалыя формы древней азіатской системы правленія, младенческія, беспорядочныя религіозныя понятія маговъ, сильнѣйшаго сословія въ Персіи, съ которымъ боролась государственная власть; невѣжество всѣхъ слоевъ общества, политическія интриги и междоусобія, — все это содѣлывало могущество Персіи весьма ненадежнымъ, въ-особенности при борьбѣ ея съ греческой имперіей.

Такимъ образомъ, сфера тогдашней политической жизни Византіи не заключала въ себѣ, повидимому, никакихъ враждебныхъ и опасныхъ для нея силъ, и она могла бы существовать еще гораздо дольше, еслибъ въ исторіи, какъ въ природѣ, могли быть терпимы подобныя существованія. Но жизнь обуславливается неумолимымъ движеніемъ впередъ и не допускаетъ никакихъ остановокъ; всякій новый день, и тѣмъ болѣе новый вѣкъ, требуютъ для себя новой пищи, новой дѣятельности. Пока организмъ развивается въ новыя силы — онъ дѣйствуетъ на окружающую его жизнь, — это необходимая потребность природы; потому, какъ только организмъ дошелъ до высшей черты своего развитія, за которою для него новаго будущаго нѣтъ, — вокругъ него образуется пустота, которую природа спѣшитъ наполнить призываніемъ къ жизни новыхъ организмовъ, которые мало-помалу и начинаютъ стѣснять прежній въ своей сферѣ и наконецъ совершенно поглощаютъ его. Такъ непрестанно сливаются въ природѣ смерть и безсмертіе. Исторія, въ подобные періоды истощенія силъ одного народа, призываетъ другой къ дѣятельности, которая бываетъ тѣмъ обширнѣе и энергичнѣе, чѣмъ этотъ призванный народъ свѣжѣе, чѣмъ

болѣе онъ былъ чуждъ до того времени историческаго поприща.

На почвѣ прежней римской дѣятельности по ту сторону Средиземнаго моря, въ позднѣйшихъ владѣніяхъ греческой имперіи, въ первые вѣка христіанства, политическая жизнь стала очевидно ослабѣвать, проникаться тою бездѣйственностью и апатіей, которая не способна принять участія въ міровыхъ судьбахъ; замиравшіе въ этой безжизненности народы требовали обновленія, возбужденія къ какому нибудь движенію впередъ. И для этого обновленія призванъ былъ народъ сосѣдній; характеромъ своимъ онъ какъ нельзя лучше удовлетворялъ требованіямъ освѣжающихъ, оживляющихъ элементовъ. Онъ былъ свободенъ, какъ вѣтеръ его степей; простъ, нетребователенъ и физически крѣпокъ, какъ человекъ, никогда не знавшій роскоши; душа его была полна поэзіи, какъ роскошный оазисъ въ пустынѣ; его страстная энергія была также сильна и своеобразна, какъ благовоніе его роднаго растенія алоэ; въ аравитянахъ, которыхъ мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ, все дышало первобытною, патриархальною простотою и жизненностью: стада Іакова, верблюды Исава и палатки Авраама представляли неизмѣнное зрѣлище въ Аравіи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ. Родоначальники фамилій, шейхи (князья) пользовались отцовскою властію; конь и верблюдъ, «корабль пустыни», составляли все достояніе араба; горсть пшена и кружка воды — его пропитаніе; поэзія и сказка — любимое провозженіе времени.

Вотъ съ какими качествами выходилъ этотъ народъ на одряхлѣвшее политическое поприще. Повятно, что тамъ его путь долженъ былъ представлять рядъ непрерывныхъ триумфовъ, и что предъ напоромъ этихъ бодрыхъ силъ долженъ былъ упасть прежній обветшалый порядокъ вещей. Такъ дѣйствительно и случилось. Прошло сорокъ лѣтъ со времени появленія арабовъ на исторической сценѣ — и они уже господствовали въ Палестинѣ, Сиріи, Месопотаміи, Персіи, Арменіи, въ части Туркистана, въ Египтѣ, въ сѣверной Африкѣ и на многихъ островахъ Средиземнаго моря; черезъ пятьдесятъ лѣтъ они завладѣли Испаніей, а спустя еще

столько же лѣтъ, отряды ихъ перешли Пиринейскія горы; наконецъ (824—846 годъ), огненные вершины Этны узрѣли у подошвъ своихъ сарацинскихъ гостей, и дряхлый семихолмный Римъ былъ угрожаемъ отъ нихъ опустошеніемъ. Почти въ самомъ началѣ своихъ успѣховъ они встрѣтили на пути своемъ народъ болѣе грубый, но столь же сильный и воинственный, который, подчинившись мусульманской религіи, сдѣлался ревностнымъ ихъ послѣдователемъ. Это были турки, которые впоследствии утвердились даже въ лучшей части Европы и стали для послѣдней весьма опасною грозою, которая перестала быть страшною только въ недавнее время. Значеніе этого могущества турокъ относится столько же, если еще не больше, къ арабамъ, вдохнувшимъ въ нихъ свою фанатическую воинственность, какъ и къ самимъ туркамъ.

II.

Упомянувъ выше о тѣхъ общихъ историческихъ истинахъ, которыя, по нашему мнѣнію, съ большимъ успѣхомъ прилагаются къ объясненію столь важнаго въ исторіи явленія и распространенія ислама, и показавъ, какимъ образомъ нужно прилагать къ этому вопросу упомянутыя истины, — мы, въ настоящей главѣ сдѣлаемъ подробный обзоръ тогдашняго положенія политическаго міра внѣ Аравіи, который представилъ Мохаммеду и его преемникамъ такой легкій путь къ распространенію и утвержденію ихъ ученія и основанной на немъ власти.

Поприщемъ для развитія мусульманскаго могущества послужили преимущественно владѣнія византійской имперіи; потому мы и постараемся начертать здѣсь, по возможности сжато, ея историческую картину.

По раздѣленіи римской имперіи на восточную и западную, при вступленіи на два новыхъ престола Аркадія и Гонорія (395 года), первый, восточный императоръ, владѣлъ въ Европѣ Балканскимъ полуостровомъ, въ Азіи — малою Азією и Сирією, и въ Африкѣ Египтомъ. На западѣ импе-

рии были сначала владѣнія западной римской имперіи, потомъ римско-германскія королевства; на сѣверѣ гунны, потомъ авары; на востокѣ — турки и персы, и на югѣ — арабы. Внутреннее устройство византійской имперіи состояло въ строгомъ подчиненіи провинцій главнымъ городамъ, которые въ свою очередь подчинялись столицѣ. Потому исторія византійской имперіи всегда продолжала сохранять характеръ исторіи древняго Рима: провинціи не имѣли въ ней никакого значенія, и только ихъ главные города, какъ Александрія въ Египтѣ и Антиохія въ Сирии, участвовали въ исторіи тѣмъ, что иногда возставали противъ столицы съ цѣлю возвести своихъ намѣстниковъ на ея престолъ. Византія, бывъ предметомъ честолюбія провинцій, подобно древнему Риму оставалась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Потому внѣшняя исторія византійской имперіи есть только исторія Византіи, ея двора, гвардіи и жителей столицы, какъ въ древности исторія города Рима была долгое время исторіею древняго міра. При такомъ отсутствіи мѣстнаго значенія провинцій, немудрено, что послѣднія плохо защищались и были защищаемы отъ нападений сосѣднихъ народовъ, особенно при тѣхъ безпорядкахъ, какими ознаменовывалась политическая жизнь въ самой Византіи. Съ одной стороны, какъ мы говорили выше, изъ Рима перешли въ византійское общество начала нравственнаго растлѣнія; съ другой, Византія, служа для окружавшихъ ее варваровъ нѣкоторымъ источникомъ образованія, подчинялась сама большому вліянію ихъ сосѣдства, вредно дѣйствовавшаго на ея духовную жизнь: ихъ суевѣріе и заблужденія порождали въ ученой Византіи религіозныя секты, которыя не рѣдко имѣли и политическій характеръ. Такимъ образомъ, Византія въ одно время боролась съ варварами и внутри и внѣ; но главною сценой этой борьбы оставалась всегда столица: подъ ея стѣнами часто стоялъ непріятельскій лагерь, и въ то же время на ея площадяхъ безпрерывно совершались кровавыя междоусобія. Варвары, служа наемниками въ Византіи, играли не рѣдко въ ней ту же роль, какъ и въ Римѣ: стоя во главѣ войскъ, составленныхъ преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ, они располагали византійскимъ престоломъ по своему произ-

волу. Все это было причиною того несчастнаго для византійской исторіи факта, что въ первыя четыреста лѣтъ существованія византійской имперіи, на престолѣ ея смѣнились четыре династіи, которыхъ присылали ей провинціи: Испанія, Славяне, Африка и малая Азія.

Во все время царствованія императоровъ изъ дома Θεодосія-Великаго: Аркадія, Θεодосія II, Маркіана, Льва I, Зенона и Анастасія, I, — исторія Византіи ограничивалась борьбою съ вестъ-готами, гуннами и славянами, которые дѣлали на имперію опустошительныя набѣги, то вступали въ службу къ императорамъ и поддерживали или сами производили политическія интриги, или же грабили провинціи въ качествѣ императорскихъ намѣстниковъ. При послѣднихъ двухъ императорахъ Византія была обуреваема религіозными распрями, порожденными ученіемъ монофизитовъ, которыхъ сторону принималъ даже самъ Анастасій, оставившій державу въ самомъ разстроенномъ положеніи. По воцареніи дома Юстиніана-Великаго, для Византіи наступилъ лучшій періодъ. Юстинъ I разбилъ персовъ, начинавшихъ жестоко нападать на имперію, усмирилъ своихъ единоплеменниковъ славянъ и уничтожилъ религіозныя распри въ своемъ государствѣ. Племянникъ и пріемникъ его, знаменитый Юстиніанъ I, съ помощію своихъ славныхъ полководцевъ Велизарія, Мунда и Нарцсса, обезопасилъ имперію отъ сѣверныхъ варваровъ побѣдами надъ ними и построеніемъ многихъ крѣпостей по Дунаю, покорилъ сѣвъ-готское царство въ Италіи, береговую часть вестъ-готскаго въ Испаніи, вандалское въ Африкѣ, и такъ сильно поразилъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ персидскихъ царей Хосроя I Нуширвана, что персы не только бѣжали за Евфратъ, но и уступили грекамъ Колхиду (нынѣшняя тифлисская губернія). Но будучи столь великимъ въ судьбѣ цѣлой имперіи, Юстиніанъ въ городской исторіи Византіи является совершенно инымъ. Междуособіе партій возобновилось съ новою, чрезвычайною силою; зеленые и голубые театралы вовлекли въ эту распрю императрицу Θεодору, бывшую прежде актрисой въ циркѣ; ссора дошла до открытой войны, и только твердость Θεодоры удер-

жала императора отъ бѣгства, но нѣкоторое спокойствіе въ городѣ было куплено цѣною умерщвленія тридцати тысячъ человекъ на улицахъ Византіи. При такихъ внутреннихъ безпорядкахъ имперія стала снова страдать отъ набѣговъ славянъ и аваровъ, занявшихъ мѣсто гунновъ: Византіи приходилось чаще отдѣливаться отъ чихъ золотомъ.

Преемникъ Юстиніана, племянникъ его Юстинъ II, потерялъ скоро всѣ завоеванія дяди: ломбарды заняли Италію, авары перешли черезъ Дунай, персы покорили сѣверныя области западной Азіи. Около самаго этого времени (569 года), родился Мохаммедъ. Тяготясь дѣятельностію и правленіемъ, Юстинъ усыновилъ начальника своихъ тѣлохранителей, Тиверія, и передалъ ему императорскую власть. Тиверій оставивалъ набѣги персовъ и правилъ государствомъ твердо и бережливо, что чрезвычайно было важно для разстроенной Византіи; но онъ царствовалъ только четыре года, и ему наследовалъ имъ самимъ избранный зять его, храбрый генералъ Маврикій (582—602 годъ). Последнему нужно было раздѣлаться съ двумя сильными врагами: съ персами и аварами. Съ первыми онъ заключилъ миръ, воспользовавшись политическими смутами въ ихъ государствѣ и оказавъ помощь Хосрою II, при вступленіи его на престолъ. Это дало Маврикію возможность съ большею силою защищаться противъ аваровъ, которые образовали сильное и опасное для Греціи государство подъ управленіемъ Бояна. Цѣлыхъ десять лѣтъ Маврикій боролся безуспѣшно съ этимъ хананомъ, который и былъ отчасти причиною его гибели; но ей способствовалъ также и крутой характеръ Маврикія. Во время одной войны съ аварами, онъ не согласился дать выкупъ за плѣнныхъ, чѣмъ и воспользовались зеленые, ненавидяппи императора, покровителя голубыхъ, а вмѣстѣ съ первыми и войско, ожесточенное строгостію дисциплины, которую Маврикій хотѣлъ возстановить; въ 602 году, оно, поддерживаемое зелеными, возстало и провозгласило императоромъ грубаго и жестокаго сотника Фоку. Маврикій попался въ руки своихъ противниковъ и былъ казненъ со всѣмъ своимъ семействомъ по приказанію Фоки, который этимъ и началъ

свое царствованіе. Хосрой II, прозванный Первизомъ, увлекаясь ли дѣйствительно чувствомъ признательности и жаждою мести, или единственно для своихъ выгодъ, поклялся отмстить грекамъ за кровь Маврикія, своего тестя и покровителя. Собравъ большую армію, онъ двинулся въ византскія владѣнія, выдавая себя покровителемъ одного изъ сыновей Маврикія, спасшагося будто бы бѣгствомъ, занявъ нѣсколько укрѣпленій и подходилъ уже къ Византіи. Между тѣмъ неспособность и жестокость Фоки скоро отдалили отъ него всѣхъ приверженцевъ и друзей; кромѣ того многіе изъ экзарховъ не признавали власти Фоки. Зять его Криспъ, во главѣ голубыхъ составилъ союзъ съ Иракліемъ, африканскимъ намѣстникомъ, и помогъ ему низвергнуть тирана: Фокѣ отрубили руки, ноги, языкъ, носъ, а потомъ и голову, и на престолъ вступилъ Ираклій, въ 610 году. Въ 609 году Мохаммедъ уже объявилъ въ Меккѣ свои пророческія права. Персы продолжали свое побѣдоносное движеніе впередъ. Они овладѣли восточною частью малай Азій, ограбили Сирію, опустошили Іерусалимъ, дошли такимъ образомъ до Босфора и остановились на азіатскомъ берегу противъ Византіи, въ то время какъ авары, условившись съ Хосроемъ, осадили Византію съ запада и сѣвера. Гибель ея, повидимому, была неминуемая. Ираклій долго томился нерѣшительностью и нравственнымъ безсиліемъ; стѣсняемый шестилѣтнею осадюю, и отдѣливаясь кое-какъ отъ рѣшительнаго натиска персовъ и аваровъ только дарами, онъ наконецъ потерялъ всякую надежду на спасеніе и рѣшился бѣжать въ Кароагенъ, главный городъ своей африканской провинціи: уже имущество Ираклія было перенесено на суда...

Мохаммедъ уже зналъ объ этомъ современномъ ему и весьма для него важномъ историческомъ обстоятельстве, съ которымъ онъ давно уже связывалъ свои, можетъ быть еще смутные, виды; объ этомъ свидѣлствуетъ его предсказаніе, которое мы читаемъ въ самомъ началѣ XXX главы корана: «Греки побѣждены (персами) въ ближайшихъ странахъ; но, будучи побѣждены, они скоро сами будутъ побѣждать. Богъ располагаетъ дѣлами прошедшими и будущими. Въ тотъ самый день обрадуются правовѣрные побѣды отъ

Господа: поистинѣ Богъ даруетъ побѣду кому онъ пожелаетъ», и проч. *)

Настоятельныя убѣжденія патріарха удержали Ираклія отъ бѣгства и вдохнули въ него мужественную рѣшимость спасти свое отечество. Пожертвованія жителей Византіи и

*) Это предсказаніе Мохаммеда имѣетъ въ глазахъ мусульманъ большое значеніе и свидѣтельствуетъ о его пророческомъ дарѣ. Предсказаніе это было произнесено за девять лѣтъ до первыхъ побѣдъ арабовъ. Потому мусульманскіе толкователи корана утверждаютъ, что Мохаммедъ, во-первыхъ, предполагалъ совпадающимъ время побѣдъ грековъ съ временемъ первыхъ побѣдъ арабовъ, употребивъ выраженіе: *въ тотъ самый день обрадуются правосѣрные побѣдѣ*; во-вторыхъ, употребивъ слово *скоро* (бизъа — немногое), которое, въ примѣненіи къ времени, означаетъ періодъ отъ трехъ до десяти лѣтъ, Мохаммедъ указывалъ именно на одинъ изъ этихъ годовъ, что дѣйствительно и оправдалось. Такого значенія этому предсказанію, безъ сомнѣнія, мы не будемъ приписывать. Удачное пророчество Мохаммеда могло быть внушено ему еще вначалѣ успѣховъ Хосроя противъ грековъ (или, для ясности, лучше сказать — противъ *христіанъ*) убѣжденіемъ въ превосходствѣ грековъ надъ персами. Мохаммедъ хорошо зналъ, что какъ бы греки ни были слабы, ихъ военныя силы, ихъ искусство на полѣ брани вообще всегда стояли выше силъ и искусства персовъ. Вѣроятно не зная ничего объ аваряхъ, онъ приписывалъ первые хосроевы успѣхи внутреннимъ безпорядкамъ и переворотамъ въ Византіи, предполагая навѣрное, что греки, оправившись въ продолженіе *немногихъ лѣтъ*, обратятъ свое оружіе на персіянъ и разобьютъ ихъ совершенно. Произнесъ же это предсказаніе Мохаммедъ для того, чтобы утѣшить меккинскихъ христіанъ и своихъ послѣдователей въ неудачѣ византійцевъ: въ то время Мохаммедъ еще искалъ дружбы христіанъ, которыхъ, равно какъ и евреевъ, называлъ *сословіями св. книги*, т. е., Священнаго Писанія; предсказаніе было вызвано язычниками, которые насмѣхались надъ христіанами, говоря имъ: «отчего Богъ христіанъ допустилъ многобожниковъ разрушить св. храмъ въ Іерусалимѣ, когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ наши боги защитили храмъ Мекки отъ нападенія христіанъ?» — Выраженіе *скоро* для Мохаммеда было очень неопредѣленно, что доказывается слѣдующимъ анекдотомъ. Абу-Бекръ, въ спорѣ съ однимъ идолопоклонникомъ, насмѣхавшимся надъ неправдоподобіемъ этого предсказанія, побился съ нимъ объ закладъ о десяти верблюдахъ, что въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ начнутся побѣды христіанъ; Мохаммедъ, узнавши объ этомъ, сказалъ Абу-Бекру, что какъ число лѣтъ не опредѣлено Богомъ, то лучше возвысить закладъ и продлить время, что и было сдѣлано: закладъ пошелъ о ста верблюдахъ и условное время было девять лѣтъ. Двусмысленное выраженіе: «въ этотъ самый день правосѣрные обрадуются побѣдѣ», было истолковано въ пророческомъ смыслѣ только по случайному стеченію обстоятельствъ. Мохаммедъ вѣроятно подразумѣвалъ, что его послѣдователи порадуются виѣстѣ съ христіанами побѣдѣ византійцевъ, а случилось такъ, что первые успѣхи мусульманъ совпали со днемъ побѣды византійцевъ.

въ-особенности духовнаго сословія даютъ императору возможность сформировать войско и выступить противъ персовъ. Сребролюбивый хаканъ аварскій подкупается на время золотомъ и обѣщаетъ быть если не союзникомъ грековъ, то по крайней мѣрѣ равнодушнымъ зрителемъ ихъ подвиговъ противъ персіянъ. Три похода Ираклія одинъ за другимъ втеченіе шести лѣтъ вѣнчаются блестящими успѣхами, возвращаютъ всѣ мѣста, завоеванныя прежде Хозроемъ и прогоняютъ его за Ефратъ. Не смотря на измѣну аваровъ и вторичную осаду Византіи войсками Бояна и Хосроя Первиза, во время отлучки Ираклія изъ столицы, онъ спѣшитъ къ ней на помощь и освобождаетъ ее, а вслѣдъ за тѣмъ, соединясь съ ордами хазаровъ, продолжаетъ свои походы и въ скоромъ времени пожинаетъ лавры внѣ предѣловъ византійской имперіи: Армения, Месопотамія, Акропатека или Адербиджанъ, Мидія, часть Ассиріи, мѣста, куда не заходили еще римляне, наполняются славою оружія Ираклія. Это было въ началѣ 628 года, когда Мохаммедъ уже привлекъ къ себѣ значительное число воиновъ - фанатиковъ, дававшихъ ему надежду на совершенное покореніе Мекки, а потомъ и всей Аравіи. Борьба же грековъ съ персами, ослабивъ чрезвычайно ихъ силы, приготовила мусульманамъ легкое поприще для завоеваній и внѣ ихъ отечества, о чемъ можетъ быть въ первое время своихъ скромныхъ успѣховъ они и не помышляли.

Между тѣмъ Ираклій съ великолѣпнымъ торжествомъ возвращается въ Византію, а страшный соперникъ его Первизъ, осрамленный бѣгствомъ, лишается скипетра и, вслѣдствіе интригъ, окончиваетъ дни свои подъ ударомъ меча, направленного противъ него роднымъ его сыномъ Сироемъ. Но это паденіе Хосроя не послужило къ утверженію могущества его византійскихъ враговъ. Силы греческія крайне ослабѣли, и престарѣлый Ираклій, послѣ своихъ подвиговъ, предается опять пѣгѣ, суевѣрію и лѣни. Несмѣтные расходы въ продолженіе трехъ походовъ и неумѣнье сберечь богатства, пріобрѣтенныя въ Персіи, которыя могли бы покрыть значительную часть издержекъ, совершенно истощили казну и поставили императора въ затруднительное положеніе. Сре-

ди льстивыхъ восклицаній европейскихъ и азіатскихъ пословъ, приѣзжавшихъ къ побѣдителю съ поздравленіемъ; среди восторговъ народныхъ, ставившихъ имя Ираклія выше именъ Геркулеса и Александра-Великаго, онъ чувствовалъ сильное разстройство государственныхъ финансовъ, но по своей безопасности, а можетъ быть вслѣдствіе мысли, что его слава заставитъ простить ему нѣкоторыя злоупотребленія, онъ, вмѣсто дѣйствительнаго поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ посредствомъ какой нибудь разумной мѣры, дозволилъ себѣ прибѣгнуть къ притѣсненіямъ: недавно разоренныя провинціи на Востокѣ, отбитыя у Хосроя, были отягощены двойными налогами, и недоимки дамаскаго казначея были штрафованы стами тысячъ золотыхъ монетъ. Такія притѣсненія произвели ропотъ между жителями азіатскихъ провинцій, а беззаботная жизнь и суевѣрія, совершенно овладѣвшія Иракліемъ, оставили эти провинціи безъ защиты, на жертву новымъ, страшнымъ для тогдашняго историческаго міра врагамъ, аравитянамъ, которые очень скоро покончивъ дѣло на своемъ полуостровѣ, незамедлили побѣдоносно явиться въ греческихъ владѣніяхъ, и нанесли имъ рѣшительный ударъ, отъ котораго греки уже никогда не могли оправиться.

III.

Ознакомимся теперь съ самою Аравією, съ ея политическимъ бытомъ, который представлялъ Мохаммеду возможность совершить свое великое поприще, основать громадную имперію, занявшую на долго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи. Въ изслѣдованіи вопросовъ, подобныхъ занимающему насъ въ настоящей статьѣ, вопросовъ о появленіи на историческомъ поприщѣ новыхъ національностей, какъ ни важно знать политическое оскуднѣіе, упадокъ той почвы, для оживленія которой нужны новые элементы, новыя національности, — все же тщательное повозможности ознакомленіе съ ними, съ ихъ характеромъ и направленіемъ, необходимо для уразумѣнія ихъ значенія и дѣятельности въ новой сферѣ. Ознакомившись по ближе съ политическимъ бы-

томъ и, такъ сказать, настроеніемъ арабовъ въ эпоху появленія ислама, мы можемъ не только понять, почему они съ такою легкостью и скоростью совершили свои завоевательные подвиги, поставивъ себя на степень господствующей націи во всѣхъ покоренныхъ странахъ, но и объяснить себѣ въ нѣкоторой степени характеръ всей политической дѣятельности, которая должна была принадлежать имъ въ исторіи. Зная, чѣмъ были первые мусульмане, т. е., арабы, и на какой почвѣ приходилось имъ дѣйствовать, мы съ большою легкостью, посредствомъ логическихъ выводовъ, могли бы начертать приблизительно непрерывную картину судьбы ислама въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи, и истолковать моральное вліяніе его на поработанные народы. Сіе послѣднее объясняется преимущественно тѣмъ ученіемъ, подъ знаменемъ котораго арабы двинулись за предѣлы своего отечества, а ученіе это въ свою очередь объясняется тѣми политическими и нравственными или религіозными условіями арабскаго быта, изъ которыхъ Мохаммедъ извлекъ начала для своего ученія. О нравственной сторонѣ мы будемъ говорить впоследствии, теперь же взглянемъ на политическое положеніе Аравіи предъ Мохаммедомъ.

Полуостровъ аравійскій, хотя въ географіяхъ причисляется къ Азіи, но въ сущности представляется какъ бы продолженіемъ африканскаго материка: та же каменистая и песчаная почва, тѣ же степи, тѣ же климатическія условія, та же бѣдность растительности. Послѣдняя нашла для себя удобныя мѣста только по окраинамъ морей Чермнаго и Персидскаго. На этихъ береговыхъ пространствахъ главнымъ образомъ и приютилось аравійское населеніе, образовавъ двѣ главныхъ области: *Геджась*, по берегу Чермнаго моря, и *Йемень*, по берегу Персидскаго моря, въ южной части полуострова, лежащей между Абиссиніей и Персіей, отъ которыхъ онъ отдѣляется широкими проливами. Внутренняя часть Аравіи, доходящая вплоть до Средиземнаго моря, представляетъ безводную, знойную и песчаную степь, возвышенную внутри полуострова, безъ всякой почти растительности, и потому весьма мало обитаемую; кочевые арабы, называемые бедуинами, пасутъ стада свои на бѣдныхъ оазисахъ,

прилегающихъ къ двумъ названнымъ береговымъ областямъ, и въ сѣверной части полуострова къ караванному пути, идущему изъ Египта въ малую Азію.

Такое естественное положеніе полуострова содѣлывало его недоступнымъ для сосѣднихъ завоевателей, какъ потому что никто изъ нихъ не могъ преодолѣть трудностей степныхъ переходовъ, такъ и потому, что обитатели его, воспитанные въ суровыхъ условіяхъ ихъ бѣднаго быта и въ неконной свободѣ и независимости, были непреодолимы для иноземцевъ. Да и привлекательнаго очень мало представлялъ полуостровъ послѣднимъ. Не говоря уже о пустынной внутренности Аравіи, даже названныя двѣ береговыя области не составляли широкихъ, сплошныхъ плодородныхъ полосъ: онѣ были тѣми же оазисами, только болѣе обширными и близкими другъ къ другу. На всемъ полуостровѣ нѣтъ ни одной рѣки, не только судоходной, но даже такой, которая текла бы круглый годъ. Прибрежныя мѣста орошаются только ручьями, которые текутъ по покатостямъ съ возвышенностей, окаймляющихъ побережья, и не доходятъ до моря, разливаясь на короткое время въ низменностяхъ и теряясь въ пескахъ; ручьямъ помогаютъ дожди и роса, которые, при всемъ своемъ обиліи, не могутъ замѣнить постоянныхъ водоемовъ. Наконецъ, какъ плодородныя побережья, такъ и ихъ поселенія, составляютъ только весьма незначительную часть всего полуострова и его обитателей: несравненно большая часть послѣднихъ суть кочующіе бедуины, которые столь же воинственны и непобѣдимы, сколь ихъ родныя степи мало представляютъ интереса для иноземцевъ, будучи для нихъ сверхъ того трудно-доступными. По всемъ этимъ причинамъ, полуостровъ много вѣковъ, отъ самыхъ равнинъ свидѣтельствъ исторіи до седьмага столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія, былъ почти недоступенъ для тѣхъ событій, которыя волновали всю Азію, глубоко потрясали Европу и Африку. Возникали царства и падали, исчезали древнія династіи, имена и границы земель измѣнялись, цѣлыя народы были истребляемы или уводимы въ неволю, — но эти бури лишь слегка касались пограничныхъ областей Аравіи; въ глубинѣ степей своихъ она сохраняла первобыт-

ный характеръ и независимость, и никогда ея бродячія племена не склоняли гордой головы своей ни подъ какое иго, ни одинъ еще монархъ или полководецъ древней, средней и новой исторіи не могъ внести покоренія Аравіи въ лѣтопись своихъ побѣдъ и славы. Самая торговля, которая, по срединному положенію Аравіи между Европою, Азіею, Африкою и Индіею, могла бы сообщить этому полуострову весьма важное международное значеніе, — не могла увлечь арабовъ въ свою дѣятельность и чрезъ то въ какую-либо зависимость отъ иноземцевъ: хотя въ древности торговля аравійская была довольно значительна, но она производилась только приморскими городами, осѣдлые жители которыхъ не пользовались уваженіемъ въ народѣ (у кочевыхъ бедуиновъ), и потому находилась преимущественно въ рукахъ поселившихся въ городахъ иноземцевъ: евреевъ, абиссинцевъ, индійцевъ и др. Бедуины принимали нѣкоторое участіе въ торговлѣ только своею службою въ караванахъ: верблюдами, конвоемъ и тому подобнымъ содѣйствіемъ, да и эти услуги они оказывали только въ крайнихъ случаяхъ и предпочитали — грабить купеческіе караваны. Вообще вниманіе арабовъ было, кажется, обращено, тогда какъ и теперь, болѣе къ тому, чтобы сохранить свою независимость, живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ могущественными монархіями, какія когда либо процвѣтали въ Азіи и Африкѣ. Геденъ, Салманассаръ, Сеннахеримъ, Навуходоносоръ и другіе изъ упоминаемыхъ въ Священной Исторіи, хотя и дѣлали значительныя вторженія въ Аравію, но только вслѣдствіе мести за дерзкіе набѣги арабовъ, и не ознаменовались никакими блистательными успѣхами. Сезострисъ, побѣдитель и монархъ Египта, въ своей многочисленной арміи противъ Ровоама, составленной изъ разнородныхъ племенъ, не смѣлъ арабовъ, и даже, страшась ихъ вторженія, обвелъ свои границы, отъ Пелузіума до Геліополиса, стѣною въ 1500 стадій. Хотя исторія говоритъ, что Киръ завладѣлъ частію сѣверной Аравіи, но, по свидѣтельству Геродота, Дарію Гистаспу, который распространилъ свои границы далѣе, нежели онъ былъ при Кирѣ, арабы не платили дани, а были его союзниками. Когда Камбизъ задумалъ воевать Египетъ, онъ

принужденъ былъ искать дружбы арабовъ, которые согласились снабжать водою персидскую армію во время перехода ея по пескамъ сѣверной Аравіи. По повелѣнію Александра-Македонскаго, твердо рѣшившагося, послѣ индійскаго похода, покорить этотъ безпокойный, разбойничій народъ и завладѣть областію Іемена, славившеюся тогда своимъ богатствомъ, — флотъ Неарха уже готовъ былъ объѣхать берега Аравіи съ этою цѣлью, но неожиданная смерть завоевателя воспрепятствовала исполниться его намѣренію. Антигонъ и Дмитрій, пожелавъ исполнить намѣреніе Александра, дѣлали вторженіе въ Аравію, но встрѣчая непреодолимые преграды, принуждены были заключить съ ея жителями миръ на требуемыхъ ими же условіяхъ. Также безъ успѣха воевалъ ихъ и Антиохъ-Великій. Въ отмщеніе гордому Полтею, сдѣлавшему удачное нападеніе на сѣверную Аравію, Сирія была жестоко наказана отрядами арабовъ, которые гнались за уходившимъ героемъ. Экспедиція Эмилія Галла въ Іемень (23 году до Р. Х.) также была неудачна: высадившись на черноморскомъ берегу, отрядъ шелъ нѣсколько мѣсяцевъ, но трудности пути, недостатокъ продовольствія и вредное вліяніе климата принудили римлянъ поспѣшно отступить къ берегу и Чернымъ моремъ воротиться въ Египетъ. Императоры Траянъ и Северъ овладѣли странами сѣверной Аравіи къ востоку отъ Іордана, но жители ушли въ пустыни, и завоеванные мѣста потеряли всякое значеніе.

Такая примѣчательная судьба этого народа не оставалась безъ толкованія даже со стороны христіанскихъ богослововъ: здѣсь они находили или желали найти исполненіе пророчествъ, произнесенныхъ устами Моисея, Исаи, Іереміи, Давида и Іоанна Богослова. Изъ сихъ пророчествъ они выводили, что *арабы домо будутъ народомъ умственнымъ, но никогда и никому не покорятся, и даже — что въслѣдствіи они ниспровергнутъ римскую имперію и, подобно тучамъ саранчи, опустошатъ третью часть земли.*

Какъ бы то ни было, но отдѣльность страны, знойныя, безводныя и необозримыя степи ея, вошедшая въ кровь неукротимая свобода народа, кочевая жизнь степныхъ и совершенное равнодушіе осѣдлыхъ къ гражданственности, —

все это и многія другія подобныя причины произвели столь замѣчательное явленіе въ исторіи, какъ вѣковая независимость арабовъ. Если что и приманивало въ ихъ страну легионы сильныхъ сосѣдей, то — не золото, не богатство природы и обитателей Аравіи: они навлекали на себя временныя и бесплодныя для враговъ нашествія, отъ глубокой древности до настоящей поры, — своею алчностью къ грабежу, безпокойнымъ нравомъ, природною враждою ко всѣмъ иноземцамъ.

Склонность арабовъ къ грабежу заслуживаетъ, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ. Она, впрочемъ, у арабовъ объясняется легче, чѣмъ у какихъ-либо другихъ разбойничихъ народовъ, и объясняется именно матеріальными условіями ихъ быта. Недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, происходящій отъ чрезмѣрной бѣдности природы пространнаго ихъ отечества, заставлялъ отца семейства пріискивать какимъ бы то ни было путемъ средства къ пропитанію. Мысль что судьба, въ сравненіи съ другими народами, надѣлила ихъ столь бѣднымъ достояніемъ, вѣроятно питала въ нихъ ненависть къ богатѣйшимъ сосѣднимъ народамъ и сроднила ихъ съ незаконностью грабежа. Эта мысль даже выразилась у нихъ въ знаменательномъ преданіи: производя себя отъ Измаила, старшаго сына Авраама, арабы запомнили преданіе объ исторіи Исаака съ Измаиломъ, и на этомъ основали мнѣніе, что не погрѣшати, насильно присвоивъ себѣ часть произведеній того наслѣдства, которое было отнято у ихъ праотца, и которое было бы ихъ собственнымъ удѣломъ, еслибы Исаакъ не родился отъ Сарры и еслибы Измаилъ такъ несправедливо не былъ лишенъ правъ своихъ. Сверхъ того разбойническому характеру арабовъ много способствуетъ ихъ политическое устройство: раздѣленные [на безчисленное множество мелкихъ племенъ и родовъ, управляемыхъ независимыми шейхами, и затѣмъ не имѣя надъ собою никакой власти, они не рѣдко должны имѣть между собой столкновенія, вслѣдствіе взаимныхъ матеріальныхъ или личныхъ интересовъ, и столкновенія эти должны были разрѣшаться единственно самосудомъ, въ которомъ какъ извѣстно, всегда господствуетъ матеріальная,

грубая сила. Отсюда развилась родовая месть, получившая съ теченіемъ времени весьма важное значеніе въ жизни араба и сообщающая его сердцу грубый, кровожадный характеръ. Всѣ приведенныя обстоятельства должны были развить у нихъ такое воззрѣніе на жизнь, что идея *грабежа* удобно сливалась съ идеей *ремесла*. Вкоренившаяся же дурная привычка часто управляетъ человѣкомъ и тамъ, гдѣ бы, по его собственному убѣжденію, не слѣдовало ея руководствоваться; такимъ образомъ бедуннъ могъ искутиться, отправляясь по своему ремеслу въ дальнюю сторону, позволить себѣ останавливаться на первой жертвѣ, которую случай могъ ему представить, хотя бы стоило ему сердечнаго огорченія поднять руку на своего же собрата араба, только другаго колѣна. Самый личный характеръ араба, развившійся подъ вліяніемъ окружавшихъ его природы, быта и преданій, возбуждалъ въ немъ потребность кипучей дѣятельности, которая могла бы доставить пищу его мысли, чувству и воображенію, — потребность подвиговъ и приключеній, могущихъ наполнить его сказки и пѣсни. Пока не настало для арабовъ время исторической дѣятельности, сближеніе съ другими народами, — они естественно должны были почитать разбой существеннымъ элементомъ своей жизни. Впрочемъ, и послѣ выступленія арабовъ на историческое поприще, аравійскій полуостровъ, трудно доступный для иноземцевъ, съ которыми приносятся начала новаго развитія, остался, и по сіе время остается, чуждымъ исторіи, и бедины его, не ушедшіе за предѣлы своего бѣднаго отечества, по прежнему дѣлать время между грабежомъ на большихъ дорогахъ, ничтожными услугами караванамъ и сказкой въ тѣни своихъ шатровъ. Вотъ какъ удачно Вашингтонъ Ирвингъ изображаетъ степнаго араба.

«Необходимость быть постоянно наготовѣ, для защиты своихъ табуновъ и стадъ, съ малолѣтства приучала степнаго араба владѣть оружіемъ. Никто не могъ превзойти его въ искусствѣ стрѣлять изъ лука, владѣть копьемъ и саблею, ловко и красиво управлять конемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоненъ былъ и къ разбоямъ: правда, что онъ иногда соглашался служить купцу, доставлять ему верблюдовъ, про-

водниковъ и погонщиковъ для перевозки товаровъ; но онъ охотнѣе налагалъ выкупъ на караваны, или по просту грабилъ ихъ во время труднаго перехода чрезъ пустыни. Это онъ почиталъ законною добычею оружія; а на богатыхъ сыновъ торговли онъ смотрѣлъ какъ на подлое племя, униженное корыстолюбивыми занятіями и привычками. — Таковъ былъ степной арабъ, житель шатровъ, надъ которымъ исполнилась предреченная судьба его праотца Измаила, что онъ будетъ челоуѣкъ суровый, и что будутъ *ручь его на встѣхъ, и руки встѣхъ на него*. Сама природа воспитала араба для его судьбы. Тѣломъ онъ былъ легокъ и худощавъ, но жилистъ, бодръ и способенъ переносить всякаго рода труды и непогоду. Онъ былъ умѣренъ и даже воздерженъ; пищи употреблялъ мало, и то самую простую. Духъ его, также какъ и тѣло, былъ легокъ и живъ. Онъ обладалъ въ высокой степени душевными качествами симава племени: пронизательностію, остроуміемъ, понятливостію и яркимъ воображеніемъ. Его впечатлѣнія были живы и сильны, хотя непродолжительны. Гордый и смѣлый духъ выражался на его смугломъ лицѣ и сверкалъ въ его огненныхъ, черныхъ глазахъ. Онъ легко приходилъ въ восторгъ отъ краснорѣчія и бывалъ очарованъ красотою поэзіи. Владѣя языкомъ, богатымъ до высшей степени, слова котораго многіе сравнивали съ драгоценными камнями и цвѣтами, онъ былъ природнымъ ораторомъ (и, прибавимъ, поэтомъ), но ему нравились пословицы и анофегмы болѣе, нежели послѣдовательный токъ рѣчи, и онъ любилъ выражать свои мысли въ восточной формѣ ипосказаній и притчи*)).

IV.

Само собою разумѣется, что Мохаммедъ, приступая къ исполненію своего предпріятія, къ слиянію аравитянъ въ одинъ народъ силою правильнаго гражданскаго и политическаго устройства, уже нашель на своей родинѣ нѣкоторыя

*) Жизнь Магомета, перев. П. Кирѣевскаго, 8 стр.

зачатки гражданственности и историческія преданія, а съ ними вмѣстѣ — и историческіе и политическіе предрасудки и страсти, которыми онъ такъ искусно воспользовался. Бросимъ бѣглый взглядъ на предшествующія ему событія, которыя въ настоящемъ случаѣ могутъ имѣть нѣкоторое политическое значеніе, а по отношенію къ Мохаммеду — даже довольно важное.

Первые признаки общественнаго устройства и политической дѣятельности замѣчаются нами въ поселенцахъ Іемена и затѣмъ Хеджаса. Въ то время тамъ существовало преданіе, дошедшее и до насъ въ Библии, что жители Іемена происходятъ отъ Кохтана (въ Св. Писаніи Іохтанъ), сына Еверова, а жители Хеджаса и прочихъ странъ Аравіи — отъ Аднана, потомка Измаила, сына Авраама и Агарп. Этимъ преданіемъ объясняется та междуплеменная вражда, въ которой впервые проявилось политическое движеніе арабійскихъ племенъ, и которая имѣла нѣкоторое вліяніе на судьбу самого Мохаммеда. Предметомъ этой вражды былъ искони храмъ Каабы въ Меккѣ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Храмъ этотъ, по большей части, вмѣстѣ съ городомъ Меккою, находился постоянно въ завѣдываніи какого нибудь племени и привилегированнаго рода, что и было предметомъ сонскательства и споровъ, тѣмъ болѣе горячихъ, что завѣдываніе Каабой признавалось въ народѣ весьма почетнымъ и соединялось съ значительнымъ вліяніемъ на окрестные и даже отдаленные роды и племена. Право это осталось наконецъ (464 году по Рождествѣ Христовѣ) за измаэлитами, въ поколѣніи Курейшъ, изъ котораго произошелъ Мохаммедъ. Храмъ Каабы издревле пользовался между арабами большимъ уваженіемъ, какимъ пользуется нынѣ вообще между мусульманами. Арабы со всѣхъ концовъ своего отечества совершали къ нему свои пелеринажи, въ определенное время года. Это много способствовало увеличенію и обогащенію Мекки и служило залогомъ будущаго политическаго единства Аравіи. Впослѣдствіи, къ возвеличенію Мекки, вмѣстѣ съ благочестивою цѣлью соединились и интересы матеріальные: огромное стеченіе богомольцевъ представлялось весьма удобнымъ для торговли, потому Мекка и сдѣла-

лась ея центромъ въ Аравіи и средоточіемъ торговыхъ путей изъ Индіи, Персіи, Іемена, Африки и южныхъ владѣній Византіи. Отовсюду стремились сюда, въ извѣстное время года, купцы, ремесленники, богомольцы и поэты арабскіе, и четыре предназначенные для этого мѣсяца носили названіе запрещенныхъ, потому что въ продолженіе ихъ грабежи и убійства приостанавливались повсемѣстно въ Хеджазѣ. Святость этого времени получила такое значеніе въ послѣдствіи, что даже самъ Мохаммедъ, преслѣдуя идолопоклонство, не нарушалъ его.

Привлекая къ себѣ такимъ образомъ сердца арабовъ, Мекка прибрѣтала постепенно все большее и большее господство надъ ними, которое естественно было въ рукахъ шейховъ того племени, которому Мекка принадлежала. Перешедши же въ племя Корейшъ, господство это усиливалось еще болѣе, по родственности и, слѣдовательно, естественной симпатіи, которая существовала между этимъ племенемъ и измаэлитамъ, составлявшими огромное большинство между арабами. Этимъ обстоятельствомъ съ большимъ успѣхомъ воспользовалась корейшская фамилія шейха Косая, который въ 464 году овладѣлъ ключами Каабы, а слѣдовательно и Меккою. Внуку Косая Хашемъ прославился тѣмъ, что своею щедростію и правительственною мудростію отвратилъ голодъ, раздавъ народу свои сокровища: признательное потомство почтило его память перенесеніемъ имени его на его поколѣніе, члены котораго съ-тѣхъ-поръ стали называться хашемитами. Сынъ и преемникъ Хашема, Абду-ль-Мотталебъ, не менѣе прославился побѣдою надъ Абрехзъ, абиссинскимъ правителемъ Іемена, подступившимъ къ Меккѣ съ цѣлію покорить ее, о чемъ мы упомянемъ ниже болѣе подробно. Сынъ его, Абу-Талебъ, былъ также сильнымъ и вліятельнымъ лицомъ въ Меккѣ и оказывалъ въ послѣдствіи важную поддержку Мохаммеду, который былъ внукомъ Абду-ль-Мотталеба и племянникомъ Абу-Талеба.

Такъ постепенно образовался въ Меккѣ болѣе или менѣе правильный правительственный элементъ и аристократическій классъ, произведшій Мохаммеда. Хотя и Хашемъ и дѣдъ Мохаммеда въ сущности были только обыкновенными шей-

хами *), старшинами своего племени, на правахъ болѣе патриархальныхъ правителей, чѣмъ неограниченныхъ властителей, тѣмъ не менѣе народъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію этого дома, который заслужилъ такую честь своими доблестными заслугами. Безъ сомнѣнія это добровольное нравственное подчиненіе должно было въ послѣдствіи превратиться въ безусловную покорность, при появленіи сильнаго, честолюбиваго и умнаго правителя: Мохаммедъ явился таковымъ и осуществилъ эту историческую неизбежность, — сдѣлалъ даже гораздо болѣе....

Вообще жители Мекки и Хеджаза, по своей политической судьбѣ, до Мохаммеда совершенно подходятъ подъ характеристику политическаго быта арабовъ, сдѣланную нами выше. Здѣсь различныя поколѣнія и роды вели патриархальную, свободную жизнь, управляясь своими шейхами или старшинами, какъ и прочіе свободные арабы. Искони одни работали землю, другіе кочевали съ своими стадами. Защищенные природою и своею воинственностью отъ завоевателей, они сохранили вполне свой свободный и независимый духъ и чистоту и простоту нравовъ: самые шейхи были ничто иное, какъ богатѣйшія главы семействъ, и вели жизнь несколько не отличную отъ жизни прочихъ арабовъ, своихъ соплеменниковъ, — въ войлочной юртѣ шейха и въ наше время всѣ обязанности и труды хозяйки исправляетъ жена, а дочери и родственницы сами моютъ бѣлье и ходятъ съ кувшинами на головѣ за водою, какъ греческія принцессы у Гомера, или дочери нашихъ деревенскихъ старшицъ (съ ведрами вмѣсто кувшиновъ). Постоянно же однообразный бытъ жителей Хеджаза, какъ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ, отчуждалъ ихъ отъ всякаго понятія о гражданственности, отъ всякихъ усовершенствованій и измѣненій въ ихъ общественной и домашней жизни. Достаточное подтвержденіе всему этому мы видимъ въ самомъ коранѣ Мохаммеда, въ его общественныхъ постановленіяхъ.

Нѣсколько другую судьбу имѣлъ Іеменъ. Съ одной сто-

*) Предводители родовъ и племенъ шейхами назывались только послѣ Мохаммеда, но мы это названіе удержимъ вездѣ для единообразія.

роны природа одарила его своими произведениями богаче Хеджаза, такъ что іеменцы, имѣя вокругъ себя болѣе удобствъ къ жизни, могли сдѣлать болѣе успѣховъ въ гражданственности, развить въ себѣ вкусъ къ осыдлой и трудовой жизни; съ другой стороны географическое положеніе ставило эту страну въ близкое сосѣдство съ Абиссиніей и Персіей. Вслѣдствіе этой близости и удобства сообщенія черезъ море, неминуемо должны были возникнуть сношенія съ этими странами и наконецъ произойти даже политическіе перевороты въ Іеменѣ, подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ и цивилизованнѣйшихъ сосѣдей.

У восточныхъ историковъ мы встрѣчаемъ намекъ на монархическое начало между іеменцами уже въ глубокой древности, въ династіи химьяридовъ, одного изъ родовъ кохтанидовъ. Родоначальникъ его Химьяръ, повѣствуютъ, носилъ корону; одинъ изъ преемниковъ его Эль-Харесъ-Ар-Раишъ воевалъ въ Африкѣ и принялъ титулъ *тубба*, который сохранили и его преемники. При одномъ изъ нихъ, Акравѣ (по мнѣнію однихъ ученыхъ за семьсотъ, по мнѣнію другихъ за триста лѣтъ до Мохаммеда), произошло въ Іеменѣ важное событіе, послужившее эпохой его исторіи. Іеменскій городъ Саба съ окрестностями часто подвергался наводненію, производимому горными потоками, которые, низвергаясь съ высотъ на окрестныя равнины, истребляли труды земледѣльцевъ. Одинъ изъ химьяридовъ, для отвращенія этого бѣдствія, возвелъ между городомъ и горами огромный валъ, который, препятствуя наводненію, образовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ обширное водохранилище, возвышавшееся надъ городомъ. Этотъ бассейнъ снабжалъ прохладною водою стада и поля только покорныхъ владѣльцу города, и тѣмъ приманивалъ въ его подданство много семействъ. Наконецъ, плотина эта, попортившаяся отъ времени, разрушилась, и вода затопила городъ и окрестности на большое пространство. Это событіе было роковымъ для туземцевъ, изъ которыхъ многіе двинулись въ переселеніе и основали нѣсколько колоній по обоимъ берегамъ Персидскаго залива и на Ефратѣ. Между тѣмъ въ Іеменъ приходили переселенцы изъ другихъ странъ, въ-особенности евреи послѣ разрушенія Іерусалима

и христіане во время гоненія, и приносили съ собою новыя гражданскія начала. Евреи, усплившись, подчинили себѣ Іемень, сдѣлавъ свою религію господствующею. Одинъ изъ знатныхъ туземцевъ, Зу-Навасъ, по религіи еврей, овладѣлъ престоломъ послѣдняго законнаго туббѣ изъ дома химьяридовъ, и сталъ распространять свою вѣру, жестоко преслѣдуя христіанъ. Въ судьбѣ ихъ принялъ участіе Неджаши (Negus), повелитель абиссинскій, ревностный христіанинъ и союзникъ Юстиніана. Полководцы его въ двухъ экспедиціяхъ одержали совершенную побѣду надъ Зу-Навасомъ, утопившимся съ отчаянья въ морѣ, и, освободивъ такимъ образомъ отъ этого тирана весь Іемень, присоединилъ его къ владѣніямъ Неджаши *). Намѣстникъ Іеменскій со стороны Неджаши сталъ ревностно заботиться о распространеніи христіанства между арабами. Онъ, говорятъ, хотѣлъ построить въ городѣ Санаа церковь, которая должна была соперничествовать великолѣпіемъ и назначеніемъ съ языческимъ капищемъ каабы. Это, или вѣрнѣе другія обстоятельства, какъ на примѣръ покушенія его подчинить себѣ Мекку, возбудили сильную вражду между нимъ и арабами вообще и меккинцами въ-особенности. Абрехъ, наконецъ, выступилъ въ походъ противъ Мекки, но былъ совершенно разбитъ и спасся въ свое отечество бѣгствомъ **). Хотя онъ затѣмъ и продолжалъ еще управлять Іеменомъ, и ему наследовали сыновья его Эксумъ и Мешрукъ, но уже владычество абиссинцевъ было ненадежно въ странѣ, жители которой были раздражены жестокостію и беззаконіями Абрехъ и только ожидали случая къ возстанію, который впрочемъ представился еще

*) Завоеваніе это имѣло, говорятъ, печальное послѣдствіе для всего образованнаго міра: побѣдители принесли съ собою въ Аравію оспу, которую мусульмане распространили по всему свѣту.

***) Разсказываютъ, что когда Абрехъ подступалъ къ Меккѣ, то пошелъ такой сильный и крупный градъ, что воины страдали отъ него, какъ отъ камней, и слонъ Абрехъ не хотѣлъ идти впередъ: это произвело въ его арміи разстройство, было почтено чудомъ, чѣмъ и воспользовался Абдуль-Мотталебъ. Мохаммедъ также съ почтеніемъ отзывается объ этомъ «чудномъ» событіи, спасшимъ Мекку и своего дѣда отъ сильнаго врага; онъ называетъ градъ, побившій Абрехъ, *камями*, брошенными на непріятеля какими-то *птицажи*. См. 105 главу корана подъ заглавіемъ «Слогъ».

не скоро. У восточныхъ историковъ записано слѣдующее обстоятельство. Нѣкто Зу-Езенъ, потомокъ древнихъ химьяридовъ, велъ тихую и скромную жизнь среди своего поколѣнія. У него была жена, о красотѣ которой слава распространилась по всей Аравіи. Абрехэ тайно призвалъ его и требовалъ, чтобы онъ развелся съ женою, въ противномъ случаѣ грозилъ неминуемою смертію. Боязнь за жизнь взяла верхъ надъ опасеніемъ безчестнаго поступка и заставила его повиноваться. Извѣстіе это скоро произвело сильный ропотъ между приверженцами и знакомыми Зу-Езена, которые оуждали безчестную уступку и скрывали на время чувство мести. Между тѣмъ младенецъ, отторженный отъ груди матери, скитался съ отцемъ въ Аравіи *). Зу-Езенъ просилъ помощи противъ Абрехэ у Юстиніана, потомъ у Ануширвана: первый, по своимъ видамъ, рѣшительно отказалъ ему, а второй отговаривался дальностію Іемена. Черезъ десять лѣтъ Зу-Езенъ умеръ, и сынъ его вторично искалъ покровительства у Хосроя I, прося очистить Іемень отъ абиссинцевъ. На этотъ разъ Хосрой не отказалъ юному принцу, и вскорѣ персидскіе отряды спѣшили къ Іемену. 3,600 (по Табари 8,000) человекъ, отчаянныхъ головорѣзовъ, освобожденныхъ для этого случая изъ темницъ, сѣли на суда и пустились въ путь. Черезъ нѣсколько времени сѣверные берега Бабъ-эль-Мандеба покрылись персидскими судами. Это было чрезъ двадцать лѣтъ послѣ бѣгства Зу-Езена изъ отечества, въ правленіе Мешрука, сына Абрехэ. Іеменскіе арабы, узнавъ о прибытіи Сейфа-зу-Езена, поспѣшили подѣ знамена его, и въ одинъ день 6,000 вооруженныхъ арабовъ привѣтствовали спасителя отечества. Но Сейфъ принесъ мншное спасеніе страны отъ ига чужеземцевъ: побѣда его надъ абиссинцами приготовила еще худшую участь для іеменцевъ, которые подпали подѣ владычество персовъ.

Это обстоятельство, однакоже, было выгодно для Махаммеда, для котораго было бы гораздо труднѣе справиться

*) Другіе думаютъ, что сынъ Зу-Езена оставался въ Іеменѣ при своей матери и отправился къ персидскому двору по полученіи извѣстія о смерти отца.

съ христіанскимъ государствомъ, чѣмъ съ правительствомъ языческимъ, каково было персидское. Христіане вообще представляли важное препятствіе Мохаммеду въ исполненіи его честолюбивыхъ замысловъ, въ покореніи всего полуострова; своимъ ученіемъ онъ не могъ прельстить ихъ, а обратить ихъ въ исламъ силою — не имѣлъ еще средствъ. Потому персіяне своимъ преслѣдованіемъ христіанства чрезвычайно помогли ему. Персидское правительство Іемена, ослабленное борьбою съ христіанами, въ свою очередь не могло дать Мохаммеду значительнаго отпора, тѣмъ болѣе, что онъ являлся въ Іемень не какъ чуждый завоеватель, а какъ единоплеменецъ, спасавшій Аравію отъ иноплеменниковъ и язычниковъ. Мохаммеду вообще способствовали политическія смуты въ Іеменѣ послѣ неудачнаго похода Абрехъ: вниманіе іеменцевъ было отвращено отъ Хеджаса, и Мохаммеду оставалось, въ началѣ своего поприща, только справиться съ незначительными партіями въ родномъ городѣ.

Іемень, вмѣстѣ съ Сиріей, послужилъ для Мохаммеда между прочимъ и источникомъ тѣхъ историческихъ и религіозныхъ свѣдѣній, которыя находятся въ его Алкоранѣ, и часто согласуются съ преданіями и догматами разныхъ народовъ, располагая чрезъ-то послѣднихъ въ свою пользу. Мохаммедъ въ молодости много разъ ходилъ въ караванахъ своихъ дядей въ разныя страны, преимущественно въ Сирію и Іемень. Тамъ, особенно въ Іеменѣ, онъ встрѣчалъ ученыхъ и богослововъ христіанскихъ, еврейскихъ, огнепоклонническихъ, индійскихъ, бесѣдовалъ съ ними и въ бесѣдахъ этихъ знакомился съ ихъ религіями и бытомъ. Замышляя слить Аравію въ одно цѣлое, въ одно государство, онъ старался соединить и согласить въ своемъ коранѣ различныя ея вѣрованія. Эта мѣра обѣщала ему успѣхъ, котораго онъ и достигнулъ.

Не можемъ не упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, весьма много содѣйствовавшемъ успѣхамъ Мохаммеда и свидѣтельствующемъ о его необыкновенномъ умѣ и способности пользоваться всѣми обстоятельствами и свойствами окружавшей его сферы. Мы разумѣемъ чрезвычайную склонность и чувствительность арабовъ къ поэзіи и краснорѣчію, въ

формѣ которыхъ выражалось все образованіе ихъ до первыхъ халифовъ. Искусство владѣть словомъ почиталось и усваивалось наравнѣ съ искусствомъ владѣть конемъ и оружіемъ, чѣмъ отличались преимущественно бедуины, жители степей, и между ними корейшское племя, владѣвшее Меккою, діалектъ котораго, достигшій чрезвычайнаго богатства развитія, сдѣлался классическимъ языкомъ поэзіи. Многочисленные паллигримы въ священные мѣсяцы тянулись въ Мекку не только для того, чтобы поклониться Каабѣ, но и для того, чтобы послушать лучшихъ арабскихъ поэтовъ, которые посреди многочисленнаго собранія читали свои произведенія. Лучшіе изъ нихъ удостоивались наградъ отъ восторженныхъ слушателей, и достойнѣйшія произведенія вывѣшивались на вратахъ Каабы. Мохаммедъ, обладавшій высокими даромъ слова, поэтическимъ чувствомъ и богатою фантазіей, удивительно удачно воспользовался своимъ талантомъ: его метрическіе стихи корана произвели самое выгодное впечатлѣніе на его соотечественниковъ, первостепенные арабскіе поэты не могли не обратить вниманія на силу выраженій, красоту и звучность слога этого произведенія. Мохаммедъ по временамъ вѣшалъ, по существующему обыкновенію, писанные стихи корана надъ воротами храма Каабы и вызывалъ самыхъ извѣстныхъ поэтовъ создать чтонибудь подобное: Моалланаты Лебида, одного изъ лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ, были слѣдствіемъ такого состязанія и много уступали стихамъ Мохаммеда, что чрезвычайно способствовало успѣху корана въ народѣ. А такъ какъ Мохаммедъ былъ безграмотенъ, то стихотворныя произведенія его были въ общественномъ мнѣніи прямымъ доказательствомъ его сверхъестественнаго таланта, пророческихъ способностей, вдохновенія свыше. Всѣ мусульмане донинѣ сильно опираются на это обстоятельство и тѣмъ стараются доказать пророческое достоинство Мохаммеда.

V.

Въ заключеніе нашего политическаго обзорѣнія, намъ остается сдѣлать общій выводъ изъ всего сказаннаго, бро-

снть систематическій взглядъ на всѣ политическія обстоя-
тельства въ совокупности, соединившіяся для того, чтобы
вызвать Мохаммеда и произведенное имъ преобразованіе
Востока.

Соплеменники Мохаммеда, жители Хеджаза и пустынь,
послужившіе первымъ и сильнѣйшимъ оплотомъ могущества
его и его пресмннковъ, сохранили до его времени всю пер-
вобытную простоту нравовъ и силу ни на что не потрачен-
наго духа. Они сохранили въ полной неприкосновенности
свою свободу, гражданскую и политическую независимость,
не зная нкогда верховной власти въ обыкновенномъ значе-
ніи этого слова. Развившаяся такимъ образомъ неограни-
ченная привязанность арабовъ къ свободѣ, безъ сомнѣнія, не
совсѣмъ соотвѣтствовала бы властолюбивымъ видамъ Мо-
хаммеда. Какимъ бы влияніемъ онъ ни пользовался въ кругу
своихъ приверженцевъ, ослѣпленныхъ его личными достоин-
ствами, выгодами и оригинальностью его ученія и мнимыми
чудесами, однакожь весьма трудно было бы для него вдругъ
подчинить своему новому уставу, проникнутому духомъ са-
мовластія, и содѣлать рабами своихъ страстей и замысловъ
—вольныхъ сыновъ степенъ хеджаскихъ: крутой переходъ отъ
неограниченной свободы къ совершенной зависимости былъ бы
весьма чувствителенъ для нихъ. Но въ этомъ случаѣ прекрасную
услугу оказало Мохаммеду аристократическое сословіе Мекки,
съ хашемидами во главѣ, которые своими дѣйствительными
заслугами пріобрѣли важное нравственное влияніе на ближайшія
народныя массы, и такимъ образомъ бросили въ нихъ се-
мена правительственной власти, долженствовавшей стать выше
обыкновенныхъ патріархальныхъ шейховъ. Фамилія хаше-
мидовъ была первая, которая за 100 лѣтъ до Мохаммеда такъ
рѣзко выдалась впередъ. Прежде Мохаммеда, въ столь ко-
роткое время, она конечно не могла выработать въ себѣ
достаточно силъ, чтобы измѣнить всѣ условія политическаго
быта на своей родинѣ, но тѣмъ не менѣе приготовила воз-
можность этой реформы для своего близкаго потомка. Впро-
чемъ, результатомъ успѣховъ Мохаммеда было не столько по-
рабощеніе арабовъ, которые и до-сихъ-поръ остаются по-
прежнему свободными и независимыми, сколько подчиненіе

арабамъ и исламу чуждыхъ имъ до того времени странъ. Природа Аравіи очевидно была еще неудобна для водворенія въ средѣ ея жителей правльнаго государственнаго устройства, потому исламъ, какъ политическая сила, скоро перенесъ свою столицу въ другія страны, оправдывая тотъ естественный законъ, по которому для историческаго дѣйствія необходимо сліяніе различныхъ національныхъ элементовъ. Но дѣло не въ дальнѣйшей, а въ первоначальной судьбѣ ислама, и тутъ Мохаммедъ нашелъ полную поддержку въ арабахъ, благодаря нравственному впечатлѣнію оставленному въ народѣ своими аристократическими предками, и тѣмъ личнымъ своимъ достоинствамъ, которыя это впечатлѣніе не только поддержали, но и привлекли соплеменниковъ къ полной преданности и повиновенію. Успѣхъ въ завоеваніи монархическаго и порабощеннаго Іемена не только возвысилъ Мохаммеда въ глазахъ его единоплеменниковъ, но и соединилъ съ нимъ идею неограниченной власти въ глазахъ прочихъ обитателей полуострова. Успѣхъ же этотъ былъ не труденъ послѣ политическихъ переворотовъ и смуть, обуравшихъ Іемень въ продолженіе послѣдняго столѣтія, тѣмъ болѣе, что во время Мохаммеда Іеменомъ управлялъ персидскій намѣстникъ, плохо поддерживаемый своимъ правительствомъ, которое было занято войною съ Византіей. Что касается до ученія корана, то принять его арабамъ было нетрудно, потому что многіе догматы этого ученія согласовались съ существовавшими повѣрьями народа или съ условіями его быта и окружавшей его природы, и притомъ оно соединяло въ себѣ повѣрья и догматы не только арабовъ-язычниковъ, но и христіанъ, и евреевъ, и маговъ, и буддистовъ, такъ что могло соответствовать хоть отчасти мнѣніямъ послѣдователей всѣхъ этихъ религій. Кроме того, Мохаммедъ, понимая вѣроятно очень хорошо человѣческое сердце, а главное — зная привычки арабовъ и страсть ихъ къ грабежу постарался привлечь ихъ къ своему ученію обѣщаніемъ широкой и кипучей дѣятельности, славы и богатыхъ стяжаній: онъ въ числѣ важнѣйшихъ догматовъ свой религій поставилъ *джиадъ* (войну за вѣру, см. нашу статью: Муридизмъ и Шампль), который представлялъ арабу безконечное поприще

удовлетворять своему пламенному духу, жаждущему битвъ и славы, и наслаждаться благами земнаго стяжанія въ странахъ покоренныхъ. Наконецъ, коранъ и въ будущей жизни представлялъ такъ много обольстительнаго, такую роскошную картину, что не могъ не увлечь сильно воображеніе бѣдныхъ жителей пустынной Аравіи.

Но исламъ перешелъ въ другія страны, на почву отживавшей исторіи, гдѣ онъ и долженъ былъ главнѣйшимъ образомъ совершить свое назначеніе, и мы просимъ читателей вспомнить то положеніе византійской имперіи, которое мы описали во второй главѣ. Упадокъ политическаго и нравственнаго могущества Византіи, анархія какъ въ самой столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, апатическій застой, который овладѣлъ ихъ жизнью, нравственное разложеніе проникнувшее всѣ слои общества, — все это содѣлывало вѣроятнымъ и даже весьма легкимъ успѣхъ бодраго народа, который бы вступилъ въ этотъ дряхлѣющій міръ съ завоевательной цѣлью. Безъ сомнѣнія Мохаммедъ, во время своихъ путешествій въ Сирію, постигъ, хотя можетъ быть и смутно, тогдашнее положеніе греческаго міра и невольно возымѣлъ честолюбивую мысль попытать счастья въ странахъ, лишенныхъ всякой серьезной защиты. Но даже и безъ этой мысли онъ долженъ былъ направить куда-нибудь силы своихъ воспламененныхъ послѣдователей и подвигами ихъ увѣнчать себя и свое ученіе новымъ и большимъ блескомъ, — и вотъ сосѣднія страны неминуемо должны были увидѣть незваныхъ гостей, принесшихъ съ собой новую судьбу для огромной части тогдашняго свѣта.

Такими естественными путями переходитъ исторія изъ страны въ страны, изъ теченія въ теченіе.

МИРЗА АЛЕКСАНДРЪ КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

СЕМЕЙСТВО ПОДОШВИНЫХЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ІХ.

Звукъ голоса и неожиданное появленіе отца, когда Андрюша такъ хвастливо вызывалъ его, увѣренный, что старикъ никакъ не могъ явиться на его вызовъ, въ первое мгновеніе такъ поразили Андрея Дмитрича, что и языкъ и ноги отказались ему служить и онъ невольно опустился на диванъ. Отецъ пожиралъ его свирѣпымиъ взглядомъ; изъ за него выглядывалъ безстрастный Тимофѣичъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь? спросилъ Подошвинъ сына, своимъ рѣзкимъ злобѣщимъ голосомъ.

И странное дѣло! этотъ вопросъ, казалось, возвратилъ и силу, и бодрость, и сознаніе оторопѣвшему Андрюшѣ, у котораго впрочемъ, какъ говорится, хмѣль выскочилъ изъ головы. Онъ понялъ свое безвыходное положеніе, понялъ, что искусно увернуться уже нельзя, лгать же нагло и безстыдно онъ не захотѣлъ; а потому и отвѣчалъ по возможности спокойно и опять привставъ.

— Я здѣсь въ гостяхъ-сь!...

— А!... ты въ гостяхъ? у... у... кого?

Старикъ не договорилъ, и сильный мускулистый кулакъ поднялся было на сына.

Андрюша вовсе не думалъ уклоняться отъ удара, но Иванъ Тимофѣичъ удержалъ руку хозяина.

— Помилуйте, Дмитрій Андреечъ! да какъ это можно! едва слышно проговорилъ онъ.

— А! знать не твои пятнадцать-то тысячекъ промотаны? вскричалъ Дмитрій Андреевичъ, вырывая руку изъ рукъ приказчика. — Оставь-же меня, старый чортъ!

Старый приказчикъ отшатнулся и не противорѣчилъ уже хозяину.

— У кого ты здѣсь? А? продолжалъ отецъ, приступая къ сыну.

— У... у...

И Андрюша смотрѣлъ вокругъ себя и удивлялся, не видя никого; въ минуту неожиданнаго появленія его отца, онъ и не замѣтилъ какъ всѣ разбѣжались кромѣ почтальонши, которая, какъ привилегированная дама, осталась на своемъ мѣстѣ любопытной свидетельницей, да пьянаго шарманщика, который пересталъ наигрывать и безсознательно глядѣлъ на происходившую передъ нимъ сцену. Андрюша замѣтилъ еще подь столомъ Мышкина, вызвавшего насмѣшками хвастливую его храбрость. Болѣе никого не было. Ему сдѣлалось горько, что всѣ его оставили въ одну критическую минуту; онъ инстинктивно искалъ глазами Антона, и не видя его, желалъ внутренно, чтобъ хоть онъ какимъ нибудь случаемъ избавился отъ неминуемой бѣды. Потомъ онъ невольно взглянулъ на дверь въ спальню, за которой шелестили платья, и слышался шопотъ. Но вотъ замокъ щелкнулъ и все стихло.

— А!... такъ ты въ этомъ-то гнѣздѣ, капалья, проярыжничалъ мои денежки! Ась? вскричалъ Дмитрій Андреевичъ.

Андрюша только вздохнулъ.

— Хорошо-же! я упрячу тебя, голубчика, въ арестантскія роты упрячу!... да нѣтъ, этого мало... мало для тебя безпутный!...

— Ваша воля-съ! произнесъ тихо Андрюша.

— Худо дѣлаете, Андрей Дмитричъ, худо! мамонька-то ваша объ васъ.... заговорилъ было опять Иванъ Тимофѣичъ.

Андрюша молчалъ и вздыхалъ.

— Пятнадцать тысячъ?... легко сказать!... пятнадцать тысячъ, разбойникъ!... ворчалъ отецъ: — иди, шельмецъ, домой! Вотъ я тебя! Вотъ я съ тобой сдѣлаюсь!...

Андрюша, не желая болѣе слышать угрозъ отца, отыскалъ чью-то фуражку и вышелъ изъ комнаты, между отцомъ и приказчикомъ, словно подъ конвоемъ, оглянувшись на запертую дверь спальни и на товарища подъ столомъ. Проходя мимо кухни, Тимофѣичъ замѣтилъ, что Мионовна спала; положивъ голову на столъ, а извозчикъ такъ дымплъ изъ своей коротенькой трубочки, что его самого въ дыму едва видно было.

Отецъ съ сыномъ къ ужасу Семена сѣли на лошадь, и поѣхали домой. Иванъ же Тимофѣичъ, не смотря на проливной дождь, которой на его сюртукѣ муку превращалъ въ тѣсто, отправился ночевать на судно.

По уходѣ Подошвинныхъ Мышкинъ вылѣзъ изъ-подъ стола и робко оглядывался; ему казалось, что рѣзкій голосъ Дмитрія Андреевича все еще звучитъ въ его ушахъ.

Дверь спальни отворилась и вся ватага съ вопросами накинулась на почтальоншу; та отвѣчала какъ могла. Молодежь ругала Дмитрія Андреевича на чемъ свѣтъ стоитъ, а женская компанія хохотала, кромѣ хозяйекъ, которымъ это произшествіе приходилось вовсе не по вкусу.

— Вотъ и увезли сокола, попадетъ-ли онъ опять къ намъ, не извѣстно? разсуждала Секлптея Лукишна: — А все Марѳа твой капризы, дрянъ ты этакая! дура дѣвчонка! Ну, будь я на твоёмъ мѣстѣ, Андрей давно ужъ былъ бы моимъ мужемъ, а теперь вотъ поди, и лови его за хвостъ...

— Ну, полноте, вы больно умны! вотъ погляжу я, что у васъ будетъ съ Антономъ Антонычемъ; его-то сами прежде уломайте! говорила племянница: — Андрей Дмитрячъ! велика штука, невидаль большая! Хоть и не придетъ, чортъ съ нимъ! важность!... Да онъ придетъ, я увѣрена, что придетъ?... увѣряла она сама себя.

Конечно Мышкины этого разговора не слышали, слышномъ занятые другими собесѣдниками, а то они не преминули бы сообщить его Андрюшѣ.

— Ужь не собираешься-ли плакать? спрашивалъ усатый купчикъ, подсаживаясь къ молодой хозяйкѣ.

— О чемъ это?

— Да вѣдь птичка улетѣла!

— Есть о чемъ! Слезъ не напасешься, обо всякомъ-то плакать?

— То-то-сь! А то я долгомъ сочту васъ утѣшить при этакой сердечной печали-сь!

Шарманчикъ какъ будто проснулся, и отрывисто заигралъ: «Какъ у нашихъ у воротъ».

Далеко было за полночь, а разговоръ, смѣхъ, шумъ, пошлыя остроты и шарманка не умолкали въ этомъ обществѣ.

Но возвратимся къ Подошвинимъ.

По отѣздѣ хозяина и приказчика, Федосья Дмитревна вскорѣ обшарила и обнюхала конторку, сундукъ, и полъ возлѣ сундука, но къ несчастію старики, ничего такого не оставили, чѣмъ могла бы поживиться эта нравственная дѣвица.

Анна Борисовна по случаю дождя осталась у сестры почевать.

Между тѣмъ Андрюша, сидя съ отцемъ на тряскихъ дрожкахъ, думалъ про себя:

— Хороши-же Мышкины! подлецы этакіе, оба спрятались, анаемы... Ну, чего имъ моего отца боятся? что онъ имъ сдѣлаетъ? Вотъ я, ну, другое дѣло. Оставили меня въ самую трудную минуту. Ну друзья! да они какъ жида, при случаѣ готовы меня предать.... И горько, очень горько, становилось на душѣ Андрюши разочарованной въ дружбѣ. — Ну, да за что-же я и виню-то ихъ? они иначе и сдѣлать не могли... раздумывалъ онъ опять: — Вѣдь ужъ не могли бы они мнѣ своимъ присутствіемъ, по крайней мѣрѣ теперь, отецъ, не замѣтивъ ихъ тутъ, не потерялъ къ нимъ довѣрія. Вотъ Маня! ну, Маня другое дѣло! безстыдница! а еще увѣряла меня, что любить! а тутъ... тутъ и оставила меня... Да за что я на нее-то сержусь? за то, что скрылась? Да оно и естественно: дѣвушка молодая, она конечно перепугалась. Вотъ Секлетей Лукишна, та могла бы и погово-

рить, дѣвка не робкаго десятка! Да правда, и она гораздо лучше сдѣлала, что спряталась! Поди, свяжись съ моимъ отцомъ, ни за что ни про что обругаетъ...»

Они подѣхали къ дому. — Ну, вотъ теперь и раздѣлка приходитъ! думалъ Андрюша, входя съ отцомъ на крыльцо. Да, дѣлать нечего, чѣмъ унывать, такъ лучше бить на пропалую! Гдѣ-то Антоша? Ахъ, что-то Маничька теперь думаетъ! ну, завтра я ее успокою...

— Ну ужъ мы тебя и не ждали, Дмитрій Андреевичъ! думали, что въ дождь съ судна и не поѣдешь, и отуживали одни, сказала Марья Борисовна при входѣ мужа и сына въ столовую, пособляя Маланьѣ убирать со стола. — А объ тебѣ-то Андрюша, я очень заботилась; думаю себѣ, не ужъ-то молъ они почуютъ на мельницѣ! прибавила она, обращаясь къ сыну; но взглянувъ на мужа, невольно задрожала... Такъ замѣтно было на лицѣ Дмитрія Андреевича его внутреннее безпокойство. Оедосья Дмитревна, знавшая все дѣло, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала развязки. Одна только Анна Борисовна оставалась спокойною.

— Такъ вотъ онъ передъ тобой, любимецъ-то твой... полюбуйся на него!... крикнулъ яростно Дмитрій Андреевичъ, кидая въ уголь свой мокрый картузь. — Я!... я... завтра же каналью въ арестантскія роты... Нѣтъ... ужъ терпѣніе мое лопнуло!...

Марья Борисовна поблѣднѣла какъ бѣлый платокъ, глядя въ недоумѣніи то на сына, который мялъ въ рукахъ свою мокрую фуражку, то на взбѣшеннаго мужа. Она вспомнила, что на мельницу къ Мышкинымъ Андрюша поѣхалъ съ позволенія отца, и бѣшенство Дмитрія Андреевича относила къ промедленію Андрюши.

— Ужъ и браниться сейчасъ? заговорила вдругъ тетка. — Ну хоть и промедлилъ—велика важность; вѣчно въ пустякахъ кричишь, Дмитрій Андреевичъ; побранилъ да и полно; а то въ арестантскую роту... Господь съ тобой, зятюшка! Этакая подумаешь вина; въ гостяхъ что въ неволѣ, иной разъ и радъ домой да не пускаютъ. Вѣдь самъ же отпустилъ на мельницу...

— Хороша мельница, нечего сказать! Славная мельница!

вдругъ пятнадцать тысячъ промолоча... А, ты разбойникъ! допеку я тебя!... (Отецъ съ сжатыми кулаками, бросился на сына.) — Сказывай, мошенникъ, когда ты укралъ эти деньги?... а?

Андрюша не отвѣчалъ. Анна Борисовна бросилась между сыномъ и отцомъ, и повисла послѣднему на руки. Мать, какъ услышала страшное обвиненіе, такъ и присѣла. Одна только Федосья Дмитревна, не принимала въ сценѣ наружнаго участія, хотя и была одною изъ тайныхъ ея пружинъ.

— Ужь оставте меня пожалуста!... оставте!... говорилъ Подошвинъ, почти отгаливая свояченицу. — Ушибу я его разбойника! измучилъ онъ меня!...

— Ну, подумай же, батюшка Дмитрій Андреичъ... ушибу! да развѣ это резонтъ? Ушибешь, такъ самъ-то куда пойдешь? одумайся-ка... уговаривала Макова.

— Куда пойду? Ну, въ каторгу пойду! Да развѣ не каторга биться-то мнѣ съ нимъ, съ мошенникомъ?... Обокралъ отца... пятнадцать тысячъ! Я ихъ для того добывалъ, чтобъ ты ихъ проярыжничалъ, варваръ, на какую нибудь...

И оттолкнувъ Анну Борисовну, Дмитрій Андреевичъ опять бросился къ сыну.

— Послушайте, тятенька! — заговорилъ вдругъ Андрюша, останавливая отца. — Въ чемъ вы меня обвиняете?...

— Прошу покорно! Ахъ ты подлець! воръ!... еще спрашиваетъ! да кто-же укралъ у меня деньги? замокъ у сундука цѣлъ, схожено подборникомъ. Чужой воръ не сталъ бы брать изъ всякой пачки по немногу, захватилъ бы сколько могъ. Значить ты; да и на какія деньги ты дебоширичалъ?... содержишь эту?...

— Вѣдь вы не видали-съ, какъ я деньги бралъ?

— Не видалъ, да на кого-жь думать? Значить ты знаешь, или подозрѣваешь вора? а можетъ вы и за одно?

— Я никого не подозрѣваю, и если... если ужъ вы на меня думаете, то я, какъ вашъ наслѣдникъ, развѣ не могъ пользоваться тѣмъ при вашей жизни, что мнѣ достанется послѣ? Я хотѣлъ пожить, вотъ и все тутъ, отвѣчалъ довольно спокойно Андрей Дмитричъ.

— А! разбойникъ!.. вскричалъ отецъ, приступая къ нему.

— Да ужъ вы пожалуста-съ, не насканивайте съ кулаками-то до грѣха! вѣдь пожалуй и я не воленъ въ себѣ могу быть-съ. Вы все воображать изволите, что я мальчикъ-съ, нѣтъ уже я не мальчикъ-съ, и бить себя не дамъ!

Дмитрій Андреевичъ отступилъ, опустивъ руки и оглядѣлъ сына съ ногъ до головы. Въ самомъ дѣлѣ, Ардрюша въ послѣднѣе время очень развился, и сталъ что называется дюжимъ парнемъ; казалось, онъ безъ всякой хвастливой заносчивости и горячки, рѣшился бить на пропалую. Это спокойствіе смутило отца, руки его уже болѣе не поднимались на сына.

— Андрюша, тебѣ не грѣхъ говорить такія рѣчи? молвила тетка.

Андрюша взглянулъ на тетку, и едва замѣтно улыбнулся.

— Такъ ты, мошенникъ, пожилъ, прожилъ, промоталъ, эти пятнадцать тысячъ! Да помогалъ ли ты ихъ наживать-то мнѣ? спросилъ Дмитрій Андреевичъ садясь на диванъ, и покачивая головою, глядѣлъ на сына.

— Я сознаюсь, что не много помогалъ вамъ наживать деньги, а кто виноватъ? Развѣ не вы выбили у меня охоту быть вамъ полезнымъ, или хоть самому себѣ? Вы изъ меня выбили все путное, я по вашей милости сдѣлался дрянъ, я не запираюсь, я дрянъ... никуда негодуюсь, я это чувствую; вы мнѣ говорили всегда, когда я былъ двѣнадцати лѣтъ, что я выйду безпутнымъ; ну, вотъ я и вышелъ безпутнымъ, пророчество ваше сбылось... говорите сынъ, смотря въ глаза отцу.

Марья Борисовна рыдала. Анна Борисовна уговаривала сестру, какъ могла.

— Да, вспомните еще когда я мальчишкою-то былъ, забавы и удовольствія дѣтскія я вспоминаю побоями; развѣ жизнь моя была радостная? Я ей не радъ былъ, ну и захотѣлъ пожить... продолжалъ Андрюша.

— Рано, рано вздумалъ пользоваться наслѣдствомъ! Такъ знай же мерзавецъ, ни копейки тебѣ не оставлю... сказалъ отецъ.

— Ваша воля! сказалъ сынъ кланяясь, и повернувшись спокойно вышелъ.

Марья Борисовна собравъ послѣднія силы, рыдая пошла за нимъ, за нею послѣдовала Макова, а Андрюша вошелъ въ кладовую, захопнулъ дверь передъ носомъ матери, и заперся.

— Андрюша! голубчикъ! почему же ты меня не пускаешь?пусти меня; али не хочешь чтобъ я на свѣтъ-то жила?вопила мать у двери.

Отвѣта не было.

— Андрюша, побойся Бога! ну, чтожъ ты мать-то убиваешь? вѣдь ужъ она бѣдная, едва ноги таскаетъ.. говорила Анна Борисовна, стуча въ двери.

Отвѣта не было.

— Ну, оставь его Маша, Богъ съ нимъ! поди, успокойся, побереги себя...

— Онъ что-нибудь сдѣлаетъ надъ собою? Что-нибудь сдѣлаетъ? шептала Марья Борисовна.

— Напрасно, мамонька, безпокойтесь — пожалуйста сюда! Что вамъ угодно? сказалъ сынъ отворяя двери.

Мать бросилась въ кладовую и за нею тетка.

— Что это ты выдумалъ Андрюша? ужъ воровать сталъ.. у отца сталъ воровать! говорила плача и усаживаясь на сундукъ Марья Борисовна: — неужели ты эти денежки ухнулъ, которыми отецъ тебя клеплетъ? Андрей, скажи ради самого Бога!

Андрюша молчалъ.

— Ну, ужъ ты и оправдываться не хочешь? знать и въ правду виновать?

— Перестаньте мамонька, успокойте себя! прошептала Андрюша вздыхая.

— Да что ты ничего объ деньгахъ-то не говоришь?

— Эхъ! стоитъ говорить объ нихъ! деньги наживное дѣло... вотъ здоровье, совсѣмъ другое. Не плачьте мамонька, поберегите свое здоровье!

— Лхъ! Андрей, Андрей! ужъ видно за дѣло отецъ на тебя грозится, отдать въ солдаты пугаетъ? да у него пожалуй станется! едва выговаривала Марья Борисовна.

— На то его родительская воля! проговорилъ спокойно

Андрюша; но въ этомъ спокойствіи звучала какая-то насмѣшка.

— Да хоть этого и не будетъ, продолжала мать успокоивая самое себя: — а со двора пожалуй сгонить!

— Такъ что же? и пойду!

— А развѣ я это перенесу?

— Къ чему такъ горячо всякій вздоръ принимать! Перестаньте мамонька, представлять все въ такомъ преувеличенномъ видѣ; я вамъ вотъ что скажу: что этого ничего не будетъ! Я хотѣлъ доказать тятенькѣ, что я ужъ не мальчишка, котораго всякую минуту можно за волосы вытаскать, ну, и доказалъ, да и еще докажу. А что онъ меня прогнать, отъ этого и ему не легче будетъ.... разсуждалъ сынъ:— Ну прогнать, и опять возьметъ, а ужъ если непременно захочетъ меня остудить, такъ и самъ себя остудить....

— Ахъ Господи, Боже мой! согрѣшила я грѣшная больше всѣхъ; ну, а куда ты эти деньги-то злодѣй дѣлалъ?

— Вѣроятно прогулялъ; холостой человекъ.. вмѣшалась Анна Борисовна: — не говорила ли я вамъ Маша, что надобно Андрюшу женить поскорѣе?.. на мое вѣдь и вышло. Небойсь, отъ жены-то бы не убѣжалъ, а то товарищи завлекутъ во что-нибудь, да заведутъ куда-нибудь. (Повидимому добрая тетка, старалась хоть чѣмъ-нибудь оправдать племянника.)— Возьмись за умъ, Андрюшенька! ужъ уговорю я отца, чтобъ не благовѣстилъ вездѣ о твоёмъ поступкѣ; исправься голубчикъ... ну, хоть матери-то пожалѣй, выбрось всё глупости изъ головы, поклонись отцу, онъ проститъ... Вѣдь ты самъ подумай, кому-то не легко, ты у него одинъ; время и къ невѣстамъ свататься... послѣ самому слюбится... сердце-то у тебя доброе... говорила Анна Борисовна, обращаясь къ племяннику: — ну что же хорошаго-то?.. Самъ себя вѣдь губишь!..

Мать ничего не могла говорить, она только истерично рыдала.

— Хоть матери-то не убивай!..

— Не... уби... вай... проговорила едва внятно Марья Борисовна, и готова была стать на колѣни передъ сыномъ.

Андрюша поддержалъ ее.

— Мамонька!

— Не убивай! проговорила мать, сжимая судорожно его руку.

— Тетенька, чего же вы хотите отъ меня? спросилъ онъ тетку.

— Чего? поди мой голубчикъ... поклонись отцу... попроси прощенья... Вѣдь что ни говори Андрюша, а только развѣ слѣпой не видитъ твоей вины; виновать, кругомъ виновать... ужъ не изволь передо мной-то вертѣться... все знаю, ну и повинись! самъ знаешь: повинную голову и меч не сѣчетъ?

— Повинись! повинись! ну, пусть я виновать... да кто же и довелъ-то меня до того, если не онъ самъ? сказалъ Андрей Дмитричъ, укладывая растроянную мать на свою постель.

— Чтожъ, мой батюшка? Все же отецъ тебя худу не училъ? Конечно, онъ и добру-то училъ не по людски, кулаками да тумаками; да все же худу-то не училъ? Ну повинись! Видишь, до чего мать-то ты довелъ?

Андрюша тихонько освободилъ свою руку изъ руки матери, и поцѣловалъ ее руку; Марья Борисовна почувствовала, будто что-то теплое кануло на ее руку. Потомъ онъ прошелся по кладовой. Мѣсяцъ въ эту минуту, сквозь разорванные тучи, ярко освѣтилъ эти три лица, глядя въ окно съ толстой рѣшеткой; Марья Борисовна въ изнеможеніи лежала, и только тяжело вздыхала, сестра сидѣла у ея изголовья, и добродушно читала племяннику свои нотации... Андрюша ходилъ взадъ и впередъ задумавшись; казалось противоположныя чувства боролись въ немъ; ему хотѣлось выдержать характеръ, но въ то же время онъ зналъ, что съ отцомъ поступить трудно, и его воображенію представилось изгнание, изгнание, изгнание, а можетъ быть и арестантскія роты.

— Ну, положимъ я попрошу прощенія... сказалъ вдругъ Андрюша: — А если онъ вмѣсто того, чтобы простить меня, примется за старую исторію? О, тогда, тогда ужъ я не знаю, что будетъ! или опослѣ при всѣхъ будетъ попрекать...

— Ужъ простить, простить; вотъ тебѣ рука моя!.. вскры-

чала съ живостію Макова. — Будь увѣренъ что простить, ужъ я уговорю, уговорю...

И Анна Борисовна быстро оставила кладовую.

По уходѣ брата, матери и тетки, Федосья Дмитревна обратилась къ отцу съ притворнымъ соболѣзнованіемъ.

— Вотъ видите тятенька-съ, нончѣ вѣкъ-то какой!... Вотъ какіе сыновья! Вы хлопчете, заботитесь, а онъ... Да какъ земля-то терпѣть на себѣ такихъ непочтительныхъ людей? Ну что если, помилуй Богъ, будете стары, да хворы? онъ не только не посмотритъ на васъ, да просто изъ дому-то выгонить-съ?..

— Изъ дому выгонить?!.. Что ты, съ ума что ли сошла? Изъ моего дома щенокъ меня выгонить? что за чепуху врешь... зарычалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я только такъ-съ, примѣрно-съ, на счетъ вашей старости-съ, когда все будетъ въ рукахъ у него-съ... Ну, вѣдь кто знаетъ, будетъ все такъ мотать, такъ и домъ пожалуй заложить...

— Что ты за чепуху врешь?.. домъ заложить... дамъ я ему домъ заложить! Вотъ я его завтра, шельму... къ головѣ съѣзжу, что онъ посоветуетъ... сказалъ отецъ и заходилъ по комнатамъ.

— Ну, вотъ и я, покуда вы — все ничего, и я буду жить... пристала опять дочь: — Но... тятенька, отъ слова не придетъ, можетъ я васъ и переживу-съ, тогда братъ меня бѣдную, такъ-таки по шеѣ и выгонить... Ономясь, и то грозилъ, косу на колѣно вытянуть... И Федосья Дмитревна заплакала. Отецъ взглянулъ на нее изъ подлобья и молча опять сѣлъ.

— Такъ вотъ, тятенька-съ! продолжала она, ужъ твердо вставъ передъ отцомъ: — Съ чѣмъ-то я тогда несчастная останусь? Вѣдь все же я дочь ваша-съ... Развѣ виновата я, что дѣвницей-то родилась?

— Чего же ты хочешь? спросилъ глухо и мрачно Дмитрій Андреевичъ.

— Я хочу... хочу-съ просить васъ... чтобы вы-съ и меня чѣмъ-нибудь обезпечили-съ... говорила прерывающимся отъ волненія голосомъ Федосья Дмитревна.

Старикъ молчалъ.

— Вы бы какъ-нибудь распорядились, вотъ хоть бы домъ-то на меня закрѣпились?.. все бы я кусокъ хлѣба имѣла да и въ своемъ бы родномъ углу жила?..

Отецъ молча хмурилъ брови.

— Или бы... о духовномъ завѣщаніи позаботились, сказала не совсѣмъ смѣло дочь.

— А! и ты меня умирать собираешь? почти вскричалъ Подошвинъ, послѣ минутнаго молчанія: — Одинъ наслѣдникъ еще при моей жизни отлично распоряжается моимъ имѣніемъ, другая хлопочетъ о духовной... продолжалъ онъ съ горечью: — Не могутъ дожидаться моей смерти; а я на зло живу и живу...

— Тятенька-съ! еслибы не братъ, еслибы не онъ, я не подумала бы васъ безпокоить; была бы довольна тѣмъ, чѣмъ вы меня бы благословили сами, да у хорошаго брата всегда бы и пріютъ нашла; а теперь, сами посудите-съ, видите какъ мотаешь! пятнадцать тысячъ, вѣдь легко сказать... Ну, съ чѣмъ же меня-то оставите? Чѣмъ я васъ буду помнить-съ?.. и Федосья Дмитревна заплакала на взрыдъ.

Дмитрій Андреевичъ задумался; дочь ему казалась нѣсколько правою.

— Пятнадцать тысячъ! повторила Федосья Дмитревна.

Это повторенное роковое слово привело опять старика въ сильное бѣшенство.

— Лобъ разбойнику!.. закричалъ онъ пейстово, и ударилъ по обыкновенію по столу.

— Полно вздоръ толковать! мы его лучше женимъ!.. сказала очень спокойно Анна Борисовна, входя въ столовую.

— Ужъ не на мерзавкѣ ли какой задумала женить племянничка?.. спросилъ злобно Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ, не на какой-нибудь; а просто за просто, хоть не на богатой невѣстѣ, а на дочери честныхъ родителей. Только за тобой дѣло, Дмитрій Андреичъ, ты-то, батюшка, не оглашай семейной непріятности, какъ говорятъ: *нашолъ молчи, потерялъ молчи*; молчи, вотъ что! замѣтила тетка, садясь противъ хозяина. Федосья Дмитревна вертѣлась на мѣстѣ.

— Правда ваша-съ, Анна Борисовна, я потерялъ, и по вашему буду молчать? Пожалуй буду превозносить похвалами любезнаго сына. Ну, и выманнмъ невѣсту, ну и женимъ безпутка, ну и заѣдимъ чужой вѣкъ! Да что же изъ этого будетъ?..

— А вотъ что будетъ. Не осердись, зятюшка-батюшка, я отъ души моей совѣтъ предлагаю, послушать и не послушать его, ваша воля... Какъ мы скрѣпя сердце смолчимъ, да мальчика женимъ, ну, онъ и исправится, Богъ дастъ. Теперь блажь на умѣ... туда, сюда, дома скучно, ты ворчишь, — не запирайся, я вѣдь правду говорю, — да иногда, такъ на парня за какіе-нибудь пустяки, такъ напустишь, что онъ и бѣжить изъ дому безъ оглядки... А тутъ, по неволѣ къ жевнѣ поторонится, особенно, если Богъ дастъ, совѣтъ да любовь!..

— А я вотъ что вамъ скажу: не слѣдовало бы вамъ въ чужія-то дѣла мѣшаться, замѣтилъ хозяинъ съ досадою.

— Вѣдь только ты, батюшка, сродственникововъ чуждаешься, а насъ этому не учили. Сестра мнѣ родная, племянникъ родной, значить и дѣло ихнее, я совсѣмъ чужимъ для себя не считаю. Ну, такъ вотъ если мы Андрюшу женимъ?

— А я вотъ завтра его женю... такъ женю, что онъ и не ожидаетъ! Одежу запру, чтобъ не ушелъ... продержу недѣлю на водѣ да на хлѣбѣ, а потомъ.. потомъ ужъ я знаю что съ нимъ сдѣлать!..

— Вотъ ужъ ты этого не дѣлай, батюшка Дмитрій Андрячъ, не дѣлай! этимъ ты парня только озлобишь!..

— Его озлобишь?.. Вора!.. мошенника! безпутнаго!.. закричалъ отецъ.

— Зачѣмъ же кричать-то? Ну что этимъ возьмешь? только сердце надорвешь. Что прошло, не воротись... Онъ и самъ-то кается... не далеко локоть... сокрушается, винится... хочетъ прощенія у тебя просить!..

— Оно и видно что сокрушается! Вы я думаю видѣли, какъ онъ здѣсь сокрушался?.. просилъ прощенья!..

— Это такъ, Дмитрій Андрячъ, вдругъ онъ не могъ одуматься... испугался...

— Ужъ у тетеньки, всегда найдутся оправданія для бра-

та, замѣтила насмѣшливо Федосья Дмитревна: — Она всегда ему покровительствуетъ!..

— Покровительницей худыхъ дѣлъ, Оеня, я никогда не была... а такъ себѣ... *блаженни миротворцы*... вотъ что я люблю!.. отвѣчала добродушно Макова.

— По вашему, тятенька и за то не долженъ гнѣваться, что онъ чуть-чуть руки на родителя не поднялъ!.. сказала запальчиво пламяница.

— Что ты за вздоръ городишь, милая? на отца руку поднять! Да какъ у тебя языкъ-то поворачивается говорить такія слова? Съ чего это ты взяла? Правда, Андрюша рѣзконько отвѣтилъ... да вѣдь и мы съ тобой, милая, рожн-то не подставимъ никому, пожалуй и отцу родному!..

— Слышите, тятенька-съ? Ишь брата какимъ невиннымъ тетенька представляетъ; какой же еще грубости нужно болѣе той, какую онъ вамъ показалъ-съ?... Да ужъ видно онъ такой счастливой, что ему все съ рукъ сходитъ!.. почти сквозь слезы, замѣтила отцу Федосья Дмитревна: — А право, посмотрись на такое непочтенье къ родителю, такъ слезы только покатаются...

— Ну такъ если онъ грубо что сказалъ, такъ и раскаивается... заговорила тетка: — Ну и прости его Дмитрій Андрейчъ, прости, не простишь, себя и сына на позоръ дашь! Вѣдь постороннимъ-то смѣхъ, а тебѣ слезы, *постороннимъ-то чудо, а тебѣ чадо*... Вспомни-ка, какъ четыре года тому назадъ онъ отъ страху спрятался, такъ ты буд-то и не струхнулъ? струхнулъ... я знаю, хоть и никому ничего не говорилъ... а ужъ я знаю... знаю...

Дмитрій Андреевичъ вскочилъ съ мѣста, какъ будто его варомъ обдало, и заходилъ быстро по комнатѣ. Страшная ночь, въ которую онъ обрекалъ себя слѣдствію и суду, представилась его воображенію. Онъ вздохнулъ.

— Ну ужъ заговорили, совсѣмъ заговорили, Анна Борисовна! любо слушать!.. сказалъ насмѣшливо Подошвинъ; но ужъ въ насмѣшкѣ звучала какая-то нерѣшительность. — Да какъ же вы хотите? чтобъ я простилъ этого непокорнаго негодяя?..

— Тогда прости его, когда придетъ съ покорною, повни-

ною головою, по пословицѣ, *повинную голову и мечъ не счесть!* Ну, а не придетъ съ повинною головою, тогда, пусть Господь его.... и не успѣла договорить Анна Борисовна, какъ дверь отворилась и несмѣлымъ шагомъ, повѣся голову вошелъ Андрей Дмитричъ. За нимъ шла едва держась на ногахъ, убитая, трепещущая Марья Борисовна.

Андрюша подошелъ къ отцу, который увидѣвъ сына, готовился уже встрѣтить его залпомъ ругательствъ.

— Тятенька-съ, простите! не погубите-съ! сказалъ Андрюша, робко взглянувъ на отца: — Не погубите-съ! колѣни его дрожали, зубы стучали какъ въ лихорадкѣ.

Отецъ не могъ ни слова выговорить, бѣшенство бушевало въ груди его, онъ только заскрежеталъ зубами и отвернулся.

— Батюшка, Дмитрій Андреичъ, прости... прости его! вскричала жена, упавая къ ногамъ его, и схвативъ руку сына, принуждала и его встать возлѣ себя на колѣни. Андрюша почти невольно повиновался.

— Простите! не погубите-съ! виновать!.. говорилъ сынъ, стараясь поймать руку отца.

Дмитрій Андреевичъ оттолкнулъ его, но не могъ освободить своихъ ногъ изъ рукъ жены, которая рыдая, обливала ихъ слезами.

— Не отступимся, Дмитрій Андреичъ; прости мальчишку, а то не отступимся... такъ вотъ тутъ всѣ и умремъ... сказала рѣшительно Анна Борисовна, ставъ на колѣни по другую сторону сестры и схватя зятя за полу халата.

Старикъ по неволѣ долженъ былъ остаться на мѣстѣ; онъ не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобъ не ушибить замершую у ногъ, и безъ того едва живую, Марью Борисовну.

— Не погубите!.. шепталъ сынъ, а слезы такъ и набѣгали на глаза.

— Вотъ комедія-то! произнесла сухо и рѣзко, сидящая въ углу и наблюдающая Федосья Дмитревна. Никто не слышалъ этихъ словъ кромѣ Анны Борисовны. Не выпуская изъ рукъ зятя халата, она съ упрекомъ строго взглянула

на племянницу; но отвѣтный взоръ Федосьи Дмитревны былъ полонъ насмѣшки, досады и непримиримой злобы.

— Злодѣй! злодѣй! и ты не посовѣстился отца-то обворовать? Разбойникъ! сказалъ Дмитрій Андрячъ, смотря изъ подлобья на сына; голосъ его дрожалъ.

— Простите-съ! шепталъ Андрюша.

— Вотъ онѣ, деньги-то, возьми ихъ!... Для кого я ихъ прибрѣталъ, какъ не для семьи? продолжалъ отецъ, показавъ рукою на сундукъ. — А ты разбойникъ! Да какъ ты ихъ взялъ? Вижу я что подборникомъ схожено...

— Не погубите!..

— Ужъ вѣрно его люди настроили, на такое худое дѣло? а онѣ по глупости... Гдѣ-жъ ему самому-то? говорила тетка.

— Какое, подумаешь, невинное дитя Андрюша!... промолвила сестра, дожидаясь развязки; но на ея слова, какъ и прежде, никто не обратилъ вниманія.

— Говори мошенникъ, Антошка зналъ про все? Признавайся!.. спрашивалъ отецъ.

Сынъ молчалъ.

— Да ужъ конечно зналъ, когда былъ за одно съ тобою, когда и вчера былъ тамъ-же, гдѣ и ты распиротоканалъ! Да можетъ, онѣ и въ худой-то домъ тебя дурака ввелъ?..

Андрюша молчалъ; онѣ ясно видѣлъ, что отцу все извѣстно; но выдать своего друга, вѣрнаго товарища и руководителя, ему было жалко; онѣ предвидѣлъ, что за это можетъ отецъ и сошлетъ Антона, но все-же, не чрезъ него.

— Что-жъ ты молчишь, шельмецъ, коли пришелъ виниться? — Сынъ не отвѣчалъ, только кланялся въ ноги и плакалъ.

— А! коли такъ... такъ я тебѣ лучше вотъ что скажу!.. Завтра свезу тебя въ часть и прикажу закатить при себѣ сотни три твоей спинѣ... потомъ... потомъ отправлю на годъ... отправлю къ Матвѣю Матвѣичу (въ арестанскія роты), да нѣтъ... этого мало... я лишаю тебя наслѣдства... и... ступай на всѣ четыре стороны... только, я не знай моего порога... И Дмитрій Андреевичъ вырвался отъ жены, отъ сына, отъ

свояченицы. Марья Борисовна застонала, и чуть не лишилась чувствъ. Федосья Дмитревна напротивъ радостно прыгнула на стулъ. Анна Борисовна вскочила, и догнавъ зятя, повисла на его рукѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Андреичъ, ты этого не сдѣлаешь, не сдѣлаешь, не правда-ли? побойсья Бога!.. говорила она испуганнымъ голосомъ.

— Простите! простите! виновать, сказалъ сынъ, вставая съ полу; у него отъ родительской рѣчи, мурашки по кожѣ забѣгали; онъ давно зналъ, что съ Дмитріемъ Андреевичемъ шутки плохи, особенно если упрямый старикъ захочетъ поставить на своемъ.

— Ну, можетъ Антошка настроилъ тебя и деньги воровать? спросилъ обернувшись отецъ. — Али Мышкины... твои друзья?..

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Стало Антонъ ничего не зналъ?

— Ахъ, нѣтъ, зналъ! Простите тятенька-съ, впредь ничего худова не увидите-съ... отъ меня, даже не услышите-съ... И Андрюша, опять схвативъ отца за подолъ халата, упалъ къ его ногамъ.

— Встань... Если я еще что нибудь о тебѣ услышу или замѣчу, тогда не пеняй на меня!.. проговорилъ сурово Дмитрій Андреевичъ, отдернувъ руку, которую было сынъ подносилъ къ губамъ: — помни что я тебѣ сказалъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Андреичъ, а ты скажи что, дескать, Богъ тебя простить... такъ-таки и скажи... приставала Анна Борисовна.

— Ну, Богъ простить... молвилъ съ нетерпѣніемъ Подошвинъ, махнувъ рукою. — Оставьте меня...

Сестра и сынъ насилу подняли съ полу Марью Борисовну и повели ее въ спальню.

— Вотъ такъ комедія!.. проговорила съ досадою Федосья Дмитревна вставая. — Какой право счастливый этотъ Андрей Дмитричъ! знать въ сорочкѣ родился? Ужъ тетенька всегда найдется оправдать всѣ его пакости...

— Оставьте меня... дайте мнѣ покой!.. сказалъ съ досадою утомленный Дмитрій Андреевичъ, взглянувъ на часы;

стрѣлка показывала половину втораго, и заря ужъ занималась.

Федосья Дмитревна, не смѣя болѣе безпокоить отца и вида съ огорченіемъ, что всѣ ея планы не удались, вышла съ досадою изъ столовой, и конечно хлопнула-бы по обыкновенію дверь, еслибы на мѣстѣ Дмитрія Андреевича была Марья Борисовна.

Давно уже проснулся день съ своимъ движеніемъ, съ своими хлопотами и заботами. Дмитрій Андреевичъ, по обыкновенію, всталъ въ пять часовъ, хотя остатокъ ночи провелъ совершенно безъ сна, напоилъ чаемъ приказчиковъ, сына, кухарку и кучера. Одинъ Антонъ къ чаю не явился, и хозяину донесли, что онъ дома не ночевалъ; хозяинъ ругнулъ его едва слышно.

Марья Борисовна очень прихворнула и не вышла къ чаю. Дмитрій Андреевичъ, какъ будто боялся сегодня опять увидѣть Анну Борисовну, чтобъ она опять не заговорила о вчерашнемъ; онъ молчалъ и хмурилъ брови, но особеннаго нерасположенія не показывалъ, даже къ виновному сыну; для гостыи приказалъ онъ подать въ спальню маленькій самоваръ. Дмитрій Андреевичъ въ седьмомъ часу, вмѣстѣ съ сыномъ, отправился на судно. Тамъ онъ таинственно отозвавъ Ивана Тимофѣича въ казенку, что-то тихо ему наказывалъ, причемъ старый приказчикъ только кивалъ головою въ знакъ согласія и увѣренія; потомъ старикъ Подошвинъ, оставивъ тутъ вмѣсто себя сына, самъ поѣхалъ въ лавку.

Часовъ въ восемь Антонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, причесанный и съ самою благообразною фizioномією, скромно, но безъ боязни, явился въ лавку. Онъ, какъ водится, помолился на образъ и почтительно поклонился хозяину.

Дмитрій Андреевичъ, нахлобучивъ картузь на глаза, даже и не кивнулъ приказчику, а только махнулъ ему рукою, и пошелъ къ задней двери. Антонъ, нисколько не измѣнясь въ лицѣ, послѣдовалъ за хозяиномъ.

— Воръ! мошенникъ! мало тебѣ было обворовать хозяйна, такъ ты еще и сына-то хозяйскаго развратилъ?.. научилъ его всякимъ мерзкимъ дѣламъ... заговорилъ Дмитрій

Андреевичъ, сдерживая по возможности голосъ, хотя бѣшенство и кипѣло въ его груди.

— Напрасно беспокоиться изволите-съ Дмитрій Андреевичъ, отвѣчалъ скромный приказчикъ, очень невинно глядя ему въ глаза: — я ничего знать не могу-съ...

— Такъ, такъ! ты ничего не знаешь о томъ, какимъ манеромъ и деньги изъ моего сундука уплывали, ты и о томъ не знаешь, какимъ манеромъ вы вчера съ Андриушкой и въ подозрительный домъ попали; ты ничего не знаешь, распротоканалья... говорилъ хозяинъ, и заскрипѣлъ зубами.

— Деньги изъ вашего сундука-съ! говорилъ Антонъ, притворяясь удивленнымъ: — вы можете все сказать, что вамъ угодно-съ; но позвольте узнать... развѣ вы видѣли-съ, какъ я ваши деньги бралъ-съ?

— Правда, не пойманъ, не воръ!

— Напрасно вы меня изволите воромъ обзывать-съ! Не не угодно-ли вамъ обыскать мой сундукъ, какъ обыскивали Панкратьевъ, такъ смѣю вамъ доложить-съ, что ничего вашего не найдете-съ... я не Панкратій-съ!..

— Правда, то былъ воришка, а ты воръ... Вонъ, разбойникъ! чтобъ духу твоего не было!.. вскричалъ уже выходя изъ себя хозяинъ.

— Ужъ коли изволите меня ссылать-съ, такъ пожалуйста расцетъ: я за послѣдній годъ жалованья не бралъ ни полшки-съ...

— А вотъ я тебѣ дамъ расцетъ... вотъ дамъ расцетъ!.. говорилъ хозяинъ все ближе и ближе подвигаясь къ приказчику. Антонъ пытался, а Дмитрій Андреевичъ все наступалъ до-тѣхъ-поръ, покуда Антонъ не очутился за дверями. Прочіе приказчики робко поглядывали на этотъ маневръ.

— Я тебѣ, шельмѣ, дамъ расцетъ!.. договорилъ хозяинъ, погрозя кулакомъ вслѣдъ уходящему приказчику, который очень вѣжливо раскланялся съ рядскими сосѣдями, а въ томъ числѣ и съ Мышкиными, у которыхъ лица были нѣсколько опухлы, глаза мутны и голоса хриплы.

Для Федосьи Дмитревны былъ этотъ день тяжелымъ днемъ; лежа въ постелѣ она ни уснула ни на минуту и горько плакала, видя разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, — выманить

у отца домъ, или обезпечить себя духовнымъ завѣщаніемъ. Она не выходила ни къ чаю, ни къ обѣду. Анна Борисовна, оставшаяся при захворавшей сестрѣ, хотѣла было навѣстить племянницу, но дверь ея комнаты была заперта.

Передъ вечеромъ прибѣжала къ Ѳедосьѣ Дмитревнѣ Пелагея, навѣдаться, какъ Подошвины разхлебали кашу, которую она заварила, и была сей-часъ впущена.

— Ну что-съ? По вашимъ глазкамъ вижу, моя благодѣтельница, что для васъ хорошаго не много-съ... сказала Пелагея, цѣлуя ручку Ѳедосьи Дмитревны.

— Все пошло къ чорту!.. Да я не знаю, какъ и пережила эту ночь; комедію разыграли, только и всего, ха-ха-ха!.. И Ѳедосья Дмитревна захохотала рѣзкимъ, неестественнымъ хохотомъ, между-тѣмъ какъ по лицу ея катились слезы.

Пелагея съ ужасомъ глядѣла на нее.

Успокоясь, Ѳедосья Дмитревна рассказала ей подробно все происшествіе прошлой ночи. Пелагея слушала и съ удивленіемъ покачивала головою.

— Такъ вотъ какъ тетушка-то наша умница-разумница, вертитъ въ чужомъ домѣ! просто *объѣхала* самую да и разъ!.. Вотъ теперь и живи да и не тужи, а Андрей Дмитричъ растаскивай капиталъ, мотай какъ знаешь, — ничего, все съ рукъ сойдетъ!.. И Ѳедосья Дмитревна зарыдала.

Желая какъ-нибудь развеселить свою благодѣтельница, и видя, что настоящій разговоръ ее еще болѣе разстроиваетъ, Пелагея заговорила.

— А теперь я шла мимо, напротивъ-то въ *мизинетъ* капитанъ квартируетъ-съ, сидитъ цгарку покуриваетъ-съ, а самъ глазъ не спуститъ съ вашего-то дома-съ...

Въ отвѣтъ Ѳедосья Дмитревна только вздохнула, и повернулась къ стѣнѣ.

Да, Дмитрій Андреевичъ простилъ сына; конечно, многіе удивятся, что Андрюша такъ дешево отдѣлался отъ такого отца; старикъ можетъ и вымѣстилъ бы на немъ свой гнѣвъ, какъ сначала предполагалъ, если-бъ у него былъ еще другой сынъ, вѣрный помощникъ, и кровный достойный наследникъ, но къ счастью Андрюши, онъ былъ одинъ. Притомъ же старикъ зналъ, что губя сына, огласкою его пове-

денія онъ и самъ не избѣгнетъ любопытства, толковъ и суда толпы, которая безъ всякой церемоніи на него бы стала показывать пальцами; къ тому же и слова Анны Борисовны: *жемится-перемьнится*, запали ему въ голову. Онъ уповалъ на молодость сына и надѣялся на его исправленіе, а можетъ быть и любовь отцовская, затаенная гдѣ нибудь въ самомъ темномъ уголку его черстватаго сердца, подала свой голосъ... Кто знаетъ!

Но какъ бы то ни было, прогнавъ Антона, и поручивъ Андрюшу непосредственно тайному надзору Ивана Тимофѣича, Дмитрій Андреевичъ нѣсколько успокоился. Первый день отецъ и приказчикъ, какъ нельзя болѣе были довольны Андреемъ Дмитричемъ; вечеромъ домой отецъ и сынъ пріѣхали вмѣстѣ, повидимому въ добромъ согласіи, Дмитрій Андреевичъ не ругался и не ворчалъ, даже къ великому удивленію Семена, который такъ и думалъ, что за вчерашнюю продѣлку молодой хозяинъ заплатится отцу нѣсколькими ребрами.

Вечеромъ послѣ чаю Андрюша долго оставался подлѣ постели больной матери, разговаривая съ Анной Борисовной совершенно спокойно о постороннихъ предметахъ.

Только Федосья Дмитревна страдала невыразимо, и не знала на кого излить ту страшную жгучую досаду, которая ее душила. Наконецъ она отворила дверь, и принялась ругать Маланью за то, будто она топаеть, ходя по корридору, и ее беспокоитъ.

Послѣ ужина Семенъ шопотомъ рассказывалъ любопытной кухаркѣ, происшествіе вчерашняго дня и продѣлки Андрюши и Антона. Маланья отвѣчала.

— Я, Сеня, слышала кой-что. Какъ суматоха у хозяевъ поднялась, я у дверей, согрѣшила, и послушала, только и слышала, что старикъ поминаетъ какія-то пятнадцать тысячъ... а понять не могла...

— Дура! пятнадцать тысячъ... да вѣдь знаешь ли, эти-то денежки у старика Андрей Дмитричъ ухнулъ?...

— Не ужъ-то, Сеня? почти вскричала удивленная Маланья: — куда онъ сердечный дѣлъ такую уйму?... Чай не мало?...

— Куда дѣвалъ? Небойсь, найдетъ мѣсто; да коли и онъ-то молодъ, глупъ, такъ сыщутся смышленные люди... Вотъ Антонъ!...

Вошедшая за водою Анна Борисовна, прервала ихъ бесѣду.

X.

Прошло двѣ недѣли безъ всякихъ приключеній. Антонъ не показывалъ глазъ ни въ лавку ни въ домъ Подошвиныхъ, да никто его и не встрѣчалъ, *стимуль* да *пропаль*. Вдругъ пронесся слухъ, что Мышкины еще наняли лавку, бывшую закрытою, не подалеко отъ лавки Подошвина, но гораздо на лучшемъ мѣстѣ, что говорится на *юру*; она была какъ бѣльмо на глазахъ Дмитрія Андреевича.

Однажды Андриуша, занятый своимъ дѣломъ, не успѣвшій даже въ это время перемолвить съ своими старыми пріятелями (хотя сказать правду, онъ и нарочно избѣгалъ встрѣчи съ Мышкиными), встрѣтился на берегу съ Антономъ. Антонъ былъ на сосѣднемъ суднѣ, долго разговаривалъ съ хозяиномъ, пилъ у него чай, и возвращался въ очень веселомъ расположеніи духа.

— Мое вамъ почтеніе-съ!... Какъ поживаете, Андрей Дмитричъ?... говорилъ отставной приказчикъ, раскланиваясь съ хозяиномъ.

— Ничего живу... дѣла много; а ты какъ Антоша?...

— Да такъ себѣ, перебиваемся по немногу, улыбаясь отвѣтилъ Антонъ:—А васъ вѣрно на суднѣ привязали?... Такъ и есть....

— Почти, братъ, привязали.

— Ну что-съ, ничего этакого не было-съ? дешево отдѣлались, Андрей Дмитричъ?... спрашивалъ Антонъ, понизивъ голосъ.

— Охъ, ужъ не говори братъ Антоша! А что, не знаешь, здоровы ли тамъ?

— Не ужъ-то вы не бывали ни разу?

— Некогда, братецъ! Слышь некогда! отвѣчалъ переминаясь Андрей Дмитричъ.

— Вотъ какъ-съ! Непростительно это вамъ Андрей Дмитричъ; тамъ я думаю объ васъ тоскуютъ, скучаютъ и не знаютъ что думать, послѣ того, какъ васъ увезли-съ?

Кровь прихлынула къ сердцу Андрюши; ему представилась бѣленькая, розовенькая Марѳуша, и онъ готовъ былъ бѣжать къ ней хоть сію минуту. Но угрозы отца, просьбы матери, уговоры тетки, раскаяніе въ украденныхъ деньгахъ, все это пронеслось какъ страшный призракъ передъ его молодымъ воображеніемъ и памятью, и сердце захолонуло.

— Такъ вотъ какъ-съ! васъ скрутили Андрей Дмитричъ: жаль-съ.... а ужъ и меня-то вашъ тятенька почти публично воромъ обзываютъ-съ!... Я ужъ признаться и отъ жалованья отступился; а вамъ не безъизвѣстно, я цѣлый годъ жалованья не бралъ... Богъ съ нимъ, съ тятенькой вашимъ-съ, обижаютъ меня, крайне обижаются-съ! У нихъ пропали деньги, а я виноватъ-съ! Ну, развѣ я пользовался ихъ деньгами?..

Андрюша пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты, Антоша, такъ славно говоришь, словно совершенно ни въ чемъ не виноватый.

— Я-съ? я виноватъ?... да въ чемъ-же Андрей Дмитричъ?..

Андрюша махнулъ только рукой и тряхнулъ съ сожалѣніемъ головою.

— Если... то вы сами-съ, Андрей Дмитричъ, приказали ключикъ... Чтожъ?... наше дѣло служащее-съ, хозяева прикажутъ-съ...

— Довольно, сказалъ молодой человекъ, для котораго это воспоминаніе не было пріятно.

— То-то же-съ! Только не могу понять, кто это Дмитрію Андреичу объяснилъ, что я вмѣстѣ съ вами... и тѣмъ-то-съ... и того-то-съ... Ужъ вѣрно вы признались сами-съ, правда, признались?... Антонъ пристально смотрѣлъ на Андрюшу, который покраснѣлъ до самыхъ ушей, но молчалъ.

— Все рассказали-съ! Ужъ я по лицу вашему вижу-съ... Богъ съ вами-съ!... я служилъ, служилъ вамъ-съ... говорилъ жалостно Антонъ: А что выслужилъ?... Ахъ!...

— И будто даромъ?... будто тебѣ ничего не попало? а?... Однако прощай, братецъ... вонъ самъ ѣдетъ!... сказалъ Андрей Дмитричъ, показывая вдалъ на облако пыли, сквозь ко-

торое онъ узналъ трясучія дрожки своего тятеньки, и побѣжалъ опретью на судно. Весь этотъ день Андрюша продумалъ о Марѣ Спирidonовнѣ, даже и во снѣ прелестница не давала ему покою. Онъ вовсе не думалъ оставить ее на всегда и желалъ побывать у ней, но ему хотѣлось отклонить подозрѣнiе отца, а потому онъ и не отлучался никуда, намѣреваясь въ будущемъ вести свое знакомство въ тихомолку, безъ огласки, безъ кутежей, и по возможности не прибѣгая къ незаконному добыванiю денегъ. Внутренно онъ проклиналъ себя за излишнюю расточительность, за излишнюю довѣрчивость къ Антону, хотя и вспоминалъ объ немъ, какъ о единственномъ другѣ и руководителѣ. Но онъ видѣлъ, что еслибъ этотъ плуть, подъ разными предлогами, не выманилъ у него безъ мала половину денегъ, добывая которыхъ онъ такъ много рисковалъ, то все-же эта сумма осталась бы у него для Марѣньки, на будущiй черный день. Но вѣдь локоть не далеко...

Черезъ мѣсяць Антонъ Антонычъ сѣлъ въ нанятую Мышкинымъ лавку и повѣсилъ въ красивую рамку приказническое свидѣтельство, хотя товаръ онъ купилъ на свои собственные, наличныя, безъ всякаго кредита, на сосѣднемъ съ Подошвинымъ суднѣ... Дмитрiй Андреевичъ скрежеталъ зубами на ненавистнаго новичка; особенно, когда послѣ значительной распродажи, остальной хлѣбъ перевезли въ лавку, и прежнiе гуртовые покупщики перешли къ Антону, потому что и прежде его знали болѣе, чѣмъ хозяина. Онъ ихъ кредитовалъ безъ доклада Дмитрiю Андреевичу и теперь старался ихъ переманить своею услужливостью, ласковымъ обращенiемъ, и за частую болѣею уступкою. Дмитрiй Андреевичъ ругалъ его, и тихонько, и вслухъ. Отъ Ивана Тимофѣича онъ постоянно слылъ «мошенникомъ», одинъ только Андрюша держался середины. Каждый разъ имя Антона, возбуждало въ немъ воспоминанiе о Лукишнѣ и ея племянницѣ. Сколько разъ порывался онъ навѣстить ихъ, и однажды уже рѣшился и пошелъ, но не доходя до ихъ воротъ, робко и осторожно оглядѣлся... и, о ужасъ! ему показалось, что вслѣдъ за нимъ, по другой сторонѣ улицы, шелъ Тимофѣичъ... Андрюша бросился безъ оглядки мимо квартиры своей воз-

любленной. Въ самомъ ли дѣлѣ то шелъ старый приказчикъ, или такъ показалось Андрюшѣ? Какъ-бы то ни было, только пришедши домой, онъ пошелъ отыскивать Ивана Тимофѣича. Наконецъ явился старикъ, и на несмѣлый вопросъ Андрюши: гдѣ онъ пропадалъ?... Тимофѣичъ промывалъ что-то невнятно; Андрюша хоть и не разслушалъ, но болѣе не настаивалъ.

Дмитрій Андреевичъ, какъ и всегда, не былъ ѡасковъ съ сыномъ, но и не бранилъ его, исключая только тѣ случаи, когда повѣрялъ деньги; старикъ ворчалъ, называлъ кого-то мошенниками, разбойниками!.. Андрюша вздрагивалъ, краснѣлъ, и руки его дрожали; но старикъ заглушалъ свою внутреннюю досаду, и никогда открыто не упрекалъ сына ни въ чемъ... Домашняя тишина не нарушалась, хотя откровенности не было никакой; Марья Борисовна отдохнула, выздоровѣла и пѣла благодарные молебны... Одна только Феодосья Дмитревна ходила съ заплаканными глазами, ко всему придиралась и, сидя въ залѣ подъ окномъ, кидала безнадежные, умоляющіе взоры на мезонинъ сосѣдняго дома. Окно по прежнему было открыто, по прежнему сквозь цвѣты выглядывали рыжіе усы и сѣрые глаза; но на что смотрѣли эти глаза — рѣшить было трудно. Иногда она бросалась нестово цѣловать своего рыжаго котѣнка, находя въ немъ большое сходство съ сосѣдомъ; иногда, разсердясь на равнодушіе офицера, отталкивала грубо своего невиноваго любимца.

Большой мясоѣдъ уже начался. Лѣто миновало. Наступилъ сентябрь.

Въ одно ясное утро Анна Борисовна запыхавшись прибѣжала къ сестрѣ, и радостная, готовая весь міръ заключить въ свои объятія, весело обняла Марью Борисовну и послѣшно увѣдомила ее, что получила письмо отъ сына изъ Москвы; что Вася скоро будетъ въ Привольскѣ, и можетъ быть на всегда; что хозяинъ у кого онъ живетъ, заводитъ фабрику въ Привольскѣ и посылаетъ Васю смотрѣть за работами при постройкѣ и общаетъ его оставить приказчикомъ при фабрикѣ.

Марья Борисовна перекрестилась и прослезилась, радуясь радостію сестры.

— А можетъ быть, сестрица, и меня Господь посѣтитъ вскорѣ радостію, заговорила Марья Борисовна: — Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ Дмитрій Андреечъ, и безъ всякаго сердца... Ахъ, право, не знаю я уже, какому угодику свѣчу поставить... Вотъ онъ посидѣлъ, посидѣлъ, и заговорилъ, что, дескать, мясоѣдъ идетъ да идетъ, а мы-де объ Андреевой свадьбѣ и не думаемъ... Ты, дескать, знаешь невѣсть въ городѣ, такъ надобно подумать, да поговорить, да Калинишну увидѣть... Коли нончѣ женить, такъ, дескать, медлить нечего... И я сестрица, вы не повѣрите, какъ я рада... какъ рада!...

— Дай Богъ, дай Богъ къ лучшему, сказала Макова.

Вечеромъ того же дня въ присутствіи матери и тетки, Дмитрій Андреевичъ позвалъ сына.

— Андрей! сказалъ старикъ; какъ будто ласковѣе обыкновеннаго: — пора, братъ, думать о женитьбѣ, мясоѣдъ-то идетъ, а подъ конецъ придется торопиться, и все ужъ *сверня наверня*, какъ-то не хорошо выходить...

У Андрюши вытянулось лицо и поблѣднѣло.

— Что глазами-то хлопаешь?.. я съ тобой не шутя говорю... Къ кому свататься?.. Ты можетъ и примѣтилъ какую невѣсту, такъ говори; только, братъ, смотри, не изъ кой-какихъ, а чтобы для всѣхъ была хороша!..

— Тятенька-съ, смѣю вамъ доложить... я думаю мнѣ еще рано о томъ думать-съ! отвѣчалъ опомнясь Андрюша.

— Рано!... заревѣлъ Дмитрій Андреевичъ прискочивъ: Рано... а *качества* дѣлать такъ не рано... слышь! Полно, братъ, шалишь!.. у меня смотри!..

— Да какой я женихъ? Помилуйте-съ!

— Что это Андрюша? тятенька твой и моложе тебя женился... Пустое, другъ, говоришь!.. замѣтила Анна Борисовна.

— Андрюша, не противорѣчь тятенькѣ! дай и мнѣ на себя порадоваться, куда я жива, подговорила мать.

— Помилуйте, тетенька, гдѣ-бы вамъ тятеньку отговорить, а вы... И Андрюша готовъ былъ заплакать; ему пред-

ставилась Маня, первый, хотя и недостойный, предметъ его любви.

— Я, мой другъ, доброму дѣлу никогда не отговаривала во всю жизнь, отвѣчала тетка.— Эхъ, больно ты еще глупъ! а послѣ и самому слюбится... подруга-то у тебя будетъ подъ бокомъ, да не какая-нибудь зазорная, а подруга Богомъ данная... а коли Богъ дастъ совѣтъ да любовь, такъ и ставете любоваться другъ другомъ...

— Ахъ! устрой-то Господи! шептала мать крестьянъ.

— Какъ вамъ угодно, тятенька-съ! Воля ваша; а я жениться не могу-съ, ужъ оставьте-съ! едва внятно проговорилъ женихъ.

— Не можешь? А почему? Развѣ ты какой чахлый что-ли? Ась? Дудки братъ, меня теперь не надуешь! Али за прежнія *художества* хочешь дружокъ приняться? Слушай Андрей! Ты за свои скаредныя дѣла достоинъ бы, чтобы не такъ съ тобою поступить, какъ поступилъ я, такъ ужъ ради всего этого и не выводилъ меня изъ терпѣнія. Вотъ что, Анна Борисовна! вы если увидите Калининшу, такъ скажите ей, чтобъ она на этой недѣлѣ къ намъ побывала, примолвилъ зять, обращаясь къ свояченицѣ.

— Хорошо батюшка Дмитрій Андреичъ!.. Я, пожалуй и нарочно за нею сама схожу.... отозвалась добродушно тетка.

— Ну, вотъ мы и потракуемъ съ ней объ невѣстахъ! На красу-то наплевать, рожу-то не лизать, а была бы хозяйка... да мало-мальски не дура, чтобъ и тебя дурака при случаѣ поучила... замѣтилъ очень любезно отецъ, и что-то похожее на улыбку мелькнуло на его сухихъ дряблыхъ губахъ.

Сестры тоже улыбнулись, но Андрюшѣ было не до шутокъ.

— У Куличкина двѣ дочери, и придаюе дастъ, знаю что дастъ, продолжалъ старикъ. — Ну, къ нимъ махнемъ, али къ Пеструхинымъ, и тамъ кажется ихъ штуки четыре... я думаю старшія-то ужъ тебѣ, Андрей, стары, а меньшія-то ничего, такія *шустрыя*... да нѣтъ, чортъ съ ними; больно родня велика.

Но Андрюшѣ были всѣ равны, и Куличкины и Пеструхины; онъ думалъ о Марейнкѣ, и плакалъ въ глубинѣ души.

Отворилась дверь, Мазанья доложила что ужинъ готовъ, и тѣмъ прервала бесѣду. За столомъ судили и рядили о невѣстахъ. Сестры наивно вспоминали свою молодость. Дмитрій Андреевичъ почти ласково говорилъ съ женою и свояченицею, но разговоръ лично не относился къ Андрюшѣ, который сидѣлъ какъ къ смерти приговоренный. Федосья Дмитревна ничего не могла понять, разговоръ болѣе относился къ себѣ, потому и вслушивалась молча.

Такъ какъ въ холодной кладовой спать Андрюшѣ уже было холодно, то онъ спалъ на диванѣ въ гостиной. Когда Анну Борисовну отправили домой на лошади и всѣ въ домѣ успокоились, герой нашъ лежалъ, закутавшись, и горько плакалъ; онъ не зналъ что дѣлать, не было у него ни друга, ни совѣтника, который бы научилъ его какъ-нибудь вывернуться изъ такихъ крутыхъ и неизбежныхъ по видимому обстоятельствъ. Не повиноваться отцу онъ не могъ, повиноваться ему еще было больнѣе. При воспоминаніи о Манѣ, мурашки бѣгали по кожѣ, а сердце било страшную тревогу, или лучше сказать похоронный маршъ всѣмъ радостямъ, и разрывалось на части; всѣ и все было противъ него. Назвать Маню невѣстою — тогда отецъ не дастъ ему житья не только подъ своею крышею, но и на бѣломъ свѣтѣ.

— Схожу къ Манѣ, по крайней мѣрѣ, что она мнѣ скажетъ... авось вмѣстѣ что-нибудь и придумаемъ... И Андрюша едва успѣлъ дождаться, какъ по всему дому раздался *шпль* и *храпъ*. Онъ заперъ двери гостиной изнутри на ключъ, отыскалъ старое пальто, и прыгнулъ въ окно... Онъ бѣжалъ, робко оглядываясь, потому что яркій свѣтъ мѣсяца измѣнялъ ему, и всякая тѣнь тротуарнаго столба казалась ему то тѣнью отца, то тѣнью Ивана Тимофѣича. Достигнувъ за вѣтной квартиры, онъ увидѣлъ въ освѣщенныхъ и едва задернутыхъ кисейными занавѣсами окнахъ, двѣ мужскія, расхаживающія по комнатѣ тѣни.

Андрюша быстро влетѣлъ по знакомой лѣстницѣ, и съ бьющимся сердцемъ постучался у передней. Заспанная Мироновна не скоро отперла, узнала его и обрадовалась.

— Ахъ родной... Андрей Дмитричъ! Какъ *судырь* поживаете? Все ли въ добромъ?... спрашивала она, стоя на порогѣ.

— Живу-то живу. Здорова ли Марса Спиридоновна? Ну что, Антонъ здѣсь?—И не дожидаясь отвѣта, Андрияша нетерпѣливо наступалъ на старуху.

— Антонъ Антоничъ, *судырь*, былъ, да только что передъ вами ушелъ; чуточку вы его не застали... отвѣчала Мириновна стараясь удержаться на мѣстѣ.

— Да что-жъ ты меня не пускаешь?

— Не во время пожаловать, *судырь*, изволили. Вотъ завтра пожалуйте, а сегодня позднечко, дверь заперта, родной Андрей Дмитричъ!..

— Никакъ ты старая съ ума спятила, али черезъ-чуръ хлебнула? Дверь заперта — развѣ для меня дверь можетъ быть заперта? — И не слушая болѣе старухи, онъ едва не сшибъ ее съ ногъ, ворвавшись вихремъ въ переднюю, и однимъ прыжкомъ очутясь у дверей залы, Андрияша положилъ руку на ручку замка. Дверь была въ самомъ дѣлѣ заперта. Онъ невольно остановился: изъ гостиной доносились до него мужскіе голоса и звонкій смѣхъ Секлетей Лукишны. Марюша тихо и нѣжно пѣла:

«Не шей ты мнѣ матушка,

«Красный сарафанъ...»

Какъ пѣла нѣкогда для него, когда бывала въ духѣ и не капризничала.

— У васъ гости?.. Кто? спросилъ Андрияша дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ.

— То-то и есть, что гости, а вы, *судырь*, и слушать не хотите, что я говорю... отозвалась правоучительно Мириновна.

— Право, старуха, мнѣ ни до кого... Мнѣ нужно видѣть Марю Спиридоновну... Мнѣ не хочется, чтобы чужіе меня видѣли. Поди, пожалуйста, вызови ее сюда!..

— Что это, Андрей Дмитричъ! Ну время ли ее теперь вызывать... что вы, родимой мой! Вѣдь капитанъ въ гостяхъ... Да онъ, *судырь*, сломаетъ васъ какъ тросточку... и

вась-то жаль! да изъ-за чего же и содомъ-то заводить, сами разсудите...

— Капитанъ!... Не пускають!... прошепталъ Андрюша, и вмигъ, какъ будто кто нибудь сдернулъ повязку съ глазъ его, онъ прозрѣлъ, догадался въ чемъ дѣло, и ярость и ревность закипѣли въ его груди. Онъ готовъ былъ зубами растерзать своего соперника и занесъ уже кулакъ, чтобъ постучать въ двери....

— Родной Андрей Дмитричъ! изъ эвтаго вѣдь, ей-ей.... для вась хорошаго ничего не будетъ!... только шумъ затѣете; ужъ лучше, *судырь*, съ капитаномъ-то и не связывайтесь, вѣдь онъ бѣдовой, да и только; такъ ужъ, лучше, завтра безъ него пожалуйте....

— А!... она поетъ, ей весело!... почти вѣ себя вскричалъ молодой человѣкъ. Слезы такъ и просились ему на глаза.

— Да не кричите, *судырь*! Изъ чего вы, родной мой, хлопочете-то?... Ну, изъ чего?... старалась уговаривать его Мироновна.

— Правда твоя! сказалъ Андрюша вслухъ, и отошелъ отъ двери. — Такъ скажи же ей... скажи... и Андрюша, не договоривъ, также быстро оставилъ переднюю, какъ и вошелъ въ нее, къ изумленію Мироновны, которая не надѣялась такой развязки.

Тѣмъ же путемъ возвратился Андрюша въ домъ, котормъ и вышелъ изъ него. По счастью никто не замѣтилъ его отсутствія. Къ разсвѣту, онъ уже довольно хладнокровно разсуждалъ о своемъ разбитомъ кумирѣ, и о собственной участи обманутаго любовника. По врожденному добродушію онъ не могъ ненавидѣть измѣнницы, но уже и не любилъ ее. Чувства его успокоились; казалось, сама судьба хлопотала о его непремѣнной женитьбѣ, устраняя всѣ препятствія.

Черезъ недѣлю Алена Калинишна съ весьма озабоченнымъ видомъ, на всѣхъ парусахъ, принеслась въ домъ Подшвинныхъ. Пригладивъ ладонью вѣчно-разбивающіеся свои волосы, она таинственно вынула изъ кармана исписанный кругомъ листъ бумаги, и подала его Дмитрію Андресвичу въ присутствіи жены и сына.

— Роспись, отецъ мой!

— Отъ кого, Калинишна? Отъ Писцовыхъ?...

— Нѣтъ, Дмитрій Андреевичъ, куда Писцовы! Такъ и ломаются! Ужъ я хвалила, хвалила и жениха, и весь домъ вашъ благодатный... *Куды-те*: «Катенька молода еще!» пишеть мать: «да и женихъ-то еще молодъ! Удивляюсь, что, Дмитрій Андреичъ такого молоденькаго сына хочетъ женить», говоритъ отецъ... Ну, Богъ съ вами, отцы мои! сказала я, да и раскланялась... Роспись-то я захватила у Лутошкиныхъ!...

— Что больно, въ самомъ дѣлѣ, Писцовы ломаются?... что за невидаль!... развѣ мы хуже ихъ?... замѣтилъ съ до-садою хозяинъ. — Кажется, и у Лутошкиныхъ-то дѣвица порядочная... Посмотримъ на приданое!... И Дмитрій Андреевичъ усѣлся къ самой свѣчкѣ, осмотрѣлъ внимательно бумагу и принялся читать едва не по складамъ:

«Роспись приданому:

«Бла... благо... слов...», что-то не разбираю, какъ связно писано!... Андрей, прочти-ка! молвилъ Дмитрій Андреевичъ, передавая роспись сыну.

Андрюша неохотно взялъ бумагу, откашлялся и сталъ читать:

«Благословеніе Божіе, три образа въ серебряныхъ ризахъ и золоченыхъ вѣнцахъ.

«Тридцать золотниковъ жемчугу.

«Серьги алмазныя большія.

«Другія алмазныя, по-меньше.

«Третья, изумрудныя.

«Четвертыя, бурмицкихъ зеренъ.

«Пятыя, сердоликовыя.

«Цѣпочка золотая.

«Браслетъ съ бирюзами.

«Три алмазныя кольца.

«Три червоннаго золота.

«Восемь перстеньковъ разныхъ.

«По дюжинѣ ложекъ столовыхъ, десертныхъ и чайныхъ.

«Солонка, подносъ и два стаканчика серебряные.

«Пять салоповъ: зимнихъ два, новыхъ, на лисьихъ мѣхахъ, съ собольими воротниками, и три поношенныхъ.

«Пять салоповъ лѣтнихъ.

«Четыре шелковыхъ платья, новыхъ.

«Два шелковыхъ поношенныхъ.

«Семь платьевъ шерстяныхъ.

«Пять кисейныхъ.

«Двѣнадцать ситцевыхъ.

«Шаль черная, двойная.

«Шесть платковъ шалевыхъ, новыхъ.

«Мантилья бархатная, съ блондами....»

И пошелъ, и пошелъ Андрей Дмитричъ.... Все было написано въ росписи — отъ спальныхъ кофтъ, отъ чулковъ и башмаковъ до таза и рукомойника.

— Кажется, довольно порядочно, Дмитрій Андреичъ! замѣтила сваха, когда женихъ кончилъ.

— Какъ! а деньгами-то развѣ ничего?... Чѣмъ десять-то салоповъ давать, такъ не лучше ли бы тысячу-другую деньгами... сказала Дмитрій Андреевичъ.

— Они говорятъ, что, дескать, деньгами дадутъ, только въ росписи не хотятъ ихъ означить.... А приданое-то, отецъ мой, не худо, какъ вы хотите!...

— Ну, Алена Каливишна! По ихнему состоянiю не стыдно-бы вмѣсто муслиноваго занавѣса къ постелѣ дать штофный! Еще первую хотятъ отдавать!... сказала Марья Борисовна. — Да и шаль-то одна и то черная.... Какой парадъ для молодой, черная шаль, сама посуди!... Надобно другую, бѣлую... непременно надобно!...

— Хорошо, мать моя, Марья Борисовна; я непременно переговорю на счетъ шали; можетъ и согласятся дать другую, а на счетъ занавѣса невѣстина, маменька сказала: «дескать, мы въ состоянiи дать и шелковый, да подъ кисейнымъ-то какъ-то постель веселѣе показываетъ.»

— Да, она себѣ на умѣ... замѣтила хозяйка.

— Ты что скажешь, Андрей? обратился отецъ къ сыну: — что о приданомъ-то скажешь?...

— Не знаю я, тятенька-съ, какъ вамъ сказать, я не знаю-съ, воля ваша-съ! отвѣчалъ Андрюша спокойно, думавшій очень равнодушно о своей женитьбѣ.

Значить, ты тутъ ничего не-смыслишь? Ну, ничего,

какъ нибудь уладимъ... почти весело молвилъ Дмитрій Андреевичъ, очень довольный покорностью сына.

— Однако, мы о приданомъ-то хлопочемъ, а невѣсты почти не знаемъ.... Видѣла я ее еще дѣвочкою... помнится, бѣлобрысинькая, на мать смахиваетъ... сказала мать.

— Я ее тоже разъ какъ-то видѣлъ; кажется, порядочна; впрочемъ, ужъ я слѣпъ становлюсь. А издали-то всё хороши... молвилъ отецъ.

— Ужъ могу васъ завѣрить, что она не бѣлится, не румянится, какова вблизи, такова и издали.... А на счетъ *карактера*, мать моя, Марья Борисовна, такъ сущій ангелъ; придешь, расцѣлуешь, посадить, и уговориться не можетъ, то про того, то про другога спрашиваетъ!...

— А ты что объ невѣстѣ скажешь? видѣлъ ее или нѣтъ? спросилъ Дмитрій Андреевичъ жениха.

— Я... я-съ... не знаю, какъ вамъ сказать-съ; помнится, когда-то видѣлъ, только не успѣлъ замѣтить-съ! И Андриуша не лгалъ. Въ послѣднее время умъ и сердце его были заняты Марѳушей, кромѣ ее онъ никого не хотѣлъ ни видѣть, ни замѣчать. До этого знакомства онъ жилъ только между прошлыми и будущими побоями, и мысль его постоянно была устремлена на то, какъ бы только ускользнуть отъ *родительскихъ* кулаковъ.

— Ха! ха! ха! да у насъ женихъ-то, словно, красная дѣвушка! Онъ на невѣстѣ и смотрѣть-то, кажется, боится... замѣтила весело сваха.

Андриуша покраснѣлъ, онъ вспомнилъ свои похождения.

— Мы за него посмотримъ... весело молвилъ отецъ, но вдругъ вздохнулъ, тоже вспомя похождения сынка, и прибавилъ: — Нынѣшняя молодежь, Калининна, хитра, притворяется умѣть, а при случаѣ, пожалуй, и опытнаго-то за носъ заткнетъ.... Однако, невѣсту посмотрѣть не мѣшало-бы?... Ась?...

— Хорошо, отецъ мой! Я доложу о вашемъ желаніи, можетъ, они назначатъ, гдѣ можно вамъ будетъ невѣсту видѣть; аль просто къ себѣ пригласятъ.... Ужъ я устрою, устрою, будьте благонадежны.... Да что я дочки-то вашей не вижу?... Здоровы-ли онѣ....

— У Фени что-то зубы болят, отвѣчала Марья Борисовна.

Въ слѣдующее воскресенье предувѣдомленная свахою семья Подошвиныхъ (кромѣ Федосьи Дмитревны, которая, подвязавъ щеку, упрямо отсиживалась въ своей комнатѣ) отправилась къ ранней обѣднѣ въ дѣвичій монастырь смотрѣть невѣсту, которая, разряженная въ пухъ и прахъ, стояла, потупясь, возлѣ матери.

Андрюша какъ-то не смѣлъ, и все пятился, Марья Борисовна тоже совѣстилась пристально смотрѣть на дѣвушку; за то Дмитрій Андреевичъ, ставшій немного впереди невѣсты, часто обертывался и безъ церемоніи оглядывалъ ее съ ногъ до головы, отчего невѣста краснѣла и еще болѣе потуплялась.

Калинишна то-и-знай подбѣгала то къ тѣмъ, то къ другимъ; то шепталась съ матерью невѣсты, то подталкивала подъ бокъ жениха. А женихъ? онъ видѣлъ, что на невѣстѣ розовая шляпка и черный бурнусъ — болѣе онъ ничего не видалъ.

— Ну что, понравился-ли вамъ мой товаръ? спрашивала Подошвиныхъ сваха на другой день.

— На мои глаза дѣвушка, что дѣвушка! отвѣчала Марья Борисовна: — Не знаю, что женихъ-то нашъ скажетъ?...

Женихъ промолчалъ.

— А я вотъ что скажу, отозвался отецъ: — если дадутъ три тысячи серебромъ, да брилліантовую пряжку (фермуаръ) къ жемчугу, рублей въ двѣсти серебромъ, да занавѣсъ шелковый, да бархатный зимній салопъ, ну, такъ еще ничего, туда и сюда, еще можно взять....

Сваха вытаращила глаза.

— Что это, отецъ мой, ужъ больно много просите. Можеть, невѣста вамъ не понравилась? Кажется, чѣмъ хуже? кругленькій огурчикъ, да и все тутъ — не уродъ какой нибудь, ни кривая, ни косая....

— Разноглазая! сказалъ хозяинъ.

— Разноглазая?

— Да, разноглазая.... Одинъ глазъ карій, другой сѣрый....

— Что вы, отецъ мой, Дмитрій Андречъ! Бога вы не боитесь! дѣвушку занапрасно обижать изволите....

— Я не думалъ обижать, отвѣчалъ онъ нетерпѣливо.

— Да вѣдь это вамъ показалось, ей-ей, показалось такъ отъ свѣчекъ, свѣчки больно ярко тутъ, у образа, горѣли... вамъ показалось....

— Что разноглазая-то? Ну, ужъ, вовсе не показалось; я все смотрѣлъ, что она больно потупляется.... словно, глазъ не показываетъ.... Вдругъ, какъ взглянетъ, одинъ глазъ сѣрый, другой карій....

— Отецъ мой, Дмитрій Андречъ! показалось, ей-ей, показалось; ну, да спросите вы Андрея-то Дмитрияча, она ему, можетъ, и *пондравилась*?... Андрей Дмитричъ, батюшка, ну, вы-то на это что скажете? продолжала сваха, обращаясь къ жениху.

— Что мнѣ сказать-то? я... я... что-то не замѣтилъ... хороша, кажется... точно... бы... да, впрочемъ, какъ угодно имъ... отвѣчалъ Андрияша, показывая глазами на отца.

— Я сказалъ, что если дадутъ три тысячи, ну, хоть по крайности, двѣ... тогда, а безъ того, Калинишна, мы не согласны.... Подождемъ, *женихъ не малина*, не облетитъ... подождемъ, и другая невѣста сыщется!...

— Какъ вамъ угодно... Пожалуй передамъ имъ и на счетъ двухъ тысячъ. Однако прощайте! и сваха ушла съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Когда пришла Анна Борисовна, Дмитрій Андречъ урядья и ее, также какъ и Калинишну, что Лутошкина невеста разноглазая. Конечно, его словъ не подтверждали, ни жена, ни сынъ, и Анна Борисовна не совсѣмъ безусловно вѣрила, но отъ этого не легче — сватовство разстроилось.

— Да зачѣмъ вамъ далеко за невѣстой ходить! знаете Запонкову? Сосѣдка, въ одной улицѣ съ вами. Конечно она можетъ и постарше Андрияши, ей, я думаю, двадцать третій годъ есть, да она такая тощенькая и моложавенькая, что право не старше осмнадцати показываетъ, ну и не слишкомъ *краснаго лица*, да гдѣ у насъ красавицы-то? Повывелись! А ужъ какъ кротка и умна, такъ я поручиться въ томъ готова... милая дѣвушка! я много ей въ приданое

бѣлья перешила. Бѣлье можно сказать прекрасное... говорила Анна Борисовна.

— Ну, невѣста-то не изъ красныхъ, сестрица! такъ себѣ, изъ дурныхъ-то повыбилась, а до хорошенъкихъ не дѣшла, замѣтила Марья Борисовна.

— Я думаю приданое у нихъ дрянное; знаю, покойный отецъ-то торговалъ такъ себѣ, *ни шатко, ни валко, ни на сторону*, какъ говорится... молвилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Конечно приданое не самое богатое, да и не худое, а бабушка-то умереть, кому деньги откажетъ? Все ей; она одна наслѣдница... А говорить у старухи тысячъ пять (ассигнаціями) въ приказѣ, да больше того въ процентахъ по разнымъ рукамъ. А ужъ какая хозяйка Лизавета Алексѣевна (имя невѣсты), что любо смотрѣть! Вѣдь домъ-то весь на ея рукахъ. Мать-то вотъ ужъ полтора года какъ съ постели не встаетъ. А ужъ какая умница, безотвѣтница!..

— Что это видъ-то у ней, какъ будто всегда *сурьезный*?.. замѣтила Марья Борисовна.

— Да она не франтить, не фитить и хвостомъ не вертитъ какъ другія; знать ужъ у ней нравъ такой! А нечего сказать, мнѣ нравится эта дѣвушка. Еслибы можно, я бы взяла ее за Васю; да гдѣ, не согласятся выдать за такого бѣднаго жениха...

— Какъ бы узнать, есть ли у старухи деньжонки-то? мало ли что говорятъ люди, *не всякому слуху вѣрь*, въ чужомъ карманѣ мудрено деньги считать... сказалъ отецъ.

— Конечно, *смерть животы кажетъ*... отвѣчала Макова.

— Ну, а тебѣ Андриуша *идравится* ли Запонкова? спросила Марья Борисовна сына.

— По моему ничего, кажется порядочна. Если вамъ *мамонька, нравится*, то мнѣ все равно-съ, отвѣчалъ равнодушно женихъ.

Дмитрію Андреевичу очень пріятно было, что сынъ не вмѣшивается даже въ свою собственную женитьбу, представляя родительской волѣ, разсудку и вкусу выбрать за себя невѣсту.

И въ семейномъ ареопагѣ было рѣшено — свататься къ Запонковой.

Лизавста Алексѣевна, или Лиза, какъ называли ее мать и бабушка, была дѣвушка *не изъ краснаго лица*, какъ выражалась о ней Анна Борисовна, и какъ вообще выражаются почти всѣ привольскія горожанки; но за то она была такъ привлекательна, что нельзя было не полюбоваться на ея стройную, высокую фигуру, на стройную лебединую шею, на маленькую граціозную головку, клонившуюся подъ тяжестію густой длинной черной косы, едва сдерживаемой гребнемъ. Привольское купеческое общество говорило объ ней, что она только *изъ дурныхъ повывилась*, потому что ея красота не удовлетворяла его требованіямъ. Лиза была ни толста, ни бѣла, ни даже румяна; лицо ея было блѣдно и смугловато. Въ нравственномъ отношеніи она стояла гораздо выше многихъ купеческихъ дѣвицъ города Привольска. Отецъ ея, умный отъ природы и любознательный, образовавшій себя по возможности чтеніемъ, до котораго былъ страстный охотникъ, хотѣлъ дать дочери хоть какое-нибудь образованіе — но кому поручить малютку?

Старыхъ дѣвъ и вдовъ, которыя учили въ Привольскѣ дѣтей псалтырю по складамъ, не понимая сами смысла того, что преподавали, Запонковъ не любилъ; у дьячковъ учились только мальчики. Женскихъ же школъ въ городѣ совсѣмъ не было; была правда какая-то русская мадамъ, носившая нѣмецкую фамилію и содержавшая женскій пансіонъ, и думалъ было Запонковъ отдать свою Лизу къ ней; но мать и бабушка уперлись.

— Развѣ нужно намъ, чтобы Лиза болтала по французски да плясать умѣла? говорила мать: — Научится всѣму этому, такъ неученую-то мать пожалуй и въ грошъ не будетъ ставить — я, дескать, въ пансіонѣ воспитывалась, да! Да ужъ тогда батюшка и прискивай ей въ женихи барина; пойдетъ ли она за купца? да и купцы-то бѣгать будутъ; дескать, танцовщица — гдѣ намъ?...

— Мы и неученныя, да вѣкъ-то прожили, слава Богу, возражала бабушка: — А ужъ коли нынче свѣтъ такой пошелъ, такъ поучили дѣвочку читать, ну и будетъ, а писать зачѣмъ? для чего ей письмо? вѣдь не въ лавкѣ ей торговать... Вотъ мальчикъ, другое дѣло!

Запонковъ взялъ бы для дочери, можетъ быть, и гувернантку въ домъ (хотя гувернантки неохотно идутъ въ купеческіе дома, предпочитая дворянскіе, гдѣ жить по свободнѣе), но свободной, въ то время въ городѣ не оказалось. Раздумывая такимъ образомъ, заботливый отецъ попалъ мыслью на одного знакомаго старичка, бывшаго учителя уѣзднаго училища, охотника поговорить, бывавшаго часто у Запонковыхъ, и обратился къ нему.

Петръ Денисьевичъ, съ пряжкой за двадцать пять лѣтъ и съ пенсіономъ вышедшій въ отставку, жилъ одиноко гдѣ-то въ подгородной слободѣ и очень обрадовался, когда Запонковъ предложилъ ему квартиру въ своемъ домѣ и небольшую плату за ученье дочери.

Вскорѣ послѣ переговоровъ съ Запонковымъ, онъ переехалъ къ нимъ и ученье началось.

Началось ученье. Петръ Денисьевичъ не былъ сухимъ педагогомъ, а преподавателемъ добросовѣстнымъ; онъ какъ-то умѣлъ поэтизировать самыя сухіе предметы, отвѣчая на вопросы любознательной дѣвочки такъ удовлетворительно ея дѣтскимъ понятіямъ, что заставлялъ Лизу полюбить ученье. Онъ преподавалъ русскую грамматику, краткую исторію Россіи, но болѣе всего заставлялъ читать хрестоматію Галахова. Отрывки образцовыхъ произведеній пробуждали въ дѣвочкѣ природныя чувства ко всему прекрасному и она уже въ дѣтствѣ порывалась читать, да такъ, что чуть свободное время, она бралась не за куклы, а за какую-нибудь книжку.

Между тѣмъ самъ учитель, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, съ жаромъ юности иногда декламировалъ Пушкина, собираясь самъ написать какую-то поэму; читалъ Лизѣ вслухъ тирады изъ Гамлета, отъ которыхъ у нее духъ захватывало и слезы лились ручьемъ.

У Петра Денисьевича у самого было начато нѣсколько драмъ и трагедій, которыя онъ не могъ кончить; было пять или шесть переводовъ, которые не подвигались впередъ.

Мудрено ли, что такой учитель былъ не совсѣмъ остороженъ съ своей ученицею, и она десяти лѣтъ могла читать

все, что только попадалось ей подъ руку; страсть къ чтенію быстро развивалась въ дѣвочкѣ. Петръ Денисьевичъ, проживши въ домѣ Запонковыхъ слишкомъ три года, вздумалъ-таки начать писать предполагаемую поэму, и начать ее не-премѣнно бурей. Въ одинъ бурный осенній вечеръ отправился онъ въ поле, чтобъ видѣть бурю въ натурѣ и живѣе передать ее въ стихахъ, промокъ до костей, простудился, и возвратясь слегъ въ постель; а черезъ двѣ недѣли кончилъ жизнь отъ горячки, оплаканный Запонковымъ, который въ немъ лишился пріятнаго собесѣдника, и его дочь, сердечно привязавшейся къ старому учителю. Этимъ воспитаніе Лизы и кончилось.

Оставшись послѣ отца по шестнадцатому году, Лиза наслаждалась послѣ него библиотеку, состоявшую по большой части изъ серьезныхъ книгъ; она съ такою же любовью читала всемірную и отечественную исторію, какъ и «Вѣчнаго Жюда», какъ и Купера и Лажечникова. Чтеніе составляло потребность для ея любознательной души, конечно вмѣстѣ съ тѣмъ головка ея набивалась идеалами, но они только и тѣшили что ея воображеніе, потому что ея здравый разумъ не допускалъ осуществленія ихъ въ жизни дѣйствительной. За порогомъ своего дома она видѣла только тщеславіе своихъ подругъ, праздное любопытство о чужихъ дѣлахъ, сплетни, пустоту и глупость. Все это не удовлетворяло ни ея ума, ни сердца, и она съ бѣльшей любовью возвращалась къ своимъ друзьямъ — книгамъ, или къ постели больной матери, для которой служила единственнымъ утѣшеніемъ. Сердце Лизы до-сихъ-поръ было свободно, она еще не встрѣтила человѣка, на кого бы можно было обратить особенное вниманіе; всѣ, кого она знала — купцы казались ей грубыми и неотесанными, чиновники и офицеры, которые принимались въ тотъ кружокъ, въ которомъ была она, пустыми, ничтожными хвастунами. Влюбиться же при первомъ взглядѣ въ кого-нибудь на улицѣ она не могла, но и въ нее при первомъ взглядѣ человѣку, который любить *хорошеньки*, влюбиться было нельзя.

Однажды послѣ посѣщенія Калиппшны, Лиза слѣла возлѣ постели больной матери, страдавшей ногами. Тонкіе и

длинные пальцы дѣвушки вязали чулокъ, но ея мысли далеки были отъ этой механической работы.

Противъ ея сидѣла бабушка, кругленькая и еще очень живая старушка, въ какомъ-то допотопномъ капотѣ, у котораго талія была чуть не на самой шеѣ.

— Ну вотъ видишь ли Лиза, говорила старушка: — Ужъ тѣ времена прошли, какъ дотолѣ насъ подведутъ бывало къ жениху, а мы и знать не знаемъ, и вѣдать не вѣдаемъ, когда сосватаны, промигнешь слезы-то, да и сядешь возлѣ кого прикажутъ, на сговорѣ-то просидишь цѣлую ночь, а жениха не увидишь, совѣстно посмотрѣть... а нонче? нонче невѣстѣ докладываютъ, — какъ де хочетъ невѣста... Такъ вотъ мы тебя и спрашиваемъ?

Дѣвушка не отвѣчала.

— Послушай Лиза, ты то подумай, вѣдь у Подошвиныхъ сто-тысячъ капиталу... замѣтила мать.

— Развѣ счастье въ однѣхъ деньгахъ, маменька? сказала дѣвушка, подумавъ.

— Послушай, милая, это ты такъ говоришь, потому что книги тебѣ голову вскружили... ну какъ можно безъ денегъ обойтись? Какое тутъ къ праху счастье... какъ ни ѣсть нечего, ни одѣться не во что?.. сказала старушка.

— Можетъ тебѣ не нравится женихъ?.. спросила мать.

— Женихъ, что женихъ! Онъ даже очень хорошій для другой невѣсты, но только не для меня, маменька. Онъ мнѣ младшій братъ и только! Мужъ долженъ быть руководителемъ жены; она должна повиноваться ему, какъ старшему... какой же онъ старшій, когда ему едва минуло восемнадцать лѣтъ, а мнѣ скоро будетъ двадцать четыре, сказала невѣста.

— Это ничего, мой другъ, — часто случается, если жена постарше и поумнѣе мужа, то и его научитъ уму разуму... Изъ молоденькаго мужа все можно сдѣлать, только не будь сама плоха! проговорила бабушка.

— Вы знаете маменька-крестная, сказала Лиза, обращаясь къ бабушкѣ. — У меня не такой характеръ, я притворяться и хитрить не могу; а съ такимъ молоденькимъ мужемъ, можетъ придется нянчиться какъ съ ребенкомъ, да и любить-то онъ такую старуху будетъ какъ нянюшку!..

— И она засмѣялась.

— Вздоръ, вздоръ! ты у насъ не дура; тебѣ только стоить захотѣть!

— Покорно васъ благодарю-съ!— И дѣвушка, првставъ поклонялась старушкѣ: — только вотъ я вамъ что еще скажу, едва-ли я въ этой семьѣ буду счастлива... Конечно, я только вполовину вѣрю тѣмъ дурнымъ слухамъ, что идутъ о Подошвиныхъ, но при всемъ-томъ фюзіономіи Дмитрія Андреевича и Федосьи Дмитревны очень не симпатичны!..

— Охъ, какія мудренныя слова ты говоришь Лиза! полно душа моя... не съ свекромъ, не съ золовкой тебѣ жить-то, — хорошъ бы былъ мужъ; говорится: *свѣтилъ бы мѣсяцъ, а звѣзды естъ коломъ!*

— Хорошо вамъ такъ говорить; а для женщины, которая поступитъ въ это семейство, можетъ быть предстоить великая и тяжкая борьба?..

— Полно Лиза! Вздоръ милая! никакой борьбы тутъ нѣтъ, просто за-просто уважай и почитай свекра и свекровь, какъ своихъ кровныхъ родителей; что прикажутъ, повинуйся; золовку люби какъ сестру родную; мужа люби и уважай; ничего, что помоложе тебя, у меня у самой покойникъ былъ моложе меня пятью годами, да не брезгалъ, любилъ меня, дай ему Богъ царство небесное!.. Старушка перекрестилась. — Дай-то Богъ, какъ бы тебѣ Лиза, мое счастье Богъ далъ, жила-то я всю жизнь, ни слезки при немъ другѣ не выронила... да! А высокоумія-то своего не выставляй, — въ чужомъ монастырѣ своего устава не показывай!..

— То есть, не живи своимъ умомъ, не мысли своей мыслью, отрѣшись отъ своей воли... сказала грустно Лиза.

— Воля! Господи помилуй! я всегда говорила что зачитаешься, знать такъ и есть... воля! да на что тебѣ воля-то!.. воля-то милая всегда въ неволю заводитъ... да какъ ты бухнула такое словечко? развѣ ты не знаешь, какія по волѣ-то бѣгаютъ! да развѣ честной дѣвщѣ слѣдъ говорить и думать про волю?... говорила бабушка въ сильномъ негодованіи.

Видя, что слова ея были поняты въ превратномъ смыслѣ, Лиза грустно посмотрѣла на старушку, и невольно улыбнулась.

— Замужемъ, мой другъ, о волѣ и не думаютъ, — иди туда, куда отпустятъ... Вотъ, напримѣръ, къ матери захочется побывать, попросишь, и на лошаdkѣ привезутъ... У Дмитрія Андреевича лошадка есть... продолжала старушка смягчаясь: — да и въ приданомъ-то Подошвины не забываются, это первое счастье... ну, Лиза, я тебѣ свои серьги грушами подарю... На жемчугъ мплая не надѣйся, будь довольна материнскимъ жемчугомъ, изъ своего я обѣщалась на образъ ризу снизвать!..

— Подумай, Лизанька, и если будешь согласна, они желаютъ на тебя посмотрѣть, просили назначить, гдѣ тебя можно видѣть? Конечно, и ты захочешь жениха узнать! А желала бы я, Лиза, видѣть тебя пристроенною, покуда жива; знаю что болѣзнь моя неизлѣчима, и часть отъ часу все ближе я къ гробу. Видя тебя замужемъ, зная что ты пристроена, я бы тебя спокойно благословила и закрыла глаза... Останешься съ бабушкой, она тоже старушка старая... Конечно, о Подошвинѣ самомъ идетъ не совсѣмъ хорошая слава, но Марья Борисовна смиренная, прекрасная женщина... Андрей Дмитричъ лицомъ по матери, говорятъ и характеромъ по ней... Впрочемъ я тебя не принуждаю... говорила мать.

— Однако вы желаете, маменька?

— Да, Лиза. Я бы желала тебя видѣть счастливою, желала бы, чтобы ты меня успокоила...

Дѣвушка заплакала.

— Я бы желала, маменька, желала-бы не выходить замужъ; теперь только вы — одна у меня забота... а тогда... Она схватила и съ жаромъ поцѣловала руку матери: — крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ денька два подумать!..

— Тебя никто не торопитъ, мой другъ, и никто не неволить... сказала мать утирая слезы.

Въ эти срочные два дня Лиза много плакала, много молилась и думала; всѣ эти размышленія привели ее къ тому рѣшенію, что мать ее ужъ не жилица на этомъ свѣтѣ, что бабушкѣ уже восемьдесятъ четыре года, а всѣ старые крѣпкіе люди, никогда нехворавшіе, обыкновенно умираютъ внезапно, и она останется круглою сиротою. Въ городѣ у нихъ

никого вѣтъ родныхъ, потому что ея родители пріѣхали изъ-далека, а тамъ, на дальней родинѣ, остались только троюродныя сестры ея матери. Отецъ и на родинѣ былъ круглымъ сиротою. Къ тому-жъ она знала Андриюшу; онъ былъ хорошъ собой, слухи носились, что онъ тихаго, добраго нрава, съ добрымъ сердцемъ и прочее... что ненавидитъ и гонитъ его характерный и жестокой отецъ напрасно. А гонимая, страдающая молодость и красота, всегда и вездѣ находила къ себѣ участіе, особенно, въ женскомъ сердцѣ. Шалостей и пороковъ Андриюши Лиза не знала. Правда, однажды, гдѣ-то одна старушка между прочимъ сказала и объ Андриюшѣ, — что дескать «попиваетъ». Всѣ случившіяся тутъ женщины, такой подняли гвалтъ въ защиту Андрея Дмитрича, стараясь другъ друга перекричать и доказывая на перерывъ, что дескать — сыну такого отца не только шалости какія дѣлать, да и подумать-то о томъ въ умъ не придетъ!.. Вотъ какъ были популярны въ городѣ и строгость Дмитрія Андреевича и степенность его сына.

— Ну что мой другъ, на что ты рѣшилась?.. спросила, мать, когда послѣ извѣстнаго срока, дочь съ растроенымъ и озабоченнымъ лицомъ и съ заплаканными глазами, вошла къ ней.

— Я рѣшилась, маменька... отвѣчала дѣвушка, и рыдая бросилась къ ней на шею.

— Теперь надобно подумать и устроить смотръ? молвила мать, освобождаясь изъ объятій дочери.

— Конечно, я надѣюсь, что меня не поведутъ куданибудь на смотръ, какъ лошадь или корову... а если имъ угодно, пусть пожалуютъ къ намъ... я ихъ угощу, какъ могу... Да и вы, маменька, сами можете видѣть тогда жениха!.. сказала дочь.

Мать и бабушка согласились.

XI.

Вечеромъ въ слѣдующее воскресенье Андриюша съ родителями былъ приглашенъ Калнинишною къ невѣстѣ, такъ

тайственно, что даже и Федосья Дмитревна не знала куда они поѣхали и думала что къ Маковымъ. Всегда подвязанная, она наружно жаловалась на зубную боль, а внутренно страдала тѣмъ, что всѣ ея планы такъ нечаянно разрушились, и обдумывала снова какимъ бы способомъ получить ей часть отцовскаго капитала, поболѣе той, которая ей слѣдовала по закону. Комнату свою Федосья Дмитревна оставляла только тогда, когда одолевало ее любопытство, въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу члены семейства. Но замѣчая, что отецъ какъ-то прismsрѣлъ, мать повеселѣла, братъ сдѣлался развязнѣй и принялся смѣло за дѣла, которыхъ отецъ прежде никогда не поручалъ ему, уходила съ досадою опять къ себѣ. Она ничего не знала о сватовствѣ брата съ Запонковой, потому что Марья Борисовна, ни за что на свѣтѣ не хотѣла сообщить дочери ни желаній, ни предположеній своихъ. О самомъ Андрюшѣ и говорить нечего. Онъ не говорилъ съ ней съ самого четвертаго іюля, да и самъ Дмитрій Андреевичъ, живо помня ея корыстолюбивыя притязанія на наслѣдство, сдѣлался какъ-то къ ней холоденъ, не справлялся о ея болѣзни и не предлагалъ лѣкарствъ, какъ прежде. И такъ Федосья Дмитревна ничего не знала.

Подошвины провели вечеръ у Запонковыхъ такъ пріятно и непринужденно, какъ и не ожидали. Сначала Дмитрій Андреевичъ все больше молчалъ и оглядывалъ все, что находилось въ комнатѣ; а потомъ мало-по-малу разговорился съ старушкой бабушкой. Разговоромъ конечно управляла Калининна, приправляя шутками и прибаутками каждую рѣчь. Словохотливая старушка вспомнила старину и рассказы лились рѣкою; Марья Борисовна придакивала впопадъ и не впопадъ, скромно и ласково поглядывая на свою будущую невѣстку; Лиза сначала немножко робѣла, но потомъ, когда подали самоваръ, она призвала себѣ на помощь присутствіе духа, усѣлась въ гостиной за чайный столикъ и съ ловкостью гостепрѣимной хозяйки принялась подчивать гостей. Скромно и умно, безъ всякой натяжки и жеманства (неотъемлемыя качества привольскихъ невѣстъ), отвѣчала она на разные вопросы Дмитрія Андреевича и Марьи Борисовны. Она

была такъ проста и непринужденна, какъ будто въ родной семьѣ, и такъ мила въ простомъ бѣломъ платьѣ и въ пунцовомъ маленькомъ галстучкѣ, хотя отъ бѣлаго цвѣта казалось еще смуглѣе. Большая мать любовалась ею въ полурастворенную дверь, съ своей постели, любовалась и женихомъ, который не зналъ, что говорить и молча похаживалъ по комнатѣ, поглядывая на темныя старинныя картины и гравюры въ золоченыхъ рамахъ, за которыя конечно Дмитрій Андреевичъ не далъ бы ни гроша, но которыя свидѣтельствовали о развитомъ вкусѣ и любви къ изящному покойнаго отца Лизаветы Алексѣевны.

Послѣ чая Марья Борисовна пожелала видѣть больную хозяйку, введена была къ ней, и съ участіемъ спрашивала о всѣхъ подробностяхъ ея болѣзни. Тѣмъ временемъ Дмитрій Андреевичъ завелъ опять съ бабушкою нескончаемую бесѣду о старинѣ.

Алена Калипишна подошла къ жениху и шепнула:

— Что это, Андрей Дмитричъ, комнату-то мѣряете, а съ невѣстой ни полслова? Вѣдь-этакъ-съ, смѣю вамъ доложить, женихи не дѣлають-съ!

Андрюша вспыхнулъ; ему въ самомъ дѣлѣ было и совѣстно и не ловко. Но о чемъ заговорить съ дѣвушкой, онъ не зналъ... Послѣ чая Лиза сѣла въ уголокъ у окна и невольно задумалась. Андрюша, увидѣвъ на окнѣ какой-то журналъ, за весь годъ, который Лиза взяла у знакомыхъ, и не успѣла еще прочесть, обратился къ невѣстѣ.

— Сколько у васъ книжекъ-съ! Кто это изволить у васъ чтеніемъ заниматься-съ?

— Я-съ, отвѣчала Лиза.

— Вѣрно вы охотницы-съ? Да вѣдь надобно же и время — прочесть такую пропасть!

— Чтожъ, — я рѣдко хожу со двора — и для книги всегда могу найти время...

— Оно такъ-съ... если у кого есть охота. И вамъ не скучно-съ?

— За книгою-то?... о, нѣтъ! помилуйте!...

— Я тоже имѣлъ прежде наклонность... А какія болѣе изволите читать: — романческія или театральныя-съ?

— Какія придется, отвѣчала Лиза неволью улыбаясь.

— Не читали ли вы-съ... есть славная книжка-съ, подъ названіемъ: «Прекрасная Магометанка»-съ?

Лиза увидѣла бездну, которая нравственно раздѣляла ее отъ Андрюши, и грустно взглянула на него.

— Не читали-съ?

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвушка, хотя «Прекрасная Магометанка», была ей хорошо извѣстна.

— Совѣтую прочитатъ, какъ тамъ Кавказъ описывается.. Презанятно-съ.

Лиза, знакомая съ Кавказомъ по Марлинскому и Лермонтову, съ сожалѣніемъ посмотрѣла на жениха.

— А теперь вы что читаете? спросила она.

— Теперь? ничего-съ... Помилуйте, торговля, когда-съ! нѣкогда пустяками заниматься-съ!

— Какъ!.. по вашему чтеніе совершеннѣйшіе пустяки?... спросила она, поднявъ на Андрюшу свои кроткіе глаза.

Молодецъ смутился и покраснѣлъ.

— Не то-съ... нѣтъ-съ... чтеніе... какъ можно-съ. Чтеніе образуетъ умъ-съ. Это всякому извѣстно-съ!..

— Чтеніе насъ знакомитъ съ такими предметами и вещами, прибавила Лиза: — что безъ него мы во всю жизнь ни имѣли бы объ нихъ никакого понятія...

— Точно такъ-съ; правда ваша-съ... Да знаете, времени не имѣю-съ, иной разъ такъ устанешь, что не до книгъ-съ, проговорилъ Андрей Дмитричъ, а самъ подумалъ про себя: — Ахъ канальство! какъ умна! говоритъ какъ рѣжетъ, да и не конфузится... а я-то... я-то дуракъ, все конфужусь!..

Кромѣ Федосы Дмитревны и Марѳы Спиридоновны съ компанією, Андрей Дмитричъ не былъ знакомъ ни съ одной молодой женщиной.

Увидя что Марья Борисовна выходитъ изъ комнаты больной, Лиза встала и пошла къ матери.

Вскорѣ новые гости оставили Запонковыхъ.

— Ну что, какова? спрашивалъ Дмитрій Андреевичъ сына, простаясь съ гостепримиными хозяйками и возвращаясь домой.

— Ничего-съ, кажется хороша-съ. Какъ вамъ-съ? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Смугленька, замѣтила мать.

— Не наштукатурилась про тебя, проворчалъ Дмитрій Андреевичъ.

— А кажется скромная и разсудительная дѣвушка? говорила Марья Борисовна.

— Да, по моему- не глупа; говорить такъ и рѣжетъ. Иная вѣдь заговоритъ... заведетъ за здравно, а сведетъ за упокой.. И въ самомъ дѣлѣ, не принужденность и отсутствіе всякаго жеманства въ Лизѣ, производили на Подошвина пріятное впечатлѣніе. Притомъ же онъ разсчиталъ, что родня невѣстки не обременитъ его дома; мать совсѣмъ не выходитъ, бабушка старуха не взыскательная, какъ ему показалось, а только простая говорунья, притомъ же у Лизы, нѣтъ ни отца, ни брата, которые могли бы вмѣшиваться въ домашній бытъ дочери или сестры, и даже пожалуй обстоятъ ее, если надъ нею слишкомъ будетъ тяготѣть деспотизмъ свекра. Также и денежки старушки-бабушки входили въ расчетъ Дмитрія Андреевича.

Проводивъ гостей, Лиза крѣпко задумалась о предстоящей перемѣнѣ своей жизни; она очень ясно видѣла на сколько выше стоять своего жеңиха въ нравственномъ отношеніи. По добродушію своему она старалась отыскать въ своемъ суженомъ всѣ добрыя качества, или лучше сказать, надѣлать его ими.

— Въ немъ есть зародыши всего прекраснаго, размышляла она, ворочаясь на своей постелѣ, хотя давно уже было за полночь: — Но все это заглушено варварскимъ воспитаніемъ... Да, онъ добръ отъ природы.. Какіе у него кроткіе глаза!.. Онъ такъ еще молодъ, правда застѣнчивъ и дикъ, — но ничего... изъ него еще можно сдѣлать человѣка. Конечно сначала будетъ вводить меня въ краску своими смѣшными выходками, но послѣ, и онъ будетъ благодаренъ мнѣ... И мнѣ будетъ пріятно сдѣлать изъ дикара человѣка... Сначала я приучу его къ чтенію... умъ мало-помалу разовьется... мы будемъ читать вмѣстѣ.. конечно не легко, но что же достается безъ жертвъ?.. И я... я готова

на всё попытки, на всевозможное терпѣніе, потому что за ними нужно слѣдить какъ за ребенкомъ; сперва нужно обратиться къ его сердцу... О, Господи! пошли его сердцу нѣжныя чувства. Если онъ будетъ меня любить, то на него легко будетъ дѣйствовать убѣжденіемъ... И дѣвушка страстно предалась мыслямъ о перевоспитаніи будущаго мужа. Мысль эта дразнила и ея воображеніе и самолюбіе. Лиза вскакивала нѣсколько разъ съ постели, принималась ходить по комнатѣ; щеки ея горѣли, сердце сильно билось. Съ полнымъ самопожертвованіемъ обрекала она себя на тяжелый подвигъ.

Черезъ недѣлю назначенъ былъ сговоръ.

Для за четыре до сговора къ Федосьѣ Дмитревнѣ прибѣжала Пелагея.

— Ахъ благодѣтельница вы моя-съ! Все-то у васъ зубки-то болятъ-съ! заговорила она цѣлуя ручку у хозяйки:— хоть бы вы полѣчились! У насъ въ улицѣ живетъ старуха-нищяя, зубы прицѣловываетъ-съ! многимъ бываетъ польза-съ; вотъ бы за ней послали-съ? Можетъ и помогла бы-съ!

— Эхъ перестань! еще лѣчиться! да я рада бы въ землю лечь... да смерть-то меня забыла!.. отвѣчала грустно Федосья Дмитревна.

— Что вы! помплуйте-съ!.. ято на васъ за отчаянность такая-съ!..

— Придетъ отчаянность, какъ ни съ которой стороны никакой пріятности не видишь!

— Перестаньте, сударыня-съ! полѣчите зубки, ну, помплуй Богъ... во время свадьбы болѣть будутъ-съ? Вѣдь это смерть... испытала я на себѣ-съ. Тутъ не до веселья-съ!..

— Э!... *Далеко кулику до Петрова дня...* меня ужъ женихъ-то, Палаша, съ лопатой на кладбищѣ дожидается...

— Перестаньте вы!.. я говорю о свадьбѣ вашего брата-съ...

— Ужъ не опять ли какую-нибудь Спиридоновну? спросила хозяйка нетерпѣливо.

— Что вы! Какая Спиридоновна! Какія вы хитрыя, Федосья Дмитревна-съ! молвила Пелагея подмигнувъ: — будто не знаете-съ?

— Что-же ты, дура, ей-ей, ничего не знаю!...

— Про Запонкову-то-съ?

— Про Запонкову?

— Да-съ. Вѣдь Андрея Дмитрича помолвили съ Лизаветой Алексѣвной?

— Что ты врешь?... почти воскликнула Ѳедосья Дмитревна.

— Право слово не лгу-съ, въ воскресенье стоворъ; у насъ въ домѣ одна женщина для нихъ одѣяло стегаетъ-съ, у нихъ быаетъ-съ!

Нѣтъ словъ выразить, что чувствовала дѣвица Подошвина; сперва она судорожно прискочила на стулъ, потомъ схватила голову обѣими руками и зарыдала.

— Успокойтесь, сударыня, Ѳедосья Дмитревна-съ. Ну за чѣмъ вамъ-то разстраиваться?... конечно обидно, что младшаго прежде старшаго дѣтища пристраиваютъ... да что-же дѣлать! вѣрно судьба вышла вашему братцу-съ!...

— Какъ не обидно, ну... какъ не обидно! свои родные, семейные, скрываютъ отъ дочери родной, какъ отъ шпиона какого-нибудь... Что я?... Развѣ пойду я брата невѣстѣ хаять, что онъ пьяница и распутный?... Хоть онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ, я-же объ немъ благовѣстити не пойду... говорила Ѳедосья Дмитревна рыдая.

— Въ самомъ дѣлѣ, и Лизавету Алексѣвну жаль, если Андрей Дмитричъ не переменится-съ. Она дѣвушка добрая-съ, А можетъ Богъ дать совѣтъ да любовь, и хорошо будутъ жить-съ; за сиротами Богъ... она тоже сирота-съ.

— Знаю я, всѣ онѣ добрыя; *жаль дѣвку, погубили парня. Дѣвушки хороши, красныя хороши, гдѣ-то берутся худыя-то жены?* Знаю, знаю Запонкову, барыню изъ себя представляеть. Въ церковь придетъ, вниманія ни на кого не обращаетъ, какъ будто не видитъ. На колѣняхъ молится, лицемѣрка! хвостъ длинный распустить; всегда подъ вуалью, ишь боится, чтобъ лицо не завѣтрѣло, хоть и похожа на цыганку, особенно въ бѣлой-то шляпкѣ; да что будешь дѣлать, вѣрно показалась сатана... говорила Ѳедосья Дмитревна утирая слезы: — А кто сосваталъ? небось, Калининна?

— Точно такъ-съ, отвѣчала Пелагея.

— Ни дна-бы ей, ни покрышки, проклятой!

Черезъ четыре дня Андрея Дмитрича сговорили, какъ обыкновенно сговариваютъ купеческихъ сынковъ на купеческихъ дочкахъ. Подошвины пріѣхали на сговоръ въ числѣ человѣкъ двѣнадцать; родственники были приглашены только которые по-богаче. Федосья Дмитревна не могла равнодушно смотрѣть на начало самостоятельной жизни брата, котораго она всею душою ненавидѣла, и потому осталась дома.

Дмитрій Андреевичъ по обыкновенію насмѣхался надъ Николаемъ Петровичемъ, тотъ сердился, Анна Борисовна ихъ мирила. Но все это какъ-то непріятно дѣйствовало на невѣсту; тѣмъ болѣе, что съ женихомъ не было рѣшительно возможности вести никакого разговора; онъ молчалъ, ни о чемъ не спрашивалъ, или отвѣчалъ односложно; даже не любопытствовалъ узнать фамиліи невѣстиныхъ подругъ, которыя, какъ стая куропатокъ, толпились въ особой комнатѣ, смотря на гостей въ отворенныя двери. Въ залу онѣ не смѣли войти, потому что тамъ были мужчины. Въ небольшой гостиной не доставало для всѣхъ стульевъ. Лиза вышла къ нимъ.

— Ахъ, Лизанька! какой, у тебя женихъ, душка!...

— Какой красавецъ!... Поздравляемъ!...

— Какая ты счастливица! Вѣдь богачъ?

Шумѣла веселая толпа, окруживъ подругу. Лиза только кивала головкою и улыбалась... Что ей было дѣлать, какъ не улыбаться? Она прошла въ комнату матери; больная обняла ее и заплакала, перекрестивъ ее головку, увѣнчанную бѣлою гирляндю. Дочь только вздохнула.

— Какой красивый, Андрей-то Дмитричъ!... сказала мать: Приведи, приведи мнѣ его, мой другъ! Теперь нечего церемониться, теперь все равно, онъ что сынъ мой.»

Лиза исполнила приказаніе матери и подошла къ жениху.

— Андрей Дмитричъ, васъ проситъ моя маменька къ себѣ!

— Зачѣмъ-съ?...

— Она желаетъ васъ видѣть... для ней пріятно поговорить съ вами...

— Не пойду-съ... Что ихъ безповольтъ-съ...

— Да если она васъ сама просить, такъ значить свиданіе съ вами не составитъ для нее безпокойства, сказала невѣста съ нетерпѣніемъ.

— Да какъ-съ... не знаю-съ... Вѣдь они больны-съ...

Лиза не возразила болѣе на разсужденіе своего жениха, взяла его подъ руку и привела къ постели своей матери. Андрюша не смѣлъ сопротивляться.

На вопросы тещи, Андрей Дмитричь тоже отвѣчалъ односложно. Потомъ откланялся, и поспѣшилъ въ гостиной занять свое мѣсто. Старушка-бабушка усердно подчивала дамъ. Николай Петровичъ, обиженный и осмѣянный дерзко своимъ своякомъ, скрылся въ гостиную, и сѣлъ возлѣ невѣсты. Завести и поддержать разговоръ для него было не трудно, онъ хорошо зналъ ея покойнаго отца. Минуты летѣли, а старикъ и дѣвушка ихъ не замѣчали; отъ ежедневныхъ предметовъ они перешли къ предметамъ болѣе отвлеченнымъ, бесѣда была тѣмъ пріятнѣе, что взгляды ихъ на вещи были сходны.

Въ одиннадцать часовъ Андрюша принялся зѣвать безъ всякой церемоніи.

— Вамъ скучно? спросила сконфуженная невѣста.

— Никакъ нѣтъ-съ... съ чего вы взяли-съ?

— Вы кажется зѣваете?

— Я-съ? То... то... На этотъ разъ онъ прикрылъ ротъ рукою: — Точно-съ... въ одиннадцать часовъ мы всегда ложимся-съ, а теперь... И отъ вынулъ свои золотые часы. — Теперь четверть двѣнадцатаго-съ...

— А я думала что вамъ скучно оттого, что я не умѣю занять васъ?

— Что вы-съ! Помилуйте-съ.

Поднесли подносъ съ десертомъ и Андрюша принялся за варенье. Лиза глубоко вздохнула, слезы такъ и просились на глаза, такъ ей сдѣлалось грустно. Она отошла и сѣла на диванъ возлѣ Анны Борисовны, которая начала съ нею веселый, добродушный разговоръ. Андрюша, сидя возлѣ противоположной стѣны, думалъ смотря на невѣсту: — Хуже Мареуши... сухопарая, да и постарше... Конечно она можетъ смиренная и добрая... а не хороша противъ Марѣы?...

Ахъ, канальство!.. все прошлое-то вспоминается... а славная Маня дѣвка была, рвзбойница! Да что и вспоминать, ужъ не позволили бы на ней жениться... я знаю, что не позволили ли бы... да и она шельма!... капитана подцѣпила. А!... только Лизавета Алексѣевна начитана, канальство... То-то меня муштровать будетъ... А и я-то порядочный болванъ, неотѣсанный болванъ!... Калинишна, выпивши пуншика три и порядочно оттого разкраснѣвшись, подошла къ жениху и прервала его размышленія.

— Ну-ка, Андрей Дмитричъ! Вѣдь пуншики подали... Гости жалуются, что горько... подсластика, а!... и не дождав-шись отвѣта, подхватила его подъ руку и потащила къ невѣстѣ. Тамъ при всеобщей просьбѣ гостей, онъ долженъ былъ поцѣловать свою невѣсту.

— Поддюжинки, поддюжинки! кричала сваха.

— Дюжинку, дюжинку! говорилъ развеселившись Дми-трій Андреевичъ.

— За меня дюжинку!...

— За меня поддюжинки!

— За меня!... За меня!... За меня!... хотѣли перекры-чать другъ друга свекровь, тетка и всѣ гости. Андрюша краснѣлъ и чмокалъ Лизу. Невѣста готова была провалиться на мѣстѣ. Сваха считала поцѣлуи, дамы лукаво подмиги-вали другъ другу; дѣвушки въ сосѣдней комнатѣ смѣялись. Наконецъ скопфуженная невѣста на силу отдѣлалась.

На другой день сговора Подошвинъ нанялъ рабочихъ и принялся отдѣлывать наверху двѣ комнаты для моло-дыхъ. Черезъ мѣсяцъ онъ были отдѣланы, конечно не слиш-комъ удобно, безвкусно и пестро. На все это Федосья Дми-тревна не менѣе того досадовала и злилась.

Сговоренный, какъ слѣдуетъ, навѣщалъ невѣсту каждый день, носилъ ей гостинцы и подарки, на которые Дмитрій Андреевичъ не скупился. Андрюша сдѣлался посмѣлѣе, по-гда хоть вздоръ, да начиналъ болтать. Лиза, видя пустоту и тупость, усердно старалась отыскивать въ сердцѣ и душѣ своего суженаго *зародыши всего прекраснаго*, и надѣяла его качествами, которыя едва ли было можно подозрѣвать въ немъ. Время шло. Передъ свадьбою Дмитрій Андреевичъ по-

дарилъ своей будущей невѣсткѣ какой-то золотистой матеріи съ лиловыми разводами, на подвѣчное платье. Конечно матерія была хороша, но на подвѣчное платье она отнюдь не шла. Лиза невольно вздохнула, запирая ее въ комодъ, и придумывая какъ-бы ей избавиться отъ этого *великолыжнаго* платья въ день свадьбы.

Совершился бракъ Андрея Дмитрича, какъ обыкновенно совершаются купеческіе браки. Пѣвчіе отличались на славу. Паникадило горѣло. Церковь была набита зрителями, такъ что при общей давкѣ слышался не однократно пронзительный крикъ, хоть при входѣ и была полиція и жандармы, приглашенные для форсу Дмитриемъ Андреевичемъ. Женихъ краснѣлъ и конфузился, невѣста плакала... Анна Борисовна усердно молилась о благоденствіи четы, вступающей на новый путь.

— Ну, ужъ женихъ? Вотъ цвѣточекъ-то! Вотъ ягодка-то! Ай-да красавчикъ!... говорили зрители.

— А невѣста-то?... Ну, такую-ли-бы невѣсту надобно этому жениху!... Она знать старше его... да и некрасива? И что понравилась? Хоть бы богата была, что-ли? а то такъ себѣ... Какая черная... худая... приговаривали другіе.

— Да за него лучше-то и не давали! Паренѣкъ-то ишь ушко!... на содержаніи держаль... да у отца-то, говорятъ, половину капитала ухнулъ!... Ну, отецъ-то и разсердился... Вотъ и будь доволенъ старухой... говорилъ одинъ женскій голосъ, почти подъ самымъ ухомъ жениха. Андрюша преодолѣлъ свою робость, и оглянулся. Это былъ голосъ толстой лавочницы, пировавшей нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ на именинахъ Марыи Спиридоновны. Онъ невольно покраснѣлъ.

— Неровня... неровня!... шептали кругомъ.

Лиза слышала этотъ шопоть, и горче плакала и усерднѣе молилась.

Дмитрій Андреевичъ удивился и почти не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда встрѣчая молодыхъ съ образомъ, увидѣлъ на новобрачной вмѣсто своего подарка, тюлевое платье на бѣломъ атласѣ, не смотря на строгій наказъ, чтобъ его платье сшили къ вѣнцу. Брови старика нахмурились. Лизавета Алексѣевна встрѣтила строгій, сердитый взглядъ свекра. По-

знакомясь изъ простодушныхъ разсказовъ Андрюши съ характерами всѣхъ лицъ семейства, въ которое она вступала, Лиза поняла что значить этотъ взглядъ, и приготовилась... Федосья Дмитревна въ своемъ радужномъ платьѣ, поздравивъ холодно молодыхъ, неприязненно смотрѣла на невѣстку. Одна только Марья Борисовна радовалась непритворно, безпрестанно цѣлуя дочку, какъ она называла Лизу.

Приглашенные разходившимся Дмитриемъ Андреевичемъ, полковые музыканты играли въ столовой, превращенной на время въ буфетъ. Офиціанты суетились, любопытные толпились въ дверяхъ.

Гости пріѣжали. Пріѣхалъ полиціймейстеръ, приглашенный хозяиномъ изъ тщеславія, и съ нимъ какой-то полковой офицеръ. Полиціймейстеръ преважно поглаживалъ усы и бакенбарды, и держалъ высоко грудь и плечи, украшенные маіорскими эполетами.

— А!... Дмитрій Андречъ! съ новобрачными! говорилъ маіоръ, протягивая два пальца хозяину, который съ большимъ почтеніемъ ихъ принялъ: — А вотъ, рекомендую, мой двоюродный племянникъ! примолвилъ онъ, показывая на офицера, слѣдующаго за нимъ.

— Очень радъ-съ... Милости просимъ-съ, ваше высокоблагородіе!... Покорнѣйше благодаримъ-съ, что ошастливили-съ!... говорилъ, раболѣпно кланяясь хозяинъ. Затѣмъ полиціймейстеръ со своимъ спутникомъ, поздравивъ новобрачныхъ, вышли въ залу.

Анна Борисовна, въ своихъ брилліантовыхъ серьгахъ и въ лучшемъ платьѣ, сидѣла возлѣ лизинной бабушки и любовалась молодыми, подумывая скоро-ли ей придется женить своего Васю. Вдругъ въ передней кто-то спросилъ Анну Борисовну. Она вышла и чрезъ нѣсколько минутъ, утирая слезы радости, возвратилась съ молодымъ человѣкомъ, ловкимъ и прекрасно одѣтымъ. Онъ вѣжливо поздравилъ молодыхъ, и обратился къ Марьѣ Борисовнѣ и Дмитрію Андреевичу. Тетка смотрѣла на него съ радостнымъ удивленіемъ, дядя съ невольною завистію, едва узнавая прежняго Васю. Такъ много непринужденности, ловкости и лоску пріобрѣлъ молодой человѣкъ, живя въ одной изъ московскихъ купеческихъ кон-

торъ. Образованный хозяинъ считалъ своихъ служащихъ болѣе помощниками и товарищами, а не слугами. (Какъ по-большой части дѣлаютъ наши любезные, богатые соотечественники.) Разумѣется, при такихъ вспомогательныхъ условіяхъ, быстрый умъ молодого Макова пріобрѣлъ много практическихъ, полезныхъ свѣдѣній.

Андрюша радушно обнялъ брата и оглядывалъ его съ ногъ до головы, думая про себя: — Фу, канальство! Франтъ! давно-ли подумаешь, сто-то рублей получалъ! — Лизавета Алексѣевна пріятливо подала свою руку двоюродному братцу, отрекомендованному ей Анною Борисовною, готовую всѣмъ рекомендовать своего сына, на котораго сама не могла наглядѣться. Потомъ они вышли въ залу, отыскивать Николая Петровича. Конечно радость отца, едвали была менѣе материнской, хотя цѣлуя сына, онъ и не выразилъ ее слезами.

Во время стола музыканты играли пьесы, какія имъ въ умъ приходили; изъ-за стола только кричали: «Повеселѣй, повеселѣй ребята!..» Послѣ стола грянули польскій. Напрасно Калинишна убѣждала Андрея Дмитрича вести свою невесту въ первой парѣ, онъ никакъ не хотѣлъ и мужественно отбивался.

— Да я не знаю.... да я не хаживалъ!.. да что тутъ.... да какъ?.. не пойду... не пойду!..

— Что за мудрость, что за хитрость?.. Надѣньте только перчатки, возьмите молодую подъ ручку, да и идите просто-за-просто! увѣщевала заботливая сваха.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. ни за что!.. говорилъ женихъ.

Лиза сидѣла словно на угольяхъ. Наконецъ полиціймейстеръ оказалъ ей эту честь, за нимъ Вася пошелъ съ одною изъ дамъ. Полиціймейстерскій племянникъ взялъ первую подвернувшуюся. Это была Федосья Дмитревна.

Манежно выступала она съ своимъ кавалеромъ, выдѣлывая тактъ ногами и шею, и даже глазами. Пелагея любовалась ею въ двери. Но вотъ Федосья Дмитревна взглянула пристально на своего кавалера, и рука ея въ желтой перчаткѣ дрогнула, сердце упало, кровь бросилась въ лицо. Это былъ онъ, сосѣдъ изъ противоположнаго дома, который

такъ всегда глядѣлъ неопредѣленно. Это его сѣрые большіе глаза, его немножко испорченное оспою лицо, его выраженіе столь обыкновенное, даже туповатое, его рыжіе усы, но, за-то какіе усы!.. не смотря на цвѣтъ, усы віющіеся, почти въ локонахъ; пхъ можно было бы завить за уши, еслибъ вздумалось.

— Что съ вами? спросилъ кавалеръ, замѣтивъ, что его дама едва держится на ногахъ.

— Очень жарко-съ... едва внятно отвѣчала Федосья Дмитревна, стараясь оправиться.

— Вамъ дурно?..

— Ничего-съ! Пройдетъ-съ...

Кавалеръ довелъ ее до стула, и бросился въ буфетъ за водою.

— Не нужно-съ! не нужно-съ! кричала вслѣдъ ему, пришедшая въ себя Федосья Дмитревна. Но не смотря на это, онъ все-таки возвратился со стаканомъ.

— Прихлебните, садарыня-съ... лучше, сейчасъ пройдетъ дурнота-съ!..

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ! отвѣчала хозяйка, принимаясь за стаканъ: — Позвольте узнать ваше имя-съ?..

— Трифонъ Макарычъ. Къ вашимъ услугамъ-съ!

— А фамилія-съ?

— Терешинъ.

Федосья Дмитревна поставила стаканъ и опять подала руку своему кавалеру.

— Вы-съ кажется... если не ошибаюсь... у насъ въ сосѣдяхъ изволите квартировать-съ?

— Точно такъ-съ! Напротивъ.

— Я васъ узнала-съ... вы изъ мезонина иногда смотрите-съ?..

— Точно такъ-съ... Извините!.. я васъ не могъ замѣтить-съ... вы вѣрно здѣшній-съ... то есть, здѣшняго дому-съ?

— Да-съ... я хозяйская дочь...

Офицеръ молча поклонился.

— Однако ваши полковые музыканты прекрасно играютъ-съ?..

— Да... не дурно!.. позвольте васъ просить на слѣдующую кадрили!

— Чего-съ... я не дослышала?..

— Позвольте танцовать съ вами слѣдующую кадрили?

— Танцовать! Ахъ, нѣтъ-съ... я не танцую-съ... Оедосья Дмитревна покраснѣла.

— Вы не танцуете!.. почему-же?..

— Здѣсь въ привольскомъ купечествѣ немногія танцуютъ-съ... напримѣръ: теперь изъ нашихъ гостей ни одна не танцуетъ... не знаю-съ, развѣ молодая-съ! да и та едва ли...

— Вотъ странно!.. А еще губернской городъ?.. Вотъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, всякой пляшетъ, и мѣщанка и солдатка! о купчихахъ и говорить нечего-съ!..

— Какъ пляшутъ?

— То есть, танцуютъ!

— Москва и Петербургъ столицы-съ, тамъ все народъ политичѣе-съ!.. замѣтила Оедосья Дмитревна.

— И въ низовыхъ городахъ тоже; вотъ напримѣръ въ Симбирскѣ... тамъ рѣдкая купеческая дѣвушка не играетъ на фортепьянахъ, а танцовать! это мое почтеніе-съ... И Трифонъ Макаровичъ щелкнулъ пальцами.

— Вы въ Симбирскѣ бывали-съ?.. Отецъ нашей молодой невѣстки оттуда родомъ...

— Такъ-съ... Да гдѣ я не былъ... спросите-ка сударыня, гдѣ я не былъ?..

Полиціймейстеръ махнулъ рукою Трифону Макаровичу, и онъ поневолѣ долженъ былъ раскланяться съ дамою, къ крайнему ея неудовольствію.

Полиціймейстеръ давно уже посадилъ Лизавету Алексѣевну, прошелъ съ Марьей Борисовной, и старушку-бабушку почти насильно поднялъ съ кресель. Теперь онъ отправился за преферансъ. Столы съ зеленымъ сукномъ были раскинуты въ спальнѣ Марьи Борисовны, гдѣ думскій и магистратскій секретари, уѣздный стряпчій и исправляющій должность секретаря уѣзднаго суда, какъ *всенепремѣнные* члены купеческихъ свадебъ, составляли партію. Лишь только Трифонъ Макаровичъ вступилъ слѣдомъ за своимъ дядюшкой въ эту заколдованную комнату, никакія хитрости Оедосья

Дмитревны не были дѣйствительны, чтобъ выманить его изъ за стола. Напрасно брала она подъ руку уѣздную стряпчиху и приводила ее, кѣкъ говорила: «посмотрѣть, счастливо ли играетъ *ихній* супругъ;» — напрасно подходила къ столу *догадывая* Калнишна и говорила ему безъ церемоніи: — что молодому человѣку, слѣдуетъ не за картами сидѣть, какъ люди *сошныя*, а танцовать съ *барышнями*, — хотъ собственно никто не танцоваль, и барышень кромѣ Федосьи Дмитревны не было; — все напрасно... Трифонъ Макаровичъ не обращаль болѣе вниманія ни на докучливую сваху, ни на самую Федосью Дмитревну.

— Что это - съ, Лизавета Алексѣевна! Въ какомъ вы платьѣ-съ?... спросилъ неутерпѣвшій Дмитрій Андреевичъ, улуча время, когда общее вниманіе было отвлечено отъ молодыхъ, проходящими въ польскомъ парами: — почему вы не въ томъ платьѣ, что вамъ подарено?.. Ась?..

— Я думала, что бѣлое платье приличнѣе подъ вѣнецъ... отвѣчала скромно, но твердо молодая.

— А!.. вы думали-съ!.. Да и наше-то платьеце не грошовое...

— Напротивъ, прекрасная, чудная матерія! вы завтра его увидите на мнѣ! проговорила Лиза, стараясь преодолѣть овладѣвающее ею внутреннее волненіе.

— Завтра!.. а сегодня не хотимъ-ста!.. значить: сегодня хотъ въ тряпкѣ, да въ своемъ!.. и поставила на своемъ!.. проворчалъ свекоръ, отходя отъ молодой невѣстки, но такъ, что она слышала. Она вздохнула и скрестивъ руки на груди почувствовала, что ея будущее было во все не радостно...

Неподалеку стоявшій Василій Николаевичъ видѣлъ пахмуренное лицо дяди, и зная его характеръ, невольно взглянулъ на новобрачную и подумаль: «вѣроятно свекоръ успѣль уже оскорбить ее»... а потому поймаль за руку выходившаго изъ буфета Андрюшу, и подвелъ его къ Лизаветѣ Алексѣевнѣ.

— Насилу поймаль я вашего бѣглеца! сказалъ Маковъ: — оштрафуйте его сестрица... за чѣмъ онъ васъ оставляетъ одинѣхъ. Ты, братецъ, сегодня князь! примолвилъ онъ, обра-

щаясь къ Андрюшѣ: — такъ и долженъ на почетномъ мѣстѣ сидѣть, а не по угламъ бѣгать...

— Андрей Дмитричъ, какъ хозяинъ, можетъ быть долженъ былъ распорядиться, замѣтила Лиза.

— О... да!.. произнесъ Маковъ, едва скрывая улыбку сожалѣнія.

— Да что-жъ мнѣ все на одномъ-то мѣстѣ сидѣть? я и такъ ноги отсидѣлъ... отвѣчалъ новобрачный.

— Вотъ какъ! прошепталъ Василій Николаевичъ: — за чѣмъ же сидѣть?... что, ты дамы, что-ль, найти не можешь? сказалъ онъ вслухъ: — посмотри-ка какая живая лента вьется, и старички стариной тряхнули, видишь какъ выступаютъ мои родители... они въ эту минуту живутъ другую молодость... музыка даже старика оживляетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, мимо ихъ Николай Петровичъ велъ свою Анну Борисовну, или лучше она вела его въ польскомъ. Увидѣвъ сына, она весело кивнула головою и улыбнулась.

— Ну, бери свою даму...

— Я... я... перчатки куда-то засунулъ!.. отвѣчалъ Андрей Дмитричъ.

— Возьми мои, — Маковъ подалъ ему свои перчатки.

— Пойдемте!.. сказала рѣшительно Лиза и подала мужу руку.

Андрею Дмитричу ужъ нельзя никакъ было вернуться. Пройдя кругомъ комнатъ раза три, ему сдѣлалось очень скучно, — говорить съ молодою онъ рѣшительно какъ-то не находился... Лиза стала спрашивать его о лицахъ, которыхъ не знала, онъ не могъ ей отвѣтить, потому что и самъ ихъ не видалъ въ домѣ до свадьбы. Наконецъ онъ бросилъ свою даму на ходу, среди комнаты, и пошелъ въ буфетъ, потомъ въ комнату съ зелеными столами, и долго съ любопытствомъ смотрѣлъ на игру; потомъ опять въ буфетъ, послѣ постоялъ въ дверяхъ, люди какъ-то слишкомъ живо и неправильно двигались передъ его глазами, женскій разговоръ какъ-то пронзительно раздавался въ его ухахъ.

Сконфуженная Лиза сѣла къ сторонкѣ, ей было не выразимо грустно...

Василій Николаевичъ опять подошелъ къ Андрюшѣ.

— А!.. ты опять убѣжалъ?.. какъ тебѣ, братецъ, не стыдно!.. сегодня самый счастливый, самый знаменательный день въ твоей жизни!.. а ты все бѣгаешь изъ угла въ уголъ?..

— Что-жъ я долженъ дѣлать?..

— Занимать свою молодую!

— Точно гостью... Вѣдь она не гостья?

Маковъ отошелъ отъ него, покачавъ головою и думая: — вотъ дурака-то женили! — Онъ подошелъ къ Лизаветѣ Алексѣевнѣ, подалъ ей руку и пошелъ съ ней въ нескончаемомъ польскомъ; говорилъ съ ней много, весело, увлекательно, рассказывалъ о столичныхъ увеселеніяхъ, говорилъ и Москвѣ и о Привольскѣ, шутилъ, острилъ; она слушала и улыбалась. Прошло много времени, а они ходили и сидѣлись, — опять ходили и сидѣлись; были все вмѣстѣ и вмѣстѣ...

Андрей Дмитричъ увертывался въ буфетъ, стоялъ у дверей, смотря на проходящія пары.

— Хуже, хуже Мани! шепталъ онъ, когда проходила мимо его Лизавета Алексѣевна. Сидѣлся, опять всталъ и опять шелъ въ буфетъ.

— Что это значитъ, что молодая съ чужимъ занимается, а не съ молодымъ? Что за шутки! ась?.. сказалъ Дмитрій Андреевичъ, очень не учтиво толкнувъ Калинишну въ спину: — ты сваха! ты должна ей напомнить, что это не слѣдуетъ...

— Ишь молодой-то вашъ все по за-угламъ бѣгаетъ... Не ловить же мнѣ его за хвостъ, степъ мой; я и такъ пыталась его урезонивать! Да что вы будете дѣлать... отвѣчала она поглаживая спину: — а ей, моей голубушкѣ, не сидѣть же одной въ углу, когда и старухи-то всѣ, посмотрика, какъ подъ музыку расходились?..

Ровно въ три часа стали раздѣзжаться. Играющіе появились въ гостиной. Оедосья Дмитревна встрѣтила Трифона Макаровича самую привѣтливою улыбкою.

— Счастливо играли-съ?.. спросила она. Слышала онъ или нѣтъ этотъ вопросъ, но не отвѣчалъ. Онъ подсѣлъ къ молодой.

— Позвольте узнать сударыня-съ... я слышала, что вы изволили родится въ Симбирскѣ?.. спросилъ онъ.

— Нѣтъ!.. я здѣсь родилась; изъ Симбирска мой папенька!

— Очень радъ!.. Прекрасный городокъ Симбирскъ! я вамъ... я вамъ скажу... я много разъ тамъ бывалъ, живалъ, тамъ у меня взя... Познакомьте меня съ вашимъ папенькой, сударыня!..

— Очень бы рада... но мой папенька ужъ восемь лѣтъ скончался!.. отвѣчала Лиза вздохнувъ.

Терешинъ раскланялся.

Дмитрій Андреевичъ подобострастно проводилъ полицій-мейстера на самое крыльцо. Федосья Дмитриевна сама не понимала, какъ очутилась тамъ же; она встала такъ выгодно, освѣщенная съ головы до ногъ, что казалось только слѣпой могъ не замѣтить ее. Но офицеръ, плотно закутавъ усы и носъ воротникомъ шинели, спокойно дожидался покуда его дядюшка прощался обязательно съ хозяиномъ, и казалось во все не замѣтилъ Федосья Дмитриевны.

Послѣ разъѣзда гостей, Андриуша вошелъ въ спальню болѣе чѣмъ навеселѣ.

XII.

Кончились свадебные пиры. Тревога и хлопоты, необходимые спутники всѣхъ свадебъ, нарушившіе однообразный бытъ Запонковыхъ, имѣли пагубное вліяніе на болѣзнь лизинной матери, и ей, день-отъ-дня, дѣлалось хуже и хуже. Давно сдѣлали молодые свои свадебные визиты, и жизнь все болѣе и болѣе принимала обыкновенный будничныи колоритъ. Порядокъ регулярно распределеннаго времени, нарушенный свадебными суетами, опять возстановился въ семействѣ Подшвинныхъ.

Въ условный часъ Андрей Дмитричъ отправлялся въ лавку вмѣстѣ съ отцомъ, въ извѣстные часы возвращался съ нимъ вмѣстѣ. Дмитрій Андреевичъ, утромъ и вечеромъ, самъ поилъ всѣхъ чаемъ. Федосья Дмитриевна по обыкновенію дулась на всѣхъ, отпуская при случаѣ ядовитое словечко, или дѣлая насмѣшливую гримасу. Марья Борисовна возилась въ кухнѣ,

пекла и жарила, не зная чѣмъ уподчивать свою молодую дочку. Правду сказать, одна только она и любила Лизавету Алексѣевну.

Послѣ обѣда послѣдняя, выпросивъ позволеніе у свѣкра, ѣхала навѣстить больную мать.

— Что внучка, на лошаdkѣ пріѣхала? спрашивала ее по обыкновенію бабушка: — скорехонько небось прилетѣла, не то что пѣшкомъ. И старушка самодовольно улыбалась.

— Ну, что Лиза, какъ поживаешь? Ласковъ-ли къ тебѣ Андрей Дмитричъ? Любитъ ли тебя семейство? Всѣ ли тобою довольны? спрашивала заботливо мать.

— Ничего-съ, всѣ хороши, всѣ хороши со мною... отвѣчала Лиза, стараясь скрыть невольный вздохъ.

— Старайся, мой другъ, всѣхъ къ себѣ привязать... Надѣюсь, Марья Борисовна добрая женщина...

— Да-съ, она меня кажется отъ души любитъ; она такъ ласкова...

— Ну, слава Богу... шептала мать крестясь.

— Слава Богу, повторяла бабушка.

За то, когда Лиза входила въ свою дѣвичью опустѣвшую комнатку, ею овладѣвала страшная грусть. Медовый мѣсяцъ былъ на исходѣ, а она его и не замѣтила. Что же ожидало ее въ будущемъ?..

Анна Борисовна, какъ и прежде, навѣщала Подошвиныхъ. Всегдашнимъ ея спутникомъ былъ сынъ, у котораго теперь было много свободнаго времени. Облеченный довѣренностію своего хозяина, онъ купилъ мѣсто подъ фабрику, закупилъ матеріалы, но наступившая вдругъ зима остановила работы.

Хотя Дмитрій Андреевичъ и косо посматривалъ на племянника, называя его *выжигюю* и *прощальною*; но Василій Николаевичъ, казалось, не обращалъ на то большаго вниманія, всегда приласканный Марьею Борисовной и ея пріятливой невѣсткой.

Андрей Дмитричъ, въ продолженіе цѣлаго вечера, слушая рассказы своего двоюроднаго брата о Москвѣ и прочихъ предметахъ, по обыкновенію расхаживалъ по комнатѣ и, заложа руки въ карманы, посвистывалъ; потомъ начиналъ зѣвать, даже не закрывая ротъ рукою.

Однажды послѣ обѣда, Лиза по обыкновенію отпрашивалась у свѣкра посѣтить мать свою. Дмитрій Андреевичъ очень грубо замѣтилъ своей невѣсткѣ, что болѣе разъѣзжать на лошади онъ ей не позволитъ; что лошадь у него тысячная, и гонять ее по напрасну не слѣдуетъ...

Марья Борисовна не вытерпѣла и осыпала мужа упреками, что онъ заботится объ лошади болѣе, чѣмъ о женѣ сына. Разсерженный супругъ тожъ не удержался и разругалъ жену на чемъ свѣтъ стоитъ. Федосья Дмитревна тихонько улыбалась.

Чтобъ утишить поднявшуюся бурю и однимъ разомъ положить конецъ самовластнымъ выходкамъ Дмитрія Андреевича, Лизавета Алексѣевна кротко и твердо отвѣчала, что съ этого дня, она къ матери на лошади болѣе никогда не поѣдетъ; но что покуда живы ея мать и бабушка, она не перестанетъ ихъ посѣщать. Дмитрій Андреевичъ стукнулъ кулакомъ по столу и промычалъ что-то; Лиза же, дождавшись его отъѣзда въ лавку, пошла къ матери.

— Ну что Лиза на лошаdkѣ пріѣхала? спрашивала ее бабушка. Лиза сдѣлала видъ что не слышитъ, вздохнула тихонько и постаралась заговорить о чемъ-то другомъ.

Вечеромъ, возвратясь отъ матери, она не утерпѣла, и со слезами на глазахъ пересказала мужу о давшней грубой выходкѣ Дмитрія Андреевича.

— Э! это только цвѣточки, а ягодки впереди, замѣтилъ Андрюша.

Молодая женщина невольно заплакала.

— О чемъ же плакать-то — онъ еще тебѣ ничего не сдѣлалъ... Какая ты, право, недотрога; слово сказали, такъ и въ слезы; а меня, бывало, утюжить чѣмъ попало, да что ты будешь дѣлать, отецъ... утѣшалъ ее мужъ.

— Я не помню, чтобъ кто-нибудь въ нашемъ домѣ кричалъ на меня, говорила Лиза: Нѣтъ, нѣтъ!.. Покойный мой папенька былъ не таковъ... Правда, я и прежде слышала, что твой тятенька очень строгъ, но неужели... милый мой, неужели тебя взрослаго?..

— Тузилъ, да еще какъ тузилъ! Онъ пожалуй и теперь иногда, по старой привычкѣ, того... да нѣтъ, великъ я вы-

рось, теперь ужъ до волосъ-то не достанетъ. Эхъ-ма! подумаешь, такъ зло и разбираетъ, отвѣчалъ Андрюша.

— Да за что же онъ тебя? спросила Лиза.

— Да такъ; иногда не догадаешься что нибудь сдѣлать, а иногда и самъ не знаешь за что.

— Неужели завсегда напрасно?..

— Больше по напрасну... Правда, иногда горе возьметъ и на зло что-нибудь сдѣлаешь, пускай моля, бѣсится?

— Однако, сознайся, это съ твоей стороны не совсѣмъ хорошо, раздражать старика отца.

Андрюша промолчалъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Ахъ, какая скука! воскликнулъ Андрей Дмитричъ.

— Душа моя, поди сюда, поговоримъ что-нибудь, сказала Лиза, усаживаясь въ кресла.

— Что поговорить-то?

— Ну, поди сюда!

Андрюша не переставалъ ходить по комнатѣ.

— Ухъ, какъ скучно!

— Поди, поцѣлуй меня!

Молодой супругъ машинально подошелъ и поцѣловалъ жену, какъ будто не хотя.

— Проклятая скука!

— Хоть бы Маковы пришли, произнесла Лиза вздыхая.

— Да, что Маковы. Ну ихъ...

— Такъ поѣдемъ, Андрюшенька, къ маменькѣ, сказала ласково жена.

— Вотъ еще, ужасно какъ весело съ старухами цѣлый вечеръ толковать... замѣтилъ Андрей Дмитричъ. — Нѣтъ ли лучше у тебя въ комодѣ чего-нибудь полакомиться? — И онъ принялся шарить въ комодѣ.

— Мнѣ всегда весело съ тѣми, кого я люблю, сказала Лиза скорѣй сама себѣ, чѣмъ мужу, не отвѣчая на его послѣдній вопросъ.

— Лиза! молвилъ Андрюша.

— Что мой другъ!

— Хочешь рюмочку мадерцы?

— Что-о!

— Ну хереску!

— Къ чему это?

— Да такъ, отъ скуки, знаешь повеселѣе будетъ.

— Мнѣ и безъ того весело съ тобою, сказала жена, стараясь скрыть вздохъ.

— А мнѣ мочи нѣтъ какъ скучно, отвѣчалъ молодой равнодушно и вытащилъ изъ-за шкапа бутылку съ ромомъ, налилъ изъ нея проворно въ чайную чашку и выпилъ за одинъ духъ. Удвѣленная Лиза не вѣрила своимъ глазамъ.

— Это отъ скуки, а это вотъ за твое здоровье! примолвилъ Андрюша повторяя.

— Ахъ!.. и ты такъ пьешь, даже и безъ воды! воскликнула невольно жена, нѣсколько опомнившись.

— Что-жъ за диковинка! и курица пьетъ... отвѣчалъ храбро Андрей Дмитричъ: — Не хочешь ли ты, я тебѣ сдѣлаю пуншикъ, самый слабенькій?

— Благодарю; нѣтъ я не могу, сказала Лиза грустно.

— Вздоръ, не могу! ты теперь замужняя, впрочемъ я не неволю... Однако чудеса! ей-ей чудеса, вотъ и повеселѣе сдѣлалось, говорилъ Андрей Дмитричъ, повертываясь фертомъ передъ женою: — Вотъ кабы органчикъ былъ... А куплю, непременно куплю органчикъ... Ну, теперь ужъ развѣ кончить, за чье же здоровье? Да, за здоровье того, кто любить кого, на погибель тому, кто завидуетъ кому! И Андрюша, наливъ въ третій разъ, выхлебнулъ, словно за уголь выплеснулъ; крикнувъ и припрыгнувъ, спряталъ онъ бутылку опять за шкапъ и подѣлъ къ Лизѣ.

— Можно ли такъ нить, другъ мой, голый ромъ?.. ты еще такъ молодъ, сердце переѣсть... Боже мой! какія послѣдствія могутъ быть! говорила жена сквозь слезы, покачивая съ упрекомъ головою.

— Убрайся со своими послѣдствіями... Что ты меня представляешь мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, что ли? Я впервые пью? Эхъ, матушка! и не столько попадало... Чтожъ? — ну, выпьешь отъ скуки, вотъ и все... разсуждалъ Андрей Дмитричъ, склонивъ на руки свою тяжелѣющую голову.

Лиза закрыла лицо руками, и крупныя слезы невольнo катились сквозь пальцы.

— О чемъ ты плачешь, дуречка? сказалъ Андрей Дмитричъ, поднявъ на жену посоловълые глаза: — Ты испугалась, думаешь я во хмѣлю не спокоенъ; не бойся, я смиренъ... Вонъ *самъ-то* у насъ и непьющій, а у *самой* чаштехонько шлыкъ съ головы слеталъ отъ его кулака!... Языкъ переставалъ ему повиноваться, и онъ произносилъ слова съ трудомъ. — И какъ... тебѣ не плакать... мать умираетъ... жаль... Лиза!.. вѣдь ты старушка!.. Ну... и старушка Божій даръ... говорилъ онъ, разнѣжившись и обнимая жену: — Ну, ничего, мы будемъ жить ладно... а органъ куплю... куплю непременно...

Лиза вздыхала глубоко и отирала катившіяся крупныя слезы.

Черезъ пять минутъ Андрей Дмитричъ спалъ уже на диванѣ непробуднымъ сномъ. Къ вечернему чаю жена не могла его добудиться, и сошла внизъ одна.

Отецъ спросилъ объ сынѣ. Лиза отвѣчала, что у него разболѣлась голова. Казалось, Дмитрій Андреевичъ не обратилъ большаго вниманія на ея слова; только Федосья Дмитриевна взглянула на нее недовѣрчиво.

По утру Лиза долго и горько плакала, увѣщевая своего мужа. Андрюша молчалъ, какъ убитый; ни слова извиненія, ни слова утѣшенія не сказалъ онъ для бѣдной, грустной женщины, одѣлся какъ можно поскорѣе и поспѣшилъ внизъ.

Послѣ обѣда Лизавета Алексѣевна, пробывши долго у матери, возвратилась домой часовъ въ девять и нашла своего мужа на диванѣ храпящаго, какъ и вчера. Бутылка стояла передъ нимъ пустая.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула бѣдная женщина, всплеснувъ руками: — Сегодня какъ и вчера.... Неужели онъ привыкъ? уже-ли этотъ порокъ глубоко пустилъ корни въ его молодую натуру? спрашивала сама себя несчастная, и сама же отвѣчала: — Нѣтъ, нѣтъ, еще некогда, онъ такъ молодъ, онъ пьетъ отъ бездѣлья, оттого, что ничѣмъ не занятъ... мысль спитъ... оттого, что ему незнакомы другія наслажденія, болѣе высокія.... Завтра, продолжала она,

говоря сама съ собою: — завтра я не дамъ ему пить... покажу ему этотъ порокъ въ Настоящемъ его гнусномъ видѣ; поговорю съ его душой, поговорю съ его умомъ, съ его сердцемъ... что они мнѣ скажутъ. Неужели онъ такъ грубъ, такъ ничтоженъ, что не откликнется на мой задушевный голосъ? О Господи! научи меня, вразуми меня, дай силу моимъ убѣжденіямъ, моимъ увѣщаніямъ; открой его сердце, чтобъ слова мои дошли до него!... И шелковое платье Лизы зашумѣло, она упала на колѣни передъ образомъ. Она молилась долго и горячо; слезы струились изъ глазъ ея обильнымъ, свѣтлымъ потокомъ... а возлѣ храпѣлъ ея безчувственно-пьяный мужъ. Молитва нѣсколько укрѣпила несчастную, она сошла внизъ къ ужину. На этотъ разъ Дмитрій Андреевичъ на отвѣтъ, что Андрюша угорѣлъ, подозрительно посмотрѣлъ на нее. Федосья Дмитревна насмѣшливо улыбнулась, а Марья Борисовна измѣнилась въ лицѣ.

Утромъ, на другой день, Лиза слышала, какъ всталъ Андрей Дмитричъ, стоналъ и охалъ, и пилъ холодную воду съ похмѣлья, но она, не желая начинать день тяжелымъ разговоромъ, притворилась спящею, и послѣ его ухода цѣлый день провела въ лихорадочномъ трепетѣ, дожидаясь вечера.

Вечеръ насталъ, мужчины пріѣхали изъ лавки. Андрюша спряталъ за шкафъ принесенную имъ бутылку (хотя жена и замѣтила это — но не показала виду) и пошелъ внизъ къ вечернему чаю, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда молодые опять вошли въ свои комнаты, Лиза усѣлась за книгу и потихоньку наблюдала за мужемъ. Андрюша, закинувъ руки за спину, похаживалъ по комнатѣ, потомъ досталъ изъ комода орѣховъ и принялся грызть, поглядывая по временамъ на шкафъ, за которымъ стояла бутылка съ извѣстнымъ средствомъ отъ скуки.

— Этакая скука! проговорилъ онъ, не глядя на жену: — хоть бы куда нибудь ушелъ!...

— Давно ли, кажется, мы женаты, а тебѣ ужъ и скучно со мною; напротивъ, вотъ, я такъ всегда рада видѣть тебя возлѣ себя, мой другъ... произнесла Лиза, стараясь казаться спокойною.

Молодой не отвѣчалъ.

— Ужь когда такъ тебѣ скучно дома, такъ поѣдемъ хоть къ Маковымъ... начала она опять.

— Къ Маковымъ! Вотъ охота мнѣ тамъ слушать, какъ Василій Николаичъ турусы на колесахъ про Москву рассказываетъ. Будетъ съ него, если вы, бабье, его слушаете, а ужъ я его наслушался. Краснобай, хвостунъ этакой!

— Напротивъ, Василій Николаичъ нисколько не хвастаетъ, говоря о Москвѣ, да и вообще обо всемъ... возразила жена.

— Развѣ ты бывала въ Москвѣ-то, что-ли?

— Не бывала, а, по крайней мѣрѣ, знаю ее изъ описаній и могу судить, лжетъ ли Маковъ или говорить правду.

— Ты все на книги да на описанія упираешь. Ты думаешь, что все правду описываютъ? Какъ же! Кому что взбрело въ голову, ну, и сочинилъ и написалъ. Еслибъ и я, напримѣръ, захотѣлъ, мало ли бы что могъ написать, рассуждалъ Андрюша.

— Такъ что жъ не попробуешь? сказала жена, невольно улыбаясь.

— Такъ что жъ за диковинка! Вѣдь не всѣ сочинители отъ себя выдумываютъ, нѣкоторые и изъ готовыхъ книжекъ выбираютъ, свое имя подпишутъ, а послѣ напечатаютъ, вотъ и вся премудрость.... Разумѣется, надобно *подобрать* по искуснѣе, чтобъ складно было. Вотъ и конецъ.

Лиза едва удерживалась отъ хохота, но при всемъ томъ, сердце ея щемила тоска невообразимая.

— Однако, мой милый, я хочу тебя попросить, чтобы ты мнѣ прочиталъ что нибудь; а я сяду работать, сказала она, стараясь принять спокойный видъ.

— Читать?... Вотъ новость... изволь!... отвѣчалъ Андрюша, подумавъ: — Нѣтъ, матушка, не буду.

— По чему же не будешь?... Развѣ не умѣешь?

— Не умѣешь! Такъ ты меня такъ-таки дуракомъ и считаешь? Вонъ, какъ!... Не умѣю читать?

— Значить, для меня не хочешь, поправилась Лиза.

— Да, не хочу, и тебѣ не совѣтую всякою чужью голову набивать.

— Почему же, другъ мой?

— Потому, что если увидить тебя за книгой *самъ*, такъ ой-ой! достанется. Помню я, какъ онъ меня за «Прекрасную магометанку» трепалъ, такъ *небо въ овчинку* показалось... И Андрюша разсказалъ со всѣми подробностями, какъ было дѣло.

Жена слушала и пожимала плечами.

— Такъ ты и теперъ его боишься? и потому только не хочешь книгу въ руки взять? спросила она: — Андрюша, вспомни, ты уже взрослый... имѣешь свой разумокъ и волю...

— Какая, къ чорту, *воля* женатому? сиди тутъ, словно прикованный.... Вонъ, Мышкины, каналы, вездѣ и пошли и поѣхали....

Лиза увидѣла, что слово «воля» понялъ Андрюша въ томъ же смыслѣ, какъ нѣкогда поняла его ея бабушка, и слыша, что мужъ жалѣеть о своей холостой жизни, невольно заплакала....

— Ну, вотъ и заплакала; я и не думалъ обижать; и такъ скука смертная, а она еще съ книгами приставать вздумала, — по неволѣ взорветъ....

— Кажется, когда-то ты самъ сознавался, что чтеніе образуетъ умъ, замѣтила жена.

— И теперъ въ томъ сознаюсь; я всегда замѣчалъ, что кто много читаетъ, тотъ говоритъ рѣзко, трррръ.... не заикнется; а вотъ, напримѣръ, грѣшнымъ дѣломъ, я, иногда *тинь... тинь....*

— Вотъ, то-то и есть; да кромѣ того изъ книгъ можно почерпнуть много полезныхъ познаній.

— Такъ-съ; а коли я не читаю, такъ стало быть, вы, Лизавета Алексѣевна, меня ужъ совершеннымъ дуракомъ... того-то.... Извините-съ, не думайте такъ мелко....

Лиза съ удивленіемъ глядѣла на мужа.

— Другъ мой, я желаю тебѣ добра, примолвила она ласково и твердо.

— А я тебѣ говорю, что читать — вздоръ; ты меня не заставишь; не хочу, не люблю; читай сама, коли хочешь. Ишь, больно умна! гдѣ мнѣ за тобой уговаться-съ!

— Лучше признайся, мой милый, читать тебѣ лѣнь. Не правда ли, лѣнь? спрашивала она, ласкаясь.

— Да, лѣнь.

— Такъ слушай, я для тебя прочту прелюбопытную вещь.

— Что такое? спросилъ мужъ зѣвая.

— Объ Америкѣ, хочешь?

— Не хочу объ Америкѣ; намъ съ тобою въ Америку не ѣхать! замѣтилъ Андрей Дмитричъ очень дѣльно.

— Ну, такъ слушай же, статья о Калифорніи.

— Что за *Калифорнія*?

— Это страна, гдѣ найдены золотыя россыпи, поясняла жена.

— И это до насъ не касается.

— Въ самомъ дѣлѣ, думала Лиза: — зачѣмъ я его подчую такимъ серьезнымъ чтеніемъ, его еще нужно пріохотить. Потомъ прибавила она вслухъ: — Ну, вотъ «Ледяной домъ» —

— Ледяной домъ? Ха, ха, ха! И Андрюша принялся хотать на сколько ставало легкихъ: — Ха, ха, ха, ха! Не ужь-то, напечатали этотъ вздоръ?... Помню какъ, бывало, нянька мнѣ рассказывала сказку о томъ, что заяцъ построилъ себѣ избушку лубяную, а лиса ледяную; ха, ха! а нонче и напечатали....

Напрасно старалась Лиза объяснить ему содержаніе книги, мужъ не слушалъ и громко хохоталъ.

— А это что за уродина у тебя? спросилъ онъ, указывая на толстую книгу большаго формата.

— Это «Вѣчный жидъ».

— Вѣчный жидъ, вѣчный жидъ, повторялъ Андрюша, какъ будто что припоминая: — Да, вспомнилъ; на дняхъ Иванъ Тимофѣичъ отъ кого-то слышалъ, что появился какой-то вѣчный жидъ въ Ярославлѣ, и тамъ что-то проказничаетъ.

— Ну, вотъ онъ и сюда припелъ, сказала, смѣясь въ свою очередь Лиза.

— Читай-ка, это, вѣрно, его проказы описаны. Должно быть, какойнибудь мошенникъ подъ такимъ именемъ, раз-

суждалъ Андрюша: — читай, а я... и онъ всталъ и вытащилъ изъ-за шкапа свою бутылочку.

Какъ вихрь налетѣла на него жена, и вырвавъ изъ рукъ бутылку, спрятала ее въ шкафъ, заперла и ключъ опустила въ карманъ. Это сдѣлалось такъ быстро, что Андрей Дмитричъ и мигнуть не успѣлъ.

— Что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ сердито, когда опомнился. — Поддай бутылку! Ты, въ самомъ дѣлѣ, меня мальчикомъ, что-ли, считаешь?

— Андрюшенька, голубчикъ, что это, радость моя, ты выдумалъ, каждый день... говорила жена ласково и убѣдительно.

— Поддай ключъ, тебѣ говорятъ; ты, дурочка, думаешь, что я буянить буду! Не бойся, не буду; я маленечко, такъ, отъ скуки.

— Развлекай свою скуку чѣмъ хочешь, только бутылки не дамъ, отвѣчала Лиза твердымъ голосомъ.

— Что ты, нянька, что-ль, моя?

— Нянька, а ты самый упрямый ребенокъ... Подумай-ка, мой ангелъ, вѣдь вчера тятенька спрашивалъ, почему ты не пошелъ ужинать. Каково мнѣ было лгать, что у тебя болитъ голова.

— А развѣ не болѣла, ты думаешь? болѣла, и ты ничуть не лгала.

— Однако, старикъ кажется не повѣрилъ; остерегись, душа моя... развѣ ты не знаешь своего отца?..

Андрюша видимо присмирѣлъ при этихъ словахъ.

— Вотъ канальство! произнесъ онъ, понизивъ голосъ: — Такъ шкапа не отопрешь?..

— Не отопру, мой милый, что хочешь дѣлай со мною, а не отопру. Пожалѣй себя и меня. Развѣ ты не знаешь, что я тебя люблю. Ну, не огорчай же меня! И Лиза взяла мужа за руку и усадила опять на диванъ. Онъ не противился.

— Послушай, налей же ты мнѣ своими руками; такъ, капельку, отъ скуки, говорилъ онъ умоляющимъ тономъ.

— Ни полкапельки, мой другъ... Будемъ разгонять скуку чѣмъ-нибудь другимъ... Поѣдемъ-ка завтра въ театръ, возьми билетъ въ ложу, говорила жена ласкаясь.

— А что старикъ скажетъ, когда узнать что по *тиатрамъ* разбѣжасмъ?

— Можно сдѣлать такъ, что и не узнаеть. Мы поѣдемъ прсжде къ маменькѣ, а оттуда въ театръ. Возьмемъ съ собою сестрицу, и ей доставимъ удовольствіе. А ужъ я какъ буду рада и говорить нечего. Надѣюсь ты и самъ будешь доволенъ, мой другъ...

— Особенно готовъ для сестры дѣлать разныя удовольствія! Очень нужно!

— Почему-жъ, мой милый? Мнѣ и ее жалко, все одна да одна дома; развлеченій у ней рѣшительно никакихъ, отчего жъ и не пригласить ее? мѣста будетъ. И если не для нее, то для меня ты сдѣлаешь, — не правда ли?.. и Лиза нѣжно поцаловала мужа.

— Ну ладно... только послушай, ужъ распоряжаться надъ собою какъ сегодня, тебѣ болѣе не позволю, примолвилъ Андрюша, ложась на диванъ: — Ну-ка, читай про жиды-то!

Лиза начала читать вслухъ. Прошло десять минутъ, она взглянула на мужа: онъ уже спалъ богатырскимъ сномъ.

— Вотъ вамъ и уроки! сказала молодая женщина, закрывая книгу: — Въ немъ кажется убито и простое дѣтское любопытство, съ которымъ дожидается простолюдинъ конца самой нелѣпой сказки?.. Уже ли я должна проститься съ падеждою? Но нѣтъ, пить ему я больше не дамъ.

Успокоенная своею рѣшимостію, Лиза, желая душевно хотя нѣсколько сблизиться съ золовкой, которая всегда смотрѣла на нее сентябремъ, пошла къ ней.

Өедобья Дмитревна сидѣла склонясь надъ разложенными картами, и не замѣчала, что свѣча передъ нею сильно нагорѣла и тускло освѣщала комнату, такъ дѣвица Подошвина углублена была въ свое гаданье; правда и было о чемъ гадать ей.

Утромъ того же дня она видѣла изъ окна залы, что изъ противоположнаго дома со двора съѣхалъ возъ, на которомъ, поверхъ сундука и чѣмодана, торчала желѣзная кровать вверхъ ногами. На одной изъ ножекъ кровати, покачивался футляръ съ каскою, на другой кулечикъ съ самоваромъ. На облучкѣ, въ нагольномъ тулупѣ, сидѣлъ и правилъ

деньщикъ Терёшина. Вслѣдъ за возомъ съѣхалъ самъ Терешинъ, въ старой шпнели, обвязанный краснымъ шерстянымъ шарфомъ. Терешинъ взглянулъ на домъ Подошвиныхъ, и, замѣтя вверху у окна Лизавету Алексѣвну, раскланялся. Ѳедосья Дмитревна приняла этотъ поклонъ на свой счетъ и усердно кивала ему головою. Пришедши въ свою комнату, она со слезами на глазахъ, принялась цѣловать рыжаго котенка.

— Что это значить? Куда? спрашивала сама себя Ѳедосья Дмитревна, пока не прѣбѣжала Пелагея, и не объяснила, что третій батальонъ, и при немъ Трифонъ Макаровичъ выступаютъ въ одинъ изъ привольскихъ уѣздовъ на всю зиму. Повѣсила носъ Ѳедосья Дмитревна, усѣлась гадать въ карты, и прогадала цѣлый день. Наступилъ вечеръ, а она все еще сидѣла надъ картами, смотря пристально на червоннаго короля, окруженнаго шестерками, и не слыхала какъ вошла невѣстка.

— Король въ дорогѣ, сказала Лиза, заглядывая черезъ плечо золовки.

— Ай!.. вскричала прискочивъ Ѳедосья Дмитревна, и стараясь закрыть карты руками; но увидя, что эта предостожность была поздня, принялась гладить своего котенка, который спалъ на ея колѣняхъ.

— Я васъ испугала, сестрица? сказала ласково сноха.

— Ничего-съ; а я вотъ какія глупости дѣлаю, право даже стыдно.

— Почему же и не погадать? дѣвушки всегда гадаютъ, я сама была дѣвушкою.

— Я такъ отъ екуки — всегда знаете одна...

— Вольно-жь вамъ не приходитъ ко мнѣ; — я тоже одна, и отъ души готова раздѣлить съ вами время.

— Боюсь сестрица, васъ беспокоить-съ...

— Помилуйте, сестрица, что за церемонія! Я всегда рада васъ видѣть.

— Вы-то можете быть... Мы еще правда съ вами не ссорялись...

— Что вы, сохрани Богъ!

— Брату будетъ неприятно видѣть меня въ своей ком-

натѣ; онъ меня терпѣть не можетъ, и все оттого, что люблю при случаѣ правду сказать, а *правда глазъ колеть*. За это-то меня и не любятъ... говорила Федосья Дмитревна, пристально смотря Лизѣ въ глаза: — Вотъ напримѣръ и *мамоська!* Я думаю и чего-чего про меня вамъ не насаказала? Она меня тоже не очень жалуетъ, за то, что иногда не утерпишь и скажешь правду; своихъ, знаете, жалко.... Въ томъ у насъ и грѣхъ..

— Не знаю я причины вашихъ жалобъ, ни причины ссоръ семейныхъ, потому что недавно еще вступила въ ваше семейство; но, любить я люблю всѣхъ одинаково, и въ мамснѣхъ кромѣ доброты ничего не вижу, отвѣчала Лизавета Алексѣевна.

— Вамъ сестрица и видѣть-то еще некогда, поживите-ка, такъ многое увидите. Можетъ быть скажете, что и я права, и излишняя-то доброта иногда вредна.. Отъ чего же и братъ такимъ сдѣлался, какъ не отъ *мамоськина* потворства..

Лиза въ недоумѣннн слухала ее.

— Вы думаете, я ничего не знаю?.. продолжала Федосья Дмитревна: — Будто я и повѣрила, когда третьяго дня вы тятенькѣ за ужиномъ сказали, что у брата голова болитъ? Нѣтъ, меня не обманете-съ!

Лизавета Алексѣевна поняла въ чемъ дѣло. Ноги ея задрожали, и она невольно опустилась на стулъ.

— Я знала, что онъ пьянъ, потому и внизъ не сошелъ, говорила золовка, рѣшась не щадить сноху: — Эхъ! развѣ это впервые что ли? И женили-то его только, можно сказать, чужой вѣкъ заѣли... Миѣ право жаль васъ, сестрица!..

Слова эти оглушили Лизу; но опомнясь, она быстро сообразила, что изъ участія, изъ доброжелательства къ ней, золовка все бы не могла такъ внезапно и безпощадно терзать ее, а потому и отвѣчала, стараясь повозможности казаться спокойной:

— Благодарю васъ, сестрица, за участіе... Вѣрно вамъ вообразилось... когда-нибудь, что Андрюша... Я никогда его такимъ не видѣла...

— Э!.. какія вы хитрыя... право я не ожидала!.. Впрочемъ можетъ я и ошибаюсь, я думала, что по старой привычкѣ... произнесла сквозь зубы Ѳедосья Дмитревна, посмотрѣвъ недовѣрчиво на сноху.

— Вотъ мы и сегодня немножко угорѣли, комнаты недавно штукатурены, такой тяжелый запахъ; Андрюша спитъ а я пришла сюда немножко освѣжиться.... голова такъ и болитъ... А какъ въ вашей комнатѣ пахнетъ жасминами... говорила уже совершенно спокойно Лизавета Алексѣевна, придвигаясь къ столу.

— Да, жасминъ цвѣтетъ... я его очень люблю. Посмотрите-ка у меня съ нимъ четыре горшка, сказала золовка, показывая на окно, заставленное цвѣтами.

— А, да, это хорошо! Ну, а что вы гадать-то перестали? что вашъ червонный... Пойдите-ка, я погадаю вамъ, сказала Лиза, взявъ сбитыи въ кучу карты, и разкладывая ихъ съ самою простодушною улыбкою: — Позвольте, вотъ червонному королю, — вѣдь вы на него гадали? Ему непріятная дорога... У! какъ онъ досадуетъ... Вотъ письмо... свиданіе съ марьяжною дамою... Лиза толковала какъ опытная ворожея; хотя ея толкованья и были общи, но тѣмъ не менѣе подходили къ обстоятельствамъ, и Ѳедосья Дмитревна, притворяясь, что смѣется надъ гаданьемъ, отъ души ему вѣрила.

— Я до васъ, сестрица, съ просьбою, заговорила Лиза, не переставая раскладывать карты: — Хотѣлось бы намъ завтра въ театръ, — будьте такъ добры, составьте намъ компанію.

— Въ театръ! что вы сестрица... а тятенька!.. воскликнула Ѳедосья Дмитревна, небывавшая никогда въ театрѣ, но въ мигъ почувствовавшая желаніе побывать.

— Я тоже думаю, что онъ не позволитъ; ну а вы не можете поговорить ему объ этомъ? или не надо?

— Разумѣется, лучше не говорить; поѣзжайте... а я ужъ право не знаю...

— Если вы не согласны, и я не поѣду. Миѣ бы хотѣлось для васъ сдѣлать удовольствіе... Право миѣ жалко васъ,

вы и такъ не имѣете никакихъ развлеченій, прибавила ласково сноха.

— Благодарствую; да какъ мы съ самимъ-то уладимъ?..

— Мы прежде поѣдемъ къ маменькѣ..

— Пусть такъ; а братъ?..

— Помилуйте, сестрица, для меня больно, что вы такъ къ нему недобѣрчивы; у Андрюши доброе сердце, увѣряю васъ, сказала, вставая, Лизавета Алексѣевна: — до свиданія.

Золовка молча, но ласковѣе обыкновеннаго, кивнула ей головою.

На другой день взята была ложа, и молодые съ Федосьей Дмитревной отправились отъ Запонковыхъ въ театръ. Не нужно говорить, что Марья Борисовна была съ ними въ разговорѣ.

До поднятія занавѣса, Федосья Дмитревна съ видимымъ удовольствіемъ слушала музыку и обозрѣвала ложи.

Занавѣсъ поднялся, и все ея вниманіе устремилось на сцену. Давали «Русалку»; играли дурно. Декораціи были стары и полинялы; актеры мѣшались, первая актриса не знала своей роли; словомъ понимавшая дѣло Лизавета Алексѣевна досадовала. Напротивъ, Федосья Дмитревна, бывшая въ первый разъ въ театрѣ, была въ сильномъ восторгѣ, и готова была аплодировать, удивляясь, зачѣмъ зрители шикаютъ.

Андрюша смотрѣлъ безъ всякаго участія на сцену, обращаясь часто къ партеру, откуда Мышкины дѣлали ему разные знаки. Онъ, въ отвѣтъ, кивалъ головою и улыбался. Отъ жены это не ускользнуло.

— Я выйду на минуту, — сказалъ Андрюша въ антрактѣ, наклоняясь къ уху жены; и не успѣла она въ отвѣтъ пошевелить губами, какъ его уже не было въ ложѣ.

— Вѣрно кончилось?.. спросила Федосья Дмитревна, когда послѣ перваго дѣйствія занавѣсъ опустился.

— О, нѣтъ еще, опять начнутъ.

— Куда же братъ пошелъ?..

— Видите, всѣ мужчины выходятъ, и онъ вѣрно покуритъ вышелъ, — отвѣчала Лиза, смотря на опустѣвшее въ партерѣ мѣсто, гдѣ сидѣли Мышкины.

Федосья Дмитревна успокоилась, и снова принялась оглядывать ложи.

Второе дѣйствіе началось, но Андрюша не приходилъ, не приходили и Мышкины на свои мѣста. Золовка, забывъ все окружающее, внимательно смотрѣла на сцену, но Лизавета Алексѣевна, ожидавшая каждую минуту мужа, начала беспокоиться. Вотъ и второе дѣйствіе кончилось, а его нѣтъ; началось и третье; Федосья Дмитревна не отступно приставала къ Лизѣ съ вопросами, куда дѣвался братъ, потому что не знала существованія въ театрѣ ни кондитерской, ни буфета. Лиза, успокоившая ее сначала, наконецъ сказала откровенно, что она не знаетъ, почему долго не возвращается Андрюша. И вотъ обѣ дамы, не скрывая уже безпокойства, смотрѣли съ нетерпѣніемъ на дверь ложи; по временамъ только Федосья Дмитревна обращалась къ сценѣ. Лиза взглядывала на партеръ, но Мышкиныхъ тоже не было. Изъ второго ряда креселъ давно смотрѣлъ на ихъ ложу молодой Маковъ; онъ встрѣтилъ въ кондитерской Андрюшу, вмѣстѣ съ Мышкиными; возвратясь на свое мѣсто, онъ видѣлъ, что въ ложѣ дамы оставались однѣ до конца представленія, и замѣтилъ ихъ тревожное ожиданіе и мучительное безпокойство.

Шумъ и шопотъ оставляющихъ театръ зрителей привелъ нашихъ дамъ въ неописанный ужасъ. Что имъ было дѣлать? кавалеръ ихъ не являлся, гдѣ они могли найти свою лошадь, и какъ отвѣчать, гдѣ Андрюша, если спросить отецъ.

Маковъ явился на выручку.

— Слава Богу, что вы здѣсь!

— Хорошо, что вы здѣсь, а то намъ приходилось хоть плакать!.. воскликнули въ одинъ голосъ сноха и золовка.

— Къ вашимъ услугамъ, любезныя сестрицы, отвѣчалъ Василій Николаевичъ, любезно раскланиваясь: — куда жъ пропалъ у васъ Андрей? съ ума что-ли, въ самомъ дѣлѣ, сошелъ онъ! я давеча видѣлъ его въ кондитерской съ Мышкиными.

— О, если съ Мышкиными, такъ съ ними куданибудь и провалился, и ждать нечего; это его задушевные пріятели, вскричала сестра.

— Что вы? сказала трепещущая жена.

— Да, или въ трактиръ, или куда нибудь въ хорошее мѣстечко... Развѣ это впервые разъ?.. отвѣчала рѣзко Федосья Дмитревна.

Лиза зашаталась, Маковъ поддержалъ ее.

— Не рѣшайте такъ поспѣшно, молвилъ онъ, обращаясь къ Федосьѣ Дмитревнѣ. Онъ не зналъ что болѣе сказать въ утѣшеніе Лизы, потому что и самъ признавалъ истину словъ своей двоюродной сестры, какъ они жестки ни были.

Маковъ отыскалъ лошадей Подошвиныхъ и благополучно проводилъ сестрицъ до дому. Федосья Дмитревна дорогою ругала брата, а Лиза плакала украдкой.

По счастью отецъ давно спалъ, Марья Борисовна хотя и слышала ихъ прїѣздъ, но не вышла, и сноха и золовка тихонько прошли въ свои комнаты.

Теперь посмотримъ гдѣ былъ Андрей Дмитричъ?

По выходѣ изъ ложи, его встрѣтили Мышкины и, можно сказать, увлекли въ кондитерскую, душа въ своихъ объятіяхъ... Старые прїатели жестоко упрекали его, что онъ ихъ оставилъ; Андрюша отшучивался, какъ умѣлъ. При радостномъ свиданіи друзья потащили его къ буфету, и спросили бутылку мадеры.

Сначала Андрюша отговаривался, но потомъ наглыя насмѣшки товарищей принудили его выпить.

— Скрутили, скрутили тебя, соколъ! не стыдно ли тебѣ поддаваться Андрей? а? говорилъ одинъ братъ.

— Э!.. да онъ сидитъ у жены подъ башмакомъ, онъ ее боится, не смѣетъ шагу сдѣлать, не смѣетъ капли выпить; она его нянька... говорилъ другой.

— Хоть бы ужъ женился на ровнѣ, не такъ бы досадно, а то... не сердись братъ Андрюша, не такую бы жену-то тебѣ надобно, да-съ! а-то вѣдь просто старуха, никакого форсу, никакого *деликатесу*.... ну, что ты взялъ, деньги что-ли?..

— Знаемъ... вѣдь тебя отецъ связалъ да я вѣнчалъ, а ты, братецъ мой, какъ глупая овца... не стыдно ли тебѣ позволить поступать съ собою словно съ мебелью? Тьфу чортъ!

а ужъ какой ты на словахъ-то храбрый! помнишь, у Лукишны?.. а тутъ предъ отцомъ *пимь, пимь* и опѣшилъ... жаль, подкузмили молодца, какъ мокрую курицу.

— Ужъ и вы-то хороши, нечего сказать, залѣзли подъ столъ... Да что пустое говорить, *кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ*, сказалъ Андрюша, котораго эти слова забирали за живое:— нѣтъ братцы! съ моимъ-то старикомъ не много нашутишь...

— А все оттого, что въ тебѣ, братецъ, никакой самостоятельности нѣтъ, чортъ знаетъ что ты такое, баба, больше ничего... говорилъ одинъ изъ друзей, наливая стаканы. Ну-ка, измѣнщикъ, кутнемъ! измѣнилъ намъ, братецъ...

— Вотъ ужъ нѣтъ господа, мнѣ пора въ ложу... вы, я вижу, хотите напоить меня... сказалъ Андрюша.

— Э!.. какъ ты жены-то боишься, ну, посадилъ же ты старика и бабу на шею... замѣтилъ одинъ изъ Мышкиныхъ, язвительно захохотавъ.

— Развѣ ты забылъ, что я вчера былъ именинникъ... эхъ совѣсть! не ужъ-то не хочешь съ *прошедшимъ*-то *меня* поздравить?.. говорилъ другой братъ, усаживая Андрюшу почти силою.

Дѣлать было нечего, Андрей Дмитричъ сѣлъ. Рюмка за рюмкою, слово за словомъ, бутылка за бутылкою,—и пошло колесо колесомъ, забыто было все, и пѣса, и жена, и ея безпокойство.

— Да что мы, братцы, тутъ сидимъ! того и гляди, что кто-нибудь навернется изъ *чужихъ*, да твоему хрычу и скажетъ, — пойдете лучше къ Косому... сказалъ одинъ изъ Мышкиныхъ, обращаясь къ Андрюшѣ.

— Ну ихъ къ чорту, этихъ русалокъ! примолвилъ другой:— помнишь, Андрюша, Спиридонову-то? вотъ такъ братецъ ты мой, русалочка была! И онъ поцѣловалъ свои пальцы.

Андрюша припрыгнулъ на стулѣ; выпитое вино живо стало рисовать предъ нимъ прошедшее.

— Жаль, что Марюша съ усатымъ-то болваномъ въ Москву уѣхала, тамъ съ нимъ все спустить, что здѣсь нажила, и приѣдетъ въ такомъ же салопѣ, какъ и въ прошлую зиму...

— Такъ что-жь, привольцы опять одѣнуть... Такой, братъ, душкѣ все можно простить, замѣтилъ другой братъ,

— Такъ что-жь, идемъ что ли къ Косогу?

— Идемъ... у него органъ, что твой оркестръ!

— Идемъ... уже очень смѣло сказалъ Андрюша, у котораго сильно зашумѣло въ головѣ: — идемъ органъ слушать, самъ хочу органъ купить.

И вся эта удалая тройка, оставивъ театръ, направилась къ трактиру Косога, и тамъ дверь завѣтной каморки затворилась за ними.

Давно уже трактиръ былъ запертъ снаружи. Привольскъ спалъ; Лизавета Алексѣевна горько плакала, прилегши грудью на окно, въ ожиданіи мужа, а друзья все еще пировали.

Ровно въ два часа дверь спальни отворилась, Андрей Дмитричъ показался на порогѣ. Свѣтъ отъ лампадки придавалъ его блѣдному лицу и растрепаннымъ волосамъ страшный видъ. Лиза вскочила въ испугѣ.

— А ты жива — русалки тебя не защекотали? — говорилъ молодой мужъ, глядя на жену неподвижными посоловѣлыми глазами:

— Ты смѣла... убрать ромъ?.. ну впервые.. и послѣдніе... Да, ты хочешь быть надо мною большая?.. ну, нѣтъ канальство, врешь... шалишь... я тебя.. да, я тебя... въ бараній рогъ согну... да... я... я... И Андрей Дмитричъ сжалъ кулаки надъ ея головою. Лиза невольно зарыдала.

— А, слезы!.. ну, ничего... вода, я... покажу тебѣ... покажу, что я мужъ... вотъ что... не смѣть... не смѣть... продолжалъ не связно Андрюша; но уже руки его опустились, онъ повернулся къ постели, дошелъ до нея шатаясь, бросился нераздѣтый поперегъ постели, и скоро захрапѣлъ на всю комнату.

Лиза, проплакавшая остатокъ ночи, утромъ призвала на помощь весь свой разумъ, все краснорѣчіе, и съ нѣжностію выговаривала мужу за вчерашній поступокъ. Андрей Дмитричъ не отвѣчалъ, и постарался поскорѣе отправиться въ лавку. Не будь Федосья Дмитревна сама въ театрѣ, разумѣется поступокъ брата она довела бы до свѣдѣнія отца; но теперь по неволѣ должна была молчать, и ни она, ни

Лизвета Алексѣевна не сказали о томъ даже Марѣ Борисовнѣ.

Вечеромъ Андрюша воротился навеселѣ, и принесъ по обыкновенію бутылку рому. Лиза начала было его убѣждать и умолять, чтобъ не пилъ, но такъ какъ мужъ, не обращая вниманія на ея слова, началъ раскупоривать бутылку, то она, какъ и въ прошлый разъ, бросилась было отнимать ее у него. На этотъ разъ Андрей Дмитричъ, безъ всякой церемоніи оттолкнулъ жену, такъ что бѣдная женщина, едва удержалась на ногахъ; она отошла къ сторонкѣ и заплакала.

— Ну, вотъ и слезы, сказалъ мужъ выпивши и подходя къ ней: — А чортъ-ли тебѣ велить на непріятность на-скакивать? Съ чего это ты взяла, что можешь мною помыкать? Я хоть и моложе тебя, да все твой мужъ... Значить глава...

Лиза не отвѣчала и утирала слезы.

— Аль ты все на вчерашнее-то дуешься? продолжалъ Андрей Дмитричъ: — Велика важность, что съ товарищами-то погулялъ.

— А насъ однѣхъ оставилъ, и это не безсовѣстно ты сдѣлалъ? Я этого отъ тебя никакъ не ожидала, сказала жена сквозь слезы.

— Что-жъ такое? Приѣхала же ты вчера домой и безъ меня; тебя волки не съѣли...

— Хорошо, что на счастье тятенька спалъ, а если бы онъ насъ встрѣтилъ, да увидалъ, что тебя съ нами нѣтъ, тогда что?...

— Да что ты меня *самимъ*-то страшашь? Когда-жъ я совершеннолѣтнимъ-то буду? То отецъ на помочахъ водить... да съ розгою надъ тобою стоять... То жена учить... Тьфу канальство!... Да что за жизнь — пропадай она совсѣмъ!... И Андрей Дмитричъ вынулъ еще и еще. Послѣ третьяго приѣма онъ уже спалъ мертвымъ сномъ.

За ужиномъ Лиза еще разъ рѣшилась солгать передъ свекромъ, и на вопросъ его: почему сыпъ нейдетъ ужинать, отвѣчала что у него голова болитъ. Дмитрій Андреевичъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ глаза, а Федосья Дмитриевна насмѣшливо улыбнулась.

— Напрасно вы скрываете, сестрица, своего негодного мужа, сказала она попотомъ снохѣ послѣ ужина: — скрыванье до добра не доведеть, помяните мое слово; а лучше бы сказали тятенькѣ, такъ онъ и далъ бы ему острастку...

— Нѣтъ... нѣтъ... едва внятно шептала въ отвѣтъ Лиза.

И не успѣла она войти наверхъ, какъ свекоръ пришелъ за нею слѣдомъ и принялся безъ церемоніи будить сына.

На всѣ расталкиванья и тряску Андрей Дмитричъ сначала мычалъ и отвѣчалъ несвязными словами, но потомъ вскочивъ и не узнавъ отца, послалъ его ко всѣмъ чертямъ, и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ пуще прежняго.

— А, разбойникъ, ты опять за прежнія пакости принялся!... вскричалъ отецъ, и бросился на спящаго, стараясь поймать волосы сына. Лиза заслонила мужа собою.

— Тятенька, что вы! Пощадите!... развѣ я могу это видѣть? говорила она умоляющимъ голосомъ.

— А! ты сударыня этого видѣть не можешь, а покрывать его мерзавца можешь?... Лгать передо мною можешь? Ты съ нимъ за одно? Въ который разъ при тебѣ онъ, каналья, напивается?... спросилъ сердито старикъ, невольно отступая.

— Въ первый... въ первый-съ! шептала трепещущимъ голосомъ Лизавета Алексѣвна.

АЛЕКСАНДРА КОБЯКОВА.

ЗА ГОРОДОМЪ.

Лежа я нѣжусь,
На теплоѣ солнцѣ,
Грудью припаѣ —
Головою приникъ я
Къ цвѣтушимъ травамъ,
И подступаетъ
Благоуханная свѣжесть
Къ самому сердцу.

Сами собой налетаютъ —
Въ душу тѣснятся
Неясныя,
Вѣчно-блаженныя грѣзы —
Въ нервы и кровь
Проникаютъ онѣ —
Въ нервы и кровь!

Боже мой,
Какъ соблазнительно нѣжить
Дремотный шорохъ
Молоденькой рощи,
Такъ робко
Ласкаемой вѣтромъ!

Какъ любо и весело
Вольной птичкѣ
Пѣть, щебетать,
Присѣдать и качаться
На гибкой вѣткѣ!

Какъ усыпительно сладко
 Ручей лепечеть!...
 Жадно ловять —
 И торопливо цѣлуютъ
 Сѣрые камни
 Его серебристую струйку....
 О, если бѣ могъ я
 Хоть камышкомъ — самымъ
 Простымъ голышемъ —
 Скатиться въ ручей!
 Позабыть бы я
 Въ свѣтлой прохладѣ его
 Все что въ тучахъ
 Пыли и дыма,
 Такъ случайно
 И такъ не на долго
 Покинуто мной....

Л. ПОЛОНСКИЙ.

НОТЫЛЕНЪ МАЛЬЧИКУ.

Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклона,
 И манить кустъ душистой вѣткой;
 Зачѣмъ же ты одинъ преслѣдуешь меня
 Твоею шелковою сѣткой?

Дитя кудрявое, любимый нѣжно сынъ
 Неувядающаго мая,
 Позволь мнѣ жизнью упиться день одинъ,
 На солнцѣ весело играя.

Постою, оно уйдетъ и блескъ его лучей
 Замретъ на западѣ далескомъ,
 И въ часъ таинственный я упаду въ ручей,
 И унесетъ меня потокомъ.

А. ФЕТЪ.

ОДНА ИЗЪ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Статья вторая.

III.

Когда въ французахъ созрѣло убѣжденіе, что лѣсной уставъ 1669 года не соотвѣтствуетъ новымъ юридическимъ понятіямъ и измѣнившимся условіямъ народной жизни, первый министръ, въ сентябрѣ 1822 года, нарядилъ комиссію для составленія проекта новаго лѣснаго устава. Комиссія состояла изъ семи членовъ лѣснаго управленія; ей поручалось рассмотреть дѣйствовавшіе законы и указать что въ нихъ должно быть измѣнено. Вопросы административные слѣдовало отдѣлнить отъ вопросовъ чисто законодательныхъ. Комиссія трудилась надъ проектомъ болѣе года. Затѣмъ проектъ перешелъ на рассмотрениеъ новой комиссіи, главная обязанность которой заключалась въ исключеніи изъ проекта всего того, что должно было составить предметъ инструкціи. Новая редакція второй комиссіи была рассмотрѣна третьей комиссіей, состоявшей изъ членовъ магистрата, юристъ-консультовъ и лѣсныхъ администраторовъ, подъ предсѣдательствомъ министра Мартиньяка. Проектъ, законченный такимъ образомъ, былъ напечатанъ и разосланъ на рассмотрениеъ кассационнаго суда, общихъ совѣтовъ департаментовъ, префектовъ и лѣсныхъ консерваторовъ (тоже что наши губернскіе лѣсничіе), для соображенія съ мѣстными обычаями и потребностями народа. Замѣчанія, собранныя со всѣхъ концовъ Франціи были

распределены по предметамъ, въ проектѣ закона сдѣланы измѣненія и затѣмъ назначена четвертая редакція въ присутствіи Карла X въ палатѣ депутатовъ. Мартиньякъ, въ качествѣ комиссара отъ правительства, докладывалъ проектъ палатѣ.

Главнѣйшая задача докладчика заключалась въ томъ, чтобы разъяснить палатѣ основанія, принятыя комиссіями при составленіи кодекса и раздѣленіе, установленное ими между предметами административными и законодательными. «Законъ», говорилъ Мартиньякъ, вступается вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о государственной собственности, которая не можетъ быть отчуждена безъ закона; законъ необходимъ вездѣ, гдѣ необходимо опредѣлить частные интересы, наложить запрещеніе, произнести приговоръ, выполнить судебный порядокъ; вездѣ, гдѣ третье лицо является въ противорѣчій съ администраціею. Все остальное, имѣющее предметомъ управленіе лѣсомъ, внутреннюю его полицію, порядокъ продажи и хозяйства составляетъ предметъ инструкцій. Это дѣленіе представляетъ ту выгоду, что давая всему, что должно быть твердо и постоянно, характеръ закона, доставляетъ возможность въ внутреннемъ управленіи лѣсовъ дѣлать измѣненія и улучшенія, не трогая коренныхъ постановленій и пользоваться такимъ образомъ каждый день полезными указаніями опыта.

Для разсмотрѣнія проекта, представленнаго Мартиньякомъ, была наряжена комиссія изъ девяти членовъ палаты; многое въ проектѣ измѣнили и передали его на окончательный просмотръ палаты перовъ. Графъ Руа, докладчикъ и членъ послѣдней комиссіи, представилъ подробный критическій разборъ разныхъ положеній новаго закона. Измѣненій въ немъ комиссія никакихъ не полагала, основываясь на томъ, что передѣлка закона отложить обнародованіе его по меньшей мѣрѣ на годъ, и что лучше пользоваться новымъ закономъ не вполне разработаннымъ только въ нѣкоторыхъ его положеніяхъ, чѣмъ руководствоваться, даже короткое время, старымъ, совершенно неудовлетворительнымъ закономъ. Новый лѣсной уставъ опубликованъ въ іюлѣ 1827 года.

Въ законѣ Людовика XIV, 1669 года, не встрѣчается такого строгаго разграниченія власти законодательной отъ высшей административной. Въ то время законодательная и административная власть соединялась въ лицѣ короля; отъ этого лѣсной кодексъ 1669 года заключаетъ въ себѣ смѣшанныя постановленія — администрація, наука, законъ стоять въ немъ вмѣстѣ. Не смотря на то законъ жилъ болѣе полутора ста лѣтъ и составляетъ, по мнѣнію Французовъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ управленія Кольбера; — двадцать одинъ комиссаръ трудились восемь лѣтъ надъ составленіемъ этого закона.

Въ нашемъ лѣсномъ законодательствѣ замѣчается другой порядокъ. Петръ I, Екатерина II, Павелъ издавали инструкціи, въ которыхъ административныя и научныя мѣры были смѣшаны съ вопросами чисто законодательными, и хотя указы вызывались обыкновенно отдѣльными частными случаями, но получали обязательную силу закона для всего государства. Въ началѣ, когда лѣсное дѣло было еще очень не сложно, когда правительство заботилось только объ охраненіи лѣсовъ отъ рубокъ и отъ пожаровъ, а правила хозяйства предлагало въ видѣ очень несложныхъ и коротенькихъ рецептовъ, другой порядокъ и не могъ существовать. Тогда работа шла въ чернѣ, выяснялись общія основанія, одинаково полезныя и на сѣверѣ и на югѣ; оттого и каждый указъ, вызванный повидимому хоть и частнымъ случаемъ, носилъ характеръ закона, имѣвшаго обязательную силу для всего государства, точно также какъ обстоятельство вызвавшее его было зломъ общимъ. Съ Александра I начинается новый порядокъ въ развитіи лѣсоводства, работа въ общихъ чертахъ кончилась и приступили къ отдѣлкѣ подробностей. Изученіе дѣла на мѣстахъ должно было дать матеріалы для закона, для инструкцій и для подробной разработки техническихъ вопросовъ лѣсоводства. Но и при новой работѣ не была оставлена старая система — система заимствованія: та же форштмейстерская наука, но подъ другимъ названіемъ, служила лекаломъ, по которому обдѣлывалось русское лѣсоводство. Причина въ томъ, что желаніе водворить въ лѣса хозяйство было вызвано не внутренней

потребностью страны, а примѣромъ Европы. Но у Европы были причины, которыхъ у насъ не существовало. Еще въ 1309 году, императоръ Генрихъ VII издалъ лѣсныя узаконенія, въ которыхъ между прочимъ говорилось, чтобы нюрнбергскій лѣсъ, расчищенный подъ поля, привести въ прежнее состояніе и засадить деревьями. Въ четырнадцатомъ столѣтіи нѣмцы не ограничивались однимъ охраненіемъ лѣсовъ—въ мѣрахъ того времени замѣтны слѣды хозяйства. Въ пятнадцатомъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣтенъ уже былъ недостатокъ въ лѣсѣ, а въ прошедшемъ столѣтіи явилась въ Германіи повсемѣстная боязнь недостатка въ лѣсѣ; такъ, что ученые лѣсоводы совѣтовали разводить скорораствующія породы, и съ того же времени, съ легкой руки Ганса фонъ-Карловица, написавшаго *Naturmässige Anweisung zur wilden Baumzucht* (въ 1712 году), пошло созидаться систематическое знаніе, прозванное наукой лѣсоводства. И у французовъ забота о лѣсахъ была вызвана тѣми же причинами, т. е., потребностями страны и значеніемъ лѣса въ фабричной и промышленной дѣятельности народа. Такимъ образомъ извѣстный Бернаръ Паллесси въ своемъ «*Recepte véritable par laquelle tous les hommes de la France peuvent apprendre à multiplier et augmenter leurs thrésors*» — 1568 года, указываетъ опасности отъ истребленія лѣсовъ и удивляется какъ торопятся французы истреблять свои лѣса. «Я бы не нашелъ дурнымъ, говорятъ Паллесси, что люди рубятъ лѣса, еслибы ихъ затѣмъ возобновляли, но люди совѣмъ не заботятся о будущемъ и не обращаютъ вниманія на зло, которое причиняютъ своимъ потомкамъ». Паллесси придавалъ лѣсамъ огромную важность. Вотъ его взглядъ на ихъ значеніе: «Я хотѣлъ иногда опредѣлить, какія искусства должны прекратиться, если будутъ истреблены лѣса; но начиная перечислять, долженъ былъ прекращать свою работу, потому что не находилъ ни одного, которое бы могло существовать безъ лѣсу. Если лѣсовъ не будетъ болѣе, то должно прекратиться всякое судоходство и рыболовство, даже птицы и многія породы животныхъ, питающіяся плодами, должны будутъ покинуть страну». Самый лѣсной уставъ 1669 года былъ вызванъ боязнью Кольбера, что Франція погібнетъ

отъ недостатка въ лѣсѣ и развитіе промышленности и фабрикъ сдѣлается невозможнымъ. Не тѣ побужденія лежали въ основаніи мѣръ, явившихся въ нашемъ лѣсномъ законодательствѣ. Сначала лѣсъ не имѣлъ у насъ ни какой цѣны — рубилъ его всякій; но въ 1703 году его производятъ вдругъ въ матеріалъ для государственнаго кораблестроенія и является самая строгая запретительная система; народу не позволяютъ рубить даже того, безъ чего онъ не можетъ ни какъ обойтись. Рядомъ съ этой крайней экономіей, тягость которой, не приучая народъ ни къ чему, стѣсняетъ его только въ предметахъ первой потребности для домашняго хозяйства, идетъ полусвободная и безконтрольная рубка лѣсовъ, для «заморскаго торга», развившаяся наконецъ до того, что императору Павлу приходитъ мысль запретить сѣверные порты для торговли лѣсомъ. Между тѣмъ для устройства порядка на мѣстахъ, для организаціи хорошей администраціи дѣлается не много, потому что доходы отъ лѣсовъ совершенно ничтожны, слѣдовательно не достаетъ средствъ ни на размежеваніе и устройство лѣсовъ, ни на устройство хорошаго охраненія; наконецъ и общее государственное управленіе не можетъ похвалиться порядкомъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя было ожидать порядка въ дѣйствительности. Указы, разныя повелѣнія и подтвержденія служили только выраженіемъ правительственнаго желанія устроить дѣло, какъ оно сложилось на Западѣ; самое же дѣло на мѣстахъ шло другимъ путемъ: это былъ административный дуализмъ, разногласіе заимствованнаго и проводимаго сверху ученія съ жизнью, непринимавшей его.

Правительство понимало, что подобный порядокъ существовать не можетъ, а повторять прежнюю систему дѣйствій не ведетъ ни къ чему дѣйствительно полезному. Ему хотѣлось сказать что нибудь новое и вотъ съ учрежденіемъ въ 1802 году министерствъ, въ министерствѣ финансовъ — получившемъ управленіе казенными имуществами — составленъ проектъ устава о лѣсахъ. При составленіи проекта коммиссія задала себѣ рѣшеніе трехъ главныхъ вопросовъ: на какомъ основаніи учредить новое управленіе, такъ чтобы лѣса приводились въ порядокъ и расходывались бережливо; какъ

устранить замѣченный уже во многихъ губерніяхъ недостатокъ лѣсовъ и предупредить его въ другихъ мѣстахъ, не слишкомъ богатыхъ лѣсомъ; наконецъ, какія выгоды можно извлечь для казны изъ лѣсовъ?

Теоретически задачу разрѣшили тѣмъ, что существовавшему до того времени лѣсному департаменту дали власть и преимущества государственныхъ коллегій и возложили на него привести всѣ лѣса въ извѣстность, нанести ихъ на планы, обозначить подробно ростъ и свойство лѣсовъ и показать разстояніе ихъ отъ рѣкъ, городовъ, заводовъ, фабрикъ и большихъ селеній; но не ограничиваясь этимъ, департаментъ долженъ былъ извлекать изъ лѣсовъ возможную прибыль внутренней и внѣшней торговлей и разными хозяйственными заведеніями; заботиться о разведеніи и умноженіи лѣсовъ, корабельные лѣса разводить близъ рѣкъ, пристаней и морскихъ береговъ и разводить лѣса въ мѣстахъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ лѣсѣ для внутреннихъ потребностей.

Учредить школы для образованія свѣдущихъ лѣсничихъ.

Раздѣлить лѣса на годовыя лѣсосѣки; лѣсосѣки вести противъ сильныхъ вѣтровъ, а въ гористыхъ мѣстахъ располагать по косоугору снизу вверхъ; для обмѣненія оставлять на лѣсосѣкѣ отъ двадцати до двадцати пяти лучшихъ деревьевъ.

Въ собственно казенныхъ лѣсахъ предписано слѣдовать правиламъ хозяйства, принятымъ въ чужестранныхъ мѣстахъ, и учредя лѣсные удѣлы или форштен и составивъ смѣты количеству лѣса, возможному къ ежегодной вырубкѣ, безъ истощенія дачъ, рубки распределять другимъ порядкомъ, имѣя главнѣйше въ виду, чтобы вырубленные мѣста возобновлялись.

Новаго во всемъ этомъ ничего не было; къ тому же стремились правительства предшествовавшія Александру. Но какъ этихъ правилъ было еще недостаточно и владѣнія казенныхъ крестьянъ не были опредѣлены въ натурѣ, то согласно проекту предполагалось надѣлить крестьянъ землей. Мѣра эта была лучшая изо-всего, что стояло въ проектѣ, потому что вела къ разграниченію земель и къ образованію изъ лѣ-

совъ, оставшихся за надѣломъ крестьянъ земель, особыхъ лѣсныхъ дачъ — собственно казенныхъ, безспорнаго владѣнія. Въ надѣлѣ крестьянамъ дозволено назначать всѣ казенные лѣса, кромѣ корабельныхъ. Изъ общей площади земель, нарѣзанныхъ крестьянамъ, часть шла подъ пашни и угодья, а остальное должно было образовать крестьянскія лѣсныя дачи. Дачи эти слѣдовало раздѣлить на лѣсосѣки и отдать подъ наблюдение волостныхъ правленій; лѣсному же начальству наблюдать только, чтобы крестьяне не вырубили въ годъ болѣе одной лѣсосѣки.

Послѣдняя мѣра была задумана вѣрно, но не закончена, и вотъ одна изъ причинъ почему крестьянскіе лѣса сохранились такъ плохо. Возможность истощенія и уменьшенія этихъ лѣсовъ представлялась въ двухъ видахъ: безпорядочными и усиленными рубками насажденій и постепенными подпашками; отъ перваго портились лѣса въ достоинствѣ, т. е., хвойныя породы (сосна, ель), замѣнялась лиственными (осиной, березой), выводился строевой матеріалъ, лѣса становились мельче и рѣдѣли; а отъ подпашекъ уменьшалась площадь лѣсовъ. Совершенное сохраненіе лѣсовъ въ томъ видѣ, въ какомъ застала ихъ нарѣзка, было невозможно, ужъ только потому, что увеличивающееся народонаселеніе вызывало и увеличеніе потребности въ лѣсныхъ матеріалахъ. Тамъ, гдѣ прежде селеніе могло обойтись двадцатью саженьями, пришлось рубить тридцать; и если на лѣсосѣкѣ имѣлось только двадцать сажень, то остальные десять приходилось рубить въ другихъ мѣстахъ. Отъ крестьянскаго лѣснаго хозяйства нельзя было требовать увеличенія прироста насажденій въ такой мѣрѣ, чтобы потребности прибавки населенія удовлетворялись прибавкой въ приростѣ — этого не существуетъ даже въ лѣсоводственной Саксоніи. Но кромѣ того, въ самой пропорціи земли принятой для нарѣзки, заключалась не возможность удовлетворенія потребностей крестьянъ въ лѣсѣ, ограничивая рубку одной законной лѣсосѣкой ежегодно. Нарѣзка лѣсовъ производилась въ размѣрѣ одной десятины на душу, при восьмидесятичной пропорціи, и одной и $\frac{7}{8}$ при пятнадцатидесятичной. При такомъ основаніи приходилось въ первомъ случаѣ двѣ кубическихъ сажени въ годъ на крестьянское се-

мейство — (для расчета принято четырехдушное семейство, сороколѣтній оборотъ рубки и запасъ десятины двадцать кубическихъ сажень) — т. е., количество дровянаго матеріала недостаточное на всѣ потребности семьи — отопленіе жилья, баню и ригу. Понятно, что при этомъ лѣсъ долженъ былъ уменьшаться; процентъ съ капитала не удовлетворялъ и трогали самый капиталъ, т. е., крестьянинъ рубилъ не столько, сколько ему назначалось начальствомъ, а сколько было нужно для дома.

Второе обстоятельство, не менѣе способствовавшее уменьшенію крестьянскихъ лѣсовъ, заключалось въ отсутствіи границъ лѣсовъ въ натурѣ. На планахъ границы были вырисованы красивыми, цвѣтными линиями; но никто не могъ показать соотвѣтствующія имъ линии въ натурѣ. Отъ этого, каждый крестьянинъ, имѣвшій полосу по смежности съ лѣсомъ, подрѣзалъ каждый годъ по немногу корни крайнихъ деревъ; а иногда, желая воспользоваться лѣснымъ наземомъ, заходилъ съ сохой въ лѣсъ и нѣсколько глубже. Деревья сохли, ихъ не вырубали; на слѣдующій годъ подрѣзывались корни новыхъ деревъ, а соха заходила въ лѣсъ еще глубже, и лѣсная площадь годъ отъ году уменьшалась болѣе и болѣе.

Послѣднее обстоятельство, имѣвшее тоже не малое вліяніе на истощеніе крестьянскихъ лѣсовъ, заключалось въ томъ, что крестьяне были плохіе лѣсоводы; но въ этомъ ихъ нельзя обвинять безусловно. Нашего крестьянина нельзя назвать расточительнымъ, онъ умѣетъ беречь копейку не хуже любаго нѣмца; правда, крестьянинъ не умѣетъ хозяйничать въ лѣсахъ по правиламъ саксонскаго лѣсоводства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ крестьянскомъ лѣсу не существовало никакого хозяйства. Въ крестьянинѣ много наблюдательности, онъ знаетъ многія свойства древесныхъ породъ и условія роста лучше многихъ ученыхъ лѣсничихъ. Пока лѣсу было много, крестьянинъ рубилъ, не думая о завтрашнемъ днѣ и былъ правъ; но когда и такъ не большіе лѣсочки сдѣлались еще меньше, а жизнь заговорила, что лѣсъ имѣетъ для крестьянина значеніе, онъ сталъ экономничать и даже началъ дѣлать въ своихъ лѣсахъ заказы. Мужикъ дѣйствительно лѣнивъ, нерадивъ, беззаботенъ если его приучили

ходить на помочахъ; но если тотъ же крестьянинъ развивался и жилъ болѣе самобытно и свободно, онъ иначе смотритъ на вещи и дѣйствуетъ на другихъ основаніяхъ. Во многихъ губерніяхъ крестьяне смотрятъ на свои лѣса совершенно иначе, чѣмъ они смотрѣли на нихъ лѣтъ двадцать назадъ; можно указать на губерніи тамбовскую, пензенскую, саратовскую, гдѣ крестьяне части дачь болѣе истощенныя, обращаютъ въ заказы, т. е., даютъ другъ другу обѣщаніе не рубить ихъ лѣтъ десять, пятнадцать, пока лѣсъ не подрастетъ. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ крупные лѣса начинаютъ выводиться, ихъ уже не рубятъ по прежнему, давно забытому, правилу и только якуты, для сбора орѣховъ, рубятъ еще вѣковые кедры. Чтобы крестьянинъ берегъ свой лѣсъ нужно, чтобы онъ былъ увѣренъ, что лѣсъ принадлежитъ ему; а иначе онъ смотритъ на него какъ на казенный. Неувѣренность крестьянъ, что лѣса нарѣзанные имъ составляютъ ихъ собственность, была одною изъ главныхъ причинъ, что крестьяне не берегли ихъ. На эти лѣса, состоявшіе въ казенномъ надзорѣ, крестьяне смотрѣли какъ на казенную собственность, которая не сегодня, такъ завтра можетъ быть отнята отъ нихъ. Недовѣрчивость крестьянъ шла такъ далеко, что мѣстами части лѣсовъ, выдѣленные правительствомъ въ заказъ — лѣсъ заказный — крестьяне называли лѣсъ заказной. Стоитъ крестьянину быть увѣреннымъ, что лѣсъ нарѣзанный ему не будетъ отъ него отобранъ и лѣсъ этотъ не исчезнетъ съ лица земли. Можетъ быть, первое время крестьяне порубятъ лишки, да и то едва-ли, — и нынѣшній казенный надзоръ существуетъ болѣе на бумагѣ, — но потомъ крестьянинъ установится и не станетъ истреблять своего лѣса, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ не замѣнимъ другимъ матеріаломъ, по той же простой причинѣ, по которой онъ не истребляетъ и не портитъ намѣренно другіе предметы своего хозяйства. На столько-то отъ русскаго мужика не отниметъ никто смысла.

Совсѣмъ иначе поступалъ крестьянинъ, когда въ своемъ лѣсѣ онъ видѣлъ казенную собственность; тутъ онъ точно былъ небрежливъ и небреженъ; да и о чемъ было ему хлопотать? При той системѣ опекуинства, которая существо-

вала, крестьянинъ зналъ, что онъ казенный и лѣсъ казенный; не достанетъ пашни — нарѣжутъ изъ казеннаго лѣса; не достанетъ лѣсу — отпустятъ или нарѣжутъ тоже оттуда же. Въ этомъ случаѣ лѣсовъ, разумѣется, жаль менѣе всего; невелика бѣда, что ихъ повырубили — выростутъ: но дурно, что крестьянинъ привыкалъ быть малолѣткомъ, что ему нравилось ходить на помочахъ и совершеннолѣтіе его отодвигалось все дальше и дальше.

Всѣ эти причины, взятая вмѣстѣ, должны были обнаружить вредное вліяніе на состояніе такъ называемыхъ крестьянскихъ лѣсовъ; а неуспѣхъ мѣры, придуманной правительствомъ въ 1802 году, заключался въ томъ, что по недостатку средствъ выдѣлъ крестьянскихъ лѣсовъ не былъ оконченъ; въ натурѣ не были обозначены постоянными признаками границы лѣсовъ; крестьянскія дачи остались подъ надзоромъ казеннаго лѣснаго управленія и, наконецъ, что въ крестьянинѣ не явилось убѣжденіе, что лѣсъ данный ему не отнимутъ отъ него.

Лѣса собственно казенные, такъ называемые единственнаго владѣнія, были счастливѣе — границы ихъ были закрѣплены въ натурѣ и въ этомъ заключается главная причина, почему лѣса эти сохранились безъ уменьшенія площади. Нельзя сказать, чтобы насажденія въ нихъ не пострадали; во многихъ изъ этихъ лѣсовъ бывали сильныя рубки, мѣстами осина и береза стали вытѣснять сосну и дубъ; но это зло не важное. Странно требовать, чтобы все сохранялось въ томъ же видѣ, какъ было при сотвореніи міра; развитіе жизни и населенія должно измѣнять фیزیономію земли и порядокъ этотъ неизбеженъ. Сѣтовать, что нынѣ лѣса уже не такъ хороши, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, что вѣковыхъ дубовъ и сосенъ мало, прилично только ученымъ форштмейстерамъ; въ этомъ вѣчномъ измѣненіи, въ работѣ человѣка улаживающаго все сообразно полнымъ потребностямъ заключается жизнь. Въ настоящее время лѣсамъ совсѣмъ не зачѣмъ быть въ такомъ количествѣ, какъ прежде; — камень, кирпичъ, желѣзо каменный уголь составляютъ такое подспорье строевому и дровяному лѣсу, что лѣса начинаютъ уже терять ту важность, какую имъ придавали ра-

нѣе полудникія общества. Изъ всего этого разумѣется не слѣдуетъ, что съ лѣсами нужно обращаться небрежно: вырубать сплошь тысячи десятинъ и землю оставлять впусѣ, не употребляя ее другимъ, болѣе выгоднымъ способомъ, или смотрѣть спокойно, когда вмѣсто одного проданнаго бревна выпускается изъ казенной дачи десять, или сгораютъ десятки тысячъ десятинъ отъ пожаровъ. Кому бы лѣса ни принадлежали, хозяйство должно въ нихъ существовать и слѣдуетъ пользоваться только процентами съ капитала, т. е., вырубать изъ лѣсу ежегодно не болѣе того, что приростаеъ ежегодно.

Чтобы установить возможность такого правильнаго и хозяйственнаго обращенія съ лѣсами, было недостаточно однихъ запретительныхъ постановленій. Нужно было привести лѣса въ извѣстность, устроить надзоръ за ними и организовать хорошее управленіе. Вновь учрежденное министерство финансовъ принялась за эту работу.

Съ этой цѣлью, по предложенію министра финансовъ, графа Васильева, составлены лѣсныя комиссіи; на нихъ же возложена обязанность надѣленія крестьянъ землей. До 1805 года лѣсной департаментъ успѣлъ устроить на новыхъ основаніяхъ губерніи: олонеккую, вятскую, калужскую и курляндскую; затѣмъ приступили къ устройству губерній с.-петербургской, казанской, московской, тульской, воронежской, орловской, минской и финляндской. Для устройства остальныхъ губерній собирались предварительныя свѣдѣнія. Въ этихъ губерніяхъ производились собственно однѣ межевыя работы; подробное же устройство было произведено только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лѣсахъ. Такимъ образомъ въ 1804 году былъ составленъ «уставъ о лѣсахъ курляндской губерніи» имѣющій силу и досихъ-поръ. Тульскія и калужскія засѣки раздѣлили на форсты и унтеръ-форсты, а въ замѣнъ надзирателей изъ крестьянъ, опредѣлили надзирателей изъ солдатъ, и валдгегерей. Калужскія засѣки предполагалось даже обречь канавами. Наконецъ лѣсныхъ сторожей задумали одѣть всѣхъ одинаково и вооружить «по приличію», т. е., сторожей кортиками, пиками и тесаками; а объѣзчиковъ ружьями и кор-

тиками. Для болѣе выгодной продажи, для лѣсовъ калужскихъ и тульскихъ засѣкъ, составлены новыя таксы, потому что павловскія таксы 1799 года были ниже дѣйствительныхъ цѣнъ на лѣса. Орловскій оберъ-форштмейстеръ Веррагонъ, кромѣ собственно лѣсоводственныхъ мѣръ, предполагалъ расчистить рѣку Нарву, впадающую въ рѣку Ипутъ и соединеніемъ ея съ Сожей открыть сплавъ въ Днѣпръ; устроить нѣсколько казенныхъ запасныхъ лѣсныхъ магазиновъ и продавать бревна проѣзжающимъ зимой съ хлѣбомъ крестьянамъ курской губерніи, которые обыкновенно по распродажѣ хлѣба покупали строевой лѣсъ. Въ то же время во многихъ лѣсахъ орловской, нѣжегородской, московской и с.-петербургской губерній усиленъ надзоръ и увеличено число форштмейстеровъ, форстеровъ и унтеръ-форстеровъ. Вятскій оберъ-форштмейстеръ Степановъ тоже не отсталъ отъ другихъ; по его представленію усилена въ вятскихъ лѣсахъ стража и установленъ новый порядокъ выдачи билетовъ на рубку лѣса.

При чисто финансовомъ взглядѣ на лѣса, существовавшимъ въ тѣ времена и при неразвитіи лѣсной промышленности и торговли, идея орловскаго оберъ-форштмейстера — устроить лѣсные магазины, для продажи лѣса — должна была понравиться и впоследствии велѣно для продажи лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ, завести магазины въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Казани. Заготовку матеріаловъ и доставку ихъ въ магазины производить отъ казны вольными рабочими. Продажа лѣса возложена на особыхъ смотрителей, состоявшихъ въ непосредственномъ распоряженіи оберъ-форштмейстеровъ. Въ то же время, въ уѣздахъ мамашинскомъ, ланшевскомъ, спаскомъ, чистопольскомъ и казанскомъ, построено десять поташныхъ заводовъ, для выварки ежегодно 100,000 пудовъ поташа. Чтобы составить понятіе, что значить 100,000 пудовъ поташа, необходимо добавить, что изъ кубической сажени вязовыхъ дровъ получается его отъ пятнадцати до девятнадцати фунтовъ; изъ кубической сажени дуба отъ семи до одиннадцати фунтовъ; изъ сажени осины отъ двухъ до пяти фунтовъ; слѣдовательно для добыванія 100,000 пудовъ поташа пришлось бы употребить въ дѣло

235,294 кубическихъ сажень вязовыхъ дровъ, или 444,444 сажени дуба, или 1,000,000 сажени дровъ осиновыхъ ежегодно!

Къ концу 1814 года, заводы были окончены и отданы съ торговъ въ арендное содержаніе; но въ 1822 году казна замѣтила, что заводчики, вырубая сырыя деревья, только истребляютъ дачи — странно какъ этого незамѣтили раньше! — и что для казны выгоднѣе продавать лѣсъ за пенныя и посаженныя деньги, чѣмъ отпускать его на поташные заводы. Въ 1823 году заводы уничтожены и всѣ постройки и принадлежавшія заводамъ вещи — проданы.

Убѣжденіе въ убыточности лѣсныхъ магазиновъ пришло не такъ скоро. Въ 1815 году устроили два казенныхъ магазина въ Кіевѣ, одинъ на 10,000 бревень, а другой на 5,000 кубическихъ сажень дровъ. Кромѣ того, магазины находились въ Воронежѣ, въ таврической губерніи и въ губерніи смоленской. Съ этими магазинами кончилось дѣло такъ, какъ окончивается обыкновенно со всѣми казенными учрежденіями, задуманными и дѣйствующими на коммерческомъ основаніи — дѣло оказалось для казны невыгоднымъ и магазины закрыты между 1820 и 1825 годами. Опытъ этотъ, не новый на западѣ Европы, гдѣ уже давно сложилось убѣжденіе, что казнѣ невыгодно торговать, употребляя для этого чиновниковъ, или устроить собственно для выгоды заводы и фабрики, былъ необходимъ и для насъ; но жаль что онъ пропалъ даромъ: — лѣтъ пятнадцать назадъ, завели снова дровяной магазинъ въ С.-Петербургѣ, для продажи дровъ бѣднымъ жителямъ столицы; продавали изъ него лѣтъ пять, получили чистаго убытку пять тысячъ рублей и магазинъ закрыли.

Устройство лѣсовъ по губерніямъ, на новыхъ началахъ, принесло главнѣйшее выгоду увеличеніемъ дохода отъ лѣсовъ. Но какъ новое начало привилось къ лѣснымъ — преданіе молчать; оно сохранило только память о нѣкоторыхъ изъ нихъ и память не лестную. Объ одномъ форстмейстерѣ изъ нѣмцевъ, рассказываютъ, что лѣсной сторожъ привелъ къ нему разъ крестьянина, пойманнаго въ самовольной пастьбѣ коровы въ казенномъ лѣсу. Мужикъ сначала просилъ нѣмца возвратитъ ему корову, — а корова была хорошая,

дорогая; но видя, что просьбы не помогают, подалъ форштмейстеру синенькую (пяти-рублевую) бумажку. Нѣмецъ разсердился.

— Развѣ твоя корова была синяя? крикнулъ онъ на крестьянина.

Крестьянинъ догадался и подалъ бумажку красную (десятирублевую).

— Развѣ твоя корова красная? бѣлая твоя корова, бѣлая! и мужикъ заплатилъ нѣмцу бѣленькую, т. е., двадцать пять рублей.

О лѣсничихъ, устроенныхъ на новыхъ началахъ тульскихъ засѣкъ, сохранилась не лучшая память. Говорятъ, что тогдашній тульскій оберъ-форштмейстеръ распорядился казенными доходами такимъ образомъ: всѣ деньги вырученныя отъ продажи лѣса, онъ дѣлилъ на три равныя части: одну бралъ себѣ, другую отдавалъ лѣсничему, а третью вносилъ въ казну. Но величайшимъ образцомъ крайней безсовѣстности и наглости можетъ служить продѣлка одного курляндскаго лѣсничаго. Ревизоръ присланный изъ Петербурга, нашелъ у него въ лѣсу дрова, вырубленныя безъ законнаго права; выражаясь технически — нашелъ самовольную порубку, сдѣланную съ дозволенія лѣсничаго. Дрова лежали на полянѣ, сложенные въ полѣнницы.

— Что это за дрова? спросилъ ревизоръ, обращаясь къ лѣсничему.

— Это не дрова, а сѣно, отвѣчалъ лѣсничій.

— Какъ сѣно!? — Что это такое? спрашиваетъ ревизоръ снова, обращаясь къ бывшей съ нимъ стражѣ.

— Сѣно, ваше высокоблагородіе, отвѣчала стража.

Что оставалось дѣлать ревизору? Постороннихъ людей съ нимъ не было; добиваться правды отъ лѣсничаго и стражи было бесполезно. День уже клонился къ вечеру и ревизоръ, воротившись домой, приказалъ собрать на утро понятыхъ, чтобы сдѣлать съ ними въ лѣсу свидѣтельство дровамъ. Рано утромъ отправился ревизоръ въ лѣсъ съ понятыми; пріѣхали на поляну и — нашли на ней сѣно.

Въ развитіи нашего правительственнаго лѣсоводства рѣшительно не видно той строгой постепенности, того послѣдо-

вательнаго движенія, которое составляетъ результатъ строгаго обдуманной идеи, вѣрныхъ основаній и вѣрно избранныхъ средствъ, къ достиженію заданной цѣли. Этой постепенности не видно ни въ чемъ; напротивъ прослѣживая дѣло сначала до конца, видишь какую-то порывистость движеній, какіе-то скачки. Петръ началъ такой порядокъ своей крутой работой и тотъ же порядокъ сохранился въ послѣдующихъ царствованіяхъ. Каждое изъ нихъ начиналось ломкой стараго и не всегда созданіемъ новаго, лучшаго порядка: Екатерина I ломаетъ петровское лѣсное управленіе, Анна Ивановна уничтожаетъ екатерининское, Екатерина II собирается сдѣлать кое-что и даже даетъ обѣщаніе въ томъ, и окончательно уничтожаетъ петровский принципъ — право государства на лѣса, необходимые для его потребностей; Павелъ строитъ новое управленіе и издаетъ новый лѣсной законъ; наконецъ, Александръ I, видя что работа вчернѣ не ведетъ къ цѣли, приступаетъ къ устройству лѣсовъ на мѣстахъ, къ развитію лѣсной администраціи и къ надѣлу крестьянъ землей. Прошло сто лѣтъ съ Петра I до Александра I и Россія знаетъ только приблизительно сколько у нея лѣсовъ, плановъ на всѣ лѣса не имѣетъ, хорошаго охраненія на мѣстахъ нѣтъ, точнаго и вѣрнаго контроля не существуетъ, сколько можно вырубить изъ лѣсовъ ежегодно, не истощая основнаго капитала, никому неизвѣстно; а рубки все-таки ведутся, потому что казнѣ нужны деньги и лѣсные доходы играютъ нѣкоторую роль въ бюджетѣ государства. Между тѣмъ недовольство старымъ и желаніе выстроить нѣчто новое было сильно постоянно, и постоянно недоставало средствъ достигнуть заданной цѣли; постоянно приходилось выносить борьбу слова съ дѣломъ, проекта и указа съ жизнью, и постоянно побѣда оставалась не на сторонѣ указа и проповѣдываемой имъ теоріи. Этотъ порядокъ вещей не кончился съ царствованіемъ Александра I; и послѣ тоже движеніе сверху внизъ возбуждало не разъ лихорадочную дѣятельность въ лѣсномъ управленіи. Принимались съ жаромъ за работу, тратили много силъ и денегъ, но работа шла впередъ медленно, энергія ослабѣвала, лихорадка проходила и дѣло, начатое по-видимому съ знаніемъ дѣла, съ толкомъ и разсчетомъ при-

носило результаты самые микроскопическіе. Трудно сказать къ какимъ результатамъ приведетъ послѣднее движеніе начатое теперешнимъ лѣснымъ управленіемъ; но ему слѣдуетъ отдать честь въ сознаниі, съ которымъ оно принялось за ломку стараго, за вѣрное пониманье прошедшихъ ошибокъ и за коренныя измѣненія, которыя имъ задуманы и частью уже исполнены. Когда, съ концомъ крымской войны, Россія принялась за оцѣнку своей прошедшей дѣятельности, когда новый порядокъ вещей заставилъ очнуться и лѣсничихъ, для новыхъ работниковъ было уже подготовлено много матеріаловъ. Всѣ неудачи прошедшаго, всѣ ошибки въ администраціи, недостатки цѣликомъ взятой отъ нѣмцевъ лѣсной науки, несостоятельность системы опекуинства, все это служило уже вѣрными указателями новаго пути, которымъ слѣдовало идти. Присматриваясь къ тому, что нужно намъ сдѣлать и съ чего начать работу, было не трудно увидѣть, что задача 1802 года составляетъ въ общихъ основаніяхъ задачу и нашего времени. И намъ нужно рѣшить — на какомъ основаніи учредить новое управленіе, такъ чтобы лѣса приводились въ порядокъ и расходовались бережливо, какъ устранить замѣченный уже во многихъ губерніяхъ недостатокъ лѣсовъ и предупредить его въ другихъ мѣстахъ не слишкомъ богатыхъ лѣсомъ; наконецъ, какія выгоды можно извлечь для казны отъ лѣсовъ! Но наша задача сложнѣе и труднѣе задачи 1802 года, потому что требуетъ повѣрки и сличенія множества матеріаловъ и подготовленныхъ работъ; требуетъ большой черной работы, мелочнаго пересмотра накопившихся, но не разработанныхъ матеріаловъ, разъясненія многихъ фактовъ незнакомыхъ тому времени и такихъ коренныхъ передѣлокъ многого стараго, на которыя нужно потратить больше труда, чѣмъ на постройку совершенно вновь.

Было бы странно въ неуспѣшности полуторастолѣтней разработкѣ лѣснаго дѣла обвинять однихъ лѣсничихъ; ихъ разумѣется нельзя оправдывать, но главная вина не на нихъ. Они были дѣти времени; въ ихъ грубой корыстности, въ отсутствіи пониманія своихъ гражданскихъ правъ, выразилось тоже начало, которое въ другихъ лицахъ, въ другихъ слояхъ общества, проявилось въ формѣ болѣе мягкой и бла-

говидной: — всѣ были дѣти одной семьи. Оттого и въ нѣмцѣ-форштмейстерѣ, который за бѣлую корову бралъ бѣлую бумажку и въ оберъ-форштмейстерѣ, дѣлившимъ казенный доходъ на три части, наконецъ и въ честномъ курляндцѣ, у котораго дрова превращались въ сѣно, слѣдуетъ видѣть не лѣсничаго-казнокрада, а чиновника того времени, лице, которому вѣрялось приложить къ жизни идею, которую старалось провести передовое правительство. Этотъ разладъ теоріи съ практикой служить только разъясненіемъ почему полтора ста лѣтъ труда принесли такъ мало пользы; онъ объясняетъ, что метода устрашенія, сопровождаемая даже смертной казнью не даетъ ожидаемыхъ результатовъ и не спасаетъ лѣсовъ; что гигантскія усилія и огромныя издержки, потрачиваемыя правительствомъ, приносятъ десятую долю той пользы, какую онѣ могли бы принести въ рукахъ другихъ дѣятелей, и что сильная централизація большаго государственнаго тѣла, общность законовъ, имѣющихъ предметомъ народное хозяйство, больше вредятъ чѣмъ приносятъ пользу дѣлу. До тѣхъ же убѣжденій дошла и западная Европа. Кому достался опытъ труднѣе, рѣшить трудно, да едва ли это и нужно; но Европѣ достался онъ много ранѣе насъ, потому что она была значительно впереди насъ въ гражданственности и много ранѣе начала свою лѣсную работу. Говоря о прошедшемъ, мы не хотимъ обвинять его за неудачи или сѣтовать на ошибки старины; намъ нужно прошедшее для вѣрнаго пониманія настоящаго и для вѣрнаго опредѣленія нашей будущей дѣятельности.

Въ началѣ царствованія Александра I замѣтенъ сильный порывъ впередъ, замѣтно желаніе дать начало новому строю лѣснаго управленія; къ сожалѣнію одна изъ главныхъ задачъ — надѣлъ крестьянъ землей и выдѣлъ крестьянскихъ дачъ — не была доведена до конца. Правительство вѣроятно и само сознавало, что не владѣетъ достаточными средствами къ достиженію заданныхъ цѣлей, что трудно одному вѣдомству завѣдывать всѣми лѣсами, какъ это было прежде, и лѣса стали получать специальное назначеніе. Первая идея подобнаго раздробленія лѣсовъ принадлежитъ императору Павлу. Еще въ 1799 году предполагено было отдѣлить въ

пермской губерніи лѣса годные для кораблестроенія, а изъ остальныхъ вырѣзать пространство, въ размѣрѣ, необходимомъ для дѣйствія соляныхъ заводовъ. Предположеніе это начало выполняться только съ 1805 года. Къ 1806 году, съ учрежденіемъ горнаго департамента, главное завѣдываніе всѣми лѣсами примезеванными къ частнымъ и казеннымъ горнымъ заводамъ, поручено горнымъ правленіямъ и горному департаменту; хозяйственное же завѣдываніе этими лѣсами оставлено на обязанности форштмейстеровъ и оберъ-форштмейстеровъ. Правленіямъ предоставлено право внутренняго размежеванія горныхъ лѣсовъ, велѣно раздѣлить лѣса на лѣсосѣки, распредѣлить и уровнять дачи между заводами, наблюдать, чтобы каждый заводъ рубилъ не болѣе годовою пропорціи и производилъ рубку установленнымъ порядкомъ.

Каждому заводу назначено имѣть своего вальдмейстера или смотрителя лѣсовъ и объѣздчиковъ, полагая на 150 душъ крестьянъ одного.

Предъ наступленіемъ времени для рубки лѣса, горный начальникъ или его помощникъ долженъ былъ опредѣлить въ натурѣ мѣсто для рубки или отвести лѣсосѣку, если дачи раздѣлены; а въ частныхъ заводахъ такое назначеніе долженъ былъ дѣлать главный повѣренный, подъ наблюденіемъ заводскаго исправника.

Съ учрежденіемъ въ 1808 году департамента удѣловъ, лѣса удѣльныхъ имѣній переданы въ полную зависимость удѣльнаго начальства и исключены изъ вѣдѣнія оберъ-форштмейстеровъ.

Въ 1804 году, съ передачей винокуренныхъ заводовъ въ управленіе тайному совѣтнику Нелидову, предположено: «отвести къ заводамъ особые лѣса и отдать оныя въ ихъ вѣдѣніе и бережливость, дабы они завсегда имѣли съ своей стороны всю благонадежность.»

Наконецъ 25 августа 1817 года изданъ проектъ устава о корабельныхъ лѣсахъ и корабельные лѣса раздѣлены на три округа: низовый, сѣверный и западный.

Заготовленіе лѣсовъ въ низовомъ округѣ (въ губерніяхъ Приволжскихъ) назначено производить по прежнему — лашманами; но какъ при прежнихъ мѣрахъ правительства, по-

винность эта слишкомъ отягощала лашмановъ, являлись безпрестанныя жалобы на чиновниковъ, да и самому начальству было хлопотливо, то сдѣланы слѣдующія измѣненія: чтобы избавить отъ заготовокъ татаръ, живущихъ слишкомъ далеко отъ корабельныхъ лѣсовъ — а нѣкоторые жили верстъ за 1500 — изъ 943,139 душъ, приписанныхъ въ семи ближайшихъ къ Казани губерніяхъ, уволено отъ заготовки 823,000 душъ и для работъ приписано 120,000 душъ и предположено употреблять ежегодно въ работу по 8,000 челоуѣкъ.

Плата за заготовку назначена вдвое противъ прежней, т. е., по сорока копеекъ пѣшему и по восьмидесяти копеекъ ассигнаціями конному; да за проходъ пѣшему двадцать, и конному за переѣздъ двадцать пять копеекъ въ день. Лашмана были обязаны заготавливать, сверхъ мачтовыхъ, до 28,000 дубовыхъ деревъ, вѣсомъ около полутора милліона пудовъ и за исправленіе лашманской повинности освобождены отъ поставки рекрутъ.

Въ остальныхъ округахъ заготовка и обдѣлка корабельныхъ деревъ производилась чрезъ комиссіонеровъ морскаго министерства и чрезъ подрядчиковъ.

Для всегдашняго обезпеченія флота въ корабельномъ лѣсѣ предположено выдѣлить изъ казенныхъ лѣсовъ триста корабельныхъ рощъ. Подъ рощи назначено выбирать въ разныхъ губерніяхъ части лѣсныхъ дачъ въ триста и болѣе десятинъ. Избранныя рощи слѣдовало обозначать нумерами и отдѣлять просѣками и межниками.

Надзоръ за корабельными рощами порученъ мѣстнымъ лѣснымъ чинамъ, а охраненіе возложено на лашмановъ. Съ этой послѣдней цѣлью въ непремѣнные лѣсные сторожа велѣно отрядить триста лашманскихъ семействъ, и чтобы въ каждомъ семействѣ находилось не менѣе четырехъ душъ.

Въ этой системѣ охраненія лѣсовъ проявилась новая идея, приложенная къ дѣлу въ первый разъ въ 1814 году, когда, для надзора за лѣсами херсонской губерніи, велѣно было переселить на каждыя тысячу десятинъ лѣса по два крестьянскихъ семейства, изъ ближайшихъ селеній. Къ переселенію слѣдовало назначать такіе дворы, которые или сами

пожелаютъ того, или будутъ избраны сельскими обществами. Семейства лѣсныхъ стражей избавлены отъ общественныхъ и сельскихъ повинностей.

Частныя мѣры относительно продажи лѣсовъ, установленныя для нѣкоторыхъ губерній, и составленіе отдѣльныхъ таксъ, вызвали наконецъ общую мѣру для всего государства. Въ 1810 году изданы новыя правила для продажи лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ и новая такса. Оберъ-форстмейстерамъ поручено составлять смѣты въ іюлѣ мѣсяцѣ каждаго года, въ томъ же мѣсяцѣ представлять ихъ гражданскимъ губернаторамъ и въ лѣсной департаментъ, а въ августѣ смѣту публиковать въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Желающіе купить лѣсъ должны были являться, смотря по удобству, къ оберъ-форстмейстеру, форстмейстерамъ или форстерамъ, и заплатить за лѣсъ деньги. За тѣмъ покупщику выдавался билетъ и отводилось мѣсто подъ рубку.

По окончаніи заготовки, вырубленный матеріалъ свидѣтельствовалъ форстмейстеръ или форстеръ вмѣстѣ съ волостнымъ или сельскимъ начальствомъ, и на билетѣ обозначалось, что оказалось по свидѣтельству.

Съ такимъ билетомъ покупщикъ могъ везти свободно лѣсъ до своего селенія.

Не ограничиваясь установленіемъ новыхъ административныхъ правилъ, разъясняющихъ обязанности лѣсничихъ при продажѣ лѣса, правительство сочло необходимымъ предложить и законъ для назначенія въ таксахъ цѣнъ лѣснымъ матеріаламъ. Какъ идея подобной мѣры ни странна, какъ ни противорѣчитъ она здравымъ экономическимъ понятіямъ, но законодательная власть нашла ее необходимой и для государства, на всемъ протяженіи его, отъ Колы до Ялты, изданы слѣдующія правила. Укажу главнѣйшія, знакомящія съ принципомъ :

«Лѣса, находящіеся въ пятиверстномъ разстояніи отъ рѣкъ, продаются одной третью дороже противъ цѣны на лѣса, лежащія отъ пяти до десяти верстнаго разстоянія.»

«Еловыея, пихтовыя и липовыя строевыя деревья продаются противъ сосновыхъ третью частью дешевле; осино-

выя же и березовыя деревья, годныя на строенія, цѣною вполовину противъ сосноваго.

«Суховершинныя и сухоподстойныя на корню деревья, также буреломникъ и валежникъ, годный на строеніе, отпускается въ равной цѣнѣ съ свѣжимъ, растущимъ лѣсомъ.

«Деревья крѣпкихъ породъ: ильмовыя, ясеневыя, кленовыя и карагачевыя, полагаются третью дешевле дуба.

«Тонкія вязовыя деревья, годныя на оглобли, дуги и вязья, продавать втрое дороже березоваго дровянаго лѣса.

«Со смолы и дегтя взыскивается, вмѣсто попенныхъ денегъ, плата за ведро».

Правила эти, повидному, очень простыя, повели къ результатамъ до того сложнымъ, что задача нашего времени, и безъ того трудная, сдѣлалась еще труднѣе. И дѣйствительно, что можетъ быть проще правила, что желающій купить лѣсъ является къ форстмейстеру, объявляетъ ему свое желаніе, вноситъ деньги, получаетъ билетъ на рубку, рубить и вывозить лѣсъ? Но дѣло принимаетъ другой видъ, если взглянуть въ него ближе и прослѣдить его во всѣхъ мелочахъ, съ точки зрѣнія того бюрократическаго начала и казеннаго контроля, которые неразлучны во всѣхъ казенныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ на коммерческомъ правѣ. Очевидно, что въ дѣлѣ продажи лѣса правительство беретъ на себя роль купца, а лѣсничій роль приказчика. Механизмъ дѣла заключается въ томъ, чтобы приказчикъ продалъ только то, что назначено въ продажу и получилъ за проданную вещь такую сумму, какая опредѣлена купцомъ. Но какъ устроить это? Частное лицо можетъ выбрать вѣрнаго приказчика гораздо легче, чѣмъ казна; купцу не трудно подобрать двухъ трехъ хорошихъ людей, ему удобнѣе и легче испытать способности каждаго; купецъ ведетъ дѣло *свое*, онъ разрѣшаетъ всѣ вопросы и недоразумѣнія гораздо проще и скорѣе, можетъ быть вездѣ лично. Все это измѣняетъ фізіономію и характеръ, какъ скоро казна или правительство возьметъ на себя подобную обязанность. Допустимъ, что казна понимаетъ дѣло, понимаетъ къ чему оно стремится, по крайней мѣрѣ имѣетъ предъ глазами цѣль, въ данный моментъ времени, и цѣль эта — выгодно продать .

лѣсъ, безъ порчи и разстройства насажденій. Приказчиковъ для этого дѣла найти не трудно; при прежнемъ неразвитіи Россіи въ промышленномъ и коммерческомъ отношеніи, при недостаткѣ частныхъ предпріятій, при трудности образованія для спеціальныхъ занятій, самый легкій способъ, добыть себѣ кусокъ хлѣба, представляла служба; знаній особыхъ не требовалось, а поступленіе на службу не представляло особыхъ трудностей. Понятно, что шелъ всякій, знавшій читать и писать. Но гдѣ же порука, что подобный приказчикъ дѣйствительно хорошъ, или можетъ быть хорошъ и способенъ? Кто оцѣняетъ его достоинство и способности? — Начальникъ? Но развѣ начальникъ правительство? и гдѣ ручательство, что интересы начальника связаны неразрывно съ интересами правительства? что начальникъ самъ способенъ и въ состояніи оцѣнить чужія способности? однимъ словомъ, что для данной мѣстности, въ кругу возложенныхъ на начальника обязанностей, въ немъ выражается вполне купецъ, работающій по своему дѣлу, въ своихъ интересахъ. Такое ручательство невозможно, и никакое въ мірѣ правительство не имѣло никогда основаній смотрѣть такимъ образомъ на своихъ чиновниковъ исполнителей. Отсутствие единства въ стремленіяхъ, разрозненность интересовъ и не рѣдко антагонизмъ, какъ послѣдствіе предыдущей исторической жизни народа и отношеній его къ правительству; а къ этому недостатокъ сознанія своихъ гражданскихъ правъ, своей силы и значенія, со стороны сословія, снабжавшаго правительство чиновниками, опредѣляли невозможность той роли купца, которую брало на себя правительство. Такимъ образомъ невѣрное основаніе должно было вести къ чудовищно сложному развитію дѣла и къ результату совершенно не тому, къ какому стремились. Не имѣя повода довѣрять своимъ приказчикамъ, совершенно незаинтересованнымъ порученнымъ имъ дѣломъ, казна-купецъ находила одно средство обуздать произволъ и недобросовѣстность — строгій контроль и контроль надъ контролемъ, гдѣ каждый высшій слѣдилъ за низшимъ, ревизовалъ его на каждомъ шагу, атестовалъ секретно и былъ полнымъ отвѣтчикомъ за поступки своего подчиненнаго. Возможность удобной ревизіи и конт-

роля представлялась въ устройствѣ точной и подробной бухгалтеріи и отчетности. Та и другая дошли до крайнихъ размѣровъ, до того, что лѣсничій превратился наконецъ въ бухгалтера и въ канцелярскаго чиновника. Все это шло весьма послѣдовательно: писанье ширилось и требовало большаго и большаго труда со стороны лѣсничаго, по мѣрѣ того какъ росло недовѣріе къ лѣсничему, а въ продажѣ лѣса являлись новыя требованія со стороны покупателей и развивалась лѣсная торговля и промышленность. Имѣя на рукахъ лѣсъ, лѣсничій долженъ былъ имѣть книги матеріальнаго расхода и матеріальной отчетности, а для денегъ были заведены книги денежныя (приходныя и расходныя) и денежная отчетность. Для гербовыхъ билетовъ, на продажу лѣса, новыя приходныя и расходныя книги и новая отчетность. Но на рукахъ лѣсничаго не одинъ лѣсъ, въ лѣсу есть оброчныя пашни и сѣнокосы, для охраненія лѣса существуетъ стража, у стражи есть казенное имущество, стража получаетъ жалованье, одѣваетъ ее казна; все это требуетъ новыхъ шнуровыхъ книгъ и тетрадей, новой отчетности. Дальнѣйшее развитіе того принципа, что казна есть лѣсной собственникъ, а лѣсничій хранитель и расходчикъ этого имущества, привело къ тому, что у мѣстнаго лѣсничаго явились наконецъ слѣдующія книги, вѣдомости и тетради: лѣсныхъ доходовъ, штатныхъ суммъ, переходящихъ суммъ, операціонныхъ суммъ, гербовой бумаги и билетовъ, сѣна и денегъ, вырученныхъ отъ его продажи, суммъ, поступившихъ въ награду поимщикамъ самовольныхъ порубщиковъ; окладная книга оброчнымъ статьямъ лѣснаго вѣдомства; книга ежегодныхъ отпусковъ лѣсныхъ матеріаловъ изъ устроенныхъ дачъ; тетрадь ежегодныхъ отпусковъ лѣсныхъ матеріаловъ изъ дачъ, въ которыхъ не введено хозяйство; контрольная книга устроеннымъ дачамъ, тетрадь секвестрованныхъ лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій; тетрадь для отмѣтки оброчныхъ денегъ, вносимыхъ арендаторами за оброчныя статьи; тетрадь на записку крестьянъ, присуждаемыхъ въ лѣсныя работы; ревизіонная книга, настольный реестръ, журналъ входящихъ бумагъ, журналъ исходящихъ бумагъ; строевой рапортъ о состояніи лѣсной стражи; арматурный списокъ ве-

щамъ, состоящимъ у лѣсной стражи и конской сбруѣ; опись наличнымъ казеннымъ лошадямъ; именныя списки: нижнимъ чинамъ лѣсной стражи, постоянной лѣсной стражи и полѣсовщикамъ и пожарнымъ старостамъ; штрафной журналъ лѣсной стражи; вѣдомость всѣмъ дачамъ лѣсничества; раздѣленіе лѣсничества на объѣзды и обходы; хозяйственное описаніе лѣсовъ по сокращенной формѣ; опись дѣламъ, рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ; хронологическое описаніе планамъ и картамъ; опись геодезическимъ инструментамъ; формулярныя списки всѣмъ чинамъ; инвентарное описаніе офицерскому и стражническому домамъ; инвентаръ казенному имуществу. Это перечисленіе не даетъ еще понятія о трудѣ самой отчетности и веденія книгъ. Для примѣра можно указать на порядокъ выдачи такъ называемыхъ лѣсорубочныхъ билетовъ. Покупщикъ является къ лѣсничему и подаетъ на пятнадцать копеечной бумаги объявленіе — какой матеріалъ и въ какой дачѣ желаетъ онъ купить. Лѣсничій справляется съ таксой и смѣтой, объявляетъ цѣну матеріала и выдаетъ билетъ на рубку. Въ билетѣ прописывается кому, гдѣ и сколько именно и какихъ размѣровъ продано лѣсу, когда начать и когда кончить рубку. То же самое прописывается въ билетной тетради, которую лѣсничій ведетъ для себя, для справокъ, потому что шнуровая книга послѣ извѣстнаго срока отсылается на ревизію, и опять то же самое, за исключеніемъ срока рубки, прописывается въ книгѣ расхода билетовъ. Деньги, взысканные за лѣсъ, заносятся на приходъ, и выводятся въ расходъ для внесенія въ казначейство. Съ покупателя берется подписка, что онъ будетъ соблюдать правила, установленныя закономъ для рубки лѣса; въ то же время ему дается квитанція въ полученіи отъ него денегъ и наконецъ лѣсной стражѣ выдается приказъ — допустить покупателя къ рубкѣ лѣса. Но у лѣсничаго не одна продажа лѣса. Сегодня его приглашаютъ на слѣдствіе, — пріѣхалъ, а становаго нѣтъ, ѣдетъ другой разъ; завтра нужно отвезти пятнадцать копеекъ въ казначейство и потерять для этого день, а иногда и два и истратитъ на проѣздъ пять, десять рублей; пріѣхалъ лѣсничій домой, его ждутъ десятки бумагъ, разныхъ предписаній, отношеній, рапортовъ. Тамъ

случилась самовольная порубка, — нужно ѣхать на свидѣтельство; наступила пора продажи лѣса — приходится писать по каждому билету столько, что нельзя обойти безъ трехъ, четырехъ писарей. А у другаго лѣсничаго до сотни селеній государственныхъ крестьянъ, которымъ лѣсничій долженъ отпустить лѣсъ; если лѣсничій будетъ самъ отводить мѣста рубокъ и свидѣтельствовать заготовки крестьянъ, какъ это велитъ законъ Александра I, то ему нужно для этого, не считая времени на проѣздъ, по крайней мѣрѣ двѣсти дней; а съ 15-го сентября по 15-е марта, время, когда могутъ быть производимы рубки, только сто восемьдесятъ дней. Но вѣдь въ это же время онъ долженъ быть на слѣдствіяхъ, отвозить въ казначейство деньги, ловить самовольныхъ порубщиковъ, дѣлать свидѣтельство самовольнымъ порубкамъ, составлять отчетность и исполнять всѣ поступающія къ нему предписанія палаты или отношенія другихъ присутственныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ очень коротенькое постановленіе императора Александра I привело къ тому, что лѣсничій лишился всякой возможности быть лѣснымъ хозяиномъ. Недовѣріе къ его честности повело къ созданію десятковъ разныхъ формъ отчетности, разныхъ приходо-расходныхъ книгъ и тетрадей, къ совершенному ограниченію всякой самостоятельности дѣйствій, къ крайнему контролю и къ крайней централизаціи. Однимъ словомъ, ко всему, кромѣ дѣйствительнаго порядка въ лѣсахъ.

Коротенькое правило для составленія такъ повело только къ меньшему развитію канцелярскихъ формъ, къ меньшему наружному неустройству; но въ дѣйствительности зло было не мало и произволу представлялся большой раздоль.

На чемъ держалось основаніе что ель дешевле сосны на треть? Это могло быть такъ въ одной мѣстности, а въ другой совершенно иначе. И отчего сосна должна быть непременно дороже ели? бывають случаи гдѣ и ель цѣнится дороже сосны, напримѣръ на половыя доски. И отчего разница въ цѣнѣ на треть? Очевидно, что такой законъ для всей Россіи устанавливать невозможно. Точно также и относительно осины: тамъ, гдѣ много сосны, осину не возьмутъ

и даромъ, ни на постройки ни на дрова. Но кромѣ невѣрности этого основанія, вслѣдствіе совершенно произвольнаго размѣщенія древесныхъ породъ по относительнымъ ихъ достоинствамъ, ошибка заключалась въ томъ, что нельзя навязывать жизни такъ деспотически произвольныя правила, неоправданныя практикой. Наконецъ цѣна на лѣсъ зависитъ не отъ одного относительнаго достоинства древесныхъ породъ, но и отъ запроса на тотъ или на другой матеріалъ. Относительное достоинство зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ условій, отъ привычекъ и обычаевъ народа, такъ что принять треть нормальной единицей для повышенія цѣнъ на лѣсъ по породамъ, для такой большой и вмѣщающей въ себѣ разныя народности страны, какъ Россія, было полнымъ доказательствомъ отсутствія въ администраторахъ того времени даже самого поверхностнаго знакомства съ предметомъ, за обработку котораго они взялись.

Предлагая такое правило, составители его упустили изъ виду главное — какъ найдти цѣну сосны, принятой за единицу. А въ этомъ-то и заключается вся трудность вопроса и возможность сочиненія произвольныхъ цѣнъ, убыточныхъ для казны. Назначая, положимъ, сажени сосновыхъ дровъ, цѣну въ рубль, былъ ли убѣжденъ составитель таксы, что принятая имъ цѣна есть цѣна дѣйствительная? вопросъ становился еще сложнѣе, когда дѣло касалось строеваго лѣса. Какъ опредѣлить цѣну каждаго верхка утолщенія дерева? Составители таксъ поняли одно, что отсутствіе правилъ для составленія таксъ и трудность провѣрки ихъ, облегчаетъ возможность руководствоваться въ этомъ дѣлѣ фантазіей и другими болѣе практическими соображеніями. Отъ этого случалось нерѣдко, что бревнамъ незначительныхъ размѣровъ, на которыя существовалъ большой запросъ, ставилась въ таксахъ цѣна очень низкая, а на размѣры крупныя, имѣвшіе малый сбытъ, ставилась цѣна высокая. Не всякій ревизоръ догадывался въ чемъ дѣло, а такса вообще казалась скорѣе высокой, чѣмъ низкой. Усердіе и незнаніе составителей таксъ шло иногда такъ далеко, что на случай взысканія за самовольныя порубки, ставилась цѣна деревьямъ несуществующихъ въ природѣ размѣровъ; напримѣръ, ветло-

вымъ бревнамъ въ шесть сажень длины и въ десять вершковъ толщины!

Центральное лѣсное управленіе сдѣлало бы разумѣется лучше, еслибы велѣло брать цѣны дѣйствительныя и указало правило какъ изъ множества существующихъ цѣнъ выбрать одну, наиболѣе справедливую. Въ этомъ собственно и заключается задача составителя таксы. У насъ, какъ извѣстно, цѣны на лѣсъ опредѣляются: оптовой продажей площадями или отдѣльными деревьями и саженьми въ частныхъ лѣсахъ; розничной продажей въ частныхъ дачахъ; торговыми, базарными или рыночными цѣнами; наконецъ, цѣнами, открываемыми при покупкѣ казенныхъ лѣсовъ съ торговъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія у насъ лѣсной торговли, продажи лѣсовъ на срубъ промышленникамъ за безцѣнокъ — обычая очень обыкновеннаго между помѣщиками; обычая привозить на базары лѣсъ краденый изъ подгородныхъ дачъ, стачекъ между покупщиками при продажѣ лѣсовъ съ торговъ; наконецъ, при разныхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются заготовщики лѣсовъ въ казенныхъ дачахъ — вслѣдствіе того принципа, по которому казна, взявъ на себя роль купца не довѣряетъ въ то же время ни чиновнику-приказчику, ни покупщику, — цѣны на лѣсъ бываютъ иногда чрезвычайно шатки, а нерѣдко и совершенно произвольны.

При такомъ порядкѣ вещей, лѣсническому было бы всего нужнѣе умѣть найти справедливую цѣну лѣсу, научить его ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ и не потеряться въ разныхъ случайностяхъ, незнаніе которыхъ можетъ ввести составителя въ ошибки, убыточныя обыкновенно для хозяина лѣса.

Эти два главные закона Александра I-го, хотя и ошибочныя въ основаніи, но еще болѣе искаженные послѣдующимъ ихъ развитіемъ, вполнѣ оцѣнены и поняты новымъ поколѣніемъ лѣсныхъ администраторовъ. Пятидесятилѣтній опытъ разъяснилъ всѣ неясности дѣла, всѣ его темныя стороны; нѣкоторыя старыя, отжившія правила, замѣнены въ послѣднее время новыми, а по другимъ вопросамъ работа еще продолжается.

Работа эта не такъ легка, какъ можетъ показаться съ

перваго взгляда; является много трудностей, вслѣдствіе особенностей, представляемыхъ разными мѣстными обстоятельствами; но и не въ этомъ главная трудность. Хорошій законъ написать хоть и не совсѣмъ легко, но еще труднѣе устроить такой порядокъ вещей, при которомъ бы законъ выполнялся. А въ этомъ-то и главная задача. Допуская даже, что мы достигнемъ и святаго выполненія закона — есть ли возможность сообщить чиновнику-исполнителю качества, необходимыя для успѣшнаго веденія коммерческихъ оборотовъ? Есть ли возможность упростить и облегчить весь механизмъ казенной торговли лѣсомъ и казеннаго управленія и довести его до простоты частнаго предпріятія? Отвѣтить на это весьма не трудно. Лѣсоводственная Саксонія обогнала насъ въ лѣсоводствѣ лѣтъ на двѣсти; тамошній чиновникъ-лѣсничій, вышколенный правительствомъ до крайняго предѣла бюрократизма, занимается своимъ дѣломъ честно, т. е., съ любовью сѣетъ и сажаетъ лѣсъ, не воруетъ казенныхъ денегъ и казеннаго лѣса, очень гордится своимъ званіемъ и полувоенной формой — и только. Отъ ватаги чиновниковъ, отъ уродливаго развитія бюрократическихъ формъ, отъ контроля надъ контролемъ и обилія писанья казна имѣетъ все-таки менѣе выгоду, чѣмъ бы ихъ имѣлъ частный владѣлецъ. Коммерческая тупость тамошнихъ лѣсничихъ видна прежде всего въ рутинной заготовкѣ тѣхъ сортиментовъ, какіе требовались прежде, и въ неумѣннн соображаться съ новыми требованіями лѣсной промышленности и съ вновь явившимися запросами. Болѣе рѣзкимъ примѣромъ этой неспособности, неразлучной съ нынѣсуществующими формами бюрократизма, значеніемъ центральной административной власти и развитіемъ канцелярскаго порядка можетъ служить великое герцогство Баденское. Тамъ, какъ и во всей Германіи, лѣсъ назначенный въ продажу рубить казна. Каждый лѣсничій распоряжается въ своемъ лѣсу и заготавливаетъ матеріалы какъ ему вздумается, т. е., въ 1859 году выдѣлываетъ такіе же сортименты, какіе выдѣлывались лѣтъ двадцать назадъ. Вслѣдствіе такого коммерческаго такта, баденскіе лѣсничіе совсѣмъ не подозрѣвали, что съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, явится запросъ на новый видъ лѣснаго матеріала — шпалы. Фран-

бузы воспользовались этимъ, покупали въ баденскихъ казенныхъ дачахъ лѣсъ большими кряжами, ввозили его во Францію, напиткивали растворомъ мѣднаго купороса, по способу Бушери, и отправляли назадъ въ Баденское герцогство, уже въ видѣ шпалъ для баденскихъ желѣзныхъ дорогъ. При существующихъ въ настоящее время въ Европѣ формахъ казеннаго управленія, такія вещи должны быть очень обыкновенны — канцелярская процедура и связанная съ ней медленность всякихъ разрѣшеній и соображеній начальства ведутъ необходимо къ подобнымъ промахамъ. Впрочемъ вопросъ этотъ вовсе не исключительно лѣсной: въ Швейцаріи, предъ послѣдней итальянской войной, повторилась подобная же исторія съ продажей лошадей во Францію.

У насъ въ послѣднее время введена мѣстами новая система продажи казенныхъ лѣсовъ — безучетная продажа площадями. Идея вполне счастливая и лучшее, что можетъ быть придумано для настоящаго времени: на торгахъ предлагаютъ участокъ лѣса, древесная масса котораго извѣстна по таксаціи; на основаніи той же таксаціи дѣлается и денежная оцѣнка лѣса. Изъ купленнаго матеріала покупатель можетъ дѣлать что ему угодно — нѣтъ никакого учета, никакого вмѣшательства лѣсничихъ, никакихъ требованій, стѣсняющихъ заготовщиковъ при учетной продажѣ лѣсныхъ матеріаловъ по сортиентамъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданіе, и во многихъ мѣстахъ цѣны поднялись вдвое. Система эта въ настоящее время можетъ быть примѣнена только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, представляющихъ возможность полнаго сбыта всѣхъ имѣющихся въ лѣсу сортиентовъ; но не возможна тамъ, гдѣ обиліе лѣсовъ допускаетъ только рубку выборочную. Не смотря на выгоды, представляемая казнѣ и покупателямъ безучетной продажей, въ ней можно видѣть только мѣру переходную. Система эта лучше старой, при ней устраняется возможность произвола и злоупотребленій, существовавшихъ при прежнемъ способѣ продажи лѣса; но точно ли владѣлецъ лѣса, избавленный отъ контроля и разныхъ мелочныхъ хлопотъ, неразлучныхъ съ прежнимъ способомъ, получаетъ полную цѣну проданнаго лѣса? Цѣна, возвысившаяся вдвое доказываетъ только одно, что прежній по-

рядокъ давалъ половинный доходъ; но не представляетъ никакого ручательства, чтобы и нынѣшняя цѣна, была цѣна истинная. Гораздо справедливѣе производить продажу, зная точно что продается, чѣмъ продавать матеріалъ по приблизительной его оцѣнкѣ, когда покупатель не знаетъ навѣрно 1000 или 1200 сажень онъ можетъ вырубить. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина, почему безучетная продажа, лучшее что можетъ быть придумано теперь, должна будетъ уступить со временемъ мѣсто рубкѣ учетной, при которой каждая сажень, каждый вершокъ толщины извѣстенъ и продается матеріалъ вѣрнымъ счетомъ. Время это наступитъ съ увеличеніемъ запросовъ и возвышеніемъ цѣнъ на лѣса, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова явится вопросъ какъ устроить учетную рубку; вопросъ только отодвинутый новой мѣрой лѣтъ на десять или на двадцать, но не разрѣшенный. Обратиться къ германскому началу — сдѣлать лѣсничаго заготовщикомъ лѣса, дать ему рабочихъ, возложить на него обязанность управленія всѣмъ ходомъ операций и расчета съ рабочими едва ли будетъ удобно и для казны и для лѣсничаго. Ужъ одна денежная отчетность убьетъ въ лѣсничихъ всякую охоту заниматься этимъ дѣломъ какъ бы слѣдовало; необходимость контроля навяжетъ казнѣ новыя несбываемыя хлопоты, а невозможность слѣдить за всѣми торговыми требованіями и колебаніями цѣнъ, за вновь являющимися запросами на тотъ или на другой сортиментъ — дѣло легкое для купца, и неисполнимое для лѣсничаго-чиновника — можетъ повести къ тому, что заготовится матеріалъ, имѣющій малый сбытъ, матеріалъ не доходный, а выгодный матеріалъ заготовленъ не будетъ. При теперешней европейской казенной системѣ управленія нельзя придумать ничего хорошаго. Отсутствие быстроты дѣйствій — условіе необходимое во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ — централизація неразлучная съ казеннымъ управленіемъ, особенная система контроля, бухгалтеріи, отчетности и канцелярскаго порядка составляютъ непреодолимую преграду устройству вполне удовлетворительнаго порядка въ продажѣ лѣса — ни нѣмецкая система, ни учетный способъ, удовлетворить не могутъ.

По форштмейстерской инструкціи 1798 года время рубки

лѣса назначено съ сентября до марта; но при Александрѣ I, въ періодъ времени съ 1820 по 1822 годъ, срокъ этотъ продолженъ—для архангельской губерніи по 15 апрѣля, для олонеккой, вятской и вологодской губерній — по 1 апрѣля. Но почему лѣсъ долженъ рубиться непременно зимой, отчего нельзя дозволить лѣтнюю заготовку? Первое указаніе зимней рубки находится въ именномъ указѣ верховнаго тайнаго совѣта 31 августа 1728 года. Въ восьмой статьѣ указа говорится: «лѣсъ на всякія суда такія, кои дѣлаются не на одно лѣто; но на многія, всегда *рубить съ ноября* мѣсяца, и чтобы меньше года послѣ рубки не дѣлали, а особливо доски, хотя двугодковыя, а что болѣе, то лучше, дабы высохли, а когда высохнуть и выконопачены будутъ, то не токмо разохнутъ, но еще отъ воды разбухнуть и конопать сдавать...» Второе указаніе находится въ инструкціи о разведеніи и посѣвѣ корабельныхъ лѣсовъ, 20 апрѣля 1732 года. Статья вторая говоритъ: «... и ту рубку чинить въ такое время, когда у того (корабельнаго) дерева сокъ въ корню, а именно отъ октября до марта, или какъ по климату того мѣста, гдѣ оныя деревья состоятъ будутъ и по искусству форштмейстеровъ, за потребнѣйшее разсудится...» Статьи эти говорятъ только, что правительство предпочитало зимнюю рубку лишь для корабельнаго лѣса; откуда же явился закопъ недопускающій другаго срока, для всякой другой рубки въ казенныхъ лѣсахъ? Законъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и десятая статья форштмейстерской инструкціи — «форштмейстеры вообще наблюдаютъ, чтобы рубка лѣса производима была въ то время, когда у дерева сокъ въ корнѣ, т. е., отъ сентября до марта» послужила основаніемъ дѣйствующаго нынѣ закона.

Большая часть ученыхъ лѣсоводовъ прошедшаго столѣтія утверждали, что лѣсъ зимней рубки гораздо прочнѣе лѣса лѣтней заготовки, и только Бюффонъ говорилъ противное. Во Франціи удержалось и до-сихъ-поръ мнѣніе высказанное Бюффономъ, такъ что и до-сихъ-поръ тамъ заготавливаютъ строевой лѣсъ большею частью между 15-мъ апрѣлемъ и 30-мъ іюнемъ. Въ Германіи держатся другаго правила и лѣсъ рубятъ зимой, считая его прочнѣе лѣса вырублен-

наго въ соку. У насъ утверждаютъ, что дерево, срубленное въ апрѣлѣ, сгниваетъ совершенно въ сыромъ мѣстѣ въ тридцать лѣтъ; вырубленное же въ ноябрѣ почти вѣчно, и въ народѣ сохранился обычай зимней рубки; одни находятъ это время болѣе удобнымъ для вывозки, другіе для его прочности; наконецъ третьи считаютъ зиму болѣе удобнымъ временемъ потому, что крестьянинъ свободенъ отъ полевыхъ занятій. До 1798 года нашъ законъ говорилъ только о рубкѣ корабельнаго лѣса, но почему форштмейстерская инструкція сдѣлала это частное правило обязательнымъ для всякой рубки въ казенныхъ лѣсахъ? Отвѣтъ одинъ — форштмейстерскую инструкцію составляли форштмейстеры и потому понятно, что имъ нравилось сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ правило, въ существѣ немогущее имѣть ничего обязательнаго. Если зимнимъ срокомъ хотѣли сократить время рубки для предупрежденія злоупотребленій и для доставленія лѣсничимъ большей возможности надзора за лѣсомъ, то мысль эта невѣрна, потому что количество вырубki опредѣляется главнѣйше силами лѣса, а не срокомъ рубки. Понятно, что 1000 сажень назначенныхъ въ рубку смѣтой, при рубкѣ ихъ въ одну зиму требуютъ для надзора болѣе усиленной дѣятельности, чѣмъ при распредѣленіи рубки того же количества лѣса на цѣлый годъ. Вѣроятно же всего, что нѣмцамъ нравилось навязать намъ свое учено-лѣсоводственное правило, научить насъ уму-разуму. Жаль только, что они не обратили вниманіе на лѣса частные, гдѣ это правило не всегда соблюдается, по той причинѣ, что въ нихъ рубятъ такъ, какъ находятъ удобнѣе и сподручнѣе, а это въ коммерческомъ дѣлѣ весьма важно. Заботится о прочности матеріала совсѣмъ не дѣло продавца, а покупателя. Послѣдній лучше знаетъ какой прочности матеріалъ ему нуженъ; можетъ легко случиться, что прочность не имѣетъ для него никакого значенія, какъ это и есть въ дровяномъ лѣсѣ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ограничивать срокъ рубки зимой, когда чрезъ это не выигрываетъ ни управляющій лѣсомъ, ни покупатель? Но этого мало — покупатель встрѣчаетъ даже стѣсненіе, потому что его обязываютъ рубить непременно зимой, когда для него можетъ быть удобнѣе лѣтняя загото-

вка. При такомъ порядкѣ дѣлъ долженъ же кто-нибудь и терять и этотъ кто-нибудь есть продавецъ лѣса; на немъ, низшей платой, вымещаетъ покупщикъ свою срочно-обязательную заготовку.

Надобно однако было пятидесятилѣтняго опыта, чтобы вопросъ этотъ разъяснился вполне. Въ числѣ прочихъ и на это дѣло обратили вниманіе въ послѣднее время и обязательность зимней рубки потеряла въ настоящее время свою силу, и какъ есть полное основаніе думать, при безучетной продажѣ будетъ допущена рубка во всякое время года.

Есть еще два александровскихъ закона, которымъ суждено умереть въ наше время— законъ о взысканіи съ судовъ, вмѣсто попенныхъ пошлинъ, соразмѣрно величинѣ судна и законъ о лѣсныхъ заставахъ и временныхъ надзорахъ за сплавомъ.

Невѣрность основанія для перваго закона заключалась въ невозможности установить точное отношеніе между попенными деньгами и пошлиной сообразно величинѣ судна. Количество лѣса, употребляемое на постройку судна, зависитъ совершенно отъ вкуса и искусства строителя; озерныя суда строятся крѣпче, собственно рѣчныя легче, такъ что на два судна одной мѣры, оплачиваемыя одной пошлиной, можетъ быть употреблено весьма неоднаковое количество лѣса и разной цѣны. Во всемъ этомъ теряла только казна и вотъ почему: въ 1828 году архангельскій оберъ-форштмейстеръ допустилъ купца Бранта выстроить четыре судна изъ лѣсу, приплавленнаго имъ изъ вологодской губерніи. По смѣтѣ на постройку приходилось пофутной пошлины болѣе чѣмъ попенныхъ, и оберъ-форштмейстеръ представилъ объ этомъ лѣсному департаменту. При разсмотрѣніи вопроса оказалось, что съ судовъ Бранта и вообще, такъ называемыхъ, мореходныхъ промысловыхъ, которыя дѣлаются болѣе легкой конструкціи, чѣмъ мореходныя торговыя, пофутная пошлина составляетъ болѣе попенныхъ денегъ. Съ судовъ же отъ 80 — 110 и болѣе футовъ, такъ называемыхъ кораблей, пофутныхъ приходится менѣе чѣмъ попенныхъ. Такимъ образомъ, на судно въ шестьдесятъ одинъ футъ по килу, требуется сосновыхъ и еловыхъ бревенъ 500, попенныя соста-

вляють 190 рублей 37 копеекъ, а пофутныхъ берется съ судна 427 рублей. Для судна въ шестьдесятъ семь футовъ нужно лѣсу на 370 рублей 20 копеекъ, а пофутныхъ берется 938 рублей; для судна въ семьдесятъ пять футовъ поненныя за лѣсъ составляютъ 221 рублей 87 копеекъ, а пофутныя 525 рублей; всего за четыре судна, которыя хотѣлъ строить Брантъ, поненныхъ слѣдовало 702 рубля 44 копейки, а пофутныхъ 1890 рублей. Но было и на оборотъ — за одно судно поненныхъ слѣдовало 610 рублей 20 копеекъ, а пофутныхъ 490 рублей. Интересно рѣшеніе лѣснаго департамента: «при постройкѣ судовъ изъ лѣсу купленнаго за поненныя деньги, не требовать никакой деплаты противъ пофутныхъ, и если купцы найдутъ болѣе выгоднымъ строить суда за поненныя деньги, то не препятствовать этому.»

Какъ водится обыкновенно, одна невѣрная мѣра повела за собою другія. Дозволеніе оплачивать суда послѣ ихъ постройки вызвало необходимость контроля, и для взысканія пошлинъ съ барокъ, строимыхъ изъ казенныхъ лѣсовъ, въ тѣ мѣста гдѣ проходятъ барки, стали командировать во время коммуникаціи, лѣсныхъ чиновниковъ. Такіе временные надзоры были устроены въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ Рыбинскѣ, въ Архангельскѣ и въ Шлиссельбургѣ. Но какъ было замѣчено, что временное командированіе форштмейстеровъ не совсѣмъ удобно, то на каждую изъ сказанныхъ трехъ заставъ назначены особые пристава и въ помощь имъ даны надсмотрщики и служителя.

Заставы однако не ограничивались только взысканіемъ пошлинъ съ барокъ. Для предупрежденія злоупотребленій лѣсничихъ, для прекращенія самовольныхъ порубокъ, для доставленія казнѣ принадлежащаго ей дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не стѣснять *лѣсопромышленниковъ* придуманы въ 1807 году билеты на сплавъ лѣсовъ, вырубленныхъ изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, и объявлены подробныя правила, какъ поступать промышленникамъ при сплавлѣ. Правила эти вошли впоследствии въ Сводъ Законовъ. Это было примѣненіе къ лѣсу паспортной системы — лѣсъ *безпаспортный*, или съ паспортомъ не по утвержденной формѣ, при-

знавался лѣсомъ пріобрѣтаннымъ незаконнымъ путемъ, и хозяннѣ, даже за одно несоблюденіе формы билета, подвергался штрафу, равному цѣнѣ сплавляемаго имъ лѣса. Провѣрка сплавляемыхъ лѣсовъ съ билетами возложена на лѣсныя заставы; но кромѣ того, было учреждено еще на разныхъ рѣкахъ девяносто пять временныхъ надзоровъ. Вѣроятно, составители этого стѣснительнаго для промышленности и торговли постановленія, нисколько не обезпечившаго сохранность казенныхъ лѣсовъ, не знали, что еще въ 1754 году, благодаря графу Шувалову, у насъ было уже извѣстно, что внутреннія заставы даютъ поводъ къ огромнымъ злоупотребленіямъ со стороны чиновниковъ, приставленныхъ для сборовъ пошлинъ; торговля и промышленность страдаютъ, товары поднимаются въ цѣнѣ, тягость этого повышенія падаетъ косвеннымъ налогомъ на потребителей, а «принадлежащіе казнѣ доходы» въ казну все таки не поступаютъ. На лѣсныхъ заставахъ повторился еще разъ опытъ, купленный народомъ и правительствомъ заставами для сбора внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ — лѣсныя заставы не устранили зла, противъ котораго онѣ были учреждены, ими не устранилось возможность на судно построенное вновь имѣть билетъ старый, выданный на судно уже несуществующее, а на лѣсной матеріалъ, заготовленный въ казенной дачѣ получать изъ земскаго суда билетъ, въ которомъ казенный лѣсъ названъ матеріаломъ «скупленнымъ на торгахъ и базарахъ по мелочно».

Въ 1798 году было постановлено, чтобы желающихъ занять мѣста оберъ и форштмейстеровъ подвергать экзамену. Распоряженіе это было подтверждено указами 28-го августа и 2-го декабря 1802 года, и не смотря на то, мѣра можетъ быть очень хорошая по идеѣ, оказывалась не возможной въ практикѣ и, какъ докладывалъ министръ финансовъ: «еслибы оное произведено было на самомъ дѣлѣ по правиламъ лѣсной науки, то-бы ни одинъ изъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ въ тѣ должности, не могъ оказаться къ тому способнымъ и мѣста оныя должны бы были оставаться незанятыми по всѣмъ почти губерніямъ, потому что въ Россіи нѣтъ еще, кромѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, знающихъ

въ лѣсной части людей». Поэтому министръ полагалъ отправить за-границу молодыхъ людей, учиться лѣсоводству, и пока не будутъ устроены предположенные лѣсныя училища, подвергать экзамену только иностранцевъ, а русскихъ брать «по тщательномъ разсмотрѣнн ихъ расторопности, поведенія и нравственности».

Въ томъ же году повелѣно: какъ въ оберъ и форштмейстеры должны быть опредѣляемы люди, знающіе лѣсоводство, то не распространять на нихъ указъ 1-го августа 1801 года, что чиновникъ можетъ быть однимъ чиномъ выше или ниже занимаемой имъ должности, а *опредѣлять людей способныхъ*. Впослѣдствіи указъ этотъ забылся — пошло назначеніе по чинамъ; но въ 1858 году пришли еще разъ къ забытому опыту, и снова стали назначать людей не справляясь съ ихъ лѣтами и чинами. Мѣра эта уже оправдалась.

Но и александровское «новое устройство лѣсной части» сдѣлалось наконецъ старымъ; въ 1826 году явилось другое «новое устройство». Оберъ-форштмейстерамъ пришелъ конецъ — ихъ переименовали въ губернскихъ лѣсничихъ и присоединили къ казеннымъ палатамъ, при которыхъ образованы особыя лѣсныя отдѣленія. Остальные лѣсныя чины переименованы въ ученыхъ, окружныхъ, младшихъ лѣсничихъ, подлѣсничихъ, объѣздчиковъ и стражей.

Для удобства охраненія и хозяйства, губерніи раздѣлены на округа, а округа на лѣсничества. Важнѣйшія лѣсничества поручены окружнымъ лѣсничимъ, а прочія — лѣсничимъ и подлѣсничимъ. Лѣсные объѣздки и сторожа опредѣлены къ важнѣйшимъ казеннымъ лѣсамъ. Въ остальные лѣса, какъ казенные такъ и крестьянскіе, назначены полѣсовщики.

Сверхъ общихъ мѣръ охраненія и приведенія лѣсовъ въ порядокъ, назначено вводить въ лѣсахъ доброе хозяйство *по правиламъ науки*.

Въ тоже время учрежденъ при департаментѣ государственныхъ имуществъ, ученый по лѣсной части комитетъ. На комитетъ возложено между прочимъ — сообразивъ всѣ существующія по лѣсной части узаконенія, согласивъ, дополнивъ и исправивъ ихъ, изготовить проектъ новыхъ лѣс-

ныхъ постановленій. Въ какой степени учрежденіе это оправдало свое назначеніе, видно изъ того, что проекта нѣтъ и до-сихъ-поръ.

Во время завѣдыванія министерствомъ финансовъ графа Канкринна свершилось окончательное распаденіе лѣсовъ по разнымъ вѣдомствамъ, потому что въ казенномъ управленіи находилась «необъятная масса лѣсовъ, а слабыя, недостаточныя средства охраненія не могли спасти ихъ отъ самовольныхъ порубокъ». Что же касается до крестьянскихъ лѣсовъ, то какъ доносилъ графъ Канкринъ, «нельзя сокрыть, что уменьшеніе оныхъ и даже истребленіе очевидно усиливается и что способами зависящими отъ казны, упомянутые лѣса не могутъ быть ни въ скоромъ времени отдѣлены, ни достаточно охранены». Въ видѣ предварительной мѣры предложено было, чтобы крестьяне выдѣлили сами изъ своихъ лѣсовъ заказныя рощи. Такія рощи слѣдовало *заказать*, съ соблюденіемъ принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ въ каждой мѣстности обычаевъ, и крестьяне должны были дать другъ другу обѣщаніе, что не будутъ ни истреблять, ни портить своихъ заказниковъ. Заказныя рощи слѣдовало сдать въ вѣдомство волостныхъ правленій, остальные же, расходные крестьянскіе лѣса, остались по прежнему въ завѣдываніи и управленіи казенныхъ лѣсничихъ. Въ тѣ времена существовало убѣжденіе, что казенный надзоръ самый спасительный для цѣлости лѣсовъ; но это происходило оттого, что мы не знали другаго образца порядка и хозяйства, кромѣ Германіи. Нѣмецкій строй былъ именно тотъ далекій идеалъ, къ которому мы стремились; мы не справлялись ни съ русской жизнью, ни съ характеромъ русскаго человѣка, ни съ обычаями и нравственностью чиновника; желая сдѣлать что-нибудь лучшее, мы даже не справлялись съ своимъ прошедшимъ, и приступая къ перестройкамъ, измѣняли только названіе вещей, не измѣняя ихъ сущности. Грустнымъ подтвержденіемъ справедливости этого замѣчанія можетъ служить слѣдующій фактъ: охраненіе лѣсовъ отъ расхищеній было всегда основнымъ вопросомъ лѣснаго хозяйства. Правительство наше понимало очень хорошо, что пока не обезпечена цѣлость лѣсовъ, нельзя предпринять, съ увѣренностью въ успѣхѣ, ни

одну мѣру для достиженія одной изъ цѣлей того сложнаго порядка, который называется лѣснымъ хозяйствомъ. Калужскій оберъ-форштмейстеръ Вильфингъ понималъ это тоже очень хорошо, но только не зналъ какъ бы сдѣлать, чтобы сторожъ занимался охраненіемъ, а не расхищеніемъ лѣса. Вильфингу показалось, что если лѣсныхъ сторожей одѣть всѣхъ одинаково и вооружить «по приличію» — сторожей кортиками, пиками и тесаками, а объѣзджиковъ ружьями и кортиками, то цѣлость лѣсовъ будетъ вполне обезпечена. Предположеніе оберъ-форштмейстера утвердили въ 1804 году, но вооруженіе «по приличію» не принесло особенной пользы. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы идея Вильфинга казалась невѣрной даже и послѣдующему лѣсному управленію — различіе въ вооруженіи, въ срокахъ службы и въ формѣ, всегда военной, играло главную роль при составленіи проектовъ о лѣсной стражѣ. Стражѣ давали не только военную форму, но и комплектовали ее отставными или служащими нижними военными чинами, не обращая вниманія на то, что это сословіе представляло наименьшее ручательство быть тѣмъ, чѣмъ должна быть стража. Задавъ себѣ цѣлью брать сторожей изъ всякихъ военныхъ, не разбирая особенно ни способностей, ни благонадежности людей, лѣсное управленіе должно было довольствоваться всѣмъ, что давало ему военное вѣдомство — всѣмъ неспособнымъ и плохимъ. Дѣло дошло до того, что въ 1831 году вышло постановленіе — солдатъ внутренней стражи, неспособныхъ по болѣзни къ военной службѣ, распредѣлять въ разныя служительскія должности, и по мнѣнію медицинскаго департамента военнаго министерства оказалось, что небольшое сведеніе рукъ или ногъ, и недостатокъ на ногахъ нѣкоторыхъ пальцевъ, немѣшающихъ ходить, не можетъ мѣшать поступленію въ лѣсную стражу. Непонятно одно, почему вопросъ этотъ рѣшалъ медицинскій департаментъ, а не лѣспичіе?

Желаніе имѣть за самое ограниченное содержаніе хорошихъ и вѣрныхъ людей было главнымъ основаніемъ при изобрѣтеніи всякой новой стражи; въ сущности же различіе стараго отъ новаго заключалось въ формѣ одежды и въ большемъ или меньшемъ приличіи вооруженія. Не смотря на ра-

зное названіе явившихся наконецъ разныхъ сортовъ стражи, существенное отличіе ихъ состоитъ въ томъ, что одна — постоянная или поселенная — состоитъ изъ крестьянскихъ семействъ водворенныхъ въ лѣсахъ. Поселянамъ дается земля и лѣсную службу несетъ одинъ членъ семейства; этотъ, такъ называемый служащій стрѣлокъ, носитъ военную форму и получаетъ отъ казны жалованья двадцать пять копеекъ въ треть. Остальная затѣмъ стража извѣстна подъ слѣдующими названіями: полѣсовщики и пожарные старосты (изъ крестьянъ), военно-лѣсная стража, стрѣлки стрѣлковыхъ батальоновъ, объѣздчики, кондукторы, сторожа при заставахъ, военнослужащіе, вольнонаемные, воспитанники воспитательныхъ домовъ и егеря изъ егерскихъ училищъ. Въ обязанностяхъ этой разныхъ сортовъ стражи разницы нѣтъ, — всѣ они должны охранять лѣсъ и исполнять возлагаемая на нихъ служебныя порученія; но есть большая разница въ условіяхъ пріема, въ формѣ, въ вооруженіи и въ денежномъ содержаніи. Одни кондукторы или подлѣсничіе уплачены еще порядочно; они получаютъ всего на платье, ѣду и жалованье, отъ ста тридцати до двухъ-сотъ рублей и на служебные расходы тридцать рублей въ годъ; но сказать того же объ остальной стражѣ нельзя. Напримѣръ, объѣздчикъ — ближайшій начальникъ лѣсныхъ сторожей, поставленный для надзора за ними, получаетъ на пищу восемь рублей пятьдесятъ семь съ половиною копеекъ въ годъ; а жалованья, съ обязательствомъ купить на тѣже деньги галунъ къ мундиру и шпоры — отъ четырехъ рублей восьмидесяти шести три четверти копеекъ до пятнадцати рублей въ годъ. Военно-лѣсной сторожъ — пятнадцать рублей въ годъ. Понятно, что при такомъ содержаніи странно было бы и требовать цѣлости несчитаннаго имущества, вѣреннаго такъ мало обезпеченнымъ охранителямъ. Не менѣе ясно и то, что ничтожное жалованье не могло имѣть магнитности, и въ лѣсную службу привлекали сторожей другія соображенія. Когда ни нравственное воспитаніе, ни содержаніе стражи не представляли ручательства ея вѣрности, оставалось одно средство — дѣйствовать на нее страхомъ военнаго суда и наказанія шпирутеномъ. И въ этомъ случаѣ подтвердилась въ ты-

сячный разъ несостоятельность методы устрашенія. Слѣдствіемъ всего этого явилась неувѣренность въ добросовѣстность лѣсной стражи, подавшей и съ своей стороны полный къ тому поводъ; законъ не облекъ ея своимъ довѣріемъ и не далъ показаніямъ ея предъ судомъ никакой силы. Это опять повело къ тому, что лѣсной сторожъ, поймавшій самовольнаго порубщика въ лѣсу съ поличнымъ, долженъ былъ представить доказательства, что онъ поймалъ дѣйствительно; а воръ, зная, что при недостаткѣ свидѣтелей одно собственное признаніе можетъ служить доказательствомъ виновности, увѣрялъ, что онъ не былъ никогда въ лѣсу — и тотъ же сторожъ оставался виноватъ въ слабомъ смотрѣніи.

Эта неурядица, доставшаяся намъ по наслѣдству, понята въ послѣднее время. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ нумеровъ газеты Лѣсоводства и Охоты за 1858 годъ (N° 16): «администрація 1802 года, задавъ себѣ цѣлью водворить въ лѣсахъ порядокъ и хозяйство и поручить это людямъ способнымъ, которыхъ создать и подготовить воспитаніемъ, — приступила къ исполненію своего проекта, начавъ дѣло по губерніямъ. Но отчего же въ послѣднее время общій ропотъ на истребленіе и разстройство лѣсовъ? или это можетъ быть только кажется? — Нѣтъ не кажется; зло существуетъ. Гдѣ же эти способные люди, которымъ хотѣли ввѣрить управленіе лѣсами? Гдѣ тотъ порядокъ, который составлялъ задачу администраціи 1802 года? Образовалось ли охраненіе на мѣстахъ? Если образовалось, зачѣмъ эта система внутреннихъ заставъ и надзоровъ на сплавныхъ рѣкахъ? На сколько они сохранили наши лѣса; а если не сохранили, то зачѣмъ существовали они пятьдесятъ лѣтъ, для кого было это выгодно? Гдѣ хозяйство, гдѣ возобновленіе вырубленнаго, какой порядокъ рубокъ въ неустроенныхъ дачахъ? А смѣты и таксы, сколько въ нихъ правды и знанія? Какъ поставили и обезпечили лѣсничаго и лѣсную стражу? Много вопросовъ является и едва ли на одинъ можно дать положительный отвѣтъ. Теперь, когда мы пробуждаемся къ признанію, когда горькій опытъ прошедшаго далъ намъ почувствовать свои плоды, мы погрѣшимъ противъ святости дѣла, если оставимъ прошедшее безъ критической оцѣнки, если не

зададимъ себѣ вопроса, почему не достиглась прекрасная дѣль, отчего задача 1802 года сохранилась для насъ въ полной свѣжести?...» Справедливость велитъ однако дополнить эту замѣтку тѣмъ, что часть задачи уже разрѣшена, и лучшимъ памятникомъ настоящаго времени, лучшимъ что сдѣлано до-сихъ-поръ есть уничтоженіе повинности лашмановъ: съ 1860 года заготовка корабельныхъ деревъ будетъ производится съ подряда; департаментъ корабельныхъ лѣсовъ закрывается, а лашмана обращаются въ сословіе государственныхъ крестьянъ.

Замѣчательно, что съ распаденіемъ лѣсовъ по разнымъ вѣдомствамъ всѣ вопросы по лѣсоводству были возбуждаемы и разрѣшаемы управленіемъ, завѣдывавшимъ лѣсами государственныхъ имуществъ. Только управленіе казенными лѣсами выказывало жизнь, тогда какъ о лѣсахъ другихъ вѣдомствъ почти ничего неизвѣстно — извѣстно одно, что отдѣльныя постановленія, касающіяся этихъ лѣсовъ, дожили безъ всякихъ измѣненій до настоящаго времени и сохранили въ научномъ и въ административномъ отношеніяхъ характеръ форштмейстерской инструкціи 1798 года. Этотъ-то застой вѣроятно и спасъ другія вѣдомства и общества, владѣющія казенными лѣсами, отъ дурной славы и нарѣканій, которыя достались всѣ на долю министерства государственныхъ имуществъ. А между тѣмъ министерство такъ хлопотало объ устройствѣ лѣсной части, таксировало лѣса, учреждало лѣсныя училища, сѣяло и сажало, создало цѣлое сословіе казенныхъ лѣсничихъ и постоянно училось лѣсоводству у ученыхъ лѣсничихъ Германіи. Не въ этомъ ли стремленіи къ наукѣ, къ ученому шику, въ разладѣ научныхъ стремленій съ дѣйствительностью, въ благовидной формѣ лишенной внутренняго содержанія, и въ злоупотребленіи наукой заключается причина дурной славы?

IV.

Нѣтъ народа болѣе способнаго распадаться на касты и цехи, какъ нѣмцы. У нихъ люди одной спеціальности тотъ-

часть же составлять свой кружокъ, замкнутся, накинута на разработку мелочей и ужъ не интересуются никакой жизнью внѣ своего круга и своей науки. Поэтому только нѣмецъ способенъ быть бюрократомъ первой величины и самымъ ученымъ изъ ученыхъ форштмейстеровъ.

Мы хоть и ученики нѣмцевъ, но форштмейстерская наука намъ не далась — слишкомъ тонка; русскому человѣку нужно что нибудь по проще; гдѣ напримѣръ намъ сдѣлать подобный расчетъ: есть на свѣтѣ насѣкомое, очень обыкновенное и у насъ — маленькое, бурое съ бѣлыми пятнышками на спинѣ и съ длиннымъ загнутымъ внизъ носомъ. Энтомологи называютъ его долгоносикомъ; одинъ видъ его *curculio pini* преслѣдуется особенно германскими лѣсничими, какъ страшный врагъ молодыхъ сосновыхъ культуръ. Чтобы ловить этого злодѣя, нѣмцы ухитрились класть на культурахъ длинныя полосы еловой коры. Долгоносики, по глупости, собираются подъ кору и бѣдныхъ собираютъ въ бутылки — въ бутылки, чтобы не расползлись и чтобы сдѣлать удобнѣе учеть рабочимъ, — и давать. Саксонцы, самые ожесточенные враги всякихъ насѣкомыхъ, вычислили, что въ семи лѣсничествахъ герцогства Саксенъ-Кобургъ и Гота было поймано *curculio pini*:

въ 1852 году	251,500	штукъ
» 1853 »	428,300	»
» 1854 »	255,600	»
» 1855 »	279,200	»
всего...	1.214,600	штукъ.

Поймка этого миллиона, слишкомъ, долгоносиковъ стоила 476 флориновъ 6 крейцеровъ, или тысячи — 6 гробшей 7 фениговъ, а одного долгоносики, 0,07 фенинга. Этотъ расчетъ, какъ онъ помѣщенъ здѣсь, былъ представленъ на одномъ изъ послѣднихъ съѣздовъ германскихъ лѣсоводовъ въ Тюрингенскомъ лѣсу. Торжество науки лѣсоводства умнило ученыхъ форштмейстеровъ.

Разсматривая этотъ вопросъ въ историческомъ его развитіи нужно сказать, что такой успѣхъ наука лѣсоводства сдѣлала въ Германіи только въ послѣднее время. Прежде

было много иначе; въ правленіе Августовъ II и III въ Саксоніи жилось плохо, народъ не видѣлъ конца усиленнымъ налогамъ, чиновники грабили и казну и народъ, войска не получали жалованья, а форштмейстеры понимали плохо и форштмейстерскую науку и не дѣлали особенной разницы между доходами казенными и своими собственными. Вотъ что, напримѣръ, писалъ даже гораздо позже — въ 1799 году, оберъ-форштмейстеръ Трютшлеръ министру финансовъ: «лѣсные чины, писалъ онъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія какъ опредѣлять площадь земли, какъ собирать и сохранять древесныя сѣмена; имъ совершенно чужды приемы, нужные для посѣва лѣса; они незнакомы ни съ природой возвращаемыхъ деревъ, ни съ условіями, необходимыми для успѣшнаго возрастанія лѣса; не знаютъ ухода за нимъ и мѣръ его сбереженія. Кромѣ того, предубѣжденіе и ненависть къ дѣлу новому, дотолѣ неслыханному — вотъ затрудненія, которыя долженъ преодолѣть прежде всего начальникъ, если желаетъ, чтобы его распоряженія имѣли хотя посредственный успѣхъ. Затрудненія эти тѣмъ болѣе тягостны, что и начальникъ долженъ откровенно сознаться, что самъ онъ имѣетъ весьма темное и шаткое понятіе о томъ, какъ распорядиться лѣсоразведеніемъ и что изъ книгъ не можетъ изучить всѣ подробности, необходимыя для распоряженій въ большомъ видѣ».

Такое невѣжество германскихъ лѣсничихъ извиняется тѣмъ, что лѣсоводство, какъ знаніе, только еще начинало слагаться въ то время; а слагалось оно какъ-то странно, — совсѣмъ по нѣмецки. Когда боязнь недостатка въ лѣсѣ заставила нѣмцевъ подумать о средствахъ сбереженія лѣсовъ и опредѣлить сколько именно можно вырубить изъ каждаго лѣса ежегодно, то одинъ изъ ученыхъ лѣсоводовъ прошедшаго столѣтія — Бекманъ, предложилъ слѣдующее правило: «если по годичнымъ слоямъ сосчитать лѣта тѣхъ деревъ, которыя имѣютъ потребную къ сбыту толщину, то опредѣлится возрастъ, въ которомъ лѣсъ долженъ быть срубленъ. Слѣдовательно должно вести такое хозяйство, чтобы въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ весь лѣсъ былъ срубленъ и возобновленъ. Для этого нужно знать сколько ежегодно дол-

жно вырубать, чтобы получать постоянно одинаковое количество древесной массы, а потому прежде всего необходимо определять древесный запас въ насажденіяхъ старшаго возраста». Правило вѣрное и хорошее, но нѣмецъ насмѣшиль, когда сталъ примѣнять это правило къ дѣлу. Для опредѣленія древесной массы въ лѣсу, Бекманъ считалъ деревья — и это бы еще ничего, — но всего смѣшнее способъ считавья: Бекманъ обводилъ часть лѣса бичевой и считалъ деревья, находящіяся внутри круга, втыкая въ кору каждаго дерева деревянный окрашенный колышекъ. Колышки были разныхъ цвѣтовъ и каждый цвѣтъ соотвѣтствовалъ пзвѣстной толщинѣ дерева; выражаясь технически, означалъ классъ толщины. Сосчитавъ на площади обведенной бичевой всѣ деревья, Бекманъ обводилъ возлѣ другую площадь и снова втыкалъ въ деревья свои разноцвѣтные колышки. Окончивъ съ этимъ участкомъ, переходилъ къ слѣдующему, пока весь лѣсъ не былъ сосчитанъ. Въ каждомъ классѣ толщины вычислялись математически нѣсколько деревъ, средній выводъ опредѣлялъ объемъ нормальнаго ствола каждаго класса; потомъ величины эти множились на число деревъ каждаго класса, и въ итогѣ получался запасъ всего насажденія. Способъ странный, а еще Бекманъ слылъ человѣкомъ умнымъ и ученымъ. Не ученость ли и помѣшала смыслу?

Стремленіе къ научной разработкѣ лѣсоводства какъ знанія, явилось вмѣстѣ съ усилившейся боязнью недостатка лѣсовъ, и тогда же явилось сознаніе, что лѣсничій долженъ умѣть обращаться съ лѣсами, долженъ знать лѣсоводство. Но какія знанія составляютъ лѣсоводство, и что долженъ знать лѣсничій? Этотъ вопросъ былъ долго вопросомъ спорнымъ. Флемингъ, напримѣръ, думалъ, что лѣсничій долженъ имѣть *нѣкоторыя познанія* въ естественныхъ наукахъ, въ математикѣ, ботаникѣ, анатоміи и философіи; но Бекманъ, какъ болѣе практической лѣсничій, смотрѣлъ на дѣло проще; по его мнѣнію естественныя и математическія науки были не нужны для лѣсничаго; онъ требовалъ только то, что относилось прямо къ выполненію практическихъ приемовъ лѣснаго хозяйства. Гледичъ — все это относится къ прошедшему столѣтію, — образованный человѣкъ и хорошій ботаникъ, далъ

образованію лѣсничихъ чисто ученое направленіе и разъединилъ теорію и практику. Впрочемъ слиться той и другой было довольно трудно, потому что наставники по вспомогательнымъ предметамъ, — ученые, — не имѣли понятія о лѣсоводствѣ; а учителя лѣсоводства, т. е., практическіе лѣсничіе, не знали вспомогательныхъ наукъ. Съ этого времени лѣсныя училища Германіи по характеру преподаванія раздѣлились на чисто теоретическія и чисто практическія. Въ теоретическихъ школахъ, гдѣ иногда и лѣсная ботаника шла за лѣсоводство, о профессорахъ лѣсоводства особенно не заботились — каждому учителю казалось, что онъ можетъ читать эту не хитрую науку и кафедра лѣсоводства не пользовалась въ университетахъ особеннымъ вниманіемъ.

Совсѣмъ противоположный характеръ имѣли практическія школы, начало которымъ положилъ Цантиръ, директоръ лѣснаго училища въ Вернигеродѣ, на Гарцѣ. Въ этомъ училищѣ Цантиръ былъ и директоромъ и единственнымъ преподавателемъ, а воспитаніе его ограничивалось одной практикой — возвращеніемъ, охраненіемъ, пользованіемъ лѣса и таксаціей.

Интереснымъ образчикомъ крайняго взгляда представителей теоретическаго воспитанія можетъ служить директоръ ротенбургскаго лѣснаго института, совѣтникъ по лѣсной части, Виттверъ. По его мнѣнію, кромѣ собственно лѣсоводства, лѣсничій долженъ былъ знать латинскій языкъ, чтобы читать въ подлинникѣ анализъ Эйлера, натуральную философію Ньютона и сочиненія Линея, и французскій языкъ, чтобы познакомиться съ трудами Лакруа, Лагранжа, Лапласа, Лежандра, Лавуазье, Фуркруа, Кювье, Ламарка. Кромѣ того лѣсничій долженъ былъ знать динамику, гидростатику, аэрометрию, гидравлику, потому что безъ нихъ лѣсничій не можетъ ни рубить, ни сплавлять лѣсъ, ни осушать болотъ. Механика, оптика, катоптрика, діоптрика, перспектива нужны при измѣреніи лѣса, при вычисленіи объемовъ деревьевъ и для черченія плановъ. Списокъ математическихъ сочиненій, знаніе которыхъ необходимо лѣсничему, занимаетъ въ сочиненіи Виттвера (*Beiträge zu Hartig's Lehrbuch für Förster. Marburg, 1819.*) пятьдесятъ три страницы, списокъ сочиненій по

физикѣ шесть страницъ, по химіи четыре страницы, по камеральнымъ наукамъ семь страницъ. При такой обширной учености лѣсничаго, бібліотека его, по соображеніямъ Виттвера, должна была заключать сто пятьдесятъ семь отдѣловъ. (Лѣсной Журналъ 1833 года, кн. II, ч. II, стр. 116.)

Послѣ этого не покажется нисколько страннымъ, что для преподаванія въ лѣсныхъ школахъ сочинили лѣсную математику, лѣсную химию, лѣсную физику, лѣсную зоологию, лѣсную географію, лѣсную полицію, лѣсное счетоводство, лѣсное правовѣдѣніе, лѣсную статистику, государственное лѣсное хозяйство и — вещь, возможная только въ Германіи — нѣмцы писали даже сочиненія по лѣсной эстетикѣ. Бургсдорфъ хотѣлъ примирить теоретиковъ съ практиками; по его мнѣнію, замкнутое образованіе, въ специально лѣсныхъ заведеніяхъ, не должно было быть, а будущіе лѣсники должны были кончить курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Бургсдорфъ дѣлилъ лѣсоводство на высшее и на низшее; первое назначалось для будущаго высшаго начальства, а второе — для подчиненныхъ. Не смотря на это, Бургсдорфъ оказалъ услугу тѣмъ, что распространилъ убѣжденіе, что теоретическое ученое образованіе должно идти впереди пракческаго воспитанія, и что безъ теоретическихъ основаній дѣльный практикъ невозможенъ.

Но наконецъ преподаваніе лѣсоводства въ университетахъ и въ камеральныхъ школахъ признали неудобнымъ, вслѣдствіе невозможности уравновѣсить преподаваніе теоріи съ практикой и съ этихъ поръ начали учреждаться въ Германіи нынѣшніе лѣсные институты, рассадники того строго спеціальнаго ученія, которое превратило нѣмецкаго лѣсничаго въ ремесленника, въ цеховаго мастера и съузило его кругозоръ до того, что онъ не понимаетъ жизни внѣ лѣса, и другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ придуманной имъ, для собственной потѣхи, науки лѣсоводства. Вся тайна этого знанія заключается для нѣмецкаго лѣсничаго въ умѣньи дѣлать отличныя посадки и посѣвы; хорошія культуры для нѣмца выше всего, а лѣсное садоводство есть тотъ идеалъ, къ которому направлены всѣ усилія германскихъ лѣсничихъ. Идти болѣе вѣрнымъ шагомъ къ застою, къ лѣсоводствен-

ному Китаю, какъ это дѣлають нѣмцы — едва ли возможно; да едва ли найдется на свѣтѣ и другой народъ, болѣе способный на это. Очень обиженные тѣмъ, что у Германіи нѣтъ своего *германскаго* флота, лѣсничіе принялись сажать дубъ; они сажаютъ его вездѣ, даже тамъ, гдѣ онъ будетъ расти скверно; у нынѣшнихъ нѣмцевъ тотъ же взглядъ на это дѣло и на значеніе дуба, какъ у блаженной памяти нашего лѣснаго знателя Фокеля. Зная, что Ной выстроилъ ковчегъ изъ деревъ негниющихъ, нѣмецкіе лѣсничіе думаютъ, что этотъ порядокъ постройки судовъ указанъ людямъ самимъ Богомъ; ученые форстмейстеры не хотятъ знать, что роль дуба въ кораблестроеніи ужъ измѣнилась нынче, что корабли стали строить изъ желѣза, а что чрезъ триста лѣтъ, то есть, къ тому времени, когда поспѣють дубы, посаженные нынче нѣмцами, не будетъ не только германскаго флота, да можетъ быть и самой Германіи. Впрочемъ, сама по себѣ посадка дуба, какъ и всякое сажаніе деревъ, вещь хорошая, потребители найдутся — смѣшно только политическое глубокомысліе германскихъ форстмейстеровъ.

Германскіе лѣсничіе сзюзились такъ только въ послѣдніе двадцать лѣтъ, когда окончательно сформировалась теорія нѣмецкаго лѣсоводства. Было время, когда и въ лѣсоводствѣ нѣмцевъ было больше жизни. Но это время уже забыто; боязнь недостатка въ лѣсѣ миновалась и съ нимъ наступила пора скромныхъ занятій посѣвами и посадками и собиранія въ бутылки долгоносиковъ. Нѣмцы вообще не любятъ житейскихъ тревогъ и новое занятіе пришлось имъ совсѣмъ по вкусу. Ничего, что ученый форстмейстеръ превратился въ обыкновеннаго садовника — жалованье отъ казны хорошее, полувойенная форма тоже не дурна, прислуга въ пивномъ кабакѣ зоветъ всегда съ большимъ уваженіемъ полнымъ титуломъ — Herr Forstmeister или Herr Oberforstmeister, занятіе же ученое — все таки наука, и нѣмецъ счастливъ. Смѣшные, право!

Бѣда вся въ томъ, что нѣмецъ любитъ остановиться, и нужна какая нибудь посторонняя сила, которая бы его сдвинула и показала новый путь; являются такіе господа и между нѣмцами, но рѣдко. Въ прошедшемъ столѣтіи двигате-

лемъ была общая боязнь остаться безъ топлива, объ этомъ и говорили и писали; а одинъ саксонскій оберъ-форст-мейстеръ написалъ въ 1746 году въ каммеръ-коллегію даже слѣдующее ужасное донесеніе: «Недостатокъ въ лѣсѣ увеличился въ такой степени, что въ настоящее время нельзя предвидѣть, чѣмъ придется удовлетворить въ будущемъ потребности горныхъ заводовъ и частныхъ лицъ. Лѣса годъ отъ году истребляются, молодыя и благонадежныя деревья вырубаются, образуются огромныя прогалины и лѣсныя пространства превращаютъ въ поля. Ко вреду лѣсовъ приняты всѣ мѣры и пора полного истребленія ихъ, кажется, уже наступила.» Ну что, если Европа пойдетъ путемъ Сиріи, всѣ лѣса вырубятъ и не останется нигдѣ ни прутика? правительства трусили, а егеря, управлявшіе въ тѣ времена лѣсами, принялись сочинять науку лѣсоводства. Результатъ ихъ усилій извѣстенъ всѣмъ — Германія не замерзла, лѣса поправились. Какъ же послѣ этого германскимъ лѣсничимъ не считать себя, по меньшей мѣрѣ, спасителями отечества? Какъ же не смотрѣть съ презрѣніемъ на всякую другую страну, гдѣ лѣсоводство не похоже на садоводство? Не говоря про Россію или Францію, саксонцы считаютъ страной не культивированной даже Богемію.

Въ Германіи было нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей по предмету лѣсоводства; но самый замѣчательный изъ нихъ, безспорно, Генрихъ Котта, тотъ самый, которому лѣсничіе Саксоніи поставили памятникъ въ дендрологическомъ саду въ Тарантѣ. Во времена Котты и сформировалось оковчательно лѣсоводство, какъ полное научное знаніе; тогда выяснили и взглядъ на значеніе и важность лѣса и закончили теорію. Послѣ Котты нѣмцы не ушли дальше впередъ, только культуры стали лучше и начали разводить дубъ для будущаго германскаго флота. Желая доказать важность лѣса, нѣмцы приводятъ много примѣровъ: что въ казенномъ имѣніи Рейфенштейнѣ, въ Пруссіи, стоитъ въ одной аллеи восемьдесятъ два дикихъ грушевыхъ дерева, которыя приносятъ въ годъ, среднимъ числомъ, шестьдесятъ талеровъ оброку; что въ Лаутербургѣ, въ ганноверскомъ Гарцѣ, одно мѣстечко, съ тремя тысячами жителей, собираетъ и продаетъ ежегодно на девять-

сотъ шестьдесятъ талеровъ разныхъ лѣсныхъ ягодъ; что въ Саксоніи производствомъ деревянныхъ игрушекъ заняты болѣе полторы тысячи человекъ; что въ деревнѣ Шило готовится ежегодно изъ орѣшника двадцать пять тысячъ плетеныхъ коробовъ. Но приводятъ примѣры и другаго рода: въ селеніи Суба, въ Швейцаріи, на прилегающемъ къ селенію выгонѣ, во время продолжительныхъ дождей, появлялся, лѣтъ девяносто назадъ, ручеекъ, исчезавшій вмѣстѣ съ дождемъ. Выгонъ этотъ, имѣвшій наклонъ къ югу, покрылся, лѣтъ восемьдесятъ назадъ, въ верхней части, ельникомъ. Какъ только насажденіе разраслось, на мѣстѣ ручейка появился весьма сильный источникъ, сохранявшій постоянно воду, даже во время сильной засухи. Нѣсколько лѣтъ назадъ лѣсъ вырубилъ и мѣсто обратилъ снова въ выгонъ. Вмѣстѣ съ насажденіемъ исчезла вода и источникъ, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ славившійся во всемъ околдкѣ какъ лучшій, превратился въ ручеекъ, какимъ онъ былъ за девяносто лѣтъ. Или — въ департаментѣ Арденнъ, во Франціи, гдѣ лѣсъ былъ истребленъ на пространствѣ ста семидесяти тысячъ гектаровъ (ста пятидесяти четырехъ тысячъ десятинъ), песокъ и хрящъ, снесенный съ горъ, покрылъ двадцать девять тысячъ гектаровъ (двадцать шесть тысячъ десятинъ) хорошей земли. Но и не одно это извѣстно еще германскимъ лѣсничимъ, они знаютъ, что водяныя испаренія, образующіяся въ южномъ полушаріи, между осеннимъ и весеннимъ равноденствіемъ, увлекаются экваторіальнымъ теплымъ теченіемъ воздуха на сѣверъ, большею частью въ сѣверное полушаріе, и въ слѣдующую половину года падаютъ у насъ въ видѣ дождя и снѣга. Причины, производящія это охлажденіе и сгущеніе паровъ суть сѣверные вѣтры, горы и лѣса. Если уничтожить лѣса, то охлаждающимъ дѣятелемъ останется сѣверный вѣтеръ; а отъ этого осенью и зимой, когда дуетъ преимущественно южный вѣтеръ и рѣдко приходитъ въ прикосновеніе съ вѣтромъ сѣвернымъ, паденіе дождя будетъ рѣже; весной же, и особенно лѣтомъ, когда господствуетъ сѣверный вѣтеръ, встрѣчный южному, количество дождя значительно усилится. Хотя отъ этого количество дождя въ цѣломъ и не уменьшится, но паденіе его будетъ ограничено

постоянными временами года. Далѣе — извѣстно изъ наблюденій (съ 1689 года), что въ Парижѣ, въ окрестностяхъ котораго находились прежде огромные лѣса, съ истребленіемъ ихъ, количество дождя не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Такой же результатъ дали наблюденія, дѣлаемыя въ Миланѣ, съ 1763 года, и наблюденія, дѣланныя въ Ларошели и въ долинѣ Роны.

Какой же выводъ изъ всего этого? Выводъ тотъ, что нѣмцы все таки не узнали, какое отношеніе должно существовать въ странѣ между лѣсной и не лѣсной почвой; они не могутъ сказать, много или мало лѣсу въ Германіи, если много, то какую часть его можно превратить въ уголья. У нѣмецкихъ лѣсничихъ нѣтъ подъ ногами твердой почвы. Зная, что лѣсъ нуженъ человѣку, они не знаютъ, въ какой степени велика необходимость въ немъ, они вѣрують, неизвѣстно почему, въ возможность полнаго истребленія лѣсовъ на всемъ земномъ шарѣ и ухватились такъ крѣпко за лѣсные пространства, доставшіяся имъ, что умпрай сосѣдь съ голоду отъ недостатка пашни, они не дадутъ ему ни клочка казеннаго лѣса. Напротивъ еще, форстмейстеры съ ожесточеніемъ засаживаютъ лѣсомъ каждую безлѣсную площадь, округляютъ границы лѣсовъ и даже скупаютъ смежныя пустыя пространства. Если нѣмецкимъ лѣсничимъ дать волю, они готовы засадить весь шаръ земной дубомъ и сосной для будущаго германскаго флота. Нѣмецкіе лѣсничіе на мірѣ и на людей смотрятъ и до сихъ поръ въ очки, завѣщанныя имъ Бургсдорфомъ и Коттой; они не умѣютъ понять, что прошедшее намъ вовсе не урокъ на будущее, что нынче германскія правительства не служатъ вовсе выраженіемъ передоваго движенія, а лѣсъ не оказалъ человѣчеству такой полезной услуги, какъ думали лѣсничіе прошедшаго столѣтія. Въ 1746 году саксонскій оберъ-форстмейстеръ не могъ предвидѣть, чѣмъ придется удовлетворять въ будущемъ потребности горныхъ заводовъ и частныхъ лицъ, а Кольберу и Бернару Палисси казалось, что Франція погибнетъ отъ недостатка лѣса — и что же? ни та, ни другая не погнбли, а фабричная дѣятельность Европы усилилась до такой степени, до какой ее не могли бы довести германскіе лѣса, хоть бы

они были вдвое чище, чѣмъ теперь, а германскіе форст-мейстеры втрое ученѣе. Нѣмцы ужъ такой народъ, что предвидѣть не ихъ дѣло; они формулируютъ старое ученіе и старый хламъ навязываютъ новой жизни — отъ этого нѣмецъ раззѣваетъ ротъ отъ удивленія предъ каждымъ новымъ явленіемъ жизни; онъ станеть рыться въ старомъ, искать примѣровъ и указаній, и пока онъ тратится въ глубокомысленныхъ соображеніяхъ, формулируетъ знаніе или даже сочиняетъ новую науку, жизнь ушла далеко впередъ; она бросаетъ нѣмцу новую задачу и нѣмецъ снова раззѣваетъ ротъ отъ удивленія. Точно муравейникъ, въ которомъ злой мальчикъ помѣшиваетъ время отъ времени палкой.

Лѣса и лѣсоводство не могутъ играть теперь въ Германіи такую роль, какую они играли прежде; нѣмецкіе лѣса не въ состояніи покрыть всѣ потребности страны въ топливѣ и дрова не могутъ соперничествовать въ цѣнѣ съ каменнымъ углемъ. Переводя всю потребность Пруссіи въ топливѣ на дрова оказывается, что Пруссіи нужно въ годъ 8,500,000 нѣмецкихъ сажень (клафтеровъ) дровъ. Для постоянно-ежегоднаго полученія этого количества государство должно имѣть 25,500,000 моргеновъ лѣсу или 1147½ квадратныхъ миль, т. е., на 300 квадратныхъ миль болѣе настоящаго лѣснаго пространства Пруссіи. Въ Саксоніи тоже самое, но въ меньшей степени. Вслѣдствіе пониженія цѣны на топливо, возвращеніе дровъ окажется непременно невыгоднымъ, а тогда долженъ явиться непременно вопросъ стоитъ ли правительствамъ Германіи дѣлать такіе страшные расходы, какіе они дѣлаютъ теперь на содержаніе лѣсныхъ управленій и всякихъ лѣсныхъ чиновниковъ, и стоитъ ли тратиться такъ на культуры. Въ Пруссіи, напримѣръ, валовой доходъ отъ лѣсовъ 6,070,000 талеровъ, а чистый доходъ только 2,943,000 талеровъ (въ 1858 году). Въ числѣ расходовъ — на содержаніе управленія 1,251,989 талеровъ и на культуры 604,723 талера. Это отношеніе расходовъ къ доходу такъ невѣрно, что должно бы давно броситься въ глаза тамошнимъ лѣсничимъ; но они слишкомъ заняты своими культурами и другія соображенія считаютъ мелочами, недостойными своего глубокомыслія. Вмѣсто того, чтобы хлопотать объ уничтоженіи

казеннаго управленія лѣсами и объ уничтоженіи казенной науки лѣсоводства, нѣмцы все крѣпче централизируютъ власть, жмутся все плотнѣе въ касту чиновниковъ-лѣсничихъ. Эта узость тѣмъ болѣе непонятна, что сельское хозяйство сдѣлало въ Германіи огромные успѣхи, что частныя владѣльцы вовсе не истребляютъ лѣсовъ, что частныя имѣнія даютъ гораздо большіе доходы, чѣмъ имѣнія казенныя, и что нѣмецкіе лѣсничіе сочинили даже лѣсную политическую экономію, прозванную тамъ государственнымъ лѣснымъ хозяйствомъ. Въ чемъ же тутъ государственность взгляда? и къ чему сочинять науку государственнаго лѣснаго хозяйства, если она вводитъ общество въ прямыя потери? Очень странная наука! Но не менѣе странно и то, отчего есть наука государственнаго лѣснаго хозяйства, и очень сложная наука лѣсоводства, а нѣтъ науки пчеловодства, науки овцеводства, науки шелководства, или науки государственнаго винодѣлія, хотя въ Германіи дѣлаютъ вина очень много и винодѣліе даетъ народу больше выгодъ чѣмъ лѣсоводство. Тутъ очевидно нѣмцы сбились съ толку, и вся причина въ томъ, что овцеводствомъ, пчеловодствомъ и винодѣліемъ занимаются въ Германіи частныя лица; стоитъ только припустить къ дѣлу чиновника, и завести государству свои виноградники или овчарни, явится и наука винодѣлія, и наука овцеводства; а тамъ не далеко и до государственнаго винодѣлія и государственнаго овцеводства, которыя пойдутъ государству въ убытокъ.

Корнемъ зла, во всякомъ случаѣ, бюрократизмъ и вмѣшательство правительства. Прежде, т е., въ прошедшемъ столѣтіи, вмѣшательство правительственное было нужно; только этимъ въ Германіи и спаслись лѣса, создались лѣсныя школы и создалась теорія лѣсоводства. Частныя лица, по недостатку средствъ, по недостатку образованія, по разрозненности интересовъ, не могли бы сдѣлать того, что сдѣлало правительство. Только правительства, сильныя особенно законодательной властью, могли взяться за устройство порядка въ лѣсахъ и за созданіе людей знающихъ лѣсоводство, въ такой короткій срокъ времени. Казенное хозяйство могло казаться хорошимъ и выгоднымъ, когда были плохи частныя. Но когда порядокъ уже устроился, частныя владѣльцы по-

вели дѣло у себя не хуже, когда опытъ показалъ что и въ частныхъ рукахъ лѣсъ тоже не исчезаетъ, и выгоды казеннаго управленія меньше выгодъ частныхъ, зачѣмъ лѣсамъ находится въ казенномъ управленіи? зачѣмъ убыточная и хлопотливая опека, надъ взрослымъ и понимающимъ своимъ интересъ, человѣкомъ? Если сельское хозяйство, заводская и фабричная промышленность обходятся безъ опеки чиновниковъ и развиваются на свободѣ, отчего же часть сельскаго хозяйства — лѣсоводство не можетъ идти тѣмъ же путемъ? Разумѣется можетъ, но ему не дадутъ ходу, потому что это будетъ невыгодно ни для правительства, ни для бюрократовъ-лѣсничихъ. Благодаря только специальной тупости послѣднихъ, возможенъ подобный порядокъ.

Не смотря на конституцію, не смотря на возгласы германскихъ лѣсничихъ, что прежде лѣса управлялись въ видахъ личныхъ интересовъ королевскихъ фамилій, а въ послѣднее время, со времени конституціи, начали хозяйничать въ видахъ народно-экономическихъ, германскій лѣсничій остался по прежнему слугою короля, органомъ правительства и слѣпымъ орудіемъ всякой его воли. Германскій лѣсничій не частичка народа, — онъ представитель правительственной мудрости, онъ колесо уродливаго механизма, извѣстнаго подъ названіемъ казеннаго лѣсоводства. Казенный лѣсничій такъ привыкъ къ своему положенію, что ему кажется невозможнымъ не только порядокъ въ лѣсахъ, но даже существованіе самихъ лѣсовъ внѣ формъ бюрократическаго правленія.

Нѣмецкій лѣсничій, вообразивъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, что только онъ одинъ знаетъ дѣло, что только онъ одинъ въ состояніи уберечь лѣса и держать ихъ въ порядкѣ, наконецъ, что онъ одинъ можетъ организовать стройную администрацію одушевленную одной идеей, повелъ въ томъ же духѣ и воспитаніе молодыхъ лѣсничихъ. Молодой учился у стараго старому порядку. Этотъ же характеръ отразился и въ лѣсоводственной литературѣ Германіи и въ ея замкнутомъ ученіи, гдѣ у лѣсничихъ явилась даже своя лѣсная математика и своя лѣсная эстетика.

Воспитаніе, основанное на принципѣ узкаго спеціальнаго образованія, создало тотъ типъ лѣсничаго, котораго мы встрѣ-

чаемъ въ настоящее время въ Германіи. Лѣсничій даже одѣвается не такъ, какъ одѣваются всѣ люди: онъ носитъ непремѣнно бурокоричневое короткое пальто съ зеленымъ отложнымъ воротникомъ и такими же обшлагами, пуговицы роговыя съ головами кабановъ, лисицъ, оленей, собакъ. — Шляпа войлочная, въ родѣ шляпы Гарибальди, но зеленого цвѣта, перевязанная внизу широкой зеленой лентой и украшенная съ боку клочкомъ пѣтушиного хвоста. Лѣсничій корчитъ изъ себя большого ходока и страшнаго охотника, на томъ основаніи, что Генрихъ Котта сказалъ когда-то, что лѣсничій-охотникъ знаетъ свои лѣса всегда лучше лѣснаго не охотника. Гордость лѣснаго составляютъ культуры, и въ этомъ дѣлѣ не осилитъ его даже ни одинъ англійскій садовникъ. Кромѣ лѣсоводства Германіи, тамошній лѣсничій не признаетъ никакого другаго лѣсоводства, потому что нигдѣ нельзя найти такихъ отличныхъ посадокъ и посѣвовъ, и ни одинъ народъ не отличается въ этомъ дѣлѣ такой политической дальновидностью. Внѣ лѣсоводства и лѣса для германскаго лѣснаго нѣтъ жизни, его не интересуется ничто немѣющее связи съ лѣсоводствомъ и кромѣ лѣсоводственныхъ сочиненій, отшибающихъ послѣдній смыслъ, лѣсничій не читаетъ ничего.

Но что это такое наука лѣсоводства, составляющая такую гордость германскаго лѣснаго и поглотившая всю его дѣятельность? Наука эта дѣло очень простое. Прежде всего лѣсничій долженъ уметь отличать сосну отъ ели, ель отъ дуба, дубъ отъ бука и т. д. Потомъ нужно знать какую почву любить каждая порода, когда даетъ сѣмена, когда собирать ихъ, когда и какъ сѣять. Послѣ этого лѣсничій долженъ знать въ какомъ порядкѣ рубить лѣсъ и сколько ежегодно, чтобы не разстроить и не истребить дачу. Вотъ и все. Вообще эта наука нисколько не труднѣе и не хитрѣе науки овцеводства и науки шелководства; разница въ томъ, что лѣсоводству посчастливилось попасть въ отдѣлъ знаній государственныхъ, а шелководству нѣтъ. Представляется еще одинъ вопросъ — отчего лѣсоводство, составляющее только небольшой отдѣлъ сельскаго хозяйства, раздулось въ такое обширное и сложное знаніе? Отвѣтъ на это былъ уже

ранѣе — у казны были свои лѣса и свои лѣсничіе; а если бы она своими чиновниками стала пахать въ прошедшемъ столѣтїи землю, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нынѣшнее столѣтіе увидѣло бы въ Германїи науку государственнаго сельскаго хозяйства.

Кромѣ особенной склонности нѣмцевъ къ спеціальностямъ всякаго рода, сокращенію* кругозора тамошнихъ лѣсничихъ способствуетъ сильно и самая метода образованія — для поступленія въ лѣсную академію достаточно окончить курсъ въ реальной школѣ или въ гимназїи. Но какія основанія можетъ положить реальная школа? Выучить читать и писать, немножко математики, немножко исторїи и географїи, кое-что изъ химїи и физики — вотъ и все. Этихъ началъ довольно, чтобы занять мѣсто за прилавкомъ или въ купеческой конторѣ, но мало, чтобы быть смыслящимъ гражданиномъ. Съ умѣньемъ считать только зильбергроши, юноша вступалъ въ лѣсную науку; тутъ онъ не видѣлъ ничего, кромѣ лѣса и старыхъ, матерыхъ лѣсничихъ; пять лѣтъ сряду ему твердятъ только о лѣсоводствѣ, объ эстетикѣ въ лѣсу, учатъ сажать и сѣять лѣсъ и натаскиваютъ въ обязанностяхъ службы. Не получивъ понятія ни о чемъ, кромѣ лѣсоводства, юноша дѣлался тѣмъ одностороннѣе, чѣмъ глубже изучалъ всякій лѣсоводственный вздоръ; и, разумѣется, дѣлался тѣмъ, что изъ него дѣлали — лѣсничимъ-чиновникомъ.

Лѣсоводственная Германія можетъ нравиться только тому, кто отправляется туда лѣтомъ, для прогулокъ; нѣмецкіе лѣса, дѣйствительно, чисты, а нѣмецкіе лѣсничіе довольно честны и весьма искусны въ культурахъ. Но это еще не лѣсоводство. Германскія правительства не хотятъ высчитать, на сколько имъ будетъ выгоднѣе когда лѣса уйдутъ въ массу народнаго хозяйства; держать лѣса въ своихъ рукахъ, вообразая, что тупой спеціальностью, чуждой коммерческихъ соображеній и пониманья общихъ народныхъ интересовъ и общихъ экономическихъ соображеній, можно достигнуть выгодныхъ результатовъ въ народномъ хозяйствѣ страны. У правительства не можетъ быть ни коммерческаго такта, ни быстроты дѣйствій, ни быстроты соображеній, ни энергической дѣятельности, составляющей непремѣнную принадлежность

предпріятій частныхъ лицъ и торговыхъ компаній. Чиновникъ лѣсничій, какъ бы онъ ни былъ силенъ въ тонкостяхъ лѣсоводства и въ искусствѣ дѣлать сосновыя и дубовыя культуры, писать рапорты и отношенія, не сравнится съ приказчикомъ даже средней руки. Германцы сами очень хорошо знаютъ, что частныя имѣнія даютъ больше выгодъ, чѣмъ имѣнія казенныя, и, не смотря на то, казенные лѣсничіе держатся крѣпко за казенные лѣса и за свой бюрократизмъ. Они гордятся своимъ чиновничьимъ вліяніемъ и значеніемъ, своей службой правительству; а правительству разумѣется выгодно имѣть такихъ покорныхъ и, повидимому, преданныхъ слугъ и тѣлохранителей. Нѣмецкій чиновникъ, это тайная присяжная сила нѣмецкаго правительства; только при содѣйствіи чиновниковъ дѣлаются всякія гражданскія, уголовныя и политическія неправды; только при содѣйствіи чиновниковъ можно въ голштинскомъ и итальянскомъ дѣлѣ видѣть нѣмецкій вопросъ и германизировать 16,000,000 австрійскихъ славянъ. Лѣсничій, самъ того не понимая, примыкаетъ къ этой фалангѣ и еще гордится тѣмъ, что онъ человѣкъ специально ученый и что нигдѣ нѣтъ такихъ культуръ, какъ въ Германіи. Но пока существуютъ административныя касты и притупляющее специальное образованіе, дѣлающее изъ человѣка политико-экономическую машину, другой порядокъ вещей и невозможенъ.

V.

У французовъ есть способность придать всему своей національный характеръ; съ лѣсоводствомъ они поступили точно также. Разработка теоріи во всѣхъ мелочахъ была дѣломъ нѣмцевъ, французы перенесли эту теорію къ себѣ, примѣнили ее къ условіямъ своей страны, учредили въ 1824 году въ Нанси лѣсную школу и нѣмецкое лѣсоводство вышло во Франціи французскимъ.

Поляки поступили иначе. Благодаря саксонскому вліянію еще прошедшаго столѣтія, нѣмецкіе лѣсничіе наводнили Польшу, забрали въ свои руки администрацію и ужъ было ввели совсѣмъ тотъ странный порядокъ вещей, который невоз-

поколѣніе русскихъ лѣсничихъ прозвало нѣмецкимъ лѣсоводствомъ; тутъ была мелочность, умозрительность, отсутствіе яснаго пониманія потребностей страны и характера народа, учительскій тонъ, желаніе передѣлать все на саксонскій ладъ и сбивчивыя понятія о казенныхъ деньгахъ — нѣмцы, считая себя правительствомъ, были очень непрочь зашибить чужую деньгу и уѣхать доживать свой вѣкъ въ родную Саксонію. Но поляки наконецъ догадались въ чемъ дѣло, они поняли что лѣсное хозяйство не въ однихъ культурахъ или въ саксонской методѣ лѣсоустройства, что кромѣ этого нужно изучать свойства древесныхъ породъ и условія ихъ роста на своей родной почвѣ, не совсѣмъ похожей на саксонскую; что кромѣ культуръ существуетъ лѣсная торговля и запросы на матеріалы нѣсколько другіе какъ въ Германіи; что есть самовольная порубка и плутовство разныхъ видовъ и свойствъ тоже отличное отъ саксонскаго; что наконецъ слѣдствіе и судъ въ Польшѣ не совсѣмъ-то похожи на нѣмецкіе и что всему этому не въ состояніи научить лѣсоводственныя сочиненія, написанныя въ Германіи, какъ бы тамошніе форштмейстеры ни были учены. Освободившись отъ притупляющей опеки нѣмецкаго ученаго лѣсоводства и нѣмецкихъ учителей, Поляки повели свое дѣло много лучше и въ мѣстномъ лѣсномъ хозяйствѣ Польши явился смыслъ, котораго въ немъ прежде не было.

Наше лѣсоводственное развитіе похоже на развитіе Польши, но мы начали какъ будто строже обдумавъ свою задачу. Потребность имѣть «знающихъ въ лѣсной части людей» была высказана нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ. Наконецъ въ 1803 году императоръ Александръ поручилъ курляндскому дворянину Штейну устроить близъ С. Петербурга практическое лѣсное училище. Штейнъ былъ назначенъ директоромъ и единственнымъ наставникомъ учениковъ, которыхъ назначено по штату двадцать человекъ. Училище открыли въ Царскомъ Селѣ. Преподаваніе предполагалось преимущественно практическое. Учениковъ предположено набрать изъ волноопредѣляющихся, а отчасти изъ гимназистовъ и студентовъ московскаго университета, не моложе восемнадцати лѣтъ.

Въ слѣдующемъ году калужскій оберъ-форштмейстеръ Вильфингъ, вмѣстѣ съ проектомъ устройства калужскихъ за-сѣкъ представилъ предположеніе объ устройствѣ въ Ко-зельскѣ, при домѣ оберъ-форштмейстера, лѣснаго института для обученія лѣсоводству тридцати молодыхъ людей. Ми-нистръ финансовъ въ докладѣ своемъ объ этомъ государю говоритъ, что изъ всѣхъ предположеній Вильфинга онъ при-знаетъ болѣе всего полезнымъ учрежденіе лѣснаго учили-ща, «ибо при усовершенномъ образованіи лѣсной части въ Россіи, годъ отъ году чувствуется навящаща нужда имѣть искусныхъ въ лѣсоводствѣ чиновниковъ, кои не могутъ быть замѣнены иностранцами, но незнанію сихъ послѣднихъ ни языка, ни законовъ, ни обычаевъ жителей Россіи и которые, при всѣхъ теорическихъ и практическихъ свѣдѣніяхъ въ лѣсоводственной наукѣ, должны бы однакоже не малое употребить время на изученіе лѣсной части, свойственной для Россійскаго государства.»

Но Мельхиоръ Вильфингъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе, да и самъ министръ финансовъ отступилъ отъ своей программы, когда дошло до дѣла: въ пятомъ пунктѣ начер-танія о заведеніи лѣснаго института сказано: «Институтъ сей долженъ заниматься переводами лѣсныхъ книгъ для спо-собствованія и обученія тѣхъ, кои иностранныхъ книгъ чи-тать и въ таковыя институты являться не могутъ, почему основательное изученіе нѣмецкому языку постановлено въ главнѣйшую обязанность воспитывающимся въ ономъ, по-елику лучшія о лѣсной наукѣ книги на ономъ изданы.»

Такимъ образомъ правительство, недовольное иностранны-ми лѣсничими, потому что при незнаніи языка и обычаевъ Россіи и недостаткѣ свѣдѣній въ лѣсной части «свойственной для Россійскаго государства» они были мало полезны для насъ, въ то же время хотѣло, чтобы русскіе изучали лѣсо-водство изъ нѣмецкихъ руководствъ. Выигрышъ былъ еще не большой. Но съ другой стороны трудно было и требо-вать правилъ и познаній удобопримѣнимыхъ къ нашимъ лѣ-самъ: правилъ этихъ никто не подготовилъ и не создалъ — это должно было составить задачу будущихъ поколѣній рус-скихъ лѣсничихъ. И въ этомъ случаѣ надежды Россіи опра-

вдался также, какъ и въ лѣсной администраціи — мы до сихъ-поръ еще не знаемъ, такъ называемыхъ способовъ естественнаго возобновленія лѣсовъ и сѣменныхъ лѣсосѣкъ; въ нашихъ лѣсахъ на вырубленныхъ мѣстахъ вырастаетъ что Богъ дастъ, намъ неизвѣстны даже лѣсоводственныя свойства нашихъ древесныхъ породъ, неизвѣстны условія ихъ роста и въ пятьдесятъ лѣтъ времени мы не сдѣлали почти никакихъ наблюденій въ нашихъ лѣсахъ. Въ разработкѣ правилъ лѣсоводства, на основаніи данныхъ и опытовъ собранныхъ въ русскихъ лѣсахъ, мы стоимъ теперь также на распутіи, какъ и въ разработкѣ лѣсной администраціи. Но за то мы богаты опытомъ неудачъ и нестройства, — мы знаемъ болѣзнь — довольно ужъ и этого.

Въ 1811 году царскосельское лѣсное училище переведено въ С. Петербургъ и переименовано въ форштъ-институтъ, а въ 1813 году переведено туда же и козельское лѣсное училище. Печальное было это заведеніе, приносило оно мало пользы и мало внесло свѣта въ нашу науку лѣсоводства. Въ 1829 году задумали новое преобразование лѣснаго института; но отъ этой новизны не много выиграла лѣсная наука и лѣсная администрація и порядку въ лѣсахъ не прибавилось. Общее и специальное образованіе были созданы, курсъ ученія назначенъ шестилѣтній и лучшихъ воспитанниковъ для усовершенствованія въ лѣсоводствѣ предположено было посылать за-границу.

Но отчего же заведеніе не могло принести ожидаемой пользы и отъ новаго преобразованія не выиграли ни русскіе лѣса, ни русское лѣсоводство? Двѣ причины помѣшали успѣху: односторонность воспитанія и излишнее вліяніе саксонскихъ ученыхъ форштмейстеровъ.

На воспитаніе, по-крайней-мѣрѣ въ лѣсномъ институтѣ, смотрѣли тогда очень просто. Что нужно знать лѣсническому? — лѣсоводство; ну, и учили лѣсничаго лѣсоводству. А что такое лѣсоводство? на этотъ вопросъ отвѣчали тоже просто. Лѣсоводство есть та наука, которую сочинили въ Германіи Котта, Гундесгагенъ и другіе ученые лѣсничіе, не псключая Фейля и барона Берга. Науки эти изучались, разумѣется, лучше всего въ центрѣ лѣсоводственной мудрости — въ

Саксоніи, въ Тарантской академіи für Forst- und Landwirthе, и русскіе лѣсничіе, будущіе наставники будущихъ лѣсничихъ, поѣхали за ней въ Саксонію.

Кого винить—саксонцевъ или русскихъ профессоровъ лѣсоводства, что воспитанникамъ лѣснаго института предлагали, на примѣръ, слѣдующее надежное средство противъ насѣкомыхъ? «Весьма полезно было, подобно пчеламъ, размножать отводками, отсадками и муравьевъ: что кажется удалось бы, особенно въ сосновыхъ лѣсахъ, гдѣ преимущественно водится много муравьевъ и гдѣ обыкновенно случаются поврежденія отъ насѣкомыхъ; но еслибы сіи послѣдніе оказались гдѣ въ другомъ мѣстѣ, то можно бы было конечно тамъ натывать сосновыя прутья». (Перелыгина, Лѣсоохраненіе или правила сбереженія растущихъ лѣсовъ, стр. 191). Ребенокъ могъ быть лѣнивъ, но едва ли въ немъ можно было предполагать отсутствіе всякаго смысла, хоть на это и очень способны ученые лѣсничіе изъ нѣмцевъ. Наука лѣсоводства, проповѣдуя подобныя правила достигала одного, что воспитанникъ терялъ къ ней всякое уваженіе, онъ не сознавая вполнѣ, чувствовалъ что его учать не дѣлу, а какимъ-то отвлеченностямъ. На каждомъ шагу ученику твердили объ ученыхъ лѣсоводахъ Германіи, о лѣсахъ Гарца, о проходныхъ прорубкахъ, о видовыхъ числахъ, о какой-то сравнительной вышинѣ, о таксаціонной сажени, о лѣсной географіи, о лѣсной химіи, о лѣсохимической технологіи, о лѣсной математикѣ и другихъ невозможныхъ вещахъ. Не зная русскихъ лѣсовъ, дѣти понимали что саксонскія правила не для нихъ; съ какимъ восторгомъ встрѣтили разъ воспитанники института прозвище «сосновая метафизика» данное Шелеховымъ наукѣ лѣсоводства. Не явилось бы сочувствіе, еслибы дѣтей не поразила мѣткость прозвища, еслибы все окружающее не говорило имъ, что правила, которыя они твердили на память — а это требовалось въ тѣ времена — хороши гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не въ Россіи. Наконецъ ученики, зная что ихъ готовятъ въ русскіе лѣсничіе, не совсѣмъ-то понимали ясно отчего профессора твердятъ только о Саксоніи и о Пруссіи, но ни слова не говорятъ о Россіи. А замѣчательная снотворность лекцій изъ

лѣсоводства и изъ другихъ вспомогательныхъ предметовъ? Ученики не безъ основанія приписывали это свойству самой науки, лишенной всякой жизни, всякой возможности возбудить вниманіе и интересъ. И дѣйствительно, какой интересъ могло представить, напримѣръ, описаніе разныхъ родовъ лѣсныхъ хозяйствъ и объясненіе выгодъ и невыгодъ каждаго. Все это бралось памятью, потому что понимать тутъ нечего и потому что ни одно хозяйство профессоръ не могъ показать на практикѣ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что при лѣсномъ институтѣ не было настоящаго лѣса для практическихъ занятій; а во-вторыхъ, что въ русскихъ лѣсахъ вообще существовало тогда хозяйство заведенное еще на основаніи форштмейстерской инструкціи временъ императрицы Анны. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ и создать образецъ лѣснаго хозяйства, учредили въ 1835 году практическую школу, подъ названіемъ Лисинскаго учебнаго лѣсничества; воспитанники, кончившіе теоретическое воспитаніе въ лѣсномъ институтѣ, посылались на годъ въ Лисинское учебное лѣсничество для практическихъ занятій. Основаніемъ для устройства образцоваго хозяйства послужила разумѣется нѣмецкая теорія и саксонское лѣсоустройство; но и русскій смыслъ не спалъ при этомъ: практичность его выразилась въ томъ, что при приложеніи нѣмецкой теоріи къ рубкѣ и продажѣ русскаго лѣса русскимъ купцамъ, нѣмецкая теорія сохранилась только по названію, а на дѣлѣ водворился порядокъ совершенно исключительный и хозяйство вполне своеобразное — ученые лѣсоводственные термины служили красивыми ширмами, за которыми скрывалось приложеніе на практикѣ совсѣмъ другой теоріи.

Эти двѣ крайности — саксонская теорія не возможная въ русскомъ лѣсоводствѣ и своеобразное приложеніе ея въ учебномъ лѣсничествѣ, составляли какую-то странную научную амальгаму; въ головѣ ученика дѣлался хаосъ, сѣпленіе какихъ-то противорѣчій, т. е., укладывался полный курсъ лѣсоводства, превращавшій ученика въ ученаго лѣсничаго. Съ запасомъ такой учености юноша вступалъ въ дѣйствительную жизнь. Набравшись науки, юноша чувствовалъ себя сильнымъ когда представлялся случай поразсуждать о выго-

дахъ или не выгодахъ сѣменныхъ лѣсовъ, о теоріи проходныхъ прорубокъ, о среднемъ хозяйствѣ. Но для жизни этого было не достаточно, жизнь требовала приложений, а что и какъ приложить? Этого ни наука, ни преподаватели, ни учебное лѣсничество не разъяснили. Лѣсничій, нагруженный ученостью, не понималъ что съ ней дѣлать, онъ рѣшительно не зналъ на какую потребу учать человѣка и что дѣлать съ наукой. Одно только и было вполне ясно, что по выходѣ изъ школы учиться ужъ никто не заставитъ. Не зная, что дѣлать съ своей спеціальною и не умѣя понять, отчего примѣненіе знанія не возможно на дѣлѣ, юноша терялъ вѣру не только въ свою науку, но и въ науку вообще. Къ жизни же онъ былъ совершенно не приготовленъ.

Въ институтъ принимали десяти-двѣнадцати-лѣтнихъ дѣтей; въ классѣ, гдѣ было тридцать воспитанниковъ, вносились тридцать разныхъ философскихъ основаній и взглядовъ на жизнь, вынесенныхъ изъ тридцати разныхъ семействъ. Одни воспитанники вносили какой-то буйный элементъ, по которому считалось похвальнымъ обмануть извозчика, стащить булку у сбитеньщика. Другіе, болѣе скромные, ограничивались тѣмъ, что не учились и мѣшали заниматься другимъ. Третьи пробавлялись такъ называемымъ фискальствомъ. Четвертые, натуры не самодѣятельныя, приставали къ какойнибудь партіи и плелись за другими, не понимая сами ничего. Одолѣвало одно какоенибудь направленіе, хоть и бывали въ одномъ и томъ же классѣ разныя партіи; но всѣ партіи примирялись когда возбуждался вопросъ, касавшійся цѣлаго класса; примиряющимъ началомъ, являлось *товарищество*. Товарищество проявлялось въ весьма разнообразныхъ видахъ, но имъ прикрывалось всегда только дурное; общее хорошее дѣло, если оно случалось когданибудь, обходилось безъ товарищества. Это же самое чувство товарищества и впоследствии, на службѣ, служило родственнымъ началомъ, скрѣплявшимъ касту спеціалистовъ-однокашниковъ, и словомъ товарищъ или славный товарищъ опредѣлялся человѣкъ, готовый такъ, ради одной компаніи, напиться пьянымъ, разбить гдѣнибудь стекла или прикрыть всякую скверность, сдѣланную однокашникомъ. Между тогдашними воспитанни-

ками лѣснаго института *товарищество* должно было пользоваться большимъ значеніемъ, ибо товарищество спасало отъ разныхъ напастей и каждый былъ не прочь пошлать — товарищество служило щитомъ, а дурное, которое имъ прикрывалось, не всегда считалось дурнымъ. Но замѣчательно, что духъ товарищества не покидалъ одноклассниковъ и впоследствии, въ дѣйствительной жизни. Многіе съ этимъ принципомъ доживали до сѣдыхъ волосъ. Не понятно, тупоуміе или разныя утилитарныя соображенія мѣшали взглянуть на дѣло прямо?

Въ такой школѣ взаимнаго нравственнаго обученія ребенокъ росъ какъ грибокъ, гувернеры изъ нѣмцевъ больше портили дѣло, потому что не понимали за что они брались. Такъ называемые предметы общаго образованія, арифметика, грамматика, исторія по курсу Кайданова и т. д., по свойствамъ преподаванія не возбуждали не только ни одной свѣтлой мысли и не пробуждали никакого чувства, напротивъ притупляли способности. Молодой человекъ, закончивъ свое общее и специальное образованіе, вступалъ въ жизнь лишенный всякой руководящей нити и съ первыхъ же шаговъ жизнь начинала давать ему уроки не только не похожіе, но не рѣдко совершенно противоположные тѣмъ правиламъ, которые онъ училъ на память въ учебникахъ. Моралисты требуютъ, чтобы человекъ боролся съ жизнью; все это очень хорошо, когда человека научали бороться и онъ встрѣчаетъ противника. А если юноша, вступая въ жизнь видѣлъ только, что тамъ дѣло идетъ какъ-то иначе, чѣмъ въ лѣсномъ институтѣ, но вообще гораздо лучше, гораздо свободнѣе и веселѣе? Съ чѣмъ бы ему тутъ бороться? Жизнь не казалась ему вовсе врагомъ, а только добрымъ учителемъ, который давалъ уроки совсѣмъ не похожіе на уроки лѣснаго института. Отъ всего этого терялъ только институтъ, къ которому юноша терялъ наконецъ всякое уваженіе. Отчего происходятъ такое несходство жизни съ теоріей, въ чемъ это противорѣчіе, юноша и не задавалъ себѣ вопроса; онъ вѣрилъ дѣйствительности, которая окружала его и принималъ ея ученіе на вѣру. Также обходилось и съ лѣсной специальностью — и юноша, самъ того не замѣчая, по-

подавалъ въ водоворотъ служебной дѣятельности, поглощался исполнѣ интересами окружающаго его казенно-чиновничьяго, лѣснаго міра и даже не подозрѣвалъ, что можетъ существовать другая жизнь и другіе интересы. Все школьное забывалось, кромѣ умѣнья читать и писать, только эти два знанія и приносили существенную пользу на поприщѣ новой дѣятельности; а практика и теорія новой науки строились со всѣмъ на иныхъ основаніяхъ. Вопросъ не въ томъ кого винить во всемъ этомъ и почему приходилось каждому строить свою теорію на основаніи философскихъ основаній и интересовъ касты или кружка, въ который попалъ юноша? Но могъ ли онъ имѣть другіе болѣе широкіе и свѣтлые интересы? — ни курсъ лѣсной таксаціи, ни исторія Кайданова, ни гувернеры изъ нѣмцевъ не говорили объ нихъ ему никогда. Приходилось кидаться въ водоворотъ жизни съ завязанными глазами, приходилось посвящать себя исключительно чиновничьей карьерѣ, а ужъ тамъ было дѣло случая, куда выносило.

Въ одно время съ новымъ преобразованіемъ лѣснаго института, съ наплывомъ изъ Германіи новыхъ лѣсоводственныхъ идей, вывезенныхъ оттуда русскими лѣсничими, учреждено было въ Петербургѣ общество для поощренія лѣснаго хозяйства. Цѣлью общества было поощреніе частныхъ владѣльцевъ къ сохраненію лѣсовъ и распространеніе познаній о лѣсоводствѣ. Объ этомъ обществѣ не стоило бы говорить особенно, еслибы не одно обстоятельство: общество начало издавать періодическое изданіе по лѣсоводству — «Лѣсной Журналъ». Журналъ этотъ не достигъ своей цѣли, потому что не научилъ помѣщиковъ теоріи лѣсоводства, но зато поселилъ научный развратъ въ сословіи казенныхъ ученыхъ лѣсничихъ. Русскіе лѣсничіе, побывавшіе за-границей и возвращавшіеся тамъ исключительно въ омутѣ спеціальной учености, занимались однимъ лѣсоводствомъ; видя въ лѣсахъ порядокъ и хозяйство, видя культуры, они не задавали себѣ вопроса, почему явился этотъ порядокъ, въ чемъ заключается причина его возможности. Нашимъ лѣсничимъ казалось, что довольно умѣть устроить лѣсъ и сдѣлать культуры, чтобы лѣсъ дѣйствительно устроился — и дѣйствительно сдѣлались

культуры. Для нихъ жизнь была сама по себѣ, а лѣсоводство само по себѣ. Возвращаясь съ убѣжденіемъ, что Германія есть именно страна того далекаго идеала, къ которому мы русскіе должны стремиться, русскіе ученые лѣсничіе принялись съ жаромъ за переводы всего лучшаго, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Лѣсной Журналъ поглотилъ всю нѣмецкую лѣсоводственную литературу; мы узнали отлично правила германскаго лѣсоводства, не имѣя никакого понятія о русскихъ лѣсахъ и не понимая почему теорія, отличная въ Германіи, не вяжется съ русской практикой. Это было время страннаго самообольщенія и подогрѣтаго восторга, гдѣ людямъ казалось что стоитъ только начать переводить съ нѣмецкаго, чтобы начало устраиваться русское лѣсное дѣло. Удивительнѣе всего, что этотъ восторгъ и бумажная жизнь тянулись больше двадцати лѣтъ; но идеализація была слишкомъ сильна и поддерживалась главнѣйше тѣмъ, что литературные дѣятели были люди, посвятившіе себя кабинетному труду — они не видѣли никогда ни русской жизни, ни русскихъ лѣсовъ. Наконецъ Лѣсной Журналъ не выдержалъ, время взяло свое, онъ началъ худѣть, книжки стали появляться рѣже и тоньше и наконецъ журналъ умеръ. Эта духовная пища вскормила нѣсколько поколѣній русскихъ ученыхъ лѣсничихъ, и притупила своей односторонностью и разладомъ съ дѣйствительностью не одного человѣка, особенно когда съ новымъ преобразованиемъ лѣснаго института началась таксація русскихъ лѣсовъ, дѣло до того времени не бывалое.

Въ 1838 году, лѣсной институтъ изъ стаскаго сдѣлалъ военнымъ заведеніемъ и всѣхъ лѣсничихъ одѣли въ военную форму; такимъ образомъ прежніе лѣсничіе превратились въ офицеровъ корпуса лѣсничихъ. Съ военными порядками явилось военное начальство, явилась дисциплина, началась шагистика, ружистика и лѣсные кадеты начали являться не только на разводы и парады, но даже отличились разъ на маневрахъ взятія с.-петербургской крѣпости. Военный строй незмѣнилъ принципа, но только придалъ ему другой характеръ и другую внѣшность; товарищество осталось въ прежней силѣ, теорія германскаго лѣсоводства процвѣтала по

прежнему и по прежнему расходилась съ практикой Лисни-скаго учебнаго лѣсничества, а пѣмцы гувернеры смѣнились военными дежурными офицерами.

Преобразование корпуса лѣсничихъ случилось вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ. Къ этому времени наука лѣсоводства до того уже созрѣла у насъ, на основаніи нѣмецкихъ источниковъ, что лѣсное управленіе чувствовало себя въ силѣ начать устронвать русскіе лѣса по прусской методѣ. Это обстоятельство создало особый видъ ученыхъ лѣсничихъ — таксаторовъ, а лѣсоустройство прозвали таксаціей. Молодые ученые, пропитанные лѣсной наукой, въ томъ видѣ какъ говорилъ о ней Лѣсной Журналъ, принялись съ жаромъ вычислять пробныя площади, опредѣлять видовыя числа, сравнительныя высоты и составлять хозяйственныя распоряженія, на сто двадцать и даже болѣе лѣтъ впередъ. Время было очень веселое, и рьяная молодежь потратила много силъ на ходьбу по лѣсу, на вычисленіе и на составленіе не всегда вѣрной таксаціи. Для таксатора, передоваго лѣсничаго, не было другой жизни какъ таксація; какъ мѣстный лѣсничій не выходилъ изъ тѣснаго круга интересовъ деревни, въ которой онъ жилъ и служебныхъ интересовъ своего уѣзда, такъ передовой лѣсничій — таксаторъ питался одними таксаціонными идеями и посвящалъ всего себя исключительно таксаціи, до того, что даже не былъ знакомъ съ практической стороною лѣснаго дѣла и зналъ весьма поверхностно обязанности мѣснаго лѣсничаго. Лѣсная съемка учила только ориентироваться въ лѣсу, но не учила ориентироваться въ жизни. По прежнему у молодыхъ лѣсничихъ не было руководящей нити, чтеніе книгъ и журналовъ давалось трудно — не всегда была возможность имѣть ихъ и приходилось пробавляться идеями и вопросами наиболѣе близкими къ интересамъ службы или толковать о домашнихъ дѣлахъ другъ друга. Недостатокъ разумнаго нравственнаго начала пополнялся формулой — честь мундира. При статской формѣ этого не было. Боязнь обезчестить мундиръ, не спасала его въ дѣйствительности; она служила доказательствомъ только одного, что недостатокъ развитія и нравственныхъ убѣжденій не восполняется фразой.

Съ военнымъ строемъ явилось въ лѣсномъ институтѣ больше чистоты и порядка, а воспитаніе сдѣлалось лучше, т. е., еще спеціальнѣе; такъ что въ офицерахъ корпуса лѣсничихъ, стали различать специалистовъ — институтскихъ, отъ неспеціалистовъ — неучившихся въ лѣсномъ корпусѣ. Специалисты, и какъ одпокашники и какъ люди одного ученія, держались плотнѣе другъ другу, спеціализмъ начиналъ пускать корни, а неспеціалистовъ прозвали въ насмѣшку апшеронцами. Нѣмецкое ученіе, хотъ и не приносило еще вполне зрѣлыхъ плодовъ, но ужъ начинало крѣпнуть — начало кастѣ было положено, спеціальное образование стягивало все крѣпче и крѣпче свой узелъ, и лѣсной міръ сталъ видимо замыкаться: въ немъ явились и свои сильные міра сего, и свои специалисты изъ специалистовъ и даже свой органъ — Газета Лѣсоводства и Охоты, въ подражаніе нѣмецкому *Forst und Jagd Zeitung* — изданіе посвященное почти исключительно интересамъ офицеровъ корпуса лѣсничихъ. Недоставало только того семейнаго начала, которое зажигаетъ въ германскихъ лѣсничихъ чувство родственной любви ко всякому лѣсному мундиру, будь онъ хотъ на готтентотѣ; но вѣроятно дошли бы и до этого.

Какъ все это ни печально, но оно было необходимымъ слѣдствіемъ порядка, завѣщаннаго еще петровскимъ государственнымъ ученіемъ. Не однимъ лѣсничимъ приходилось вращаться въ самомъ тѣсномъ умственномъ мірѣ, а дорога въ другой, болѣе широкой міръ, была неуказана: таксація, лѣсоводство, эпошеты, слѣдующій чинъ, честь мундира, красивая форма, право брянчать саблей и шпорами, были такими изолирующими началами, что изъ нихъ не могъ формироваться человекъ и гражданинъ.

Съ прошедшаго года допущены слушать курсъ въ лѣсномъ институтѣ люди окончавшіе курсъ въ университетѣ. Эта новая живительная струя должна обновить все ученіе.

VI.

Какой же выводъ, изъ всего сказаннаго выше? Выводъ очень небольшой. Правительства Европы, желая создать въ

лѣсахъ порядокъ, строили, строили и только одной Германіи, послѣ пятисотъ лѣтъ труда, удалось наконецъ завести отличныя культуры и создать вполне тупоумную касту ограниченныхъ спеціалистовъ. Не понимая смысла явленій, нѣмецкіе лѣсничіе вообразили, что порядокъ, бывшій въ прошедшемъ столѣтіи, во времена лѣсовода Бургедорфа, есть законъ всего будущаго, что нѣсколько чиновниковъ-лѣсничихъ, живущихъ нѣмецкимъ книжнымъ умомъ, понимаютъ вещи лучше, чѣмъ понимаетъ ихъ человѣчество, живущее дѣйствительной жизнью. Приставъ къ правительству, прикрывшись его силой, лѣсничіе пустили въ міръ нѣсколько истинъ, имѣвшихъ нѣкоторый смыслъ сто лѣтъ назадъ, но въ настоящее время оказывающихся ученымъ, кабинетнымъ хламомъ, вѣтошкой, слишкомъ маленькой и дырчатой, чтобы въ нее могъ завернуться русскій человѣкъ.

Съ чужаго толка наши ученые, набравшись науки въ Саксоніи и не видавшіе никогда ни русской жизни, ни русскихъ лѣсовъ, вскормили нѣсколько поколѣній русскихъ ученыхъ лѣсоводовъ; а когда истины великой науки пришлось прикладывать къ жизни, вышелъ полный разладъ слова съ дѣломъ. Ни теорія собственно лѣсоводства, ни теорія нѣмецкой администраціи не клеились съ русской жизнью. И гдѣ порука, что къ тому времени, когда устроится наконецъ порядокъ, сохранятся лѣса?

Пятисотлѣтнее правительственное опекуство довело наконецъ лѣса Германіи до порядка; нѣмцы-лѣсничіе, какъ кптайцы, утвердились наконецъ на серединѣ и стали учиться въ лѣсныхъ академіяхъ правиламъ сажанія деревь. Но вотъ бѣда. Только что нѣмецъ путемъ своей науки дошелъ до великой мысли сажать дубы для будущаго германскаго флота, оказалось, что другая наука, которой лѣсничій никогда не учился, придумала строить корабли изъ желѣза. Только что нѣмецъ, считая себя спасителемъ человѣчества, возгордился своимъ значеніемъ въ дѣлѣ процвѣтанія фабрикъ и мануфактуръ, является вдругъ каменный уголь, цѣна на дрова понижается и оказывается, что безъ каменнаго угля для потребностей въ топливѣ одной только Пруссіи недоставало бы трехъ-сотъ квадратныхъ миль лѣсу. Но нѣмецъ не

увываетъ; онъ вѣрить по прежнему въ важность лѣса, въ высокое призваніе лѣсничаго и упорно засаживаетъ всякое пустое мѣсто дубомъ и сосной, не понимая въ тоже время, сколько лѣсу должно быть на землѣ для счастья человѣка, и какое отношеніе должно существовать между лѣсной и нелѣсной площадью.

Вмѣсто того, чтобы понять жизнь, нѣмецъ глубже и глубже идетъ въ специальность, сжимаетъ свой кругозоръ, попрежнему долбитъ свою лѣсную науку и собираетъ въ бутылки долгоносиковъ. Дальше этого въ тупоуміи идти невозможно; невозможно большее отчужденіе отъ всей окружающей жизни.

Казенное лѣсное управленіе имѣло смыслъ прежде, но теперь лѣсничій-бюрократъ оказывается самымъ неспособнымъ управляющимъ и тупоумнымъ приказчикомъ, ведущимъ дѣло въ убытокъ лѣсному собственнику. Лѣсъ только часть сельской земельной собственности и долженъ быть въ рукахъ сельскаго хозяина. Но нѣмцамъ показалось это дѣло иначе: они вообразили что лѣсоводство есть одинъ изъ столбовъ государственно-политическаго строя, на которомъ зиждется счастье человѣка на землѣ; лѣсничій забрался въ правительство, въ законодательную власть и ради того, что бѣдному случалось иногда стащить казенное полѣно или казенное бревно, нѣмцы-лѣсничіе стали сочинять разныя административныя пути, которыми стѣсняли свободу торговыхъ и промышленныхъ отношеній своихъ согражданъ. Лѣсничій-чиновникъ, дѣлаясь добровольно казенной собственностью, какъ лѣсъ, которымъ онъ завѣдывалъ, становился во враждебныя отношенія къ народу, бралъ на себя право опеки и суда, и смотря на міръ съ точки своей лѣсоводственной мудрости, навязывалъ ученье о какой-то лѣсной экономіи и о какомъ-то государственномъ лѣсномъ хозяйствѣ.

Ну, что еслибы по примѣру государственнаго лѣсоводства являлось бы государственное луговоеводство, государственное шелководство, государственное овцеводство, пчеловодство, цвѣтоводство и древоводство? Что еслибы храненіе въ чистотѣ каждой ихъ этихъ наукъ ввѣрили особымъ чиновникамъ специалистамъ, учредили бы вездѣ заставы, чтобы

не могла пролѣтѣть не по закону ни одна казенная пчела, чтобы овцы и бараны паслись на лугахъ съ законными видами, чтобы на каждую вещь, на каждое издѣліе изъ шелка, шерсти, воска, меду, на траву, сѣно и т. д. были бы законные виды, какъ удостовѣреніе, что вещи эти не сдѣланы изъ казенныхъ матеріаловъ, ввѣренныхъ храненію спеціалистовъ? Что еслибы каждый отдѣлъ чиновниковъ, сочинивъ свое ученіе, зналъ бы только свое «...водство», издавалъ бы свой журналъ, посвященный исключительно интересамъ своего кружка и своей касты? Нѣмцевъ не огорчило бы, что шелководъ не понималъ бы овцевода, овцеводъ луговода, луговодъ древовода, но за то тѣмъ лучше они понимали бы свою науку; напротивъ, нѣмцевъ умилило бы это высокое развитіе науки; въ этомъ распаденіи общества на цехи, застрахованные отъ соблазна всякой идеи, всякаго свѣта, немнѣющаго прямого отношенія къ предмету спеціальности, выразилось бы крайнее логическое развитіе начала, существующаго въ настоящее время, по которому военный не понимаетъ статскаго, горный лѣснаго, полицейскій чиновникъ почтмейстера, инженеръ архитектора, чиновникъ одного вѣдомства не понимаетъ чиновника другаго вѣдомства, каждый изъ нихъ вертится въ своемъ кружкѣ, какъ песчинка поднятая вихремъ; это смерчи — каждый изъ нихъ вертится самъ по себѣ, держится отдѣльнымъ столбомъ и боится столкновения, потому что оно можетъ уронить его на землю. Къ счастью еще, административные смерчи воднимають только легкія песчинки и кусочки щепокъ.

Исторія говоритъ, что лѣса не выигрываютъ оттого, что находятся въ рукахъ казеннаго управленія, дѣлае отъ этого они не дѣлаются; не выигрываетъ и народное хозяйство, не выигрываетъ и гражданское общество, отдавая часть себя для образованія касты, обыкновенно чуждой интересовъ общества.

Кому же можетъ быть выгодно, когда всѣ теряютъ?

Н. ШЕЛГУНОВЪ.

ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ И СТЪСНЕНІЕ ГЛАСНОСТИ.

(1769—1775 г.)

Статья первая.

Одну изъ блестящихъ страницъ царствованія императрицы Екатерины II занимають, конечно, не побѣды надъ турками, не приобрѣтеніе Крыма, ни даже усмиреніе народнаго волненія во время Пугачева и уничтоженіе самостоятельности Польши, — но заботы ея по составленію проекта новыхъ, лучшихъ законовъ для управленія подданными имперіи. Къ сожалѣнію трудъ этотъ не конченъ по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ выборныхъ людей, присланныхъ Россією депутатами по дѣлу измѣненія законовъ; мы думаемъ даже, что онъ не конченъ не по неспособности и разногласію выборныхъ, но потому что ожиданія народа могли быть не согласны съ интересами государства; потому, наконецъ, что и выборные простодушно истолковали въ свою пользу гуманныя, высоко-человѣчныя изрѣченія Наказа и, дѣйствуя въ духѣ этихъ фразъ, смотрѣли на себя какъ на истолкователей *своихъ* ожиданій и робкихъ надеждъ народа. Правительство не могло не видѣть, что ожиданія депутатовъ и надежды народа не своевременны, — и закрыло комиссію.

неразвитость народа, скажутъ можетъ быть, были причиною, что это великое дѣло не только не кончено, но даже и не начато. Какъ бы то ни было, оно не принесло Россіи того счастья, какого желала попечительная императрица; мы убѣждены даже, что оно было причиною многихъ несчастій русскаго народа.

Литература второй половины прошлаго столѣтія не вполне выразила собой ту безвыходность положенія, въ которомъ находилось русское общество «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма;» но еще меньше она входила въ положеніе низшихъ слоевъ общества, начиная отъ солдата арміи Румянцева и Потемкина, до крестьянина экономическаго, помѣщичьяго и монастырскаго, — а положеніе это было далеко незавидное. Оттого, въ самыя счастливыя минуты жизни императрицы до нея доходилъ иногда, хотя бѣльшую частію въ искаженномъ видѣ, умоляющій голосъ народа и смущалъ ея спокойствіе.

Но хотя Наказъ великой императрицы, поставившей ее такъ высоко во мнѣніи всей Европы, не принесъ никакой пользы Россіи, однако другія, частныя мѣры, проникнутыя той же мыслью, какъ и Наказъ, не могли не облегчить участь народа. Здѣсь и литература, вслѣдъ за правительствомъ, показала свое усердіе. Въ-особенности же и правительство и литератора дружно дѣйствовали противъ всегдашняго врага Россіи — взяточничества, которое, съ твердостью выдержавъ тяжкій гнетъ петровыхъ преобразованій, легко перешагнуло черезъ порогъ, нельзя сказать чтобы слишкомъ высокой, отдѣлявшей старую Русь отъ новой, и вмѣшалось во всѣ четырнадцать ранговъ цивилизованной Россіи XVIII вѣка. Не больше какъ черезъ двадцать дней послѣ восшествія на престолъ, императрица Екатерина II увидѣла необходимость грозно предупредить всѣ чиновные классы Россіи о своемъ негодованіи на всеобщее грабительство. Почти вслѣдъ за первыми двумя манифестами, извѣщавшими народъ о принятіи Екатериною Алексѣевою русскою державы и о горестной кончинѣ императора Петра III, народу читанъ былъ особый именной указъ, въ которомъ императрица именемъ Бога Всемогущаго увѣщевала своихъ

подданныхъ забыть «гнусное лихоимство,» «сіе мерзкое лакомство», запятнавшее собой всё до-единого присутственныя мѣста Россіи. «Имѣя неусыпное попеченіе о счастіи даннаго намъ отъ Бога народа, говоритъ она, «за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный объявить въ народъ, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, такъ, что *едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялося: ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клеветаетъ ли на кого кто, всё происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами* ¹⁾).

Къ этимъ словамъ едва ли нужно прибавлять что-либо. Всякій пойметъ, что это не были фразы: для того, чтобы само правительство нашлось вынужденнымъ сказать своему народу, что въ его государствѣ нѣтъ ни одного присутственнаго мѣста, ни низшаго, ни средняго, ни высшаго, въ которомъ бы дѣла рѣшались безъ взятокъ, прижимокъ и «старой московской волокиты,» нужны слишкомъ сильныя побудительныя причины. Народъ, можетъ быть, еще лучше сознавалъ эти причины, но молчалъ до времени.

«Многіе судящіе, продолжаетъ императрица въ своемъ указѣ, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ вѣренное отъ насъ званіе суди безкорыстнаго и не лицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и издопримствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ (весьма рѣдко), а богатаго нищимъ.» Но вслѣдъ затѣмъ императрица прибавляетъ: «мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы мы о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были; но добросовѣстные

1) Полное Собраніе Законовъ, № 11,616.

и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣнять лица своего, слыша и читая сіе, наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодование.» — Но огорчительно, говоритъ она, когда только мзда и корысть обитають въ сердцахъ злонравныхъ людей, которые, забывъ грозные указы Петра I, «судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носить, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все, что они дѣлають по лакомству, прикрито будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а сердцевида Бога не памятуютъ»; что такимъ примѣрамъ, «которые вкоренилися отъ одинаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, поспѣдуютъ наипаче въ отдаленныхъ находящіяся и самыя малые суды, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла безвинныя, дѣляя привязки по силѣ будто указовъ,» но и во всѣхъ случаяхъ грабятъ народъ и разоряють до крайности. Въ заключение этого интереснаго указа императрица объявляетъ: «сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего лейб-кирасирскаго вице-полковника князя Михаила Дашкова, что въ проѣздъ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, нѣкто повгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ.» Ренбера велѣно было сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, потому что «за такое ужасное, хотя малокорыстное, преступленіе онъ достоинъ былъ лишенія живота; а въ указѣ императрица добавляла, что она въ послѣдній разъ обращается къ народу съ подобнымъ увѣщаніемъ, по что послѣ не будетъ мѣста ея милосердію.

Но видно, милосердіе императрицы не имѣло границъ. Постоянныя распоряженія правительства, жалобы, слышавшіяся въ тогдашней литературѣ, и дошедшія до насъ, по преданію, рассказы современниковъ этого блестящаго царствованія, доказываютъ очень ясно, что законъ имѣлъ мало силы, не ограждая народъ отъ произвола чиновниковъ, а чиновники слишкомъ хорошо сознавали свою силу, «направ-

• ляя стопы правосудія» по окольнымъ, проселочнымъ дорогамъ и показывая народу это правосудіе въ извращенномъ видѣ. Не удивительно, что народъ разучился вѣрить чиновникамъ, потерялъ вѣру въ правосудіе и въ самое правительство. Дѣла въ судахъ тянулись безконечно долго: два поколѣнія не видѣли иногда конца начатой въ приказѣ тяжбы и умирали, не дождавшись ея рѣшенія; внукъ почиталъ себя счастливымъ, если ему удавалось кончить мировою искъ, начатый его дѣдомъ; съ своей стороны судья-отецъ, умирая, передавалъ судьѣ-сыну, какъ наслѣдство, доходное дѣло въ его приказѣ, которое въ первый разъ заслушано еще при жизни судьи-дѣдушки. Сверхъ того судьи, избравшіеся изъ дворянства, считались почти неприкосновеннымъ: такъ какъ они избирались *всею округою*, то *никто* изъ той округи не смѣлъ подавать на нихъ челобитье и даже заподозрѣвать въ пристрастіи и мошенничествѣ ¹⁾. Множество инстанцій, на которыя подраздѣлялись присутственныя мѣста, были столько же невыгодны для просителей, сколько выгодны для чиновниковъ и истцовъ-сутягъ: когда дѣло рѣшалось въ одномъ мѣстѣ, истецъ-сутяга переносилъ его въ мѣсто высшей инстанціи, прося перевершить и подыскать «подходящія статьи,» потомъ билъ челомъ въ третьей инстанціи и тянулъ искъ до изнуренія противной стороны. Словесное судопроизводство, особенно по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, было синекурою для судей и спасительнымъ прибѣжищемъ для ябеды: отвѣчникъ, проигравшій тяжбу въ словесномъ судѣ, обыкновенно ашеллировалъ въ городскомъ магистратѣ, изъ городского переносилъ дѣло въ провинціальный, потомъ въ губернской, изъ губернскаго шелъ въ главный магистратъ, наконецъ доходилъ до сената. Отъ того опытный истецъ всегда несъ посулы словеснымъ судьямъ, которые давали дѣлу желаемый исходъ или направляли его окольною дорогою. Дѣлопроизводство въ провинціяхъ было до того спутано, что одна и та же личность завѣдывала и полицейскою частью, и финансовою, и уголовнымъ судомъ, и гражданскими процессами. Неурядица господствовала даже въ се-

1) Этотъ странный законъ отмѣненъ только въ 1778 году.

натѣ: наприимѣръ, посылая указы по такому важному дѣлу, какъ пытки, къ которымъ сенатъ запрещалъ прибѣгать въ допросахъ по дѣламъ воровъ и разбойниковъ, если допрашиваемое лицо сознается во всемъ показываемомъ на него, — сенатъ наивно замѣчаетъ: «но исполняется ль то самымъ дѣйствиемъ, о томъ неизвѣстно» ¹⁾. Мы положительно знаемъ, что указъ этотъ не исполнялся, и пытки, или говоря языкомъ того времени, «пристрастный допросъ,» то есть, вывѣдываніе истины «подъ прирастріемъ плетей и батошьевъ», употреблялись повсемѣстно и составляли самую доходную статью въ бюджетахъ чиновниковъ. Истязаемый батогами непремѣнно оговаривалъ тѣхъ людей, на которыхъ показывали судьи, и судьи вымогали отъ уличенныхъ все, что имъ угодно было, или что надобилось по судейской экономіи. Получая изъ сената выговоры за истязаніе подсудимыхъ, приказные оправдывались, ссылаясь всегда на 50-й пунктъ 21-й главы Уложения, и продолжали увѣчать людей. Притомъ чиновники ограждены были *шестнадцатью* «крѣпкими стѣнами,» которыми они называли высочайшіе указы, строго запрещавшіе кому бы то ни было «не дѣльными прошеніями утруждать высочайшую ея императорскаго величества персону». Эти крѣпкія стѣны, за которыми скрывались судьи, сооружены были для нихъ указами, опубликованными: при Петрѣ I — въ 1700 году, 1714 декабря 8-го, 1719 декабря 4-го, 1720 мая 13-го, 1722 февраля 23-го и апрѣля 6-го, при Екатеринѣ I — 1725 августа 19-го и октября 15-го, при Аннѣ Иоанновнѣ — 1730 апрѣля 23-го, 1740 мая 22-го, при Елисаветѣ Петровнѣ — 1742 мая 28-го, 1749 мая 11-го, 1752 марта 12-го, 1753 сентабря 29-го, 1759 августа 8-го, и наконецъ при Екатеринѣ II въ 1762 году ²⁾, что повторялось много разъ въ продолженіе ея царствованія. «Не дѣльными прошеніями» на языкѣ подъяческомъ назывались жалобы притѣсняемыхъ на притѣснителей; къ такому роду «бездѣлствъ,» по тогдашнему выраженію, отнесены были всѣ челобитья крестьянъ на помѣщиковъ: отъ мужика никому,

1) Полное Собрание Законовъ, No. 14,579.

2) Полное Собрание Законовъ, No. 11,606.

ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ и ни подѣ какимъ видомъ не велѣно было принимать жалобы на барина.

Послѣ всего этого едва ли кого удивятъ жесткія слова императрицы въ указѣ, опубликованномъ по поводу взяточничества чиновника Ренбера; не удивительно также, что, по выраженію другихъ ея указовъ, въ судахъ засѣдали люди, помраченные душевреднымъ лихоимствомъ, мерзкимъ сребролюбіемъ, гнуснымъ лакомствомъ; еще менѣе удивительно, что участь народа, при такой обстановкѣ, была далеко незавидна.

Русскія войска того времени были не въ лучшемъ положеніи. Правда, они считались непобѣдимыми; но участь солдата была еще плачевнѣе участи семейства, изъ котораго онъ брался въ армію. Военное начальство, хотя и не принадлежало къ категоріи подъячихъ, умѣло однако наживаться на счетъ солдата: полки и роты были такими же приказами, и командованье полкомъ равнялось приобрѣтенію тысячедушной вотчины, лежащей при судоходной рѣкѣ. Но одною изъ самыхъ зловредныхъ язвъ въ больномъ организмѣ государства были межевые чиновники, которыми тогда наполнена была вся Россія. Въ царствованіе императрицы Екатерины II производилось генеральное межеваніе земель: дѣло шло медленно; самоуправство межевыхъ чиновниковъ превышало всякую мѣру; ихъ взяточничество было образцовое и возбуждало завистливое удивленіе въ самыхъ ловкихъ и изобрѣтательныхъ подъячихъ, которые охотно уступали въ этомъ случаѣ пальму первенства межевымъ. Злоупотребленій было столько, что само правительство считало невозможнымъ подвести подѣ извѣстныя категоріи продѣлки межевщиковъ. Въ одномъ указѣ оно насчитываетъ восемь категорій, на которыя подраздѣлялись мошенничества этого класса чиновниковъ. Вотъ онѣ:

1) «Межеванье производятъ смежнымъ съ ними дачамъ, не только не сдѣлавъ надлежащихъ повѣстокъ, но и не давъ имъ совсѣмъ о томъ знать».

2) «Межуютъ земли безъ повѣстокъ, въ ночное время, дабы владѣльцы и повѣренные видѣть и знать не могли, а они бы сами послѣ имѣли причину показывать, якобы меже-

ваніе ими пропзводимое было за неявленіемъ смежныхъ владѣльцевъ и повѣренныхъ.

3) «Къ межеванію употребляютъ своихъ помощниковъ и учениковъ, а къ утвержденію межъ посылаютъ вѣдомства своего подъячихъ и солдатъ, сами же притомъ не бываютъ, а препровождаютъ времени въ праздности.

4) «Занимаютъ свои станціи не въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ по близости и способности межуемыхъ ими земель занимать должно, а въ отдаленныхъ отъ того мѣстахъ, гдѣ токмо они разсудятъ, да и по нѣскольку дворовъ не токмо для себя, но и для своихъ людей и разныхъ при нихъ имѣющихся охотъ.

5) «Не принимаютъ отъ владѣльцевъ и ихъ повѣренныхъ споровъ на тѣхъ, на кого они имѣютъ свои претензіи, а заставляютъ ихъ объявлять споры противу тѣхъ, отъ кого имъ никакого неудовольствія нѣтъ.

6) «Принуждаютъ повѣренныхъ и попятыхъ дѣлать рукоприкладство къ тому, чего они и не показывали.

7) «Подъ разными видами дѣлаютъ владѣльцамъ, повѣреннымъ и поселянамъ приметки и притѣсненія, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, якобы за неправильные споры и за поздой на межу приходъ, держатъ подъ карауломъ и бьютъ.

8) Самовольно берутъ сколько хотятъ лошадей и проч. 1).

Но подъ этими восемью обличительными рубриками поименована самая ничтожная часть ихъ злоупотребленій. Въ сенатъ и въ межевую экспедицію поступали жалобы за жалобами; владѣльцы и крестьяне плакались, что межевые живутъ у нихъ безъ дѣла, объѣдаютъ и обираютъ ихъ, «вдаются въ невоздержность, даже до того, что и въ пьянствѣ время проводятъ;» съ землевладѣльцами поступаютъ «сурово и дерзко,» а крестьянъ арестуютъ, сѣкутъ; собираютъ помятыхъ на межи, держатъ безъ дѣла и, вымогая взятки, гонять домой, потомъ опять собираютъ и ничего не дѣлаютъ; одни жаловались, что ихъ межевой «на взятки лакомъ, а къ межеванію неусерденъ»; другіе, — что ихъ межевой «съ ра-

1) Полное Собрание Законовъ, No. 14,843.

ботными людьми обходится сурово и дерется безчеловѣчно»¹⁾, и такъ далѣе.

Пять съ половиною лѣтъ прошло со дня вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, и эти пять лѣтъ не могли пройти даромъ. Правда, надежды, высказанныя императрицею въ Наказѣ, не исполнились; редакція законовъ оставалась все та же, съ нѣкоторыми поясненіями и дополненіями; но обаятельная личность самой государыни говорила въ пользу лучшаго будущаго. Она слѣдила за правосудіемъ, преслѣдовала взятки, уважала умъ и таланты, въ комъ бы они ни были, и любила литературу. Но она слишкомъ хорошо понимала значеніе литературы въ государствѣ; она знала, что при извѣстныхъ условіяхъ, при искусно-скрываемомъ контролѣ, свобода слова, которой такъ боятся ограниченныя люди, нисколько не опасна для правителя умнаго и прозорливаго; что, не разрушая извѣстныхъ историческихъ преданій, которыхъ ей не позволять касаться, она обратитъ свою силу на то, что въ сущности не важно и не опасно, и въ дѣтскомъ самоуслажденіи покроетъ славою имя того, кто позволилъ ей тѣшиться этою невинною игрушкою. Это старая историческая истина.

Съ начала 1769 года, въ русской литературѣ, которая до того времени не могла похвалиться своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, явилась *журналистика*. Конечно, журналами можно назвать и извѣстныя періодическія изданія Миллера; но въ журналахъ 1769 года высказалось извѣстное, хотя смутно сознаваемое направленіе и получила начало литература, которую мы теперь называемъ *обличительною*. Журналы 1769 года сказали первое слово въ пользу *гласности*. Русская публика, которая до того времени почти вовсе не имѣла понятія о журналахъ, въ теченіе одного года получила *восемь* періодическихъ изданій. Прежде всѣхъ появилась «Всякая Всячина»; другіе журналы, явшіеся вслѣдъ за нею, были: «Трутень», «Смѣсь», «И то и Сѣ», «Ни то ни сѣ», «Адская Почта», «Поденьшина» и «Полезное съ пріятнымъ».

Всякую Всячину, какъ первый явившійся у насъ жур-

1) Тамъ же, No.No. 14,928, 14,952 и др.

налъ, прочія періодическія изданія называли *бабушкой*; другіе журналы, издававшіеся въ слѣдующихъ годахъ, величали ее *прабабушкой*. Съ первыхъ же нумеровъ Всякая Всячина начала нападки на чиновниковъ, но довольно робко; прежде всего она напечатала маленькое стихотвореніе противъ словесныхъ предразсудковъ, противъ благородства по крови, говоря, что блоха напившись крови дворянской, должна быть также благородна:

Блоха, подъяема гордо бровь,
 Кровь барскую поносить;
 На воеводство просить:
 Достойна я, кричитъ, — во мнѣ все барска кровь;
 Отвѣтствовано ей: на что намъ барска слава?
 Потребенъ барскій умъ и барская расправа ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ явились открытыя насмѣшки надъ приказными, но въ такомъ льстивомъ тонѣ, что насмѣшки эти были ничто иное какъ восхваленіе существовавшаго порядка. Въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ Всякая Всячина говорила, что одинъ господинъ купилъ на Спаскомъ мосту картину съ подписью: «Къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены? — и по этому поводу издавела рѣчь о порокахъ, но все это въ общихъ фразахъ. Тогда въ двадцать девятомъ листѣ какой-то г. Невѣдомый помѣстилъ письмо къ издателю Всякой Всячины, въ которомъ говорятъ, что «та изображенная на картинѣ надпись, которую вы имѣли щастіе купить, ввергла одного изъ моихъ пріятелей въ сомнѣніе, въ коемъ онъ разсуждаетъ такъ: «Отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ судей, которые титуловались грабителями, и не только сомнѣніе отнималъ, но и у самыхъ невинныхъ людей *плоти съ костей отторгалъ*. Видь были и тогда законы, что за это — награжденіе голова на плаху. Не знаю о прочихъ, а отецъ мой ту свою экстраординарную факцію продолжалъ «до самаго златаго на сѣверѣ вѣка». Тутъ, удивляясь, продолжаетъ свое разсужденіе: «Ну такъ не переродился ли въ сіе время мой батюшка въ самаго безсребренника или смир-

1) Всякая Всячина, стр. 34.

«наго агнца? Боги ль пособили, или законы послужили, или только обычаи перемѣнились, или ужъ и время то не превратилось ли? сомнительно, не знаю и не вѣдаю; и мечтается «въ умѣ всякая всячина, а не спознаю.»

На это издатель отвѣчалъ подъ письмомъ: «Во первыхъ мы должны дать примѣтить господину Невѣдомому, что ко-сыми буквами напечатанныя слова въ его письмѣ намъ кажутся нѣсколько суровы для нѣжнаго слуха, а наипаче женскаго пола, коимъ сдѣлаться можетъ обморокъ отъ подобнаго описанія.» Онъ, довольно тонко, объясняетъ перемѣну въ чиновникахъ пословицею, что «каковъ попъ, таковъ и приходъ, или «каковъ хозяинъ, таковы и домашніе,» намекая этимъ на «золотой на сѣверѣ вѣкъ» ¹⁾). Видно, что бабушка, какъ титуловали Всякую Всячину, была слаба нервами и боялась рѣзкихъ выраженій, что, какъ увидимъ ниже, сдѣлало ее смѣшною въ глазахъ другихъ журналовъ. Однако она давала мѣсто на своихъ листахъ и такимъ статьямъ, въ которыхъ говорилось, что нѣтъ никакой славы, если человѣкъ не дѣлаетъ подлостей потому, что другимъ это не нравится. «Я утверждаю, говоритъ неизвѣстный корреспондентъ, что человѣкъ свободенъ, то есть не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое. А инако правъ былъ бы судья, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаешь; такъ же и тотъ, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обходится. Не былъ бы виноватъ и тотъ сержантъ, который, не растолковавъ солдату, какъ дѣлать на караулъ, ударовъ триста влѣпнеть ему въ спину за то, что онъ не такъ дѣлаетъ. Правъ былъ бы и тотъ полковникъ, который бѣдныхъ офицеровъ какъ извозчикъ лаеетъ ²⁾».

Но вскорѣ одна статья о подъячихъ, подписанная *г. За-напрасно-Ободраннымъ*, а особливо отвѣтъ редакціи, вовлекли Всякую Всячину въ полемику съ другими журналами, которые колко пздѣвались надъ ея направлеиенъ. Статья *г. За-напрасно-Ободраннаго* въ сущности очень ѣдкая и злая насмѣшка надъ взяточниками; но пагубное вмѣшательство ре-

1) Тамъ же стран. 83—85.

2) Тамъ же стран. 119—120.

дктора надѣлало много бѣдъ Всякой Всячины. Г. Занапрасно-Ободранный говоритъ издателю: «Думаю, что у такого автора какъ вы въ сочиненіи Всякія Всячины упражняетесь, надлежитъ быть великой вивліотѣкѣ, изъ которой вы толь пространныя и разныя матеріи на листахъ вашихъ изображаете. Прошу потрудиться и выписать для меня изъ оной буде найдется, такой экспериментъ, коимъ бы можно перевести подъячихъ, которые до третьяго градуса привели меня во изнеможеніе. Я старался тѣмъ отъ нихъ избавиться способомъ, которымъ переводятъ клоповъ, блохъ и всѣхъ кровососныхъ насѣкомыхъ, однако ничѣмъ не могъ оборониться; но истоща весь свой домъ на то, и нынѣ стражду, отъ сихъ кровососовъ. Вычиталъ было я у Поливія таковую махну, которая по тысячѣ и болѣе въ день непріятелей побивала, но недостатокъ мой оную построить не дозволилъ; и для того ища легчайшаго способа, къ вамъ съ прошеніемъ о томъ прибѣгаю, и прося вашей помощи и отвѣта, съ почтеніемъ пребываю вашъ усердный слуга Занапрасно-Ободранный. Если же вашей помощи не получу (прибавляетъ онъ), то больше не останется способа, какъ пѣть только по книжному:

Ты Господи сохраниши ны и соблюдеши ны отъ роад сего и во вѣкъ ¹⁾).

На это редакторъ отвѣчалъ, что «подъячихъ не можно и не должно перевести»; что надо жить такъ, чтобы не нуждаться въ подъячихъ; не имѣть ссоръ и тяжбъ, и такъ далѣе. Конечно, подобныя наивныя замѣчанія не могли не возмутить всѣхъ мыслящихъ людей. Жарче всѣхъ нападалъ на это вредное равнодушіе къ общему дѣлу Всякой Всячины нѣкто Правдулюбовъ, постоянный сотрудникъ Трутня, повидимому человѣкъ съ развитыми понятіями о чести и требовавшій безусловной свободы слова. Онъ прислалъ письмо къ издателю Трутня, въ которомъ высказалъ свои понятія о гласности: «Второй вашъ листокъ, (говоритъ онъ), написанъ не по правиламъ вашей прабабки. Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однако же не по-

1) Тамъ же стр. 159—160, листъ 60.

хвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслию и душою Госпожа ваша прабабка, давъ знать.... что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминають пмя порока, не прибавивъ къ оному челоуѣколюбія. Они говорятъ, что слабости челоуѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать челоуѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ челоуѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей челоуѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше челоуѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходить или (сказать по русски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится. Ещѣ миѣ не понравилось первое правило упомянутой Госпожи, то есть, чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоанъ и Иванъ не все одно. О слабости тѣла челоуѣческаго мы разсуждать не станемъ; ибо я не лѣкаръ, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, что по мнѣнію сей госпожи значить слабость. Нынѣ обыкновенно слабостію называется, въ кого нибудь по уши влюбиться, то есть въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходятъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою, или отца съ дѣтьми; и это будетъ не порокъ? Кои построжее меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть также слабость; почему слабому челоуѣку простительно брать взятки и набогачаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка: однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полу-смерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему, все одно; а беззаконіе дѣло иное. — На концѣ своего листка ваша Госпожа прабабка похвалаетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются; а вы сему праву не повпну-

ясь, криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему прокурору не великое здѣлали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочіе, къ продолженію сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрокъ по когтямъ видѣнь. То только скажу, что изъ всево поколѣнія вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу письмо. Можетъ статья скажутъ Г. критики, что мнѣ какъ трутню съ Трутнемъ имѣть дѣло весьма сходно, но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть трутнемъ, чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такую пчелою, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ Госпожѣ вашей прабабкѣ; но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ; а въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отъ чего бы у нея отъ смѣха три дни бока болѣть могли»¹⁾.

Всякая Всячина сочла эти замѣчанія и доводы «ругательствами» и сказала, что не желаетъ отвѣчать на нихъ, «уничтожая оныя.» «Думать надобно,» прибавляетъ она, отвѣчая все-таки Правдулюбову, «что ему хотѣлось бы за все да про все кнутомъ сбъчь²⁾» и т. д. Называя его доводы ругательствами, Всякая Всячина съ своей стороны бранить г. Правдулюбова человѣкомъ злымъ и тупымъ, и отдаетъ его на судъ публики.

Но такой человѣкъ какъ г. Правдулюбовъ не могъ оставить безъ отвѣта и этой выходки, тѣмъ болѣе, что предметъ полемики имѣлъ важное значеніе въ общественной жизни Россіи. Стараться закрывать такія скверныя язвы, какъ взяточничество, значило вредить и обществу и правительству. Всякая Всячина высказалась сначала такимъ образомъ по неосторожности, просто проговорилась, а потомъ, защищая себя, высказалась не совѣмъ честно; наивныя отговорки ея и льстивые намеки могли повредить, да, быть можетъ, и повредили журналистикѣ, давъ правительству поводъ заподозрить ее въ неблагонамѣренности. Оттого полемика эта имѣетъ смыслъ борьбы честныхъ и безчестныхъ началъ, бо-

1) Трутень на 1769 г. Листъ V, 26 мая, стр. 33—36.

2) Всяк. Всяч., листъ 66.

лѣе чѣмъ борьба прогрессистовъ и консерваторовъ. Г. Правдулюбовъ не замедлилъ передать редакціи Трутня свою реплику на возраженія Всякой Всячины. Печатая эту реплику, редакторъ Трутня, знаменитый общественный дѣятель второй половины прошлаго вѣка, Н. Новиковъ, счелъ долгомъ замѣтить, что онъ, «во утѣшеніе Всякой Всячинѣ, своей современницѣ,» не хотѣлъ печатать отвѣта Правдулюбова; «но—прибавляетъ—по справедливости не могъ онъ въ томъ отказать ему, тѣмъ паче, что онъ отъ Всякія Всячины отданъ на судъ публикѣ; и такъ благоразумные и безпристрастные читатели сей судъ по формѣ, или и безъ формы, какъ имъ угодно, окончить могутъ.» Правдулюбовъ писалъ: «Госпожа Всякая Всячина на насъ прогнѣвалась, и наши правоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и русскіихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ; а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна... Въ пятомъ листѣ Трутня ничего не написано, какъ думаетъ Госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше чело-вѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что Госпожа Всякая Всячина такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, ежели кто ее не похвалитъ. Не знаю почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся. Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ. И это какъ то сказано не по русски; уничтожить, то есть въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верхняя власть какое нибудь право другимъ. Но съ Госпожи Всякой Всячины

довольно бы было написать, что презираеть, а не уничтожаетъ мою критику. Спхъ же листовъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ ей уничтожить не можно. Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце потому, что, по ея мнѣнію, исключая моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъясненіе, знающему російскій языкъ и правду, не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ. Она сказавъ, что на пятый листъ Трутня отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ этомъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда жъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюеть, куда надлежитъ; то кажется для очищенія ея мыслей и внутренности не бесполезно ей и польчиться. Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ потому, что не повялъ ея правоученій. На то отвѣчаю: что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что Госножа Всякая Всячина отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ¹⁾.)»

Слѣдуетъ замѣтить, что прежде этого письма г. Правдулюбова, редакція Трутня обратилась къ публикѣ съ извѣщеніемъ, что такъ какъ она обѣщалась читателямъ помѣщать въ своихъ листкахъ только такія статьи, которыя могутъ служить къ исправленію нравовъ или приносить «увеселеніе,» то, увѣряя ихъ снова, что и на будущее время на ея листкахъ не будетъ имѣть мѣста брань, не приносящая ни пользы, ни увеселенія, прибавляетъ: «ради чего, издавѣка и съ улыбкою взирать онъ (издатель) на брань Всякія Всячины, относящуюся къ лицу г. Правдулюбова: ибо сіе до него, какъ до чужихъ трудовъ издателя ни почему не принадлежитъ;» но его интересовало, какъ приметъ публика «таковыя наполненія сихъ весьма краткихъ недѣльныхъ листовъ²⁾.)»

1) Трут. лист. VIII (16 іюня), стр. 57—59,

2) Тамъ же, лис. VII (3 іюня), страж. 56.

Дальше мы увидимъ, что публика слѣдила за полемикой съ живымъ интересомъ. Всякая Всячина своимъ ретрограднымъ направленіемъ вооружила противъ себя всю тогдашнюю журналистику; это былъ общій протестъ, напоминающій собою прошлогоднюю коалицію нашихъ журналовъ противъ Иллюстраціи по поводу евреевъ, хотя подъ протестами противъ Всякой Всячины подписывались не Милеанты и другіе литераторы, извѣстные публикѣ, а Хромоногіе Бѣсы, Правдулюбовы, Чистосердовы и прочіе псевдонимы; на Всякую Всячину кромѣ Трутня опрокинулись Адская Почта, Смѣсь и другія. Чтобы понять эту общую журнальную демонстрацію, слѣдуетъ замѣтить, что Всякая Всячина, прикрывшись щитомъ благонамѣренности, обвиняла прочіе журналы такими подъяческими уликами и намеками на такія обстоятельства, о которыхъ даже опасно было говорить. Что она писала не искренно, даже быть можетъ противъ своихъ убѣжденій, доказывается тѣмъ, что, по окончаніи полемики, она снова вооружилась противъ взяточничества и нападала на чиновниковъ едва ли не удачнѣе прочихъ журналовъ, исключая разумѣется Трутня. Выгораживая себя въ борьбѣ за подъячихъ, которыхъ ей пришлось защищать, можетъ быть, по неволѣ, Всякая Всячина дала мѣсто на своихъ страницахъ такому объясненію, которое конечно не могло не ободрить приказныхъ, если только ихъ тревожила обличительная литература. Объясненіе это принадлежитъ нѣкому Патрікію Правдомыслову, и имѣетъ своего рода интересъ, особенно въ настоящее время, когда въ литературѣ нашей заняли почетное мѣсто толки объ измѣненіи существующихъ формъ судопроизводства.

«Случалося мнѣ (говоритъ Правдомысловъ) слышать отъ одной части моихъ согражданъ изрѣченіи такое: правосудіа нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудіи? наипаче тогда, когда всякій честный согражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархія имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, какъ намъ из-

вѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ, въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комиссіи Уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь *болячка*, на которую жалуются, то есть, что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?

Далѣе онъ рѣшаетъ каждый изъ этихъ вопросовъ порознь. Онъ говоритъ, что законы у насъ запутаны, — «о томъ сумнѣнія нѣтъ.» Соглашаясь съ этимъ, онъ добавляетъ однако: «Сію неудобность мы имѣемъ вообще со всею Европою.» Положимъ, что это такъ; но дальше онъ говоритъ, что передъ Европою имѣемъ мы то преимущество, что императрица созвала *всю націю* для составленія поваго проекта узаконеній: «слѣдовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузій. А между тѣмъ, пока новые законы поспѣютъ, будемъ жить, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышемъ противу нихъ, что мы ощущаемъ болѣе отъ вышней власти челоуѣколюбія, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самыя противурѣчущіе законы. И такъ — заключаетъ онъ — неправосудіе не въ самихъ законахъ.»

На все это замѣтимъ только, что г. Правдомысловъ надѣялся на улучшение законовъ; но мы знаемъ, что знаменитая комиссія ничего не сдѣлала.

Затѣмъ онъ переходитъ къ рѣшенію другаго вопроса, и рѣшаетъ его не менѣе пристрастно. «Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе,» говоритъ онъ. (Правда; но отъ этого было не легче русскому обществу того времени). «У насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ, или изъ приказныхъ людей *безъ великаго знанія*. Во многихъ Европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги

судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. И такъ у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. (NB. Это писано передъ первою французскою революціею). Почему въ семъ случаѣ наши обычаи не много разнятся отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній? того никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно жалоба на правосудіе отъ части падаетъ на судей и на нравы.»

Наконецъ слѣдуетъ такое же близорукое пониманіе другихъ сторонъ нашей жизни въ наивномъ рѣшеніи третьяго вопроса — «неправосудіе не въ насъ ли самихъ?» Объ этомъ предметѣ онъ говоритъ, что «во всякомъ дѣлѣ одна сторона права, а другая неправа. Если неправую сторону обвиняютъ судьи, то она кричитъ и шумитъ о неправосудіи, и стало, сама несправедливо судить. Да какъ ей и не таковой быть? Она изъ четырехъ слѣдующихъ въ одномъ положеніи, 1) или проведена страстію, 2) или стряпчимъ, 3) или ябедою, 4) или надѣялась, авось-либо удастся. И такъ стало, что половина тяжущихся суть недовольны судьями правосуднѣйшими для того, что сами они не суть справедливы. Если бъ были справедливы, то дѣла несправедливаго не начинали бы; ибо начинаніе несправедливаго дѣла уже само сабою есть неправда. Не всякому дано себя самого и свои поступки судить безъ пощады, такъ какъ бы онъ судилъ поступки ближняго своего. Но желательно бы было, чтобы мы всегда свои дѣла судили по истиннѣ: и тогда бы ябеда и прихоть исчезли; слѣдовательно меньше бы жалобъ было на правосудіе. Прямая же жалоба на правосудіе только та можетъ быть, когда справедливая сторона осуждена. Но чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозъ строгое разсматриваніе трехъ апелляцій, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно. Ибо не много такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творить въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и *оставить на бумагъ писанныя свидетельства своего плутовства*, за которое подобныя имъ получили возмездіе по достоинству своему.» (Мы замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, это очень часто бываетъ).

Однако г. Правдамысловъ самъ сознается, что это доказательство *слабо*. Мы сами того же мнѣнія. Но далѣе г. Правдамысловъ начинаетъ судить не совсѣмъ честно. Чувствуя слабость своихъ благонамѣренныхъ доводовъ, онъ старается оклеветать другіе журналы въ неуваженіи къ правительству. Въ другое время такую выходку назвали бы литературнымъ доносомъ: но и тогда она не прошла даромъ. Вотъ что говоритъ г. Правдамысловъ послѣ того, какъ самъ увидѣлъ, что его доказательства нелѣпы: «долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствомъ, и не поносить ихъ такими поступками (кто жъ ихъ поносилъ? спросимъ мы) и несправедливыми жалобами, конхъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались. Въ прочемъ я не судія, и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужно сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своимъ разговоромъ о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣтъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжать. Промотались, и не осталось у нихъ окомѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ. Они чувствуя, что инаго ожидать имъ нечего, уже напередъ зачали кричать о неправосудіи, и поносили людей такихъ, у конхъ, судя по однимъ качествамъ души, они недостойны разрѣшить ремень сапоговъ ихъ. Колико же нравы вообще требуютъ исправленія, о томъ всякому отдаю испытаніе на совѣсть. Не замай всякъ спросить самъ у себя: болѣе ли онъ вчера или сегодня сдѣлалъ справедливыхъ или несправедливыхъ заключеній? Изъ всего сказаннаго выходитъ, что нигдѣ больше несправедливости и неправосудія нѣтъ, какъ въ насъ самихъ. Любезные сограждане? (такъ онъ оканчиваетъ свое письмо) перестанемъ быти злыми, не будемъ имѣти причины жаловаться на неправосудіе ¹⁾»

Не должно послѣ этого удивляться, что такая статья вооружила противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей. Тогдашніе литературные дѣятели очень хорошо сознавали, что

1) Всяк. Всяч. лист. 108, стр. 276—280.

разглагольствованія г. Правдомыслова ниже всякой критики, и потому отвѣтили на нихъ насмѣшками. Думаемъ, что будетъ нисколько не лишнимъ, если мы передадимъ окончаніе этой полемики о подъячихъ. Въ Смѣси помѣщено было интересное письмо, подписанное какимъ-то М****. Обвиняя Всякую Всячину въ томъ, что она самовольно назвала прочіе журналы своими *внучатами и правнучатами*, неизвѣстный корреспондентъ Смѣси переходитъ къ полемикѣ о подъячихъ. Вотъ это письмо: «Господинъ издатель, объявите мнѣ, отъ чего происходитъ желаніе причитаться въ родню? за тѣмъ что я вижу въ городѣ такую бабушку, которая всѣхъ писателей журналовъ включаетъ въ свое племя, и всегда на нихъ ворчитъ хотя сквозь зубы: пзъ чего заключаю, что они не отъ нея происходятъ, а она сама на нихъ клеветъ. Но почто же называться роднею? или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе мое часъ отъ часу умножается: я разсматривалъ ея труды и послѣ сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ нямалыхъ слѣдовъ, чтобы она была способна къ такому дѣтородію; ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки, въ нихъ я не вижу никакихъ противурѣчій, въ какихъ она запуталась. Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, что подъячихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки. Сія же старушка совѣтуетъ, чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и конечно по пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, еслибъ всѣ были совѣсны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ и приказовъ, и подъячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подъячихъ? Знать, что они-то истинное ея поколѣніе. Стыдно будетъ вамъ, господинъ издатель, имѣть такую родню: пожалуйста, откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки, и тѣмъ изображаетъ слабость своего разума; ибо болѣе того не вѣдаетъ, что слыхала въ старину, и только то печатаеть, что къ ней приплюютъ изъ милости, какъ будто въ подаваніе бѣдной старушкѣ.

На это письмо издатель Смѣси между прочимъ отвѣчалъ,

что онъ «человѣкъ миролюбивый, и опасается не только приказныхъ, но и всякихъ привязокъ 1).»

Въ свою очередь Адская Почта воспользовалась случаемъ высказать свой взглядъ на подъячихъ, и дала понять Всякой Всячинѣ, какъ недобросовѣстны ея убѣжденія, высказанныя г. Правдомысловымъ. Хромоногій Бѣсъ, издѣвавшійся надъ всѣмъ, что было или вредно, или безчестно, или просто смѣшно, не пропустилъ случая вмѣшаться и въ эту полемику. Серьезнымъ тономъ онъ высказалъ самыя здравыя понятія объ этомъ предметѣ и высказалъ ихъ вполне благородно.

«На слухъ дняхъ (говорить Хромоногій Бѣсъ) былъ я въ домѣ Т..., гдѣ случился два спорщика. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страдаютъ отъ неправосудія, а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много есть такихъ, какъ здѣсь судей, и что больше виноваты истцы нежели судьи... Одинъ изъ нихъ винилъ не то, что надобно, а другой извинялъ судей напрасно, и видно, что онъ отъ нихъ никакихъ бѣдъ надъ собою не испыталъ. Одинъ напрасно винилъ правосудіе, ибо оно никогда виновно само въ себѣ быть не можетъ; но бываютъ часто виноваты тѣ, которые оному служатъ: и такъ господинъ за слугу, не знаю, долженъ ли отвѣчать, когда и сынъ за отцовы преступленія, а отецъ за сыновни не отвѣчаетъ. Другой не очень осторожно рассуждалъ о истцѣ, судѣ и порокѣ. Сей добрый человѣкъ почитаетъ за невозможное, чтобъ въ трехъ мѣстахъ могли погрѣшить судьи; но кто знаетъ свѣтъ, тому извѣстно, что въ Венеціи двадцать четыре человѣка судя дѣла часто ошибаются, а въ Рагузѣ столько есть повелителей сколько въ году мѣсяцевъ, ибо тамъ, что мѣсяцъ, то новаго избираютъ князя; однако и такъ люди отъ неосторожности судей страдаютъ и приходятъ въ разореніе. Не говорю, чтобъ здѣсь только несправедливые были судьи; вездѣ ихъ множество, но то за подлинно утверждаю, что такихъ судей, которые справедливости предпочитаютъ корыстолюбіе, извиняти не должно, но потребно взячески стараться привести ихъ къ

1) Смѣсь, листъ 11, стр. 85—87.

познанію истинны, ежели можно. Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ есть несправедливые судьи, слѣдовательно и наши провиненія достойны. Поэтому ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобы отъ злаго состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно должно отрѣзывать отъ тѣла злой составъ, чтобы сохранить добрый. Не могу также винить и истца обиженнаго, разореннаго и въ горести погибающаго, если онъ ищетъ справедливости и, не ссыкаясь, на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что *нельзя не застонать и за то мѣсто не хватиться рукою гдѣ крѣпко болитъ...* Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте незлобивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ единственно для того, чтобы идти въ судъ. Весьма бы было хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣлать обиженнымъ, когда нѣкоторые правоучители имъ не велятъ жалобами своими беспокоить судей и искать справедливости¹⁾?)»

Не смотря на то, что полемика по поводу чиновниковъ прекратилась въ свое время и Всякая Всячина заговорила благороднымъ тономъ прочихъ журналовъ, однако направленіе ея уже было заподозрѣно и она попала въ разрядъ отсталыхъ изданій. Какъ ни старалась она пріобрѣсти довѣріе читателей, какъ ни ѣдко осмѣивала секретарей *Крючковскихъ*, судей — *за носъ водителей* и помѣщала цѣлые рассказы о подъяческихъ предѣлкахъ, — на нее, при случаѣ, указывали пальцами.

1769 годъ, первый въ русской журналистикѣ, въ то же время самый богатый статьями обличительнаго содержанія. Потому ли, что такое направленіе было ново, что были но-

1) Адская Почта, письмо 60, стр. 238—242.

востью самые журналы и еще не было понято ихъ несомиѣнное вліяніе на общественное мнѣніе, потому ли наконецъ, что эти недѣльные листки, возбуждавшіе всеобщій смѣхъ, еще не успѣли показаться опасными въ глазахъ тѣхъ лицъ, которые по-челу-либо боялись гласности, — только впродолженіе первой половины этого года дана была полная воля журналамъ. Семь-восемь мѣсяцевъ 1769 года были самымъ счастливымъ временемъ для русской журналистики. Она успѣла затронуть многіе важные вопросы. Правда, она не успѣла высказаться, она не могла высказаться вполне, хотя нельзя сказать, чтобъ не умѣла; однако успѣла принести долю пользы. Не вина тогдашней журналистики, если впродолженіе восьмидесяти шести лѣтъ мы забыли то, чему она учила.

Разсмотримъ же, сколько это касается предмета нашей статьи, журнальную дѣятельность 1769 года. Начнемъ опять съ прародительницы русскихъ журналовъ, съ Всякой Всячины.

Въ то время, когда еще продолжалась полемика о неправоудіи и Всякая Всячина совѣтовала деликатнѣе обходиться съ чиновниками и не затрогивать ихъ чести, въ это самое время она давала у себя мѣсто такимъ статьямъ, которыя менѣе всего щадили взяточниковъ. Эти статьи, конечно дѣлали ей честь, но не могли заставить забыть то, что она одинъ разъ, можетъ быть даже по неволѣ, высказалась дурно. Она очень здраво объясняла источникъ корыстолюбія въ нашихъ чиновникахъ. Она называетъ взяточникомъ всякаго, кто подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, беретъ болѣе, нежели ему предписано имѣть. «Какъ бы подарковъ ни называли, все они суть покрываломъ подкупа. Честный чловѣкъ всегда глядитъ на сіе, какъ на вѣщную неправду, и будетъ доволенъ малымъ достаткомъ честно пріобрѣтеннымъ, нежели большимъ, который составленъ изъ притѣсненія и грабительства. Я увѣренъ (говоритъ сотрудникъ этого журнала, или самъ издатель), что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и сознаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи» ¹⁾.

1) Всякая Всячина, листъ 75, стр. 100.

Однако, пострадавъ нѣсколько въ борьбѣ за чиновниковъ, бабушка смѣлѣе стала нападать на нихъ, когда полемика кончилась, хотя и не въ ея пользу. Прежде всего на обличительную арену она выпустила г. Доброжелателева, который увѣдомлялъ редакцію, что давно собирался писать о подъячихъ («а тѣмъ омерзению достойнымъ именемъ называю и всѣхъ подъ титуломъ лихонмца содержащихся», поясняетъ онъ), но не имѣлъ времени. Надо замѣтить, что прежде взяточничество оправдывалось тѣмъ, что чиновники служили безъ жалованья и жили акциденціями; потомъ положено было имъ казенное жалованье, какъ и въ настоящее время, — только взятки отъ этого не прекратились. «Невольные хлопотники», то-есть тѣ, которыхъ нужда заставляла таскаться по присутственнымъ мѣстамъ, сказывали г. Доброжелателю, будто подъячіе говорятъ: «Что намъ нужды по челобитчиковымъ дѣламъ трудиться? Мы де и безъ труда получаемъ жалованье». Доброжелателевъ спрашивалъ тогда этихъ несчастныхъ хлопотниковъ, какимъ образомъ выльчиться отъ такой заразы, какъ взяточничество, и получилъ въ отвѣтъ, что нѣтъ никакихъ средствъ; что хотя нѣкоторые и покушались «на страхъ» дарить подъячихъ, но этимъ сдѣлали еще хуже — себѣ бѣду нажили; «только де погрозятъ за волокиту прозьбою; но подъячій говорить: *извольста, изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де наказаніе одно, что плуту лихонмцу, то и доброму челоуьку просителю*». Съ своей стороны судьи, говорить, отдѣлываются разными подъяческими отговорками; сваливаютъ вину на «многодѣліе» и т. д. Въ заключеніе своей статьи авторъ проситъ издателей Всякой Всячины сказать ему, не имѣютъ ли они какого-нибудь лѣкарства отъ взяточниковъ; онъ проситъ включить его въ свое еженедѣльное изданіе: «не случатся ли того и лихонмцу прочесть? Иной скажетъ, за чѣмъ лихонмцу давать? Отвѣчаю, безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются; да не только спорными дѣлами, но и не спорными, да и подлежащими къ межеванію».

На это редакція отвѣчала: «Господинъ Доброжелателевъ!

вы требуете вашимъ письмомъ отъ насъ, чтобъ учинить вылазку противъ лихоимцевъ и противу всѣхъ изъ прпказныхъ людей, кои говорятъ: «что намъ нужды по челобитчнковымъ дѣламъ трудиться? мы де и бесъ труда получаемъ жалованье». Сердечно мы рады исполнить ваше требованіе, лишь бы успѣхъ нашихъ увѣщеваній соотвѣтствовалъ вашимъ и нашимъ желаніямъ. Но въ Евангеліи написано: *Аще Моисей и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры*. Притомъ, господинъ Доброжелателевъ, не можемъ и сего оставить, чтобъ не дать вамъ примѣтить, коляко трудно найдти средство къ поправленію сихъ людей. Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться съ дѣл. И не нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ имъ дано жалованье, и жалоба происходитъ, что лѣнятся для того, что кормъ имѣютъ».

Вслѣдъ за тѣмъ редакція помѣстила отъ себя — *краткое увѣщаніе лихоимцамъ*. Вотъ оно:

«Жалованье вамъ опредѣленно не для того, чтобъ вы сыты были, и жили во праздности: а для того вы оное получаете, чтобъ вы трудились, и изъ святаго правосудія не дѣлали авкціона, и имѣвъ достатокъ, и бывъ сыты по вашему состоянію, не имѣли бы жадности къ деньгамъ, и чтобъ не былъ у васъ правъ тотъ, кто больше вамъ дастъ; а единственно тотъ, котораго требованіе справедливо. Если же вы получая жалованье еще сверхъ того берете взятки, то вы кромѣ ослушанія законовъ еще оказываете великую неблагогодарность высшей власти, которая вамъ щедро опредѣляла, чѣмъ жить, и обращаете во вредъ то, что учреждено для общей пользы, то есть, чтобъ вы нужды не чувствовали въ прокормлѣніи себя, и не требовали бы вамъ не принадлежащаго съ тѣхъ, кои до васъ дѣло имѣютъ. Если же притомъ вы еще и такъ дерзки, что смѣлываете тѣмъ, кои на васъ просятъ хотятъ за волокиту, грозить тако: извольста, изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де наказаніе одно, что плуту лихоимцу и проч., то уже во истину вы достойны тройнаго наказанія; и не минуемо

изъ двухъ послѣдуетъ одно, или вы будете истреблены, или исправитесь, пока еще на то есть время» ¹⁾).

Время показало, что такіе чиновники не истребились и не исправились. Нужно, вѣроятно, что-нибудь больше и дѣйствительнѣе, чѣмъ насмѣшки журналовъ, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. О подъячихъ ходила въ то время поговорка, что «отъ подъячихъ деньгами, отъ воровъ дубиною, отъ чертей крестомъ избавиться можно»; а чиновники смѣялись надъ этой бранью, или тупо и равнодушно смотрѣли на журнальныя нападки, которыя для нихъ нисколько не были страшны; большая часть изъ нихъ не знала даже о существованіи журналовъ. Какъ бы то ни было, литература тѣшила себя этою бесполезной войною, бесполезной потому, что она не вызвала никакихъ радикальныхъ переимѣнъ и современемъ была совершенно забыта. Всякая Всячина написала *нравоучительныя заповѣди подъячимъ*, о чемъ просилъ ея корреспондентъ I. С., и печатая ихъ извинялась, что не можетъ напечатать «самыми крупными, регистраторскими словами», а употребляетъ для этого обыкновенный шрифтъ. Всѣхъ заповѣдей двѣнадцать. Содержание ихъ слѣдующее:

1) «Не бери взятокъ ни подъ какимъ видомъ: ибо всякій взятокъ есть родъ подкупа.

2) Не волочи дѣла отъ тебя зависящаго.

3) Не сотвори крючковъ.

4) Не обходися грубо съ людьми.

5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*.

6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ или изъ законовъ выписей.

7) Не мѣшайся въ присутствіи въ судейскія разсужденія.

8) Не давай никому наставленій въ ябедѣ.

9) Не напивайся пьянъ.

10) Чеши всякій день голову; ходи чисто по своей возможности безъ щегольства.

11) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ.

1) Тамъ же листъ 116, стр. 306, 309.

12) Очисти совѣсть отъ всякаго бездѣльства и плутовства, и напротиву того исполняй тебѣ предписанное во твоей должности съ точностію, съ радѣніемъ и съ честностію: и тогда надѣяться можешь милости, и награжденій на земли и на небеси» ¹⁾).

Къ концу 1769 года Всякая Всячина между статьями ученаго содержанія и разными переводами не забыла дать мѣсто и рассказамъ о подъячихъ. Видно, что она хотѣла загладить свою вину передъ образованной публикою, которая умѣла отличать благородство направленія отъ литературнаго низкопоклонничества. Въ 146 листѣ помѣщенъ довольно интересный рассказъ г. Доброхотова, изъ котораго видно, что чиновники 1769 года ничѣмъ не отличаются отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ 1859 года и что девяносто лѣтъ не прошли даромъ, развѣ только въ томъ отношеніи, что нынѣшніе Порфиріи Петровичи стали нѣсколько опытнѣе тогдашнихъ *судей-за носъ водителей*. Г. Доброхотовъ рассказываетъ, что однажды пришли къ нему трое пріятелей, и, какъ ему показалось, всѣ были въ «уныніи». На вопросъ о причинѣ такой печали, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «мнѣ есть о чемъ думать: потерялъ мѣсто, а съ нимъ лишился и пропитанія». Господинъ этотъ служилъ прежде въ военной службѣ, и, получивъ отставку, опредѣленъ былъ на воеводство. «Не зная какъ съ симъ званіемъ и того мѣста съ людьми обходиться», онъ началъ поступать съ подъячими, какъ привыкъ прежде: «ибо мнѣ казалось (говорилъ онъ), я справедливо поступлю, когда сихъ людей приведу въ послушаніе и страхъ для того, что они извольничались п одного слова не слушаютъ». Чиновникамъ надоѣла строгость, они стакнулись съ воеводскимъ товарищемъ, и подослали къ начальнику челобитчика съ взятками, съ табакомъ, французской водкой и сахаромъ, до чего воевода былъ большой охотникъ; сами же присматривали за нимъ. Сначала воевода отъказывался; но проситель уговорилъ его взять подарки, говоря: «ето, сударь, бездѣлца, я вамъ свое даю, не ища тѣмъ вашего не правосудія, но дружбы». — Я подумалъ (говоритъ воевода), и правда такъ; вить всякій

1) Всякая Всячина, стр. 375-376.

своему добру господинъ, волю имѣть дать и нѣтъ, лишь бы я не домогался и не сдѣлалъ въ судѣ кривды или казнѣ ущерба». Но на другой же день одинъ изъ подъячихъ подалъ на него доносъ во взяткахъ. Представили дальше. Воеводу отрѣшили отъ мѣста. «Теперь уже другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками (продолжалъ воевода): ибо я не дворянинъ; а что выслужилъ, то и прожилъ, а впередъ, какъ жить, самъ не знаю. Лѣта мои старѣются, силы слабѣютъ, *прамоть худо знаю, наукамъ никакимъ, отъ чего бы хлѣба имѣть можно, не учился, такъ что ни въ дудочку поиграть*». Тогда одинъ изъ пришедшихъ сказалъ ему на это: «То-то, братъ, говорится пословица, не учась въ попы не ставятся. Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и про сю пору тамъ жилъ и дѣтямъ оставилъ». — «Какъ же?» спросилъ тотъ. — «А вотъ: ты бы съ тѣмъ, кому до тебя нужда, либо сталъ въ карты играть, и онъ бы тебѣ нарочно проигралъ; либо свою худую вещь на его добрую мѣнялъ, онъ бы и тому былъ радъ; или далъ бы ему комиссію что купить на твой щетъ, это бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло; или же напоследокъ научилъ бы какого мальчика изъ слугъ, чтобъ онъ тотъ оброкъ собиралъ не въ твоихъ глазахъ; а когда бъ дѣло дошло, ты бъ его могъ куда нибудь сослать: *да полно слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случай доносовъ на господъ*. Еще способъ: продавать дешевое за большую цѣну. Безспорно, они тѣ же взятки, да въ руку прійдутъ другимъ образомъ, и по тому правы». Выслушавъ объ этихъ продѣлкахъ, г. Доброхотовъ сказалъ своимъ гостямъ: «Это бъ дѣло было безсовѣстное; лучше жить хотя бѣднымъ но честнымъ человѣкомъ. Только правда; кажется и то худо, чтобы человѣка лишить пропитанія. Нашей Всемпоставлѣйшей Обладательницы не въ томъ высочайшее намѣреніе; но чтобъ искоренить сіе зло къ общему благосостоянію человѣческаго рода, которое не иначе пресѣчется, какъ искорененіемъ злыхъ; но всѣ роды паденія человѣческаго ей свѣдомы быть не могутъ, а остаются на душахъ судейскихъ, кон смотрѣть должны на колычество и качество паденія и падающаго, помни, что всѣ люди. Мнѣ же кажется такого, который охотникъ до барышей, лучше

отрѣша отъ такого мѣста, гдѣ лакомиться можно, опредѣлить, гдѣ того нѣтъ, и что онъ и по нуждѣ будетъ жить поданымъ, или иначе оштрафовать, а не совсѣмъ лишать мѣста и пропитанія». А бывшему воеводѣ сказалъ, «чтобъ онъ добивался куда нибудь въ управители или къ купцамъ въ приказчикъ, гдѣ, коли съ умкомъ поживетъ, еще скорѣе и безотвѣтнѣе наживетъ».

Тогда третій пріятель Доброхотова, вставъ со стула и собираясь уйдти, сказалъ: «Добро, братцы: мнѣ ваши разговоры не помогаютъ, а пора ити искать денегъ занять, отъдать попамъ за сорокоустъ жены моей покойной; ибо они безъ того не служатъ.

— Много надобно? спросили его.

— Не меньше сорока рублевъ.

— Развѣ ты любилъ жену?

— Да хотя любилъ, или не любилъ, а для церемоніи сорокоустъ нѣтъ надобно (отвѣчалъ тотъ): да и чемъ же симъ отцамъ кормиться? вить жаловапья имъ нѣтъ.

— Полно (совѣтвовали ему пріятели), — лучше еще поскорѣе жениться, а между тѣмъ можетъ быть на сіе цѣна сбудеть ¹⁾.

Почти въ одно время со Всякой Всячиной сталъ выходить другой журналъ, И то И се, который оказалъ больше постоянства въ борьбѣ противъ взяточничества, чѣмъ его предшественница, журнальная бабушка. Втеченіе всего 1769 года этотъ журналъ честно сражался съ негодными чиновниками, хотя по содержанию онъ былъ бѣднѣе, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ журналовъ и въ нѣкоторомъ отношеніи уступалъ даже Всякой Всячинѣ; но онъ не колебался въ своихъ приговорахъ относительно того, что безчестно и вредно, и не клеветалъ на другія періодическія изданія. И то И сѣ въ-особенности въ стихахъ любило осмѣивать подъячихъ, секретарей, судей и воеводъ, и хотя стихи эти не имѣли того достоинства, какъ мѣткія обличительныя статьи Трутня, однако дѣлали свое дѣло. Если рассказъ о глупой воеводской женѣ намекаетъ на какой нибудь извѣстный фактъ,

1) Тамъ же, стр. 393-397.

то не думаемъ, чтобъ ей пріятно было читать 21 выпускъ И Того и Сёго. Вотъ это стихотвореніе:

Въ какой-то городъ былъ отправленъ воевода,
 Для управительства различнаго народа.
 Жена его была вельми честолюбива,
 Боярыня горда и барыня спѣсива;
 Названіемъ такимъ гораздо веселясь,
 Поѣхала она къ обѣднѣ въ первый разъ.
 Въ то время о дождѣ молиться въ церкви стали,
 И всѣ стоящіе колѣно преклоняли.
 Она, задумавшись, тово не примѣчала,
 И воеводствомъ все понятіе питала.
 Увидѣвъ, что народъ пригнулъ колѣно вдругъ,
 Сказала въ церквѣ вслухъ:
 Встаньте, бѣдняки, я милость обѣщаю,
 И просьбы таковой ни мало не желаю ').

Излишній формализмъ, ни къ чему не ведущая канцелярская обрядность, отъ которыхъ страдало наше дѣлопроизводство въ XVIII вѣкѣ, вызвали насмѣшку и въ тогдашней журналистикѣ. Одинъ стихотворецъ говоритъ о себѣ, что онъ большой охотникъ писать эклоги, въ которыхъ обыкновенно помѣщаетъ разныя несообразности, въ родѣ слѣдующихъ:

«Пастухъ подъ деревомъ, на стулѣ засѣдаетъ,
 На мѣсто всѣхъ забавъ онъ лапти ковыряетъ,
 Иль челобитную старается сплести,
 Несклонну хочеть онъ пастушку въ судъ вести,
Гражданскую во всемъ онъ наблюдаетъ форму,
Даетъ овцамъ своимъ черезъ недѣлю корму,
 И естѣли прибѣгутъ, и станутъ ѣсть просить,
 То скажетъ такъ, я завтра буду васъ кормить,
 Отвѣтъ приказному служителю приличный,
 А овцы къ голоду гораздо необычны» 2), и т. д.

Какъ и въ настоящее время, въ первые годы царство-

1) И То и Сё, недѣля 21, май.

2) Тамъ же, недѣля 16, апрѣль.

ванія Екатерины II начинали сознавать, что чиновнику нужно образованіе; образованнымъ людямъ, конечно не всегда, давались лучшія мѣста; ихъ честности вѣрили больше. Само собою разумѣется, что старые приказные, нигдѣ не учившіеся, писавшіе, слово *воевода* съ буквою *лт*, а *слѣ* съ буквою *ест*, говорили, что ученые молокососы отбиваютъ у нихъ профессію, ихъ судейскія стулья и хлѣбъ; пные, не сознавая пользы образованія, видѣли изъ опыта, что надо чему-нибудь учить дѣтей, хотя ради доходнаго мѣстечка. Литература коснулась и этой стороны жизни тогдашняго общества, давая знать, что подъяческое образованіе далеко не утѣшительно. Подобную мысль выражаетъ и То и Сѣ въ одномъ стихотвореніи, помѣщенномъ въ 25 выпускѣ:

Подъячіе отнюдь учиться не желали,
 Науки проклинали,
 Понеже сладости и пользы въ нихъ не знали,
 И только лишь писать въ приказахъ начинали,
 То грабили и драли.
 И акциденцію весьма прилежно брали:
 То даромъ, что они и азбуки не знали.
 Давно, въ прошедшій вѣкъ,
 Таковъ-то всякой былъ приказной человекъ,
 А нынѣ ужъ не то,
 А что?

Подъячіе у насъ учиться начинаютъ,
 И взятки брать они совсѣмъ уже бросаютъ,
 Невѣжество свое на знаніе смѣняютъ;
 Но естьли гдѣ судья незнающій дѣтина,
 То тамо дураковъ большая половина.
 Въ приказѣ нѣкогда раскольника судили,
 И такъ ево спросили,
 Когда ты бороду велику толь имѣешь,
 То честь и совѣсть ты и правду разумѣешь.
 Скажи, что знаешь ты, и зналъ?
 Раскольникъ имъ сказалъ:
 Когда вы всѣ дѣла искусно такъ рѣшили,
 Что правду въ бородахъ и совѣсть заключили,
 То я вамъ такъ скажу,
 И докажу,

Конечно, вы-то суть безсовѣстѣйшій родъ,
Понеже всѣ вы здѣсь, въ приказѣ, безъ бородъ ').

Однако надо согласиться, что дальше этихъ шуточекъ надъ подъячими и То и Се не заходило; обличенія его напоминаютъ намъ приемы баснописцовъ, у которыхъ желчь и сатира попадаютъ иногда не туда, куда слѣдуетъ; преслѣдуя пороки вообще, они изъ обличенія дѣлаютъ забаву; браня животныхъ, они чуть-чуть не льстятъ людямъ. Обличительныя статьи и Того и Сего почти не имѣютъ характера. Правда, они рисуютъ намъ то прославленное многими время; но этого мало; мы не видимъ, что могли такія статьи сдѣлать для общества. Вотъ, напримѣръ, какъ изображенъ *Крючоктворецъ* или *Взятокбратель* (заглавіе стихотворенія), который тоскуетъ, что проходятъ блаженныя времена взяточничества (такъ по-крайней-мѣрѣ казалось оптимистамъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II):

Увы, источникъ слезъ изъ глазъ моихъ лѣтся,
И томная душа въ вѣкъ съ тѣломъ растается!
Жестоки времена ведутъ меня ко гробу,
Отъемлютъ мой покой и рвутъ мою утробу,
Къ чему несчастной я на свѣтѣ семь родился
Когда такъ мало въ немъ къ слезамъ обогатился
Имѣніе мое безграмотной смѣннетъ,
Понеже у меня и до ста тысячъ нѣтъ.
Такой ли долженъ быть моихъ пожитковъ плодъ?
Когда со всѣхъ сторонъ ходилъ ко мнѣ народъ?
Съ слезами милости моей они просили
И невозбранно мнѣ подарки приносили.
До перваго часа въ приказѣ я бывалъ,
А послѣ онаго до вечера смекалъ;
На сколько въ этотъ день подарковъ получилъ,
И сколько я скупыхъ тюрьмою проучилъ:
Законъ мнѣ былъ одинъ, чтобъ ближнимъ помогать
И ихъ имѣніе по братски раздѣлять
За пользы общества трудился неказано,
за труды мои я бралъ безперестанно.

Тамъ же, недѣля 25.

Такъ долгъ твердить уму
 Что даромъ услужить не можно никому
 Когда не хочешь вздѣть презрѣнную суму,
А ниль, о напасть! о случаи суровы!
Хоть въ онь, хоть въ бездну водъ, хоть въ тартаръ мы готовы
 Всіо лучше, нежели себѣ безъ пользы жить

Другимъ служить
 И платы не видать
 Мнѣ лучше издыхать
 И вѣкъ въ болѣзни находиться,
 Терзаться, мучиться крушиться,
 А взятокъ не лишиться
 *Я буду брать

Изволь объ етомъ знать
 Хоть цѣлый свѣтъ,
 Мнѣ нужды нѣтъ,
 Я всіо на свѣтѣ претерплю
 И лучше къ смерти я поносной приступаю
 А взятки брать ничуть не уступлю
 А ежели никто не станетъ мнѣ давать
 Такъ всякъ изволь объ етомъ знать,
 Зимю удавлюсь
 Я, въ осень обопьюсь
 А лѣтомъ утоплюсь
 Весною захлебнусь.
 И въ новый свѣтъ отсель на вѣки преселюсь *).

Изъ другаго стихотворенія, напротивъ, видимъ, что для подъячихъ не пришли еще «жестоки времена и случаи суровы:»

Подъячій нѣкогда просителю сказалъ,
 Соперникъ твой отъ насъ давно ужъ дѣло взялъ
 И перенесъ въ другой ево приказъ;
 А тотъ ему на то, давай Богъ, въ добрый часъ!
 Хотя перенесетъ во адъ свое онь дѣло,
 Скажу о томъ я смѣло,
 И вѣрь тому, мой свѣтъ,
 За деньги и туда повѣренный пойдетъ *).

1) Тамъ же, недѣля 32, августъ.

2) Тамъ же, недѣля 21, май.

Костюмъ подъячаго екатерининскихъ временъ отличался особенной оригинальнію: многіе изъ нихъ не имѣли у себя больше, «какъ только одинъ кафтанъ безъ камзола, воротникъ отъ поношенной рубашки и сверхъ ево небольшой лоскутокъ чернаго флеру, кой завсегда служилъ вмѣсто галстука. Голову всегда имѣли открытую, и не опасаясь простуды въ самые лютые морозы, завязывали одни только уши нѣкотораго рода платкомъ, который состоялъ часто и изъ простой тряпичи;» а любили ли они вино, о томъ уже и говорить почитали «за излишнее». Это скорбный образъ чиновника безъ мѣста («не у дѣлъ»). Какъ и теперь, отставные чиновники кормили себя сочиненіемъ просьбъ, а особенно переписываніемъ «разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ-то напримѣръ: *Бову Королевича, Петра золотыхъ ключей, Еруслава Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, о Геріонѣ, о Евдонѣ и Берфѣ, о Арсасѣ и Размьрѣ, о Россійскомъ дворенинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скоблевѣ, о Барбосѣ разбойникѣ* и прочія весьма полезныя исторіи». Одинъ подъячій сказывалъ издателю И Того И Сего, что онъ сорокъ разъ переписалъ Бову Королевича: «ибо на оную (исторію) бываетъ больше походу, нежели на другія такія драматическія сочиненія» ¹⁾.

Между прочимъ въ журналѣ И То И Сѣ помѣщалась иногда сатирическая корреспонденція изъ вымышленныхъ небывалыхъ городовъ. Одно письмо, въ которомъ описаны признаки кончины міра, живо рисуетъ тогдашнее общество — насмѣшка надъ тѣмъ, что будто настало время прогресса, время радикальныхъ переменъ, — насмѣшка надъ людьми, вѣрившими въ хорошія начинанія своего вѣка: «старухи вмѣсто богомолья ударились въ сказки и загадки, полученные люди ни о чемъ больше не стараются, какъ заводить между собою споры и ругательныя переписки; всякой поносить другога; а самъ никуда не годится. Многіе приказные люди обираютъ челобитчиковъ, а въ пользу ихъ ничево не дѣлаютъ.... Вѣтренные господчики по смерти своихъ родителей проигрываютъ въ карты деньги и собираютъ въ одинъ

1) Недѣля 10, мартъ.

годъ по три оброка, отъ чего крестьяне раззоряются и земли не пашутъ. Въ добавокъ же къ тому, что негдѣ на свадьбѣ приходскій пономарь въ носной день наѣлся говядины и плясалъ по гудку въ присядку. Почему раскольники заключаютъ что пришли уже послѣдніе вѣка» ¹⁾. Въ другомъ письмѣ извѣщаютъ о рождении подъячаго, который, какъ только появился на свѣтъ и не будучи еще ни гдѣ «копестомъ», успѣлъ собрать вдвое больше годоваго канцелярскаго жалованья; всѣ просители его отца приносили родильницѣ и въ кулькахъ, и въ бумагахъ, и въ бумажкахъ, такъ что запрудили подарками всю комнату. «Но впрочемъ отецъ ево взяткоу не беретъ, развѣ принимаетъ мать ево, о томъ мы не говоримъ» ²⁾.

Почти вслѣдъ за этимъ помѣщена публикація о *подрядяхъ*, какъ это дѣлается теперь въ казенныхъ прибавленіяхъ къ газетамъ и въ полицейскихъ листкахъ: «Отставному секретарю, который отброшенъ отъ должности и шатается по городу, надобно знанія въ приказныхъ дѣлахъ: *знанія правильно писать и скромности весьма много*; ибо онъ ничево тово не имѣетъ, а за поставку онаго товара заплатитъ онъ тою суммою, которую наворовалъ, будучи при мѣстѣ, а считается же оной не менѣе пятидесяти тысячъ, выключая мызы и домовъ въ городѣ».

Въ слѣдующихъ выпускахъ журнала рисуются передъ нами другія личности отжившей Россіи; такъ въ одной статьѣ мы видимъ мирную жизнь стараго отставнаго чиновника, передающаго другимъ тайны своей профессіи: поутру онъ учитъ своего сына приказнымъ обрядамъ и прочитываетъ ему по нѣсколько статей изъ Уложенія; послѣ обѣда или кормитъ цыплятъ изъ своихъ рукъ, или совѣтуется съ стряпчими и даетъ имъ наставленія, «какъ правду переворачивать въ ложь, затмѣвать истинное дѣло приводами различныхъ указовъ, и какъ неправильно потягать своихъ соперниковъ;» иногда также великій маэстро крючкотворства учитъ, какимъ образомъ склонять судью и секретаря на

1) Недѣля 29.

2) Тамъ же, недѣля 30.

свою сторону, въ какое время обѣщать имъ за ихъ труды, и когда дѣлать уплату, однимъ словомъ — толкуеть обо всемъ, «гдѣ ложь, должна имѣть первое мѣсто, или посѣдать правду». Въ статьѣ говорится, что, судя по этимъ обстоятельствомъ, казалось бы, что старый чиновникъ «окончить дни вѣка своего весьма благополучно; однако всё, что ни есть на свѣтѣ, подвержено переменамъ;» что старый грѣхободникъ попался, взятъ въ тюрьму, на старости наказанъ и посланъ въ ссылку ¹⁾. Въ другой статьѣ сотрудникъ этого журнала, или самъ редакторъ, говоря, что не чинъ и не мѣсто, а умъ, трудъ и «бодрствованіе» дѣлаютъ человека счастливымъ, прибавляетъ съ горечью: «однако никакая мораль не удерживаетъ меня тогда отъ досады, когда увижу я тово секретаря, ѣдущаго по городу на борзыхъ лошадяхъ и въ позолоченой каретѣ, котораго дѣдъ топилъ въ приказѣ печи;» онъ говоритъ, что этотъ «несмысленной, но богатой приказной» грабилъ народъ, чтобъ выдать дочь за генерала, а сыну достать судейскій чинъ; что прежде онъ жилъ не такъ «казисто», а пряталъ въ погреба и въ кладовые собранную имъ «чемезину», ставилъ сундукъ въ церкви Божіи, опасаясь пожаровъ; что лучи спрятаннаго имъ золотаго солнца и прежде бросались въ глаза людямъ, особенно тѣмъ, которые, лишившись всего, «лежа въ постеляхъ, весьма тяжело въздыхали»; что когда дочь его подросла и часто начала затягивать свадебныя пѣсни, онъ сказался больнымъ и четыре мѣсяца не ѣздилъ въ приказъ, перетирая дома «заплеснѣвѣлыя червонцы и взвѣсивая каждый особо; что на легковѣсныя онъ купилъ великолѣпный домъ со всѣми службами; что потомъ всѣ начали называть его господиномъ, «понеже ходитъ онъ дома въ парчевомъ плафрокѣ, не смотря на то, что дѣдъ его въ гости бражничалъ въ парусинѣ, а отецъ и въ приказъ таскался въ китайчетомъ казакинѣ.» Онъ говоритъ, что сколько этотъ приказный великъ дома, столько напротивъ того ничтоженъ въ приказныхъ дѣлахъ; что, будучи сорока лѣтъ, не можетъ сочинить черновой челобитной безъ помощи канцеляриста;

1) Недѣля 33, августъ.

что изъ ариметики онъ знаетъ только три части: въ расходахъ дѣлаетъ вычитаніе, въ приѣмѣ сложение, а въ сундукахъ своихъ умноженіе; дѣленіе ненавидитъ смертельно, и проклинаетъ того, кто выдумалъ эту часть ариметики; что когда онъ старался разбогатѣть, то былъ «весьма низокъ, уклончивъ, послушливъ, проворенъ и услужливъ, лукавъ, вымысленикъ, рачителенъ, скупъ и словомъ сказать, на всякія подлости отваженъ», и такъ далѣе. Наконецъ, сколько слышится горькой ироніи въ слѣдующихъ словахъ: *«Вотъ судьба сколько справедлива, онъ больше меня пороченъ, но богатъ, онъ глупѣе меня, но спокойнѣе; онъ презрѣнія достоинъ, но чрезвычайно щастливъ. Ехъ судьба для чего ты опредѣлила быть мнѣ сочинителемъ, лучше бы быть мнѣ подъячимъ. Ничегобы я больше не дѣлалъ, какъ переписывалъ съ чернаго на бѣло, но имѣлъ бы дождь, карету и лошадей, плакали бы отъ меня люди; но я бы былъ спокоенъ, я бы ничего не разумѣлъ и дѣлали бы всѣ дѣла мои подчиненные, а я бы обиралъ только деньги; какъ не хорошо. Дѣль не дѣлай, лежи въ мягкой перинѣ, кушай устерсы и запивай шампанскимъ, ѣзди въ каретахъ, и повельвай людьми не своими. О судьба! всево этого лишены сочинители, а оставлены для нихъ суеты и безпокойства»* Въ заключеніе своей статьи онъ говоритъ, что время поѣдаетъ своихъ дѣтей, годы, мѣсяцы и дни, а счастье кормитъ откупщиковъ, судей, торгующихъ своею совѣстью, и «танцовщиковъ»; что *откупщики сосутъ отечество, безсовѣстные судья сосутъ челобитчиковъ.... «Откупщикъ отъ своей должности дѣлаетъ приращеніе своему брюху, или попросту сказать пузатѣть, судья умножаетъ свои сундуки, а безмозглый танцмейстеръ отягчаетъ свои плеча разнымъ и дорогимъ поношенымъ платьемъ; а ты! которой препровождаешь день и ночь за книгою, и стараешься сдѣлать нѣкоторую пользу твоимъ согражданамъ твоими нравоученіями, отъ неусыпности твоей тщедушенъ и бльденъ, но не только сундука, но и кармана полною никогда не имѣешь, платье носишь коноплянаго цѣпта, но и то отъ четырехъ-лѣтняго потребленія поистаскалось и обветшало. Худо оно; но ты и перемлнить его не имѣешь надежды»* ¹⁾.

1) Недѣля 48. Какое жалкое различіе между побужденіями, водившими

Наконецъ въ статьѣ — «Видѣніе нѣкотораго примѣчателя» — аллегорически изображается ябеда: «на разодранныхъ и запылившихся бумагахъ лежитъ сухощавая и блѣдная сивилла», на лицѣ которой изображались зависть и ненасытное желаніе къ завладѣнію чужимъ имѣніемъ; «ногти у рукъ ея не обрѣзаны и обрызганы чернилами, которыхъ ничѣмъ отмыть уже не можно»; каждое утро плачетъ она весьма горько, и всѣ говорятъ, что никто не выдывалъ, чтобъ она когда-нибудь разсмѣялась; у нея глаза больше обыкновенныхъ и «уши весьма обширны»; правосудія она никогда не видитъ и не слышитъ; съ злобой и пронырствомъ разговариваетъ очень охотно, а отъ правды всегда отворачивается и смотрѣть на нее никогда не можетъ. Съ ней обыкновенно бесѣдуютъ «вредительное» разореніе, блѣдная бѣдность, печаль, голодь и «снѣдающая, человѣческія сердца, досада». Дѣти, происшедшія отъ ябеды и отъ хитрости и сами чрезъ себя сдѣлавшіяся злосчастными, *станутъ подъ тяжестію невразумительныхъ приказныхъ дѣлъ* и беспокоятъ не согласнымъ воплемъ всѣ тѣ мѣста, которыя ихъ окружаютъ». Ябеда, «ненавистное сіе чудовище», всякую минуту переводитъ лсты въ книгахъ, которыя писаны о законахъ и обычаяхъ, и, толкуя ихъ въ неправую сторону, губитъ многихъ и наводитъ сама себѣ погибель. «Пожираетъ она дома, деньги и деревни *и за кучи золота даетъ великіе груды негодныхъ бумагъ, на которыхъ наставлено множество буквъ безъ всякаго порядка; а сіе дѣлается для того, что въ мутной водѣ удобнѣе ловить рыбу. Фемиса, богиня правосудія* (это говорится объ императрицѣ), *видѣла часто сама, что правдивые ея вѣсы отъ безсовѣстныхъ происковъ проклятой сей ябеды колебались; но отвращать оное не всегда удобно*». Ябеда присутствуетъ во многихъ мѣстахъ, и въ такихъ присут-

перомъ этого господина, и горькимъ сознаниемъ, давшимъ другому автору, въ наше время (А. С. Хомякову) мысль высказать великую, но мало отрадную истину въ стихотвореніи («Русская Бесѣда»):

«Жаль мнѣ васъ, людей бессонныхъ,» и т. д.

Девяносто лѣтъ назадъ писатель плакался (хотя весьма законно) на то, что у него платье коноплянаго цвѣта. Справедливѣе было бы поплакать надъ чѣмъ-нибудь другимъ.

ствяныхъ мѣстахъ правда бываетъ ненавидима; она не виѣтъ голоса тамъ, гдѣ кричитъ *сиповато* ябеда; глаза у нея бывають огненные, когда она намѣревается угнетать правду, и всегда уничтожается, когда думаетъ обмануть чело-вѣка, и «бываетъ подобна змиѣ, кроющейся подъ листьями, чтобъ уязвить мимоходящихъ». Ябеда никогда не ходитъ прямой дорогою, потому что разомъ смотритъ въ различныя стороны, она подобна совѣ, которая не можетъ сносить дневнаго свѣта и всегда прячется въ лѣсу, подъ вѣтвями деревьевъ, такъ какъ ябеда терпѣть не можетъ правды и чести, и потому укрывается въ аду, и тамъ, въ глубокой тишинѣ, выдумываетъ коварства и слетаетъ погибель тѣмъ людямъ, которые попадаютъ ей въ когти. «Многіе правдивые и великіе люди (прибавляетъ авторъ) прилагали неусыпное стараніе для искорененія сей ехидны, потушали они злой сей и вредительной пламень, но до послѣдней искры никакъ истребить имъ онаго было не возможно; а оставшаяся малая искра удобна произвести великой пожаръ». Много разъ остригали когти у этого чудовища, но они такъ скоро выростали, что этого нельзя было и примѣтить. Въ одномъ мѣстѣ искореняли это зло, а въ другомъ, и очень близко, оно черезъ мѣру усиливалось. Ближе всѣхъ къ ябедѣ находится несогласіе. У этого чудовища, въ рукахъ, за пазухой и въ карманахъ было «премощество» *сыскныхъ челобитенъ, справокъ, выписокъ и опредѣлений*, «и еще всякіе ябедническіе вымыслы, которыми бѣдные люди приходятъ въ крайнее раззореніе». Вѣрные и усердные его служители, *повѣренныя, стряпчѣ, нотаріусы и приказные служители*, ежеминутно окружали его толпами. «Такимъ образомъ заключилъ я (говоритъ авторъ), что еслии озлятся на кого сіи два неистовые чудовища, то тотъ претерпѣть долженъ такую пытку, которой и внутри ада рѣдко можно сыскати» ¹⁾.

Всей этой картины мы не можемъ приписать одному мистическому настроенію автора; напротивъ, она взята изъ дѣйствительной жизни, которая была куда какъ не отрадна, если давала такіе сюжеты для журнальныхъ статей. Здѣсь

1) Недѣля 40, октябрь.

мы видимъ не фантастическую ябеду, но нашу русскую, многопишущую и многоберущую, противъ которой безсилна сама правосудная Фемида; это наша ябеда, вѣчно перелистающаяся толстые томы узаконеній, вся въ чернилахъ и съ пушкомъ на рылѣ; это наша ябеда, которая «за кучи золота даетъ великія груды негодныхъ бумагъ, на которыхъ наставлено множество буквъ безъ всякаго порядка».

Когда И То И Сѣ печатало седьмой или восьмой выпускъ, стало выходить Ни То Ни Сѣ, которое существовало впрочемъ, недолго: началось 21-го февраля, а прекратилось 11-го іюля, издавъ двадцать листовъ на ста шестидесяти страницахъ. Но этотъ журналъ касался только общихъ человѣческихъ слабостей и оставилъ въ покоѣ подъячихъ. Можетъ быть, это самое было причиною его скорого паденія, ибо публика требовала, чтобъ ей показывали дѣйствительныя раны, застарѣлыя язвы, которыя и трогать было больно, а жить съ ними еще больше ¹⁾, Еще меньше касался общественныхъ вопросовъ четвертый журналъ, Поденьшина, которая началась 1-го марта, а кончилась въ апрѣлѣ. Пустота содержанія этого журнала объясняетъ его неуспѣхъ въ публукѣ и скорую кончину ²⁾.

Совершенно на другихъ началахъ приступлено было къ изданію пятаго журнала, Смѣси. Въ немъ мы видимъ опредѣленную цѣль и благородное направленіе, и публика, искавшая отдохновенія въ литературѣ, разъясненія вопросовъ жизни, начавшихъ ее тревожить, не могла не оцѣнить всего, что было хорошаго въ этомъ журналѣ. Писатели, участвовавшіе въ Смѣси, были на столько развиты, что не могли и не умѣли мириться съ тѣмъ, что утѣшало близорукихъ соотечественниковъ, и изъ этихъ соотечественниковъ находились люди, которые видѣли, чего другіе не видятъ, и слышали, чего другіе не слышатъ: этихъ-то людей и нель-

1) *Ни То ни Сіо, въ прозѣ и стихахъ, ежесубботное изданіе 1769 года*
На заглавномъ листкѣ — объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому Ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ.

2) *Поденьшина, или ежедневныя изданія.*

зя было утѣшить, ни громкими фразами безъ дѣлъ, ни дѣлами, только снаружи хорошими. Въ то время, когда повидимому все ликовало, когда Россія насчитывала десятки именъ, гремѣвшихъ въ Европѣ, славою своихъ дѣлъ, новый Діогенъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головою и спрашивалъ: «говорятъ, что вездѣ много людей: но я не нахожу ни одного человѣка. Возьму фонарь и пойду искать» ¹⁾. Долго онъ и напрасно искалъ. Не находя никого, достойнаго имени человѣка, онъ съ отчаяніемъ спрашивалъ: «этого ли я назову человѣкомъ?» — Нѣтъ, говоритъ онъ. «Этого ли?» — Опять нѣтъ. Наконецъ, не могъ не наткнуться и на чиновника, и спрашиваетъ: «сего ли криводушника, который пишетъ разметисто и крючковато, и умѣетъ всѣ указы толковать въ противную сторону, естьли за то получить деньги, и тѣмъ утѣсняетъ справедливость?» — Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, такое чудовище недостойно и жить на землѣ» ²⁾. Сознаемся, фраза жестка, но справедлива.

Но какъ наивно тогдашняя литература задѣвала большихъ чиновниковъ, тузовъ, этого мы не въ состояніи представить себѣ въ настоящее время. Напримѣръ, г. В. пишетъ, что *одинъ* знатный господинъ, у котораго онъ былъ подъ начальствомъ, убавилъ на половину его жалованье. Вельможа этотъ былъ гордъ и высокомеренъ, и чтобъ отъ него что-нибудь *получить*, надо было подличать передъ нимъ, или, какъ онъ говоритъ, быть «гораздо нискимъ»; по его словамъ, господинъ этотъ «не желаетъ, чтобъ его искренно любили и почитали, но чтобы его боялись и, внутренно ненавидя, ниско бы ему кланялись». У г. В. онъ за то велѣлъ убавить жалованья, что тотъ не въ поясъ ему кланялся. Тогда г. В. пошелъ къ вельможѣ на поклонъ. «Вы подумаете, что я передъ нимъ здѣлался подлецомъ?» спрашиваетъ онъ издателей. «Нѣтъ, я довольно самолюбивъ. Посмотрите, какъ я съ нимъ поступилъ, да совѣтую и вамъ то же употреблять въ подобныхъ случаяхъ». Г. В. разсуждалъ такъ: «что мнѣ дѣлать: идти къ горделивому и передъ нимъ унизиться?»

1) Смѣсь, еженедѣльное изданіе 1769 г. (началось 1-го апрѣля), стр. 73.

2) Тамъ же, стр. 75—76.

Нѣтъ, я говорилъ, не хочу. Но для чего же мнѣ не хотѣть? Почто не посмѣяться его слабости, и его не потѣшить? Похвально разумному человѣку утѣшить плачущаго младенца, которой оглушаетъ его своимъ крикомъ. Однако же я и самъ честолюбивъ. Но истинное честолюбіе должно быть основано на разсудкѣ: разсудокъ велитъ къ нему идти». И онъ пошелъ, утѣшая себя тѣмъ, что поступилъ очень умно и благородно. Вельможа принялъ его сурово: «но я его представилъ себѣ сердитымъ младенцемъ, говоритъ г. В., *приласкался къ нему, далъ ему кусочикъ сахару и его утѣшилъ*». Вельможа, за это униженіе, не только оставилъ своему ласковому подчиненному все его жалованье, но и прибавилъ еще пятьдесятъ рублей. Г. В. былъ въ восторгѣ отъ своей находчивости ¹⁾.

Вотъ такъ-то боролись нѣкогда умные люди съ большими господами.

Вскорѣ послѣ этого загорѣлась журнальная война съ Всякой Всячиной по поводу статей ея за подъячихъ. Смѣсь приняла участіе въ этой полемикѣ, и высказалась довольно разумно. Полемика эта уже извѣстна намъ. Но и послѣ того, когда, повидимому, забытъ былъ споръ, вызванный недобросовѣстными статьями Всякой Всячины, Смѣсь при всякомъ удобномъ случаѣ старалась заявлять свой взглядъ на чиновниковъ и на ихъ общественное значеніе; многое говорилось при случаѣ, но и въ этихъ намекахъ, недомолвкахъ, видна была цѣль, съ которой готовилось то или другое, а въ свое время можно было узнать и самыя лица, о которыхъ это говорилось. Говоря о томъ, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не оступился въ дыры, называемыя *но*, и не ушалъ въ пропасти, называемыя *естълибъ*, Смѣсь указываетъ далѣе, вѣроятно, на какихъ-нибудь своихъ знакомыхъ: такой-то министръ былъ бы великой человѣкъ *естълибъ* прилежалъ къ государственнымъ дѣламъ и не откладывалъ бы ихъ до безконечнаго завтра. Другой годился бы въ государственные совѣтники, *естълибъ* съ самомъ дѣлѣ былъ такъ ученъ, какъ самъ о себѣ ска-

1) Тамъ же, стр. 78—80.

зывается. Сей бы былъ великій полководецъ, *естлибѣ* онъ не былъ трусъ. Иной годился бы въ градодержатели, *естлибѣ* умѣлъ разбираться дѣла, и не наказывалъ правыхъ вѣсто виновныхъ... Сей господинъ могъ бы быть сенаторомъ, *естлибѣ* не былъ глупъ» и т. д. ¹⁾. Далѣе, рассуждая о своихъ знакомыхъ, перебравъ нахаловъ, волокитъ, повѣсь, мотовъ, издатель добирается и до подъячаго. Дорантъ, говорить онъ, бывъ подъячимъ и сдѣлавъ привычку ко всѣмъ мошенничествамъ, нашель средство достигнуть высшихъ степеней. Онъ разорилъ домовъ десять, пустилъ по міру челоуѣкъ пятьдесятъ, и вездѣ умѣлъ искусно вывертываться. «Правосудіе, осердясь на его лихоимство, хотѣло было его наказать, но онъ заметалъ правосудіе мѣшками съ деньгами. Послѣ этого Дорантъ прослылъ правосуднымъ, разумнымъ, и заслужилъ отъ всѣхъ почтеніе; но къ большому удивленію (добавляетъ авторъ) и самъ Дорантъ думаетъ, что онъ правосуденъ» ²⁾.

Особенный интересъ имѣетъ письмо, подписанное какимъ-то Т., изъ котораго видно, что подъячіе боялись обличительныхъ статей и что угроза одного господина — довести до свѣдѣнія редакціи Смѣси о мошенничествахъ его знакомаго судьи — произвела страшную драку между обличителемъ и обличаемымъ. Это былъ первый протестъ противъ гласности: обвиняемый протестовалъ кулакомъ и кнутомъ; поборникъ гласности защищался, оплеухой и тарелкой.

Дѣло происходило вотъ какъ: у пріятеля г. Т. сошлись на обѣдѣ двое знакомыхъ, изъ которыхъ одинъ укорялъ другаго взятками; конечно, все это говорилось намеками, «подъ обинякомъ»; но послѣ обличитель сказалъ судѣѣ, что *онъ уведоमितъ объ этомъ писателей журналовъ, дабы отъ привычки его ко взяткамъ отвадить*. Взбѣшенный судья «трясется отъ ярости за столомъ, вилка и ножъ изъ рукъ его падаютъ, говядины кусокъ во ртѣ останавливается, не могли имѣть вольнаго пропуска къ назначенному мѣсту: ибо судья Сребролюбовъ тогда вооружалъ языкъ свой для от-

1) Тамъ же, листъ 12, стр. 90—91.

2) Тамъ же, листъ 15, стр. 117.

мщенія своему сопернику. На конецъ аки разъяренный левъ во всю гортань возревѣлъ: *всѣ таковыя сочинители съ тобою вмѣстѣ двумя кнутами съчены быть должны*. Соперникъ его на сіе краснорѣчіе такъ ему отвѣтствовалъ: *твоя рѣчь не осторожно сказана и подвержена великой критикѣ; понеже де и воровъ и разбойниковъ сѣкутъ однимъ только кнутомъ, а ты безвинныхъ новоизобрѣтеннымъ твоимъ дубелтомъ подбивать хочешь*. Сребролюбовъ съ гнѣвомъ и скрежетомъ зубовъ закричалъ: «ты всѣхъ мошенниковъ бездѣльствомъ своимъ превосходишь». Тогда спорящій съ нимъ покритиковалъ его доброю полновѣсною оплеухою, а потомъ и тарелкою въ почтенную судейскую голову. Сія критика весь балъ кончила; ибо судья, опасаясь продолженія сей сатиры, оставя карету на чужомъ дворѣ, усккалъ пѣшкомъ домой, а соперникъ его баталію выигравши, уѣхалъ въ другіе гости».

На другой день Сребролюбовъ вооружается всѣмъ своимъ гнѣвомъ, всѣми своими силами и всею своею подлостію, собираетъ своихъ подчиненныхъ и сквозь слезы говоритъ имъ, что онъ смертельно обиженъ. Подчиненные отвѣчаютъ ему: «слышу, ваше высокородіе». — «Боже мой!» ударивъ самъ себя въ лобъ, возопилъ Сребролюбовъ, что со мною здѣлалось! Я по щекамъ, какъ будто въ развозъ употребляемая женщина, разбитъ». Секретарь повторяетъ свой обыкновенный отвѣтъ: «слышу, ваше высокородіе». Судейскій племянникъ совѣтуетъ дядюшкѣ идти *въ то присутственное мѣсто, въ которомъ судятся сатиры, по лицу и по спинѣ писанныя*. Сребролюбовъ принимаетъ совѣтъ, и всѣ идутъ къ судѣ Глуподѣлову, великому другу обиженнаго. Подъ вымышленнымъ именемъ Глуподѣлова должно разумѣть кого-нибудь изъ начальствующихъ, который или наблюдалъ за благонамѣренностью направленія журналовъ, или завѣдывалъ полицейскою частью. Глуподѣловъ, едва только выслушалъ жалобу Сребролюбова, сказалъ: «будетъ судъ поформѣ», потому что онъ, говоритъ Т., больше ничего въ дѣлахъ не смыслить и не говорить, хотя во всемъ прочемъ «великій болтунъ». Профессія его состояла въ томъ, чтобъ клеветать на сосѣдей, а особливо на женщинъ; даже въ этомъ

случаѣ, когда судья приносилъ ему жалобу, Глуподѣловъ нагородилъ просителю такой чепухи, къ какой только онъ былъ способенъ по мѣсту занимаемому имъ; онъ сказалъ, что «дочь его недавно выкинула плодъ свой съ мужемъ любви, неосторожно переступя черезъ булавку. Она, продолжалъ Глуподѣловъ, будучи въ дѣвушкахъ, къ своимъ знакомымъ шагала и черезъ заборы, а теперь такъ нѣжна, что и черезъ булавку безъ опасности переступить не можетъ. Разсудите, и сочинитель, говоритъ Т., когда сей судья киевщеть родную свою дочь, то можетъ ли онъ про когонибудь сказать слово хорошее (особенно когда этотъ человѣкъ облеченъ, какъ можно предполагать, не маловажною и опасною для многихъ должностью). Сребролюбовъ видя, что въ другѣ его не много толку, возвратился домой и написалъ челобитную длиною въ нѣсколько аршинъ.» Достоинства Глуподѣлова выражались еще въ слѣдующихъ поступкахъ: онъ выдалъ за одного офицера свою воспитанницу, не смотря на то, что Глуподѣловъ самъ десять лѣтъ жилъ въ ея деревнѣ и передъ свадьбою вывезъ оттуда все, что только могъ найти, однако взялъ съ жениха за сватовство вексель въ 200 рублей, а изъ приданого невѣсты вычелъ за 10 лѣтъ по 25 копеекъ въ день кормовыхъ денегъ. «Вотъ два честные судьи (говоритъ въ заключеніе своей статьи г. Т.), съ которыми я васъ познакомить хочу; и прошу васъ неоставлять ихъ своею милостію, когда ихъ достоинства того требуютъ»¹⁾.

Но въ высшей степени замѣчательны письма одного *камчадала*, помѣщенные въ Смѣси. Письма эти дѣлаютъ честь журналу, потому что проникнуты такой глубокою прошею, въ ихъ идеѣ столько благородства, что за одну эту статью Смѣсь заслуживаетъ благодарность потомства. Письма заключаются въ томъ, что будто какой-то камчадалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, удивляется всему, что видитъ, и во всемъ, что его поражаетъ, что несходно съ здравыми человѣческими понятіями, онъ видитъ что-то неестественное, какое-то колдовство, чары, и говоритъ, что у нихъ въ Камчаткѣ не такъ, лучше и естественнѣе. «Благородство у насъ,

1) Тамъ же, стр. 156—160.

говорить онъ, состоитъ въ добродѣтели и превосходныхъ дарованіяхъ: но здѣсь оно идетъ изъ рода въ родъ, и часто самая испорченная кровь называется благородною. Между благородными есть Графы, Князья, Бароны... издатель! я дрожу произнося сіи заколдованныя имена... боюсь писать... перо изъ рукъ валится... Я видѣлъ, что естли потребенъ полководецъ посолъ, или какой другой важной человѣкъ, то тотчасъ изъ снабженныхъ симъ именами выходятъ люди достайные тѣхъ почестей: хотя они не только что не упряжались въ потребныхъ къ тому знаніяхъ, но не имѣли и малѣйшаго о томъ понятія».

Дьявольское навожденіе чудилось камчадалу и во всѣхъ продѣлкахъ приказныхъ: «Въ судейскихъ должностяхъ, говоритъ онъ, также дѣйствуетъ колдовство: часто глупой сынъ получа чинъ своего отца, получаетъ и отцовское званіе. Любовница, игра, зрѣлища, щегольство, собаки и лошади составляли все его упражненіе. Но естли сядѣтъ за красное сукно, то откуда что возмется: онъ узнаетъ всѣ законы, всѣ права, всѣ указы и будетъ исправный судья. Ежели бы не было тутъ колдовства, то какъ бы онъ могъ рѣшить дѣла, отъ конхъ часто зависитъ щастіе, честь и жизнь его единопоземцевъ».

«Колдовство увѣряетъ простой народъ, что онъ долженъ пахать, сѣять и собирать жатву единственно для своихъ помѣщиковъ, а иногда отъ того и умирать съ голоду: однимъ словомъ, онъ думаетъ, что рыбы, птицы, звѣри и все видимое на свѣтѣ принадлежитъ боярамъ» и т. д.

«Не только что въ семъ городѣ (въ Петербургѣ), продолжаетъ онъ, такъ много колдовства, но сказываютъ еще мнѣ, что во всякомъ маломъ городѣ есть колдунъ въ видѣ воеводы, и всѣ простолюдины его боятся, за тѣмъ что опасаются его гнѣва. Сей Волхвъ въ опредѣленномъ ему пространствѣ приемлетъ въ свою власть и вѣтры, и облака; отъ него зависитъ изобиліе, и недостатокъ; въ его рукахъ щастіе и нещастіе крестьянъ; и онъ такъ жестокосердъ, что простой народъ ежедневно молитъ Бога о смягченіи его сердца».

Всѣ эти колдуны и колдовства такъ напугали бѣднаго камчадала, что онъ не могъ оставаться въ Петербургѣ и рвался въ свою холодную Сибирь: «Дай Боже! восклицаетъ онъ, чтобъ я скорѣе возвратился въ свою юрту, на всякомъ шагу опасаясь я колдуновъ, и боюсь, чтобъ и меня не здѣлали какою нибудь заколдованною тварью»¹⁾).

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Каковы люди» Смѣсь разбираетъ однихъ почтенныхъ людей, благонамѣренныхъ, и притомъ людей высокаго полета, съ вѣсомъ, и, какъ слѣдуетъ ожидать, натывается и на чиновника, господина *Проньра*, который, забывъ свое происхожденіе и презирая бѣдныхъ родственниковъ, «добился до большихъ чиновъ». Проньръ играетъ роль министра, и «способенъ дойти до министерства, но не способенъ быть министромъ. Всѣ его поступки основаны на проньрствѣ, хитростяхъ, обманахъ и корыстолюбіи»²⁾). Показывая, какъ въ панорамѣ, разные человѣческіе характеры, Смѣсь непременно отыскиваетъ взяточника, который, «не раздаря нѣскольکو тысячъ, нпкогда бы не назывался *превосходительнымъ*. *Θемиса* (въ образѣ *Θемпсы* и *Минервы* всегда изображалась императрица) съ нимъ въ ссорѣ, она на него просила, дѣло ихъ разбирали, и *Взяткову* конечно бы по заслугамъ быть *на висьлиць*, если бы *Плутусъ* не избавилъ его отъ бѣды»³⁾). Между прочимъ Смѣсь не могла не затронуть чиновника и въ единственной баснѣ, помѣщенной на ся страницахъ, въ которой *вст*, рѣшительно всѣ судьи обвиняются въ воровствѣ. Говоря о томъ, что одна баба, желая спасти отъ мышей спеченный ею для мужа пирогъ, позвала кота, басня прибавляетъ:

Не долго котъ то дѣло разбираетъ,

Судья сей строгъ:

Мышей передавши, и съѣлъ пирогъ.

Такъ точно всякой здѣсь судья дѣла кончатъ ⁴⁾).

1) Тамъ же, листъ 27, стр. 211—216.

2) Тамъ же, стр. 230.

3) Тамъ же, листъ 40, стр. 317.

4) Тамъ же, листъ 35, стр. 278—279.

Въ числѣ журналовъ 1769 года, въ-особенности отличавшихся обличительнымъ направлениемъ, извѣстенъ журналъ *Ф. Эмина*: «Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами». Журналъ этотъ заключаетъ въ себѣ переписку Криваго Бѣса съ Хромоногимъ. Честное служеніе того и другаго бѣса идеямъ добра и правды, злая иронія надъ всѣмъ, что носитъ маску благородства, а въ сущности подло и вредно, иронія, дозволенная однимъ только бѣсамъ, — все это заставляетъ насъ смотрѣть на Криваго и Хромоногаго, какъ на совершенно порядочныхъ людей. Успѣхъ ихъ корреспонденціи доказывается тѣмъ, что Адская почта имѣла не одно изданіе и пользовалась большимъ сочувствіемъ публики.

Въ первомъ же письмѣ Криваго къ Хромоногому мы читаемъ удачное изображеніе слабыхъ сторонъ русскаго судостроительства. «Ну, братъ! (пишемъ Кривой) познакомился я съ такимъ человѣкомъ, которому желаю жить на свѣтѣ множество лѣтъ; ибо ежели онъ скоро умретъ, то пришедъ къ намъ, всѣмъ адомъ ворочать станетъ. Подлинно лукавецъ! Ежели человѣка бѣсомъ назвать можно, то онъ *генераль бѣсъ*».

Рѣчь идетъ о чиновникѣ. Это былъ секретарь, умѣвшій толковать законы въ какую угодно сторону, по примѣру того, какъ толкуютъ сны старухи-гадальщицы. Когда Кривой Бѣсъ сидѣлъ въ гостяхъ у этого секретаря, пришелъ къ нему старичокъ, отставной офицеръ, и просилъ написать крѣпость на мужика, котораго онъ купилъ и желалъ отдать въ рекруты. «Секретарь — говоритъ Бѣсъ — по подъячески половиною рта отвѣчалъ:

— Ваше благородіе! прошу не прогнѣваться, что вамъ не въ состояніи нахожусь быть услужнымъ, понеже имѣется указъ, чтобъ до окончанія рекрутскаго набора никакихъ крѣпостей не писать, не чинить и не давать.

— Какъ же мнѣ быть, батюшка, сказалъ старичокъ: я уже далъ и задатокъ, а сторговалъ мужичка за сто рублей: крестьяне же мои заплатили мнѣ триста рублей, чтобы изъ деревни не брать рекрута. Помилуйте, ежели можно: я вамъ пятью десятками рубликовъ за труды служить буду.

— Премногомилосердый государь, отвѣчалъ хозяинъ, развѣ посмотрѣть въ указную книгу.

Сказавъ это, подумалъ нѣсколько времени, и потомъ обратился къ гостю:

— Согласны ли ваши благородія оба, то есть, одинъ на попку, а другой на продажу челоуѣка?

— Какъ не быть согласнымъ, батюшка, отвѣчалъ старичокъ.

— Ну, такъ дѣло вершено. Продавецъ можетъ будто отпустить на волю продаваемого крестьянина и дать ему письмо; потомъ, отъ имени мужика написать челобитную, что онъ по причинѣ дороговизны не могши себя пропитать, желаетъ къ вамъ вступить въ подданство, на что по указамъ дается вамъ крѣпость; тогда вы вольны съ нимъ дѣлать, что хотите.

— А ежели мужикъ донесетъ на насъ, что онъ никогда не былъ уволенъ, не будетъ ли какихъ хлопотъ?

— Не велѣно, ваше благородіе, отвѣчалъ хозяинъ, принимать доносовъ отъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ; да мужикъ ничего не можетъ и вѣдать, только бы продавцовой руки было у насъ вольное письмо, а я крѣпость велю написать, и вамъ въ руки отдамъ: тогда къ вамъ приведутъ мужичка, и вы его отдадите въ рекруты.

Въ заключеніе этого разсказа Кривой Бѣсъ прибавляетъ: «я весьма тому удивлялся, что многіе приказные въ свою пользу такъ умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты» ¹⁾.

Хромоногій Бѣсъ, въ свою очередь, сообщалъ Кривому (въ десятомъ письмѣ), что и онъ живетъ не въ лучшемъ обществѣ, что и онъ видѣлъ много достойнаго любопытства, особенно между людьми служащими. Сдѣланныя имъ наблюденія, какъ и наблюденія его друга, Криваго, объясняютъ, какая путаница господствовала въ нашемъ судопроизводствѣ и какъ страдало общество отъ произвола чиновниковъ, потому что русскій законъ, не смотря на свою плодovitость,

1) Адская Почта (Спб. 1783), стр. 3—6.

рѣдко могъ защитить человѣческую личность при недобросовѣстности властей. Хромоногій подтверждаетъ это слѣдующимъ характеристичнымъ рассказомъ: у мясника укралъ кто-то быка и двѣ козы; узнавъ вора, онъ пошелъ къ секретарю (полиціи?) бить челомъ на похитителя его козь и быка; но при этомъ, «зная обыкновеніе канцелярскихъ служителей», говоритъ Хромоногій, впустилъ ему въ горсть два крестовника. Секретарь, сдѣлавъ ему нѣсколько десятковъ выговоровъ за то, что далъ ему деньги, опустилъ оныя въ карманъ, сказавъ: я, другъ мой, не такой человѣкъ, чтобъ брать взятки. Потомъ велѣлъ ему явиться на другой день, а вора приказалъ отыскать. Привели вора. Мошенникъ просилъ секретаря, чтобъ онъ соблаговолилъ поговорить съ нимъ на единѣ. Секретарь вывелъ его въ особую комнату, гдѣ воръ, секретарю руки свои поглаживающему, какъ будто въ нихъ была судорга, помазалъ имперіаломъ, который также какъ и донощиковы два рубли, былъ милостиво принять, только безъ выговоровъ; ибо часто такіе господа за то дѣлаютъ просителямъ укоризны, что имъ мало даютъ. Секретарь приказалъ вору явиться черезъ недѣлю; а между тѣмъ мясника сталъ допрашивать *по формѣ, то есть, не о томъ, о чемъ надобно*, и завелъ съ нимъ такую матерію, которой мужикъ и не разумѣлъ. *Онъ почти началъ дѣло отъ потопа Ноева*. Мужикъ все ему отвѣчалъ не къ статѣ потому, что не къ статѣ его допрашивали. Наконецъ написано опредѣленіе, что мужикъ въ рѣчахъ своихъ замѣшался, и рѣшено тѣмъ, чтобъ его высѣчь плетми за напрасное оклеветаніе своего ближняго. Бѣсъ говоритъ, что несчастный мужикъ пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жилъ Кривой его другъ, подавать на секретаря апелляцію. Кривой же, узнавъ объ этомъ, и будучи хорошо знакомъ съ присутственными мѣстами своего города, писалъ Хромоногому, что мало добра будетъ мяснику, когда дѣло пошло на апелляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати не больше, то можетъ статья дождется конца своего дѣла ¹⁾).

Хромоногій Бѣсъ письмами своими удостовѣряетъ насъ

1) Тамъ же, письма 10 и 11, стр. 57—60.

также, что и въ царствованіе императрицы Екатерины II, общій нашъ знакомый Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ также скопить кое-что на службѣ въ таможенѣ, какъ скопилъ онъ малую толику въ наше время. Хромоногій рассказываетъ о господахъ таможенныхъ чиновникахъ, которыхъ въ то время называли *таможенными крысами*, что они очень ловко пользовались чужимъ добромъ. Нѣтъ такой мягкой рухляди или такого сукна, либо шелковой матеріи, которой бы она (т. е., таможенная крыса) кусокъ не отгрызла, — такъ объяснялъ Хромоногую продѣлки таможенныхъ одинъ его пріятель. — «Какъ же онъ можетъ это дѣлать, спросилъ Бѣсъ пріятеля: вить теперь, сказываютъ, что брать въ такихъ мѣстахъ даромъ ничего не велѣно?» Но тотъ «съ усмѣшкой» отвѣчалъ ему, что тогда она отъ своей повадки отстанутъ, *когда волкъ перестанетъ ѣсть мясо, и будетъ жить одною травой*. Сколько добрые бояре не стараются, чтобъ на заставахъ лукавства отъ таможенныхъ служителей не было, однако тщаніе ихъ безуспѣшно, потому что, говоритъ онъ, всегда тотъ свободнѣе проѣзжаетъ мимо заставъ, кто везетъ съ собой запрещенный товаръ, нежели тотъ, кто правъ и ничего подозрительнаго не имѣетъ. Проѣзжающій съ запрещеннымъ товаромъ даетъ чиновникамъ нѣсколько рублевиковъ — и его пропускаютъ; а кто правъ и не захочетъ дать взятку, того возокъ длинными трубами насквозь проколятъ, будто смотря, не везетъ ли онъ вина или другихъ заповѣдныхъ товаровъ. Тогда набойки, ситцы да и платье его, которое можетъ быть въ юкѣ, все будетъ проколото: и такъ правый за свою правду претерпитъ въ имѣніи ущербъ, а виноватый прибыль» ¹⁾. Хромоногую не разъ приходилось слышать отъ чиновниковъ, что хотя многіе указы гласятъ, чтобъ приказные не брали взятковъ, однако ничего не брать отъ просителей — *есть дѣло сверхъ-естественное*. Изъ этой переписки бѣсовъ мы можемъ видѣть, что въ описываемое нами время чиновники выдумали средство — «воровать политическимъ образомъ», какъ выражается г. Хромоногій: проситель долженъ сходить на поклонъ не къ самому чинов-

1) Тамъ же, стр. 72—73.

нику, а къ «хозяйюшкѣ, которая весьма ласково его приметъ»; если проситель купецъ, то она вытянетъ у него или атласу, или гродитуру на пару платья, и получивъ желаемое, скажетъ: «приди, голубчикъ чрезъ нѣсколько дней, я деньги заплачу». Купецъ разумѣя, что это значитъ, и имѣя нужду въ ея мужѣ, пойдетъ домой попрощавшись на вѣки съ пренесеннымъ кулкомъ. Когда проситель дворянинъ, то разжалуется ему хозяйка, что у нея нѣтъ ни дѣвки, ни малаго, и что принуждена все сама работать; и сей проситель по нуждѣ выучась ея языку, отвѣчаетъ госпожѣ такъ, какъ ей хочется. *И такъ, продолжаетъ Бѣсъ, во взяткахъ нынѣ сдѣлалась только перемѣна, что прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою.* Но были и такіе чиновники, которые, по выраженію бѣса, грабили благороднымъ образомъ: они приглашали просителя къ себѣ обѣдать, потомъ сажали играть въ карты; «проигрывая, говоритъ бѣсъ, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая, чрезвычайно ласковый, и этотъ языкъ скоро сталъ просителямъ вразумителенъ.» Въ угожденіе хозяину, они «въ ломберѣ и три матедора сбрасываютъ», а потомъ, проигравъ рублей двѣсти или сколько хозяину «прилично» получить, на другой же день узнаютъ о благополучномъ окончаніи своего дѣла. Въ то время, по словамъ бѣса, «и купцы начали «благородствовать», т. е., проигрывать чиновникамъ въ карты. Въ заключеніе хромоногій моралистъ выражаетъ то сомнѣніе, что едва ли когда-нибудь выведутся въ Россіи взятки ¹⁾).

Адская Почта знакомитъ насъ также съ двумя «политическими разумнѣйшими ворами, которыхъ никогда повѣсить не можно,» потому что одинъ изъ нихъ, его превосходительство г. Явнокрадовъ, «кулями почти крадетъ деньги.» Передъ тѣмъ онъ укралъ отъ одного дѣла 180,000 рублей. Секретари того мѣсто вздумали, по выраженію Криваго Бѣса, сдѣлаться честными людьми и, не желая быть участниками «въ художествѣ его превосходительства,» донесли на него въ покражѣ казенныхъ денегъ и, ссылаясь въ своихъ доказательствахъ на законы, заключили, что за такія дѣла на-

1) Тамъ же, письмо 38, стр. 161—166.

граждають людей *веревкою*. «О бѣдные секретаря! восклицаетъ бѣсъ съ горестью: какой глупый нашъ братъ (т. е. бѣсъ) испусли васъ на такое* предпріятіе? Какая рѣдная судьба опредѣлила вамъ изъ Секретарей такого мѣста идти въ честные люди? Для чего вы такъ мало просвѣщены? для чего по сіе время не знаете, что вора украшаго сто во-семьдесятъ тысячъ рѣдко впшаютъ, а по большой части наказуютъ дерзкихъ донощиковъ.» Дѣйствительно, не спасла секретарей ихъ честность; не помогли имъ ни грозные указы императрицы, каравшіе взяточниковъ, ни всѣ статьи законовъ, ни свидѣтельство эскутора того присутственнаго мѣста, что деньги дѣйствительно украдены его превосходительствомъ, ни заступничество почти всѣхъ членовъ присутствія: одинъ секретарь умеръ подъ слѣдствіемъ въ острогѣ, а другой, по словамъ бѣса, ожидаетъ подобной судьбины. Его превосходительству г. Явнокрадову также велѣно быть подъ слѣдствіемъ, «но онъ того не хочетъ.» Щеговъ онъ никогда не подаетъ, извиняясь тѣмъ, что ихъ скоро сдѣлать нельзя: онъ думаетъ подать ихъ на другомъ свѣтѣ, говоритъ бѣсъ. Другой той же «шерсти и совѣсти» человѣкъ, не зная уже, какъ умножить свои капиталы, нажитые разными беззаконіями, подрядился наконецъ быть факторомъ у жидовъ и всегда старается ссорить ихъ между собою; часто идетъ въ ложные свидѣтели; подаетъ ихъ именемъ жалобы, «но всегда слогъ оныхъ касается къ собственной его пользѣ;» по словамъ бѣса, сами евреи удивляются, какъ въ такомъ государствѣ, гдѣ никогда прежде не бывало жидовъ, родиться подобный человѣкъ, который своимъ «жидовствомъ» превосходитъ почти всѣхъ ихъ братьевъ на свѣтѣ. Но Кривому удивительно то, какъ, при всѣхъ подлостяхъ и злобѣ, подобные большіе чиновники считаются честными людьми, а на бѣдныхъ облщителей ихъ подлостей опрокидываются всѣ до единого. «Недавно (продолжаетъ удивленный бѣсъ) судья Взятколюбовъ говорилъ при мнѣ, что Екзекуторъ... упомяну- таго судью во многихъ взяткахъ укорявшій, великаго наказанія достоинъ, яко человѣкъ живувшій въ свѣтѣ беззаконно. Онъ беззаконіе сего Екзекутора такимъ, или сему подобнымъ образомъ доказываетъ: *пожеже душа въ человекъ сло-*

жена изъ многихъ частницъ, понеже для того зъпрявъ данъ хвостъ, чтобъ онымъ сгонять мужъ, понеже весь свѣтъ плаваетъ по морю; того ради Екзекуторъ... великій бездѣльникъ, и строжайшаго наказанія достоинъ ¹⁾.

Но на этомъ не остановилась Адская Почта. Наблюдательные бѣсы постоянно наталкивались на новыя личности, одни другихъ хуже и безсовѣстнѣе. Въ 58-мъ письмѣ Хромоногій рассказываетъ о ссорѣ воеводы... съ жидомъ... Воевода говорилъ жиду, что нѣтъ презрѣннѣе и безсовѣстнѣе народа, какъ жида, и что въ такомъ же смыслѣ предсказывалъ объ нихъ пророкъ Исаія, которому они не вѣрятъ. «Какъ мнѣ не вѣрить святымъ пророкамъ, отвѣчалъ жидъ,— я ихъ пророчествъ явные вижу опыты: одинъ изъ нихъ сказалъ, что чѣмъ человѣкъ былъ, въ то паки превратится, а другой глаголетъ и будетъ одинъ пастырь и одно стадо. Ежели говорить о совѣсти, то я вижу, что вы, произшедъ отъ нашего племени, паки въ насъ превращаетесь. *Не знаю ничего* (продолжалъ жидъ) *о большихъ господахъ правящихъ дѣлами*, но ваша братья едва не всѣ совѣсть свою превратили въ жидовскую, и теперь весьма малому числу изъ васъ осталось ожидаться.» Бѣсъ говоритъ, что за такой отвѣтъ воевода хотѣлъ побить жида, но сторожа не допустили его до этого ²⁾.

Замѣчательно также, что Кривой Бѣсъ былъ и съ господами Муходавлевыми, предшественниками того Муходавлева, съ которымъ, въ 1859 году, Современникъ познакомилъ насъ въ статьѣ — «Губернскій Карнавалъ.» Муходавлевы были и въ 1769 году, въ царствованіе великой Екатерины. Секретарь Муходавлева екатерининскихъ временъ попалъ въ немплось у своего начальника, и такъ какъ онъ, по выраженію Криваго Бѣса, «отъ бѣдности такъ высохъ, какъ висѣльникъ лѣтомъ въ самыя большіе жары повѣшенный,» и слѣдовательно не могъ умялостивить начальника деньгами, то и ублажилъ его инымъ способомъ: изрядная

1) Тамъ же, письмо 55, стр. 207—210.

2) Тамъ же, письмо 58, стр. 219—220.

его жена, говорить бѣсъ, по совѣту мужа своего то сдѣлала, что Муходавлевъ екатерининскихъ временъ не только помирился съ секретаремъ, но и повысилъ его должностью ¹⁾.

Выше мы видѣли, что бѣсы принимали дѣятельное участіе въ полемикѣ съ Всякой Всячиной и высказали не мало горькихъ истинъ не только о чиновникахъ, но и о литературномъ низкопоклонничествѣ Всякой Вс ячины.

Переходимъ теперь къ самому замѣчательному журналу 1769 года, къ Трутню. Издателемъ его былъ, какъ мы замѣтили выше, знаменитый Новиковъ, одинъ изъ лучшихъ людей прошлаго вѣка. Трутень появился уже послѣ другихъ журналовъ, именно въ маѣ, но за то онъ одинъ изъ журналовъ 1769 года умѣлъ продержаться втеченіе двухъ лѣтъ. На заглавномъ листѣ его читаемъ эпиграфъ изъ притчей Сумарокова:

Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.

Кромѣ эпиграфа, заглавный листъ снабженъ многознаменательной виньеткой: Сатиръ лягаетъ копытомъ осла прямо въ морду и едва не задѣваетъ чью-то жирную физиономію, прикрытую головой и ушами осла; вдали виднѣются еще двѣ личности, которыя намъ не совсѣмъ понятны: или мужикъ бьетъ дубиной какого-то толстаго, встрепаннаго барина, или это бьетъ кто-то самого Сатира прямо въ голову — Богъ вѣсть (пожалуй, что вторая догадка вѣрнѣе, потому что, какъ увидимъ, Сатиру было иногда очень плохо). Трутень посвященъ былъ шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину.

Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ долго думалъ какой родъ службы избрать ему, и почти ни на чемъ не остановился: военная ему показалась «очень безпокойною и угнетающею человѣчествомъ»; что касается до другихъ казенныхъ обязанностей, то и онѣ не лучше; служба «приказная (говорить онъ) хлопотлива, надобно помнить наизусть всѣ

1) Тамъ же, письмо 71, стр. 265—266.

законы и указы, а безъ того попадешь въ бѣду за неправоe рѣшеніе. Надлежитъ знать всѣ пронырствы, въ дѣлахъ употребляемыя, чтобы не быть кѣмъ обмануту, и имѣть смотрѣніе за такими людьми, которые чаще и тверже всево говорятъ: *дай за работу*; а это очень трудно. И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однако-жъ она не по моимъ склонностямъ»; придворная тоже не по немъ: вотъ почему онъ и рѣшился быть издателемъ. Своихъ трудовъ онъ не обѣщаль много: «а буду, говорить, издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ; а особливо сатирическія, критическія и прочія ко исправленію нравовъ служащія: ибо таковыя сочиненія исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу; а сіе то и есть мое намѣреніе. Чего ради всѣхъ читателей прошу сдѣлать мнѣ вспоможеніе присылкою своихъ сочиненій, которыя всѣ напечатаны будутъ въ моихъ листкахъ». Однако въ этомъ приглашеніи онъ добавилъ, что онъ не можетъ печатать только тѣ сочиненія, *«кои будутъ противъ Бога, правленія, благопристойности и здраваго разсужденія. Я надѣюсь, что таковыхъ и не будетъ: ибо противъ первыхъ двухъ въ наше время никто ничево не напишетъ, кто хотя искру понятія имѣетъ: противъ послѣднихъ же двухъ безъ сомнѣнія благопристойность писать запретить»*.

Вслѣдъ за подобнымъ объявленіемъ, во второмъ листѣ Трутня, напечатана была «Причта», содержаніемъ своимъ вполне согласная съ программой журнала; она озаглавлена — *Слонъ произведенный въ чинъ*. Кто былъ этотъ слонъ, мы не знаемъ; но, вѣроятно, причта имѣла въ виду всѣмъ извѣстное событіе. Вотъ она:

Левъ должностью почтилъ слона,
 Быть главнымъ членомъ;
 И грамота къ нему объ етомъ послана.
 Завистникамъ ударъ симъ здѣланъ какъ погѣномъ:
 Но кто возможетъ льва винить!
 Что здѣлалъ левъ, тово нельзя перемѣнить;
 Порядокъ правъ велить
 Ему повиноваться.
 Слонъ сталъ збираться,

И въ путь пошелъ.
 Слононь на ногу тяжелъ,
 Пословица не нова,
 Извѣстна всѣмъ величина
 И толщина
 Слонова.
 Такъ слонъ въ пути потѣлъ,
 Пыхтѣлъ,
 Кряхтѣлъ ;
 При всемъ при томъ, сей звѣрь шелъ скоро, какъ летѣлъ.
 Ступилъ лишь слонъ ко льву въ чертоги,
 Упалъ ему онъ въ ноги,
 За чинъ благодарилъ,
 И вѣрой, правдою служить, конечно,
 Хотѣлъ льву вѣчно,
 И клятвою слова такія подтвердилъ.
 Пошли переговоры ;
 Но видно по всему,
 Ихъ были на слона съ улыбкой взоры ;
 Шептали межъ собой : такой чинъ данъ кому,
 И должность ета,
 Слоноу надѣта,
 Совсѣмъ не по уму,
 Способный звѣрь у насъ лисица есть къ тому.
 Такой разговоръ коснулся слуха львова ;
 Левъ строго ихъ спросилъ : какую рѣчь вели ?
 Нельзя сказать инова,
 Всю правду донесли.
 Отвѣтствовалъ имъ левъ : чтобъ истину прославить,
 Я нынѣ положилъ порочныхъ всѣхъ исправить,
 Лукавство, лесть и ложь умомъ не должно ставить,
 Лисица точно тѣхъ,
 Пороковъ трехъ,
 Обманывать всѣхъ,
 Не ставя въ грѣхъ ;
 А разумомъ прямымъ тотъ въ свѣтѣ обладаетъ,
 Кто правду наблюдаетъ.

Выше мы видѣли, что издатель Трутня, въ предисловіи,
 выразилъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о гражданской службѣ,
 какою она была въ то время. Онъ объявилъ, что не же-

лаетъ и не умѣетъ быть чиновникомъ. Объ этомъ, какъ онъ говоритъ, узналъ его дядя, старый приказный, для котораго весь мѣръ представлялся огромнымъ присутственнымъ мѣстомъ, шаръ земной — краснымъ сукномъ на судейскомъ столѣ, моря — большими чернилицами, а весь родъ человѣческій дѣлился на истцовъ и отвѣтчиковъ, на судей и просителей, на дающихъ и берущихъ. Рѣшеніе племянника огорчило дядю, и онъ будто написалъ издателю родственное увѣщаніе, въ которомъ яркими красками изобразилъ картину обѣтованной земли, подъяческую Палестину, подъ которою разумѣлъ всякое доходное присутственное мѣсто. Картина эта въ высшей степени интересна. Соглашаясь съ племянникомъ, что нѣтъ никакой выгоды поступать въ придворную или въ военную службу, дядюшка никакъ не можетъ понять, отчего тотъ пренебрегаетъ приказной карьерой. «Почему она тебѣ противна? спрашиваетъ онъ издателя. *Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ ненаживна, такъ ты въ этомъ другъ мой ошибаешься.* Правда въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но совсѣмъ тѣмъ годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно было прежде, самъ разсуди, нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!»

Мы позволяемъ себѣ не довѣрять искренности словъ почтеннаго дядюшки: или онъ льститъ «златому вѣку», или слишкомъ ненасытенъ, потому что недавно имѣли случай показать, что указы, на которые жалуется дядюшка, ровно ничего не сдѣлали, да и самъ онъ доказываетъ противное своимъ письмомъ. Онъ самъ признается, что по приѣздѣ на воеводство онъ не имѣлъ за собой больше шестидесяти душъ дворовыхъ и крестьянъ; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, «благодаря подателя всякихъ благъ», трудами и неусыпными попеченіями нажилъ до трехъ сотъ душъ, не считая золотой казны, серебра и прочей домашней рухляди; притомъ, говоритъ, нажилъ бы еще и не то, еслибъ прокуроръ былъ посговорчивѣе, а то, «какъ ево ни уговаривай, только онъ, какъ козы рога въ мѣхъ не лѣзетъ». Въ этомъ случаѣ дядюшка говоритъ правду. Относительно прокуроровъ того времени мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что это были люди новаго

поколѣнія, надежда Россіи, къ сожалѣнію такъ горько ее обманувшая. Въ прокуроры назначались большею частію люди молодые, образованные, не испорченные закоревѣлыми подъяческими преданіями, большею частью эта молодежь воспитывалась въ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, любила читать, сколько это можно было тогда, и еще не примятая жизнью, смотрѣла честно и довѣрчиво впередъ, какъ это всегда бываетъ съ молодымъ поколѣніемъ. Прокуроры, вездѣ, куда ни посылались, старались бороться съ окружавшею ихъ гадостью; они надѣялись побѣдить, потому что издали-свѣтило имъ лучшее будущее. Но и въ то время, какъ всегда, молодежь обманулась. Да и что она могла сдѣлать при извѣстныхъ, вѣчно одинаковыхъ и вѣчно гадкихъ условіяхъ, съ которыми уже научилось сживатьъя человѣчество? Изъ молодыхъ честныхъ прокуроровъ многіе сдѣлались старыми мошенниками, у кого честность была такъ-сказать только за кожу, а не въ крови, плоти и костяхъ; а люди съ характеромъ и волею кончили такъ, какъ они всегда кончаютъ. И нашъ прокуроръ, непріятель дядюшки, былъ человѣкъ новаго поколѣнія. «Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой (пишетъ онъ), и сказываютъ, что ученый, только я етова не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность ево въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я однажды перебралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ котораго святаго въ тотъ день празднуется память, такъ куда они годятся. Я на всѣ ево книги святцовъ своихъ не промѣняю. Научился дѣлать вирши, которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадаетъ въ наши верши. Мы его частехонько за носъ поваживаемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ: а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка какъ пріняться за дѣло; а Судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусенько пригибать указы по своему желанію: въ чемъ и секретари много намъ помогаютъ. Правда, что ето для молодова человѣка трудно и непонятно: по ты етова не опасайся, я тебя столько научу, сколько самъ знаю. Пожалуй-

ста Иванушка послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ прокуроры. Я слышалъ, что тебя многіе знатные господа жалуютъ, такъ ето тебѣ тотчасъ здѣлаютъ. Наживи себѣ тамъ хорошихъ защитниковъ, да и приѣзжай сюда; тогда весь городъ и уѣздъ по нашей дудкѣ плясать будетъ. Разсуди самъ, какъ етова мѣста лутче желать и спокойнѣе. Во всѣхъ дѣлахъ положиися на меня, а ты со стороны ни дай ни вынеси будешь братъ жалованье; а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика, отрѣшати отъ дѣлъ и велеть жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда! для чево не жить, коли нажито чѣмъ жить; то худо, какъ прожито чѣмъ жить, а какъ нажито, етова никто и не спросить. Пожалуйста послушайся меня, добивайся етова мѣста. Ты вить уже не малинкой робенокъ, можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать; а на мое и не надѣйся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и одинъ наслѣдникъ; но я лутче отдамъ чужому, да только такому, который себѣ добра хочетъ. Ежели-жъ слушаешься, то при жизни моей укрѣплю все тебѣ. Смотри-жъ, я говорю на обумъ, а ты бери себѣ на умъ. Прощай Иванушка; пожалуй подумай о семъ хорошенько и меня увѣдомь». Въ P. S. дядя пишетъ, что посылаетъ вирши, которыя написаны на нихъ прокуроромъ.

«Прочитай ихъ, говоритъ, и послѣ разсуди, что прибыльнѣе, вирши марать, иль деньги собирать? Онъ насъ бранить, а мы наживаемся, и говоримъ: брань на вороту не виснетъ».

Притча написанная прокуроромъ, изображаетъ двухъ воровъ, изъ которыхъ одинъ грабилъ на большой дорогѣ, а другой въ присутственномъ мѣстѣ. Молодой блюститель закона не можетъ рѣшить, кто изъ нихъ достойнѣе кнута. Вотъ какія вирши писались тогда юными прокурорами:

Что есть во свѣтѣ воры,
О томъ не входятъ въ споры;

А кто противное сей точной правдѣ скажетъ,
Тово во вѣкъ онъ не докажетъ ;

Какъ только то,

А что ?

Что есть разбойники, мошенники и плуты,
Но лишь покроемъ не однимъ,
Иные въ золотѣ и титлами надуты,
Другіе въ серякахъ, и съ именемъ простымъ.
О двухъ такихъ ворахъ я басенку скажу,
И первое въ стихахъ искусство покажу.

Былъ воръ простой,

И хаживалъ всегда пѣшкомъ и въ серякѣ ;
Доходы онъ собиралъ не въ городѣ, не въ сѣзжей,
А на дорогѣ, на проѣзжей.

Другой

Чиновной былъ, и тѣмы имѣлъ онъ въ сундукѣ
Червонныхъ и рублей,

Которые собиралъ съ невиннова народу ;

Такую моду

Онъ бралъ съ безсовѣстныхъ подъячихъ и судей ;

Но наконецъ попались оба

Въ приказъ :

Обѣимъ строгъ указъ ;

Обѣимъ кнутъ грозить, отверсти двери гроба.

Судьи калякаютъ : не столько лихъ большой,

И оправляютъ вора ;

Подъячи говорятъ : не столько лихъ меньшей,

И оправляютъ вора ;

Обѣимъ сторонамъ указы правота.

Читатель! будь хоть ты рѣшителемъ ихъ спора,

Скажи намъ, кто изъ нихъ достойнѣе кнута ?

Замѣтно, что чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе становилось направленіе Трутня; ступивъ на путь обличеній, онъ ступилъ на почву необработанную, на новый путь, еще никѣмъ не испытанный. Передъ нимъ открывалось широкое поле, и какая богатая жатва представлялась ему на этомъ полѣ, гдѣ цѣлые загоны проросли, вмѣсто хлѣба, куколю и всякими сорными травами, — а ихъ-то онъ и искалъ. Царство подъячихъ — это была цѣлая Америка для литературы:

звѣрей и птицъ множество, начиная отъ самыхъ мелкихъ и безвредныхъ до самыхъ крупныхъ и кровожадныхъ. Дико было чиновному люду увидѣть свои образы, мѣтко списанные съ природы и продающіеся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и у переплетчиковъ ¹⁾; дико ему было видѣть солидные образы начальниковъ преданными на поруганіе массѣ, которая пальцами на нихъ тыкала и говорила: «Вотъ Явнокрадовъ, вотъ Проныръ, Взятколюбовъ, Крючковзятковъ, а вотъ За носъ - водитель». Но Трутень, боясь преслѣдованія, ограждалъ себя двустышіемъ:

Язвлю тебя? молчи, вѣтъ я не няяную:

Крячишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

Дѣйствительно, онъ никого не называлъ по имени: но развѣ не обидно было слышать, что у насъ въ Россіи есть воры и мошенники? развѣ это не клевета, будто у насъ давались мѣста по протекціи? Конечно клевета. Такъ гнусной клеветой могли считать, на примѣръ, слѣдующее обличеніе. Издатель Трутня говорить, что изъ гостинаго двора присланъ былъ ему для напечатанія рассказъ, какъ одна знатная боярыня украдала въ одной лавкѣ два мотка золотыхъ или серебряныхъ сѣтокъ. Дѣло было такимъ образомъ: въ гостинный дворъ приѣзжаетъ въ каретѣ, съ двумя лакеями назади, богато одѣтая дама; изъ множества золотыхъ и серебряныхъ сѣтокъ покупаетъ она два мотка и отдаетъ за нихъ деньги; «а два другіе укравши, тихонько подъ салоуп спрятали». Купецъ это видитъ, но какъ «кавалеръ учтивой», не хочетъ срамить боярыню при публикѣ. Боярыня скачетъ домой, а купецъ за ней. Купецъ подаетъ челобитную. — Да развѣ не срамъ печатать такой скандалъ? Конечно, срамъ. Какъ же можно простить журналу такую выходку, особенно, когда онъ огласилъ даже окончаніе этого дѣла? На челобитную купца послѣдовало опредѣленіе, да не такъ какъ это бываетъ въ приказахъ, а тотчасъ же. Трутень говорить, что «боярыня купцу не только волосы выпщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетми спустила. Ништо

1) Почти всѣ журналы продавались тогда у переплетчика Вега.

тебѣ, бѣдной купецъ! Какъ ты честной злорадной человѣкъ осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла. Въ самоѣ дѣлѣ (прибавляетъ Трутень), не великая-ли милость купцу здѣлана?»

Другой разсказъ, помѣщенный въ этомъ выпускѣ Трутня, могъ произвести на многихъ не менѣе непріятное впечатлѣніе, какъ и разсказъ объ обворованномъ и высѣченномъ купцѣ. Разсказъ этотъ имѣетъ форму объявленія о вызовѣ кандидатовъ на одно вакантное мѣсто, которое, какъ сказано въ публикаціи, приносить въ годъ двѣ тысячи рублей «безгрѣшнаго дохода». Слѣдовательно, по тому времени—мѣсто не маленькое. Публикація говоритъ, «что сіе мѣсто требуетъ человѣка разумнаго, ученаго и прилежнаго; ибо отъ него блаженство и жизнь великаго числа людей зависятъ». Претендентовъ оказалось трое: одинъ изъ нихъ «дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія; хотя онъ во младыхъ еще лѣтахъ записанъ былъ въ службу, но оной, живучи у матери между нянекъ и шутихъ, никогда не исполнялъ; а доставалъ чины чрезъ предстательство, преимущественно предъ тѣми, которые служили. Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ». Другой претендентъ — тоже дворянинъ, но честный и умный человѣкъ, хотя и не богатъ. Третій — *изъ подмытъ*, т. е., «отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ»: человѣкъ умный, образованный, учившійся много, много знающій, много путешествовавшій, честный и т. д., вообще рѣдкій, превосходный человѣкъ. Что-жь? Издатель обращается къ публикѣ: «читатель! угадай: глупость ли подерѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію награждаются? Конечно, публика не могла не угадать: она привыкла къ такимъ загадкамъ.

Трутень въ-особенности славился своими объявленіями и публикаціями, между которыми были, какъ теперь въ полицейскихъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ, извѣщенія о продажахъ, подрядахъ, о потеряхъ и

находкахъ, и такъ далѣе. Такъ, напримѣръ, между прочими вызовами къ подрядамъ читаемъ: «въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до десяти пудъ; желающія къ поставкѣ онаго подрядиться, могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ». Между публикаціями о продажахъ читаемъ: «недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто, и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающія купить, могутъ ево сыскать въ здѣшнемъ городѣ».

Или слѣдующая публикація о продажѣ: «За вексельный искъ, описанное и одѣненное въ 14 руб. 57¼ коп. оставшее послѣ покойнова судьи Правдолюбова стяжаніе, состоящее въ вѣрности къ отечеству, нелицепріятіи, правосудіи, истинномъ понятіи законовъ, милосердіи о бѣдныхъ и здоровомъ разсужденіи, имѣетъ быть продано съ публичнаго торгу: ибо наслѣдниковъ ко оному стяжанію изъ всей ево родни не явилось; желающіе покупать, могутъ явиться у акціониста, которой продавать будетъ».

Но не долго суждено было Трутню дѣйствовать во имя свободнаго слова, даже такъ какъ оно понималось въ то время. Не успѣлъ онъ просуществовать и одного мѣсяца, какъ успѣлъ уже возбудить толки и пересуды въ нѣкоторыхъ гостинныхъ; изъ богатыхъ гостинныхъ толки и пересуды перешли въ кабинеты значительныхъ людей; заговорили и при дворѣ. Уже въ іюнѣ, тотчасъ послѣ полемики со Всякой Всячиной, началась реакція. Въ первый разъ русское общество поражено было обличительною рѣчью журналистики; уже то было для него ново и непривычно, что оно увидѣло въ рукахъ своихъ прежде невиданныя изданія; самые журналы были для него чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но когда въ изданіяхъ этихъ заговорилось о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде говорили только въ четырехъ стѣнахъ, да и то шопотомъ; когда общество увидѣло многихъ изъ своихъ членовъ безъ покрывала, въ такомъ видѣ и съ такой стороны, которая тщательно скрывалась отъ свѣта, — на журналистику посыпались проклятія со стороны меньшинства и благословенія со стороны большинства; что чувствовало за собою вину, у кого совѣсть была замарана, хвостъ не чистъ, голова и честь не въ порядкѣ, — опрокинулось на бѣдное

свободное слово; напротивъ, что было честно, или обижено, или угнетено несправедливо, всё, наконецъ, искавшіе общей пользы и общей правды,—искренно обрадовались этому утѣшительному явленію. Но къ сожалѣнію извѣстное меньшинство, всегда сильнѣе большинства—это истина не новая, хотя повидимому нѣсколько странная. 6-го же іюня редакція Трутня получила письмо, подписанное какимъ-то г. Чистосердовымъ, конечно псевдонимомъ: это было предостереженіе. Письмо это имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской журналистики, въ-особенности въ исторіи гласности, и потому мы рѣшаемся помѣстить его здѣсь вполнѣ. Письмо слѣдуетъ:

«Господишъ издатель! Чистосердечное ваше о самомъ себѣ описаніе мнѣ весьма нравится; чего ради я отъ добраго сердца хочу вамъ дать совѣтъ. Въ вашемъ Трутнѣ печатаемыя сочиненія многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо: да то бѣда, что многіе испорченные нравы и злые сердца имѣющіе люди, принимаютъ на себя осмѣиваемыя вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ на свой щетъ. Это бы и не худо: ибо зеркало для того и дѣлается, чтобы смотрящіеся въ него видѣли свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшимъ, которое вѣрнѣе показываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло въ томъ состоятъ, что *въ вашемъ зеркаль, названномъ Трутень, видятъ себя и многіе знатные бояре.* И хотя въ предисловіи своемъ и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемыя къ вамъ сочиненія; однакожь, злостію напоившіе свои сердца люди, ставятъ его на вашъ щетъ. Вотъ что худо-то! Мнѣ очень будетъ прискорбно, ежели кто на васъ за то будетъ досадовать; а каково имѣтъ дѣло съ худыми людьми и знатными боярами, я уже испысла. Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, и во всю мою жизнь имѣлъ нещастіе тягаться съ большими боярами, угнетавшими истинну, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество. О г. издатель! сколько я отъ нихъ претерпѣлъ! Смѣло сказать можно, что лучше имѣтъ дѣло съ лютымъ тигромъ, нежели съ сильнымъ злымъ человѣкомъ; тотъ со всѣмъ своимъ звѣрствомъ и лютостію отнимаетъ только жизнь, а послѣдней оной не отнимаетъ: но отнимая душевное спокойствіе и

крѣпость, приводитъ духъ въ изнеможеніе такъ, что иногда подосадуешь за то, на что написано: не ревнуй лукавнующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе. *Но полно нынѣ такихъ бояръ не много. Жаль, что надобно сомать, ежели сказать, что ихъ со всѣмъ нѣтъ!* Что жъ дѣлать! Въ семьѣ не безъ уroda. Надобно и за то благодарить Бога, что ихъ не много. Въмѣсто старыхъ, есть нынѣ изъ молодыхъ господъ такіе, которые важныхъ не имѣя дѣлъ, упражняются въ бездѣлицахъ, и предъ малочинными людьми показываютъ себя велики министрами въ малыхъ дѣлахъ, не достойныхъ ни чина ихъ, ни имени. Употребляя при томъ непростительныя уклончивости, ласкательства, потачки и непозволенные хитрости; а все это для какой винаестъ бездѣлицы, или по слѣпому повинновенію своимъ страстямъ, и пристрастію къ какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были къ важнымъ государственнымъ дѣламъ и прилежны ко исполненію оныхъ такъ, какъ къ малымъ, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мнѣ одинъ такой придворной не господинъ, да еще господчикъ, говорилъ о вашемъ Трутнѣ весьма пристрастно; надлежитъ сказать, что онъ имѣетъ доброе сердце; но нѣкоторая слабость имъ очень владѣетъ, почему онъ говоритъ и дѣлаетъ: *«Не въ свои де этотъ авторъ садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая де смѣлость «ничто иное есть какъ дерзновеніе. Полно де ево отпряла не-«давно Всякая Всячина очень хорошо ¹⁾: да это еще ничево, въ старья времена послали бы де ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова винаестъ царства русскаго «владѣнія: но нынче де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такія сатиры не наказываютъ. Вътъ де знатной «господинъ не простой дворянинъ; что на немъ тоже взыски-«вать, что и на простолюдинахъ. Кто де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатымъ особамъ, тотъ уже ху-*

1) Плохая рекомендація для Всякой Всячины; за свою ретроградную статью о подъячнхъ, она попала въ разрядъ такихъ изданій, какихъ у насъ, къ счастью, почти нѣтъ.

«дой слуга. Знать что де онъ не слыжалъ, что были на Руси «сатирики и не въ его пору, но и тѣмъ рога посламали; а «ето де одни пустые рассказы, что онъ печатаетъ только при- «сылныя піесы. Нынче де знаютъ и малые ребята етотъ «щеть, что дважды два, будетъ вѣрно четыре, а сверхъ «того въ его де сатирахъ ни соли, ни вкуса не находятъ. «Гораздо бы было лучше, ежели бы де онъ обиралъ около «себя и писалъ сказочки, или что-нибудь посмѣшныя, такъ «какъ другіе писатели журналовъ дѣлають; такъ бы такое «сочиненіе всѣмъ нравилось, и больше бы покупали, такъ «бы де и ему больше было прибыли; а отъ етова журнала «на вѣрное де онъ не разбогатѣтъ». Итакъ г. издатель со- «вѣтъ вамъ даю слѣдующій: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоровъ и не печатайте; намъ они и такъ уже наскучили. И публика не такой худой имѣетъ вкусъ, чтобы худое больше хорошева хвалила: но слѣдую благоразумію, продолжайте печатать такія піесы, какія мы по сіе время въ Трутнѣ читали: но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатныхъ бояръ и боярынь. Пишите сатиры на дворянъ, на мѣщанъ, на приказныхъ, на судей совѣсть свою продавшихъ, и на всѣхъ порочныхъ людей; осмѣивайте худые обычаи городскихъ и деревенскихъ жителей; истребляйте закоренѣлыя предразсужденія, и угнетайте слабости и пороки, да только не въ знатныхъ: тогда въ сатирахъ вашихъ и соли находить будутъ больше. Здѣсь Аглинской соли употребленіе знаютъ немногіе; такъ употребляйте въ ваши сатиры русскую соль, къ ней уже привыкли. И это будетъ приятно для тѣхъ, которые соленова бѣсть не любятъ. Я слыжалъ слѣдующія разсужденія: въ положительномъ степенѣ, или въ малинкомъ человекъ воровство есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ, то есть среднемъ степенѣ, или средостепенномъ человекъ воровство есть порокъ; а въ превосходительномъ степенѣ, или человекъ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ изчисленіямъ воровство ничто иное, какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительной умъ, и превосходительныя знанія, и превосходительное просвѣщеніе: слѣдова-

желью и преступленіе такого челоуѣка должно быть превосходительное, а превосходительные по своимъ дѣламъ и награжденіе и наказаніе должны получать превосходительное. Но полно вѣтъ вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится? Письмо мое оканчиваю искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашемъ трудѣ, и что бы мой совѣтъ принесъ вамъ пользу; а изданіе ваше всѣмъ знатнымъ господамъ чтобы такъ нравилось, какъ нравится оно семерымъ знатнымъ боярамъ, которыхъ я знаю. Сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя никогда не краснѣютъ для того, что никогда не дѣлаютъ того, отъ чево читая сатиры краснѣть должно.»

«Семеро знатныхъ бояръ», о которыхъ говорится въ концѣ письма, были конечно первые сановники государства. Въ другомъ мѣстѣ Трутень также указываетъ на нихъ, вотъ по какому случаю: почти въ концѣ 1769 года, въ тридцатъ второмъ выпускѣ этого журнала, помѣщенъ разговоръ подъ заглавіемъ «Я и Трутень», изъ котораго видно, что своими обличительными статьями Трутень вооружилъ противъ себя многихъ, почему либо не любившихъ, когда объ нихъ громко говорили. Я замѣчаетъ, что на него озлобился всѣ, увидѣвши себя на его листкахъ — а такихъ очень много; озлобились и всѣ знатные господа.

— Такъ по твоему мнѣнію въ знатныхъ господахъ нѣтъ ни единого добродѣтельнаго челоуѣка? спрашиваетъ Трутень.

— Есть, только мало такихъ, которые помнятъ истину, любятъ добродѣтель, и проч., отвѣчаетъ Я.

— Такъ неужели думаешь ты, что всѣ знатные господа похожи на описанныхъ тобою? Ежели ты такъ думаешь, такъ очень много ошибаешься. Посмотри на О.... П.... Н.... С.... В.... Ш.... Б.... В....

— Я не спорю, что сіи господа тобою поименованные столько добродѣтельны какъ ты сказываешь; но — и т. д. — отвѣчало Я.

Не трудно понять, какія имена скрывались подъ начальными буквами О, П, Н, С, В, Ш, Б и В. Но здѣсь мы насчитываемъ уже не семь, а восемь знатныхъ бояръ: одного,

вѣроятно, прибавили послѣ, чтобъ не было обидно. Мы не знаемъ, любили ли эти господа обличительную литературу своего времени; но намъ пріятно слышать изъ устъ современника, что они точно любили ее. Однакожъ камень былъ брошенъ въ воду: Трутень уже не могъ печатать нѣкоторыхъ статей безъ оговорокъ, хотя по возможности старался слѣдовать своей программѣ. На сколько онъ успѣлъ въ этомъ и долго ли могъ продержаться въ борьбѣ съ невѣжествомъ, мы скоро увидимъ.

ДАНИИЛЪ МОРДОВЦОВЪ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

— Федоръ Петровичъ! Федоръ Петровичъ! Идемте скорѣе въ вагонъ! вы вѣрно забыли, что мы ѣдемъ въ третьемъ классѣ? Кстати, отдали-ли вы кондуктору полтинникъ, чтобы посадилъ насъ съ благородными, какъ обыкновенно выражаются кондукторы?

— Да помилуйте, Василій Ивановичъ, отвѣчалъ мой добрый знакомый, обращаясь ко мнѣ:— посмотрите, что здѣсь творится въ отдѣленіи-то нашихъ православныхъ. Слышите, какая идетъ жарня?

Дѣйствительно до насъ доносился изъ того мѣста, гдѣ были собраны мужички, какой-то неопредѣленный шумъ, похожій на разсыпаемые удары по щекамъ. — Мы подошли поближе и увидѣли, что одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ устанавливалъ въ ряды массу мужиковъ, не позволяя имъ ломиться въ вагоны. Православные только посмѣивались и почесывали затылки.

— Однако идемте, Федоръ Петровичъ, сказалъ я, отправляясь къ третьему классу вагоновъ.— А то, пожалуй, въ азартѣ рьяный блюститель порядка приметъ меня и васъ за реbs и съ разбѣгу доберется до нашихъ физиономій. Спѣшимъ на благородную половину, прибавилъ я, улыбаясь.

Черезъ пять минутъ мы отыскиали кондуктора, но увы! не могли попасть въ благородный вагонъ: всѣ мѣста были уже заняты; пришлось по необходимости слиться съ народомъ во-едино.

— Утѣшимся, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, возразилъ мой спутникъ, что намъ открывается обширное поле для изученія народныхъ нравовъ. А вамъ, Василій Ивановичъ и кста-

ти, прибавилъ Ѳедоръ Петровичъ, зло улыбаясь: вы имѣте привычку печатать свои наблюденія.

— Остритесь, остритесь, любезнѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, сколько душѣ угодно: посмотримъ, что вы скажете черезъ три часа, отвѣчалъ я съ досадою своему приятелю, который былъ единственной причиною неудачнаго начала нашего путешествія. — Вы ѣдете въ первый разъ — а я по крайней мѣрѣ въ пятый, по этому заранѣе у меня болитъ сердце и ноетъ душа.

Толкаясь, пробиваясь всѣми силами, мы успѣли кое-какъ пробраться въ вагонъ и занять мѣста у окна. Публика, какъ говорится, валила валомъ. Мы только дивились: куда размѣститься все это множество народу, а толканіе почтенныхъ пассажировъ въ-зашей — въ вагонъ все еще продолжалось. Воздухъ дѣлался болѣе и болѣе тяжелымъ. Безчисленное множество провизіи, завернутой въ кульки, въ тряпки, пассажиры несли съ собой. Но все еще было не такъ тѣсно: на нѣкоторыхъ лавкахъ оставалось нѣсколько свободныхъ мѣстъ; черезъ двѣ станціи дѣло приняло совершенно другой оборотъ, а особенно это сдѣлалось замѣтнымъ около станцій городскихъ, гдѣ бываетъ всегда такъ огромна масса рабочаго сословія. Дверь отворится, вслѣдъ за этимъ втолкнется пять, шесть человекъ и въ ту же минуту дверь опять заперта. Вновь пришедшіе мужички стоятъ по срединѣ и смотрятъ въ недоумѣніи куда имъ сѣсть, ибо не только нѣтъ свободныхъ лавокъ, но даже на полу, въ проходѣ, лежатъ люди. Раздается голосъ: ребята! садитесь на чемъ стоите.

Мужички молчатъ; одинъ изъ нихъ подходитъ къ какому-то, повидимому, мѣщанину, и говоритъ:

— Дядя! подвинься маненько, дай хоша на краешекъ присѣсть.

— Краешекъ — какой тебѣ краешекъ? Аль ты мнѣ за него деньги заплатилъ. Вишь какой молодецъ выискался!

— Вѣстимо заплатилъ — доромъ никого не пуцаютъ. Не за стоянку платилъ, отвѣчаетъ искатель мѣста.

— Кому платилъ, съ того и мѣста спрашивай. Чего ты къ людямъ-то пристаешь, возразилъ мѣщанинъ, поглядывая вокругъ себя.

Мужичекъ повертѣлся еще нѣсколько минутъ около лавокъ и направился къ выходу. Я слѣдилъ за всѣми его движеніями. Онъ отперъ дверь и просунулъ въ нее голову. Я не могъ слышать разговоръ его съ солдатомъ, но въ одно мгновеніе мужичекъ, какъ ошпаренный горячей водой, отступилъ отъ двери на два шага. Безъ малѣйшаго смущенія онъ остановился посреди вагона и началъ почесывать въ затылкѣ, смотря на всѣхъ такими глазами, какъ-бы хотѣлъ сказать: вишь ты, какая оказія, затрещина попала.

Вслѣдъ за этой сценой въ разныхъ углахъ вагона раздались восклицанія: «Что братъ, съѣлъ треуха? Ловко пришлось по загровку-то. Не то что другіе: мѣсто-то получилъ съ лихвой.»

Герой всей этой сцены ухмылялся и поглядывалъ, гдѣ бы ему пріютиться; наконецъ ему удалось какъ-то пристроиться въ углу, между двумя лавками.

— Что Федоръ Петровичъ, началъ я, обращаясь къ своему пріятелю: хорошо внушается мужичку идея права и закона? Кажется, намъ нечего жалѣть, что не попали въ благородную половину.

Федоръ Петровичъ молчалъ и покусывалъ ногти, что онъ всегда дѣлалъ, когда былъ чѣмъ нибудь сильно взволнованъ.

— Теперь, надѣюсь, все пришло въ порядокъ, прибавилъ я, посматривая по сторонамъ. Но, о боги! чрезъ двѣ минуты дверь отворилась и по крайней мѣрѣ десятокъ крестьянъ ввалился въ вагонъ. Къ большому несчастію это былъ шерстобиты. Огромные, неуклюжіе ихъ инструменты, которые они всегда носятъ съ собою, приводили въ невольный ужасъ при мысли, что не только для людей должно отыскаться мѣсто, но и для этихъ варварскихъ грубыхъ и массивныхъ штукъ.

— Господи! Съ нами крестная сила, да куда же дѣнется евтакая орава.— Ой, отцы родные, притиснули.— Я тебѣ дамъ зуботычину, такъ будешь лѣзть на чужое мѣсто.— Чужое мѣсто! Я деньги заплатилъ.— Покажи билетъ, коли деньги заплатилъ?— Вѣстимо, есть билетъ; начальство что-ли ты, что я тебѣ буду билетъ показывать?— Знаемъ мы, какой у тебя билетъ: снюхаешься съ кондукторомъ, да за двугривенный

и лѣзешь; мы сѣли на чистую, съ насъ взятки-то гадки; заплатишь свои деньги, да тебя же и съ мѣста гонять; деньги то у насъ не краденныя.—Черти, куда ломитесь!—Тетушка, молодуха, подька сюда; я тѣ на колѣночкахъ ладное мѣсто припасъ. Ванюха! суй кулекъ-то подь лавку, суй туда, пока не заняли; квасъ давай въ руки, вишь духота какая, пропадешъ безъ кваса, аль безъ воды.

Дѣйствительно духота дѣлалась невыносимая, я чувствовалъ, что не въ силахъ былъ бы дышать этой атмосферой болѣе сутокъ, у меня даже начала появляться тошнота. Много стоило мнѣ страданій, физическихъ и нравственныхъ, перенести эту пытку, и я далъ себѣ слово впередъ не заглядывать въ вагоны третьяго класса. Съ физическими страданіями еще можно было кое-какъ помириться: отдыхъ на станціи, рюмка вина или чашка кофе подкрѣпляли силы и давали возможность переносить невыгодныя условія нашего помѣщенія; но для души и чувства не было лѣкарства. Множество кокардъ и мундировъ, которые встрѣчались на дебакардерахъ и въ залахъ никакъ не могли служить цѣлительнымъ бальзамомъ. Я все время былъ золъ такъ, какъ никогда не бывалъ; я чувствовалъ какъ во мнѣ ходила желчь. Ѳедоръ Петровичъ напролетъ на всю дорогу не произнесъ пяти словъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда сядемъ на Волгѣ на пароходъ, и считали не только часы, но и минуты. Волга и пароходъ — вотъ два представленія, которыя не выходили изъ нашихъ головъ. Наконецъ, наступило и это великое благополучіе; мы на берегу, стоимъ и смотримъ на пароходъ компаніи Самолетъ. Намъ остается двадцать минутъ до звонка.

— Теперь, Василій Ивановичъ, позвольте мнѣ поторопить васъ, сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, пробираясь ко мнѣ съ билетами въ рукахъ.

— Да зачѣмъ торопиться? возразилъ я;— еще двадцать минутъ до отхода.

— Здѣсь, батюшка, та же исторія, что и на желѣзной дорогѣ — не успѣешь ранѣе захватить мѣста, то хоть стой всю дорогу на ногахъ.

— Однако позвольте, Ѳедоръ Петровичъ, мнѣ извѣстно,

что здѣсь мѣста по нумерамъ. Какимъ же образомъ вмѣсто тридцати человѣкъ сядетъ тридцать одинъ?

— Да, такимъ же образомъ, Василій Ивановичъ, что вмѣсто тридцати, садится иногда и тридцать пять. Повѣрте мнѣ на слово, и идемте.

— Хороши порядки, думалъ я, пробираясь на палубу парохода. Кажись не хитрое бы дѣло устроить какъ должно подобный вздоръ. Чортъ знаетъ что такое: вездѣ бери нахрапомъ свое мѣсто, за которое отдашь деньги.

Мы спустились въ каюту и къ величайшему счастью наши еще свободными болѣе десяти мѣсть; вслѣдствіе чего устроились покойно и удобно.

— Теперь, сказалъ Федоръ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ и приводя въ порядокъ мои и свои вещи, ни подъ какимъ видомъ не оставляйте мѣста, а то какъ разъ какой ни на есть баринъ захватитъ его. Здѣсь, батюшка, все берется съ бою.

Дѣйствительно, не прошло двухъ минутъ послѣ перваго звонка, какъ въ каюту начали вбѣгать пассажиры, толкая другъ друга и спѣша занять свободное мѣсто. На лицѣ всякаго изъ нихъ было написано необыкновенное волненіе, точно вопросъ шелъ на жизнь и смерть; всякій какъ будто хотѣлъ сказать: отъ меня никто не жди уступки; умру, а мѣсто захвачу. Женщины, безъ всякаго сомнѣнія, какъ и всегда бываетъ у насъ, играли по преимуществу страдательную роль. Толкаться и идти впередъ съ поднятыми кулаками имъ не приходилось. Одна изъ нихъ очень пожилая, принадлежащая, судя по костюму и манерамъ, къ классу бѣдныхъ чиновницъ, не успѣла пристроиться и осталась въ неловкомъ положеніи: ей пришлось стоять посреди каюты и невольно сдѣлаться предметомъ общаго вниманія. Она держала за руку дѣвочку десяти или одиннадцати лѣтъ. «Гдѣ же мы сядемъ, голубушка, сказала она, осмотрѣвъ вокругъ всѣхъ пассажировъ: не ладно такъ распорядиться. Я заплатила за мѣсто не на палубѣ.

Сидѣвшій напротивъ офицеръ началъ посмѣиваться и остергаться на счетъ бѣдной женщины, которая въ эти минуты заслуживала полнаго сожалѣнія; но къ счастью наша чиновница

(ибо она, какъ я узналъ послѣ, дѣствительно была чиновница) не разстерялась отъ остротъ и насмѣшекъ храбраго воина.

— Чѣмъ зубы-то скалить, возразила она, обращаясь прямо къ нему, лучше-бы слѣзъ съ мѣста, да отдалъ мнѣ его; я старуха, а тебѣ легче лаяться-то съ капитаномъ; а не хочешь уступить, такъ не зубоскаль: такія же деньги заплатила. Съ этими словами она обратилась къ дѣвочкѣ, которую держала за руку, сказала ей что-то на ухо и отправилась на палубу.

Офицеръ видимо сконфузился и растерялся. Слава Богу, подумалъ я, нашла коса на камень; старуха-то должно быть бывалая, спуску не дастъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась въ каюту съ помощникомъ капитана:

— Ты, родимый, посади меня на мѣсто, сказала чиновница, обращаясь къ помощнику. Я не пойду на палубу; у меня вишь какая невеличка внучка; я везу ее къ отцу и должна доставить въ здоровьѣ, затѣмъ и мѣсто взяла хорошее. А на палубѣ, самъ знаешь, долго-ли простудить ребенка.

Сконфуженный молодой человѣкъ началъ подходить то къ одному, то къ другому пассажиру съ покорнѣйшею просьбою перейти въ первый классъ, гдѣ мѣста вдоволь и гдѣ гораздо покойнѣе. Но, къ несчастію вездѣ получалъ отрицательный отвѣтъ. Офицеръ, напримѣръ, отозвался, что онъ подобное предложеніе считаетъ для себя обидой и проситъ отнестись съ нимъ къ комунибудь другому, а его оставить въ покоѣ; почему впрочемъ ему показалось обиднымъ это предложеніе онъ не объяснилъ; какой-то молодой человѣкъ, очень прилично одѣтый, сказалъ, что онъ имѣтъ привычку курить, а въ первомъ классѣ, какъ ему извѣстно, куреніе запрещено, а нарушать этого постановленія онъ не желаетъ и потому остается на своемъ мѣстѣ. Какой-то баринъ сослался на множество мѣшковъ и мѣшечковъ бызшихъ при немъ, говоря, что ему очень несподручно перетаскивать ихъ.

— Скажите однако, возразилъ, обращаясь къ помощнику, молодой человѣкъ, отказавшійся отъ удовольствія сидѣть въ первомъ классѣ по той причинѣ, что тамъ нельзя курить та-

баку, почему вы не предложите мѣсто перваго класса этой женщинѣ; кажется это сдѣлать всего легче?

— Дѣйствительно, это было-бы сдѣлать всего легче, отвѣчалъ помощникъ капитана, довольно робкимъ голосомъ; но дѣло въ томъ, что тамъ сидятъ двѣ дамы, которыя ни за что не согласятся впустить къ себѣ эту женщину. Онѣ требуютъ благороднаго общества. Одна особенно надоѣла намъ: я, говорить только съ тѣмъ и ѣду на вашемъ пароходѣ, чтобы вы помѣщали къ намъ пассажировъ съ моего согласія; и ни подѣ какимъ видомъ толстыхъ. Я не могу смотрѣть на полныхъ людей; со мною дѣлаются отъ этого нервныя припадки.

— Что же вы отвѣчали ей на это, спросилъ я?

— Да что съ ней толковать, вѣдь не сговоришь. Капитанъ согласился на ея условія. Оказалось, что она хорошо знаетъ многихъ изъ нашихъ директоровъ.

— Однако, позвольте: вѣдь, пароходъ-то выстроенъ не для нея, а для публики. Какой же смыслъ есть въ вашихъ дѣйствіяхъ, отозвался одинъ изъ сидѣвшихъ въ каютѣ.

Помощникъ не отвѣчалъ ни слова и только болѣзненно смотрѣлъ на чиновницу и другихъ пассажировъ.

— Садитесь на мое мѣсто, сказалъ одинъ изъ моихъ соседей, обращаясь къ чиновницѣ, всѣ еще стоявшей посреди каюты: я скоро выйду на берегъ, слѣдовательно могу просидѣть и въ первомъ классѣ.

Бѣдный командиръ парохода необыкновенно обрадовался этимъ словамъ и безсвязно проговорилъ какую-то благодарность.

Наша чиновница наконецъ устроилась и усадила свою внучку.

— О чемъ задумался, на что засмотрѣлись, почтеннѣйшій Ѳедоръ Петровичъ? сказалъ я, обращаясь къ своему другу, съ вниманіемъ смотрѣвшему въ окно каюты.

— Да, вотъ, батюшка, скоро долженъ быть на правомъ берегу древній городъ. Такъ хочу взглянуть на него: все лучше, чѣмъ слушать и видѣть сцены, подобныя только что разыгравшейся передъ нашими глазами.

— Вы хотите увидать древній городъ? Оригинально;

такъ, могу васъ увѣрить всѣми святыми, что города вы никогда не увидите. Какіе города вы нашли въ нашей древней жизни? Если подъ городомъ понимать, придерживаясь словопроизводства, огороженное мѣсто, то, безъ сомнѣнія, такихъ городовъ вы встрѣтите много, въ противномъ смыслѣ — самое ничтожное число. Да и наконецъ не утомляйте свое зрѣніе безъ толку. Я напередъ скажу вамъ какой древній городъ вы увидите: 30 или 40 церквей, которыя всѣ сбиты въ одномъ мѣстѣ, самой незатѣливой архитектуры и обнесены каменной стѣной; три улицы, базаръ съ пятью или десятью лавченками, съ десяткомъ юродивыхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ, и, судя по ничтожному населенію, тѣмъ нищихъ; городъ, конечно, стоитъ на горѣ, грунтъ земли песчаный, вслѣдствіе чего, при отсутствіи всякаго порядка и чистоты, въ иное время нѣтъ никакой возможности ни пройти, ни проѣхать. Прибавьте къ этому неимѣніе промысловъ, такъ что лѣтомъ въ большей части древнихъ городовъ на Волгѣ, вы не встрѣтите ни одного крестьянина. Всѣ они бурлачатъ, въ городѣ остаются однѣ женщины, которыя, какъ праздника, ждутъ прибытія парохода, чтобы переносить на палубу дрова и заработать какихъ нибудь десять-пятнадцать копеекъ. Впрочемъ, изслѣдователи и любители старины могутъ, напримѣръ, въ томъ или другомъ мѣстѣ встрѣтить у жителей промыселъ, который былъ извѣстенъ предкамъ ихъ 500—600 лѣтъ тому назадъ и промыселъ этотъ стоитъ на той же степени совершенства, какъ и 600 лѣтъ назадъ. Раскройте исторію и вы прочтаете: какіе-то вѣчники говорятъ другимъ вѣчникамъ: вы наши каменщики, а тѣ отвѣчаютъ: вы наши плотники. И дѣйствительно до сей поры жители одной губерніи—каменщики, а другой—плотники. И я готовъ головой отвѣчать, что съ того времени ни у первыхъ, ни у вторыхъ не прибавилось ни одного буравчика, который облегчалъ бы дѣло, ни одного усовершенствованія. Вѣдь наши предки и до сей минуты не умѣли бы пилить досокъ, еслибы ихъ не научилъ этому Петръ Великій. Къ большому утѣшенію поклонниковъ старины можно прибавить, что обитатели этихъ городовъ, по образу ихъ жизни, напоминаютъ своихъ предковъ: считаютъ грѣ-

хомъ не поспать послѣ обѣда, не сходить въ субботу въ баню и ѣсть телятину: вѣдь и самозванецъ лишился изъ-за этого царства.

Федоръ Петровичъ отвѣчалъ смѣхомъ на мои слова.

— А вотъ поживете у меня на заводѣ, отвѣчалъ олъ, такъ еще не то узнаете. Вы не думайте, что кромѣ желѣза и стали намъ ничего неизвѣстно. Мы хоть и въ лѣсу родились, но кое-что все-таки морокуемъ! Добрая, свѣтлая улыбка не сходила съ лица его, когда онъ произносилъ эти слова. Всякій посторонній свидѣтель нашей бесѣды могъ бы подумать, что Федоръ Петровичъ говоритъ совершенную истину, сознаваясь въ своихъ ограниченныхъ свѣдѣніяхъ; но мнѣ очень хорошо были извѣстны умъ и его огромная начитанность по русской исторіи и русской общественной жизни. Онъ любилъ, какъ всѣ люди, добившіеся знанія путемъ необыкновеннаго труда и необыкновенныхъ лишеній,— любилъ, при случаѣ, повторять поговорку: въ лѣсу родились. Человѣкъ съ совершенно европейскимъ взглядомъ, онъ всей душой былъ отданъ всякому благородному и свѣжему движенію общественной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свой умъ и свѣтлый разумъ — крѣпко стоялъ за нѣкоторыя свои убѣжденія, несогласныя съ убѣжденіями окружавшей его въ жизни университетской молодежи и указывавшія прямо на недостатокъ систематическаго образованія и малое знакомство съ литературой и жизнью Запада. Иначе сказать: его либерализмъ имѣлъ предѣлъ, за который мой пріятель ни подъ какимъ видомъ не рѣшался переступить. Но замѣчательно особенно то, что иногда онъ, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ событий, того или другаго душевнаго настроенія, въ нѣсколькихъ словахъ высказывалъ тоже, что думали всѣ мы, знавшіе его и бывавшіе съ нимъ вмѣстѣ. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство говоритъ только въ пользу его богатой природы и очень можетъ быть, что самая сдержанность его происходила вообще отъ общей русскому человѣку привычки, а особенно русскому человѣку въ пятьдесятъ восемь лѣтъ, привычки не давать ходу идеямъ, которыя приходятъ въ голову и просятся изъ головы на свѣтъ Божій. Лучше, дескать, мы будемъ себѣ на умѣ.

— Господа, господа! часто возражалъ намъ Ѳедоръ Петровичъ, когда мы осаждали его со всѣхъ сторонъ: — хотъ и пошло произносить подобную штуку, но все-таки я долженъ сказать вамъ, что мнѣ уже много лѣтъ, а каждому изъ васъ не болѣе тридцати. Время не дѣлаетъ человѣка умнѣе, но дѣлаетъ опытнѣе, а опытъ много охлаждаетъ кровь, многому учитъ, чему не научить никакой университетъ.

— А что, Василій Ивановичъ, не спросить ли намъ телячьихъ котлетокъ съ горошкомъ, прозвучалъ надъ моимъ ухомъ голосъ Ѳедора Петровича: — Пожалуй, время и загустить.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; телячьихъ, такъ телячьихъ.

— Любезный! сказалъ мой пріятель, обращаясь къ лакею: — принеси намъ пожалуйста двѣ порціи телячьихъ котлетъ съ горошкомъ.

— Телячьихъ котлетъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей: — но если прикажете, то говяжьихъ-съ.

— Говяжьихъ я не хочу; но какъ же нѣтъ? Пять минутъ тому назадъ пронесли одному господину телячьи котлеты. Я самъ видѣлъ.

— Телятина-то есть, продолжалъ лакей: — но, по правдѣ сказать, мы ее бережемъ только для перваго класса. Въ большомъ количествѣ ее нельзя держать, скоро портится, а потому только и держимъ для перваго класса.

Мы и сосѣди наши принялись хохотать. Возможность подобнаго распоряженія, никакъ не могла никому прійти въ голову.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Ѳедоръ Петровичъ, стараясь придать лицу самое серьезное выраженіе: — парходное начальство лучше сдѣлало бы, еслибы публиковало свои распоряженія. Да и во всякомъ случаѣ, ваше общество поступало бы гораздо основательнѣе, еслибы кормило телятиной по чинамъ, а не по классамъ. Ну что ты сдѣлаешь, напимѣръ, если во второмъ классѣ сидитъ генераль, то есть, настоящій генераль, не статскій, а военный. Онъ скажетъ: подай мнѣ телячьихъ котлетъ! Ну, отвѣчай, любезный?

— Да генераль-то не сидеть во второмъ классѣ, возражалъ лакей, совершенно утвердительно.

— Ну, да если на грѣхъ сядеть, что тогда?

— Доложимъ старшему буфетчику. Дѣло не наше, что велятъ, то и дѣлаемъ. Вѣстимо, какъ не уважить генерала. Уважать.

— Ну, такъ поди и скажи своему старшему буфетчику, что здѣсь сидятъ два генерала, хоть и не военные, но все таки генералы. Слышишь: чтобы были телячьи котлеты.

Лакей посмотрѣлъ на насъ какъ-то подозрительно. Видимо было, что онъ сильно не довѣрялъ нашему генеральству, но не смотря на это, немедленно отправился на палубу и черезъ полчаса возвратился съ обѣдованными телячьими котлетами. Мы съ Ѳедоромъ Петровичемъ прозвали настоящій нашъ завтракъ генеральскимъ и уничтожили его съ тѣмъ бѣльшимъ удовольствіемъ, что взяли его, какъ говорится, съ бою.

— Представляю себѣ, говорилъ Ѳедоръ Петровичъ: — какъ будутъ поражены и господинъ старшій буфетчикъ и лакей, если открыть имъ, что я — бывшій крѣпостной человѣкъ, а въ настоящее время не болѣе, не менѣе какъ купецъ третьей гильдіи: просто я думаю съума сойдутъ. Вѣроятно въ нашихъ физиономіяхъ есть что-нибудь генеральское, если онъ такъ скоро исполнилъ мое приказаніе. Я до сей поры цѣны не зналъ моей физиономіи.

По завтракавъ и выпивъ полбутылки очень сноснаго хереса, мы отправились на палубу и усѣлись въ кормовой части, на скамейкѣ. Погода стояла прекрасная. Пароходъ шелъ, или какъ говорится, бѣжалъ скоро. Кругомъ въ природѣ было все покойно и полно жизни; въ буфетѣ, въ каютахъ, равнымъ образомъ на палубѣ, хоть все было также полно движенія и жизни, ибо вино истреблялось въ большомъ количествѣ, но все также было покойно: до настоящей минуты, выражаясь технически, не произошло ни одного скандала, что, какъ всѣмъ извѣстно, случается на падоходахъ, да и во всѣхъ нашихъ общественныхъ мѣстахъ, не часто, только какой-то отставной былъ уличенъ въ кражѣ рубахъ у кого-то изъ палубныхъ пассажировъ; но впрочемъ, все кончилось благополучно: онъ былъ

обруганъ подлецомъ, жуликомъ *) и прогнанъ чуть не на самый конецъ носа парохода; да еще молодой помѣщикъ, прокучивавшій достояніе, полученное послѣ смерти брата, въ пьяномъ видѣ изъявлялъ желаніе выкупаться въ Волгѣ, бросившись въ воду прямо съ борта парохода, когда пароходъ шелъ полнымъ ходомъ. Онъ даже началъ раздѣваться, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствіе женщинъ, но былъ остановленъ угрозою капитана, высадить его на берегъ, если не утомонится.

— Позвольте спросить: не вы ли г. N. N., обратился ко мнѣ съ вопросомъ молодой человѣкъ, уже знакомый намъ съ вами читатель, тотъ самый, который отказался перейти въ первый классъ, потому что тамъ запрещено курить.

— Да, это моя фамилія.

— Если я не ошибаюсь, продолжалъ онъ: — то мы съ вами университетскіе товарищи. Моя фамилія Сибиряковъ.

— Сибиряковъ! вскричалъ я, протягивая руку молодому человѣку: — Боже мой! Сколько лѣтъ, сколько зимъ. Какъ однако вы перемѣнились: честью увѣряю, что я и не подозрѣвалъ видѣть въ васъ стараго университетскаго товарища. Перемѣнились, батюшка, ужасно перемѣнились.

Онъ, какъ нельзя болѣе радушно, пожалъ мнѣ руку и сѣлъ рядомъ съ нами. Я представилъ ему Федора Петровича.

— Куда, въ какія страны ѣдете? спросилъ онъ меня.

— Въ Желтоводскъ, на заводъ къ пріятелю, гдѣ хочу провести лѣто, отвѣчалъ я, указывая на Федора Петровича: — Измучился, батюшка, на урокахъ, хочется отдохнуть лѣтомъ и набраться силъ. А вы куда?

— Въ деревню къ брату; также намѣренъ прожить лѣто въ сельскомъ уединеніи, прибавилъ онъ, улыбаясь: — тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ въ настоящее время, мнѣ рѣшительно нечего дѣлать.

— Да вѣдь, кажется, вы были на службѣ въ министерствѣ?

*) Жуликъ, въ московской и замосковской губерніяхъ; петербургскій мазурикъ; російскій мошенникъ.

— Служилъ, да оказался не выносливъ, какъ вырази-лось начальство. Къ этому же начальство было недовольно, что я пописывалъ статьи. Нельзя, говоритъ директоръ, мѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Ну, разумѣется и вышелъ въ отставку. Плохо приходилось. Опять надо было начать студентскую жизнь, то есть, я понимаю подъ этимъ, удовольствіе обѣдать чрезъ пять дней въ шестой, возиться съ хозяйками квартиръ и тому подобное. Вдругъ недуманно, негаданно, получаю чрезъ одного знакомаго приглашеніе кляквинскаго совѣтника принять мѣсто редактора губернскихъ вѣдомостей, при хорошемъ вознагражденіи. Дѣло прекрасное, нашему брату знакомое. Сколачиваю кое-какъ сто рублей, сажусь и ѣду. Приѣзжаю въ Кляквинь, являюсь къ совѣтнику; встрѣчаю кульмскаго героя, развалину страшную. Очень радъ, говоритъ, васъ видѣть; много имѣлъ удовольствія слышать о васъ; имѣю, говоритъ, пламенное желаніе въ видахъ прогресса и вообще развитія гуманнхъ идей, поднять наши губернскіе вѣдомости. Мнѣ, дескать, хочется сдѣлать ихъ не мертвымъ, а живымъ органомъ здѣшней губерніи. Словомъ, говоритъ какъ человѣкъ, съ которымъ какъ будто бы и можно имѣть дѣло. Не успѣлъ я съ нимъ порядкомъ объясниться, какъ появляется въ комнату какая-то барыня. Оказывается супруга его высокоблагородія. Совѣтникъ рекомендуетъ меня, какъ будущаго редактора.

— Вы изъ Петербурга? былъ первый вопросъ совѣтницы.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

— Какъ я рада, что наконецъ будетъ у насъ человѣкъ, продолжаетъ ея высокоблагородіе, — который зайдетъ ротъ этому негодяю, злему и язвительному старику. При этомъ она назвала фамилію одного изъ нашихъ литераторовъ. Представьте себѣ: всякую губернскую сплетню, всякой городской скандалъ онъ выводитъ паружу и печатаетъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Просто нѣтъ возможности жить въ одномъ городѣ съ нимъ. Вообразите: онъ осмѣлился коснуться моей личности. Я васъ буду покорнѣйше просить, прежде чѣмъ передавать статьи въ типографію, показывать ихъ мнѣ, и прошу также въ первой же

статьё отдѣлать этого негодяя. Когда состоится ваше опредѣленіе, вы побывайте у меня: я приготовлю номера всѣхъ тѣхъ столпчныхъ журналовъ, въ которыхъ онъ помѣщалъ свои грязныя и скверныя статейки. Очень, очень рада. Борьба съ этимъ господиномъ, вотъ ваша главная цѣль.

Втеченіе всего этого монолога ея высокоблагородія, я не пропзнесъ ни одного слова, ибо былъ оглушенъ — пораженъ, вслѣдствіе чего и стоялъ на мѣстѣ, какъ дуракъ и только теперь сообразилъ, что самъ совѣтникъ какъ-то съежился, съузился при появленіи своей супруги и точно такъ, какъ и я, во всю длинную рѣчь дражайшей половины не вставилъ ни одной іоты. Отдѣлавшись отъ визита общими фразами, я кинулся по всему городу наводить справки наконецъ узналъ, хотя съ трудомъ, — ибо вамъ очень хорошо извѣстно, что провинція имѣетъ свойство ко всякому немногосложному и простому дѣлу прилестн столько побочныхъ обстоятельствъ, что никакой человѣческой умъ не уловитъ главной нити происшествія, о которомъ идетъ дѣло; — что одинъ изъ обитателей Клюквина время отъ времени выводитъ въ газетахъ и журналахъ наружу разныя губерскія мерзости. Словомъ, оказывается, что я собственно назначался въ услуги ея высокоблагородія и долженъ былъ специально заняться защитой провинціальной грязи отъ нападений чловѣка умнаго и благородномыслящаго. Разумѣется, я немедленно покинулъ прекрасный градъ Клюквинъ и вотъ теперь направляюсь къ брату. Дѣто проживу въ деревнѣ, а тамъ что Богъ пошлетъ. Будемъ сидѣть у моря, да ждать погоды. Скучно, батюшка, жить на свѣтѣ. Только и радости, когда выпьешь. Схожу-ка я въ буфетъ, до отведу душу. Очень, очень радъ, что судьба столкнула насъ, прибавилъ онъ, подавая мнѣ руку и раскланиваясь съ Федоромъ Петровичемъ.

Черезъ два дня пароходъ нашъ присталъ къ берегу города Желтоводска. Намъ надобно было проѣхать четыре версты до небольшого заводика Федора Петровича. Мы столкнулись съ Сибиряковымъ у самого трапа. Онъ отправлялся въ городъ для того, чтобы убить какимъ-нибудь об-

разомъ часъ времени до дальнѣйшаго отплытія парохода. Мы простились съ нимъ до встрѣчи въ Петербургѣ. Видно было, что онъ нерѣдко посѣщала буфетъ.

— Кстати, господа, прибавилъ Сибиряковъ, обращаясь ко мнѣ и къ Ѳедору Петровичу: не рассчитываете ли вы побывать въ Желтоводскѣ въ театрѣ, тѣмъ болѣе, что сюда пріѣхали нѣкоторые московскіе актеры. Если такъ, то отложите попеченіе. Театръ закрыть болѣе недѣли и будетъ еще закрытъ мѣсяца полтора. Дѣло въ томъ, что домъ, гдѣ помещается театръ, принадлежитъ одному раскольнику. У этого раскольника номеръ отецъ, такъ онъ заплатилъ содержателю труппы 5,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы содержатель втеченіе всего времени пока будутъ твориться поминки по душѣ его почтеннаго родителя, не давалъ въ этомъ домѣ ни одного представленія. Антрепренеръ очень доволенъ; но публика, какъ говорятъ, пришла въ страшный азартъ, однако, не смотря на всѣ усилія, ничего не могутъ сдѣлать. Начальство думало и власть употребить, хотѣли даже этого нашего доморощеннаго экцентрика предать суду, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, какъ бунтовщика, по сколько ни хлопотали, все безъ толку. Пришлось покориться необходимости. Нѣкоторые ѣздили и на домъ къ этому врагу общественнаго спокойствія, убѣждали его, усовѣщивали всѣми способами разрѣшить содержателю театра начать представленія: куда тебѣ! и слушать ничего не хочетъ, кричитъ только: вамъ-то все равно, а мнѣ каково, если черти начнутъ потѣшаться надъ душенькой тятеньки.

— Что Ѳедоръ Петровичъ, сказалъ я: — вашъ-то городъ, кажись, тоже изъ древнихъ?

— Да еще изъ какихъ древнихъ, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ. — Построенъ далеко прежде татарскаго нашествія; здѣсь, батюшка, было древнее Суздальское княжество.

— То-то, и лубочныя картины, эти чудныя произведенія чудной фантазіи получили здѣсь полное свое развитіе.

Смѣясь, мы отправились на берегъ. На поворотѣ одной улицы Сибиряковъ простился съ нами, давъ слово навѣстить меня въ Петербургѣ съ полнымъ желаніемъ возобновить наше старое университетское знакомство. Чрезъ пятнадцать

минуть я и Федоръ Петровичъ тряслись на сквернѣйшихъ дрожкахъ и ѣхали по Желтоводску, то поднимаясь въ гору, то спускаясь съ горы. Наконецъ, благодареніе Богу, городъ кончился. Мы ѣдемъ полями. На насъ пахнуло запахомъ свѣжей травы и горнымъ воздухомъ. Я вздохнулъ полною грудью. Послѣ петербургской жизни, послѣ хожденія на уроки по всѣмъ возможнымъ петербургскимъ дворамъ и лѣстницамъ, мнѣ было невыразимо отрадно дышать деревенскимъ воздухомъ, наслаждаться запахомъ только-что скошеннаго сѣна. Да, въ деревню падобно ѣздить отдыхать тѣломъ.

— Какая славная дорога идетъ къ вашему заводу, сказалъ я, обращаясь къ своему спутнику, и дѣйствительно восхищаясь прекраснымъ шоссе, которое шло вплоть до завода Федора Петровича.

— Да, при взглядѣ на эту дорогу, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, у меня всякій разъ начинается щемить сердце и мнѣ дѣлается грустно, когда я вспоминаю о нашихъ мужичкахъ. Какъ они глубоко испорчены, какъ они глубоко испорчены! Дѣло вотъ въ чемъ. Вы замѣтили деревеньку: мы только что миновали ее. Деревня эта заселена государственными крестьянами. Мужички, можно сказать, живутъ моимъ заводомъ. Всѣ работы, какъ то: перевозка металла, лѣсу и тому подобное находятся въ ихъ рукахъ. Когда я купилъ этотъ заводъ, то изъ города ни на заводъ, ни къ нимъ въ деревню не было проѣзду, особенно весной. Вы представить не можете, что переносили крестьяне: грунтъ здѣсь песчаный, дожди бываютъ часто, дорогу разведетъ такъ, что пной изъ нихъ бился съ возомъ два, три часа. Я не могу и пересказать всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ подобной дорогой для крестьянина, почему и рѣшился исправить ее: немедленно отдалъ приказаніе убивать дорогу щебнемъ, который лежалъ огромными грудами около деревни и который, безъ сомнѣнія, для крестьянъ также былъ нуженъ и дорогъ, какъ прошлогодній снѣгъ. Щебень возять, дорогу убиваютъ эти же крестьяне. Я за работу далъ имъ хорошую плату. Мы, говорятъ, твоей милости очень благодарны, что изладилъ нашъ путь-то, а то просто хоша умирай. Просто

смерть наша приходила. Наконецъ, дорога сдѣлана; мои мужички ѣздятъ себѣ изъ деревни въ городъ, изъ города въ деревню. Движеніе народа, конечно, вслѣдствіе хорошаго пути сообщенія, увеличилось. Проходитъ еще недѣли двѣ. Въ одно прекрасное утро являются ко мнѣ выборные изъ крестьянъ. Я внутренно порѣшилъ, что вѣроятно, мужички пришли меня благодарить официально. Знаете, мнѣ необыкновенно было приятно представить себѣ это прекрасное ихъ душевное движеніе. Но сколько ни живу я на свѣтѣ, сколько ни вращаюсь между простымъ народомъ, все-таки оказалось, что я не знаю нашего народа.

— Что вамъ надо ребята, спросилъ я мужичковъ-депутатовъ, они же и излюбленные головы, прибавилъ, улыбувшись Ѳедоръ Петровичъ и хитро посматривая на меня. Видите и мы почитывали исторію, Василій Ивановичъ.

— Да, къ твоей милости, батюшка, Ѳедоръ Петровичъ, отвѣчали они, по обыкновенію переминаясь на мѣстѣ, пришли челомъ ударить за дорожку.

— Очень радъ, очень радъ, что дѣло вышло хорошее для меня и для васъ.

— Какъ не хорошее, ради и мы! Самъ знаешь: что за ѣзда была прежь сего, теперича всякое дѣло исполнишь въ шуточку. Наплакались мы съ этой дорожкой.

— Очень радъ, очень радъ, ребята. Будетъ время и вы заслужите мнѣ чѣмъ-нибудь мои труды и расходы.

Мои мужички все стоятъ да переминаяются, посматривая другъ на друга.

— Что ребята, аль у васъ какое еще дѣло есть до меня?

— Дѣло-то не большое, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Плевое дѣло, почитай и говорить-то не стоитъ о немъ.

— Коли можно — говорите. Вы знаете меня не первый годъ.

— Да, вотъ, батюшка, Ѳедоръ Петровичъ, началъ стоявшій на концѣ рыжіи мужикъ: — на счетъ щепня-то хотѣли поговорить съ твоей милостью?

— На счетъ щепня. Что такое?

— Положишь ты намъ плату какую за него, коли милость будетъ?

— Скажу вамъ откровенно, Василій Ивановичъ, меня какъ варомъ обдали эти слова крестьянъ. Я думалъ, что со мною отъ бѣшенства и злобы сдѣлается ударъ. Не помню какъ они ушли отъ меня; скажу только, что цѣлый день я походилъ на больнаго. Даже аппетитъ потерялъ, а вы знаете, я люблю поѣсть и попить хорошо. Внесите-ка въ ваши замѣтки это этнографическое замѣчаніе. Подобный фактъ характеризуетъ личности лучше всякихъ разноглагольствованій.

Чрезъ два дня жизнь моя на заводѣ вошла въ порядокъ: угромъ Федоръ Петровичъ цѣлый день работалъ. Въ эти минуты не было возможности сказать съ нимъ пяти словъ; онъ весь былъ отданъ дѣлу. Замѣчу, между прочимъ, что я рѣдко видалъ людей, которые отдавались-бы своему занятію съ такимъ увлеченіемъ и поэзією и не смотря на это мой пріятель распоряжался всѣмъ не торопясь, необыкновенно методично. Каждый часъ, каждая минута его были строго опредѣлены. Глядя на него, я вполне понималъ, что любовь къ дѣлу есть лучшее ручательство за всякій успѣхъ, что любовь къ дѣлу и трудъ величайшая прелесть, величайшая поэзія и наконецъ, что только любовь къ дѣлу уничтожаетъ возможность рано или поздно сбиться человѣку на путь рутины. Рабочіе обожали своего хозяина, ибо признавали въ немъ знаніе и опытность въ дѣлѣ и наконецъ потому, что были убѣждены въ его справедливости. Да, я вполне убѣдился, видя Федора Петровича, что можно съ вдохновеніемъ въ глазахъ браковать и разсматривать желѣзо и сталь. О, еслибы эту поэзію къ дѣлу перенять кое-кому, кругъ дѣятельности которыхъ гораздо обширнѣе и просторнѣе! Только послѣ обѣда Федоръ Петровичъ дѣлался своимъ человѣкомъ и отдавалъ всего себя семейству, какъ онъ величалъ меня, ибо кромѣ меня въ домѣ рѣшительно не было никого, исключая необходимой прислуги. Федоръ Петровичъ не былъ женатъ. Родственниковъ равнымъ образомъ не имѣлось въ наличности. Пообѣдавъ, мы обыкновенно помѣщались около кампа

на двухъ кушеткахъ. На сцену являлась прекрасная домо-рошенная вишневка. Я передавалъ Ѳедору Петровичу свои этнографическія наблюденія, которыхъ успѣлъ набратъ въ течение утра, послѣ четырехъ или пяти часовъ ходьбы по окрестнымъ полямъ и деревнямъ. Пріятель мой большею частію передавалъ мнѣ случаи своей прошедшей, полной тревогъ жизни.

— Я часто смотрю на васъ, Ѳедоръ Петровичъ, сказалъ я какъ-то, обращаясь къ своему пріятелю: — и думаю, какъ вы успѣваете управляться съ вашими дѣлами, при такомъ множествѣ занятій. Вы уже очень пожилой человѣкъ; спите, какъ я вижу мало, съ утра до вечера на ногахъ. Откуда у васъ берутся силы? И по всему этому, сколько я приглядѣлся, у васъ такая тѣма частныхъ занятій.

— По вашему это называется много работы, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ, протягиваясь на кушеткѣ во всю длину тѣла; молоды вы, батюшка. Вы, вѣрно, никогда не служили у такого барина, у какого служилъ я въ молодости. Ѳедоръ Петровичъ сдѣлалъ удареніе на словѣ барина и улыбнулся. Не хотите-ли, я повѣдаю вамъ частицу своей жизни. Тогда убѣдитесь, что для меня въ настоящее время всякое дѣло не трудъ, а радость, ибо я самъ хозяинъ своего времени. Слушайте внимательно и мотайте на усъ: не хватитъ-ли, дескать, на печатный листикъ. Знаю я васъ литераторовъ. Коли хочешь танць свою жизнь, то ни одного слова вамъ, а если началъ рассказывать, то знай, что будетъ напечатано. Въ томъ или другомъ видѣ все равно. На томъ, дескать, и стоимъ, прибавилъ Ѳедоръ Петровичъ,

— А во всякомъ случаѣ, добрѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, сказалъ я, наливая себѣ вишневки и закуривая сигару, наше положеніе ей-Богу тяжкое. Вѣдь не одинъ человѣкъ не хочетъ повѣрить напримѣръ тому, что для меня, какъ для писателя, совершенно все равно: Петръ или Иванъ сдѣлалъ то или другое; для меня дорогъ фактъ и обстоятельства, при которыхъ онъ совершился. Талантливый я писатель или нѣтъ — дѣло не въ томъ; но и писатель безъ таланта можетъ чувствовать высшее наслажденіе, когда онъ изъ факта, совершившагося въ жизни того или другаго человѣка, изъ

той или другой личности стремится воспроизвести одно цѣлое и гармоническое. Чуть коснулся какого нибудь факта, который дѣйствительно совершился съ такимъ-то господиномъ, кричатъ со всѣхъ сторонъ: разбой. Этого человѣка надобно бояться какъ чумы, при немъ ничего нельзя говорить. — А того не могутъ понять, что для насъ иногда довольно двухъ словъ какого нибудь барина, чтобы создать на основаніи ихъ полную живую личность. На то мы и слышемъ наблюдателями. Да, вотъ недалеко ходить: сегодня утромъ я получилъ письмо отъ дяди, не хотители послушать что онъ пишетъ. Я буду дѣлать на него самыя не большія комментаріи. Вы сами поймете все, безъ комментарій. Вниманіе. Я читаю.

«Любезный племянникъ, Василій Ивановичъ! Въ послѣднемъ письмѣ твоёмъ къ Водину, твоему товарищу, ты пишешь, между прочимъ, что намѣренъ напечатать въ одномъ изъ журналовъ статью о нашемъ начальникѣ и нѣкоторыхъ чиновникахъ. По моему мнѣнію, говоря безъ обвиняковъ, ты сдѣлаешь дурно въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) «выставишь въ невыгодномъ свѣтѣ человѣка, котораго не «видалъ въ своей жизни ни разу и мнѣніе о которомъ вы «сказываешь на основаніи пристрастныхъ сужденій знакомыхъ тебѣ и выгнанныхъ изъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ; 2) повторить частицу (и то весьма малую) сказаннаго уже въ фельетонѣ Незабудки о томъ же господинѣ; 3) общественному дѣлу пользы не принесешь».

— Замѣчайте, Ѳедоръ Петровичъ, прибавилъ я, дядя говорить объ общественной пользѣ. Должно объяснить вамъ, что онъ когда-то чему-то учился и даже въ университетѣ.

— Читаю далѣе: «Пользы не принесешь ни на грошъ, а родственныя свои отношенія (вонъ оно куда поѣхало) и отношенія наши къ начальству весьма хорошія испортишь окончательно. Мы тебя будемъ бояться (мы, т. е., дяди и тетки), какъ человѣка, который ловитъ и публикуетъ всякое необдуманное слово, всякое мнѣніе еще далеко не со всѣмъ выработанное или подкрѣпленное фактами, начальникъ же возненавидитъ насъ только повидимому расположенныхъ къ нему, а на самомъ дѣлѣ занимающихся шпион-

«ствомъ и сообщающихъ всѣ свои мысли петербургскому «фельетонисту, для опубликованія по всей Россіи. Если ты въ «надеждѣ на то, что назовешь нашъ городъ Крутогорскомъ, «думаешь, что начальникъ не узнаетъ себя, то не достиг-
«нешь своей цѣли (какъ будто бы моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы онъ непременно узналъ себя. Вотъ какъ пони-
«маютъ насъ и нашу дѣятельность, Ѳеодоръ Петровичъ). Не
«зачѣмъ значить трудиться, продолжаетъ дядя. Если же ты
«смотришь на эту личность, какъ на типъ, которымъ грѣшно
«было бы не воспользоваться, то въ этомъ отношеніи же-
«стоко ошибаешься. Среди всей нашей каррикатурной адми-
«нистраціи, нашъ начальникъ можетъ назваться рѣдкимъ
«явленіемъ честности и правды. Около тебя самого въ ми-
«нистерствахъ есть несравненно болѣе дорогія приобрѣтенія».

— Что вы, дескать, привязались къ провинціи. Каковъ маневръ моего дядюшки. Ловокъ, ловокъ, бестія. Хоть и дядюшка, а ракалія.

«Неужели ты до такой степени исписался, что считаешь
«нашихъ чиновниковъ, продолжаетъ дядя, безцѣннымъ для себя
«приобрѣтеніемъ? Если такъ, скажи слава Богу, потому что
«подобное затруднительное положеніе можетъ быть заста-
«вить тебя приняться за трудъ болѣе капитальный и полез-
«ный для общества, чѣмъ всѣ предъидущія твои статьи о чи-
«новникахъ и казнокрадствѣ. Все это давнымъ давно извѣст-
«но русской современной публикѣ, и можетъ быть особенно
«интересно только въ томъ случаѣ, если вышло изъ подъ
«пера особенно талантливаго человѣка. Вотъ мое откровен-
«ное мнѣніе и мой добрый совѣтъ. Затѣмъ дѣлай, какъ зна-
«ешь. Остается пожалѣть только, что ты оставилъ изученіе
«уголовнаго права, которое могло бы доставить тебѣ имя и
«принесло бы публикѣ существенную пользу. — Далѣе Post
«Scriptum: извини за откровенность, съ которой высказалъ
«тебѣ мое мнѣніе. Кажется, впрочемъ въ немъ нѣтъ ничего,
«обиднаго для тебя».

Дядя твой Воротиловъ.

— Ну, не каналья-ли мой дядюшка, не величайшій-ли онъ политикъ? Знаетъ, что мнѣ извѣстны, нѣкоторые грѣшки его милости, потому и уговариваетъ заняться уголовнымъ

правомъ. Ты, дескать, извѣстность получишь. Тебя ждетъ слава. Ловокъ, ловокъ, бестія. Не даромъ губернаторъ души въ немъ не чаеть. Голову прозакладую, что онъ мысленно давно рѣшился отрѣчься отъ родства со мной, если я напечатаю хоть два слова объ его превосходительствѣ.

Федоръ Петровичъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, когда я кончилъ чтеніе письма.

— Ну, батюшка, удружили. Молодецъ вашъ дядюшка. Да вѣдь и письмо-то просится въ «Искру».

— Хочу отдать Курочкину, какъ приѣду въ Петербургъ.

— А давно дядя оставилъ университетъ? спросилъ Федоръ Петровичъ.

— Лѣтъ двадцать будетъ.

— Да, довольно времени сбиться съ пути тому, кто не крѣпко стоялъ на этомъ пути, заключилъ мой пріятель.

— Ну къ Богу дядю, возразилъ я. Прошу извиненія что прервалъ васъ. Начинайте автобіографію. Я лежу и слушаю. Но напередъ говорю: если поправится — ей-Богу напечатаю.

— Съ тѣмъ и говорю, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, улыбаясь и закуривая сигару: — слушать и непрерывать. Когда я былъ секретаремъ у своего барина, у Павла Петровича Стригина, этому назадъ тридцать пять лѣтъ, то я не зналъ существуетъ ли почъ. Покойникъ былъ очень не глушъ отъ природы. Онъ обладалъ тѣмъ, что мы называемъ здравымъ смысломъ, но былъ большой эксцентрикъ. Но нелѣпое воспитаніе, безпутная жизнь, право распоряжаться страшно-богатымъ имѣніемъ въ двадцать три года сдѣлали изъ него къ пятидесяти годамъ живую развалину. Въ отечественную войну онъ сформировалъ на свой счетъ ополченіе, которое къ несчастію или, пожалуй, и къ счастью его, ограничило свою дѣятельность тѣмъ, что подобало мертвыхъ съ поля бородинскаго сраженія и сошло со сцены. Баринъ мой, не смотря на видный патріотизмъ, не могъ удержаться отъ искушенія оказать всевозможное вниманіе французамъ и бывшимъ съ ними двенадцать языкъ. Въ его палаткѣ, въ домѣ, въ деревнѣ словомъ вездѣ, были биткомъ набиты герои великой арміи; ихъ превосходно со-

держали, т. е., поили, кормили и одѣвали, и нашъ Стригишъ сдѣлался покорнѣйшимъ слугою ихъ. Бывало всѣхъ служащихъ своихъ убѣждаетъ дѣлать тоже самое, на томъ основаніи, что всѣ эти плѣнные, по возвращеніи въ Европу разнесутъ славу о цивилизаціи и гуманности русскихъ. Однако эти штуки не прошли ему даромъ: общее настроеніе умовъ того времени побудило правительство уволить его въ отставку. Нашъ герой, оскорбленный и задѣтый за живое, бросилъ своихъ французовъ на произволъ судьбы и уѣхалъ во Флоренцію, гдѣ поселился на постоянное жительство. Черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ потребовалъ, чтобы прислали къ нему кого-нибудь изъ крѣпостныхъ, который умѣлъ бы по возможности правильно писать и читать по-русски, былъ бы высокъ ростомъ, красивъ и не старше двадцати-пяти лѣтъ. Я въ то время по распоряженію конторы учился въ аптекѣ. Начальство предполагало сдѣлать со временемъ меня аптекаремъ въ одномъ изъ нашихъ большихъ имѣній. Къ великому счастью, выборъ моихъ ближайшихъ начальниковъ палъ на меня. Мѣсяца черезъ три я былъ во Флоренціи, а черезъ день по приѣздѣ вступилъ въ должность секретаря его превосходительства. Не прошло и мѣсяца моей службы, какъ жиръ, накопленный въ Россіи, началъ съ меня видимо спадать. Бывало баринъ мучается припадками; начнетъ его ломать въ три погребели — не спитъ, кричитъ въ пось камердинеру — другому мученику: «позвать Ѳедора, Ѳедора поскорѣе, поскорѣе! Бѣгутъ за мной. Три часа ночи. Я, конечно, сплю. Будать. Встаю, мысленно проклиная свою каторжную обязанность.

— Что же бумаги, бумаги, Ѳедоръ! Гдѣ же бумаги? кричитъ мой баринъ, завидѣвъ меня.

— Вы приказали приготовить къ завтрашнему дню, ваше превосходительство.

— Какой завтрашній день, какъ завтрашній день, мнѣ сейчасъ надобно! Я хочу подписать ихъ, а то всѣ эти управляющіе плутуютъ. Особенно надобно поторопиться бумагой въ банкъ.

— Бумага въ банкъ совершенно не можетъ быть написана, ваше превосходительство.

— А почему, почему?

— Потому что ваши требованія не согласны съ нашими законами. Ихъ невозможно выполнить.

— Невозможно, невозможно. При этомъ Стригинъ довольно круто поворачивается въ своемъ креслѣ. А какъ ты думаешь: могу ли я велѣть перенести въ какойнибудь другой городъ колокольню Ивана Великаго? Могу ли?

— Я думаю, что нѣтъ, ваше превосходительство.

— Анъ вотъ и ошибся, ошибся, любезный! За деньги все могу.

Я не возражалъ, ибо и самъ подумалъ, что, пожалуй, оно и въ самомъ дѣлѣ возможно.

Цѣлыхъ два года, батюшка, продолжалъ Федоръ Петровичъ, я выносилъ эту пытку, и говорю по совѣсти: не помню удалось ли мнѣ уснуть покойно хоть одну ночь; въ самые страшные припадки физической боли, когда мой баринъ отъ боли хватался за шелковое кольцо, прибитое нарочно для этого къ пологу кровати и кричалъ: за что, Господи, наказываешь, — я долженъ былъ находиться при немъ. Не объясню его желанія видѣть меня около себя особенною любовью ко мнѣ, едва ли онъ когданибудь любилъ когонибудь, но объясню простой привычкой къ человѣку, какъ мы привыкаемъ къ мебели, собакѣ или кошкѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, болѣе или менѣе всѣ находившіеся въ домѣ пили ту же горькую чашу, но камердинеры по крайней мѣрѣ сущіялись по ночамъ, я былъ безсмысленный часовой, я и еще карликъ Вася, вывезенный Стригинымъ изъ деревни. Вася игралъ роль шута и пользовался большимъ расположеніемъ барина, успѣвъ въ тоже время приобрести на него сильное вліяніе. Вася обладалъ удивительно свѣтлымъ умомъ, отличнымъ здравымъ смысломъ и при извѣстныхъ случаяхъ безъ церемоній огорошивалъ своего патрона, если тому, на примѣръ, приходило желаніе какънибудь черезъ-чуръ потѣшиться надъ своимъ карликомъ. Вася былъ обязанъ безотлучно находиться при баринѣ съ утра до поздней ночи; но дѣло въ томъ, что нашъ карликъ, если баринъ уже очень надоѣдалъ ему, преспокойно ложился спать тутъ же въ комнатѣ. Бывало сколько ни кричитъ Стригинъ, какъ ни ругается, по-русски онъ ру-

гался отлично, хотя говорилъ незавидно, Вася спитъ или притворяется спящимъ, во всякомъ случаѣ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на весь этотъ гвалтъ. Разъ Стригнѣ, чувствуя себя не много лучше, т. е., получивъ на столько облегченіе, что могъ встать со стула и пройтись по комнатѣ, рѣшился разбудить Васю, спавшаго на диванѣ противъ него. Онъ тихонько взялъ клистирную трубку съ водой, подошелъ къ своему фавориту и только что хотѣлъ окатить Васю съ головы до ногъ, какъ послѣдній вскочилъ, въ одну секунду вырвалъ у него трубку и отлично sprysнулъ водой его самого. Я былъ рядомъ въ комнатѣ и, по обычаю, писалъ приказъ разнымъ управляющимъ. Слышу ужасный крикъ: Федоръ, Федоръ! Петръ, Петръ (старшій камердинеръ) сюда, сюда, идите сюда! Я вбѣгаю въ кабинетъ: баринъ мой стоитъ среди комнаты, халатъ его спустился съ плечъ, вода течетъ съ головы. На полу клистирная трубка; на диванѣ Вася. Вася не спитъ и хохочетъ что есть мочи.

— Федоръ, Федоръ! кричитъ мой старикъ, увидавъ меня: Васька все спитъ, спитъ разбойникъ.

— Еслибы я спалъ, отвѣчаетъ грубо карликъ, не окатилъ бы тебя изъ этой скверной штуки, что лежитъ на полу.

— Врешь, спалъ, подлецъ! проси прощенія.

— Не поцѣловать ли ручку у твоей милости! Не хочешь ли кукиша съ масломъ.

— Проси, Васька, прощенія, продолжаетъ кричать старикъ, подымая съ полу трубку и намѣреваясь пустить ее въ голову Васи. Вася видитъ это, немедленно соскакиваетъ съ дивана, показываетъ своему врагу кукишъ и убѣгаетъ. Трубка летитъ вслѣдъ за нимъ.

Проходитъ день, другой; Васи нѣтъ; послѣ подобныхъ штукъ онъ обыкновенно уходилъ къ своему пріятелю кандидату, жившему напротивъ и съ нимъ кутилъ на пропалую, но кутилъ, такъ сказать, благородно: хорошо ѣлъ, пилъ, былъ каждый день въ театрѣ.

Стригнѣ наконецъ не выдерживаетъ и посылаетъ меня уговорить Ваську возвратиться домой. «Не захочетъ идти — скажи, что ему, подлецу, дамъ наполеондоръ, прибавляетъ онъ. .

Вася только того и ждет. «Что, вѣрно старый башмакъ стосковался, говорить онъ, увидавъ меня. За мной пришелъ, зелена муха. Зелена муха — была любимая поговорка Васи.

Приходимъ. Баринъ встрѣчаетъ его обычной фразой: Гдѣ былъ разбойникъ?

— У Фаляски.

— Что дѣлалъ?

— Что, вѣстимо что: жилъ на свободѣ. Не вѣкъ же мнѣ сидѣть, какъ собакѣ на привязи.

— Какъ ты смѣешь говорить подобныя вещи? Я велю выдрать тебя на конюшнѣ.

— Выдрать — руки коротки; здѣсь, братъ, для твоей милости нѣтъ старосты Еремки. Здѣсь Непогорѣлово (бывшая наша главная вотчина, прибавилъ Федоръ Петровичъ).

— Ну, а если бы я тебя велѣлъ отодрать въ комнатахъ?

— Я убѣждалъ бы; не дался бы. Пускай тронуть, и Вася подставилъ къ самому носу барина свой кулачишка.

— Куда ты убѣждалъ бы, продолжаетъ спрашивать Стригинъ, смотря со смѣхомъ на кулакъ Васи?

Послѣдній видитъ, что достигъ цѣли: успѣлъ переимѣнить гнѣвъ на милость и отвѣчаетъ также обычной фразой: убѣждалъ бы къ папѣ римскому.

— Да, вѣдь онъ заставилъ бы тебя туфлю поцѣловать?

— А что за бѣда поцѣловать туфлю, отвѣчаетъ Вася. Вотъ коли голую ногу — скверно, а туфля не погань. Кардиналомъ былъ бы.

— Дуракъ.

— Былъ бы можетъ и дуракъ, да не твой, а папской.

Десять разъ въ году повторяется эта исторія и каждый разъ происходитъ одинъ и тотъ же разговоръ. Сдѣлались какъ-то страшные припадки съ барининомъ въ присутствіи Васи. Кричитъ мой старикъ: Господи, Господи, за что наказываешь, за что наказываешь! Я, по обыкновенію, стою у постели и поддерживаю голову мученика.

— А за то, за то казнить Господь твою милость, говоритъ Вася, что больно много ходилъ по чужимъ женамъ.

— Вонъ, вонъ, подлецъ, вонъ, раздается голосъ старика.

— Не отъ насъ вонь-то, а отъ васъ, отвѣчаетъ Вася, не обращая никакого вниманія на вопли своего патрона.

Эта штука прошла не такъ легко для Васи. Старикъ не хотѣлъ видѣть его болѣе двухъ недѣль и два мѣсяца бѣднѣйшій карликъ служилъ безъ жалованья.

А моя служба шла безъ малѣйшихъ перемѣнъ; не разъ я доходилъ до того, что читалъ барину бумаги, будто бы приготовленные къ почтѣ, по бѣлымъ листамъ, на которыхъ не было написано ни одного слова; до такой степени онъ заваливалъ меня работой и до такой степени я имѣлъ мало времени для выполненія этой работы, не смотря на то, что иногда я заразъ диктовалъ двумъ или тремъ писцамъ.

— Ты что-то очень похудѣлъ, Федоръ, сказалъ однажды его превосходительство, съ участіемъ смотря на мое лице, и оставляя перо, которымъ подписалъ множество приготовленнымъ мною приказовъ. — Не живешь ли ты очень быстро? Ради Бога остерегайся, особенно женщинъ. Здѣсь женщины страстныя, дьявольски огненные. Но все-таки тебѣ скажу, французенка, какъ любовница, незамѣнима, рѣшительно незамѣнима, и старикъ, опустивъ голову, задумался. Глаза его какъ-то тускло горѣли. Да, началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: смотри на меня, Федоръ, какъ на живой примѣръ того, что значитъ скакать въ жизни на всѣхъ парахъ. О, женщины, женщины! Другое зло, другъ мой, вино: бывало, когда мнѣ случалось быть при вечернихъ празднествахъ, то скажу тебѣ откровенно, до такой степени натянешься пуншурояль, что пристроишься какъ-нибудь у колоны и боишься пошевелиться. Въ то время вошелъ въ моду пуншъ-рояль. Ты не пивалъ его?

— Нѣтъ, не пилъ.

— Это, братъ, славная, штука, я тебѣ сейчасъ расскажу какъ онъ готовится. Отличное питье. И старикъ принялся передавать мнѣ съ самыми мелкими подробностями приготовленіе пуншъ-рояль. Не пей много, Федоръ, прибавилъ Стригинъ; особенно намъ, русскимъ, надобно остерегаться вина въ Италіи. Мы не здѣшніе уроженцы; намъ не вынести вліянія этого климата. Поѣзжай сегодня въ театръ, Федоръ. Ты вѣдь давно не былъ въ театрѣ?

— Болѣе полугода, ваше превосходительство.

— Какъ же можно, какъ можно лишать себя такого удовольствія. Возьми мою карету и людей въ моей ливреѣ. Садись въ мою ложу. Непремѣнно поѣзжай.

Безъ всякаго сомнѣнія, я не заставилъ просить себя, и вечеромъ отправился въ театръ. Но, увы, не прошло полутора часа, какъ за мной явился посланный съ требованіемъ немедленно явиться къ барину. Можете представить себѣ мою злость. Я былъ молодъ, здоровъ; деньги у меня водились, ибо всѣ мы получали большое жалованье и всегда богатые подарки, жизнь за границей такъ обольстительна, такъ хороша, особенно въ этой чудной, поэтической Италіи, что такъ и рвалась душа на свободу, а тутъ въ полгода разъ кое-какъ попалъ въ театръ и не далъ досидѣть до конца. Кровь во мнѣ кипѣла и я ни за что не исполнилъ бы приказаній сумасшедшаго старика, еслибы явившійся за мной камердинеръ не умолилъ меня отправиться домой, объяснивъ что, въ противномъ случаѣ, Стригинъ просто съѣстъ его. — У театра насъ ждала та же парадная карета.

Пріѣзжаемъ. Вхожу въ кабинетъ. Стригинъ сидитъ по обычаю на своемъ стулѣ, ноги, какъ и всегда, протянуты, сидитъ и постукиваетъ табакеркой по столу. Видно, что онъ въ нетерпѣніи. Въ сторонѣ, на диванѣ, какая-то, довольно пожилая и прекрасно одѣтая дама; возлѣ нея стоитъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцать или пятнадцать.

— Оедоръ, Оедоръ! Гдѣ ты пропадаешь? Я тебя жду пять часовъ, пять часовъ непремѣнно. Вотъ первыя слова, которыми встрѣтилъ меня разгнѣванный баринъ.

— Я ѣздилъ въ театръ. Вы сами, ваше превосходительство, отпустили меня сегодня утромъ. Я не просился у васъ.

— Въ театръ! въ другой разъ съѣдшишь въ театръ; здѣсь такая пропасть этихъ театровъ. Мнѣ тебя очень нужно. Посмотри на этого молодого человѣка и скажи мнѣ, — но посмотри хорошенько, — скажи мнѣ: походить ли онъ на меня?

Я сразу понялъ въ чемъ дѣло, ибо исторіи эти разыгрывались не рѣдко. Безъ всякой церемоніи я оставилъ глаза на мальчишку. Сидѣвшая противъ меня дама какъ-то нетерпѣливо повернулась на стулѣ.

— Хорошенько, хорошенько смотри, Федоръ. Главное мой ли носъ; у меня носъ рѣдкій. Есть ли горбъ на носу? гнусить мой блажной господинъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ наблюденія, я рѣшительно объявляю, что молодой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ его превосходительствомъ.

— Нѣтъ сходства, нѣтъ сходства! какъ-то особенно радостно вскрикиваетъ старикъ, но въ ту же минуту прибавляетъ плачевнымъ голосомъ: а вотъ эта дама увѣряетъ, что онъ мой сынъ. Будто бы когда-то въ Парижѣ я отнялъ у нея честь. Ей Богу не помню, хоть убейте не помню. Такихъ случаевъ было такъ много въ моей жизни. — Да, наконецъ это дѣлается невыносимо. Кто не произведетъ на свѣтъ незаконнаго, всякій говоритъ, что мой сынъ. Скоро, пожалуй, мнѣ придется взять на себя дѣтей всѣхъ аббатовъ и кардиналовъ. Да, я раззорюсь, въ конецъ раззорюсь; не могу, сударыня, ничего сдѣлать для васъ. Представьте болѣе ясныя доказательства нашихъ прежнихъ отношеній, заключилъ Стригинъ, видимо утомленный тяжелымъ для него разговоромъ и совершенно опускаясь въ кресла.

Чуть не каждую недѣлю повторялись эти исторіи и кончались тѣмъ, что болѣе ловкая и наглая получала тысячу, двѣ и три рублей пособія.

Истощенное тѣло Стригина не могло долго выдержать совершавшагося въ немъ разрушенія. Припадки повторялись чаще и чаще, дѣлаясь гораздо сильнѣе, такъ что, кажется, онъ и самъ не сомнѣвался въ скорой своей смерти. За день до кончины, онъ, сидя на кровати, перебралъ брилліанты и другіе драгоценные камни, которыхъ по счетамъ значилось на три милліона ассигнаціями. Вася сидѣлъ съ нимъ. Я въ той же комнатѣ писалъ.

— Знаешь ли, Вася, сказалъ Стригинъ, если я подарю тебѣ хоть одинъ изъ этихъ брилліантовъ, ты будешь богачъ. У тебя будутъ сотни тысячъ. Хочешь, подарю. Возьми.

— Нѣтъ, дядя Павлуха, зеленая ты муха, (Вася любилъ пошутить, когда былъ веселъ) нѣтъ, спасибо: съ этими-то брилліантами, пожалуй, подъ старость лѣтъ закричишь по твоему: Господи! за что наказываешь, Господи! за что наказываешь! На мой вѣкъ по твоей милости хватить.

— Да, Вася, возразилъ старикъ, глубоко вздыхая: ты правъ, ты правъ. Убери камни. Богъ съ ними.

Это была его послѣдняя бесѣда съ Васей. Черезъ два дня Стригинъ померъ.

Его бальзамировали, ибо сынъ хотѣлъ отправить тѣло покойнаго въ деревню. Докторъ, бальзамировавшій покойника, удивлялся его на диво устроенной и совершенно здоровой груди, но пришелъ въ ужасъ отъ желудка, который оказался положительно никуда негоднымъ.

Черезъ два дня послѣ похоронъ, я, Вася и еще пять человѣкъ получили свободу по духовному завѣщанію Стригина и по пяти тысячъ ассигнаціями.

Наслѣдникъ, старшій сынъ Стригина, все время жилъ въ Парижѣ, и пріѣзжалъ во Флоренцію на самое короткое время. Извѣстіе о смерти отца встрѣтило его на дорогѣ къ родительскому дому. Это былъ господинъ другаго покроя. Мягче, добрѣе старика, но едва ли еще не безолабернѣе. Числясь при какомъ-то министерствѣ, онъ не заглядывалъ въ Россію и, живя за границей, спеціально занимался любовницами, на которыхъ сорилъ страшныя деньги. Въ двадцать пять лѣтъ онъ походилъ на пятидесятилѣтняго. Сырой, тучный онъ съ трудомъ говорилъ. Причудъ у него было безъ числа. Послѣ смерти старика я остался секретаремъ при сынѣ. Покойникъ входилъ въ свои дѣла, зналъ положеніе своихъ дѣлъ на столько, на сколько можно знать, находясь постоянно за границей. Не будь онъ такъ разстроены физически и получи здоровое воспитаніе, изъ него могъ бы выйти очень и очень порядочный членъ общества. Изъ сына же никогда ничего не вышло бы. Лѣнивый по природѣ, безпечный и довольно ограниченный умственно, онъ вѣчно былъ бы коптителемъ неба, съ тою только разницею, что при небольшихъ матеріальныхъ средствахъ въ жизни дошелъ бы до нищенства. Много я мучился съ тѣмъ, но не знаю меньше ли съ этимъ, хоть еще разъ долженъ повторить, сынъ былъ гораздо сердечнѣе отца. Мы очень мало знали его, потому что онъ бывалъ во Флоренціи очень рѣдко и то на самое короткое время, слѣдовательно замашки новаго барина для насъ оставались совершенно неизвѣстными. Можете себѣ

представить, какъ поразилъ онъ насъ, когда почти въ первый же день приѣзда объявилъ, чтобы всегда всѣ двери въ домѣ были отворены и именно по той причинѣ, чтобы ему не приходилось, отворяя дверь, прикоснуться къ ручкѣ. За ручку двери, говорилъ онъ дворецкому, берется, братецъ мой, всякій. Будь она золотая, да все-таки за нее берутся руками другіе. А я захвораю, если возьмусь за ручку послѣ кого-нибудь другаго. Могу умереть. И замѣтите эта причуда его простиралась только на дверныя ручки. Другія вещи онъ бралъ безъ всякаго омерзѣнія. Просто, чортъ знаетъ что за фантазія. Я уже сказалъ, что отецъ его занимался своимъ дѣломъ; этотъ также занимался, но только на свой салтыкъ, а именно слѣдующимъ образомъ: Прихожу я какъ-то утромъ къ нему; въ этотъ день онъ обыкновенно получалъ большую почту. Предъ нимъ горитъ каминъ. Дѣло было въ то время, когда въ Италіи случаются холода. Рядомъ съ нимъ, на столѣ, лежитъ груда писемъ, журналовъ и газетъ. Смотрю, мой баринъ не замѣчаетъ меня и превнимательно глядитъ на огонь. Я остановился. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ, не оборачиваясь, протягиваетъ руку къ столику, беретъ первый попавшійся конвертъ и бацъ въ огонь, и точно также продолжаетъ смотрѣть на пламя. Повѣрите ли: я просто ошалѣлъ. Въ эту минуту онъ обернулся назадъ, и, какъ только увидѣлъ меня, въ одно мгновеніе захватилъ цѣлую груду бумагъ и пустилъ ихъ по той же дорогѣ.

Въ заключеніе мой баринъ начинаетъ хохотать отъ всей души.

— Петръ Павловичъ, кричу я, кидаюсь къ нему: что вы дѣлаете? Боже мой: вѣдь тутъ могутъ быть важные документы, деньги!

— А, что, не удалось поймать меня, отвѣчаетъ онъ, продолжая смѣяться. Скажи, Федоръ: много ли денегъ я бросилъ въ печку? Ты ждалъ откуда-нибудь присылки денегъ?

— Съ нынѣшней почтой я не ждалъ, но это не уничтожаетъ возможности бросить когда-нибудь въ печку сто тысячъ рублей.

— Сто тысячъ! Не раззорюсь. А знаешь ли о чемъ я часто думаю: еслибы я вдругъ сдѣлался бѣднымъ человѣкомъ,

то попросилъ бы государя пожаловать мнѣ землю съ лѣсомъ и съ тѣмъ, чтобы никто безъ моего позволенія не смѣлъ входить въ этотъ лѣсъ. Взялъ бы я тебя, Верещагина, Боброва, Петра и больше никого. Поутру мы всѣ ходили бы на охоту; и изъ дичи приготавливали бы обѣдъ. Можно было бы торговать лѣсомъ, ягодами, грибами. Въ самой среднѣй лѣса мы построили бы башню, чтобы съ нея видно было кто пройдетъ и проѣдетъ. Купили бы, конечно, большую собаку и пару лошадей съ телѣгой. И все дѣлали бы своими руками.

— Какъ-то я рассказывалъ объ этомъ бросаніи пакетовъ въ каминъ, прибавилъ Ѳедоръ Петровичъ, одному знакомому своему чиновнику, то онъ, выслушавъ меня, отъ глубины души воскликнулъ: Господи! съ такимъ дуракомъ какія бы деньги можно было нажить! и потомъ сознавался что не спалъ двѣ ночи вслѣдствіе моего рассказа, а все думалъ, что еслибы Господь привелъ ему когда-нибудь послужить у такого барина. Ей-Богу, говорить, въ лакеи къ нему пошелъ бы: Я, однако, продолжалъ Ѳедоръ Петровичъ, принявъ другія мѣры: ни одного конверта съ этой поры не поступало прямо въ руки нашего штукாரя. Сколько онъ ни старался утащить у меня полученную почту, сколько ни хитрилъ со мной, ничего не могъ сдѣлать. Эта игра забавляла его мѣсяца два, а потомъ, конечно, ему надоѣла и онъ оставилъ меня въ покоѣ.

Чего только онъ не выдумывалъ, какія дикія фантазіи не приходили ему въ голову! Мы жили въ Римѣ, куда баринъ переѣхалъ на время изъ Флоренціи. Узналъ онъ, что папа готовитъ какой-ко праздникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ при дворѣ назначенъ обѣденный столъ. Взбутовался мой Стригинъ. Въ то время въ Римѣ были въ большомъ ходу трюфели. Стригинъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ, по обычаю задыхаясь и скоро: — Ѳедоръ! у папы готовится праздникъ. Я хочу, чтобы у него въ этотъ день не было трюфелей. Вели купить всѣ трюфели въ Римѣ; пускай покупаютъ до-тѣхъ-поръ, пока не останется ни одного фунта, и показывать мнѣ все, что купятъ. Начали наши люди скупать трюфели. Цѣлый день разсыльные ходили по всему

Риму. Вы не повѣрите, съ какою радостью Стрининъ смотрѣлъ на постоянно увеличивающееся количество трюфелей. Ихъ натаскали дѣлыя горы. Наступилъ праздникъ. Нашъ баринъ самъ не свой отъ радости при мысли, что папа останется безъ своего любимаго кушанья. Нашлись господа, желавшіе потѣшить барина, которые увѣряли его, что папа разрывался отъ злости, лишившись возможности попотчивать своихъ гостей моднымъ блюдомъ. Стрининъ хохоталъ до упаду и говорилъ, что онъ еще не такъ удружить папѣ, что онъ при первой возможности и совсѣмъ оставитъ его безъ обѣда.

Изъ Рима мы отправились въ Россію, конечно, безъ всякой особенной причины, а просто, потому что баринъ отъ тоски не зналъ что дѣлать и куда кинуться. Ыхали мы, безъ сомнѣнія, такъ какъ только могутъ ѣздить владѣтельные принцы. Много мое балованное дятяtko выкидывало штукъ; такъ, напримѣръ, онъ изъ мѣшка, висѣвшаго въ каретѣ съ мелкой серебряной монетою, для раздачи нищимъ, которыхъ въ Италіи тѣма, таскалъ тихонько деньги, т. е. чтобы никто изъ насъ не могъ замѣтить этого, и надобно было видѣть въ какое восхищеніе онъ приходилъ при мысли, что никому изъ насъ не удалось поймать его. Мы, разумѣется, стояли за угломъ и хохотали что есть мочи. Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало.

По пріѣздѣ въ Россію, мой баринъ началъ дурить по старому.

— Хочу я, Ѳедоръ, говоритъ онъ мнѣ однажды, поставить памятникъ Сусанину, да такой памятникъ, чтобы подобнаго не было во всей Европѣ.

— Памятника вамъ, Павелъ Петровичъ, отвѣчаю я, поставить не позволятъ, ибо это дѣло всего государства или правительства.

— Въ такомъ случаѣ я построю постоянный мостъ черезъ Неву и построю такой мостъ, чтобы его поддерживали два каменные геркулеса, и больше ничего. Какъ ты думаешь: не упадетъ мостъ? А? не упадетъ?

— Право не знаю, но я полагаю, что это дѣло хитрое, Павелъ Петровичъ.

— Я выпишу изъ за-границы инженеровъ. Понадобить-ся — перезову къ себѣ на службу всѣхъ американскихъ, англійскихъ и французскихъ инженеровъ.» Пришла ему фантазія добыть маленькаго медвѣженка. Какимъ образомъ слагались въ его головѣ всѣ эти фантази, ей-Богу, не могу вамъ сказать. Это, безъ сомнѣнія, психологическій вопросъ. Медвѣженка добыли. Привезли. Мы жили въ то время на англійской набережной. Нашъ звѣрь пока былъ малъ, то потѣшалъ и забавлялъ всю дворню, но вотъ онъ подросъ, и началъ играть, какъ говорится въ сказкахъ про богатырей, шутки не хорошія. Послѣдовалъ барскій приказъ посадить мишку на цѣпь, но такъ, чтобы входящіе на дворъ не могли его видѣть, слѣдовательно, чтобы мишинька своимъ неожиданнымъ появленіемъ могъ всѣхъ пугать. И дѣйствительно, дѣло дошло до того, что на нашъ дворъ никто ни ногой. Входишь въ ворота, и разумѣется представить себѣ не можешь, что черезъ минуту въ двухъ шагахъ отъ тебя явится медвѣдъ ужаснаго роста. Много неприятныхъ исторій нажило себѣ наше дитятко, но всѣ исторіи, какъ и слѣдовало ждать, при помощи денегъ, кончались совершенно благополучно. Меня въ это время не было въ Петербургѣ; я уѣзжалъ въ Сибирь по дѣламъ службы и по возвращеніи, точно также былъ испуганъ медвѣдемъ. Мое волненіе было на столько сильно, что не прошло и тогда, когда я явился въ кабинетъ Стригина, который, не смотря на то, что не видалъ меня два года и что дѣло, мнѣ порученное, было величайшей важности, не поздоровался даже со мной, а встрѣтилъ смѣхомъ и словами:

— Что испугался, испугался? Хорошо тебя пугнулъ мой мишинька? Я едва успѣлъ отвести его мысли отъ медвѣда и заставить быть внимательнымъ къ моимъ словамъ.

Барская потѣха кончилась тѣмъ, что велѣно было мишку утопить. Ночью, хотя съ трудомъ, стащили его къ Невѣ, привязавъ на шею камень. Надобно же было случиться, что въ это время нѣсколько человекъ на яликѣ переѣзжали къ англійской набережной. Въ ту самую минуту, какъ звѣря спустили въ воду, яликъ подѣхалъ. Медвѣдъ, покоряясь инстинкту, схватился лапой за край лодки. Представьте себѣ

положеніе тѣхъ господъ, которые плыли въ яликѣ. Въ Невѣ, въ Петербургѣ, медвѣдь и ночью. Просто чертъ знаетъ что такое; вѣдь такое обстоятельство только можетъ быть предметомъ сказки, между тѣмъ какъ мой рассказъ совершенная истина. Вѣроятно, нѣкоторые петербургскіе старожилы помнятъ этотъ случай. Благодаря Бога, несчастія не послѣдовало никакого: перевозчикъ успѣлъ отбить мишиньку весломъ, и мишинька пошелъ, какъ ключъ ко дну.

Чуть ли это не была послѣдняя штука моего баловня. Года черезъ два онъ умеръ въ Германіи отъ несваренія въ желудкѣ.

— Въ этотъ вечеръ, прибавилъ Ѳедоръ Петровичъ, будетъ съ васъ. Теперь, вѣроятно, начнете обдумывать какимъ бы образомъ выкроить изъ моего рассказа статейку и какую бы роль дать вашему покорнѣйшему слугѣ. Сначала закусьте, да выпьемъ водки, а тамъ, съ Богомъ, отправляйтесь къ себѣ и думайте на просторѣ. Пріѣзжайте ко мнѣ въ будущемъ году, продолжалъ онъ, подходя къ столу и наливая мнѣ вина: я вамъ передамъ нѣкоторые эпизоды изъ моей губернской жизни.

Я поморщился.

Мой пріятель засмѣялся и, пославъ мнѣ рукой поцѣлуй, отправился въ кабинетъ.

Недѣли чрезъ двѣ я собрался въ возвратный путь. Предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, въ одной деревнѣ, находящейся подъ управленіемъ Ѳедора Петровича, разыгралась оригинальная исторія: къ нему явился крестьянинъ съ просьбою позволить выдать замужъ дочь Татьяну. Мой пріятель справился о годахъ дѣвушки и оказалось, что ей не вышли еще законные года и очень естественно, что Ѳедоръ Петровичъ не далъ разрѣшенія на бракъ. Тогда крестьянинъ обратился къ нему съ просьбой разрѣшить выдать старшую дочь Ульяну. Такъ какъ она была годомъ старше сестры, то позволеніе было дано безъ хлопотъ. Отецъ дѣвушки, женихъ и родные согласились между собою вѣнчать Татьяну подъ именемъ Ульяны. Сказано, сдѣлано. Чрезъ нѣсколько дней обѣ сестры о чемъ-то повздорили, отъ словъ дѣло дошло до драки и стоустая молва скоро довела до свѣдѣнія моего

пріятеля настоящій казусъ. Разумѣется, виновные были преданы суду.

— Вотъ вамъ еще этнографическій фактъ, сказала Эсдоръ Петровичъ, цѣлуя меня и усаживая въ дилижансъ г. Нелидова.

Дѣйствительно, мнѣ открылось обширное поле для размышленій и думъ. Дилижансъ г. Нелидова не везъ, а тащилъ меня и другихъ пассажировъ въ Петербургъ. Не было никакой возможности сидѣть на своемъ мѣстѣ скольконибудь покойно. Со всѣхъ сторонъ бьетъ, колотитъ, словомъ истинная пытка. О лежаньѣ нельзя было и думать, а если кто и покусился бы на это, то могъ только рисковать остаться безъ ногъ, ибо пришлось бы изогнуть ихъ въ три погибели.

— Кондукторъ! Отъ чего всѣ эти гвозди и тычвы, которыя торчатъ въ стѣнахъ не прикрыты даже рогожей?— Вѣдь въ вашемъ дилижансѣ такимъ гваздемъ легко пробить себѣ черепъ.

— Оно точно-съ, неудобно, отвѣчалъ Кондукторъ, приподнимая фуражку: къ будущему лѣту будетъ исправлено. Хозяинъ больно слѣшилъ начать ѣзду. Торопились и не успѣли изладить экипажей порядкомъ.

— Послѣ такого отвѣта оставалось только завернуться по крѣпче въ шинель и заснуть, еслибы была какаянибудь возможность заснуть въ этомъ варварскомъ сѣдалищѣ. Я немедленно завернулся въ шинель, нахлобучилъ на глаза шапку, задралъ ноги такъ, какъ слѣдуетъ иному хорошему эквилибристу, ибо узкое и кривое сидѣніе мое рѣшительно не позволяло протянуть ноги прямо, и мысленно произвѣсь стихъ Жуковскаго:

О, родина святая!
Какое сердце не дрожить
Тебя благословляя!

ПОРФИРОВЪ.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ МАРЛО.

I.

СЦЕНА ИЗЪ «ЭДУАРДА II-ГО».

Замокъ Берклэ.

Король *остается одинъ съ Лейтборномъ, убійцей.*

ЭДУАРДЪ.

Кто тамъ? Что тамъ за свѣтъ?
Зачѣмъ пришелъ ты?

ЛЕЙТБОРНЪ.

Успокойте васъ,
И передать вамъ радостную вѣсть.

ЭДУАРДЪ.

Не много радости въ твоихъ глазахъ
Для бѣднаго страдальца Эдуарда.

Злодѣй, я знаю — ты пришелъ
Убить меня!

ЛЕЙТБОРНЪ.

Убить васъ, государь?
Мнѣ и на умъ не приходило съ роду —
Не то убить — вредить вамъ. Королева
Меня узнать послала, какъ здѣсь съ вами
Обходятся: она теперь смягчилась,
Милордъ, узнавъ о вашемъ положеньи.
Да, чьи глаза удержатся отъ слезъ,
Увидя государя своего
Въ такомъ ужасномъ положеньи?

ЭДУАРДЪ.

Ты тронуть, плачешь. Выслушай меня,
И будь твое безчувственное сердце,
Какъ сердце Матривиса иль Гурнэ,
Изсѣчено изъ твердаго гранита
Кавказскихъ горъ, оно растаетъ прежде,
Чѣмъ доскажу правдивый мой рассказъ.
Знай, этотъ склепъ, гдѣ я томлюсь теперь,
Есть стокъ, куда сбѣгаютъ нечистоты
Со всѣхъ дворовъ и ямъ помойныхъ замка.

ЛЕЙТБОРНЪ.

Злодѣи!

ЭДУАРДЪ.

Вотъ ужъ десять долгихъ сутокъ
Я въ сырости и смрадѣ. Безпрестанно
Бьютъ въ барабанъ, чтобъ я ни на минуту
Не могъ заснуть, вздремнуть.... Меня, монарха,
Содержать здѣсь на хлѣбѣ и водѣ!

Отъ недостатка въ снѣ и пищѣ
Мой умъ померкъ, а тѣло цѣпенѣтъ —
И я уже не знаю, есть-ли члены,
Иль умерли — и нѣтъ ихъ у меня.
О, Боже! дай, чтобъ кровь моя сочилась
Изъ каждой жилы, какъ теперь сочится
Вода съ моей изодранной одежды.
Скажи ты Изабеллѣ королевѣ,
Что не таковъ я былъ, когда въ Парижѣ
Изъ-за нея сражался на турнирахъ,
И тамъ однажды герцога Клермонта
Ссадилъ съ коня.

ЛЕЙТБОРНЪ.

О, перестаньте, сэръ!
Не надрывайте сердца моего!
Прилягте здѣсь, немного отдохните:
Вамъ нуженъ сонъ.

ЭДУАРДЪ.

Увы! твои глаза
Вѣщаютъ смерть. Въ твоихъ бровяхъ сомкнутыхъ
Начертана трагедія моя.
Но погоди, на время удержи
Свою въ крови омоченную руку,

Дай мнѣ ударъ завидѣть прежде, чѣмъ онъ
Сразить меня, чтобъ, разставаясь съ жизнью,
Моя душа тѣмъ крѣпче уповала
На Господа.

ЛЕЙТВОРНЪ.

Но отчего вы, сэръ,
Такъ недовѣрчивы ко мнѣ?

ЭДУАРДЪ.

Къ чему

Лукавить?

ЛЕЙТВОРНЪ.

Эти руки никогда
Не обагрѣлись кровью неповинной —
Ужель теперь начать мнѣ съ короля?

ЭДУАРДЪ.

Прости меня за эту мысль. Еще
Одинъ алмазь остался у меня:
Возьми его. Но все мнѣ что-то страшно;
И каждый нервъ трепещетъ у меня,
Когда его тебѣ я отдаю.
О, если ты убійство кроешь въ сердцѣ,
Да отврати твой замыселъ мой даръ,
Спасетъ твою отверженную душу.
Я государь — ты помни — а межъ тѣмъ.
Я цѣлый адъ испытываю скорби
При этомъ словѣ. Гдѣ моя корона? —
Ушла, ушла!... а я — я остаюсь!

ЛЕЙТВОРНЪ.

Бессонница измучила васъ, сэръ;
Прилягте, отдохните.

ЭДУАРДЪ.

Я бѣ заснулъ,
Да вотъ тоска все будить. Эти вѣки
Не опускались цѣлыхъ десять сутокъ.
Теперь они смыкаются, но страхъ
Ихъ будить вновь. Зачѣмъ сидишь ты здѣсь?

ЛЕЙТВОРНЪ.

Когда вы мнѣ не вѣрите, милордъ,
Я удалюсь.

ЭДУАРДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Когда рѣшился

Меня убить, ты можешь воротиться,
А потому — ужь лучше оставайся.

ЛЕЙТБОРНЪ.

Онъ спитъ.

ЭДУАРДЪ.

Постой, не убивай меня!

О, погоди еще, еще немного!

ЛЕЙТБОРНЪ.

Что съ вами, сэръ?

ЭДУАРДЪ.

Да вотъ все кто-то шепчетъ

Мнѣ на ухо, что если я усну,
То никогда ужь больше не проснуся.
Скажи, зачѣмъ пришелъ ты?

ЛЕЙТБОРНЪ.

Чтобъ избавить

Тебя отъ жизни. Матривись, сюда!

ЭДУАРДЪ.

Я слишкомъ слабъ и болѣнь: не могу
Противиться. О, Боже правосудный!
Прійми мой духъ, спаси мя и помилуй!

НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ.

II.

СМЕРТЬ ФАУСТА.

(Изъ трагедіи: *The Life and Death of Dr. Faustus.*)

Лабораторія.

ФАУСТЪ одинъ. Часы бьютъ одиннадцать.

ФАУСТЪ.

О Фаустъ!

Одинъ лишь часъ тебѣ осталось жить,
И обреченъ ты мукѣ безконечной.
Остановись, клубящаяся бездна
Небесныхъ сферъ! Пусть оборвется время,
И полночь не наступитъ никогда!

Ты, око свѣтозарное природы,
 Взойди опять, о солнце! принеси
 Мнѣ вѣчный день! Иль этотъ часъ продлится
 Пускай — хоть годъ, хоть мѣсяцъ, хоть недѣлю,
 Хоть даже день, чтобъ поканяемъ душу
 Себѣ спасти отъ муки я успѣлъ!
 O lente, lente currite, noctis equi!
 Но звѣзды все вращаются, и время
 Бѣжитъ, бѣжитъ. Пробьютъ часы, и дьяволъ
 Придетъ за мной — и я погибъ на вѣки.
 О! я рванусь — и буду въ небѣ.... Кто же
 Все тянетъ внизъ меня? По темной тверди,
 Я вижу, кровь Христова разлилась.
 Лишь каплю мнѣ одну — и я спасенъ....
 О мой Христосъ! — Не истяжи мнѣ сердца,
 Что я своимъ Христомъ его зову!
 Я звать не перестану. Пощади,
 О Лудиферъ!... Но гдѣ же все? Исчезло!
 Передо мной грозящая рука
 И ликъ грозящій.... О холмы! о горы!
 Обруштесь на несчастнаго! сокройте
 Меня отъ тяжелой кары неба! — Нѣтъ?
 Такъ въ землю я ударюсь головой.
 Земля, раскройся! И земля не хочетъ
 Меня укрыть. — О звѣзды! вы свѣтили,
 Когда родился я; влиянье ваше
 Опредѣляетъ смерть и адъ.... снимите
 Вы Фауста, какъ дымный паръ, съ земли,
 И туча пусть въ своемъ тревожномъ чревѣ
 Его сожметъ, чтобы потомъ извергнуть
 Лпшь тѣло изъ дымящейся гортани,
 Душѣ же дать на небо вознестись!

(Часы бьютъ разъ.)

Ужъ полчаса — и скоро часъ! О, если
 Душа должна несть кару за грѣхи,
 Все жъ пусть конецъ скорбямъ безсоннымъ будетъ!
 Пусть проживу въ аду тысячелѣтье,
 Сто тысячъ лѣтъ — и все жъ потомъ спасусь!
 Но мукамъ душъ проклятыхъ нѣтъ конца.
 О, для чего я одаренъ душой?
 Иль для чего душа моя безсмертна?
 Отд. I.

О Пифагоръ! зачѣмъ твое ученье
 Несбыточно? Душа, со мной разставшись,
 Вселиться въ звѣря дикаго могла бы.
 Звѣрь счастливъ: умеръ — и душа его
 Въ стихіяхъ тонетъ. А моя душа
 Все жить должна, чтобъ нить отъ адской пытки.
 Будь прокляты родившіе меня!
 Нѣтъ; будь я проклятъ самъ! будь проклятъ бѣсъ,
 Меня лишившій радостей небесныхъ!

(Часы бьютъ полночь.)

Бьетъ полночь! полночь! Распадись ты, тѣло,
 Чтобъ дьяволъ не унесъ тебя въ геенну!
 Душа! разсыпся брызгами надъ моремъ
 И въ немъ неуслѣдно пропади!

(Громъ. Входятъ бѣсы.)

О, сжаляся, небо! не рази угрозой!
 Ехидны! змѣи! дайте мнѣ вздохнуть!
 Не разѣвай ужасной пасти, адъ!
 Не приближайся, Лудиферъ! Сожгу
 Всѣ книги я свои.... О Мефистофель!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВЕНЕЦІЯ.

(Анна Алексѣевна Кудрявцева.)

Дуль южный ветерокъ тепломъ и ароматомъ
Благословенныхъ нивъ ;
Полуденныхъ лучей облитый яркимъ златомъ,
Спаль голубый заливъ.

Какъ лебедь, распустивъ свой парусъ розоватый,
Летѣлъ нашъ пароходъ ;
И лентою вдали видѣлась полосатой
Венеція изъ водъ.

Огнями всѣхъ цвѣтовъ надъ нами разрисованъ
Былъ тепель небосклонъ ;
Картиной южною впервые околдованъ,
Я погружался въ сонъ.

И все, что отъ новелъ мнѣ память сохраняла,
Съ ребяческихъ годовъ,
Въ волшебныхъ образахъ несло и оживало :
И ревность и любовь,

Подкупленный кинжалъ и неподкупной ласки
Весь женскій, южный взрывъ ;
И ночи, и луна и факелы и маски, —
Ріальто и заливъ.

Вотъ, вотъ послышалась призывная гитара.
Условный встрѣчи часъ !
Чу! скрипнуло окно и засвѣтилась пара
Во мракъ черныхъ глазъ

Вотъ, ручкой выброшенъ проворной изъ окошка
 Въ гондолу, шнуръ повисъ ;
 И цѣпкая по немъ венеціанки ножка
 Бѣжить по петлямъ внизъ.

О какъ, баюкаемъ все грезю прекрасной,
 Хотѣлъ тогда скорѣй
 Я, какъ любовницу, узрѣть, любовникъ страстный,
 Красавицу морей.

Дулъ снова вѣтерокъ теплою и ароматомъ
 Благословенныхъ нивъ ;
 Полуденныхъ лучей облитый яркимъ златомъ,
 Опять дремалъ заливъ.

Летѣли мы ; — едва лишь чайка успѣвала
 За легкою кормой ;
 Венеція вдали за нами исчезала.
 Мнѣ снился сонъ иной :

Я слышалъ звукъ цѣпей и ига бичъ упорно
 Свисталъ, смущая слухъ.
 И мнилось : — да уже ль ты умеръ здѣсь позорно
 На вѣкъ, народа духъ !

И дѣвамъ, не сплетать вѣнковъ изъ листьевъ лавра!
 И не придетъ Тезей,
 Который выхватитъ пасти минотавра
 Красавицу морей !

Н. КРОЛЬ.

К Р И Т И К А.

Горькая судьбина. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Писемская. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860. Въ 8-ю д., 132 стр.

Повѣсти и романы съ такъ называемымъ обличительнымъ направленіемъ, такъ обильно плодившіеся въ послѣднее время съ легкой руки Щедрина, породили въ журналистикѣ нашей множество разнорѣчивѣйшихъ толковъ объ искусствѣ, хотя искусству до большей части этихъ произведеній такъ же мало дѣла, какъ и до газетныхъ фельетоновъ. Одни стояли за дидактизмъ, другіе пошли такъ далеко въ противорѣчіи дидактикамъ, что требовали отъ литературы полного отсутствія живой мысли, прикрывая, разумѣется, это требованіе очень ловкими, хотя и нѣсколько темными фразами. Разумная середина между этими крайними направленіями едва давала себя чувствовать. Голосистѣ всѣхъ были поклонники обличительной литературы; неловкое выраженіе: «искусство для искусства», стало общою потѣхой, и неразборчивая публика, увлекшись новинкой, чуть ли не была готова примѣнять это выраженіе ко всякому произведенію, гдѣ не являлись станковые, чиновники особыхъ порученій, городничіе etc. Повѣсть хороша была лишь тогда, если заключала въ себѣ рассказъ о какомъ-нибудь гражданскомъ или уголовномъ слѣдствіи; стихи читались только, если въ нихъ говорилось о благодѣтельной силѣ гласности и обвинялись во взяточничествѣ опять тѣ же станковые, чиновники особыхъ порученій, и т. д. и т. д. Прошедшее для этого quasi-практическаго направленія наступило очень скоро. Охлажденіе, или, лучше сказать, паткос

равнодушiе къ произведенiямъ истиннаго искусства, сказавшееся одно время въ публикѣ и такъ огорчавшее всѣхъ, кто смотрятъ подалеже преходящихъ насущныхъ потребностей, не могло быть прочно. Общество, воспитанное на Пушкинѣ и Гоголѣ, не могло забыть своихъ великихъ воспитателей. Отдавая полную справедливость честности обличительнаго направленiя, оно должно же было наконецъ понять, что только невозможность высказывать прямо то, что нужно, могла заставить выбрать для обличенiй такую несвойственную форму, какъ повѣсть, какъ поэма. Глава и родоначальникъ обличительнаго направленiя, Щедринъ, одинъ останется въ исторiи литературы; онъ будетъ и читаться долго. Но достоинства его заключаются не въ направленiи собственно; оно было очень кстати послѣ долгаго молчанiя литературы о томъ, о чемъ хотѣлось говорить, и вотъ въ чемъ причина его огромнаго успѣха. Теперь обличенiями взяточниковъ никого не займешь; но мы сказали, что Щедрина все-таки будутъ читать. Да, онъ будетъ интересовать не только съ исторической стороны, какъ писатель, внесшiй на время новую струю въ литературу. У него есть и достоинства болѣе прочныя. Щедринъ не художникъ въ строгомъ смыслѣ; но никто не откажетъ его очеркамъ во многихъ художественныхъ сторонахъ. Меткая наблюдательность, юморъ, иногда даже искры поэзи, эти качества сдѣлали бы его всегда писателемъ замѣчательнымъ.

Для реакцiи обличительному направленiю не явилось въ литературѣ ни одного новаго сильнаго таланта. Наши старые любимицы, продолжая неуклонно свой прямой художественный путь, явились съ новыми художественными произведенiями, и эти произведенiя разомъ пробудили заснувшее на время эстетическое чувство публики. Имена гг. Тургенева, Ипсемскаго, Островскаго и Гончарова опять стали на первомъ планѣ; имена Щедрина и Печерскаго, такъ недавно еще электризовавшiя публику, отодвинулись на второй планъ. Въ настоящую минуту новое произведенiе автора «Губернскихъ Очерковъ» не возбудитъ ни прежняго вниманiя, ни прежнихъ толковъ въ публикѣ. Его будутъ читать, какъ очень умную, очень талантливую вещь; но той симпатiи, того глубокаго интереса, какой возбуждаютъ новыя произведенiя названныхъ четырехъ писателей, оно не возбудитъ. Причину мы объяснили.

Дѣло искусства не обличать, а анализировать и воспроизводить въ художественно-вѣрной картинѣ факты дѣйствительности. Судь художника надъ общественными явленiями заключается

въ самомъ изображеніи ихъ. Съ заданною себѣ цѣлью изыскивать въ обществѣ наиболѣе замѣтные въ данную минуту недостатки и карать ихъ, искусство теряетъ свою живучесть, свое широкое вліяніе, неограничиваемое краткимъ періодомъ времени. При желаніи дѣйствовать непосредственно и мгновенно на уродливыя явленія, встрѣчаемыя въ извѣстную эпоху въ обществѣ, художнику слѣдуетъ оставить стѣснительныя въ этомъ случаѣ рамки романа, драмы, поэмы; пусть онъ превратится тогда въ публициста, и высказываетъ ясно и прямо, безъ всякихъ околичностей то, для чего въ произведеніи фантазіи ему по волѣ придется насиловать факты, нарушать гармонію дѣйствія, придавать характерамъ лишнія черты, и проч. Сатиры въ родѣ ювеналовскихъ возможны въ наше время только въ такой формѣ. Мы знаемъ публицистовъ съ могучимъ художественнымъ талантомъ; этотъ талантъ сохранить надолго ихъ произведенія, часто по существу своему приуроченныя только къ извѣстному времени. Но вздумай они, вмѣсто чисто публицистской дѣятельности, избрать этотъ промежуточный родъ, называемый обличительными повѣстями, значеніе ихъ много бы убавилось. Разумѣется, художникъ скажется всюду, не только въ обличительной повѣсти, но даже и въ фельетонѣ, да того цѣлаго, стройнаго, яснаго возсозданія дѣйствительности, которое мы находимъ въ романистахъ безъ такъ называемыхъ «задачъ», въ подобномъ произведеніи ужъ никакъ не будетъ. Правда, въ нашъ вѣкъ, когда каждый норовитъ встать подъ знамя какой-нибудь партіи, такія цѣльныя, непосредственныя художественскія натуры становятся рѣдки. Но тѣмъ драгоцѣннѣе онѣ для насъ и тѣмъ выше наслажденіе, доставляемое намъ ихъ произведеніями.

Къ числу такого рода рѣдкихъ въ наше время художниковъ слѣдуетъ присоединить г. Писемскаго. Читая любое изъ его произведеній, вы видите, что авторъ человекъ мыслящій, человекъ глубоко понимающій смыслъ жизни и ея явленій; но нигдѣ не проглянетъ его желаніе навязать вамъ свою мысль, свой взглядъ на лица и событія, которыя проходятъ передъ вашими глазами въ его произведеніяхъ. Въ этомъ великое и важное сходство искусства и жизни. Какъ въ томъ, такъ и въ другой не моралисты насъ учатъ, а ходъ и развитіе событій. Какъ моралистъ, объясняя явленія жизни, выводитъ изъ нихъ законы нравственности, такъ дѣло критика уяснить смыслъ художественнаго произведенія. Самъ художникъ, взявшись за эту роль,

непременно убавить жизненности въ созданныхъ имъ лицахъ; заставляя ихъ дѣйствовать для проведенія какой-нибудь заданной мысли, онъ, независимо отъ воли своей, придастъ имъ или черезъ-чуръ идеальный, или черезъ-чуръ мрачный колоритъ, смотря по большому или меньшему сочувствію его къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Надо, чтобы мысль жила въ художникѣ, была въ немъ плотью и кровью, и тогда изъ явленій жизни поразятъ его и будутъ имъ воспроизведены въ художественномъ изображеніи именно тѣ, которыя совпадаютъ съ его взглядомъ на міръ или противорѣчатъ ему. Яркость красокъ, опредѣленность и жизненность типовъ находятся въ прямой зависимости отъ сочувствія къ правильному ходу жизни, отъ скорбнаго чувства при нарушеніи ея гармоніи, одушевляющихъ художника. Глубина его мысли, глубина его сердечнаго пониманія скажутся въ образахъ, которыя обманутъ васъ полнотою жизни, кипящей въ нихъ, такъ, что вы готовы будете принять ихъ за самой жизнь. Слово «обмануть» въ этомъ случаѣ впрочемъ непригодно. Искусство, повторимъ, та же жизнь; мы не поставимъ его выше жизни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые крайніе эстетикки, но должны признать, что дѣйствіе его на личное совершенствованіе человѣка, какъ и дѣйствіе науки, глубже и полнѣе, чѣмъ дѣйствіе непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью. Жизнь оставалась бы роковымъ хаотическимъ омутомъ, еслибъ ея не правили святые, присущія душѣ человѣка силы, проявленіемъ которыхъ служатъ наука и искусство. Представляя намъ яркую картину нашихъ темныхъ и полудикихъ страстей, нашихъ тупыхъ и неразумныхъ общественныхъ антагонизмовъ, не даетъ ли искусство свѣтлыхъ упованій сердцу, не раскрываетъ ли намъ широкаго горизонта на новую гармонію жизни, къ которой, сбиваясь съ пути, падая, ошибаясь, но все-таки подвигается человѣчество? Англійскій поэтъ Тениссонъ въ одной пьесѣ своей, сравнивая безсознательную пѣсню птицы съ пѣснью человѣка, говоритъ, что пѣсня человѣка оттого такъ бодрѣе, что онъ поетъ о томъ, чѣмъ будетъ міръ, когда надъ нимъ пройдутъ годы...

For he sings of what the world will be
When the years have died away!

Отъ этихъ общихъ соображеній не трудно перейти къ драмѣ г. Писемскаго: «Горькая Судьбина.» Вѣдь она-то и навела насъ на нихъ, какъ произведеніе того высокаго, чистаго искусства, которое мы цѣнимъ столь высоко, видя въ немъ руководящую и ожидающую силу.

Дѣло критики, сказали мы, уяснить смыслъ художественныхъ произведеній. Это опредѣленіе слишкомъ обще, и вслѣдствіе этого слишкомъ неопредѣленно. Скажемъ яснѣе: жизнь, воспроизведенная художникомъ въ его созданіи, должна стать предметомъ строгаго суда критики. Само собою разумѣется, прежде чѣмъ произнести судъ, слѣдуетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ вѣрно дѣйствительности воспроизведена жизнь художникомъ. Послѣдняя задача составляетъ такъ называемую эстетическую сторону критики; она имѣетъ значеніе преимущественно для автора. Первая задача, то-есть судъ надъ художественнымъ произведеніемъ, какъ надъ явленіемъ жизни, даетъ критикѣ значеніе общественное. Соединеніе въ одномъ лицѣ качествъ, нужныхъ для правильнаго рѣшенія той и другой задачи, представляетъ для насъ идеаль критическаго дарованія. Такихъ высокихъ критиковъ не много во всѣхъ литературахъ. Въ нашей только у Бѣлинскаго критика вмѣстѣ съ эстетическимъ характеромъ принимала и характеръ общественный. Смерть унесла его въ пору зрѣлости и силы мысли, именно въ то время, какъ эти двѣ стороны начали приходить въ немъ въ равновѣсіе. Нечего рассказывать, какая путаница въ критикѣ нашей пошла съ его смерти, хотя самыя разногласныя теоріи ведутъ свое начало отъ него же. Эстетики ухватились за эстетическія теоріи Бѣлинскаго, дидактики принялись развивать его же положенія объ общественномъ значеніи искусства, и тѣ и другіе развили эти стороны до безобразныхъ и смѣшныхъ крайностей.

Не для того, чтобы примѣнить къ новому произведенію г. Писемскаго выраженныя нами требованія отъ критики, упомянули мы о нихъ. Такая задача выше нашихъ силъ. Мы хотѣли только сказать, что у рѣдкаго художника найдешь такое поразительно вѣрное воспроизведеніе жизни и такое глубокое пониманіе путающихъ жизнь ненормальныхъ и темныхъ отношеній, какое представляетъ драма г. Писемскаго. Мы хотѣли только сдѣлать нѣсколько намековъ на тѣ данныя, которыя составляютъ въ ней предметъ особаго и глубокаго изученія той идеальной критики, о которой сказано выше.

Содержаніе драмы извѣстно всѣмъ, и пересказывать его нечего. Лица, дѣйствующія въ ней, стоятъ передъ нами живѣе нашихъ старыхъ и близкихъ знакомыхъ, и, сколько ни дѣлай мелкихъ придирокъ, Ананій Яковлевъ, помѣщикъ Чегловъ-Соковинъ, чиновникъ Шпрингель стали для насъ членами кипящей вокругъ насъ дѣйствительности.

«Есть общества и въ наше время (сказалъ кто-то), на которыхъ тяготѣеть еще древній рокъ». Эта мысль, можетъ быть неволью, высказалась въ самомъ заглавіи драмы г. Писемскаго. Чтò, какъ не тотъ тупой, слѣпой, бессмысленный и жестокий рокъ, которому вѣрили древніе, не имѣя силъ сладить съ бурю-клубящимся водоворотомъ жизни, чтò, какъ не этотъ рокъ спутываетъ всѣ человѣческія отношенія, отуманиваетъ и сбиваетъ съ пути умъ, извращаетъ сердце въ этихъ людяхъ, такъ близко, такъ неразрывно между собою связанныхъ, и такъ глубоко проникнутыхъ сознательнымъ и бессознательнымъ взаимнымъ антагонизмомъ? Что, какъ не рокъ, или, пожалуй, что, какъ не горькая судьбина тяготѣеть со всею своей безправной и бессмысленной силой надъ этимъ обществомъ?

Подъ грубой виѣшностью Ананія Яковлева и подъ извѣженной оболочкой Чеглова бьются человѣчныя сердца; но рокъ поставилъ между ними непроницаемую стѣну, и они не понимаютъ лучшихъ сердечныхъ движеній другъ въ другѣ. И въ томъ, и въ другомъ проглядываетъ сознание человѣческихъ правъ, независимо отъ правъ, наложенныхъ на нихъ вѣковымъ предрасудкомъ; но сознание это нейдетъ наружу, или проявляется лишь ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, не допускающимъ въ отношенія ихъ участія здравой, примирительной мысли. Чегловъ становится жестокимъ врагомъ для Ананія Яковлева не потому только, что онъ соперникъ его въ любви. Нѣтъ, не только по любви Ананія къ женѣ, но даже по словамъ его, на столько разсудительнымъ, на сколько это возможно при вкорененныхъ въ немъ предрасудкахъ, можно заключать о возможности если не примиренія, то прощенія съ его стороны. Но всѣ гуманныя отношенія его къ своему сопернику заранѣе убиты въ немъ доставшеюся ему «горькой судьбиной». Въ человѣкѣ, исключаящемъ въ немъ возможность всякой самостоятельности, всякое право, онъ не вѣритъ ничему. На его ожесточенный взглядъ, этотъ человѣкъ не можетъ ни любить, ни вообще чувствовать. Въ Ананіи даже мелькаетъ что-то вродѣ злобной радости своему собственному горю, потому что это горе даетъ ему возможность вступить въ открытую борьбу со своимъ соперникомъ. Есть же право, котораго не смѣетъ нарушить этотъ соперникъ, и Ананій хватается за это право съ энергіею утопающаго, у котораго отнимаютъ послѣднюю доску спасенія. Онъ уже не разбираетъ никакихъ нравственныхъ побужденій у своего врага; мало того — онъ и слышать ихъ не хочетъ. Ему довольно, что

онъ нашелъ пятку у этого Ахиллеса, и вся сила его направлена на то, чтобы врѣзать въ эту пятку желѣзо годы копившейся, годы бесплодно кипѣвшей мести.

Но рокъ (будемъ ужъ называть такъ общественныя условія, въ которыхъ живутъ дѣйствующія лица драмы), рокъ не дастъ Ананію въ руки оружія, чтобы нанести смертельный ударъ своему злодѣю. Надъ средою, къ которой принадлежитъ Ананій, не даромъ висѣла неразступающеюся черною тучей эта «горькая судьбина». Удушьяемое въ зародышѣ чувство человѣческаго достоинства превратилось въ апатическую безразличность или въ какую-то шаткость и понятій и чувствъ. Вѣчный страхъ, вѣчная гроза беззаконія сковали даже порывы страсти. И вотъ свои выдаютъ своего. Ананій, возмущенный безчувствіемъ, безсознательностію ближайшихъ къ нему по судьбѣ, по рѣдкимъ радостямъ и частымъ страданіямъ людей, связанный ими по рукамъ и по ногамъ и отодвинутый отъ предмета своей ярой ненависти, ищетъ уже только исхода своей страсти, и ударъ его падаетъ на неповинное существо.

А что же врагъ его? И надъ нимъ тяготѣетъ таже «горькая судьбина». И чувства, и понятія его такъ же извращены, какъ понятія и чувства подчиненнаго ему міра. Съ колыбели пользуясь своимъ нечеловѣческимъ правомъ, онъ тоже потерялъ инстинктъ справедливости. За минутами гуманныхъ движеній сердца у него слѣдуютъ животныя порывы жаднаго, хотя и безсильнаго звѣря. И онъ падаетъ въ борьбѣ со своею судьбой; но въ то время, какъ соперникъ его, падая въ изнеможеніи, вырываетъ у насъ, не смотря на совершенное имъ преступленіе, слезы жалости, Чегловъ возбуждаетъ, при всѣхъ проблескахъ своего добросердечія, одно глубокое презрѣніе своихъ безсиліемъ. Единственное обстоятельство, облегчающее въ глазахъ нашихъ его пассивную виновность, это его собственное невѣріе въ прочность его неправого права. Но и это невѣріе пассивно, безсознательно. Безъ рѣдкаго, но меткаго протеста такихъ людей, какъ Ананій, и оно можетъ быть заснуло бы, и изъ подъ бархатной лапы выглянуло бы острый и цѣпкій коготь.

Одного даже бѣглаго разбора пружинъ, управляющихъ ходомъ драмы г. Писемскаго, хватило бы на большой томъ серьезныхъ размышленій о русской жизни—такъ глубоко, въ самомъ источникѣ зачерпнуто имъ содержаніе этого произведенія. А сколько психологическихъ задачъ представляетъ каждое лицо,

начиная съ двухъ главныхъ героевъ драмы и кончая хоть бы на минуту появляющимися въ избѣ Ананія мужиками!

Мы не знаемъ произведенія, въ которомъ съ такою глубокой жизненной правдой былъ бы воспроизведены существеннѣйшія стороны русскаго общественнаго положенія. Представить такую поражающую своей наглядной дѣйствительностью картину горькихъ явленій нашего быта могъ только художникъ, весь проникнутый народною силой и сознаніемъ этой силы.

Когда взглядъ художника на окружающую его сферу достигаетъ такой ясности, такого высокаго безпристрастія, какое проявилъ въ послѣднемъ произведеніи своемъ г. Писемскій, сердце невольно сильнѣе бьется надеждою, что не далека пора, когда эта «горькая судьбина» нашего общества смѣнится «сознательною разумною силой». По темнымъ краскамъ картины г. Писемскаго какъ-будто скользнулъ уже лучъ той зари, которая одѣнетъ нашъ народъ...

When the years have died away!

Но кромѣ этихъ шатающихся уже роковыхъ отношеній, нѣтъ ли еще какихъ препятствій выйдти обществу на ту свѣтлую дорогу, которая грезится намъ среди мрака «горькой судьбины»? Въ отвѣтъ на это сомнѣніе является въ концѣ драмы г. Писемскаго знаменательное лицо. Это членъ суда, производящаго слѣдствіе надъ Ананіемъ Яковлевымъ.

Кто онъ такой? Шпрингель. Значитъ, нѣмецъ. Зачѣмъ же является онъ судьей въ обществѣ, съ которымъ не связанъ кровными узами? Но что значитъ имя? что значитъ кровь? Можетъ быть явленія русской жизни ему столь же близки, сколько и намъ? Можетъ быть пониманіе русскаго народа соединило его сердце съ народными судьбами? Можетъ быть народъ нашелъ въ немъ отголосокъ своимъ нуждамъ и скорбямъ и довѣрился ему своимъ сердцемъ?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Онъ чужой этой средѣ, въ которую явился судьей, чужой мыслью, чужой чувствомъ! Онъ не понимаетъ даже и головой возможности нравственнаго общенія съ этимъ міромъ, въ которомъ хочетъ играть роль посредника. Онъ какъ будто служитъ какой-то идеѣ; но идея эта, если она и есть, не только чужда, даже враждебна интересамъ народа, въ которые онъ суетъ свою себялюбивую, черствую личность. Послѣ внимательнаго взгляда окажется пожалуй, что и все служеніе его ограничивается служеніемъ своей мизерной личности.

Сердце у него высушено и тупымъ педантскимъ воспитаніемъ, и съ пеленокъ привитымъ ему презрѣніемъ къ сѣерѣ, по его мнѣнію, низшей. И это безсердечное существо хочетъ дѣйствовать на народъ, который понять, которому сказаться можно только сердцемъ? И въ чемъ, зачѣмъ его дѣйствія? Не тоже ли это развращающее, гнетущее вліяніе, которое чахнетъ въ лицѣ Чеглова, харкающаго кровью?

Вмѣстѣ съ Чегловымъ не мѣшало бы намъ похоронить и Шпрингеля. Впрочемъ, какъ узнать, кто Шпрингель, кто вѣтъ? Не у всѣхъ Шпрингелей нѣмецкое имя.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Годъ на Сѣверѣ *С. Максимова*. Два тома. (Бѣлое море и его побережья. Поѣздка по сѣвернымъ рѣкамъ). Спб. 1859. Въ 8-ю д. л. Въ т. I, 638, въ т. II, 514 стр.

Годъ на Сѣверѣ! годъ труда, годъ лишений и неудобствъ всякаго рода. И для чего? — Для чего «подчасъ съ шестомъ для сохраненія равновѣсія между двумя крайностями: болотною топью съ одной стороны и ямой съ водою съ другой; подчасъ на плечахъ привѣсившись, присмотрѣвшихся къ дѣлу проводниковъ — плетется путникъ, обрекшій себя на путешествіе въ Колу лѣтней порой. И болятъ колѣни, и ломитъ грудь и спину, и давить плечи, и проступаетъ невольная, всегда стыдливая слеза и вылетаетъ изъ устъ невольный ропотъ и на судьбу и на себя самого. Тоскливо глядитъ все кругомъ и все окрестное заявляетъ себя заклятымъ на вѣки врагомъ утомленному страннику и физически и нравственно. Бредетъ безсознательно, машинально ступая съ кочки на кочку, съ сучка на сучокъ, тяжело прыгаетъ съ камня на камень, скользитъ и пластомъ, съ непритворными слезами, валиться на придорожную, прохваченную насквозь водою и сыростью, шину. И радъ какъ лучшему благу въ жизни, какъ лучшей наградѣ за трудный подвигъ и страданія, когда судьба приводитъ къ длинному, десяти, тридцати, пятидесяти, сто-верстному озеру, на которомъ колышется спасительный, дорогой, неоцѣненный карбасъ. Какъ въ люлкѣ баюкаетъ онъ и восстанавливаетъ силы, но опять-таки для того, чтобы истощить ихъ на слѣдующихъ пняхъ, кочкахъ, болотинахъ, погнившихъ, обсушавшихся, выбитыхъ мостовинахъ. Въ станціонныхъ избушкахъ ненасидишься долго: дымъ наполняющій ее всю отъ потолка до пола, ѣстъ глаза и захватываетъ дыханіе, сквозной

вѣтеръ, свободно входящій въ щели сильно прогнившей и разшатанной буйными вѣтрами избенки, гонить вонъ на свѣжій, крѣпко-свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, гдѣ затишье — рѣдкій и всегда дорогой гость». Но не всегда же приходится путешествовать пѣшкомъ, только едва-ли удобнѣе и поѣздка моремъ, въ карбасѣ. Хорошъ этотъ способъ, но не на сѣверѣ. Въ глухую осеннюю — *солчью* ночь, когда вѣтеръ ходитъ въ морѣ свободно, безъ препятствій, безъ остановокъ, когда море кипитъ котломъ, когда волна за волной бьютъ неплотно-шитое, самодѣльное суденко, когда грозитъ вѣрная смерть, много грустныхъ мыслей посѣтятъ отважнаго путешественника. «Плыть имъ, врага этого — не уплывешь: самый близкій берегъ чуть видѣнь, а волны ходятъ такія крутыя и высокія, съ которыми и могутъ бороться одни только суда, затѣмъ выстроенныя, на то приспособленныя цѣлыми вѣками, не однимъ десяткомъ умовъ. Нѣтъ, тяжело умирать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни привѣту, ни отвѣту, вдали отъ людей, вдали отъ родной семьи, вдали отъ искреннихъ»!.. Верхомъ ли придется ѣхать, тутъ новая бѣда, даже самъ хозяинъ коня предупреждаетъ: «ты только подъ устцы его не дергай — на дыбы становится, сбрасываетъ. Не цекоти опять же — задомъ брыкаетъ; не хлещи — замотаетъ головой, замотаетъ не усидишь, хоть-какой будь привычной». Или лошадь не слушается, боптается моста, неумѣетъ ладить съ выбоинами гати; все хочется идти по болоту стороною — зачѣмъ, для чего? Норовитъ, брыкаетъ задними ногами, сваливаетъ въ грязь разъ, и другой, и третій. А если и попадется конь получше, все-таки не совсѣмъ ладный: «сѣна-то вѣдь у насъ не больно же много жуеть, замѣчаетъ крестьянинъ давній лошадь, а овсеца-то они у насъ съ роду не видятъ». А путь далекій; ямщикъ торопитъ: — «пора, ваше благородіе, на мѣсто: стемнѣетъ хуже будетъ: дорога за Малашуйкой самая такая не ладная, что и нѣтъ ея хуже нигдѣ». Но одолѣваетъ путешественникъ и дорогу, которой хуже нигдѣ нѣтъ. Добирается кое-какъ до перевоза чрезъ р. Ниенгусъ, съ грязными, расплывшимися берегами, по которымъ ходитъ человѣку въ дождливую погоду едва ли возможно — «поломало же ваше благородіе напорядкахъ — замѣчаетъ ему тутъ таможенный солдатъ — изволите видѣть, проклятыя мѣста здѣсь; такихъ нигдѣ не видалъ, всю хохландію съ полкомъ произошелъ. Вотъ въ Сибирь посылаютъ, а зачѣмъ? пошли сюда — помается хуже ада кромѣшнаго. Здѣсь я доложу вамъ, только и жить бы надо морскому

звѣрю: смотрите, какой народъ мелкота: въ гарнизу не годится. А оттого гниеть народъ: лишной хлѣбъ ѣсть, приварокъ какой — въ честь почитаемъ. У нихъ, вотъ изволите видѣть, и лѣто и зиму на саняхъ ѣздятъ. Залаютъ они теперь пѣсню такую длинную, что пѣлый день тянуть и надругой день еще допѣвать оставятъ, ей-Богу!.. Совсѣмъ, выходитъ по нашему, кромѣшныя мѣста здѣшнія — вотъ что; извините меня, ваше благородіе, на такомъ крутомъ словѣ!» Хотя солдатъ и видимо озлобленъ, онъ скучаетъ подалней и дорогой роднѣ, онъ преувеличиваетъ, но въ словахъ его много правды и страна точно нехороша — далеко ей до родной ему Нижегородской губерніи. Наконецъ всѣ препятствія преодолены и путникъ хоть съ трудомъ, но дотащился до Онеги.

— «Изломало же тебя, моего батюшку, пуще всякой-то напасти да болѣзни, говорить ему старушка-хозяйка отводной квартиры. Непривышное, гляжу, дѣло-то тебѣ это, непривышное! Ишь, даже ходить не сможешь; тяжело чай, что берешь тащишь, а ноги-то поди, что свинцомъ налиты». А старый знакомый, семидесятилѣтній старикъ, пришедшій поздравить съ приѣздомъ, добавляетъ: «этакъ-то вѣдь рѣдко которому выпадетъ. Пущай вонъ наши чиновники, тѣмъ это дѣло привышное; смотри-ко, иной какъ на конѣ-то отдираетъ; а ты поди и сѣделушкомъ-то своимъ не запасся. Ну да ладно — дѣло теперь все это прошлое, останное, съ тѣмъ оно такое и будетъ во вѣки. А сломалъ же ты таки путину большую, какъ еще животъ-отъ это твой выдержалъ: вишь, вѣдь, вы всѣ породы-то такой жидкой, словно мочальные. Жилъ у насъ чиновникъ — измотался совсѣмъ по нашимъ дорогамъ, въ переводъ попросился, такъ перевели, слава Богу! Тѣмъ только, слышь, и поправили. А ты, на-ко поди: путину такую отломалъ, что и наши привышные-то поморы такой не дѣлаютъ, ей-Богу! На-ко: три тысячи верстъ обработалъ! — Поди вотъ ты тутъ, съ тобой и разговаривай! Чай, опять завтра въ обратную потянешься?..»

Для чего же человекъ покидаетъ свой домъ, гдѣ и тепло и уютно, гдѣ и чай во время и горячій, гдѣ и обѣдъ недурной и удобосѣдомый, гдѣ можно говорить спокойно, можно дѣлать все, что захочешь: писать, ходить, лежать, не боясь смерти, не думая о ней, не подвергаясь никакимъ не удобствамъ и лишениямъ неразлучнымъ съ кочевкой и еще гдѣ — на дальнемъ сѣверѣ? Для чего! спросите для чего человекъ науки идетъ въ пустыню Азіи, идетъ, чтобы подстрѣлять двухъ, трехъ птп-

чекъ, которыхъ нѣтъ въ Европѣ, чтобы узнать какъ живутъ эти птички, какъ, гдѣ и когда кладутъ свои яйца и выводятъ птенцовъ. Не удалось этому апостолу знанія — его избили, изранили, прокололи грудь, разрубили голову; но раны зажили и онъ снова собирается въ путь и туда же, гдѣ такъ невѣжливо прервали его недоконченную работу. Многимъ кажется смѣшнымъ тотъ американецъ, котораго опытъ съ воздушнымъ шаромъ кончился тѣмъ, что шаръ разбился и утонулъ въ океанѣ: хорошо еще что я-то уцѣлѣлъ, говоритъ американецъ — сдѣлаю новый шаръ. Но во всемъ этомъ менѣе всего смѣшнаго. Какая внутренняя сила двигаетъ человѣкомъ, заставляя его еще мальчикомъ шататься по лѣсамъ, уходить изъ дому такъ, безъ цѣли, безъ причины; не сидится ему дома, ему скучна мертвая книга, онъ ищетъ бесѣды съ живой природой? И счастливъ тотъ, кого природа наградила этой внутренней силой! Подчасъ нападетъ на него и грусть и отчаяніе, физическія страданія осияютъ духъ, но не надолго; прошла усталость и нравственная сила беретъ свое: снова начинается работа и еще съ большей силой чѣмъ прежде. Г. Максимовъ принадлежитъ именно къ числу этихъ счастливцевъ; но онъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя чувствуютъ себя одинаково хорошо и на вершинахъ Гималая и въ пустыняхъ Сахары и въ тундрахъ архангельской губерніи; его не займетъ микроскопическое изслѣдованіе разницы лишая, найденнаго въ архангельской тундрѣ, съ лишаемъ гималайскимъ; г. Максимовъ не станетъ сушить травы для гербарія, у него не достанетъ тупаго терпѣнія для перекладыванія растений изъ одной бумаги въ другую; г. Максиму нужна жизнь другая, — предметъ его изслѣдованій челоѣкъ. Но своеобразность таланта г. Максимова заключается не въ одномъ этомъ; въ талантѣ его незамѣтно космополитизма, г. Максимовъ челоѣкъ мѣста, по преимуществу, онъ сроднился тѣсно съ русской природой, съ русской жизнью, онъ отлично чувствуетъ и понимаетъ ее и въ этомъ заключается секретъ его силы и той поразительной вѣрности съ какой онъ описываетъ бытъ русскаго крестьянина и простую, но осмысленную вѣрнымъ пониманіемъ жизни и окружающихъ обстоятельствъ, рѣчь простаго русскаго челоѣка.

Съ первыхъ страницъ г. Максимовъ даетъ чувствовать читателю свою силу. «Годъ на Сѣверѣ» начинается описаніемъ города Мезени и описаніемъ быта и промысловъ жителей Зимняго и Мезенскаго береговъ. Городъ Мезень не произвелъ пріятнаго впечатлѣнія на автора: «по улицамъ бродятъ съ саночками самоѣд-

ки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ, вышедшія отъ крайней скудости *на пѣдому*: изъ туземцевъ не видишь ни души.»

«— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе? спрашиваетъ путешественникъ свою говорунью старушку-хозяйку.

— Да, вишь у насъ теперъ ярмарка...

— Гдѣ же она? не видать ни народу, не слышать ни шума, ни крику...

... — по домамъ торгуютъ; кои свои же, кто съ достаткомъ, кои съ Волока наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть-ли полно всѣхъ-то торговыхъ?

— А народъ-отъ гдѣ! бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣдень...

— На, ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!.. задвенная сторона наша, задвенная, желанный!.. времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугія... Агличкой въ лѣтошней годъ приходилъ — балавалъ шибко; много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ...

— А вѣдь онъ къ Мезени вапшей не подходилъ...

— Не подходить-то не подходилъ: это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка его знать наша не подпустила... и не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: промысла-то и затянулась, да года на два промысла-то наши затянулись! стоитъ онъ — рожонъ ему вострой! а прибыли намъ оттого никакой нѣтъ: ну, и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

Впрочемъ, Гаврило Васильевичъ, мезенскій знакомецъ г. Максимова, пояснилъ нѣсколько иначе причину крѣпко-тугихъ временъ: «нашему народу, говорилъ онъ — плеть надо, да хорошую, чтобы горохомъ вскакивалъ. Нашъ народъ лѣнтяй, такой лѣнтяй, что вотъ если заработалъ на годъ промыслами, за другія не потянетъ руки и съ мѣста не подыметъ... приходили къ намъ англійскіе корабли, пугали, на промысла не выпускали изъ дому; ушли — мы два года прожили, съ голоду не померли, на то время и къ печи-то своей поприглядѣлись, полюбили ее, что мать родную. Стало замренье, думася: коли въ два года чортъ не съѣлъ — и этотъ третій, какъ нибудь проволандаемъ, не лыкомъ же шиты... И не съ сердцовъ все это говорю вамъ, ни злобою какую пылаю. (Надобно замѣтить, что Гаврило Васильевичъ долго жила въ Архангельскѣ на купеческихъ конторахъ и самъ хвалился умѣньемъ говорить со всякимъ, кого хочешь присылай: вотъ отчего въ его рѣчи встрѣчаются фразы нѣсколько книжныя;) — я вѣдь и самъ здѣшній, и самъ въ нуж-

дѣ живалъ, и самъ достатокъ свой не съ неба получилъ! А жаль народъ, жаль брата своего, ближняго. Нашъ народъ — здоровой народъ, работной, изъ него можно выдѣлать такое дѣло, что весь край нашъ ухнетъ, да диву дастся.» Это такъ для начала; это мѣсто еще не изъ лучшихъ; но ужъ въ немъ видѣнъ мастеръ своего дѣла. Переходя къ описанію тяжкаго промысла, г. Максимовъ сообщаетъ подробности его. Отъ себя авторъ говоритъ обыкновенно не много; у него подъ рукой найдется всегда знакомый, человѣкъ — знающій; этотъ-то рассказчикъ и знакомитъ читателей съ дѣломъ. Большихъ звѣрей охотники обыкновенно облукавливаютъ, но съ бѣлками обходятся проще — ихъ бьютъ на чистоту, не хитря. «Плавать малой неумѣтъ; другая матка и махнетъ котораго въ воду, а онъ все гляди на льдину лѣзеть; старики въ прорубь мечутся, а бѣлекъ отъ нее дальше; на ледъ бы, на матерне мѣсто! И лежитъ онъ передъ тобой въ въ полномъ ликѣ, не трогается, и словно бы что-то глупое, неподходящее думается! Толи онъ матку выжидаетъ тутъ, чтобы пришла да покормила, толи онъ человѣчей-то образъ любить, не спозналъ еще нашего брата за барышняго человѣка. Господь его вѣдаетъ!»

Подобная рельефность изображеній проведена почти повсемъ описаніи сѣвера; рѣчь русскаго человѣка, складъ его ума, его взглядъ на жизнь, однимъ словомъ его практическая философія, вырисовываютъ такъ хорошо, что читатель, какъ бы чувствуетъ себя въ компаніи съ тѣми людьми, которыхъ описываетъ авторъ.

Г. Максимовъ объѣздилъ весь сѣверъ Россіи: онъ посѣтилъ Мезень, Колу, Мурманъ, Терской берегъ Бѣлаго моря, и Поморье, вездѣ описываетъ жизнь, промыслы туземцевъ, не пропускаетъ ничего имѣющаго хоть малѣйшую связь съ предметомъ его описанія, сообщаетъ много историческихъ подробностей, преданій, повѣрій народа и вездѣ остается вѣренъ самому себѣ: вездѣ честный рассказъ, безъ всякой натяжки и фразерства, честное изложеніе прожитаго и пережитаго. Много труда перенесъ авторъ; путешествіе на сѣверѣ не представляетъ никакихъ удобствъ, нѣтъ тамъ ни Hotel'ей, ни желѣзныхъ дорогъ, ни блестящей жизни большихъ городовъ Запада, но онъ былъ въ странѣ, которую читалъ какъ книгу и читалъ вѣрно понимая ее смыслъ, онъ чувствовалъ народъ, среди котораго странствовалъ, и эта родственность видна на каждой страницѣ рассказовъ г. Максимова. Никакія подробныя описанія нѣмцевъ — путешественниковъ изъ иностранцевъ, не въ состояніи передать

такъ вѣрно душевный складъ русскаго человѣка; г. же Максимовъ вычерчиваетъ его двумя, тремя повидному пустыми крестьянскими рѣчками. Послѣ одного очень опаснаго морскаго перѣзда, въ небольшомъ весельномъ карбасѣ, когда пловцы ждали каждую минуту, что волны разобьютъ ихъ суденышко; когда опытный и привыкшій къ бурному морю кормчій уже неполагался на свое искусство и грозилъ гребцу Васкѣ обрубить на берегу носъ и уши, что тотъ плохо рочилъ шкотъ, пловцы наконецъ на берегу; кормщикъ съ руками, окровавленными трудной работой, просить гривенникъ для косушки, простосердечно давая этому гривеннику огромное значеніе десяти рублей серебромъ.

— А вѣдь страшно было ѣхать! замѣчаетъ ему г. Максимовъ.

— Чего страшнаго; этакъ ли еще бываетъ?

— Ну, да, однако, и съ нами хорошо было?

— Хорошо-то, хорошо!.. Страшно было! два раза чуть не опружило; а все вотъ эти черти!

И кормщикъ указалъ на гребцовъ.

— Что же ты съ ними сдѣлаешь?

— А что съ ними дѣлать? далъ ты намъ большія деньги — пойдемъ выпьемъ вмѣстѣ за твое здорье.»

Или одинъ изъ кемскихъ жителей, сообщая о морскихъ промыслахъ того края, заключилъ свой рассказъ философскимъ воззрѣніемъ на цѣну жизни; воззрѣніемъ такъ общимъ русскому человѣку вездѣ, какъ на дальнемъ сѣверѣ, такъ и на дальнемъ югѣ: «По берегу-то по Конинскому теперь избы настроили, хоть и не больно часто; у пной и часовня есть, и образъ есть—да вѣдь въ наледномъ промыслу, что въ этихъ пзбахъ? Тутъ вонъ созвѣремъ-то ломаешься, хитришь, бьешь его; умъ теряешь и смѣтку всякую, а на ту пору, глядишь, вѣтеръ оторвалъ твою льдину отъ приная, да и понесъ въ голомя. Съ горяча-то, это тебѣ не въ примѣту, а очнешься—руками махнешь, крестное знаменіе на лобъ положишь, родителей, коли есть, вспоминаешь, знакомые какіе на умъ взбредутъ, сердцемъ опять надорвешься, глаза зажмуришь и поплывешь на удачу, куда вѣтеръ несетъ. На этотъ случай намъ островъ Моржовець подспорье хорошее: все больше на него попадемъ. Такъ вотъ и со мной разъ было дѣло. А то уносить въ Океанъ, такъ тамъ и погибають... Бобыль ты человѣкъ—по тебѣ за то и собака не взвоетъ; семья у тебя есть—ну, пзвѣстно заревутъ бабы, шибко заревутъ. Опять таки и онѣ: поревутъ, поревутъ—перестанутъ. Это ужъ дѣло такое! Нѣтъ

того на свѣтѣ горя, въ которомъ бы человѣкъ утѣшенія себѣ получить не могъ...»

По этимъ однимъ выпискамъ далеко не лучшихъ мѣстъ читатель уже можетъ составить понятіе объ интересѣ рассказовъ и описаній г. Максимова. Вторая часть читается еще легче первой. Тонъ рассказа вездѣ одинъ и тотъ же, а подробности описанія и даже самыхъ разнообразныхъ фактовъ, не исключая историческихъ, не смотря на то, что авторъ хотѣлъ, какъ кажется, изобразить преимущественно бытъ народа, сообщаютъ описанію самый разносторонній интересъ.

Для художественнаго изложенія недостаетъ только образности лицъ—читатель слышитъ вполнѣ вѣрную по формѣ и по духу русскую рѣчь, но дѣйствующія лица не всегда рисуются ясно въ его воображеніи. Впрочемъ, не надобно забывать, что трудъ г. Максимова, есть трудъ по преимуществу этнографическій.

Н. Ш.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Томы VII и VIII. Спб. 1859—1860. Въ 8-ю д. л. 386 и 334 стр.

Двумя этими томами заключается кругъ чисто-литературныхъ произведеній Шиллера. Г. Гербель не думаетъ остановиться однакожъ на восьмомъ томѣ, какъ на концѣ всего своего изданія. Онъ имѣетъ въ виду издать въ русскомъ переводѣ и историческія и философскія сочиненія Шиллера. Успѣхъ, какимъ пользуется его полезное предпріятіе, повидимому, возрастаетъ. На дняхъ вышло *второе* изданіе перваго тома, котораго уже не было въ продажѣ. Въ «Русскомъ Словѣ» было подробно говорено о добросовѣстности и дѣльности предпріятія г. Гербеля, и мы считаемъ себя поэтому въ правѣ указать лишь на содержаніе нынѣ вышедшихъ двухъ томовъ.

Седьмымъ томомъ завершаются «Драматическія сочиненія Шиллера». Въ немъ помѣщены переводъ Жуковскаго «Орлеанской Дѣвы» и «Коварство и Любовь» въ переводѣ М. Л. Михайлова. Последняя трагедія является на русскомъ языкѣ лишь во второй разъ. Первый переводъ ея, сдѣланный Смирновымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, очень устарѣлъ, и давно чувствовалась потребность въ новомъ переводѣ.

Жуковский со свойственною его времени щепетильностію смачилъ и опустилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Орлеанской Дѣвы»

слишкомъ рѣзкіе или грубые, по его мнѣнію, стихи. Возстановить ихъ въ настоящемъ видѣ было обязанностью новаго издателя перевода Жуковскаго, и г. Гербель привелъ подъ текстомъ всѣ опущенные стихи въ переводѣ г. Мея. Любопытно видѣть, что казалось Жуковскому у Шиллера неприличнымъ.

Вотъ, напримѣръ, какую характеристическую черту стеръ онъ съ лица королевы. Въ переводѣ его нѣтъ слѣдующихъ стиховъ, унижавшихъ вѣроятно, по его мнѣнію, высокій санъ дѣйствующаго лица трагедіи.

Въ сценѣ второй втораго акта Изабелла говоритъ:

«Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипитъ,
Какъ и въ другой. Я вашей королевы
Вѣнецъ надѣла для того, чтобъ жить,
А не сіять безжизненной звѣздой.
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отказаться — потому,
Что волей рока годы молодые
Я принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни!...
А кто меня стѣсняетъ?... Впрочемъ — полно
Мнѣ съ вами спорить о моихъ правахъ!
У васъ съ пелень въ крови застои и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья.»

Потомъ, нѣсколько дальше, указывая на Ліонеля, она восклицаетъ:

«Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было
Мнѣ съ кѣмъ спастись отъ мертвящей скуки;
А тамъ уже какъ знаете!... Пожалуй
И слушать я не стану про бургундцевъ
И англичанъ.»

Она киваетъ головой своему пажу и хочетъ выйти. Ліонель говоритъ ей:

«Позвольте — мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.»

Королева, приостанавливаясь, замѣчаетъ на это предложеніе:

«Вы годны лишь владѣть мечемъ; одинъ
Французъ умѣетъ нѣжно говорить.»

Ничего этого не было въ переводѣ Жуковскаго. Понятно, какъ поблѣднѣлъ отъ такого пропуска характеръ королевы.

Кромѣ двухъ трагедій, въ концѣ VII-го тома помѣщены черновые планы трехъ трагедій, затѣянныхъ, но не написанныхъ Шиллеромъ. Это «Варбекъ», «Мальтійскіе рыцари» и «Потерян-

ныя дѣти». Онѣ были задуманы въ послѣдніе годы Шиллера. «Эти отрывки (справедливо замѣчаетъ г. Гербель въ своемъ предисловіи), не смотря на занимательность сюжетовъ, не имѣютъ литературнаго достоинства, представляя рядъ мыслей, набросанныхъ торопливо на бумагу и едва связанныхъ между собою; но они знакомятъ насъ съ предварительными работами Шиллера, даютъ понятіе объ обширныхъ литературныхъ замыслахъ великаго поэта, занимавшихъ его въ послѣднія минуты жизни; наконецъ, изъ этихъ плановъ и отрывковъ, еслибъ Шиллеръ не умеръ такъ рано, родились бы со временемъ новыя трагедіи, и эти трагедіи, быть можетъ, далеко бы превзошли всѣ тѣ, которыя онъ написалъ при жизни. Все это даетъ предлагаемымъ отрывкамъ право на переводъ.»

Въ томѣ восьмомъ всѣ переводы составляютъ совершенную новость. Неоконченная трагедія «Дмитрій Самозванецъ» очень удачно переведена г. Меємъ. Нельзя не обратить особеннаго вниманія въ этомъ переводѣ на совершенно русскій характеръ рѣчи, который г. Мей умѣлъ придать нѣмецкому подлиннику, оставаясь ему въ то же время вѣрнымъ во всѣхъ частностяхъ выраженія. Достоинства перевода г. Мея ярче всего являются при сравненіи съ отрывкомъ изъ той же трагедіи, переведеннымъ г-жею Павловой и напечатанномъ въ приложеніи къ восьмому тому.

Вотъ какъ переводитъ г-жа Павлова привѣтствіе патріарха Иова царицѣ Марѣ:

«Великій царь прислалъ меня къ тебѣ:
Онъ не забылъ тебя на тронѣ дальнемъ;
Какъ солнце окомъ пламеннымъ повсюду
И свѣтъ и жизнь лѣтъ на міръ широкій,
Такъ на свои владѣнья неусыпно
Взоръ всеобъемлющій бросаетъ царь,
И до границъ послѣднихъ и безвѣстныхъ
Его державу глазъ его блюдетъ.»

А вотъ то же мѣсто въ переводѣ г. Мея:

«Самъ государь послать меня изволилъ
Къ тебѣ, царица, съ государскимъ словомъ:
Со своего высокаго стола
Онъ келію отшельницы попомнилъ,
Зане — какъ солнце лучезарнымъ окомъ
Вселенную повсюду освѣщаетъ,
Такъ государь своимъ всезрящимъ взглядомъ
Все освѣщаетъ царство, ибо свыше
Печалуетъ о всемъ и обо всѣхъ.»

Именно такъ, съ такимъ соблюденіемъ народной русской рѣчи, какъ это сдѣлалъ г. Мей, слѣдовало перевести «Дмитрія Самозванца», и переводчикъ заслуживаетъ вознѣйшей похвалы за свой прекрасный трудъ.

Даже въ восьмомъ томѣ также въ первый разъ напечатаны переводы романа «Духовидецъ» (М. Л. Михайлова), замѣчательнаго по мысли драматическаго отрывка «Мизантропъ» (г. Гербея) и двухъ повѣстей въ прозѣ «Ожесточенный» и «Игра судьбы.»

Въ прибавленіи мы находимъ, какъ дополненіе къ прежде изданнымъ томамъ, нѣсколько стихотвореній въ переводахъ гг. Алмазова, Треборна, г-жи Глинки и наконецъ Лермонтова. «Переводы Лермонтова (говоритъ издатель) нигдѣ не были напечатаны и являются здѣсь въ первый разъ. Эти опыты не имѣютъ достоинства вѣрности и художественной передачи подлинника, и помѣщая ихъ въ моемъ изданіи, я не думалъ содѣйствовать ими ближайшему знакомству русскихъ читателей съ Шиллеромъ. Но они отмѣчены именемъ столь дорогихъ и столь рано смолкшимъ въ нашей литературѣ, что я считалъ себя не въ правѣ оставить ихъ въ сторонѣ и не представить свидѣтельства, что и на образованіе Лермонтова и на его поэтическую дѣятельность Шиллеръ имѣлъ свою долю благотворнаго вліянія, какимъ обязаны ему многіе и многіе лучшіе наши поэты. Эти стихотворенія относятся къ самой ранней, почти дѣтской порѣ поэта Мцыри и Бэлы.»

Чтобы познакомить читателя съ этими опытами Лермонтова, о которыхъ не забудеть упомянуть будущій біографъ поэта, мы приведемъ лишь начало перевода «Перчатки»:

«Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король вслѣдъ на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.

«Вотъ — царскому знаку внимають;
Скрипучую дверь отворяють,
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой,

И всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.»

Въ собственноручной тетради Дермонтова, принадлежащей г. Краевскому, изъ которой взяты эти стихи, встрѣчаются уже и первые наброски «Демона.»

Въ предисловіи къ восьмому тому г. Гербель рассказываетъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ отозвалось въ Россіи празднованіе Германією столѣтняго юбилея дня рожденія Шиллера.

Изданіе, какъ всѣ изданія г. Гербеля, отличается тщательностью и изяществомъ.

М. Я.

Курсъ Всеобщей Исторіи доктора Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. Москва, 1859 г. Томъ I. Выпуски II и III, стр. 161 — 399 и 400 — 686.

Отдавая отчетъ о первомъ выпускѣ ученаго труда гейдельбергскаго профессора, въ русскомъ переводѣ *), мы, кажется, достаточно опредѣлили значеніе его вообще и въ нашей педагогической литературѣ въ-особенности. Поэтому, теперь намъ остается ограничиться только нѣкоторыми частными замѣчаніями относительно подробностей, заключающихся въ двухъ послѣднихъ выпускахъ, — содержащихъ исторію греческаго міра (второй) и римскаго государства (третій). Третьимъ выпускомъ окончивается исторія древняго міра, доведенная авторомъ до перенесенія императорскаго двора изъ Рима въ Византію и проникновенія христіанства въ духовную жизнь образованнаго міра, вслѣдствіе чего, по выраженію доктора Вебера, сокрушились самые корни римскаго преобладанія. Но всеобщая исторія не должна представлять исторію государствъ, а повѣтствованіе о постепенномъ развитіи человѣчества въ нравственномъ, умственномъ и политическомъ отношеніяхъ; поэтому правленіе Константина Великаго едва-ли можетъ служить предѣломъ между древнею и среднею исторіею. Прежде, когда близорукіе разработыватели этого предмета видѣли въ немъ только сборникъ военныхъ анекдотовъ и рассказовъ о генеральныхъ сраженіяхъ, весьма удобно было дробить исторію на періоды. Разширеніе предѣловъ того или другаго государства, вслѣдствіе какой-нибудь кровопролитной битвы, служило достаточнымъ основаніемъ для образованія новаго отдѣла; но когда взгляды на этотъ важный предметъ

*) См. Русское Слово 1859 г., кн. XI, Библиографія, стр. 42.

общаго образованія пзмѣнились, когда поняли наконецъ, что не усиленіе могущества какой-нибудь націи, вслѣдствіе новыхъ неувыдаемыхъ лавровъ ея побѣдоноснаго оружія, и не паденіе государствъ, вслѣдствіе какого-то непонятнаго озлобленія нравственности, составляетъ историческія эпохи, но измѣненіе духа и характера времени, тогда конечно труднѣе стало подыскивать событія для дѣленія исторіи на періоды, потому что это измѣненіе происходитъ не въ одно мгновеніе, не съ ударомъ маятника, а мало-по-малу постепенно и незамѣтно. Вслѣдствіе этого стереотипный 476 годъ, годъ паденія западной римской имперіи, составлявшій обыкновенно граничную черту между повѣтствованіемъ о судьбѣ древняго міра и изложеніемъ жизни среднихъ вѣковъ, замѣнился христіанскою эрою, началомъ земной жизни Спасителя, а для отдѣленія средней исторіи отъ новой, явилось даже три мнѣнія, изъ которыхъ одно предлагало избрать за начало новаго порядка вещей открытіе Америки, другое — итальянскій походъ Карла VIII и наконецъ третье — начало реформаціи. По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ приведенныхъ нами событій, гораздо основательнѣе за предѣлы трехъ главныхъ частей всеобщей исторіи избирать рожденіе Иисуса Христа и начало реформаціи, такъ какъ, — во-первыхъ религиозныя понятія и вѣрованія служатъ мѣриломъ и отпечаткомъ существующихъ въ народѣ принциповъ и убѣжденій, а во-вторыхъ, какъ проповѣдь апостоловъ, такъ и реформа Лютера явились не внезапно, не неожиданно, а были вызваны рядомъ предшествовавшихъ событій и сопровождались еще нѣкоторое время явленіями, напоминавшими старыи порядокъ вещей: послѣ Константина, въ западной римской имперіи властвовалъ Юліанъ, а послѣ Лютера послѣдовала реакція католицизма съ ужасами Варооломеевской ночи и неистовствами тридцатилѣтней войны; — къ тому же обѣ приведенныя намъ эпохи, если и не равносильны, то, по-крайней-мѣрѣ, однородны.

Что касается собственно до исторіи греческаго міра, содержащейся во-второмъ выпускѣ курса доктора Вебера, то она отличается тою же основательностью и тѣмъ же увлекательнымъ изложеніемъ, какъ и исторія азіатскихъ и африканскихъ народовъ; только, намъ кажется, не мѣшало бы придать первому періоду ея болѣе связи и послѣдовательности, — что отчасти нарушается раздробленіемъ *курса* на отдѣльныя статьи, изъ которыхъ многія имѣютъ даже особенные заголовки, — а вслѣдствіе этого, человѣку, незнакому еще съ исторіею, начало исторіи

Греція доктора Вебера можетъ показаться состоящимъ изъ отдѣльныхъ трактатовъ о предметахъ касающихся до греческаго міра, но не послѣдовательнымъ изложеніемъ развитія жизни грековъ. Такъ, на примѣръ, вслѣдъ за троянскою войною (стр. 180), говорится о переселеніи дорійцевъ (стр. 182), но не какъ объ одномъ изъ ея слѣдствій, а какъ бы о событіи совершенно случайномъ, слѣдовавшемъ только по времени за осадою и паденіемъ Иліона. Затѣмъ послѣ разсказа о переселеніи дорійцевъ повѣствуется о греческихъ колоніяхъ (стр. 184), безъ всякой оговорки, что заведенію ихъ, между прочимъ, содѣйствовало вторженіе гераклидовъ и т. д. Конечно это самыя незначительныя недосмотры, но тѣмъ не менѣе устраненіемъ ихъ облегчилось бы запоминаніе внутренней связи между событіями греческаго міра. Послѣ описанія эллинскаго быта (стр. 201), авторъ прямо переходитъ къ исторіи Спарты и Аѳинъ, не объясняя, почему все наше вниманіе должно быть сосредоточено на этихъ центрахъ жизни древнихъ грековъ и почему судьба другихъ греческихъ государствъ можетъ быть изложена съ гораздо меньшею подробностію. Начиная исторію Спарты съ законодательства Ликурга (стр. 207), докторъ Веберъ довольно обстоятельно излагаетъ государственное устройство и бытъ этой дорійской республики, но не высказываетъ окончательно своего мнѣнія о постановленіяхъ Ликурга, такъ что незнакомый съ исторіею едва-ли можетъ вывести заключеніе хороши или дурны были эти постановленія; чему въ-особенности способствуетъ пропускъ нѣсколькихъ довольно рельефныхъ законовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на бытъ Спарты, какъ на примѣръ, запрещеніе горевать о покойникахъ, сѣченіе дѣтей розгами въ залѣ Діаны, потворство воровству для пріученія къ ловкости и т. п. Кромѣ того, въ географическомъ очеркѣ древней Греціи не указано на вліяніе ея извилистой береговой линіи на образованіе; въ перечнѣ областей южной Греціи (стр. 166), мы не нашли *Месары*, игравшей такую важную роль въ борьбѣ Немпеннеза съ Эладомъ, *Коринтѣи*, замѣчательный своими олимпійскими играми и *Сикіоніи*, такъ долго оспаривавшей свою независимость, — хотя впрочемъ впослѣдствіи говоритъ о нихъ, какъ объ отдѣльныхъ областяхъ (на примѣръ на стр. 183); — перечисляя эллинскія племена, авторъ ничего не сказалъ о діалектахъ или нарѣчіяхъ греческаго языка (стр. 177); при описаніи греческихъ колоній, не упомянуто о главнѣйшей изъ причинъ ихъ быстраго развитія, именно о независимости ихъ отъ стѣснительныхъ постановленій метрополій и возможности устроить

быть свой по своему усмотрѣнію (стр. 184); говоря объ общественныхъ играхъ, докторъ Веберъ упоминалъ только объ однихъ олимпійскихъ, пропустивъ истмійскія, пелійскія и пеленскія, въ числѣ которыхъ особенно важны истмійскія, такъ какъ кромѣ гимнастическихъ упражненій, они характеризовались еще чтеніемъ на нихъ изящныхъ произведеній греческой литературы (стр. 203). Не смотря на все это, даже и первый періодъ Греціи, сравнительно съ другими болѣе слабый по изложенію, читается съ большимъ удовольствіемъ; особенно же тщательно обработана внутренняя исторія, въ которой излагается государственное устройство, бытъ и образованность древнихъ эллиновъ. Мѣстами, гдѣ нужно, авторъ приводитъ и цитаты изъ древнихъ писателей; описывая напримѣръ, состояніе Аѳинъ передъ персидскими войнами, докторъ Веберъ приводитъ замѣчательныя слова Геродота, который говоритъ :

«Вездѣ оказывались благотворныя дѣйствія гражданскаго равенства; при прежнемъ порядкѣ вещей Аѳиняне не одолѣвали въ войнѣ сосѣдей; — сдѣлавшись свободными, они скоро заняли первое мѣсто. Очевидно, что подъ рукою властителей они съ умысломъ дѣйствовали вяло, потому что весь трудъ ихъ шелъ на пользу господъ, а при свободномъ правленіи каждый старался самъ за себя, радѣлъ за собственное благо (стр. 229).

Вотъ, напримѣръ, какъ рельефно очерчены нѣкоторыя древнія философскія системы грековъ :

«При первомъ пробужденіи человѣческаго сознанія, душа начинаетъ мало-по-малу освобождаться отъ смутнаго хаоса безпорядочныхъ ощущеній и представленій, и приходитъ наконецъ въ себя; это-то прихожденіе въ себя, образумленіе или опамятованіе и есть начало философствованія, посредствомъ котораго человѣкъ хочетъ дать себѣ отчетъ, какъ о внѣшнихъ вещахъ и отношеніяхъ, такъ и о томъ, что дѣется внутри его, о его внутреннихъ движеніяхъ и перемѣнахъ. При этомъ пробужденіи человѣческой духъ обратился прежде всего къ міру внѣшнихъ явленій и испыталъ свою юношескую силу на изслѣдованіи природы. Но въ то время, когда созерцательный житель Востока углубился въ природу всѣмъ своимъ существомъ, находя ее въ основѣ своей религіи и не имѣя силъ отрѣшиться духомъ отъ этой основы, — подвижный эллинъ возвысился надъ природою, старался проникнуть въ нее и преодолѣть ее. Поэтому древнѣйшая философія грековъ была *философіей вѣншией природы*,

философіей естества, и первымъ стремленіемъ ихъ было — въ *множественности* видимаго міра отыскать *единство* и среди вѣчной *перемены* открыть *постоянное основаніе*. При этомъ обозначились два главныя направленія: *физическій* взглядъ *іонійской философіи*, принимавшей міръ за чувственное явленіе и отыскивавшей основы всѣхъ вещей съ этой точки зрѣнія и *этический* (нравственный) взглядъ *дорійско-пифагоровской* школы въ нижней Италіи, стремившійся постигнуть внутреннія причины міроявленія..... Третьимъ путемъ пошло философское изысканіе у *элеатов* (въ Элеѣ, въ Нижней-Италіи), которые ставили верховнымъ началомъ понятіе *бытія* и *единства* (единаго бытія) и постигали *Бога* и *міръ* въ *неразрывной совокупности*..... Основателемъ іонійской философской школы слылъ *Талесъ* милетскій (635—560 годахъ), потому что высказалъ слѣдующее положеніе: «міръ развивается изъ несовершеннаго сѣмяннаго состоянія, которое имѣетъ свойство влаги или воды.»..... Боги неба и земли, о которыхъ поэзія и народная вѣра такъ распространялись въ разсказахъ, отнесены были Талесомъ въ область баснословія; божественнаго во вселенной видѣлъ онъ одну только движущую и плодящую силу вещей, которую въ противоположность матеріи и называлъ душою, не допуская въ ней, однакожь, ничего личнаго. Его божественное существо было присущее міру безформное начало жизни..... *Дорійско-пифагоровская* школа хотѣла аристократію ума, преобладаніе духа, противопоставить слабымъ сторонамъ и властительства родовой знати, и народнаго правленія и въ то же время удержать толпу отъ властолюбивыхъ стремленій превосходствомъ своего практическаго смысла, образованія и энергической дѣятельности..... Въ то время, какъ іонійская и пифагоровская философія стремилась понять все чувственно-явное какъ порожденіе невидимаго и вѣчнаго, въ немъ же и пребывающее, *Ксенофанъ* колофенскій (около 536 года), основатель *элеатской школы*, признавалъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ самый міръ и этимъ положилъ начало *пантеизму*, или тому ученію, которое принимаетъ *божество* и *міръ* за одно и то же. Положеніемъ своимъ, что *множественности* неизмѣнныхъ вещей нѣтъ, а есть только одно *неизмѣнное*, именно все, и что это *единое* все есть *Богъ*, онъ, правда, рѣшительно противосталъ многобожію, но за то возвелъ вселенную въ божество и утверждалъ о немъ, что оно ни конечно, ни безконечно, ни движимо, ни недвижимо, а между тѣмъ всемысляще, всемогуще, исполнѣ себѣ равно и тождественно, и что, наконецъ, совершен-

нѣйшая форма его — шаръ (стр. 239).» — Начиная со втораго періода, то есть, съ персидскихъ войнъ, событія излагаются уже въ строгой связи и послѣдовательности, представляя полную, оживленную картину описываемыхъ эпохъ; жаль только, что мѣстами авторъ, ради краткости, опускаетъ нѣкоторыя подробности, конечно, составляющія принадлежность элементарныхъ, первоначальныхъ руководствъ, но тѣмъ не менѣе могущія быть неизвѣстными для тѣхъ, которымъ изъ историческихъ сочиненій первымъ попался *Курсъ Всеобщей Исторіи*. Въ руководствѣ, въ учебникѣ этотъ пропускъ можетъ быть пополненъ разсказами преподавателя, но въ *Курсѣ* эта потеря, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть невознаградима. Такимъ образомъ авторъ не разсказываетъ, при помощи какой именно хитрости удалосьThemistocle окружить Аѣны стѣнами; недостаточно также развить характеръ Клеона, личности весьма типичной, подобныхъ которой мы встрѣчаемъ зачастую и въ наше время. Затѣмъ докторъ Веберъ допускаетъ сношеніе персовъ съ кареагенянами, при одновременномъ нападеніи ихъ на Грецію и Сицилію, что составляетъ вопросъ еще нерѣшенный, потому что, при тогдашней разъединенности народовъ, подобные союзы были весьма затруднительны. Обзоръ греческой прозаической литературы, въ цвѣтущую пору Греціи, также интересенъ и подробенъ, какъ и предъидущей эпохи. Вотъ, на примѣръ, что сказано въ *Курсѣ* объ аристотелевой *политикѣ*.

«Аристотелева сочиненія о *государственныхъ формахъ* (политика) особенно важны потому, что онъ разсматриваетъ въ нихъ различныя политическія учрежденія греческаго и негреческаго міра, относительно ихъ преимуществъ и недостатковъ, потомъ излагаетъ причины ихъ паденія, далѣе указываетъ средства поддержать ихъ и наконецъ представляетъ свои собственныя мысли о государствѣ, основанномъ на *разумѣ* и *опытѣ*. Отъ доблести его, равно какъ и отъ доблести его гражданъ, онъ требуетъ только «умѣреннаго и посредственнаго» или «благо-разумной середины» между крайностями, не ища ни въ государствѣ, ни въ гражданинѣ высокаго образца, какъ *чего-то все-таки недостижимаго*. *Смѣшеніе различныхъ государственныхъ формъ, при которомъ перевѣсъ на сторону средняго сословія, кажется ему лучшимъ политическимъ устройствомъ въ мірѣ*. Это неподобное, только отрывками уцѣлѣвшее сочиненіе, родъ *сравнительной анатоміи основныхъ законовъ государства*, отличается послѣдовательностью, ясностью и примѣрнымъ безпристрастіемъ,

готовымъ ужиться съ любою данною обстановкой, лишь бы только оцѣнить ее по достоинству» (стр. 310).

Наконецъ въ третьемъ періодѣ исторіи Греціи, т. е., македонской порѣ, докторъ Веберъ точно также нѣкоторые факты обходитъ молчаніемъ, какъ событія всѣмъ и каждому извѣстныя; напримѣръ, говоря о Демосеенѣ, замѣчаетъ только, что этому знаменитому оратору удалось съ невѣроятнымъ усиліемъ воли преодолѣть природныя препятствія для красворѣчія (стр. 337); но какія это были природныя препятствія — не сказано; мы не думаемъ, чтобы всѣмъ и каждому, особенно у насъ, было извѣстно, что Демосеенъ сначала заикался. Далѣе авторъ говоритъ, что жрецы храма Юпитера Аммона, признали Александра сыномъ своего божества, между тѣмъ, по свидѣтельству Плутарха, это признаніе произошло вслѣдствіе ошибки, потому что жрецъ, не зная хорошо греческаго языка, вѣсто παιδιον (дитя мое), привѣтствовалъ македонскаго героя словомъ παιδιος (т. е., παῖς Διός — дитя Бога) и эта двусмысленность, произшедшая отъ грамматической ошибки, подала поводъ къ молвѣ, что оракулъ Аммона назвалъ Александра сыномъ Зевса. Излагая развитіе изящныхъ искусствъ у грековъ, докторъ Веберъ, совершенно справедливо замѣчаетъ:

«У грековъ, какъ и у жителей Востока, искусство первоначально служило религій; ихъ древнѣйшіе лики боговъ, сдѣланные руками греческихъ художниковъ, или съ одобренія жрецовъ, по правиламъ священнаго канона (устава), или по старинному преданію, были поэтому очень далеки отъ свободы и идеальной человѣческой красоты позднѣйшей эпохи. Благоговѣніе долго не допускало отнимать у статуи тотъ пошибъ или типъ, который однажды опредѣлился древними правилами и образцами; художники должны были представлять боговъ въ томъ же безжизненномъ, окаменѣломъ видѣ, въ какомъ эти изображенія перешли къ эллинамъ съ Востока» (стр. 345).

При обзорѣннн религиозныхъ и философскихъ ученій александрійской эпохи, авторъ говоритъ:

«Ту же перемѣну, какъ и въ понятіяхъ о государствѣ и правѣ, находимъ мы въ *религіозныхъ* воззрѣніяхъ. Наивная, дѣтская вѣра былыхъ временъ, считавшая боговъ за совершенныхъ людей, которые участвуютъ въ радостяхъ и страданіяхъ человѣка, имѣютъ личныя сношенія съ человѣчествомъ и управляютъ его судьбами, — эта вѣра давно утратилась въ образо-

ванныхъ кружкахъ и осмѣивалась какъ суетвѣріе. Философскія изслѣдованія, опровергавшія истинность множественнаго и производившія къ идеѣ о единомъ первомъ началѣ, какъ дѣйстви-тельно сущемъ и спокойно неизмѣнномъ, среди всеобщаго измѣненія вещей, потрясли самыя основы *политеизма*, и такъ какъ результаты этихъ изслѣдованій были недоступны народу и не могли удовлетворить присущую человѣческому сердцу потребность религіи, то совѣсть человѣка помутилась. Оттого нонятно, что древнія правительства, которыя, какъ представители пѣлаго народа, должны были имѣть въ виду общее благоденствіе, явились хранителями и защитниками народной религіи, и изгоняли или подвергали наказанію многихъ философовъ, какъ безбожниковъ. Но стремленія къ сознанію и духовному развитію нельзя остановить никакими внѣшними преградами. По мѣрѣ того, какъ понятіе о человѣческой личности и личной свободѣ пересиливало узкія формы древнихъ государственныхъ понятій, философское направленіе, мало-по-малу одолевало народное многобожіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ языческой міръ постепенно приходилъ въ упадокъ (стр. 392). Самыми важными, по вліянію, философскими школами, кромѣ парепатетической — Аристотеля, и академической — Платона, были двѣ: *эпикурейская* и *стоическая*. Философія Эпикура учила, что незнаніе истины основано только на минутномъ впечатлѣніи, получаемомъ отъ созерцанія и ощущенія; что нѣтъ бытія внѣ матеріи, а матерія, душа и боги возникли изъ случайнаго совокупленія атомовъ; что дѣль бытія, какъ для людей, такъ и для боговъ, заключается въ блаженствѣ; для первыхъ она состоитъ въ томъ, что они избавлены отъ многотрудныхъ занятій міротворенія и міроуправленія (оттого Эпикуръ и отвергалъ всякое вліяніе боговъ на міръ и человѣчество), для вторыхъ — въ свободѣ отъ всякихъ мучительныхъ, нарушающихъ довольство положеній (стр. 394). Ученіе Зенона получило отъ *портика (стоа)* въ Афинахъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, названіе *стоическаго*. Эта философія стремилась къ разрѣшенію той же задачи, какъ и эпикурейская, *поставляя целью жизни блаженство, основанное на мудрой умѣренности*; но въ своемъ изысканіи пришла къ противоположнымъ съ нею средствамъ и путямъ. По ученію стоиковъ, счастье человѣка заключается въ его *богоподобіи*, котораго онъ достигаетъ путемъ мудрости, чрезъ постиженіе божественнаго и человѣческаго и чрезъ вѣрное пониманіе добра и зла, и путемъ добродѣтели, чрезъ согласный съ природою образъ жизни, чрезъ

господство надъ всѣми пожеланіями, страстями и неразумными влеченіями, чрезъ согласіе человѣческой воли съ природою и разумомъ. Стоякъ переноситъ превратности жизни, радость и горе, счастье и несчастье, съ непоколебимымъ равнодушіемъ, потому что все предназначено ему заранѣе, извнѣ, вѣчною *естественною необходимостью* или рокомъ (фатумъ), а сопротивление неизбѣжному было бы противоестественно; при первомъ начертаніи міра, положенъ былъ зародышъ всѣхъ явленій на вѣчныя времена, такъ что каждый созданіе носитъ въ самомъ себѣ необходимость всѣхъ судебъ своихъ, и *нѣтъ ничего случайнаго*. Самоубійство не было преступленіемъ въ глазахъ стояка» (стр. 395).

Что касается перевода, то онъ отличается тою же правильностью и чистотою языка, какъ и въ первомъ выпускѣ. Одно только мы позволимъ себѣ замѣтить, что цѣна выпусковъ, по нашему мнѣнію, непомярно высока. Первый стоитъ семьдесятъ пять копеекъ, второй — девяносто копеекъ, а третій наконецъ одинъ рубль. Во времена Пушкина еще можно было держаться системы поэта, высказанной имъ въ его запискахъ, относительно книжной торговли, именно, что гораздо выгоднѣе напечатать двѣсти экземпляровъ и продавать по пятидесяти рублей, чѣмъ тиснуть двадцать тысячъ экземпляровъ и продавать по пятидесяти копеекъ; но теперь кругъ читателей значительно расширился и расширился конечно не въ высшихъ слояхъ общества, а въ среднихъ, гдѣ чаще встрѣчаются люди недостаточные, такъ что въ наше время не только выгоднѣе, но даже и обязательнѣе (чтобъ не сказать, добросовѣстнѣе) устроить продажу такимъ образомъ, чтобы книги продавались, вмѣсто пятидесяти рублей, по пятидесяти копеекъ. Дешевыя изданія гг. Щепкина и Солдатенкова служатъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Еще одно слово. Не мѣшало бы также обратить болѣе вниманія на брошюровку выпусковъ. Тотъ экземпляръ, который мы имѣли подъ рукою, рассыпался на отдѣльные листы, какъ только мы его разрѣзали. Это замѣчаніе не относится конечно къ страницамъ 243 и 244, образующимъ листокъ, очевидно вклеенный послѣ сверстки и титрованія всей книги, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-либо измѣненій въ текстѣ, потому что на 244 страницѣ двумя строками менѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ мѣстѣ *Курса* доктора Вебера, говорится объ ученіи Пяеагора, жившаго за 2444 года до нашего времени...

И. РЕМЕЗОВЪ.

Землеводствѣ Азіи, Карла Риттера. Томъ II. Переводъ П. Семенова. Спб. 1859.

Не смотря на усилія всѣхъ европейскихъ націй къ изслѣдованію неизвѣстныхъ земель, на земномъ глобусѣ остается еще пять terra incognita: двѣ полярныя страны, и внутреннія части материковъ Азіи, Африки и Австраліи. Гумбольдтъ выразился, что о поверхности центральной Азіи мы меньше знаемъ, чѣмъ о поверхности луны. Правда, мы имѣемъ для нея карту, на которой изображены горныя цѣпи и направленіе рѣкъ; но карта еще не даетъ понятія о рельефѣ и ландшафтномъ характерѣ страны, и потому внутренняя Азія представляетъ для насъ предметъ обширныхъ будущихъ изслѣдованій. Россія прилегаетъ къ двумъ terra incognita: къ сѣверной полярной странѣ и къ внутренней Азіи. Заслуги русскихъ по открытіямъ въ обѣихъ этихъ областяхъ весьма не велики; къ числу изслѣдованій въ полярной странѣ относятся: описаніе сѣверныхъ береговъ Сибири, произведенное моряками Сарычевымъ, Лаптевымъ, Овцынымъ и другими, открытіе острововъ, лежащихъ къ сѣверу отъ этихъ береговъ, и путешествія Врангеля, Миддендорфа и уральской экспедиціи. Также незначительны были наши усилія къ изслѣдованію средней Азіи, сравнительно съ тѣми, какія были бы употреблены другими европейцами на нашемъ мѣстѣ. Наши изысканія не простирались далѣе нашихъ завоеваній; вообще географическая наука обязана русской націи только въ изслѣдованіи той части земнаго шара, которая занята ею; рѣдко русскіе путешественники проникали за-границу нашихъ владѣній, и то не болѣе, какъ на сто верстъ. Исключенія представляютъ пять или шесть путешествій въ Бухару, изслѣдованіе караванной дороги между Кяхтой и Пекиномъ, нѣсколько путешествій въ Египетъ, и наконецъ нынѣшняя экспедиція въ Хорасаонъ, подъ начальствомъ Ханыкова. Кругосвѣтныя путешествія Крузенштерна, Беллингсгаузена, Литке и другихъ, по своему составу принадлежатъ иностранцамъ и только матеріальной частью своей принадлежатъ русской націи. Не смотря на смежность нашихъ владѣній съ средней Азіей и перевѣсъ нашихъ интересовъ въ средне-азиатской торговлѣ надъ интересами нашихъ конкурентовъ англичанъ, мы не можемъ указать между нами ни на одного такого предприимчиваго путешественника, который бы съ самопожертвованіемъ далеко проникъ во внутренность азиатскаго материка; тѣмъ болѣе, мы не можемъ указать на мучениковъ науки; развѣ причислить сюда то обстоятельство, какъ

г. Маакъ терпѣлъ крушеніе на лодкѣ въ осеннемъ льду Амура, гомерически имъ описанное. Англійскій народъ выставилъ цѣлый рядъ самоотверженныхъ путешественниковъ по средней Азій; Муркрофтъ, посланный отъ индійской компаніи для собранія хозяйственныхъ свѣдѣній о лошадяхъ среднеазиатскихъ степей, проникаетъ такъ глубоко во внутренность Азій, что самому англійскому правительству, которое нельзя упрекнуть въ излишней осторожности, поступокъ его показался дерзкимъ; Вудъ достигаетъ до вершинъ Аму-Дарьи, Вульфъ является въ Бухару. Эти путешественники, путешествовали безъ военныхъ конвоевъ, безъ «просвѣщеннаго вниманія» и «высокаго покровительства» генералъ-губернаторовъ; они углублялись въ неизвѣстныя страны, поддерживаемые единственно своимъ влеченіемъ и жаждой знанія, а не сладкою надеждою, сдѣлаться по возвращеніи президентомъ какого-нибудь учрежденія или академикомъ съ обезпеченнымъ бездѣйствіемъ. При такомъ только благородномъ уваженіи къ своему подвигу можно съ безкорыстіемъ подвергать опасности не только свое здоровье, свою жизнь, но даже и извѣстность самого подвига. Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобы въ насъ не было вовсе элемента этого безкорыстнаго и смѣлаго служенія наукѣ; мы только указываемъ на то важное обстоятельство, что этотъ элементъ не проявляется въ наше время. Наши приказчики рѣдко показываются переодѣтые даже въ ближайшихъ городахъ Китая, Кована и Бухары; миссіонеры удерживаются въ области высокаго покровительства. Въ то время, когда русскій народъ долженъ былъ самъ заниматься своею судьбою и заботиться о своихъ нуждахъ, не сваливая этой обязанности на правительство, тогда и географическая дѣятельность лежала преимущественно на немъ самомъ. Въ то время Строгоновы колонизировали перскій край, Хабаровъ на свой счетъ завоевалъ Амуръ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ событій, русскій народъ утратилъ сочувствіе къ географическимъ открытіямъ и колонизаціи; но и въ это время иногда выдвигалась изъ него личности съ политическимъ вліяніемъ. Такіе же отдѣльные феномены встрѣчались и въ географической дѣятельности: иногда частные люди, безъ помощи правительства, производили географическія работы. Въ то время, какъ Палласъ, Фалькъ, Гмелинъ и другіе нѣмцы, по порученію Екатерины путешествовали по Россіи, каждый подводахъ на двадцати, русскій юноша Зябловскій нѣсколько разъ пѣшкомъ обходитъ Россію, безъ посторонней помощи, не будучи извѣстенъ правитель-

ству, и сочиняетъ первую подробную географію своего отечества. Такія отдѣльныя явленія встрѣчаются и нынѣ; но на русскихъ путешественникахъ существуетъ какой-то переводъ, какъ и на всѣ русскіе таланты; въ нашей атмосферѣ разлита какаятосила, которая губитъ ихъ самихъ и ихъ труды. Мы указываемъ на погибшіе труды, по изслѣдованію средней Азіи, сдѣланные Вуковичемъ, Карелинымъ и Диттелемъ. Если это показываетъ не отсутствіе физической и нравственной способности къ путешествіямъ, торговымъ сношеніямъ, миссіямъ и колонизаціи, то, по крайней мѣрѣ, невозможность существованія въ нашей общественной жизни этихъ двигателей географіи. Изданіе риттеровой Азіи подтверждаетъ наши мысли. Еще въ первомъ томѣ русскаго перевода встрѣтился поразительный фактъ, что для описанія Манджуріи, сосѣдственной намъ страны, нашли матеріалы только у европейскихъ миссіонеровъ, которые даже проникли до Амура, гдѣ одинъ изъ нихъ, де-ла-Брюньеръ, и погибъ, — тогда какъ мы, имѣющіе осязательность на вершинахъ этой рѣки, можемъ указать только на одного ботаника, г. Турчанинова, который, продолжилъ свои экскурсіи отъ Усть-Стрѣлки до остатковъ бывшаго города Албазина, до котораго ежегодно пропикали русскіе собольные промышленники.

Второй томъ русскаго перевода риттеровой Азіи содержитъ въ себѣ описаніе той части центральнаго нагорья Азіи, которая прилегаетъ къ ея сѣверо-западной окраинѣ, обозначаемой горными хребтами Запѣднскимъ Алатау, Семирѣчинскимъ Алатау, Тарбагатаемъ, Саянскими горами и Кентеємъ. Мы не станемъ перечислять современные неполноты этого сочиненія: все, что было обнародовано до 1836 года, было изчерпано Риттеромъ; послѣ 1836 года наука обогатилась новыми данными, но переводчикъ не снабдилъ второй томъ своими дополненіями, по той причинѣ, что, какъ онъ объяснилъ въ своемъ предисловіи, — оставилъ ихъ до изданія собственнаго путешествія по Т'янь-Шаню. До того времени мы и оставляемъ разборъ географическихъ свѣдѣній, заключающихся въ этомъ сочиненіи, а теперь мы только обратимъ вниманіе на значеніе этого перевода для нашихъ географическихъ работъ въ Азіи. Данныя для науки собираются не одними чистыми жрецами науки, но и людьми, для которыхъ наука не составляетъ спеціальнаго занятія; само твореніе Риттера показываетъ, какія услуги оказываютъ наукѣ миссіонеры, торговцы, переводчики и казачьи офицеры. Въ суммѣ географическихъ данныхъ, та часть, которая принадлежитъ этимъ

вкладчикамъ, довольно значительна; эти вкладчики встрѣчаются у насъ въ Сибири между чиновниками, священниками, миссіонерами, купцами и офицерами. Сдѣлать доступными для нихъ общіе выводы науки, довести до нихъ послѣдніе результаты изслѣдованій, опредѣлить дальнѣйшее стремленіе науки и ея потребности значить — организовать ихъ географическую дѣятельность. Эти труженики нуждаются въ общемъ сводѣ прежнихъ работъ, чтобъ видѣть оставшіеся пробѣлы, которые требуютъ еще новыхъ изысканій; чтобъ работать въ современномъ духѣ науки, они нуждаются въ сочиненіи, въ которомъ были, бы соединены и критически разработаны всѣ предшествующіе труды; это сочиненіе можетъ служить фокусомъ при послѣдующихъ дробныхъ изслѣдованіяхъ, визирной точкой, къ которой должны сходиться всѣ пути этихъ служителей науки. Такимъ фокусомъ намъ кажется сочиненіе Риттера. Всякій, кто занимается собираніемъ географическихъ свѣдѣній о средней Азій, долженъ запастись этой книгой, а это занятіе есть обязанность для всѣхъ русскихъ въ Сибири. Для насъ изученіе средней Азій, представляетъ болѣе интереса, чѣмъ для англичанъ, потому что, стремясь въ ея степи, мы приближаемся къ теплому югу, къ богатой Индіи, тогда какъ имъ средняя Азій представляется въ видѣ бѣднаго, бесплоднаго сѣвера. Сочиненіе Риттера показываетъ, какъ мы мало дѣлаемъ для географіи. Въ то время, какъ англичанинъ Форчюнъ, развѣзжаетъ по внутреннему Китаю, изучаетъ воздѣлываніе чайнаго кустарника, ванимааетъ работниковъ для плантацій индійской компаніи и открыто называетъ себя европейцомъ, русскіе путешественники боятся пройти туда, куда ежегодно ходятъ наши соболиные промышленники; такъ, напримѣръ, рѣчная система Чернаго Иртыша еще не была посѣщена никакимъ ученымъ путешественникомъ; путешественники, приближавшіеся къ этой области, несогласны даже относительно собственныхъ именъ рѣкъ, входящихъ въ составъ этой системы; а между тѣмъ вершины всѣхъ этихъ рѣкъ и озера, чрезъ которыя онѣ проходятъ, посѣщаются постоянно русскими крестьянами изъ долины Бухтармы. Теченіе Чернаго Иртыша вплоть до его впаденія въ озеро Зайсанъ не было еще никѣмъ изслѣдовано, а между тѣмъ, русская команда подъ начальствомъ двухъ офицеровъ ежегодно посѣщаетъ его и проникаетъ вверхъ по немъ на 500 верстъ. Особенно замѣчательно то, что та часть внутренней Азій, которая прилегаетъ къ русской границѣ, всего менѣе извѣстна;

такъ, напримѣръ, мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ хребтѣ Тянь-Шанѣ, находящемся внутри китайской имперіи, или о южномъ свѣсѣ монгольскаго нагорья, чѣмъ о вершинахъ Иртыша, Енисея и Селенги. При нынѣшнемъ состояніи знанія, объ этой мѣстности нельзя ручаться, чтобъ при послѣдующихъ изслѣдованіяхъ карта ея не приняла совершенно новый видъ. Здѣсь находятся мѣстности въ полномъ смыслѣ terra incognita, какъ, напримѣръ, долины озеръ Убсы, Косогола, Экэ-Арала и Кызылбаша. Считать эту мѣстность недоступною для европейскаго путешественника нѣтъ никакого основанія; правда, она оцѣплена съ сѣвера рядомъ китайскихъ пикетовъ, но ихъ легко миновать и потомъ разъѣзжать по всей сѣверо-западной Монголіи, нигдѣ не встрѣчаясь съ китайскою стражей. Кромѣ этихъ мѣстностей, лежащихъ за южной границей Сибири, внутри самой этой страны, есть много областей, которыя также можно считать неизвѣстными; такую, напримѣръ, можно назвать ту часть, которая лежитъ въ срединѣ между рѣками Иртышемъ и Обью и большой почтовой дорогой изъ Омска въ Томскъ; да почти такими же можно считать и всѣ промежутки между большими дорогами.

Послѣднее время особенно замѣчательно великими географическими открытіями. Наука идетъ большими шагами впередъ, завоевываетъ цѣликомъ обширныя области. Многочисленныя арктическія экспедиціи, имѣли послѣдствіемъ открытіе *сѣверозападнаго прохода* (т. е., морскаго пролива, на сѣверѣ Америки и полярнаго моря, свободнаго отъ льдовъ). Въ Африкѣ, англійская экспедиція, отправленная съ юга, изъ Капской колоніи, недавно проникла до экватора, до высокаго центральнаго плато, на которомъ, можетъ быть, беретъ начало рѣка Нилъ; въ Азіи цѣлая амурская система открыта для колонизаціи и географическихъ изслѣдованій; Японія дѣлается доступною для европейской торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для науки. Скоро и Китай будетъ принужденъ уступить, соединеннымъ требованіямъ англичанъ и французовъ. При такихъ быстрыхъ успѣхахъ науки и при либеральномъ направленіи нашего правительства, вѣроятно и мы ревностно примемся за исполненіе долга, наложеннаго на насъ судьбою, придвинувшею наши границы къ внутренней Азіи. Въ молодомъ поколѣніи, вѣроятно найдутся люди, которые, съ англійскою настойчивостью и независимостью духа, снимутъ завѣсу, покрывающую доселѣ внутренность величайшаго материка, роднну европейскаго чаловѣчества.

Карта Китая и побережья рѣки Амура, составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и хромофотографированная при военно-топографическомъ депо. 1859. Въ англійскомъ дюймѣ 250 верстъ.

Картографія въ нашемъ отечествѣ бѣдна самостоятельными трудами и спеціальными изданіями. За исключеніемъ этнографической карты Кеппепа, межеваго атласа тверской губерніи и карты Шуберта, вся русская картографія состоитъ изъ однѣхъ учебныхъ картъ. Изрѣдка выходятъ карты, какъ будто предназначенныя для высшаго употребленія и даже съ цѣлю внести въ науку новые факты; но на этихъ картахъ мы видимъ всю нашу неопытность въ подобнаго рода трудахъ, незнакомство съ приемами, которые существуютъ у иностранныхъ издателей и ограниченность картографической эрудиціи нашихъ картографовъ. Частная картографическая дѣятельность ограничивается у насъ учебными картами и атласами, и существуетъ только въ видѣ спекуляціи, отчего изданія не бываютъ добросовѣстными. Такъ, напримѣръ, въ атласѣ Зуева, на картѣ Россіи, искусственныя системы сообщенія каспійскаго и балтійскаго бассейновъ представлены съ крайнею небрежностью; нѣкоторыя рѣки, входящія въ составъ этихъ системъ, на картѣ назначены внѣ ихъ; между тѣмъ размѣръ этой карты давалъ возможность нанести эти системы со всѣми мельчайшими подробностями. Спеціальныя картографическія труды, принадлежатъ у насъ только ученымъ обществамъ или правительственнымъ учрежденіямъ; одно изъ такихъ учреждений, именно военно-топографическое депо, собственно и предназначено для этой цѣли; потому очень естественно, если мы будемъ требовать отъ него самой обширной дѣятельности по русской картографіи. Впрочемъ, мы считаемъ долгомъ быть къ нему снисходительными, потому что имѣемъ понятіе о степени образованности топографовъ, которые доставляютъ матеріалы для депо. Топографы эти ничто иное, какъ писаря, набившіе руку въ упражненіяхъ съ астролябіей и бусолью. Оттого они даютъ нелѣпыя отвѣты, если имъ задаютъ вопросы, немного превышающіе механической трудъ. Такъ, напримѣръ, въ ихъ журналахъ, при вопросѣ о почвѣ губерніи, можно встрѣтить такой отвѣтъ: «почва въ губерніи песчано-каменисто-глинисто-черноземная». Это значитъ, что въ губерніи есть и черноземная, и глинистая, и каменная почва. У насъ смѣшиваютъ топографа съ чертежникомъ и требуютъ отъ него почти дѣтскихъ познаній. Намъ кажется, что чертежники

должны быть особенные, а отъ топографовъ слѣдуетъ требовать не чистыхъ и красивыхъ штриховъ, а разумнаго собранія географическихъ матеріаловъ, знакомства съ наукой и ея потребностями, и умѣнья различать значеніе собираемыхъ матеріаловъ.

Военно-топографическое депо иногда издаетъ такія карты, которыя должны увеличить массу нашихъ географическихъ знаній; но исполненіе этихъ изданій также неудовлетворительно, какъ и частныхъ. Карты никогда не сопровождаются текстомъ, изъ котораго было бы видно какіе источники послужили основаніемъ для карты, а это приложеніе необходимо; оно возбуждаетъ довѣріе къ картѣ и даетъ настоящую цѣну разнымъ улучшениямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1848 году, была издана военно-топографическимъ депо карта западной Сибири; при ней не было никакого приложенія, изъ котораго можно было бы узнать, по какимъ свѣдѣніямъ она составлена. Разумѣется, оставалось сдѣлать одно заключеніе, что карта была составлена по съемкамъ сибирскихъ топографовъ; но на картѣ были помѣщены части Кокана и Джунгаріи, хотя тамъ не было сдѣлано никакихъ съемокъ, кромѣ двухъ маршрутовъ. Намъ извѣстно, что рѣки, текуція съ сѣвера въ рѣку Обь, между городомъ Нарыномъ и селомъ Самаровымъ, нанесены по однимъ распроснымъ свѣдѣніямъ, а гидрографія долины Чернаго Иртыша и озера Зайсана составлена по рукописной картѣ г. Недорѣзова, который около семи лѣтъ провелъ въ этой мѣстности и начертилъ свою карту отъ руки. Составленіе этой части карты западной Сибири, по указанному нами источнику, доказывается почти совершеннымъ тожествомъ двухъ картъ; на картѣ Недорѣзова посерединѣ степи, къ югу отъ озера Зайсана нарисованъ домикъ и подписано: домъ амбана, къ которому собираются калмыки для уплаты ясака; этотъ домикъ не упущенъ и на картѣ военно-топографическаго депо; только озеро Зайсанъ на картѣ Недорѣзова очень неестественно и представлено въ видѣ правильнаго четвероугольника; въ рукописныхъ же запискахъ г. Недорѣзова, сказано, что это озеро въ восточной части своей шире, чѣмъ въ западной. На этомъ основаніи, топографъ, составившій карту западной Сибири, смѣло замѣнилъ простую фигуру Недорѣзова чрезвычайно красивой фигуркой, нѣсколько раздудой на востокѣ. Какое же можетъ быть довѣріе къ подобному изданію, въ которомъ произведенія собственной фантазіи ставятся рядомъ съ инструментальной съемкой, безъ всякой ого-

ворки передъ публикой. Въ текстахъ, которые должны быть прилагаетъ къ картамъ, мы могли бы найдти полное изложеніе источниковъ, изъ котораго можно было бы видѣть, какія части карты заслуживаютъ полнаго довѣрія, какія основаны на шаткихъ данныхъ; тутъ мы увидѣли бы весь тотъ критическій путь, чрезъ который прошли матеріалы при составленіи изъ нихъ цѣлой карты. Такимъ же недостаткомъ отличается и карта «Китая и прибрежья рѣки Амура». Не смотря на незначительный масштабъ, она предназначена для распространенія въ публикѣ новыхъ свѣдѣній; въ ней есть нѣсколько измѣненій безъ поясненія, впрочемъ, откуда они заимствованы. Такъ, напримѣръ, озеро Иссынь-куль нанесено съ карты, обнаруженной г. Семеновымъ; озеро Косоголъ — съ карты г. Пермикина. Оба эти источника не равнаго достоинства; карта г. Семенова основана на инструментальной съемкѣ сибирскихъ топографовъ; карта Косогола нарисована г. Пермикинымъ отъ руки, во время его посѣщенія долины озера съ одной стороны. Всѣ поправки новой карты относятся только къ сѣверной окраинѣ центральнаго нагорья Азіи; относительно же внутренности этого материка карта не сообщаетъ ничего новаго *); если и есть въ ней кой-какія прибавленія, то они произошли отъ небрежности изданія. Такъ, напримѣръ, по прежнему, установившемуся мнѣнію хребетъ Тянь-Шань теряется въ степи Гоби, къ востоку отъ города Хами, какъ это указалъ Риттеръ, въ своей Азіи; на новой же картѣ этотъ хребетъ упирается въ рѣку Гоанго, идетъ по ея берегу и связывается съ горами Манджуріи. Вообще составитель очень много нанесъ произвольныхъ возвышенностей. На прежнихъ картахъ Монголіи обыкновенно чертилось много горныхъ цѣпей, имена которыхъ извѣстны изъ китайскихъ источниковъ, но эти цѣпи не были связываемы въ одну общую систему, по недостатку точныхъ извѣстій; на новой картѣ это откровенное изложеніе данныхъ смѣло замѣнено цѣлыми произвольными системами горъ, впрочемъ, безъ названій; при этомъ составитель руководствовался ложной идеей, что въ водораздѣ-

*) Мы съ нетерпѣніемъ ожидали изданія карты внутренней Азіи, составленной бывшимъ русскимъ консуломъ въ китайскомъ городѣ Кульдѣ, г. Захаровымъ, пробывшимъ около десяти лѣтъ въ Джунгаріи и воспользовавшимся для своего труда подлинными маршрутами іезуитовъ, составившихъ карту китайской имперіи по порученію императора Канъ-хи; теперь мы узнали, къ сожалѣнію, что карта эта не будетъ издана по независящимъ отъ составителя причинамъ.

лахъ всегда проходить значительныя возвышенности. Поэтому долину Чернаго Иртыша, онъ кругомъ обнесъ горами, такъ что озеро Кызылбашъ очутилось за горами, тогда какъ на картѣ г. Недорѣзова, неизвѣстной Риттеру, озеро Кызылбашъ (или Улюнгуръ) помѣщено въ долину Чернаго Иртыша и не отдѣлено отъ него горами. Это преслѣдованіе ложной идеи о водораздѣлахъ было причиной ошибокъ, непростительныхъ для картографа средней Азіи. Кто знаетъ степи средней Азіи, тотъ знаетъ, что пески означаютъ относительно самую низкую мѣстность; слѣдовательно, если рѣка течетъ по направленію къ пескамъ, то она можетъ по достиженіи ихъ, потеряться въ нихъ или образовать между ними озеро, но никакъ не можетъ пересѣчь ихъ и продолжать свое теченіе по другую сторону песчаной полосы. Между тѣмъ, на рассматриваемой нами картѣ, рѣка Урунъ-гу сначала стремится изъ горъ въ низменность, покрытую песками, достигаетъ до нихъ и потомъ вдругъ поворачиваетъ назадъ, течетъ въ горы (слѣдовательно вверхъ!) и у самой подошвы ихъ образуетъ озеро Кызылбашъ. Совершенно невѣроятное обстоятельство.

Цѣна карты одинъ рубль. Нѣмецкія карты Кипперта, болѣе согласныя съ географическими изслѣдованіями Гумбольдта и Риттера и такого же размѣра, какъ рассматриваемая нами карта, продаются въ Петербургѣ по сорока копеекъ.

А. П...НѢ.

О началахъ послѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. Историческое разсужденіе *В. Никольскаю*. Москва, 1859.

«Между гражданскими законами самые интересныя — законы о наслѣдствѣ. Въ каждой странѣ эти законы имѣютъ преобладающую важность, потому что чрезъ ихъ посредство законодатель дѣйствуетъ положительно на распредѣленіе богатствъ, и сообразно тому, успѣетъ ли онъ соединить ихъ въ рукахъ немногихъ, или распространить въ массѣ, общество придетъ къ аристократіи или демократіи. Примѣръ Франціи есть очевидное доказательство этой истины.

Этимъ словамъ заключилъ извѣстный французскій ученый Лабуле свое изслѣдованіе о конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Великая конфедерація представляетъ также примѣръ громадности значенія законовъ о наслѣдствѣ. Народъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — англійскій, онъ перенесъ изъ метрополіи и духъ и государственныя учрежденія, а между тѣмъ

сѣверо-американское общество глубоко отличается отъ англійскаго — оно глубоко демократическое, тогда какъ англійское вполне аристократическое. Это произошло опять — отъ законовъ о наслѣдствѣ: въ штатахъ, еще до отдѣленія, отминены были англійскіе законы о наслѣдствѣ: уничтожены субституціи, майораты, введенъ равный раздѣлъ наслѣдства.

Эта важность законовъ о наслѣдствѣ естественно ведетъ къ понятію о важности государства во всѣхъ фазисахъ жизни народа. Ни въ Англии, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ государство не осуждено на одну пассивную роль, напротивъ того оно и тамъ является могущественнымъ, положительнымъ дѣятелемъ прогресса. Кажется, что собственность именно и есть настоящее царство индивидуализма, — что здѣсь личная воля безгранично господствуетъ. А между тѣмъ и въ такихъ странахъ индивидуализма, какъ сѣверо-американскіе штаты законодатель вводитъ эту волю въ тѣ границы, которыя считаетъ сообразными съ прогрессомъ. Въ самой Англии законодатель въ послѣднее время ограничилъ право субституцій и майоратовъ.

Феодальное право исключало женщинъ изъ наслѣдства, мало того оно предоставляло привилегію старшему брату передъ младшими (*droit d'ainesse*). Такимъ образомъ оно вводило начало неравенства въ семейство, и слѣдовательно въ общество. Это право господствовало сначала только въ дворянствѣ, — но мало-по-малу оно стало входить и въ буржуазію. Но кромѣ этого дворянскаго права, относительно наслѣдства, дѣйствовалъ законъ римскій — на югѣ Франціи, оттого различія частей Франціи.

По римскому признавалось полное право владѣльца распоряжаться имуществомъ своимъ чрезъ завѣщаніе, какъ ему угодно, — съ правомъ дѣлать субституціи, т. е., опредѣлять порядокъ наслѣдства по смерти избраннаго наслѣдника, во второмъ поколѣніи и т. д. Законодательство 89 года уничтожило феодальное право, и объявило, какъ естественный и неизмѣнный принципъ, равное раздѣленіе имущества между дѣтьми обоого пола въ наслѣдствѣ безъ завѣщанія (*ab intestato*). Но это постановленіе разрѣшало только часть вопроса, — оно устанавливало равенство только въ случаѣ наслѣдства безъ завѣщанія.

Вслѣдъ за тѣмъ національное собраніе приступило къ великому юридическому, философскому и политическому началу: оно поставило вопросъ о самомъ правѣ дѣлать завѣщанія. Право дѣлать завѣщанія, признанное законодательствомъ, есть оставленіе человѣку власти и по смерти, — это *Voluntas ultra*

mortem. Право римское, то есть, полная и неограниченная власть собственника дѣлать завѣщанія, и право обычное, опредѣлявшее порядокъ наслѣдства помимо воли завѣщателя, выразили въ собраніи свои основанія. Знаменитый законовѣдец Тронше въ своей рѣчи выразилъ слѣдующія начала: право располагать своею собственностью при жизни есть право неизмѣнное, естественное, но только общественный договоръ (contrat social, другими словами — законодательство) можетъ дать ему право сдѣлать распоряженіе по смерти и гарантировать исполненіе этого распоряженія. По этому государство можетъ и вовсе отнять у него право быть законодателемъ и по смерти, чтобы распоряженіе его имѣло силу, когда онъ самъ обратился въ прахъ. Однимъ словомъ, завѣщаніе, какъ право лица, не существуетъ. Эту ограниченность права лица Тронше блистательно доказываетъ на основаніи философіи, права естественнаго и духа національнаго французскаго права. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что уничтоженіе права свободы завѣщанія, будучи правомъ государства, есть необходимость для введенія гармоніи между семьей и государствомъ, — это значитъ уничтожить деспотизмъ отца семейства, его власть дѣлать одного изъ дѣтей богатымъ, а другихъ нищими, тогда какъ всѣ они получили воспитаніе и привычки, соотвѣтственныя съ матеріальнымъ положеніемъ отца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Тронше признаетъ необходимость предоставить гражданину право располагать по своей волѣ, чрезъ завѣщанія, четвертою частію своего имущества: «Могутъ быть, сказалъ онъ, уважительныя, причины, по которымъ отецъ семейства захотѣлъ бы нѣсколько измѣнить равенство наслѣдства. Можно ли отказать ему въ правѣ дать доказательство своей особенной нѣжности тому изъ дѣтей, который оказывалъ ему болѣе почтенія, который посвятилъ себя утѣшенію его въ старости и болѣзни? Отецъ, который видитъ одного изъ своихъ дѣтей, преслѣдуемаго несчастіями и неудачами, тогда какъ другихъ обогащаетъ случайность, — можетъ ли быть лишень права оказать несчастному особое преимущество? Далѣе: если природа соединяетъ священными узами отца и дѣтей, то развѣ общество не устроиваетъ множество отношеній отца семейства къ чужимъ, такихъ близкихъ, которыя узакониваютъ съ его стороны благодарность матерьяльную? Это не будетъ нарушеніемъ естественнаго права, а напротивъ того это обязанность, предписываемая природою». Эти начала были приняты въ гражданскій кодексъ новой Франціи, то есть, отецъ

семейства можетъ дѣлать завѣщанія только на одну четверть своего имущества.

Вотъ тѣ начала наслѣдства, которыя существуютъ во французскомъ кодексѣ, мудрость котораго заслужила уваженіе всего человѣчества.

Теперь посмотримъ на наше право. Мы видимъ въ немъ коренное, народное начало, признанное законодательствомъ — равенство наслѣдства для дѣтей мужскаго пола. Петръ Великій хотѣлъ уничтожить это, и ввелъ законъ единогонаслѣдія, по которому все имущество (родовое) доставалось одному старшему сыну. Но этотъ законъ, какъ противный духу народа, произвелъ такія страшныя слѣдствія, что императрица Анна успѣшила уничтожить его. Вотъ главное, коренное начало и духа нашего народа и нашего законодательства со временъ русской правды; у насъ не было феодализма, поэтому и не было майноратовъ.

Другое начало — право дѣлать завѣщанія, ограничено одними благопріобрѣтенными имуществами, — въ родовыхъ оно не существуетъ. Но понятіе о родовомъ имуществѣ у насъ чрезвычайно широко, оно обнимаетъ не одну только дворянскую собственность (какъ это было съ западнымъ феодальнымъ правомъ), а вообще недвижимую собственность лицъ всѣхъ сословій, какъ скоро она имъ досталась по какому бы ни было титулу (наслѣдству безъ завѣщанія, или по завѣщанію), если только досталась отъ восходящихъ, такъ что рѣдкая благопріобрѣтенная собственность не обращается по смерти владѣльца въ родовую. Такимъ образомъ великій принципъ — отсутствія права дѣлать завѣщанія объ имуществѣ и равенство наслѣдства, есть господствующій.

Правда, этотъ принципъ наслѣдства связанъ у насъ съ существованіемъ двухъ ограниченій: 1) Въ умаленіи дочерей передъ сыновьями въ наслѣдствѣ: дочь получаетъ одну четырнадцатую часть недвижимаго имущества. Въ старомъ нашемъ правѣ сестры при братьяхъ вовсе не наслѣдовали (что и теперь сохранилось въ боковыхъ линіяхъ), слѣдовательно эта одна четырнадцатая есть великій шагъ къ уравненію въ наслѣдствѣ сестеръ съ братьями; 2) Въ лишеніи отца семейства располагать по своей волѣ частію имущества по завѣщанію. Мы видѣли изъ словъ Тронше, что это есть священное и необходимое право.

Эти два ненормальныя положенія обусловливаютъ существованіе права полной свободы завѣщанія въ благопріобрѣтенныхъ

имуществахъ, гдѣ русскій можетъ поправить невыгоды родовыхъ имуществъ: можетъ уравнивать дочерей съ сыновьями, какъ уравнила ихъ природа въ его сердцахъ, можетъ и исполнить долгъ благодарности относительно постороннихъ, или тѣхъ изъ дѣтей, которые болѣе того заслуживаютъ. Такимъ образомъ изъ существованія этихъ двухъ противоположныхъ началъ — одного господствующаго, другаго побочнаго, легко можетъ вылиться стройная система наслѣдственнаго права, подобная французской. Для насъ, повторяемъ, безконечно важно это господствующее начало: равенство наслѣдства и отсутствіе римскаго начала произвола завѣщанія. Съ другой стороны, у насъ скоро осуществится великое дѣло — освобожденіе крестьянъ. Явятся миліоны поземельныхъ собственниковъ, — это начало раздѣленія поземельной собственности упрочится въ соединеніи съ здравымъ наслѣдственнымъ правомъ, существенныя начала котораго выработаны нашей жизнью и законодательствомъ, — и не допуститъ концентрированія собственности поземельной.

Г. Никольскій посвятилъ довольно большой томъ изслѣдованію началъ нашего наслѣдственнаго права, — но только древнѣйшаго. Сочиненіе его оканчивается Русской Правдой, которая, по его собственнымъ словамъ «устанавливаетъ только зачатки наслѣдственнаго права, которое и у насъ, какъ вездѣ, начинается образовываться вмѣстѣ съ общественною жизнью по разрушеніи родоваго быта». Итакъ все изслѣдованіе трудолюбиваго автора посвящено только зачатію наслѣдственнаго права. Авторъ представляетъ весьма полный сводъ сказаній и мнѣній о родовомъ бытѣ русскихъ славянъ, приводитъ для сравненія и бытъ другихъ славянскихъ племенъ и бытъ германцевъ. Искусствомъ изложенія авторъ не обладаетъ: все безъ разбора онъ вноситъ въ текстъ, всякое ничего незначащее мнѣніе онъ подробно разбираетъ, приводитъ источники на которыхъ оно опирается, анализируетъ ихъ, и потомъ уже принимаетъ или отвергаетъ его; напримѣръ, г. Невольинъ какъ-то сказалъ, что въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ замѣчается существованіе частной собственности, что это видно изъ свидѣтельства лѣтописи о житиіи бытѣи.... Кія, Щека и Хорива! Г. Никольскій сію минуту выводитъ на сцену трехъ братьевъ, дѣлаетъ выписку изъ лѣтописи, и торжественно опровергаетъ г. Невольина. Мнѣнія г. Соловьева комментируются съ какимъ-то наслажденіемъ, но и г. Бѣляевъ не обиженъ, и изъ него тутъ много выписано. Не смотря на тотъ свѣтъ, который теорія родоваго быта разливаетъ

на русскую исторію, на то чувство, которое она возбуждаетъ подъ перомъ г. Соловьева въ душѣ каждаго благомыслящаго человѣка — книга читается съ трудомъ, мало того — съ порядочнымъ насиліемъ. Конечно тутъ о наслѣдствѣ немного, всего нѣсколько замѣтокъ. Г. Никольскій оканчиваетъ свое сочиненіе словами: «дальнѣйшее развитіе этихъ первыхъ начатковъ наслѣдственнаго права, примѣненіе ихъ къ различнымъ родамъ поземельной собственности, которое совершилось подъ влияніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства и общественной жизни есть дѣло позднѣйшаго времени, къ которому и надѣемся еще возвратиться впослѣдствіи». Итакъ — подождемъ, когда авторъ исполнитъ свое обѣщаніе или надежду, — а до тѣхъ поръ намъ и нельзя говорить о наслѣдственномъ русскомъ правѣ по его диссертациі. Замѣтимъ однако, что авторъ могъ бы выразить въ сочиненіи свой взглядъ на предметъ, нить, за которую онъ будетъ держаться при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, — словомъ, чего онъ хочетъ искать въ наслѣдственномъ правѣ. Къ сожалѣнію этого мы не нашли. Оттого сочиненіе имѣетъ какой-то странный характеръ: оно не только безъ середины и конца, но и безъ начала. Начинается оно словами Нестора о разселеніи славянскихъ племенъ, потомъ много говорится о славянахъ, о походахъ князей на Грецію, о чехахъ, объ удалыхъ подвигахъ нормановъ и т. д. По словамъ автора выходитъ, что его сочиненіе только введеніе въ исторію наслѣдства. Намъ кажется, что безъ такого обширнаго введенія легко можно было или вовсе обойтись, или сократить его на двадцать страничекъ; отъ этого, смѣемъ увѣрить автора, литература не получила бы большаго ущерба.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

О показаніяхъ свидѣтелей, какъ доказательствѣ, по дѣламъ судебнымъ, по русскому праву до Петра Великаго. Сочиненіе *В. Демченка*. Кіевъ. 1859.

Это небольшое сочиненіе есть диссертациія на степень магистра и вмѣстѣ первый ученый трудъ г. Демченка. Самое расположеніе частей показываетъ, что авторъ обращалъ вниманіе только на текстъ законовъ, а не на юридическую жизнь: у него обзорнѣе значенія свидѣтелей по одной Русской Правдѣ занимаетъ столько же мѣста, какъ и все время отъ Правды до Уложенія включительно! Тогда какъ изъ времени Русской Правды намъ не осталось ни одного акта, который бы показывалъ

какъ прилагались на практикѣ ея постановленія, — изъ времени судебниковъ и уложенія — бездна. Дѣйствительной юридической жизни общества въ его сочиненіи нѣтъ. Интересы теоритическаго также нѣтъ; авторъ даже не оживилъ своего изслѣдованія сравненіемъ съ западными законодательствами, а вѣдь это стоило бы не большаго труда. Впрочемъ, если цѣль автора состояла въ томъ, чтобы удостовѣрить факультетъ, что онъ знакомъ съ монографіями по исторіи русскаго права и читалъ важнѣйшія памятники, — то цѣль его достигнута.

Л.

Мѣсяцословъ на 1860 годъ.

Онъ схватить зѣзды съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна,
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.

Да, рѣшительно ничто не можетъ устоять противъ духа времени, — даже самый академическій календарь! Это замѣтно на томъ отдѣлѣ, гдѣ возможно движеніе — на политическомъ. Прежде въ календарѣ обзоръ политическихъ событій помѣщался по мѣсяцамъ и числамъ во всѣхъ государствахъ разомъ, и, притомъ выборъ этихъ событій совершался по особымъ усмотрѣніямъ составителя: сообщались одни факты, безъ всякихъ разсужденій. Такъ, на примѣръ, читатель имѣлъ удовольствіе, подъ такимъ-то числомъ, прочесть, что Наполеонъ III провозглашенъ императоромъ, и что около Боголюбовскаго монастыря провалился мостъ, причемъ погибло болѣе ста человекъ; о паденіи министерства Пальмерстона и о благополучномъ прибытіи въ Вѣну графини Теоделинды Виртенбергской; о выборѣ новаго президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и объ открытіи ѣзды по шоссе отъ бидюхинской до кирдюхинской станціи, и т. п. Вмѣсто этого собранія интересныхъ противоположностей, въ календарѣ за нынѣшній годъ помѣщена большая и прекрасная статья о движеніи политической и умственной жизни Европы. Статья эта написана съ знаніемъ дѣла, ясно, остроумно, съ благороднымъ направленіемъ. Жаль, что не составлено такой же и для отечественныхъ событій. Повторяемъ, что особенно пріятно встрѣтить это вѣяніе новымъ временемъ въ такомъ, не только официалномъ, но и мистическомъ изданіи, какъ календарь. Знаменитая хронологія событій русскаго исторіи еще уцѣлѣла, но и она подверглась большимъ со-

кращеніямъ. Впрочемъ, осталось еще много событій, которыя по мнѣнію календаря, должны служить эрой для лѣтосчисленія, и о которыхъ изъ шестидесяти милліоновъ русскихъ едва ли шестьдесятъ интересуются. Таковы: учрежденіе главнаго педагогическаго института. Мы не знаемъ до какой степени важно событіе, — основаніе института; другое — закрытіе этого института гораздо важнѣе, потому что показываетъ, что заведенія безполезныя и закрытыя, наконецъ закрываются не только для ихъ воспитанниковъ и для здраваго направленія, но и для государственнаго казначейства. А между тѣмъ это событіе, уничтожающее важность года учрежденія института, не помѣщено. Не понятно также, почему находится годъ учрежденія пулковской обсерваторіи и нѣтъ послѣдняго парижскаго трактата. Перечень оканчивается великимъ днемъ — 20-го ноября 1857 года, когда вышелъ первый высочайшій рескриптъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Множество статистическихъ свѣдѣній и полезныхъ указаній по прежнему занимаютъ значительную часть календаря. Кромѣ того помѣщены двѣ интересныя статьи: Классификація народонаселенія россійской имперіи по языкамъ — академика Видеманна и О работахъ, произведенныхъ для опредѣленія вида и величины земли — генерала Шуберта.

А. Л.

МАЛЕНЬКІЙ СОБИРАТЕЛЬ НАСЪКОМЫХЪ, ИЛИ ОПИСАНІЕ И ИЗОБРАЖЕНІЕ ДНЕВНЫХЪ, СУМЕРЕЧНЫХЪ И НОЧНЫХЪ БАБОЧЕКЪ. Съ 143-мя раскрашенными и черными рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. 1860 г. Въ 16-тую д. л. III и 96 стр.

Судя по заглавію и по времени появленія этой книжки, можно было бы подумать, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ размалеванныхъ праздничныхъ литературныхъ произведеній, которыми папеньки и маменьки угощаютъ маленькихъ и прилежныхъ Лелей, Колей, Петенекъ и Сашей въ Рождество Христово, въ новый годъ, въ Свѣтлое Воскресеніе. И въ этомъ предположеніи не было бы ничего предосудительнаго для разбираемой нами книги, если бы, къ несчастью и стыду русской литературы, именно эти изданія не служили почти постоянно ловкимъ и даже не ловкимъ спекуляторамъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ употреблять въ свою пользу неразборчивое довѣріе многихъ и очень многихъ папенокъ и маменекъ. У какого-нибудь папеньки есть, наприимѣръ, какой-нибудь свой Николенька. Николень-

ка учится прилежно, выказывает необыкновенную любознательность, даже, въ нѣкоторомъ родѣ, гениальность; такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, папенька. И вотъ, къ величайшей радости папеньки, Николинъка проситъ его подарить ему, Николинкѣ, не игрушку какую-нибудь, а книгу, хорошенькую, прехорошенькую книгу. Бываетъ конечно и то, что гениальный Николинъка и не думаетъ просить себѣ такого сюрприза, а папенька и думаетъ за него и распоряжается за него; — но какъ бы то ни было, такъ или иначе, папенька, полагаясь на пышныя, заманчивыя объявленія, покупаетъ сынишкѣ иллюстрированную книгу, при-мѣненную *яко-бы* къ дѣтскимъ понятіямъ, и попадаетъ почти постоянно въ просякъ. Представляемая теперь читателямъ Русскаго Слова книжка составляетъ рѣдкое и тѣмъ пріятнѣйшее исключеніе изъ безконечной серіи размалеванныхъ, лубочныхъ и большею частію безграмотныхъ изданій, назначенныхъ для развитія понятій и эстетическаго вкуса молодого поколѣнія. Книжка, составляющая—не смотря на крайнюю, даже во вредъ ея, и, слѣдовательно предосудительную, скромность заглавія,—ни болѣе ни менѣе, какъ миленькое краткое *руководство* для начинающихъ заниматься собираніемъ и изученіемъ бабочекъ, начинается введеніемъ, въ которомъ заключаются: подробное и отчетливое описаніе орудій или снарядовъ, нужныхъ для ловли или собиранія бабочекъ, правила для ловли, распяливанія или сохраненія этихъ насѣкомыхъ. За этимъ введеніемъ, или, какъ говоритъ переводчикъ, отдѣленіемъ, слѣдуетъ второе, излагающее описаніе бабочекъ, распределенныхъ по классамъ и семействамъ. Изъ каждаго рода приведены и описаны главнѣйшіе виды, наконецъ встрѣчающіеся, или замѣчательные по красотѣ своей или вреду, причиняемому ихъ гусеницами. Описанія отчетливы, ясны. Правда, что въ книгѣ своей авторъ описалъ породы, водящіяся въ Германіи, но прочитавъ ее мы нашли, что, за исключеніемъ весьма ограниченнаго числа видовъ, всѣ прочіе принадлежатъ къ представителямъ петербургской фауны: такъ, что книжка не теряетъ своего интереса съ пережѣною мѣстности, для которой она была первоначально назначена, на другую. Наконецъ, что главное и что составляетъ почти не бывалое явленіе, къ книжкѣ приложены довольно аккуратныя иллюстрированныя изображенія главнѣйшихъ изъ описанныхъ въ ней видовъ бабочекъ и гусеницъ ихъ. Изображеніямъ предшествуютъ два алфавитныхъ указателя, одинъ русскимъ, другой латинскимъ названіямъ описанныхъ въ книгѣ бабочекъ. Шрифтъ, бумага — все удовлетво-

рительно, и мы обращаемъ на книжку особенное вниманіе гг. гимназистовъ и всѣхъ желающихъ для препровожденія времени заняться устройствомъ коллекціи бабочекъ. Мы увѣрены, что приобрѣтшіе книжку останутся намъ благодарны за нашу рекомендацію.

Біографіи знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Соч. Ф. Араю. Перевелъ Д. Перевощиковъ. Томъ II. Санктпетербургъ. 1860 г. Изданіе торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова. Въ 8-ую д. л. VI и 338 стр.

Русское Слово уже представило читателямъ рецензію перваго тома этого сочиненія въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года. О достоинствѣ этой книги было бы излишне распространяться; сочиненіе вышло изъ подъ пера человѣка, котораго каждая строчка имѣла и до-сихъ-поръ имѣетъ вѣсъ и значеніе въ глазахъ науки. Біографіи, начертанныя художническою рукою его, рисуютъ, каждая, не только человѣка, но и современное ему состояніе науки, которой онъ былъ глашатаемъ; такъ, что читатель въ состояніи самъ по себѣ, по мимо біографіи, составитъ себѣ понятіе объ историческомъ значеніи въ наукѣ человѣка, представленнаго суду его. Отдавая должную дань признательности компаніонамъ торговаго дома за обогащеніе русской литературы переводомъ этого сочиненія, читатель при всемъ своемъ предрасположеніи въ пользу книги не можетъ остаться совершенно довольнымъ ею, и мы, при всемъ нашемъ желаніи разстаться совершенно миролюбиво съ г. Перевощиковымъ, должны къ сожалѣнію нашему остаться при томъ мнѣніи, которое высказано въ сентябрьской книжкѣ Русскаго Слова о переводѣ перваго тома этого сочиненія. Слогъ г. Перевощикова такъ оригиналенъ, что *совершенно отсутствіе этой своеобразности* въ переводѣ его невольно поражаетъ читателя и наводитъ на предположенія, нисколько не говорящія въ пользу членовъ-распорядителей литературною дѣятельностію торговаго дома. Само собою разумѣется, что въ переводѣ, изданномъ подъ фамиліею г. Перевощикова, читатель не можетъ опасаться встрѣчи и не встрѣчается съ тѣмъ фамиліарнымъ невниманіемъ къ русской публикѣ, съ тѣмъ поразительнымъ незнаніемъ русскаго языка, съ тою перекроенною на иностранный ладъ русскою рѣчью, короче сказать, съ тѣми недостатками, которыми отличаются книги, вышедшія подъ редакціею гг. Буйницкаго, Наумова, Цабея. Но если эти опасенія дѣйствительно напрасны, то

при всемъ томъ не напрасны, но, напротивъ того, какъ нельзя болѣе справедливы сѣтованія читателей на небрежность, шероховатость языка, странный и отрывистый строй рѣчи, не русскую конструкцію фразы — въ переводѣ, вышедшемъ яко-бы изъ подъ пера г. Перевощикова, заслуженнаго и знаменитаго академика и экск-профессора. Если дѣло дошло до того, что даже ручательство такой особы за достоинство перевода оказывается на дѣлѣ недостаточнымъ, то чего же ожидать и требовать отъ другихъ? Г. Перевощиковъ съ его учеными трудами, хотя и неоригинальными, но которые высоко цѣнятся русскою публикою по чрезвычайной ясности и увлекательности изложенія даже самыхъ затруднительныхъ вопросовъ науки, — и на другой сторонѣ г. Буйницкій, Наумовъ, Цабель! Тутъ, разсматривая дѣло а priori, повидимому нельзя и подумать о какомъ-нибудь сближеніи, а между тѣмъ, не смотря на замѣтное улучшеніе въ переводѣ втораго тома сочиненія Араго, сравнительно съ первымъ, — улучшеніе, свидѣтельствующее и о пользѣ, приносимой между прочимъ и рецензіями Русскаго Слова, — неволью приходится сказать, что и тутъ, хотя и въ меньшей степени, выказывается та небрежность, которая можетъ быть объяснена только крайнею своеобразностію и несовременностію взгляда тѣхъ, до которыхъ это обвиненіе касается, на потребности русской публики и литературный тактъ ея. Въ предисловіи своемъ ко второму тому сочиненія Араго, г. Перевощиковъ *«повторяетъ свою просьбу о снисхожденіи къ недостаткамъ его труда, потому что и здѣсь, какъ въ первомъ томѣ, острѣль онъ много затрудненій въ передачѣ на русскомъ языкѣ необыкновенной ясности, краткости, одушевленія и искусства, съ которыми авторъ одною чертою вполне изображаетъ характеры сильныхъ дѣятелей наукъ физико-математическихъ»*. При всѣхъ своихъ недостаткахъ переводъ все еще не такъ плохъ, чтобы мы не могли принять во вниманіе извиненія г. Перевощикова, если бы мы не были хорошо знакомы съ достоинствами его собственнаго слога. Положимъ даже, что затрудненія, встрѣчавшіяся при переводѣ сочиненія Араго, дѣйствительно могли привести въ замѣшательство такое перо, какимъ владѣетъ г. Перевощиковъ. Но ему ли, г. Перевощикову, не знать, что искусство и достоинство перевода состоитъ не въ подстрочной вѣрной передачѣ оригинальной фразы, но въ передачѣ всей ея силы сообразно средствамъ того языка, на который переводится фраза? Ему ли, г. Перевощикову, держаться подстрочнаго пере-

вода и затрудняться передачею французской фразы, хотя бы написанной самимъ Араго, на русской языкъ? Не вѣрится. Мы заключаемъ нашу рецензію желаніемъ встрѣтиться на будущее время съ г. Перевощиковымъ при лучшей обстановкѣ, и совѣтомъ читателямъ Русскаго Слова, интересующимся предметомъ книги, записаться ею, не смотря на неудовлетворительность слога ея. Они найдутъ въ ней множество занимательныхъ подробностей о жизни и трудахъ шести знаменитыхъ ученыхъ, (Малюсъ, Томасъ Юнгъ, Фернель, Ге-Люссакъ, Александръ Вольта, Амперъ), которыхъ біографіи, вмѣстѣ съ восемью надгробными рѣчами, составляютъ содержаніе втораго тома сочиненія Араго.

Начальные основанія ботаники Диппеля. Переведено и издано подъ редакціею *Н. Цабелл*. Съ 282 политипажами. Санкт-петербургъ. 1859. In 8-vo. III и 298 стр.

Бѣда, да и только, съ популярными книгами гг. компаніоновъ-издателей. Вотъ вамъ, читатели, еще книга съ сюрпризомъ, съ сюрпризомъ небывалымъ и неприятнымъ. Въ чемъ же дѣло? спросите вы; но прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы предлагаемъ себѣ другой, а именно: возвышается ли или нѣтъ цѣнность книги помѣщеніемъ въ ней политипажей? Разумѣется, что книга обходится издателю тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе въ ней рисунковъ; если это справедливо, то и покупатель, съ своей стороны, купившій книгу съ извѣстнымъ числомъ политипажей, не купилъ бы можетъ быть ея, если бы зналъ, что въ ней политипажей на половину менѣе противъ обѣщаннаго числа. Вотъ почему мы называемъ сюрпризъ, приготовленный покупателю ботаники Диппеля, однимъ изъ самыхъ неприятныхъ. На оберткѣ книги значится, что въ ней 282 политипажа; на заглавномъ листѣ, точно также, четко и ясно значится 282 политипажа; послѣдній политипажъ нумерованъ 282-мъ числомъ. Слѣдовательно, въ книгѣ 282 политипажа, думаете вы; ничуть не бывало. Первый политипажъ нумерованъ 159-мъ числомъ, второй 160-мъ, третій 161-мъ, а прочіе политипажи слѣдующими членами этой арифметической прогрессіи, такъ, что послѣдній политипажъ, изображающій, какъ будто бы для лучшаго освѣщенія всего этого казуснаго дѣла, *сальцикъ* (*Cereus speciosissimus*), дѣйствительно приходится нумеровать 282-мъ числомъ; но такъ какъ серія политипажей начинается 159-мъ номеромъ, то очевидно, что въ книгѣ недостаетъ 158 рисунковъ, и покупатель получаетъ вмѣсто ожидаемыхъ 282 политипажей только 124. Ясно

ли? Разумѣется, что оправданіемъ послужить недосмотръ, что-нибудь въ родѣ той торопливости, о которой говорить г-нъ Наумовъ въ книгѣ своей «Питательныя вещества и напитки *)», ошибка наборщика, корректора. Такъ-то такъ, а все-таки неловко господа, и г-нъ переводчикъ напрасно изъявилъ подь конецъ своего предисловія надежду, что въ переводѣ его большыхъ ошибокъ нѣтъ, а на *маленькіе недосмотры* читатели будутъ *навѣрно* *смотреть сънисходительно*. Такъ ли г-нъ Цабель?

Не сочини г-нъ Цабель предисловія къ своему переводу, ни рецензентъ ни читатель не догадались бы, что въ этой популярной по мнѣнію переводчика ботаникѣ *«всп сочувствующіе въку, съ радостію могутъ видѣть, что и Россія раздѣляетъ направление (реальное) западной Европы. Существованіе Торговаго Дома и Струговицкова, Пахитонова, Водова и К^о вызвано этимъ направлениемъ и можно, кажется, навѣрно сказать, если бы не было бы (?) этого Торговаго Дома, то состоялся бы другой, или что-нибудь (!) въ этомъ родѣ. Торговому Дому принадлежитъ только честь первенства.»* И такую исторію г-нъ Цабель нашелъ необходимымъ помѣстить въ предисловіи къ ботаникѣ!

Вѣдь неловко, господа; ужасно неловко. *Плачу, такъ пой*, подумали мы и пожалѣли, что къ книгѣ придѣлано предисловіе. А предисловіе такого рода, что если бы читатели не знали издателей книги, то прочитавши его навѣрное угадали бы, что оно одной «абрикаціи съ предисловіями гг. предшественниковъ г-на Цабеля по части снабженія русской публички мнимыми популярными книгами. Тѣ же похвалы удачному выбору сочиненія и самому сочиненію, тѣ же притязанія на популярное изложеніе предмета, та же самоувѣренность въ достоинствѣ перевода, то же непониманіе своихъ обязанностей передъ публичкою, выказывающееся въ небрежномъ выполненіи предпринятаго труда, *тѣже одманутыя ожиданія со стороны публички.* Ученая конгрегация торговаго дома совершенно отступаетъ отъ старой рутины — предоставляютъ публикѣ и ея органамъ сдѣлывать труды литераторовъ; а рутинна эта была во многомъ основательна. И дѣйствительно, какъ бы ни былъ худъ товаръ, если вы доставили покупателю обсудить достоинство его, не стараясь съ своей стороны наустить ему въ глаза туманцу, и если вы назвали вашъ товаръ настоящимъ его именемъ, то вина не ваша,

*) Изданіе Торговаго дома Струговицкова, Пахитонова, Водова и К^о. См. Русское Слово, декабрь 1859 г., Библиографин, стр. 92.

если покупатель остался потомъ недоволенъ своею покупкою. Но конгрегація заговорила совершенно инымъ языкомъ, она стоитъ за достоинства своихъ произведеній, и потому даетъ право разочарованному покупателю ихъ негодовать на безконечную инстинкцію. Въ предисловіи своемъ г-нъ Цабель говоритъ: что выборъ этого сочиненія весьма удаченъ; что это сочиненіе представляетъ собою популярный трудъ, дающій всякому не специалисту совершенно удовлетворительныя свѣдѣнія о предметѣ; что ботаника Диппеля удовлетворитъ многихъ; что она, какъ популярное сочиненіе, соответствуетъ назначенію. Мы утверждаемъ, что мнѣніе г-на Цабеля о достоинствахъ переведенной имъ ботаники во всѣхъ отношеніяхъ неосновательно, и надѣмся доказать это нашею рецензіею. *У насъ нѣтъ на русскомъ языкѣ ни одною порядочною «Руководства ботаники», говоритъ г. Цабель. «Ботаника Шиховскаго, употребляемая въ гимназіяхъ не удовлетворяетъ требованіямъ — наука быстро подвигается впередъ. Укажу здѣсь только на изслѣдованія Ганштейна и Негели, касательно развитія сосудистыхъ пучковъ, которыя опровергаютъ ученіе Шахта. Споръ еще не рѣшенъ, — слѣжкомъ мало голосовъ въ немъ участвовали; но по-крайней-мѣрѣ можно сказать, что не всегда сосудистый пучокъ есть вѣтъ уже существующаго — наблюденія Трекюлл и Моля доказали противоположное (стр. III.)»* Но какое же дѣло гимназисту или другому не специалисту до этого спора о развитіи сосудистаго пучка? Развѣ рѣшеніе этого вопроса можетъ измѣнить популярность книги, затемнить или пояснить наглядное понятіе о растеніи? Къ тому же споръ еще не рѣшенъ, говоритъ переводчикъ; и вотъ на какихъ основаніяхъ опирается мнѣніе его о превосходствѣ переведенной имъ ботаники надъ сочиненіемъ Шиховскаго. Жаль намъ самоувѣренности переводчика. Онъ говоритъ одно, мы докажемъ другое; — а споръ, разумѣется, рѣшитъ публика.

Авторъ говоритъ, на 29-ти страницахъ, о распространеніи растений и берется прослѣдить различныя области растительной жизни, изучитъ вліяніе разныхъ формъ на характеръ ландшафта, которому невольно подчиняется душа человѣка (стр. 13). *Ne ultra crepidam*, сказали бы мы г. Диппелю, если бы могли этимъ рѣзкимъ словомъ остановить его въ бесполезномъ намѣреніи изобразить своимъ неловкимъ перомъ то, на что необходима необыкновенная даровитость. Обрисовать читателю, незнакомому съ ботаникой, живую картину невѣдомыхъ ему ландшафтовъ,

изобразить дѣвственные лѣса Америки, безграничную саванну, какъ ихъ описываетъ Гумбольдтъ; дать вѣрное и картинное понятіе о какомъ-нибудь растительномъ семействѣ или классѣ, какъ Шлейденъ; дать вамъ почувствовать жаркое дыханіе и полную жизни тишь русской степи, рисуемой Гоголемъ, — для этого нуженъ необыкновенный талантъ со стороны автора и художественный тактъ со стороны переводчика. Мы выписываемъ тутъ 18-ую страницу ботаники, какъ образецъ и таланта автора и слога г. Цабеля. Авторъ, обѣщая руководствоваться Гумбольдтомъ, описываетъ между прочимъ пальмы, характеризующія тропическій ландшафтъ.

«У колючей Мауріціи вѣрообразные листья въ среднѣ съ концентрическими, желтыми и голубыми полосами и напоминаютъ павлиное перо (*растение въ самой ботаникѣ не описано*). Богѣ чѣмъ форма и цвѣтъ листьевъ опредѣляетъ направленіе ихъ наружный видъ каждой породы. Перистые отдѣлы листа лежатъ у многихъ (о комъ или о чемъ говоритъ авторъ) въ видѣ гребня другъ подлѣ друга и солнечные лучи отражаются отъ верхней поверхности ихъ жесткой паренхимы (?); зеленый цвѣтъ этихъ листьевъ свѣтлѣе у кокосовой пальмы, тусклѣе и болѣе пепельнаго цвѣта у финиковой пальмы. У другихъ листья пронизаны болѣе тонкими, гибкими сосудами и на концѣ (*на какомъ?*) складчаты, какъ у *Jagua*, *Palma Real* (*Oreodoxia regia*) и др. (*всѣ эти растенія въ ботаникѣ не описаны и изображенія ихъ не приложены*). Стволъ и особенно направленіе листьевъ придаютъ величіе пальмамъ; чѣмъ острѣе уголъ, образованный стволомъ и листьями, тѣмъ величественнѣе ихъ (*чей?*) видъ (*а если листья повисли, тутъ стволъ и листья также составляютъ острый уголъ*), и это направленіе (*какое?*) листьевъ сохраняется въ продолженіи всей ихъ (*чей?*) жизни. Все разнообразіе вида пальмъ обнаружится, если вспомнимъ *Corypha tectorum* (*не описана и не изображена*) съ повисшими листьями, кокосовую и финиковую пальмы, съ болѣе горизонтальными, и *Jagua*, *Cissurita* и *Pitijao* (*Gnihilma speciosa*, *Mart.*) съ восходящими листьями (*всѣ эти растенія не описаны, не изображены, и, следовательно, не рисуются воображенію читателя*). Природа, кажется, сосредоточила всѣ прелести формъ въ *Jagua*, которой стволъ до 60'—70' вышины, строенъ и въ видѣ колонны выдается надъ другими деревьями, украшая гранитныя скалы водопадовъ Атуресъ и Майпуресъ и берега Кассиквіары. Ихъ выдающіяся вершины *чь?* *береговъ?* *скалъ?* *формъ?* *деревъ?*) составляютъ поразительную

противоположность *густой земли* породъ *Bombax, L. (Ceiba)* и окружающему ихъ (кого?) гѣсу изъ лавровыхъ породъ, *Calophyllum* и *Amuriz* (можно было бы подумать, что эти растенія принадлежатъ къ лавровой породѣ; но далье, стр. 217, видно, что амирисовыя растенія составляютъ особенную породу). Немногіе его листья (шь?) длиною до 14'—16' и на концахъ волнисты; нѣжные травянистые раздѣлы листа легко и свободно движатся при медленномъ колебаніи огромнаго черешка листа.»

Ясно и картинно, и Диппелю, какъ видитъ читатель, не слѣдовало братья за то, что по силамъ только Гумбольдту, Шлейдену, Гоголю. Удивится, можетъ быть, г. Цабель, что мы помѣстили тутъ Гоголя въ уровень съ великими науки; но дѣло тутъ не объ учености; дѣло тутъ въ томъ, чтобы пріобщить читателя воображеніемъ къ картинѣ невѣдомой ему природы, вызвать его на духовную бесѣду съ этимъ новымъ, чуднымъ міромъ, привить душѣ читателя чувства, возбуждаемыя вліяніемъ совершенно своеобразной растительности. А чтобы достигнуть этой цѣли нужна не ученость, но пониманіе природы душою, разверстою вѣяніемъ могучаго духа, витающаго вокругъ человѣка. И Гумбольдтъ не нашелъ бы нужнаго слова своимъ чувствамъ, не сложились бы рѣчь его въ краснорѣчивое, пылкое слово, еслибы онъ сдѣлалъ науку только предметомъ изученія, а не смотрѣлъ бы на нее, какъ на новое только средство къ тѣснѣйшему и совершеннѣйшему духовному обобщенію своего собственнаго Я съ жизнью окружающей его природы. А гг. Диппель и Цабель.... Языкъ одного и изложеніе другаго какъ разъ подъ стать къ политипажамъ, приложеннымъ къ книгѣ и изображающимъ дубъ, липу, букъ, березу, ольху, кедръ ливанскій, лиственницу, каштанъ, пльмъ, орѣшникъ, бузину, ясень, кленъ. Мы увѣрены, что никакой Эдипъ на свѣтѣ не рѣшится назвать эти деревья соотвѣтствующими имъ именами, такъ они похожи на тѣ группы зелени, которыя на любомъ дюжинномъ ландшафтѣ изображены на первомъ планѣ, заслоняя собою видъ съ того или другаго бока картины.

Объщавши много и давши очень мало, авторъ переходитъ къ анатомическому, внутреннему строенію растеній, и сообщаетъ самымъ схоластическимъ, педантическимъ слогомъ такія подробности, которыя любой профессоръ услышалъ бы съ удовольствіемъ не только отъ гимназиста, но даже отъ экзаменующагося студента медицины. «Утолщеніе стебля происходитъ здѣсь образованіемъ новыхъ паренхиматическихъ клеточекъ слоевъ, со-

ответствующимъ въ этомъ отношеніи камбіальному слою дугъ-стеменодольныхъ растений, но въ составъ котораго не входятъ камбіальныя части сосудистыхъ пучковъ, ибо послѣдніе, какъ мы видѣли, скоро перестаютъ утолщаться и производятъ новыя вѣтви, такъ что самыя наружныя пучки суть и самыя молодыя, внутренніе же — старшіе; первые проходятъ въ больше-молодые верхніе листья, вторые въ больше-старые нижніе листья» (стр. 73). Само собою разумѣется, что текстъ, написанный такимъ неловкимъ, спотыкающимся и на нѣмецкій ладъ перекроеннымъ языкомъ, былъ бы совершенно непонятенъ, еслибы къ нему не были приложены для поясненія политипажи, числомъ пятьдесятъ семь, единственные изъ числа ста двадцати четырехъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, которые можно назвать удовлетворительными. Замѣтимъ, однакожъ, что подъ этими рисунками приведены латинскія наименованія растений, еще непонятныя начинающему учиться, вмѣсто русскихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ обществѣ. Какъ бы то ни было, анатомическія подробности, сообщаемыя авторомъ, даютъ намъ право ожидать и соответствующаго подробнаго изложенія ботанической терминологіи. Это ожиданіе тѣмъ основательнѣе, что при неудовлетворительномъ, поверхностномъ изложеніи терминологіи, начинающему учиться было бы весьма трудно понимать слѣдующія во второмъ отдѣлѣ книги описанія различныхъ формъ и видовъ растений, и учащійся попалъ бы на непреодолимыя затрудненія при первой же попыткѣ опредѣлить встрѣтившееся ему неизвѣстное растеніе. Терминологія именно та часть ботаники, въ которой болѣе всего могло бы выказаться и намѣреніе и искусство автора популяризировать предметъ свой, но видно, г. Диппель не имѣлъ этого намѣренія или г. Цабель совершенно ложно понимаетъ условія популярнаго изложенія предмета. Терминологія Диппеля въ высшей степени неудовлетворительна, не полна, кратка и состоитъ почти единственно изъ перечисленія терминовъ, при которыхъ въ скобкахъ приведены названія растений, могущихъ служить поясненіемъ терминамъ. Спрашивается теперь, какимъ образомъ учащійся самоучкою по популярной книгѣ Диппеля отыщетъ неизвѣстное ему растеніе для объясненія себѣ термина, если, далѣе, при описаніи этого же растенія употреблены тѣ самыя термины, для которыхъ оно должно было бы служить объясненіемъ? Нельзя не удивляться, что именно эта часть ботаники не поясняется рисунками, которыя бы могли тутъ принести чрезвычайную пользу, тогда какъ прилю-

женные далѣе политипажу, изображающіе различные виды растений, рѣшительно излишни, ничего не объясняя и только по пустому возвышая цѣнность книги. Г. Цабель долженъ былъ бы знать, что политипажъ, изображающій растеніе, только въ такомъ случаѣ можетъ быть полезенъ, если на немъ явственно представлены характеристическія ботаническія черты растенія, по которымъ оно можетъ быть опредѣлено учащимся безъ посредства стоящей подъ рисункомъ латинской клички. Если этого нѣтъ, то политипажъ имѣетъ только спекулятивное значеніе. Странно и то, что въ ботаникѣ Диппеля, при описаніи растений употребляются термины, отличные отъ тѣхъ, для объясненія которыхъ авторъ ссылается на эти растенія; для объясненія, напримѣръ, листа стрѣловиднаго, разсѣченнаго, пилообразно-зубреннаго, авторъ приводитъ вьюнокъ, валеріану и вишню, а при описаніи этихъ растений (стр. 179, 161 и 221), сказано, что у нихъ листья: сердцевидно стрѣловидные, перисторазсѣченные и удвоенно пилообразно-зубренные. У *шишконосныхъ растений*, говоритъ переводчикъ (стр. 109), *сѣменные цвѣтки составляютъ шишки*, а описывая картофель (стр. 176), онъ говоритъ, что *это растеніе производитъ подъ землею однолѣтнія шишки*. Что жъ такое послѣ этого шишка, г. Цабель?

Морфологія и физиологія въ ботаникѣ Диппеля не даютъ читателю яснаго понятія о томъ, что такое растеніе. А слогъ, — слогъ все тотъ же: *«не для всѣхъ безцвѣтковыхъ растений извѣстенъ однако процессъ оплодотворенія, что именно относится къ низшимъ группамъ, именно къ Лишаймъ и Грибамъ, Вслѣдствіе этого называли напримѣръ у Грибовъ спорами органы, которые не относятся къ органамъ оплодотворенія и суть не что иное, какъ расчлененныя растительныя клѣточки, которыя при благоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ произвести новый Грибъ. Такъ, напримѣръ, суть клѣточки броженія, принимавшіяся за самостоятельныя Грибы, не что иное, какъ такія растительныя клѣточки, которыя вслѣдствіе вѣншихъ обстоятельствъ производятъ себѣ подобныя образованія»*. (Неужели вы воображаете себѣ, г. Цабель, что это написано по-русски?) *«Эти клѣточки получаютъ надутіе...»* (стр. 91—92) именно надутіе; только получаютъ это не клѣточки, а читатели, полагающіеся на ту или другую букву русской азбуки, выступающую по временамъ въ газетахъ съ похвалами популярнымъ пзданіямъ компаніоновъ-издателей и отрывками изъ формулярныхъ списковъ гг. редакторовъ этихъ изданій. Съ 98-ой страницы начинается систематика, т. е., описаніе раз-

личныхъ формъ растений. Ни авторъ, ни переводчикъ, не упоминаютъ, на чемъ основана классификація, принятая въ этомъ руководствѣ. Описаніе растеній непонятно, потому что термины не объяснены предварительно ни въ текстѣ, ни рисунками, а политипажу, приложенные къ нѣкоторымъ описаніямъ, немногимъ яснѣе тѣхъ, которыя встрѣчаются въ російскихъ иллюстрированныхъ азбукахъ. Забывая, что Диппель писалъ для нѣмцевъ, г. Цаббель не принялъ труда перевести время цвѣтенія и мѣсто нахождения растеній на русскій ладъ. Въ статьѣ о грибахъ (стр. 98—100), составляющихъ такой важный предметъ русской народной діететики, *не описано и даже не названо ни одного гриба!* И не мудрено; г. Цаббель, повѣривъ на слово автору, говоритъ: *«этотъ классъ есть въ настоящее время еще наиболее загадочный»* (стр. 100). Если бы мы встрѣтили такую фразу въ нѣмецкой грамматикѣ, то приняли бы ее за оборотъ чистаго нѣмецкаго слога; но въ ботаникѣ, популярной русской книгѣ, она просто чудовищна. — Лишай, водорасли, мхи, печеночницы, папоротники, плѣсени раздѣляютъ одинаковую участь съ грибами; не взлюбилъ ихъ авторъ, а по слѣдамъ его презрѣлъ ихъ и переводчикъ!

Предположивъ даже, что систематическая часть ботаники изложена понятно; предположивъ сверхъ того, что введеніе въ ботанику, терминологія и органографія также изложены удовлетворительно, спрашивается, — можетъ ли избранная авторомъ классификація удовлетворить человѣка-неспеціалиста, пожелавшаго учиться ботаникѣ безъ руководителя, полагаясь единственно на Диппеля? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. И если г. Цаббель такъ рѣшительно превозноситъ достоинства переведенной имъ книги, то странно, что онъ не принялъ въ соображеніе одного изъ главныхъ условій хорошей популярной ботаники. Учащійся по Диппелю, усвоивъ себѣ всю терминологію его, вообразить себѣ, разумѣется, что съ изученіемъ ея, у него въ рукѣ ключъ, отверзающій ему хранилище флоры; что терминологія — волшебный жезлъ, прикосновеніемъ котораго любое растеніе олицетворяется ему, получивъ имя и отчество. Напрасныя ожиданія. Сорвавши растеніе, неопытъ захочетъ, разумѣется, отыскать его названіе или принадлежащее ему мѣсто по руководству Диппеля, и не будетъ въ состояніи оознаться въ этомъ хаосѣ; а между тѣмъ главная цѣль общей прикладной ботаники состоитъ именно въ томъ, чтобы дать учащемуся возможность *опредѣлять растенія*. Лучшею системою для начинающаго учиться будетъ, разу-

мѣтся, та, которая не затрудняетъ памяти многочисленными данными, обусловливающими характеры различныхъ классовъ растений, и даетъ, въ то же время, возможность окинуть общимъ взглядомъ все растительное царство, не требуя тщательнаго, и часто непреодолимаго для учащагося, изслѣдованія взаимныхъ отношеній между семействами растений, соотношеній часто весьма сбивчивыхъ и путанныхъ. Неопытному въ ботаникѣ рѣшительно невозможно имѣть яснаго понятія о сущности характера каждаго семейства растений, о взаимномъ ихъ сродствѣ и переходахъ одного семейства въ другое. Поэтому учащемуся нельзя ни минуты колебаться въ выборѣ между естественною классификаціею и искусственною, потому что послѣдняя имѣетъ именно тѣ самыя преимущества надъ первою, которыя мы только что исчислили. Наконецъ, между искусственными классификаціями выборъ также не можетъ быть затруднителенъ; Линнеева система рѣшительно не замѣнима для неопита, который только впослѣдствіи времени, когда онъ ознакомится съ значительнымъ числомъ растений, будетъ въ состояніи понять превосходство естественной системы надъ искусственною. Вотъ почему и второй отдѣлъ сочиненія Диппеля рѣшительно неудовлетворителенъ. Этого мало. Г. Цабель забылъ, что книга, популярная для нѣмца, англичанина, поэтому, *eo ipso*, еще не популярна для русскаго. Учащійся, разумѣется, захочетъ попытать свои теоретическія свѣдѣнія на дико растущихъ растенияхъ, и къ удивленію своему не найдетъ въ ботаникѣ самыхъ обыкновенныхъ представителей полевой русскаго флоры. Что вы скажете на это г. Цабель?

На 24-хъ страницахъ, 247 — 271, авторъ говоритъ о растительныхъ веществахъ, употребляемыхъ человѣкомъ. Статья эта, заключающая въ себѣ самыя поверхностныя, наивныя свѣдѣнія, совершенно бесполезна, потому что при описаніи растений упоминается и главное употребленіе ихъ. Наконецъ, исторія ботаники состоитъ изъ перечня собственныхъ именъ, и не даетъ никакого яснаго понятія о постепенномъ развитіи науки до настоящаго ея состоянія.

Итакъ, мы доказали, что ботаника Диппеля вовсе не популярна, что она во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительна, выборъ ея очень не удаченъ, и что она переведена самымъ варварскимъ, ломанымъ языкомъ; если ко всему этому присоединить, что текстъ наполненъ ошибками, не показанными въ опечаткахъ, и что въ книгѣ находится, вмѣсто 282 политипажей,

только 124, изъ числа которыхъ не болѣе 60 удовлетворительны, то мы кажется будемъ правы, утверждая, что книга г. Цабеля никуда не годится, и что дать за нее полтора рубля серебромъ, а съ пересылкою два, значило бы бросить деньги въ воду. Разставаясь съ книгою, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе компаніонъ-издателей на двусмысленное положеніе, въ которое они постепенно поставили себя относительно публички своими неудачнымъ изданіями. Дѣйствія этихъ господъ рѣшительно неизвинительны: они располагаютъ обширными средствами и цѣлою конгрегаціею людей специалистовъ, дѣльнаго матеріала для переводовъ тьма тьмуца. Чего же требуется отъ гг. компаніонъ? — Знаніе дѣла? но въ этомъ отношеніи не можетъ быть и не должно бы быть затрудненія, потому что гг. члены ученой конгрегаціи, какъ увѣряютъ насъ, специалисты, которые съ самонадѣянностію выставляютъ свои фамилии на оберткахъ издаваемыхъ торговымъ домомъ книгъ, свидѣтельствуя что они редактировали эти переводы и сочиненія и отвѣчаютъ или за достоинство оригинала или за вѣрный и совѣтливый переводъ его. Требуется еще знаніе русскаго языка, при основательномъ знаніи иностраннаго, съ котораго переводится книга; неужели гг. компаніоны встрѣтили и тутъ затрудненіе? Этого быть не можетъ, и причина этой серіи плохихъ изданій или въ томъ, что гг. издатели уже слишкомъ положились на сочленовъ своей ученой конгрегаціи, или вообразили себѣ, что для торговаго дома было бы совершенно лишнее обращать много вниманія на мнѣніе и ропотъ публики. И, грустно сказать, мы начинаемъ вѣрить, что именно послѣднее наше предположеніе самое вѣроятное; это доказываютъ крайняя небрежность, съ которою издаются ихъ такъ называемыя популярныя книги, посредственность прилагаемыхъ позитиважей, напыщенность предисловія, фабрикуемыхъ господами редакторами. Такъ или нѣтъ, но мы повторяемъ, что уже нѣсколько разъ говорили: *не дадутся...* Старая фраза, скажетъ читатель, *не даются компаніонамъ популярныя книги?* Именно такъ, и мы сами начинали опасаться, что эта фраза точно также сдѣлается неизбѣжнымъ заключеніемъ нашихъ рецензій о популярныхъ изданіяхъ гг. Струговицкова, Похитонова и Водова, какъ у Катона его знаменитое *Delenda est Carthago.*

Сей повѣстью плачевной кончю
Я летопись свою....

В. ХАНКИНЪ.

Педагогическія сочиненія, вышедшія на 1860 годъ.

Однѣ изъ признаковъ юности народа въ отношеніи цивилизаціи, незрѣлости его понятій о гражданственности, есть увлеченіе общественнаго мнѣнія блестящимъ, поверхностность сужденій общества о предметахъ по ихъ внѣшности, часто — по одной обстановкѣ.

Но и для народовъ, какъ для лицъ, проходитъ пора увлеченій. Другими словами: взглядъ на историческую славу, благосостояніе и образованность измѣняется по мѣрѣ развитія въ народахъ гражданскаго самосознанія. Жажда завоеваній уступаетъ мѣсто заботѣ объ устройствѣ внутренняго быта. Богатѣйшимъ начинаетъ почитаться то государство, въ которомъ бѣльшая масса народонаселенія наслаждается извѣстною степенью довольства; образованнѣйшимъ то, въ которомъ значительнѣйшая цифра гражданъ пользуется свѣтомъ просвѣщенія. Народы достигшіе извѣстной степени политической зрѣлости, перестаютъ завидовать военной славѣ Рима и императорской Франціи, мгновенному богатству Испаніи, процвѣтанію наукъ и искусствъ въ академіяхъ вѣка Людовика XIV, и взоръ ихъ съ почитательнымъ удивленіемъ обращается на мирную Швейцарію, промышленную Англію и усѣянную народными школами Германію.

Россія гениемъ Петра была вдвинута въ Европу въ эпоху еще слабой зрѣлости этой послѣдней въ отношеніи идеи истинной гражданственности. Притомъ наше отечество приняло за образецъ, за идеалъ Францію, которая даже до нынѣ много отстала зрѣlostью отъ остальной Европы. Цѣлкомъ усвоенныя изъ Франціи воззрѣнія на существенные общественные вопросы официально держались у насъ до нынѣшняго царствованія, не смотря на очевидную несостоятельность свою передъ судомъ здраваго ума, не смотря на то, что въ людяхъ мысли, слѣдившихъ за ходомъ западной цивилизаціи, уже давно выработался иной, ближайшій къ безусловному общественному идеалу взглядъ, который, впрочемъ, только нынѣ воплоти начинаетъ высказываться, а потому и усвоиваться, все большимъ кругомъ публики.

Согласно этому современному воззрѣнію на цивилизацію, какъ мы уже сказали, степень образованности народа измѣряется не столько количествомъ познаній, литературныхъ и художественныхъ произведеній, открытій и изобрѣтеній, которыхъ заслуга принадлежитъ передовымъ людямъ націи, сколько степенью рав-

номѣрности въ распредѣленіи просвѣщенія въ массахъ и зависящую отъ нея степень нравственнаго совершенства этихъ массъ. Содѣйствовать къ достиженію отечествомъ все высшей потенціи этой истинной образованности — вотъ въ чемъ состоитъ истинное призваніе всякаго образованнаго гражданина, какъ равно и всякаго просвѣщеннаго правительственнаго лица.

Прямыхъ источниковъ истинной образованности преимущественно три: семейство, школа и литература. Но эти прямые дѣятели ведутъ народъ къ истинной образованности только при условіи сильнаго взаимодѣйствія ихъ другъ на друга и взаимнопроникновенія духомъ другъ друга.

Безъ семейства, въ извѣстномъ смыслѣ, не можетъ быть, такъ называемыхъ, семейныхъ добродѣтелей, безъ которыхъ снова невозможна истинная образованность. Съ другой стороны, семейство, безъ содѣйствія освѣжающаго духа школы и литературы грозитъ замкнутостью, исключительностью интересовъ, односторонностью воззрѣній, неподвижностью, заскорузлостью семейныхъ преданій и вѣрованій. Школа, съ одной стороны, устраняя исключительность, односторонность семейнаго вліянія, съ другой расширяя горизонтъ знаній молодаго поколѣнія, въ то же время въ образованіе юношества вноситъ элементъ, котораго не въ состояніи дать семейство, состоящее изъ слишкомъ близкородственныхъ, омогенныхъ, если можно такъ выразиться — членовъ; я хочу сказать: элементъ общежительности, общественности, безъ котораго невозможна гражданская жизнь и который придаетъ школѣ значеніе нѣкотораго рода предствія къ дѣйствительной жизни въ обществѣ. Наконецъ, литература должна быть ключомъ живой воды, питающимъ и обновляющимъ соки семейства и школы, а для этого должна проникнуться важностью ихъ и посвятить интересамъ ихъ значительную часть своихъ силъ и дѣятельности.

У насъ, изъ поименованныхъ трехъ источниковъ истиннаго просвѣщенія, семейство только начинаетъ еще доходить до сознанія своего образовательнаго призванія (mission), и то только въ высшихъ слояхъ общества. И не можетъ быть иначе! Семейство до-петровской Руси, какъ и все другія формы ея гражданского быта, было дикою средою, исполненною суевѣрій, предразсудковъ, замкнутою въ невѣжественной исключительности интересовъ, державшеюся отцовскимъ деспотизмомъ съ одной, рабскимъ подчиненіемъ жены и дѣтей съ другой стороны. Вліяніе семейства, при такомъ характерѣ его, на просвѣщеніе могло

быть только претительнымъ. Просвѣщеніе по самому существу своему, должно было вести къ разрушенію всего того, что составляло духъ и сущность тогдашняго семейства, а потому и встрѣчало въ немъ рьянаго антагониста, антагониста, дѣйствовавшаго безсознательно, по одному инстинкту исключительности, изъ одного чувства самосохраненія, но опиравшагося на двухъ крѣпкихъ столпахъ — крови и преданія. О семейныхъ добродѣтеляхъ не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ главная представительница ихъ — мать семейства была унижена до степени рабы, т. е., прелестницы, кормилицы и работницы.

Петръ освободилъ семейства высшихъ слоевъ общества изъ-подъ гнета яра патриархальности, освободилъ женщину изъ-подъ мужнина деспотизма и ввелъ ее въ общество. Но еще не успѣла женщина, одаренная гражданскими правами, внести въ семейство элементъ матери семейства, преобразовавъ это послѣднее на новыхъ началахъ свободной, самоопредѣленной морали, основанной на любви; еще женщина, на первыхъ порахъ увлекшаяся своею новою ролью въ обществѣ, не успѣла вполне сознать другую сторону своего призванія—призваніе матери семейства, какъ, при дѣятельной инициативѣ правительства, общественное образованіе стало колебать вліяніе домашняго и даже вытѣснять его, что было весьма не трудно, потому что, повторяю семейство, въ новомъ смыслѣ, едва начинало возникать. Вслѣдствіе этого, по свойственной человѣческой природѣ безпечности, родители стали заботиться только о томъ, чтобы вскормить и взростить дѣтей до извѣстнаго возраста, въ которомъ они могли поступить въ общественныя заведенія, потомъ приготовить ихъ къ экзаменамъ въ эти заведенія, сдать и... дальнѣйшее дѣло правительства, дѣло школы! Семейству, въ томъ благотворномъ образовательномъ значеніи, въ которомъ оно существуетъ на Западѣ, возникнуть было трудно при этомъ удобствѣ къ освобожденію отъ его обязанностей.

Что касается другаго источника истиннаго образованія — школы, то, не будучи порождены изъ нѣдръ нашей собственной цивилизаціи, а взятые дѣликомъ съ Запада, наши школы не могли ни вполне соответствовать нашимъ нуждамъ, ни преуспѣвать, какъ преуспѣваютъ только учрежденія, порожденныя потребностями и разумомъ народа. Искусственно перенесенныя къ намъ изъ чуждой цивилизаціи, эти правительственныя общественныя заведенія держались и держатся почти только привилегіями, сопряженными съ окончаніемъ въ нихъ курса, привычкою и недо-

статкомъ другихъ частныхъ школъ, которымъ трудно возникнуть при правительственной конкуренціи.

Такимъ образомъ, естественные воспитатели юношества—родители, почитая себя вправѣ вполне возлагать заботу объ образованіи дѣтей на правительственныя общественныя заведенія, не старались о развитіи въ дѣтяхъ семейныхъ добродѣтелей. Школы же, будучи большею частью закрытыми спеціальными заведеніями, оставляли совершенно въ сторонѣ элементъ общественности, который призваны вносить въ образованіе, и стремились къ случайнымъ, не необходимымъ цѣлямъ.

При такихъ условіяхъ, мудрено было возникнуть у насъ и дѣятельной педагогической литературѣ, которая предполагаетъ цѣлый классъ людей фаха и многочисленную публику читателей. Правда, у насъ были профессеры и учителя, былъ даже педагогическій институтъ, было педагогическое отдѣленіе въ университетахъ. Но профессеры и учителя наши были чиновники, большею частью избравшіе учебную дорогу по какимъ-нибудь случайнымъ соображеніямъ и, вскорѣ послѣ поступленія на мѣсто, переставшіе заниматься предметомъ, къ которому не видѣли ни въ комъ сочувствія, между тѣмъ какъ всюду встрѣчались съ программами и указаніями. Да и откуда было явиться людямъ фаха? Въ педагогическомъ институтѣ нашемъ, по крайней мѣрѣ до 1845 года, педагогика стояла на послѣднемъ планѣ.

Но еслибы у насъ и были люди фаха, способные создать педагогическую литературу и готовые на этотъ трудъ, то не доставало у насъ для нея публики. Не довольствоваться же было публикою, состоящею изъ однихъ и тѣхъ же людей фаха?

Впрочемъ, такъ какъ все-таки распространяющаяся грамотность и потребность въ индивидуальномъ образованіи брали свое, то ежегодно появлялись азбуки, книги для дѣтскаго чтенія и руководства по разнымъ отраслямъ наукъ, изъ которыхъ большая часть была спекуляціею книгопродавцевъ и авторовъ на карманъ покупателей, нѣкоторыя же, особенно почти всѣ руководства, были обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ правительству и снабжены его привилегіею. Какъ тѣ, такъ и другія получали право гражданства и вращались въ публикѣ почти безъ всякаго контроля относительно содержанія ихъ, ибо у насъ не выработался въ литературѣ критеріумъ для оцѣнки ихъ.

Нынѣшнее просвѣщенное и благонамѣренное правительство, признавъ необходимость всесторонняго развитія образованія, са-

мо видимо покровительствуетъ семейному образовательному вліянію, заботится объ образованіи людей фаха и наконецъ дозволяетъ обсужденіе дѣла въ литературѣ. Будемъ надѣяться, что отнынѣ наше семейство, пользуясь мудрымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ правительства, сознаетъ много-знаменательную образовательную роль свою, и будетъ стремиться занять свое мѣсто въ ряду прямыхъ дѣятелей цивилизаціи; что впредь общественное образованіе не только не будетъ пытаться вытѣснить семейное, но и, ставъ на приличествующій ему по важности постъ, съ одной стороны, будетъ довершать, пополнять дѣло семейства, съ другой будетъ вносить въ народное образованіе элементъ истинной общежителности и гражданственности. А для того, чтобы наши надежды были не тщетны, для того, чтобы онѣ оправдывались самымъ дѣломъ, будемъ стараться усвоить литературѣ то вліяніе, которое она, по самому существу своему, должна имѣть у насъ на направленіе семейства и школы.

Это вліяніе, какъ мы уже выше сказали, весьма глубоко и важно: оно состоитъ 1) въ раскрытіи тѣхъ недостатковъ и пороковъ въ нашемъ обществѣ, которые происходятъ изъ недостатка у насъ образовательнаго вліянія семейства и изъ ложнаго, односторонняго, а отчасти и недостаточнаго вліянія общественнаго образованія; 2) въ ознакомленіи публики съ результатами, до которыхъ, путемъ долгаго, многотруднаго изысканія, достигла педагогическая теорія и ея примѣненіе на Западѣ, съ моментами, въ которыхъ эта теорія непосредственно на практикѣ прилагается къ нашимъ семействамъ и школамъ, и тѣми, въ которыхъ, напротивъ, намъ приходится, сообразно съ нашими нравами и историческимъ характеромъ, изъ началъ нашей собственной національности извлечь норму для народнаго русскаго образованія; слѣдовательно въ положительной разработкѣ всего педагогическаго матеріала съ общечеловѣческой и національной точки зрѣнія; 3) въ доставленіи семейству и школамъ тѣхъ вспомогательныхъ книгъ, которыя, составляя какъ бы нравственный насущный хлѣбъ ихъ, служатъ важнымъ, необходимымъ пособіемъ для воспитателей и родителей: мы разумѣемъ совокушность книгъ, составляющихъ, такъ называемую, непосредственно учебно-образовательную литературу; наконецъ 4) въ слѣженіи за ходомъ рѣшенія вопроса объ образованіи въ самой же литературѣ и въ оцѣнкѣ, въ обсужденіи этого хода на основаніи критеріума рациональной теоріи и здраваго ума.

Изъ этихъ четырехъ задачъ, которыя рѣшить должна литература, собственно только рѣшеніе первой, составляющей предметъ, такъ называемый, *обличительной педагогической литературы*, и четвертой, которою занимается педагогическая *критика и библиографія*, относятся къ области періодической литературы, которой идея — приведеніе къ сознанию ближайшей современности во всѣхъ сферахъ жизни. Двѣ же остальные задачи, вторая и третья, по самому существу своему, должны, по настоящему, составить предметъ отдѣльныхъ спеціальныхъ сочиненій, которыхъ совокупность можетъ быть названа *капитальною педагогическою литературою*.

Итакъ капитально-педагогическая литература должна заключать въ себѣ рѣшеніе двухъ задачъ, изъ которыхъ одна, преимущественно относящаяся къ теоретической сторонѣ вопроса, рѣшается собственно такъ называемыми *руководительно-педагогическими сочиненіями*, каковы: теорія педагогики, дидактики, методологии и т. д., другая же, вспомошествовающая педагогической практикѣ, порождаетъ *учебно-образовательную литературу*, обнимающую, какъ всѣ учебники, начиная съ азбукъ до руководствъ къ наукамъ, преподаваемымъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ включительно, такъ и всѣ книги для чтенія дѣтей и юношества всѣхъ возрастовъ.

Важность недостатка во всѣхъ нашихъ журналахъ, не исключая и спеціально-педагогическихъ, въ такомъ путеводителѣ по лабиринту заманчивыхъ книгопродавческихъ каталоговъ и объявленій, вѣроятно, испыталъ всякій, воспитывающій своихъ или чужихъ дѣтей, и въ-особенности всякій пногородный, принужденный выписывать книги «зря», по одному заглавію. Но кромѣ практическихъ воспитателей, почти столько же, сколько и они, большинство нашихъ издателей, переводчиковъ и даже сочинителей педагогическихъ книгъ нуждаются въ указаніяхъ критики и вѣрно извлекутъ изъ нихъ большую пользу для себя и своихъ читателей. На каждомъ шагу встрѣчаются намъ переводныя сочиненія, нестоявшія перевода, между тѣмъ какъ дѣйствительно-хорошія сочиненія иностранныхъ литературъ по тѣмъ же предметамъ остаются непереуведенными. Часто этотъ недостатокъ происходитъ изъ недостатка знакомства переводчика съ литературою предмета, о которомъ въ переводимомъ сочиненіи трактуется. Въ такихъ случаяхъ, насколько намъ дозволитъ собственное знакомство съ иностранными педагогическими литературами, мы будемъ указывать на сочиненія, которыя не мѣшало бы

перенести на отечественную почву. Также мы постараемся при случаѣ указывать на разработку тѣхъ сторонъ нашего предмета, которыя еще ждутъ у насъ дѣятелей.

Ежегодно, не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ повторяется, въ педагогической литературѣ, явленіе, имѣющее очень слабую связь съ самыми потребностями воспитанія, и вполне зависящее отъ обычая — дарить дѣтей, въ извѣстные праздники, предметами, которые они желаютъ имѣть и которые, въ тоже время, по соображеніямъ родителей, могутъ служить или для развлечения или для пользы ихъ.

Явленіе это состоитъ въ изданіи къ такимъ праздникамъ наибольшаго, по возможности, количества книгъ, принадлежащихъ преимущественно къ учебно-образовательной литературѣ и, какъ по внѣшности своей, такъ и по содержанію, приличныхъ для праздничнаго подарка. Тоже явленіе повторилось, конечно, и въ истекшемъ году; къ празднику Рождества Христова, одинъ книгопродавецъ М. О. Вольфъ, занимающійся, какъ извѣстно, преимущественно изданіемъ и продажею педагогическихъ сочиненій, издалъ слишкомъ двадцать книгъ, принадлежащихъ къ учебно-образовательной литературѣ. Такъ какъ всѣ онѣ по праву носятъ на заглавномъ листѣ 1860 годъ, то и будутъ разсматриваемы нами въ нынѣшнемъ номерѣ нашего журнала. вмѣстѣ съ тѣмъ въ руководительной статьѣ нашей мы будемъ говорить исключительно о группѣ сочиненій, относящихся къ такъ называемой, учебно-образовательной литературѣ.

Вся учебно-образовательная литература, по различію непосредственной цѣли, которой достиженіе имѣютъ въ виду принадлежащія къ ней сочиненія, распадается на двѣ большія группы сочиненій:

1) Одни изъ нихъ, при помощи развитія ума, воображенія и сердца, рождая и питая въ юношествѣ потребность къ чтенію, непосредственною цѣлью имѣютъ — занять, привлечь дитя къ книгѣ. Это — книги *для легкаго чтенія дѣтей и юношества*. Содержаніе ихъ можетъ быть взято изъ любой сферы жизни и человеческой дѣятельности, но откуда бы ни было взято содержаніе ихъ, главное достоинство ихъ зависитъ отъ занимательности рассказа, живости изображеній и заманчивой группировки фактовъ.

2) Другія, обыкновенно называемыя *учебниками или учебными руководствами*, непосредственнымъ назначеніемъ имѣютъ — сообщеніе дѣтямъ положительныхъ свѣдѣній, относящихся къ

преподаваемымъ имъ наукамъ. Какъ тѣ, такъ и другія — конечно цѣлью поставляютъ себѣ — развитіе способностей дитяти; разница между ними заключается въ одномъ томъ, что первыя обращаются преимущественно къ воображенію, вторыя же къ познавательной способности дитяти, уму, памяти, соображенію; первыя, не зависимо отъ своего содержанія, имѣютъ формальное назначеніе, вторыя же, воплѣ по своей формѣ завися отъ содержанія, главнымъ образомъ полезны въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому мы и предлагаемъ совокупность первыхъ назвать *собственно-образовательною*, совокупность вторыхъ *собственно-учебною литературою*. Такъ какъ всѣ сочиненія, которыя мы намѣрены разобрать въ настоящей статьѣ, относятся къ первой изъ этихъ категорій, то и руководительная статья наша будетъ трактовать исключительно объ образовательныхъ сочиненіяхъ или книгахъ для легкаго чтенія дѣтей и юношества.

Основую воспитанія должно быть физическое развитіе, которое есть непремѣнное условіе правильнаго нравственнаго образованія. Уже древніе додумались до этой аксіомы. У грековъ было даже изобрѣтено слово, выражавшее идеаль, къ которому воспитаніе должно стремиться: это слово, *καλοκαγαθός* (составленное изъ трехъ словъ: *καλός* — *изящный*, т. е., правильно развитый въ физическомъ отношеніи, *καί* — *и*, *ἀγαθός* — *добрый*, т. е., правильно развитый въ нравственномъ отношеніи) означало гармонію въ развитіи нравственной и физической сторонъ въ человѣкѣ. У римлянъ была поговорка («in corpore sano mens valet»), по которой только въ здоровомъ тѣлѣ возможенъ здравый духъ. Въ новѣйшее время, все большіе успѣхи физиологіи, доказывающей близкую, непосредственную связь отвлеченій нравственныхъ съ физическими, научно подтверждаютъ то, что какимъ-то чутьемъ было сознано въ древности. *Καλοκαγαθία* все болѣе становится идеаломъ нашихъ теорій воспитанія и масштабомъ для сужденія о педагогической практикѣ.

А между тѣмъ, для того, чтобы этотъ идеаль сдѣлался сколько-нибудь удобоосуществимымъ на практикѣ, необходимо бы, прежде всего, нашимъ воспитателямъ проникнуться мыслью, что дитя до извѣстнаго возраста должно гораздо болѣе жить физически, нежели морально, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не можетъ достигнуть полной физической крѣпости, свойственной своему возрасту. Поэтому должно бы лишь настолько занимать его духъ насколько это непремѣнно нужно для постепеннаго всесторонняго развитія его и не усиливаться, во что бы ни стало,

сдѣлать изъ питомца универсальный геній, ходячую всемірную премудрость.

Всякій человѣкъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, способенъ достигнуть только до своего личнаго идеала, и никакъ не пойдетъ далѣе. Захотѣтъ приложить къ его развитію въ частностяхъ мѣрilo способностей другаго человѣка или даже какого-то общечеловѣческаго идеала значить тоже, что желать, чтобы все человѣчество имѣло одинъ физическій ростъ или, какъ дѣлаютъ китайцы, усиливаться, чтобы у всѣхъ женщинъ были одинаковой величины ноги. Правда, граждане небесной имперіи дѣйствительно достигаютъ своей цѣли: ноги знатныхъ барышень, будучи съ дѣтства вдавлены въ извѣстной величины башмаки, которые можно бы назвать идеальными, не вырастаютъ далѣе предѣловъ этихъ идеальныхъ башмаковъ. Зато — въ результатѣ получается неспособность китайскихъ знатныхъ женщинъ къ употребленію своихъ идеально малыхъ ногъ, слѣдовательно — положительная уродливость. Въ другой сферѣ, случилось, вѣроятно, всякому встрѣчать ученыхъ, вслѣдствіе многоученія, утратившихъ способность къ простому здравому мышленію *).

Изъ предвѣщающаго правила, — что только подъ условіемъ правильнаго физическаго развитія юношества возможно приближеніе къ воспитательному идеалу — съ очевидностью слѣдуетъ, что продолжительность времени, употребляемаго дитятею на чтеніе и другія занятія, исключаяющія упражненіе тѣлесныхъ силъ, должно быть соразмѣрно съ физическими потребностями его возраста. А потому, съ одной стороны, очень важно, чтобы въ первомъ возрастѣ часть наукъ, входящихъ въ программу его, была проходима изустно, съ другой, чтобы дѣти не читали ничего, прямо не способствующаго къ ихъ нравственному совершенствованію, слѣдовательно, чтобы, въ выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, не столько задавался вопросъ: можетъ ли такая

*) Если признаніе справедливости правила, что всякій человѣкъ можетъ достигнуть только своего личнаго идеала и что всякое усиліе, сдѣлать изъ него больше этого, ведетъ къ уродливости, — не понравится тѣмъ родителямъ, которые, съ помощью обученія à la vapeur надѣются сдѣлать изъ своихъ тупыхъ чадъ геніевъ; зато — въ этомъ правилѣ заключается утѣшеніе тѣхъ добровольныхъ тружениковъ, которые занимаются воспитаніемъ совершенныхъ идіотовъ. Если всякій человѣкъ воспитаніемъ можетъ быть доведенъ до высоты своего личнаго идеала, слѣдовательно и идіотъ имѣетъ свой относительный человѣческій идеалъ. Отсюда возможность воспитанія идіота и принятія его въ лоно человѣчества.

или такая книга быть допущена въ библіотеку нашего питомца, сколько спрашивалось: *будетъ ли она положительно полезна дѣтяти, т. е., послужитъ ли къ тому, чтобы подвинуть его на пути нравственнаго развитія его?* И если на этотъ вопросъ получается отрицательный отвѣтъ, то книга непременно должна быть изгнана изъ употребленія дитяти.

Для того, чтобы книга для легкаго дѣтскаго чтенія выполнила свою положительно-образовательную цѣль, надо: а) чтобы она, какъ по языку, — оборотамъ, такъ и по содержанію, была доступна возрасту, для котораго написана, и отвѣчала потребностямъ его; б) чтобы языкъ и обороты въ ней были безукоризненно правильны и могли служить для практическаго усвоенія дитятею правильнаго способа выраженія мыслей; в) чтобы книга была занимательна и притомъ доставляла воображенію здоровую пищу; г) чтобы она была умна, слѣдовательно способна питать умъ дитяти; наконецъ е) чтобы она была положительно нравственна, т. е., не только не вредила сердцу дитяти, но и напротивъ рождала въ немъ благородныя чувствованія и чистые порывы.

а) Что касается языка и оборотовъ употребляемыхъ въ дѣтскихъ книгахъ для легкаго чтенія, то въ этомъ отношеніи, мы различаемъ два рода книгъ, изъ которыхъ въ каждомъ долженъ быть свой отличный способъ выраженія, а именно: однѣ книги, которыя пишутся для очень маленькихъ дѣтей, еще не умѣющихъ читать или плохо читающихъ, и имѣютъ цѣлью, при помощи картинокъ, заохотить дѣтей къ чтенію, и другія — книги, которыя пишутся для дѣтей, уже умѣющихъ и любящихъ читать. Въ первыхъ, которыя большею частью прочитываетъ дѣтямъ воспитывающее лицо, языкъ долженъ, по возможности, подходить къ разговорному, обороты должны быть какъ можно менѣ книжны и содержаніе должно быть доступно самому непосредственному разумѣнію. Вторыя же, къ которымъ относится вся остальная собственно-образовательная литература, должны быть написаны языкомъ уже болѣе книжнымъ и тѣмъ ближе подходящимъ къ обыкновенному книжному языку, чѣмъ старше возрастъ для котораго онѣ, судя по содержанію своему, написаны.

б) Но какъ относительно первыхъ, такъ и вторыхъ книгъ, должно замѣтить, что правильность языка въ нихъ много облегчаетъ впоследствии стилистическія упражненія въ классѣ и даже имѣетъ вліяніе на пзустный способъ выраженія дѣтей.

в) Занимательность содержанія для дѣтскаго возраста книгъ

для легкаго чтенія есть непремѣнное условіе для допущенія ихъ въ число сочиненій собственно-образовательной литературы. Занимательность содержанія книги зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ оно возбуждаетъ и поддерживаетъ дѣятельность воображенія. Воображеніе дитяти можетъ быть возбуждено къ дѣятельности и поддержано въ ней содержаніемъ книги въ двухъ преимущественно случаяхъ: во-первыхъ если это содержаніе по самой сущности своей заманчиво для воображенія или во-вторыхъ если оно, будучи въ сущности очень обыкновеннымъ, повседневнымъ и естественнымъ, приобретаетъ заманчивость для воображенія отъ одного умѣнья автора обставить и освѣтить его. Содержаніе непремѣнно бываетъ заманчивымъ для воображенія по своей сущности, если оно поражаетъ своею чрезвычайностью и даже невозможностью; но и самый будничный фактъ, если онъ новъ для читающаго или неожиданъ, т. е., не можетъ быть предусмотрѣнъ по логикѣ ума, можетъ приобрести высокую степень занимательности, заманчивости для воображенія. Изъ этого слѣдуетъ, что прелесть, занимательность содержанія дѣтскихъ книгъ зависитъ не столько отъ сущности ихъ содержанія, сколько отъ новизны, неожиданности фактовъ и событій, о которыхъ говорится въ нихъ, для дитяти. Согласившись съ этимъ послѣднимъ положеніемъ, мы невольно приводимся къ тому, что не однѣ волшебныя сказки и такія же повѣсти могутъ быть занимательны для дѣтей, но и всякаго рода рассказы, которыхъ содержаніе взято изъ дѣйствительности, лишь бы оно завлекло новизною или постановкою на сцену фактовъ. Если мы теперь примемъ въ соображеніе вышесказанное — что всякая книга, даваемая въ руки дитятѣ, должна быть положительно полезна ему, — и второе, что пища доставляемая книгами дѣтскому воображенію, должна быть здорова, то, по нашему мнѣнію, сказки, басни и волшебныя повѣсти должны быть изгнаны изъ дѣтскихъ библиотекъ и замѣнены сочиненіями, завлекательнымъ образомъ знакомящими съ чудесами природы, или съ положительною жпзнью. Сказки суть порожденіе пародной или личной поэтической фантазіи, отрѣшенной отъ контроля познавательной способности и отрицающей опытъ и истину дѣйствительности. Сказочный міръ, если открывается нашему воображенію въ томъ возрастѣ, когда мы уже болѣе или менѣе знакомы съ міромъ дѣйствительности, представляетъ весьма пріятную забаву и даже, можетъ быть, полезное упражненіе для фантазіи. Но если знакомство со сказочнымъ міромъ предшествуетъ ознакомленію съ дѣйствительностью, то необходимо,

болѣе или менѣе, мѣшаетъ этому послѣднему. Дитя, читающее о говорящихъ медвѣдяхъ и творящихъ чудеса волкахъ, прежде нежели узнало о медвѣдѣхъ и волкѣхъ изъ естественной исторіи, долго сохраняетъ объ этихъ животныхъ понятіе, какъ о существахъ, имѣющихъ сверхъестественныя свойства. Съ другой стороны, наше любимое «авось» едва-ли отчасти не зависитъ отъ привычки, усвоиваемой нашимъ воображеніемъ изъ сказокъ, которыми питаютъ его въ дѣтствѣ, привычки — всюду ожидать чудесъ и появленія deus ex machina. Наконецъ, еслибы и этого всего не было, то, во всякомъ случаѣ, чтеніе сказокъ не приноситъ положительной пользы дѣтямъ, слѣдовательно должно быть отвергнуто, какъ бесполезно отрывающее ихъ отъ физическихъ упражненій, столь необходимыхъ ихъ возрасту. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено для дѣтей съ крайне-слабою, бездѣйственною фантазією, которыхъ нравственный міръ подлежитъ особой исключительной системѣ лѣченія. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ понять — почему бы чудеса, которыми такъ изобилуетъ природа для дѣтскаго ума, были менѣе способны стать средствомъ подобнаго лѣченія, нежели сказочныя чудеса?

d) Многіе дѣтскіе писатели, родители и наставники думаютъ, что отъ дѣтскихъ книгъ нѣтъ надобности требовать большаго ума, потому что дѣти, молъ, сами глупенькія и какую бы глупость взрослый человѣкъ ни написалъ, она все будетъ выше дѣтскаго ума, слѣдовательно умна для дитяти. Это ошибочное мнѣніе поражаетъ множество пошлыхъ дѣтскихъ книжонокъ, которыя, вслѣдствіе того же разсужденія, издаются гг. книгопродавцами и покупаются родителями. Ошибка тутъ заключается въ томъ, что дѣтскій умъ, именно потому, что онъ дѣтскій, почитается существенно, т. е., количественно и качественно, различнымъ отъ ума взрослого человѣка, между тѣмъ, какъ они различны только по степени опытности, по количеству фактовъ, на которыхъ упражняли свои силы, по степени навыка въ употребленіи своей логики. Умное умно и для ребенка, если приспособлено къ возрасту его; глупое глупо и для ребенка, если онъ, по неспособности, не дастъ обмануть себя глубокомысленною вѣршиностию. А между тѣмъ, глупая книга вредна для умнаго ребенка, потому что онъ очень скоро разберетъ, что она глупа, и перестанетъ вѣрить въ умъ книгъ вообще, слѣдовательно и читать ихъ, потому что дѣти весьма легко дѣлаютъ заключенія отъ частнаго къ общему. Глупый же ребенокъ, хотя

и не испытаетъ такого вреда отъ чтенія глупыхъ книгъ, за-то и не получить отъ него никакой пользы, потому что мудроно же поумнѣть отъ чтенія глупостей.

е) Дѣйствиѣ, которое книга производитъ на дѣтское сердце, не только не зависитъ отъ количества морали или нравственныхъ сентенцій, разсѣянныхъ въ ней, но даже находится въ обратномъ отношеніи къ этому количеству, потому что ничто такъ не роняетъ кредита словъ, какъ частое употребленіе ихъ всуе, въ томъ возрастѣ, которому полное значеніе ихъ еще не доступно. Вліяніе книги на дѣтское сердце единственно и исключительно зависитъ отъ нравственности автора книги. Только глубоко-нравственный человѣкъ, немогущій поэтому самому не любить дѣтей, можетъ написать книгу, благотворно дѣйствующую на сердца ихъ. Любовь къ подростающему поколѣнію и къ нравственному идеалу человѣка должна водить перомъ дѣтскаго писателя, если хотимъ, чтобы сочиненія его были въ состояніи расширить сердце маленькихъ читателей и оплодотворить его благими намѣреніями и помыслами. Напротивъ, книга, съ первой до послѣдней страницы намекающая на нравственную цѣль, останется безплодною для сердца дитяти, если авторъ не вложитъ въ нее частицы своего собственнаго сердца, или если это послѣднее само скудно, сухо, безплодно. Оттого, съ одной стороны, такъ мало дѣтскихъ книгъ плодотворныхъ для сердца юношества, съ другой — образованныя, умныя и талантливыя женщины способны сдѣлать въ этомъ отношеніи гораздо болѣе, нежели мужчины, обладающіе тѣми же качествами, но не одаренные женскимъ сердцемъ.

Показавъ основанія, на которыхъ мы намѣрены разбирать вновь вышедшія дѣтскія книги, приступаемъ къ самому разбору ихъ, придерживаясь, въ группировкѣ ихъ, какъ сродства между сочиненіями по самому содержанію ихъ, такъ и возрастовъ дѣтей, для которыхъ эти сочиненія назначаются.

1) Русскія сказки для дѣтей, рассказанныя нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою, изданныя К. Авдѣевою. Изд. четвертое. Спб. изд. М. О. Вольфа. 1860, въ большую 8-ю д. л. IV и 36 страницъ текста, съ 7 картинками. Цѣна 2 р. *)

*) Цѣны выставлены по книгопродавческимъ книгамъ.

Хотя количество изданій и не всегда бываетъ у насъ ручательствомъ за достоинство книги, потому что часто, по пословицѣ, на безрыбьи и ракъ бываетъ рыбой, однако почти всегда поименованное обстоятельство имѣетъ какое-нибудь основаніе независимо отъ недостатка у насъ подобнаго рода книгъ. Въ настоящемъ случаѣ такихъ основаній даже два: 1) убѣжденіе, укорененное въ нашей публикѣ, что воспитаніе не можетъ обойтись безъ сказокъ, убѣжденіе, котораго, какъ сказано въ нашей руководительной статьѣ, мы отнюдь не раздѣляемъ, и 2) дѣйствительныя достоинства книги. Объ этихъ послѣднихъ мы считаемъ нужнымъ нѣсколько распространиться. Сказки г-жи Авдѣевой назначаются для развлеченія очень маленькихъ дѣтей и вмѣстѣ для приученія ихъ къ книжкѣ. Какъ по разговорной простотѣ языка, которыми онѣ написаны, такъ и по извѣстнаго рода простонародной правильности его, по несложности вымысла, наивности, непосредственности поэзіи и теплотѣ, разлитой въ нихъ, онѣ вполне могутъ достигнуть вышепоказаннаго двойственнаго назначенія своего. Конечно, онѣ не могутъ претендовать на здравое воздѣйствіе на дѣтскую фантазію, на развитіе ума дитяти сообразною пищею, но объ этомъ онѣ, повидимому и не хлопочуть. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткихъ словахъ:

Въ первой изъ нихъ, пѣтушокъ-золотой гребешокъ, за непослушаніе своимъ хозяевамъ, наказывается тѣмъ, что попадаетъ въ лапы лисѣ, которая отдаетъ его для забавы своимъ дочкамъ, съ тѣмъ чтобы потомъ испечь изъ него пирогъ; но старикъ-хозяинъ, при помощи маленькой хитрости, выручаетъ пѣтушка и наказываетъ лису и ея дочерей, за ихъ коварство, смертью. Во второй — колобокъ, сдѣланный старушкою изъ муки, въ наказаніе за свою самоувѣренность и тщеславіе, попадаетъ лисицѣ, которая и съѣдаетъ его. Въ третьей — Машенька, не послушавшись матери, которая приказала ей не отходить далеко отъ деревни, попадаетъ въ лапы медвѣдью, который впрочемъ оказывается не только весьма вѣжливымъ, но и крайне незлопамятнымъ и даже благодарнымъ за маленькія услуги, оказанныя ему дѣвочкою, во время пребыванія у него. Въ четвертой — волкъ надѣвъ на себя козлиную кожу, и поддѣлавшись подъ способъ выраженія козы, обманываетъ козлятъ, которыхъ мать оставила однихъ въ хлѣву, и съѣдаетъ ихъ и т. под. Большая часть изъ этихъ сказокъ, повидимому записана со словъ простонародной няньки; въ-особенности это

предположеніе оправдывается стихами, которыми говорятъ дѣйствующія лица. Таковы, на примѣръ, слѣдующіе:

«Стрень, брень, мои гусельцы,
Золотыя мои струочки!
Ужъ какъ дома ли лиса, Лиса Ивановна,
Со своими малыми дѣтушками?
Первая-то дочь Чучелка,
А вторая-то Получелка,
Третья-то Подай-пирожокъ,
А четвертая Зажми-кулачокъ.»

Въ заключеніе скажемъ, что сказки г-жи Авдѣевой вполне доступны маленькимъ дѣтямъ, читаются ими съ большимъ интересомъ, могутъ заохотить ихъ къ чтенію, и не могутъ повредить ихъ способу выраженія. Изданіе не оставляетъ ничего лучшаго желать. Нельзя сказать того же о содержаніи нѣкоторыхъ другихъ книжекъ, изданныхъ М. О. Вольфомъ съ аналогическою цѣлью, каковы:

2) Говорящія животныя. Текстъ автора Степки-Растрепки. Съ 17-ю раскрашенными картинами, по рисункамъ Ц. Рейнгарта. Спб. изданіе М. О. Вольфа. 1860. въ 4 д. л., 18 стр. ц. 1 р. 25 коп.

3) Еще говорящія животныя. Текстъ автора Степки-Растрепки. Съ 16-ю раскрашенными картинами, по рисункамъ Ц. Рейнгарта. Спб. изд. М. О. Вольфа. 1860. въ 4 д. л. 16 стр. ц. 1 р. 25 коп.

Это неудачная попытка выразить въ дѣйствиі нравы животныхъ, повидимому еще съ заднею мыслію — извлечь изъ нихъ нравоученіе для дѣтей. Тяжеловѣсное остроуміе картинокъ, по которымъ, надо полагать, составленъ текстъ, безграмотность, нескладность, тупоуміе самаго текста, написаннаго въ стихахъ, отсутствіе всякой занимательности разсказовъ, вотъ свойства, по которымъ приходится сожалѣть объ издержкахъ, употребленныхъ книгопродавцемъ на изданіе этихъ книжонокъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ изъ той и другой по образчику, которые выбираемъ по краткости ихъ:

Поросенокъ.

«Всякій умный ребенокъ
И умыть, и чистъ.
А вотъ этотъ поросенокъ
Точно трубочистъ.»

Никогда не умывался,
 Вѣчно платье рвалъ,
 Только лишь въ грязи валялся,
 Въ школу побѣжалъ.
 Звѣри тамъ пришли въ волнение,
 Лишь явился онъ.
 «Вонъ, нечистое творенье!»
 Закричали: «вонъ!»
 По насосу всѣ схватили,
 Прямо на него,
 И водою окатили
 Бѣднаго всего.
 И такого умыванья,
 Жалокоъ и смѣшонъ,
 Не смотря на всѣ старанья,
 Не избѣгнулъ онъ.

(Говорящія животныя, стр. 17.)

Опрятность.

Утро. Кошечка сзываетъ
 Дѣточекъ своихъ,
 И не медля заставляеть
 Умываться ихъ.
 Чинно дѣти умывались
 Чистою водой,
 А потомъ и причесались
 Щеткой головной,
 И, какъ слѣдуетъ, одѣлись
 Въ праздничный нарядъ, —
 Вотъ, какъ видите, усѣлись,
 Завтракать хотять, и пр. и пр.

(Говорящія животныя, стр. 9.)

Все въ томъ же родѣ. По многимъ примѣтамъ надо думать, что это плохіе переводы съ нѣмецкаго, на что чуть ли не намекаютъ и слова, напечатанныя на оборотѣ переплета: «Лейпцигъ, въ типографіи Густава Бера.»

Много общаго съ этими книжонками, по безграмотности и тупоумію, имѣютъ:

4) Басни и пѣсенки для дѣтей. Спб. изд. М. О. Вольфа. 1860. Въ 12 д. л., IV и 66 страницъ текста съ 19 раскрашенными картинками. Ц. 75 коп.

Книжка, очевидно, также переведенная съ нѣмецкаго, изданная довольно опрятно, но въ которой на картинкахъ дѣти очень походятъ на старичковъ. Басни въ ней такого рода:

ОСЕЛЪ.

«Осель со львомъ однажды шелъ,
Гордяся честію такой.
И повстрѣчался имъ другой осель,
Кричить: «Здорово, милый мой!»
— «Невѣжда, прочь! какъ смѣешь ты!»
— «Конечно, ты идешь со львомъ;
Однако, какъ и всѣ подобные скоты,
Всегда останешься осломъ» (стр. 17).

Стихи же довольно похожи на басни; прислушайте:

УТРО.

«Зачѣмъ такъ рано ты сокрылась,
Звѣзда прелестная моя?»
«Здѣсь солнце скоро засіяетъ,
И потому уйдти спѣшила я» и т. д. (стр. 7).

Послѣднія двѣ строки, судя по кавычкамъ, содержатъ отвѣтъ звѣзды.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

«Дитя, помолись, и покойно усни,
И глазки свои голубые закрой,
Овечки устали, имъ нуженъ покой,
И птичка въ свой кустикъ летитъ,
Лишь только стемнѣетъ — тамъ она спитъ» и т. д. (стр. 9).

Также много общаго съ вышеупомянутыми книжонками («Говорящія и Еще говорящія животныя»), и прежде всего общій съ ними источникъ, имѣетъ:

5) Путешествіе въ сказочную страну. Разказы для дѣтей въ стихахъ. Текстъ автора Степки-Растрепки. Съ 16 раскрашенными картинками, по рисункамъ Ц. Рейнгарта. Спб. въ 4 д. 1, II и 15 стр., ц. 1 р. 25 коп.

Опять переводъ съ нѣмецкаго, какъ можно по многому догадаться, хотя и переводчикъ и издатель почли выгоднымъ скрыть это обстоятельство. Будь этотъ переводъ сколько-нибудь грамотенъ, книжка могла бы по праву разчитывать на успѣхъ у приверженцевъ сказокъ въ дѣлѣ образованія. Для этого она, при довольно приличной наружности, въ подлинникѣ вѣроятно обладаетъ и содержаніемъ достаточно занимательнымъ, и наивностью, свойственною дѣтскому возрасту и нѣкоторою теплотою изложенія, качествами, въ русскомъ переводѣ совершенно ис-

чезающими подъ топорною оболочкою, которой вотъ краткіе образчики :

«Вотъ и бабушкина кошка,
 Будто снѣгъ бѣла,
 Соскочивъ съ окошка,
 Къ дѣтямъ подошла» (стр. 4).
 «Сколько вареньевъ
 Наварила для гостей,
 Сколько было тутъ печеньевъ
 И арбузовъ, дынь, сластей, и т. д.

И далѣе :

Но какой тамъ былъ прекрасный
 Сливочный пирогъ,
 И Гомеръ бы сладкогласный
 Описать не могъ! (тамъ же).
 Но нигдѣ мостовъ не видно
 И ни лодки тутъ ;
 Только уточки гогочуть,
 По волнамъ плывутъ (стр. 5).
 Но вотъ тонкій голосочекъ
 Слышенъ межъ кустовъ :
 «Васъ принять въ моемъ владѣнн
 Радъ я и готовъ» (тамъ же).
 и т. д., и т. д., и т. д.

Ужь если переводчикъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о русской версификаціи и до такой степени не догадливъ и не владѣетъ стихомъ, что безпрестанно впадаетъ въ самые смѣшные плеоназмы и промахи? Если, кромѣ того, онъ во что бы то ни стало хочетъ продолжать свое литературное поприще, то мы посоветовали бы ему, по крайней мѣрѣ, ограничиться слагою прозаика и не посягать болѣе на завръ стихотворца.

Будь сказка переведена прозою, а не стихами, тогда переводчикъ, безъ ущерба дѣлу, могъ бы и не упоминать о Гомерѣ сладкогласномъ, который заблудился сюда, кажется, единственно ради стиха и не имѣетъ никакого смысла въ русской дѣтской сказкѣ. Г. Вольфу же мы дали бы совѣтъ лучше ограничиться изданіемъ нѣсколькихъ дѣльныхъ сочиненій, за которыя публика будетъ благодарна ему, нежели ежегодно пускать въ свѣтъ, рядомъ съ многимъ хорошимъ, цѣлый ворохъ хламу.

Къ такому хорошему нельзя, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не отнести:

6) Русскія сказки въ иллюстраціяхъ. Сборникъ для дѣтей. «Сказка о Иванѣ царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ», В. Жуковскаго. Рисунки Н. Анненскаго. Спб. Изд. М. О. Вольфа, въ 4 д. л., 34 страницы текста и 9 рисунковъ; кромѣ того двѣ прекрасныя виньетки.

Это, въ полномъ смыслѣ слова великолѣпное изданіе, въ отношеніи изящества внѣшности, едва ли найдетъ себѣ соперниковъ во всей нашей дѣтской литературѣ. Достоинства сказки въ литературномъ отношеніи не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію. Въ примѣненіи къ образованію юношества, эта книга, по языку, уже нѣсколько книжному, не можетъ годиться для дѣтей того возраста, которому приличествуютъ сказки г-жи Авдѣевой, но можетъ служить съ пользою дѣтямъ, начинающимъ вникать въ построеніе сложнаго періода. Что касается содержанія, то и по занимательности, и по наивному остроумію, и по благотворной теплотѣ разсказа, сказка вполне безукоризненна. Но не смотря на всѣ эти достоинства, мы ни за какія блага не дали бы этой книжки въ руки нашимъ малолѣтнимъ дѣтямъ, потому единственно, что она — *сказка*.

Говоря о великолѣпнн внѣшности этого изданія, мы считаемъ своею обязанностью упомянуть о нѣкоторыхъ, правда немногихъ, корректурныхъ пропускахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«Царевичъ перелѣзъ чрезъ (вмѣсто черезъ) ограду» (стр. 10, строка 27).

«Надъ ними (вмѣсто нимъ) клубился дымъ, распространяясь» (стр. 28, строка 25).

«Съ царевной (вмѣсто царевною) Еленою прекрасной...» (стр. 29, строка 23).

Впрочемъ, мы не стали бы и упоминать о такихъ маловажныхъ и притомъ весьма немногочисленныхъ опечаткахъ, еслибы, судя по заглавію на переплетѣ, не должны были предвидѣть, что г. Вольфъ скоро издастъ и другія образцовыя произведенія русскихъ поэтовъ подобнымъ роскошнымъ образомъ. Въ такомъ случаѣ наши указанія могутъ предотвратить болѣе важные недосмотры.

Какъ-то совѣстно становится (конечно, не за себя!), когда, послѣ образцоваго литературнаго произведенія, каково: сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ, приходится говорить о жалкомъ порожденіи книжной спекуляціи, какимъ является книга, носящая заглавіе:

7) Волшебные Цвѣты. Разказы для дѣтей. Спб. Изд. М. О. Вольфа. 1860. Въ 12 д. л. II и 120 стр. текста и 6 раскрашенныхъ картинокъ. Цѣна 2 рубля.

Картинки нѣсколько напоминаютъ: Одушевленные цвѣты Альфонса Карра, но въ весьма уменьшенномъ видѣ: этимъ сближеніемъ мы выражаемъ имъ похвалу только въ той мѣрѣ, какъ они заслуживаютъ. За то текстъ, если и порожденъ подраженіемъ вышеупомянутому сочиненію, то ни въ какомъ отношеніи не напоминаетъ его и не можетъ быть сближаемъ съ нимъ безъ смертельной обиды знаменитому автору его. Текстъ этотъ — очевидно, вольная передѣлка на русскіе нравы плохой французской компиляціи, облеченной въ форму волшебнаго сна. Компиляція имѣла въ виду — показать значеніе, какое люди различныхъ историческихъ эпохъ приписывали различнымъ видамъ и семействамъ цвѣтовъ, въ результатѣ же: объяснить игру, основанную на эмблематическомъ значеніи цвѣтовъ, и цвѣточные часы, отчасти основанные на различіи времени дня, въ которое цвѣты распускаются, отчасти же ни на чемъ не основанные. Для достиженія этихъ глубокихъ цѣлей, выведены на сцену олицетворенные цвѣты, по очереди говорящіе весьма хвастливыя и плодовитыя рѣчи о самихъ себѣ, на праздникѣ цвѣтовъ, на которомъ во снѣ присутствуетъ маленькій мальчикъ, занесенный туда маргариткою, дочерью царицы цвѣтовъ Маргариты. О мальчикѣ этомъ, вѣроятно, для приданія всему трактату о значеніи цвѣтовъ большей занимательности, рассказана самая невѣроятная, нелѣпая и ни къ чему неведущая повѣсть, изъ которой не только ребенокъ, но и взрослый человѣкъ ничего въ добавокъ не пойметъ, кромѣ развѣ того, что бываютъ книги, написанныя взрослыми людьми и которыя, не смотря на то, глупѣе сказочекъ, сочиненныхъ инымъ маленькимъ ребенкомъ. Въ добавокъ вся эта скука, пошлость и ни къ чему не ведущая болтовня пропитана духомъ новѣйшаго французскаго общества, въ которомъ стремленіе къ личнымъ корыстнымъ, честолюбивымъ или тщеславнымъ цѣлямъ заставляетъ не пренебрегать никакими средствами, каковъ бы источникъ ихъ ни былъ, и въ которомъ поэтому исторически повторяется, въ нпой оболочкѣ, явленіе еще неорганизовавшихся обществъ: война каждаго противъ всѣхъ, и всѣхъ противъ каждаго (*bellum omnium contra omnes.*) И этотъ враждебный, ненавистный духъ приписанъ — кому же? Эмблемамъ наивности, невиннымъ улыбкамъ дочеловѣческой природы, цвѣтамъ, изъ которыхъ, напри-

мѣръ, колокольчики, sans rime ni raison окидывали презрительнымъ взглядомъ Маргаритки и отпускали оскорбительныя шуточки на счетъ Васильковъ.

«— Какъ попала сюда вся эта цвѣточная дрянь, сказали они: — необразованная, низкаго происхожденія и безъ всякихъ связей въ обществѣ? (стр.» 91).

«— Вотъ гримасница, сказалъ изъ зависти молодой ренонкулъ, толкая локтемъ подсыѣжнникъ.» (стр. 39).

«Во время этого разсказа, нѣкоторые изъ цвѣтовъ, вынувъ платки изъ кармана, дѣлали видъ будто плачутъ, что очень раздосадовало Петю, потому что онъ видѣлъ какъ они изъ-подтишка смѣялись.» (стр. 45).

«— Вы, говоря о добрѣ, примѣшываете къ нему и зло, сказали съ горечью желчныя Ноготки съ нахмуренными бровями и желтымъ цвѣтомъ лица, не слишкомъ вѣжливо толкая мимоходомъ на право и на лѣво толпу маленькихъ лѣкарственныхъ цвѣточковъ.» (стр. 60).

«— Милый землякъ, сказалъ на это Флеръ д'Оранжъ, обратясь къ Жасмину..... надо сказать правду, (я) не расточаю даровъ своихъ такъ легко, какъ ты; щедрость твоя доведетъ до того, что ты въ глазахъ людей потеряешь свою цѣну.» (стр. 63).

Презрѣніе, обидное высокомѣріе, зависть, хвастливость, притворство, горечь, неуваженіе къ ближнимъ, хитрость, кокетство, и другія подобныя похвальныя качества встрѣчаются на каждой страницѣ этой отвратительной книжонки, отвратительной по направленію, долженствующему извратить непосредственный взглядъ дитяти на природу, заставить его возненавидѣть цвѣты за ихъ ненавистныя свойства и даже вредно подѣйствовать на самое сердце малютки, который еще, можетъ быть, и не испытывалъ чувствъ, волнующихъ будто бы общество цвѣтовъ, а въ самомъ дѣлѣ волнующихъ на каждомъ шагу парижское общество, вѣроятно, восптавшее автора книжонки.

Конечно, въ направленіи ея нисколько не виновата переводчица (книжонка передѣлана дамою), которую можно винить въ одномъ выборѣ сочиненія для передѣлки и еще отчасти въ томъ, что она берется за дѣло, въ которомъ очень мало понимаетъ, и котораго исполнить не въ состояніи, какъ по неумѣнію писать по русски, такъ и вообще по недостатку литературнаго таланта.

Какъ, напримѣръ, приходится подумать о понятіяхъ переводчицы о ботаникѣ, читая, въ краткомъ предисловіи къ книгѣ,

слѣдующія слова: «Но серьезное изученіе этихъ вопросовъ (гдѣ растетъ такой-то цвѣтокъ и какія отличительныя его свойства?) интересно только для взрослого человѣка, напротивъ *часто* (?) утомляетъ мало развитый и живой (*sic!*) умъ дитяти. Поэтому въ предлагаемой сказкѣ, отбросивъ всякое научное толкованіе (*sic!*), я старалась ознакомить дѣтей съ ботаникой (*sic!*), наукой, *полной прелести*, которой *сухая, неинтересная сторона* скрыта подъ легкимъ рассказомъ. Я надѣюсь, что рассказъ Петруши будетъ хорошо принятъ маленькими читателями и что не одинъ ребенокъ, прочитавъ книжку, поблагодаритъ за нее свою *мать*.» (*sic!*) (стр. I и II.)

— Что это такое? вѣроятно, воскликнетъ читатель, уже знакомый въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ и направленіемъ книжонки: Что это такое? Чему приписать такое предисловіе къ такой книгѣ? Насмѣшкѣ ли, грубой наивности невѣжества или духу наглой спекуляціи на карманъ покупателей... Но какъ же не стыдно женщицѣ спекулировать въ такомъ дѣлѣ, каково воспитаніе дѣтей, самая священная изъ обязанностей и самое священное изъ правъ женщинъ? Стыдно, стыдно! Да и что за понятія у васъ, сударыня, о ботаникѣ, будто бы нуждающейся въ искусственныхъ прикрасахъ, для того, чтобы стать интересною для дѣтей. Ботаника, напротивъ, очень занимательная для дѣтскаго возраста отрасль естествовѣдѣнія: стобить только обработать ее сообразно съ дѣтскими понятіями, принявъ въ основаніе, напримѣръ, шлейденово сочиненіе: «Растеніе и его жизнь» или другое подобное. Притомъ въ вашей книжкѣ почти ничего и не говорится собственно о ботаникѣ, какъ физиологіи и классификаціи растений. Болтовня же объ эмблематическомъ значеніи цвѣтовъ у людей или о модѣ на различные роды и виды цвѣтовъ, не имѣетъ ничего общаго съ ботаникой, въ смыслѣ естественной науки, и относится къ одной исторіи садоводства и садовой флоры. Далѣе: какъ вы понимаете слова: *въ сказкѣ отбрасывать всякое научное толкованіе*? Развѣ научное толкованіе бываетъ когда-нибудь въ сказкѣ, что его приходится отбрасывать? Потомъ: какъ согласить противорѣчіе, заключающееся въ вашихъ словахъ, что ботаника *вмѣстѣ и полна прелести и имѣетъ сухую неинтересную сторону*? То, что полно прелести не можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть такой стороны, а то, что имѣетъ сухую неинтересную сторону, не полно прелести. Наконецъ: откуда произошла ошибка, по которой вы, называющая себя авторомъ «Волшебныхъ цвѣтовъ» говорите о рассказѣ Пет-

руши, тогда какъ, въ книжкѣ, Петруша вовсе ничего не рассказываетъ, а напротивъ о немъ рассказывается много нелѣпостей. Кстати, потрудитесь также объяснить, что побудило васъ, въ русскомъ предисловіи, употребить славянскую форму «матерь», вмѣсто русской «мать».

Еслибы мы не опасались, чтобы слова, которыя мы намѣрены сказать, не послужили непредусмотрительнымъ родителямъ поводомъ къ тому, чтобы эту вредную книгу дать въ руки дѣтямъ, то указали бы на единственно-полезную часть ея, именно: на объясненіе игры, называемой «разговоромъ цвѣтами», и сопровождаемой *цвѣточнымъ лексикономъ*. Игра эта можетъ послужить къ наученію дѣтей распознавать цвѣты. Но такъ какъ объясненіе игры, въ совокупности съ лексикономъ составляетъ ровно семнадцатую часть всей книги, такъ какъ объясненіе этой игры есть и въ другихъ сочиненіяхъ, да и безъ нея можно легко обойтись, то изъ-за такой мелочной пользы не слѣдуетъ подвергать дѣтей опасности — прочитатъ глупую и вредную книжонку.

Наконецъ-то мы изъ сказочнаго міра можемъ спуститься въ міръ дѣйствительности, къ которому, относительно образованія, имѣемъ гораздо болѣе сочувствія, основаннаго на искреннемъ убѣжденіи. Здѣсь мы, прежде всего, встрѣчаемся съ старымъ знакомымъ, первоначально увидѣвшимъ свѣтъ въ «Журналѣ для дѣтей» котораго-то изъ сороковыхъ годовъ, а именно, съ рассказомъ:

8) Настоящій Робинзонъ. Заимствовано съ французскаго *А. Разиньмъ*. Спб. изд. М. О. Вольфа. 1860. въ 16-ю д. л., IV и 159 стр., ц. 1 р. сер.

Кому неизвѣстенъ Робинзонъ Крузе, соч. Дефое, передѣланный для маленькихъ дѣтей нѣмецкимъ писателемъ Кампе? Какъ сочиненіе Дефое, такъ и передѣлка Кампе; находятся въ продажѣ въ русскомъ переводѣ. Рассказъ же г. Разина представляетъ намъ истинное событіе, послужившее канвою для повѣсти Дефое, въ томъ видѣ, какъ оно совершилось въ дѣйствительности. Рассказъ этотъ назначается для дѣтей, уже достигшихъ извѣстной степени умственнаго развитія, какъ видно изъ нѣкоторыхъ психологическихъ подробностей и разсужденій, недоступныхъ маленькимъ дѣтямъ. Изложеніе прекрасное, ясное, рассказъ веденъ живо, занимательно, мѣстами даже увлекательно;

книжка вполне умна. Мораль ея также болѣе нравится намъ, нежели та, которую приходится вывести изъ Робинзона Крузе, не только потому что ближе къ истинѣ, но и потому что указываетъ на призваніе и внутреннюю непреодолимую потребность человѣка — жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, приносить имъ свой трудъ, съ пользою для своего личнаго совершенствованія. Вообще мы, по чистой совѣсти, можемъ рекомендовать эту книжку маленькимъ читателямъ, которые, можетъ быть, и не обратили на нее должнаго вниманія, благодаря скромной наружности ея, заставившей насъ воскликнуть съ римскимъ поэтомъ:

«Habent sua fata libelli!»

Впрочемъ, подъ словомъ «скромная наружность» мы просимъ не разумѣть ужъ слишкомъ большой бѣдности. Дѣло только въ томъ, что она бѣднѣе наружности многихъ книгъ, далеко не могущихъ по своему внутреннему достоинству, стать рядомъ съ рассказомъ г. Разина. Бумага этой маленькой книжки довольно опрятна, но отнюдь не роскошна, шрифтъ ясенъ, четокъ, но также очень обыкновененъ, четыре картинки, приложенныя къ ней, могли бы быть сдѣланы отчетливѣе, въ-особенности третья, на которой Маримонда вовсе не походитъ на обезьяну.

Если отъ исторически-достовернаго разсказа, написаннаго для юношества, мы вправѣ, въ матеріальномъ отношеніи, требовать не болѣе, какъ сообразности событія, составляющаго содержаніе его, съ потребностями юношества, въ вымышленномъ, съ педагогическою цѣлью, разсказѣ, все содержаніе, какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ частностяхъ, должно быть скроено по масштабу идеи, лежащей въ основаніи разсказа. Въ послѣднемъ случаѣ, когда историческія данныя не стѣсняють автора, педагогическая идея одна должна руководить имъ.

Какъ ни логично, ни законно это требованіе, однако, если истинный художникъ берется за сочиненіе для юношества, ему удастся, кромѣ главной, педагогической цѣли, достигнуть еще и нѣкоторой степени художественности произведенія, въ которомъ въ такомъ случаѣ замѣтна концепція цѣлаго, художественная отдѣлка частныхъ и характеровъ, любовь къ самому процессу творчества. Во всемъ сочиненіи бьется жилка той высшей поэтической жизни, которая имѣя одинъ источникъ съ дѣйствительною жизнью, не смотря на то, на столько же выше ея, на сколько идеальный міръ выше вещественнаго.

Происшествіе, случившееся съ настоящимъ Робинзономъ, котораго имя было Селькиркъ, кромѣ уже названныхъ нами сочиній Дефое и Кампе, подало поводъ къ цѣлому ряду повѣстей, въ которыхъ одно или нѣсколько лицъ или даже цѣлое семейство, по стеченію обстоятельствъ, попадаютъ въ глухую, неизвѣстную мѣстность, тамъ принуждены бороться съ различными, болѣе или менѣе тяжкими лишеніями и страданіями, изошрять свои физическія и нравственныя силы въ присканіи способовъ существованія, въ борьбѣ за свою жизнь и безопасность, въ изобрѣтеніи и примѣненіи разныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ и удачныхъ исходовъ для улучшенія своего положенія и т. п. Изъ этихъ сочиненій, которыя мы предлагаемъ назвать общимъ именемъ *робинзонадъ* и къ которымъ думаемъ, что отчасти можетъ быть причисленъ и извѣстный романъ Бернардена де-Сенъ-Пьера: «Павель и Виргинія», изъ этихъ сочиненій — одни написаны съ чисто эстетическою или бельетристическою цѣлью и потому сюда не относятся, другія же, имѣютъ въ виду — назиданіе юношества, и потому могутъ быть названы *назидательными* робинзонадами.

Одна изъ такихъ назидательныхъ робинзонадъ, въ которой педагогическая цѣль не помѣшала художественности концепціи и отдѣлки, въ настоящую минуту лежитъ передъ нами. Это:

9) Лея или необитаемый островъ. Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Спб. Изд. *М. О. Вольфа*. 1860, въ 12 д. л. II и 223 страницы текста и четыре раскрашенныя картинки. Цѣна 1 рубль 50 копеекъ.

Событіе, служащее канвою для разсказа, очень просто. Семейство, состоящее изъ отца съ дочерью и старой няни спасается отъ кораблекрушенія на необитаемомъ островѣ, лежащемъ въ самомъ благорастворенномъ поясѣ. Годъ жизни этой маленькой колоніи на необитаемомъ островѣ, въ заключеніе спасаемой мимо ѣдущимъ кораблемъ, подаетъ автору поводъ къ рѣшенію многосторонней педагогической задачи, состоящей въ указаніи на способъ, которымъ дѣти могутъ содѣйствовать воспитателю въ образованіи своего собственнаго характера, на практическіе приемы борьбы съ самими собою и на сильную помощь, которую они въ этой борьбѣ получаютъ отъ развитія въ нихъ религіознаго чувства и идеи всюдуприсущности божества. Рядомъ съ этою основною педагогическою цѣлью, авторъ пользуется слушаемъ лишить колонію книгъ, исключая одной Библии, для того,

чтобы придать болѣе разумной необходимости устному обученію ребенка разнымъ свѣдѣніямъ, относящимся болѣею частью къ естественной исторіи, и пополняемымъ собственнымъ опытомъ ребенка при сближеніи съ окружающею природою. Эти задачи прекрасно рѣшены авторомъ, книжка вполне выполняетъ требованія, которыя мы постановили для сочиненій собственно образовательной литературы: она естественно-занимательна, умна, проникнута теплымъ, женскимъ чувствомъ и способна возбудить въ дитяти желаніе и намѣреніе — стремиться къ нравственному самосовершенствованію своему. Но, кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ въ отношеніи педагогическомъ, разбираемое нами сочиненіе падѣлено еще и художественностью концепціи и отдѣлки частностей. Характеры, выведенные въ ней, не ходячіе абстракты, а живыя типическія личности; жизнь маленькой колоніи не имѣетъ въ себѣ ни одной черты идеально-невозможной или вполне исключительной. Въ этой жизни есть и смѣхъ, и слезы, свѣтлая радость и горе, болѣзнь и даже смерть. Изъ характеровъ одинъ типъ отца нѣсколько идеаленъ и то потому, что слабѣе другихъ очерченъ. Деля же и нянюшка вполне дѣйствительные, прекрасно обрисованные типы, въ которыхъ не одна изъ маленькихъ читательницъ узнаетъ черты сходства съ самой собою и съ своей нянюшкой, что не мало, по нашему мнѣнію, будетъ содѣйствовать интересу, съ которымъ прочтется ею наша робинзонада.

Но если таковы огромныя неотъемлемыя достоинства разбираемой повѣсти, то не можетъ же и она быть безъ недостатковъ. Совершенства нѣтъ на землѣ, и самое солнце не безъ пятенъ.

Одни изъ этихъ недостатковъ относятся къ самому сочиненію, другія къ русскому переводу. Въ самомъ сочиненіи мы замѣтили два важные недостатка, изъ которыхъ одинъ относится къ сущности педагогическаго направленія автора, другой — къ формѣ разсказа. Скажемъ по нѣскольку словъ о каждомъ изъ нихъ, подтвердивъ слова свои выдержками изъ самой книги.

1) Авторъ, который не можетъ быть иной, какъ женщина, по убѣжденіямъ піетистка, можетъ быть даже, послѣдовательница одного изъ тѣхъ крайнихъ ученій, которыми въ-особенности изобилуетъ англійскій піетизмъ. Это откликается въ цѣли, поставленной авторомъ для нравственнаго совершенствованія дѣтей и для самаго умственнаго развитія ихъ. Вотъ результатъ,

котораго добивается Говардъ (отецъ), въ своей педагогической дѣятельности, и котораго наконецъ достигаетъ :

«Говардъ былъ совершенно счастливъ, видя, какъ быстро религіозныя чувства развивались въ молодомъ сердцѣ его дочери. Не проходило дня, чтобъ онъ не заставлялъ ее сидящую подъ деревомъ съ библіею въ рукахъ, или чтобъ она не выучивала какого-нибудь стиха изъ псалмовъ. Такъ какъ это было единственное ея чтеніе, и всѣ удовольствія ея истекали изъ красотъ окружающей ее природы, то и выраженіе мыслей ея незамѣтно приняло настроеніе поэтическое и оригинальное: у нея долины ликовали, горы улыбались и деревья воспѣвали хвалу Творцу своему.

«Разговаривая съ отцомъ, она постоянно возносила мыслью отъ творенія къ Творцу, отъ вселенной къ Тому, кто облеченъ свѣтомъ, какъ ризою, простеръ небеса какъ шатеръ, облака содѣлалъ своею колесницею и шествуетъ на крыльяхъ вѣтра.

«Въ великолѣпнн природы, ее окружавшей, она сознавала могущество Божіе и чувствовала Его благость въ неизчисленныхъ милостяхъ на нее изливаемыхъ. Религія не была у нея чувствомъ случайнымъ или проходящимъ, но постояннымъ возношеніемъ сердца ея къ Тому, кто создалъ свѣтъ такимъ прекраснымъ и позволилъ ей пользоваться Его дарами». (стр. 118—119).

По нашему мнѣнію, если даже не упоминать о совершенно-іудейскомъ возрѣніи на божество, высказывающемся въ первыхъ изъ приведенныхъ нами строкъ, такое нравственное настроеніе, почти невозможно въ обыкновенномъ девяти или десяти-лѣтнемъ ребенкѣ, какимъ авторъ хотѣлъ изобразить Лелю, а если допустить возможность такого явленія, то едва-ли оно можетъ быть полезно для нравственной экономіи двяти, ибо при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко можетъ повести къ мистицизму, отрывающему отъ живой дѣйствительности, а въ большей части случаевъ приведетъ къ тепленькому (*laues*) религіозному формализму, къ ханжеству и даже къ пустой обрядности, въ соединеніи съ огромнымъ развитіемъ самолюбія и гордости фарисейской. Душа слабаго человѣка не можетъ долго оставаться въ этомъ торжественно — неземномъ настроеніи, но, будучи постоянно подстрекаема къ нему идеею нравственнаго долга, усвоиваетъ себѣ форму этого настроенія, которою въ остальное время и довольствуется. А между тѣмъ отрѣшенность отъ земнаго изолируетъ

человѣка и отъ его земныхъ собратій и легко пораждаеть въ немъ духъ гордыни. Сколько этой гордости нерѣдко въ кажушемся религіозномъ смиреніи.

2) Въ формѣ разсказа, нашъ авторъ ужъ слишкомъ заботился о художественной законченности изображеній, и потому мѣстами упустилъ изъ виду возрастъ, для котораго написана книга. Возрастъ этотъ, какъ можно судить по возрасту маленькой героини повѣсти, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ. Предоставляемъ читателю рѣшить — можно ли предположить, чтобы дѣти въ такомъ возрастѣ поняли и воспользовались страницами, въ родѣ слѣдующихъ, которыя для этого выписываемъ цѣликомъ:

«Бѣдная нянюшка! она хотя была очень ограниченнаго ума, но сильно чувствовала; и потеря одной иголки въ настоящемъ случаѣ долго ее тревожила. Она готова была безъ размышленій отдать свою жизнь за своего господина и за Лелю, а между тѣмъ хотя каждый день страдала отъ запальчивости характера Лели, не умѣла вырвать зла съ корнемъ. Въ подобныхъ случаяхъ (потеря иголки, при недостаткѣ иголокъ на островѣ), она привязывалась къ самой потерѣ а не къ поступку, который былъ причиною ея, и въ проступкахъ болѣе важныхъ надоѣдала Лелѣ разсужденіями о причинѣ своего неудовольствія, тогда какъ дѣвочка была совершенно не способна въ это время слушать. За то Леля извлекала большую пользу отъ твердой и разсудительной заботливости отца. Онъ зналъ, какъ трудно, даже людямъ самымъ разсудительнымъ, оставаться постоянно въ спокойномъ расположеніи духа, и что всѣ мы бываемъ иногда жертвой какой-то болѣзненной чувствительности и невольнаго раздраженія. Поэтому онъ понималъ, что надо быть очень снисходительнымъ и осторожнымъ съ ребенкомъ, который имѣлъ доброе сердце и обладалъ живымъ сознаніемъ долга, но характеръ котораго былъ отъ природы неукротимый и нетерпѣливый. Также были минуты, когда легкое нездоровье мѣшало Лелѣ внимательно слѣдить за своими поступками. Говардъ тщательно избѣгалъ тогда всего, что только не согласовалось съ ея расположеніемъ и, нисколько не требуя отъ нея вниманія, — котораго требовать было бы и бесполезно, напрасно раздражая ее, онъ старался занять ее какимъ-нибудь легкимъ урокомъ или любопытнымъ разговоромъ и тѣмъ мало-по-малу успокоить порывъ запальчивости, въ которомъ она впоследствии постоянно раскаявалась.

«Такимъ образомъ спокойнымъ и твердымъ вліяніемъ онъ

разсѣвалъ легкія тучи, которыя подъ управленіемъ нянюшки произвели бурю и шумъ» (94—96 стр.).

Мы привели это мѣсто цѣликомъ, потому что оно единственное, въ которомъ образовательнымъ назначеніемъ сочиненія до такой степени пожертвовано художественности его и потому, при второмъ изданіи, котораго вѣроятно вскорѣ дождется эта прекрасная книжка, легко можетъ быть выброшено, даже безъ дальнѣйшихъ измѣненій въ текстѣ.

А между тѣмъ текстъ этотъ (мы здѣсь разумѣемъ текстъ перевода) непремѣнно требуетъ тщательнаго пересмотра и исправленія въ отношеніи языка, что читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже изъ приведенныхъ нами выписокъ, въ которыхъ мы нарочно буквально придерживались разбираемой книжки.

Вотъ еще образчики языка перевода, заключающіе въ себѣ, кромѣ рѣзкихъ грамматическихъ ошибокъ, множество британизмовъ и галлицизмовъ.

«Дашъ (собака Говарда), котораго книги нисколько не интересовали, думалъ, пусть лучше всѣ онѣ погибнуть въ морѣ, чѣмъ рисковать жизнью *его* господина, пли послушаться приказанія миссъ Лели; быстро повернувъ назадъ и, не выпуская веревки, привязанной къ плоту, смѣло поплылъ къ берегу. Говардъ, *разсудя*, что Дашъ въ настоящемъ случаѣ поступилъ благоразумнѣе его, отказался отъ своего намѣренія и былъ даже этимъ доволенъ» (стр. 32).

«Часто случалось, просьбы няни оставить чтеніе, чтобы отдохнуть пли погулять для здоровья, были тщетны, между тѣмъ убѣдительное краснорѣчіе Даша и дѣятельныя успія его всегда вѣнчались успѣхомъ» (стр. 33).

«Идя къ гроту...» (стр. 34).

«Поверхность каждой усыпана слегка корицею, что придавало очень пріятный и привлекательный видъ (стр. 125).

«Говардъ изъявилъ согласіе. Давши Лели въ одну ручку возжи, а въ другую маленькій, хорошенькій кнутекъ, они отправились» (стр. 156).

«Подошелъ Говардъ и въ короткихъ словахъ описалъ ему *ихъ* (вм. свое и своихъ домашнихъ) положеніе» (стр. 218).

Кончаемъ, потому что еслибъ захотѣли соблюсти въ этихъ выпискахъ нѣкоторую полноту, то должны были бы наполнить ими еще нѣсколько страницъ чего не дозволяютъ намъ размеры нашей статьи. Приведенныхъ примѣровъ впрочемъ совер-

шено достаточно, чтобы убѣдить, кого слѣдуетъ, въ необходимости исправленія перевода относительно языка, состояющаго, какъ мы сказали въ руководительной статьѣ, одно изъ самыхъ важныхъ условій полезности дѣтскаго сочиненія.

Что касается внѣшности изданія, то она мила, опрятна, даже изящна. Нельзя только не упомянуть, въ огражденіе зрѣнія нашего подростающаго поколѣнія, объ одномъ недостаткѣ, замѣченномъ нами въ большей части изданій г. Вольфа, именно: о мелкости въ нихъ шрифта. Изъ всѣхъ разобранныхъ нами до-сихъ-поръ книгъ, только въ сказкахъ г-жи Авдѣевой и въ Настоящемъ Робинзонѣ шрифтъ довольно крупень; во всѣхъ же остальныхъ, онъ, хотя весьма чотокъ, но чрезвычайно мелокъ. Изящество изданій нисколько не пострадало бы отъ того, что шрифтъ былъ бы крупнѣе. А между тѣмъ, въ дѣлѣ воспитанія, болѣе, нежели во всякомъ другомъ, изящество должно быть допускаемо именно только въ той мѣрѣ, какъ оно идетъ объ руку съ пользою; въ противномъ случаѣ лучше пожертвовать имъ.

Ф. ТОДЛЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Эдгаръ Кинэ, его жизнь и труды.

Статья первая.

Недавно окончилось въ Парижѣ изданіе полнаго собранія сочиненій Эдгара Кинэ. Оно представляетъ едва ли не самое крупное явленіе во французской литературѣ въ настоящее время. Мы пользуемся этимъ, чтобы представить русской публикѣ этюдъ о жизни и дѣятельности этого писателя. Эдгаръ Кинэ еще живъ и можетъ быть, подарить еще французскую литературу своими произведеніями; но одной стороною онъ принадлежитъ уже прошедшему, потому что его дѣятельность относится къ періоду, для котораго ужъ наступаетъ исторія, къ періоду, такъ громко окончившемуся февральской революціей. Въ нашихъ журналахъ, сколько я знаю, мало говорили объ этомъ замѣчательномъ мыслителѣ, имя его у насъ далеко не такъ извѣстно, какъ имена, напримѣръ, Гизо, Кузена, Мишлэ, которые жили и дѣйствовали въ одно время съ нимъ. Поэтому мы просимъ позволенія, прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію его жизни и разбору его сочиненій, указать то мѣсто, которое занимаетъ онъ между французскими мыслителями. Послѣ революціи восемьдесятъ-девятаго года, послѣ судорожной политической дѣятельности, настало время дѣятельности мыслительной историческаго сознанія, явилась критика прошедшаго, возведеніе факта въ мысль.

Франція, прошедши всю Германію съ наполеоновскими ордами, пришла потомъ туда искать науку, философію. Она стала слушать исторію своего кровнаго врага, Англии, чтобы научиться изъ нея политической мудрости. Наступилъ новый періодъ литературы, вышли новые дѣятели. Въ ряду ихъ Эдгаръ Кинэ, какъ мыслитель, стоитъ между двумя рѣзко выдающимися направленіями, доктринеровъ и социалистовъ.

Онъ не принадлежалъ къ первымъ: онъ не былъ изъ числа людей, для которыхъ наука мертвая буква, — которыхъ туманить прошедшее своимъ могильнымъ испареніемъ, людей, обыкновенно выступающихъ блистательно на литературное поприще, но потомъ поражающихъ тупостью своихъ узкихъ теорій. Гдѣ нуженъ весь человѣкъ, они суютъ только свои посѣдѣвшія въ книжной пыли головы. Онъ сочувствовалъ вторымъ, потому что стремился къ той же цѣли, но не раздѣлялъ ихъ блестящихъ, къ несчастію ломкихъ построений. Онъ признавалъ необходимость новыхъ началъ, но проводилъ только тѣ изъ нихъ, которыя ему указала наука.

Онъ видѣлъ будущее на столько, на сколько ему открыла философія исторій, и не давалъ воли своему воображенію дополнять пробѣлы.

Въ этомъ этюдѣ мы намѣрены сначала описать жизнь Эдгара Кинэ, потомъ сдѣлать критическій обзоръ его сочиненій, и наконецъ вывести общее заключеніе о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ. Главнымъ источникомъ для его біографіи послужили намъ его собственныя записки, явившіяся въ первый разъ въ послѣднемъ томѣ настоящаго изданія подъ названіемъ: *Histoire de mes idées*. Онѣ обратили на себя общее вниманіе, всѣ журналы заговорили о нихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ явились неожиданно. Послѣдній томъ назначенъ былъ для мелкихъ политическихъ статей. По обстоятельствамъ, независящимъ отъ автора, онѣ не могли быть напечатаны. Онъ замѣстилъ ихъ автобіографіею — произведеніемъ вполнѣ художественнымъ и чрезвычайно любопытнымъ, какъ откровенная исповѣдь одного изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ. Къ несчастію оно обнимаетъ только первыя восемнадцать лѣтъ его жизни, и мы принуждены были прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, которые далеко не могли доставить такихъ богатыхъ матеріаловъ. Между ними мы считаемъ нужнымъ упомянуть о статьѣ, помѣщенной въ брюссельскомъ журналѣ «*La libre recherche*» подъ заглавіемъ «*Edgar Quinet, sa vie et son œuvre, par Charles Louis Chassin*».

I.

Дѣтство Эдгара Кинэ. — Лица, его окружавшія. — Первое его воспитаніе.

Эдгаръ Кинэ родился въ Бургѣ, въ энскомъ департаментѣ, 17 февраля 1803 года. Ребенокъ былъ такъ худъ и блѣденъ, что не думали, чтобъ онъ могъ жить. Но, какъ это обыкновенно бываетъ у слабенькихъ дѣтей, въ немъ рано стали обнаруживаться душевныя силы. Когда ему было два года, нянька его, которую онъ крѣпко любилъ, вышла замужъ и должна была поэтому оставить своего питомца. Онъ впалъ въ отчаяніе, плакалъ, тосковалъ. Думали, что все окончится двумя, тремя днями, старались его забавить. Но проходятъ недѣли, мѣсяца, слезы и тоска все увеличиваются и дѣло вышло серьезнымъ до того, что стали опасаться за его жизнь.

Отецъ его, Жеромъ Кинэ, служилъ тогда военнымъ комиссаромъ въ рейнской арміи. Мадамъ Кинэ рѣшилась ѣхать на свиданіе къ мужу съ трехлѣтнимъ Эдгаромъ въ сопровожденіи новой няньки Магдалины, которая не измѣнила ему впродолженіе пятидесяти лѣтъ. «Въ первые дни моего изгнанія въ Брюссель, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, я встрѣченъ былъ незнакомою дамою. «Вашъ старый другъ, сказала она. Не узнаете? Я Магдалина.» Это имя бросило меня вдругъ въ прошедшее за полвѣка. Между тѣмъ какъ я пишу, она здѣсь, подлѣ меня, свидѣтель тѣхъ отдаленныхъ дней, руководитель мой тамъ, гдѣ память моя колеблется.»

Черезъ Парижъ, Брюссель и Кельнъ отправились они въ Везель. Изъ этой поѣздки въ памяти маленькаго путешественника осталось только нѣсколько эпизодовъ, поразившихъ, почему либо, болѣе остальнаго его дѣтское воображеніе. Въ Везелѣ они жили во дворцѣ принца прусскаго. Тамъ, кромѣ солдатъ, возвратившихся изъ подъ Аустерлица, не видно было никого. Эдгаръ сдѣлался скоро ихъ любимцемъ и цѣлые дни проводилъ въ обществѣ своихъ пропитанныхъ порохомъ друзей, ѣлъ съ ними супъ изъ деревянной чашки, ѣздилъ за фуражемъ, — причемъ два осѣдланые и взнузданные барана служили ему вмѣсто лошадей, — и часто засыпалъ на ихъ рукахъ подъ звукъ патріотическихъ пѣсенъ.

Эта жизнь, къ сожалѣнію будущаго патріота, скоро кончилась. Въ началѣ 1807 года семейство Кинэ отправилось, вдоль

Рейна, чрезъ Кольмаръ и Страсбургъ, на родину и поселилось въ своемъ старинномъ родовомъ имѣннн Сертина.

«Сертинъ, говоритъ Кинэ, былъ тогда навѣрно однимъ изъ самыхъ глухихъ, самыхъ уединенныхъ мѣстъ во Франціи и можетъ быть въ цѣлой Европѣ. На западѣ обширныя дубовыя лѣса, въ которыхъ мы терялись иногда по цѣлымъ днямъ, большіе, осѣненные деревьями, пруды, казавшіеся мнѣ озерами; на востокѣ горизонтъ закрывался рядомъ горъ, казавшихся мнѣ непреступными. Среди океана вереска, дрока и ржи, на небольшомъ возвышеніи, стоялъ нашъ домъ въ тѣни вишенниковъ, которые простирали свои обремененныя плодами вѣтви во внутренность комнатъ, особенно моей.»

Здѣсь окружали его другіе предметы, другіе люди. вмѣсто усатыхъ героев Аустерлица, мирныя лица поселянъ; вмѣсто пушекъ и строевыхъ лошадей, земледѣльческія орудія и рабочія животныя. Но онъ скоро свыкся съ новымъ образомъ жизни. Онъ любилъ вставать до восхода солнца и ходить съ поселянами на работы, въ которыхъ ему самому хотѣлось участвовать. Мать его опасалась, чтобъ эти раннія прогулки, при вредныхъ испареніяхъ, распространявшихся изъ болотъ, которыми были покрыты окрестности Сертина, не произвели дурнаго вліянія на его слабое здоровье. Попробовали не будить его такъ рано. Но, когда онъ узнавалъ, что всѣ ужъ ушли на поле, что работаютъ безъ него, онъ начиналъ скучать, ходилъ цѣлый день блѣдный, на себя не похожій. Мадамъ Кинэ увидѣла тогда, что изъ двухъ золъ лучше ужъ лихорадка, и дала ему свободу.

Съ этихъ поръ Эдгаръ сдѣлался настоящимъ земледѣльцемъ. На отведенномъ ему участкѣ, маленькими своими инструментами, онъ производилъ всѣ работы отъ посѣва до жатвы. Можно представить, съ какимъ торжествомъ подчинялъ онъ всѣхъ хлѣбомъ, имъ самимъ испеченнымъ изъ муки, добытой собственными трудами! Мадамъ Кинэ не позволяла ему брать ни одного стебелька, воздѣланнаго другими. Когда онъ сталъ побольше, ему дали пару быковъ, за которыми онъ исключительно самъ ухаживалъ.

Въ этихъ занятіяхъ было что-то больше забавы. Они сдѣлали для него священнымъ трудъ земледѣльца: онъ научился уважать человѣческое достоинство въ пахарѣ, пастухѣ, косарѣ, которые были въ то время его идеалами, стоявшими недостижимо выше его. Онъ вынесъ изъ этой жизни сочувствіе къ природѣ, которое сохранилось въ немъ навсегда. Въ его путеше-

ствіяхъ, поэмахъ, даже въ философскихъ его сочиненіяхъ встрѣчаются истинно поэтическія картины. «Еще до-сихъ-поръ, говоритъ пятидесяти-лѣтній Кинэ, я чувствую себя сыномъ нашихъ ландъ, уединенныхъ прудовъ, осѣненныхъ деревьями озеръ, которыхъ не рябятъ никогда вѣтеръ, которыхъ ясность такъ обманчива... Вся моя юность была охвачена этимъ вліяніемъ первобытной природы, еще непокоренной человѣкомъ... Меня обвиняли въ туманности, германизмѣ. Зачѣмъ не обвиняли при этомъ безконечныхъ полянъ, неясныхъ звуковъ, тумановъ — бродящихъ сыновей нашихъ подземныхъ озеръ? Вотъ мои истинные сообщники.»

Познакомимся теперь съ лицами, окружавшими нашего героя. Ни одинъ ребенокъ можетъ быть не приходилъ въ соприкосновеніе съ такими противоположными характерами.

Бабка его принадлежала къ старинной парламентской фамиліи изъ Дофинэ. Нелюбимая своею матерью, она до тридцати лѣтъ жила въ монастырѣ. Тамъ она «грызла удила» до замужства съ Филибертомъ Кинэ, дѣдомъ Эдгара, котораго онъ не зналъ. Изъ монастырской жизни вынесла она строгій, непреклонный характеръ. Отецъ Эдгара робѣлъ передъ нею въ пятьдесятъ лѣтъ. Трехъ лѣтъ, она запирала его въ шкафъ при малѣйшемъ признакѣ слезъ. Разъ, когда ему было восемнадцать лѣтъ, разсердившись на него, она велѣла вырвать съ корнемъ всѣ цвѣты, за которыми онъ страстно ухаживалъ. Въ отплату Жеромъ подпилитъ ночью у самого корня всѣ плодовые деревья въ саду. Послѣ этого ничего больше не оставалось, какъ записаться въ солдаты. Тогда было время волонтеровъ 92 года. Они помирились по случаю женитьбы Жерома Кинэ; но тутъ же опять поссорились, потому что она въ первое посѣщеніе жестоко оскорбила новобрачную, и не видѣлись до рожденія Эдгара. Когда ребенка принесли къ бабкѣ, она сказала: «онъ будетъ умница!» Это предсказаніе утвердило миръ.

Жеромъ Кинэ былъ изъ небольшого въ то время числа людей, воспитанныхъ событіями лучшихъ дней революціи. Эти люди вынесли отсюда непоколебимое убѣжденіе, убѣжденіе въ могущество воли. Невозможнаго для нихъ не существовало. При этой энергіи, при этой увѣренности въ себя, при гордости отсюда происходящей, они не могли въ душѣ покориться Наполеону. Бывши свидѣтелями великихъ событій, они не признавали

въ немъ гениальности. Напротивъ, онъ былъ для нихъ предметомъ непримиримой ненависти. Чѣмъ ярче блестѣла звѣзда «маленькаго капрала», тѣмъ сильнѣе становилась ихъ глухая ненависть. Жеромъ Кинэ простилъ ему, когда эта звѣзда закатилась на ватерлооскомъ горизонтѣ. Онъ неспособенъ былъ сохранять вражду къ человѣку въ несчастіи. Вотъ случай, который выказываетъ благородство его характера. Объявили пріѣздъ императора въ Бургъ. Все дышащее собрано было съ самой зарей въ префектуру. Наполеонъ пріѣзжаетъ. «Военный комиссаръ?» былъ его первый вопросъ. Ряды колеблются, раздвигаются, военнаго комиссара нѣтъ. Онъ уѣхалъ на охоту. Онъ никогда не могъ рѣшиться его видѣть, иначе онъ высказалъ бы ему свои чувства.

Послѣ этого понятно, почему Жеромъ Кинэ, не смотря на свою ученость, на дарованіе, остался въ неизвѣстности. Оставивъ службу, онъ посвятилъ себя наукѣ и написалъ нѣсколько мемуаровъ о земномъ магнетизмѣ, которые въ свое время были извѣстны въ ученomъ мѣрѣ.

Въ семейной жизни Жеромъ Кинэ сохранилъ слѣды материнскаго воспитанія, строгость, если не въ поступкахъ, потому что въ сущности онъ былъ добръ, то въ выраженіи лица, во взглядѣ, въ голосѣ. Это держало дѣтей его въ отдаленіи. «Я не боялся наказанія, говоритъ сынъ его, потому что онъ меня никогда не наказывалъ, но меня приводила въ ужасъ его холодность. При взглядѣ его большихъ голубыхъ глазъ, я терялся. Его намѣшка обдавала меня холодомъ... Еслибъ я могъ пробить этотъ ледъ и броситься къ нему, онъ, разумѣется, не оттолкнулъ бы меня. Но никогда эта мысль не приходила мнѣ въ голову, потому что въ его присутствіи я ничего не думалъ, ничего не чувствовалъ, я весь принадлежалъ боязни не поправиться ему.»

Жеромъ Кинэ видѣлъ, какое впечатлѣніе производитъ онъ на сына, но не судилъ о немъ только потому, что дѣлалось передъ его глазами. Онъ понималъ, что причина этого заключалась въ немъ самомъ, что ему недоставало той душевной теплоты, въ которой, какъ въ парникахъ, развиваются нѣжныя дѣтскія натуры, и передалъ совершенно воспитаніе своего сына женѣ.

Мадамъ Кинэ была одна изъ тѣхъ высокихъ любящихъ натуръ, которыя въ жизни видятъ только подвигъ преданности, самопожертвованія, и улыбаясь несутъ крестъ. Имъ легко это, потому что любовь ихъ дѣлаетъ чудеса. Холодный и жесткій,

Жеромъ Кинэ становился другимъ въ обращеніи съ своей женой. Онъ показывалъ ей непривычную уступчивость, мягкость характера, онъ уважалъ ее, поклонялся ей. Ни разу, ни словомъ, ни поступкомъ, онъ не измѣнилъ этому до конца жизни.

Француженка по рожденію, по характеру, по складу ума, она была кальвинистка. Ребенкомъ еще она сопровождала отца въ его кочевой жизни секретаря посольства, что безъ сомнѣнія способствовало ея раннему развитію. Воспитанная въ Женевѣ и въ Версали, она соединяла въ себѣ основательный умъ, твердые убѣжденія съ игривостью, легкимъ остроуміемъ, смѣлостью идей французскаго общества прошедшаго столѣтія, котораго она видѣла остатки. Среди безпечной шаловливости у ней были минуты безграничной меланхоли, энтузіазмъ ко всему высокому, прекрасному на землѣ. Версальскіе епископы хотѣли, для развлечения, обратить ее въ католицизмъ, шутя, среди забавъ. Но ученые прелаты съ удивленіемъ стали въ тупикъ предъ строгою женевою теологіею десятилѣтней дѣвочки. Возвратившись съ отцомъ въ Швейцарію, она познакомилась съ мадамъ Сталь, въ замкѣ Кранъ. Сочувствіе къ этой женщинѣ, къ ея идеямъ присоединилось ко всѣмъ противоположностямъ, существовавшимъ въ ея характерѣ. Она была хороша собой большіе черные глаза, красивый лобъ, окаймленный длинными черными вьющимися волосами, прекрасныя черты, «сама грація.»

Подъ вліяніемъ такой-то женщины протекло дѣтство Эдгара Кинэ. Она передавала ему свои чувства, свои убѣжденія съ тѣмъ материнскимъ тактомъ, котораго не могутъ замѣнить никакія педагогическія системы. Среди шопота ласкъ, въ поцѣлуѣ она вдыхала въ него свою душу..

«Я получилъ отъ нея, самъ не знаю какъ, идею о всемогущемъ Отцѣ, который видитъ насъ постоянно и хранитъ насъ. Нужно молиться Ему о ниспосланіи намъ мудрости. И мы молились вмѣстѣ, вездѣ, гдѣ представлялся случай, въ полѣ, въ лѣсу, въ саду, въ минуты, которыя никогда не назначались предварительно... Я никогда не слышалъ двухъ разъ сряду одной и той же молитвы... Она повѣряла мнѣ свое горе, свои надежды и опасенія и въ эти небесныя минуты я понималъ ее, какъ понималъ бы теперь.» Мы не пытаемся передать тѣхъ благоговѣйныхъ строкъ, которыя посвящаетъ Эдгаръ Кинэ воспоминанію о своей матери. Мы приведемъ только два примѣра, показывающихъ, что она не пропускала случая, чтобъ укоренить въ немъ идеи справедливости, человѣческаго достоинства. Въ ихъ де-

ревнѣ былъ священникъ отецъ Пишонъ, старый траппистъ, потерявшій способность говорить послѣ семидесятилѣтняго молчанія. Революція освободила его изъ монастыря, и онъ не могъ справиться съ своей свободой. Вѣрный образъ тогдашняго католицизма, худенькій, лысый, ходилъ онъ съ сумкой за плечами изъ дому въ домъ за подаваніемъ, копалъ свой садъ, обрабатывалъ поле и за это пользовался полнѣйшимъ презрѣніемъ крестьянъ. Мадамъ Кинэ каждое воскресенье приходила въ маленькую церковь отца Пишона.

«Разговоръ матери сопровождалъ меня до порога; видъ нѣкоторыхъ почтенныхъ старыхъ поселянъ, стоявшихъ на колѣнахъ предъ готическою церковью, казался мнѣ величественнымъ... Какъ хороша была церковь отца Пишона, бѣдная, облаженная, скромная, открытая для всѣхъ, какъ во времена евангелія... Безсознательно я получалъ здѣсь урокъ любви и терпимости, который глубоко укоренился во мнѣ.

«Скромный робкій отецъ Пишонъ говорилъ своимъ прихожанамъ: «вы не находите хорошими моихъ проповѣдей. Берите примѣръ съ мадамъ Кинэ. Она гораздо умнѣе васъ, ея религія не обязываетъ ихъ слушать, однакожъ она не одной не пропускаетъ.» Проповѣди отца Пишона въ самомъ дѣлѣ не были великолѣпны, онъ заикался, читалъ съ трудомъ и часто заключалъ ихъ словами: «братья! кто умѣетъ читать, тотъ осужденъ.»

Вотъ урокъ другаго рода. У Эдгара былъ товарищъ, крестьянскій мальчикъ Гюстенъ. Онъ былъ годами тремя старше Эдгара и гораздо сильнѣе его, но безпрекословно ему повиновался, какъ будто былъ рожденъ для этого. Это правилось Эдгару и онъ часто заставлялъ его что нибудь дѣлать, единственно изъ удовольствія видѣть, что ему повинуются. Мадамъ Кинэ замѣтила это, призвала ихъ обоихъ и дала имъ наставленіе. Гюстенъ понялъ урокъ, какъ нельзя лучше. На другой день, уставъ послѣ работы, онъ снялъ съ себя свои деревянные башмаки и заставилъ Эдгара нести ихъ домой. Эдгаръ исполнилъ это, хотя башмаки были не легки. «Гюстенъ былъ однакожъ, замѣчаетъ онъ, самый тихій, самый добрый мальчикъ во всей деревнѣ. Сколько разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось вспоминать этотъ случай!»

У Эдгара Кинэ была еще тетка, сестра его отца. На нее тѣ же причины произвели совершенно противоположное дѣйствіе. Воспоминаніе о томъ, что она терпѣла въ дѣтствѣ, вооружало ее противъ всякой строгости, даже справедливой. Ея единствен-

ною заботою было сдѣлаться совершенною противоположною своей матери и она въ этомъ чудесно успѣла. Она хвасталась тѣмъ, что на ея воспитаніе издержали всего четырнадцать съ половиною ливровъ, и въ самомъ дѣлѣ это было, можетъ быть, единственное лицо, котораго оригинальный умъ ничѣмъ не обязанъ воспитанію. Хорошенькая, высокаго роста, тонкая и гибкая, она была похожа на испуганную лань. Она видѣла свѣтъ, но онъ не имѣлъ на нее вліянія. Она сохранила всѣ инстинкты непосредственной жизни, любила деревню съ ея дикими ландами, густыми лѣсами, деревянными домиками. «Она, кажется, поставила задачею своей жизни, говоритъ Кинэ, отвратить отъ меня всѣ несчастія, которыя она претерпѣла и доставить мнѣ всѣ удовольствія, которыхъ она была лишена... Она хотѣла быть моею игрушкой и была... Я запрягалъ ее въ плугъ, надѣвалъ на нее хомутъ... И когда она меня бывало спроситъ: «Любишь ли ты меня?» я отвѣчалъ: «Нужно любить всѣхъ.» Она приходила въ восторгъ отъ этого отвѣта.»

«Мнѣ недоставало только существа, которое было бы слабѣе меня, которое я могъ бы любить и защищать. Рожденіе моей сестры поразило меня, какъ чудо. Откуда она взялась? Кто принесъ ее?» Этими вопросами маленькій Эдгаръ не давалъ никому покою, пока служанка не рассказала ему, какъ дѣлаются дѣти на сковородѣ изъ чистѣйшей муки. Это объясненіе вполне удовлетворило его любопытство.

Каждую зиму семейство Кинэ ѣздило въ городъ. Отецъ не любилъ дѣтскаго шума и потому Эдгара отдалъ одному профессору математики, о которомъ онъ въ своихъ запискахъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ. Профессоръ обращался съ своимъ ученикомъ чрезвычайно кротко — ни одного наказанія, ни даже упрека. Онъ училъ его въ одно время читать и писать на чемъ попало и гдѣ попало, въ саду на пескѣ, на черной доскѣ мѣломъ; такъ, что мальчикъ научился читать, не видя въ глаза ни одной книги и умѣлъ писать всѣмъ на свѣтѣ, исключая пера. Также играя онъ сталъ учить его латыни. Но къ несчастію на почтеннаго математика находили припадки сумасшествія и Эдгара должны были взять отъ него.

Первое приложеніе, которое сдѣлалъ Эдгаръ изъ своего искусства читать, было чтеніе волшебныхъ сказокъ. «Вѣрнѣ ли я въ дѣйствительность всѣхъ маленькихъ очарованныхъ су-

ществъ, населяющихъ волшебный міръ, я этого не могу сказать. По крайней мѣрѣ я вѣрилъ въ магію до того, что пробовалъ самъ дѣлать опыты.» Онъ натыкалъ подъ своимъ окошкомъ цвѣтовъ, прутниковъ въ видѣ аллеи, надѣлалъ террасъ и ожидалъ, что все это отъ прикосновенія камешковъ, въ которыхъ онъ открылъ волшебную силу, превратится въ великолѣпный садъ. Все было приготовлено какъ слѣдуетъ, превращеніе ужъ начиналось, только благодѣтельная фея не захотѣла явиться. На седьмомъ году Эдгаръ вынесъ сильную горячку. Нѣсколько дней онъ лежалъ въ летаргій.

«Какіе крики радости привѣтствовали мое пробужденіе! Я слышу ихъ еще теперь! Я понялъ тогда, откуда я взялся... Теперь, послѣ полувѣка, послѣ всего, что я видѣлъ, чувствовалъ, перенесъ, долженъ ли я жалѣть, что былъ спасенъ, что меня вывели изъ этого летаргическаго сна, начала смерти. Нѣтъ, я не прокляну жизнь, потому что, съ самого ея начала, меня научили любить правду... Она была моимъ товарищемъ въ хорошіе и дурные дни, она не допустила меня испытать пустоту, скуку, чувства тѣхъ, которыхъ сердца она никогда не наполняла.»

II.

Знакомство съ общественной жизнью. — Училище и учителя. — Любовь. — Бонапартизмъ. — Упражненія въ латинскомъ языкѣ. — Марсоманія. — Первые литературные опыты. — Ватерлоо. — Привидѣнія. — Скрипка. — Бѣлый терроръ. — Конѣцъ дѣтства.

Осенью 1811 года Кинэ оставили Бургъ и переселились въ Шароль. Здѣсь Эдгару открылся новый міръ.» Съ самаго моего рожденія я видѣлъ предъ собою завѣсу горъ, которыя возбуждали во мнѣ желаніе узнать то, что было за ними. Эта завѣса упала, другая ее замѣнила, послѣ нея третья; первое чувство недоступнаго.

«Мнѣ казалось, будто я перенесенъ на другую планету. Между тѣмъ, какъ я наслаждался новостью предметовъ, мнѣ становилось грустно, что я все тотъ же. Среди этого общаго измѣненія, люди, казалось мнѣ, измѣнялись не менѣе вещей.»

Онъ встрѣтился тутъ съ своими старыми друзьями. Шароль былъ наполненъ солдатами, возвращавшимися съ походовъ. Два или три жили въ домѣ Кинэ на постоѣ. Отъ нихъ получилъ Эдгаръ первыя понятія объ общественной жизни. «Съ-тѣхъ-поръ, говоритъ онъ, слово *Франція* имѣло для меня магическую силу.»

Сколько слезъ, сколько безсонныхъ ночей стояла ему исторія одного капрала, бывшаго въ плѣну на островѣ Кабрерѣ во время испанской войны, исторія, которую тотъ неутомимо рассказывалъ ему, чистя свою аммуницію. Едва только онъ оканчивалъ, «еще разъ!» говорилъ Эдгаръ, и солдатъ бросалъ аммуницію, закуривалъ трубку и снова принимался рассказывать. Исторія была такъ ужасна, что Эдгаръ всякій разъ на самомъ интересномъ мѣстѣ прерывалъ рассказчика восклицаніемъ: «И вы остались живы!» и начиналъ ощупывать ранецъ, патроны и все закуренное пороховъ имущество капрала. Оказалось, что капралъ былъ татуированъ, у него на рукѣ вырисованъ былъ разноцвѣтный орелъ. Какъ не быть татуировану? Къ счастью капралъ былъ мастеръ на это. И Эдгаръ терпѣливо переносилъ безчисленные уколы булавки, которые затирались потомъ какимъ-то снадобьемъ. Но медленность операціи, которую нужно было повторять пѣскольکو разъ, отбила у негр охоту. Орелъ остался неоконченнымъ и потомъ совсѣмъ изгладился съ лѣтами. «Въ этихъ солдатскихъ бесѣдахъ мнѣ не приходилось услышать ни одного слова, которое могло бы очернить воображеніе ребенка.» Ученье шло съ грѣхомъ пополамъ. Старый монастырь, въ которомъ помѣщалось шарольское училище, служилъ магазиномъ для провіанта во время прохода войскъ. Классы отворялись только, когда провіанта не было. Да и тогда время проходило въ военныхъ упражненіяхъ, въ рассказахъ о походахъ, потому что учителемъ былъ старый драгунскій капитанъ, участвовавшій въ кампаніи 1799 года. «Онъ былъ человѣкъ съ душой, краснорѣчивъ даже, говоритъ Кинэ» но чувствовалъ такое же отвращеніе къ латыни и грамматикѣ, какъ и его ученики. Наконецъ пришло время, когда и такое ученье сдѣлалось невозможно. Въ 1812 году монастырь былъ весь загроможденъ провіантомъ.

Эдгару стали искать учителя. Въ городкѣ находился старый священникъ, который сначала присягнулъ конституціи, потомъ получилъ разрѣшеніе отъ присяги, потомъ женился и сдѣлался поэтому предметомъ ужаса всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Онъ открылъ было школу, но никто не захотѣлъ посылать въ нее дѣтей, оставивъ его очень милостиво умирать съ голода. Мадамъ Кинэ рѣшилась побѣдить предразсудокъ и отдала ему Эдгара, надѣясь, что другіе послѣдуютъ ея примѣру.

О латыни не было и помину, потому что самъ учитель изъ всей древней литературы зналъ только *Enéide travestie* Скаррона. «Онъ заикался, какъ отецъ Пишонъ, былъ вдобавокъ не-

множко глухъ, но отличнѣйшій малый.» Условились, чтобъ Эдгаръ учился у него рисовать. Въ первый же день онъ сообщилъ своему ученику, что въ Италиі было два знаменитыхъ живописца Рафаэль и Микель-Анжело. Искусство перваго состояло въ томъ, что онъ однимъ почеркомъ пера чертилъ совершеннѣйшій кругъ, а Микель-Анжело сразу попадалъ въ центръ. И учитель и ученикъ каждый день на доскѣ ad hoc упражнялись въ этомъ искусствѣ до истощенія силъ.

Примѣръ мадамъ Кинэ нашелъ подражателей. Весь вопросъ, впрочемъ, состоялъ въ томъ, чтобъ продержатъ шалуновъ нѣсколько часовъ въ четырехъ стѣнахъ и тѣмъ предохранить ихъ отъ возраставшаго вліянія странствующихъ солдатъ, пѣвцовъ, актеровъ, пѣвничковъ.

Для этой же цѣли прискакали Эдгару учителя музыки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ старой Франціи, которыхъ не встрѣчается больше. Музыка была для него послѣднею заботою. Онъ прежде всего былъ механикъ, изобрѣтатель гидравлическихъ машинъ, которыхъ секреты постоянно у него похищали. Большой политикъ, онъ первый познакомилъ Эдгара съ неизвѣстными ему словами: Бурбоны, феодальныя права, десятина, барщина. Горячій патріотъ, онъ научилъ его пѣть Marseillaise, которая тогда ужъ была забыта всѣми. Когда входили австрійцы, онъ такъ отважно горланилъ ее, что заглушилъ шумъ шаговъ и звукъ оружія.

О музыкѣ онъ разсуждалъ съ жаромъ. Онъ хотѣлъ ввести родъ рекрутскаго набора для хорошихъ голосовъ, чтобъ научить гармоніи всю Францію. Когда сгорѣлъ театръ Одеонъ, онъ былъ увѣренъ, что это сдѣлали враги его системы, которая начинала торжествовать. Онъ умеръ отъ этого съ горя. Голова его была полна какой-то безпорядочной гениальности, «которая заставила бы меня мыслить, говорить Кинэ, еслибъ настала пора.»

Среди этихъ странныхъ фигуръ, среди этого воспитанія на открытомъ воздухѣ, были часы, рѣзко отличившіеся отъ всего остальнаго, часы, которые проводилъ Эдгаръ съ своею матерью.

«Мнѣ казалось, что я становился другимъ, едва только переступалъ за этотъ обожаемый порогъ... Весь шумъ моихъ безпорядочныхъ привычекъ утихалъ. Не смотря на мое совершенное невѣжество, на вандализмъ, въ который я впадалъ со времени нашего отбѣда изъ деревни, я чувствовалъ себя способнымъ слѣдить за ея разговорами... Мы читали вмѣстѣ. Чтенія эти бы-

ли гораздо выше моего возраста; начали мы съ Гамлета и Макбета. Но вышло, самъ не знаю какимъ образомъ, что я ихъ очень хорошо понималъ. Семи лѣтъ я проливалъ уже слезы за Амалию Мансфельдъ.» Они прочли такимъ образомъ Лабрюйера, Расина, Корнеля, весь театръ Вольтера; Жанъ Жака Руссо онъ читалъ позже одинъ. Мадамъ Кпнэ не довѣряла его изворотливой логикѣ и боялась его сентиментальности. Тоже было и съ Шатобрианомъ. Ея свѣтлому, положительному уму не нравилась романтическая теологія автора «*du Génie du Christianisme.*»

Напротивъ того, мадамъ Сталь была, какъ мы уже сказали, ея идоломъ. Изгнаніе этой женщины глубоко ее огорчило. Она никому не высказывалась, потому что была увѣрена не найдти сочувствія. «Мнѣ одному, говоритъ сынъ ея, она повѣряла свое горе какъ тайну, и я раздѣлялъ его, или скорѣе я его угадывалъ. Съ этихъ поръ, кажется, я сдѣлался способенъ страдать изъ нравственной причины. Душа моя рождалась въ этихъ бесѣдахъ.»

Въ отдаленный городокъ ихъ забрѣла труппа странствующихъ актеровъ, которые особенно любили играть трагедіи. Театръ былъ бѣденъ. Кнэ снабдили его креслами, столами, поливальниками и другими вещами, необходимыми для дворцовъ и садовъ греческихъ и ниневійскихъ царей.

За это Эдгара пускали на подмостки, въ углу аванъ-сцены. Давали Эфигенію. Дочь Агамемнона сдѣлалась его первымъ идоломъ.

«Не останавливаясь ни на пьесѣ, которую я зналъ, ни на костюмахъ, ни на декорацияхъ, я сосредоточивалъ на ней одной все вниманіе... Ея длинныя, опущенныя рѣсницы, подъ золотымъ покрываломъ, ниспадавшимъ до ногъ, ея блѣдность, вздохи, звукъ ея голоса, все казалось мнѣ совершенствомъ... Я чувствовалъ какое-то нѣмое удивленіе ко всему, что ее окружало; но удивленіе, полное смущенія, замираніе какъ при видѣ богини. Едва являлась она, я былъ буквально уничтоженъ, подавленъ совершенствами небеснаго созданія. Когда она оставляла сцену, какъ будто тяжелое бремя спадала съ меня, я дышалъ свободнѣе. Но съ какой тоской я ожидалъ ея возвращенія! Какъ хотѣлось мнѣ слѣдовать за ней къ подножію алтаря, утѣшить ее! Я подслушивалъ шумъ ея шаговъ на дрожащемъ полу. Ея несчастія внушали мнѣ такой же страхъ за себя, какъ и за нее: я составлялъ съ нею одно существо.»

Эдгаръ открылся матери. Она нашла эту страсть очень основательною и прекрасною.

«Но что я говорю! Ужъ это не въ первый разъ. Красота вдохновляла меня. Танцовщица на канатѣ предшествовала Эпигени. Ея бронзовыя, загорѣвшія черты врѣзались въ моей памяти. Прежде нея другое видѣніе явилось мнѣ на зарѣ жизни... Оно воскрешаетъ въ моемъ воображеніи другое болѣе отдаленное. Я вижу такимъ образомъ, будто все они, держась за руки, составляютъ очарованную цѣпь, пока глаза мои не открылись для свѣта истины. Это заставляетъ меня вѣрить вмѣстѣ съ Планомъ, что душа пробуждается въ вѣчной любви.»

Мадамъ Кинэ въ отношеніи Наполеона раздѣляла чувства мужа, хотя это происходило съ ней отъ другой причины. Тутъ была не гордость, а сожалѣніе о потерянной свободѣ. Въ домѣ Кинэ никогда о немъ не говорили, такъ, что Эдгаръ узналъ имя Вольтера прежде Наполеона. Но событія, измѣнявшія судьбы міра, должны были наконецъ дойти до захолустья, въ которомъ они жили. «Мнѣ довольно было услышать о Наполеонѣ, чтобъ сдѣлаться бонапартистомъ среди семейства, питавшаго совѣмъ противоположныя чувства... Это не было ребяческое желаніе противорѣчія. Мнѣ нравилась гордость отца... Я находилъ основательными жалобы матери на стѣсненіе мысли, на гнетъ души... Чтожъ такъ непобѣдимо влекло меня къ этому имени? Я былъ ослѣпленъ неизвѣстнымъ мнѣ свѣтомъ, былъ пораженъ блескомъ, съ которымъ мой одиннадцатилѣтній разумъ не могъ мѣряться. Мнѣ кажется, что народъ, все впечатлѣнія котораго я раздѣлялъ, не могъ бы дать другаго объясненія своему ослѣпленію. Какъ было у меня, у него воображеніе дидати, разумъ дитяти. Какъ я, онъ безсознательно подчинился тяготѣвшей надъ нимъ слѣпой силѣ...»

Но наполеоновская драма разыгрывалась такъ далеко, такъ далеко, что казалась ему чѣмъ-то баснословнымъ, въ родѣ исторіи Монтезумы. «Насталъ 1814 годъ и вывелъ меня разомъ изъ этой народной миеологіи. Въ первый разъ я сталъ осозать вещи. Я видѣлъ оружіе, людей, раны. Съ этихъ поръ все врѣзалось въ моей памяти съ малѣйшими подробностями.»

Зимнимъ утромъ 1814 года, Эдгаръ съ своими пріятелями выбѣжалъ, по обыкновенію, на дорогу посмотреть, какъ будетъ скакать курьеръ, пріѣзжавшій съ извѣстіями и потѣшавшій ихъ

своими дурацкими выходками. Вотъ скачетъ знакомый курьеръ; но онъ не машетъ дубовой вѣткой въ знакъ побѣды, и на его огромной треугольной шляпѣ не виднѣется трехцвѣтная кокарда.

«Дурныя вѣсти,» кричитъ онъ и продолжаетъ скакать, спотыкаясь на каждомъ шагѣ.

Городокъ засуетился. Человѣкъ тридцать обывателей и работниковъ выстроились на площади передъ церковью подѣ ружье. Школьный учитель Эдгара, помахивая старой шпагой, дѣлаетъ имъ смотръ. «Вы можете стоять противъ тридцати кавалеристовъ,» сказалъ онъ спокойно. «Противъ двухъ миллионовъ» отвѣчалъ чей-то голосъ изъ толпы, и армія поколебалась въ молчаніи.

Въ первомъ ряду стоялъ дядя Гренуйль, старый солдатъ Людовика XVI, въ великолѣпномъ мундирѣ французской гвардіи. Эдгаръ видѣлъ его всегда согнутымъ вдвое, когда тотъ рубилъ дрова или чистилъ садъ. Какъ онъ выпрямился теперь, какое спокойное, благородное лицо! Эдгаръ не смѣетъ сказать ему, какъ прежде «прощай, дядя Гренуйль!»

Надъ нимъ смѣялись тогда, потому что ему было семьдесятъ пять лѣтъ, смѣялись надъ нимъ, когда онъ возвратился съ разрубленной головой. Но, спокойный и ясный, онъ умеръ, не замѣчая насмѣшки, пожертвовавъ отечеству немногими оставшимися ему днями.

Въ то время, какъ этотъ маленькій отрядъ удалялся, пришло неожиданное подкрѣпленіе. Оно все состояло изъ дѣтей, пятнадцатилѣтнихъ ветерановъ, въ красивыхъ мундирахъ съ галунами. Впереди выступалъ на красивой лошади капитанъ Дэръ, начальникъ отряда, спокойно куря свою трубку.

Какой строгій взглядъ у капитана Дэра! Какъ явится къ нему Эдгаръ просить, чтобъ онъ его принялъ въ свою армію! Найдеть ли онъ его годнымъ, достаточнаго роста? Но во что бы то ни стало онъ пойдетъ съ нимъ спасать Францію. Такъ думалъ Эдгаръ, засыпая въ своей комнатѣ, между тѣмъ, какъ капитанъ Дэръ сидѣлъ въ гостиной. На другой день, увы! дверь заперта, передъ нимъ девять томовъ путешествія въ Грецію Анахарсиса и географическія карты. Два дня просидѣлъ онъ въ этомъ сагсеge d'ivoire съ своими нѣмыми собесѣдниками, а между тѣмъ отрядъ капитана Дэра ушелъ. Эдгаръ утѣшился только тѣмъ, что онъ направился въ противоположную сторону отъ непріятели; онъ называлъ это бѣгствомъ.

Странную армию эту замѣнила сотня піемонтцевъ, единственное войско, отдѣлявшее городокъ отъ непріятеля. Разъ солдаты спѣли за ужиномъ въ знакомомъ намъ монастырѣ. Вдругъ тревога. Котлы, горшки, чашки, ложки, все летитъ. Солдаты строятся съ необыкновенной быстротой и идутъ на встрѣчу непріятелю. Эдгаръ бѣжитъ за ними что есть духу. Являются десятка два австрійскихъ драгунъ. Даютъ огонь, непріятель удаляется. Еще разъ Эдгаръ увѣренъ, что Франція спасена.

«Чувствовалъ ли я, говорить Эдгаръ Кинэ, что было торжественнаго въ эти минуты даже въ самомъ ничтожномъ городишкѣ? Я чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, что ничего подобнаго не происходило, съ-тѣхъ-поръ, какъ я на свѣтѣ. Мнѣ казалось, будто приближается послѣдній день міра. Тоска, любопытство тянули меня безпрестанно на ту большую пустынную дорогу, на которой рѣшалась наша участь.»

Наконецъ непріятель вошелъ. Еще издали замѣтилъ Эдгаръ бѣлые плащи австрійской кавалеріи и побѣждалъ рассказать о томъ матерп.

«Мать моя плакала, продолжалъ онъ, и видитъ Богъ, что въ этихъ слезахъ не было ни боязни за меня или за себя, ни какого нибудь другаго личнаго чувства; но скорбь по Франціи, глубокое чувство ея паденія, чистое и безсмертное жертвоприношеніе независимости и славы, въ виду этихъ обнаженныхъ сабель, никому не угрожавшихъ, кромѣ отечества.»

Шумъ лошадиныхъ шаговъ раздавался среди могильной тишины, царствовавшей во всемъ городѣ. Такъ всѣ были поражены.

Въ домъ Кинэ поставили четырехъ венгерскихъ кавалеристовъ. Ихъ одежда, оружіе, все въ нихъ казалось Эдгару страннымъ, варварскимъ. Онъ трепеталъ за своихъ кроликовъ, бѣлокъ, за своихъ птицъ, но «варвары» пощадили его звѣринецъ. Мало-по-малу онъ пересталъ ихъ дичиться. Они попробовали заговорить съ нимъ по латыши. Къ крайнему своему удивленію Эдгаръ ихъ понялъ. Онъ не воображалъ, чтобъ можно было понимать латинскій языкъ, тѣмъ менѣе говорить на немъ. Съ трудомъ допускалъ онъ, что римляне были къ тому способны. Впрочемъ, изъ любопытства онъ рѣшился произнести нѣсколько словъ и языкъ его, какъ будто развязался. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на кухнѣ, въ конюшнѣ, во всѣхъ

сношеніяхъ его домашнихъ съ иностранцами. Такая важная роль придавала ему еще болѣе смѣлости. Но роль эта скоро окончилась чуть не трагическимъ образомъ. Эдгаръ повелъ одного изъ этихъ солдатъ покупать себѣ трубку. Солдату показалось, что его обсчитали, онъ вышелъ изъ себя и сказалъ Эдгару: *Te verberabo*. «Эти слова наполнили меня не боязнью, но стыдомъ. Мысль быть побитымъ однимъ изъ этихъ иностранцевъ напомнила мнѣ все разстояніе, насъ раздѣлявшее.» Съ этихъ поръ Эдгаръ ни за что въ мірѣ не соглашался вымолвить съ венгерцами ни одного слова. Они извинялись передъ нимъ, льстили ему; но рѣшеніе его было непоколебимо. Онъ не могъ имъ простить роковаго «*verberabo*.»

Непріятельскія войска наводнили наконецъ весь городъ. Всѣ корридоры, лѣстницы въ домѣ Кинэ, садъ, были заняты солдатами. Эдгару пришлось искать убѣжища. За садомъ протекала рѣчка, и тутъ же стояла лодка, привязанная къ дереву. Эдгаръ поселился въ ней. Рѣчка была глубока, одинъ ударъ весла и дна не достанешь. Но Эдгаръ научился ловко владѣть весломъ, искусно спускалъ сѣти и на другой день вытаскивалъ ихъ отяжелѣвшія и трепещущія отъ добычи. Больше же онъ любилъ плавать, такъ, чтобъ только плавать. Чудо! Никто не видитъ, внизу бездна... какъ хотѣлось бы дойти до устья... а потомъ дальше, дальше и въ море... Несчастный капитанъ Кукъ не успѣлъ окончить своихъ открытій.

Но въ одинъ прекрасный вечеръ онъ очутился на днѣ. Пріятель его по неловкости опрокинулъ лодку. По счастью это случилось у самаго берега и имъ удалось выбраться. Тѣмъ не менѣе прогулки эти были ему запрещены на всю остальную часть лѣта.

Пріятели наши нашли скоро другое, не столь правда мирное, занятіе. Они затѣяли войну. «Съ-тѣхъ-поръ, какъ все стало спокойно въ Европѣ, намп овладѣла какая-то страсть воевать... Сраженія наши происходили въ виду австрійскихъ бивакъ, крики солдатъ подзадоривали насъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ скрывалось желаніе показать непріятелямъ, къ чему мы будемъ со временемъ способны.»

Каждое утро они ходили на приступъ старой, заброшенной больницы; одинъ кварталъ объявлялъ войну другому, и при этомъ они такъ усердно угощали другъ друга камнями, палками, что Эдгаръ то и дѣло приходилъ домой съ подбитыми глазами или съ какимъ нибудь другимъ украшеніемъ. Къ нему бук-

важно приставленъ былъ хирургъ, которому доставалось не мало работы. Разъ принесли его всего избитаго и съ вывихнутой рукой, онъ былъ болѣнъ цѣлый мѣсяцъ. Между тѣмъ, какъ друзья держали у дверей его по очереди почетный караулъ — такъ была сильна марсоманія! — больной плель кольца изъ волосъ и вскорѣ наводнилъ своими произведеніями чуть не цѣлый городъ. Для прекраснаго пола выдѣзывалось сердечко, пронзенное стрѣлами, къ которому прилагалось особенное стараніе.

По выздоровленіи, кольца съ сердечками были забыты и вся воинственность возвратилась къ нашему герою.

«Не къ такому ли образу жизни, говоритъ Кинэ, мы были всѣ тогда предназначены? Не благоразумно ли было со стороны родителей приучать насъ къ тому за ранѣе?»

Особенно одичалъ Эдгаръ во время отсутствія своей матери, которая ѣздила въ Парижъ, чтобъ видѣть собственными глазами перемѣны, тамъ происходившія. Эдгаръ писалъ ей туда письма, которыя всѣ вращались на одномъ предметѣ: дѣло шло о томъ, чтобъ купить въ Парижѣ по случаю ружье за дешевую цѣну. Это несчастное ружье поглощало всѣ его способности, отнимало голодъ и сонъ. Горестъ, которую оно ему причиняло, вмѣстѣ съ горестью разлуки придавала его письмамъ раздирающій характеръ; такъ, что мать его не рѣшилась показывать ихъ своей сестрѣ. Ихъ вандализмъ привелъ бы въ ужасъ парижскую даму.

Сестра Эдгара также писала матери. «Судя по нашимъ письмамъ, говоритъ онъ, никто не задумался бы сказать, что если кто нибудь изъ насъ будетъ писать, то разумѣется не я.»

Мадамъ Кинэ, возвратившись изъ Парижа, рассказывала сыну обо всемъ, что она видѣла и особенно о Людовикѣ XVIII, котораго величественная осанка ей нравилась. «Что до меня, я не зналъ и не хотѣлъ знать никакого короля, кромѣ «Котильона.» На этомъ одномъ имени я построилъ портретъ и цѣлую исторію новаго короля. Онъ былъ одѣтъ женщиной и прятъ мочку. Я держался за эту легенду собственнаго изобрѣтенія со всѣмъ упрямствомъ народа. Послѣ ужъ было поздно возвращаться (назадъ.)»

Ужъ перестали говорить о сраженіяхъ да о сраженіяхъ; дядя Гренуйль умеръ и ужъ забыть; о татуированномъ капралѣ ни слуху, ни духу; школьный учитель не смѣлъ ужъ вспоминать о томъ времени, когда онъ служилъ съ «великимъ человекомъ»

и, какъ «старый капралъ» Беранжера «кувыркалъ королей;» австрійскіе гарнизоны ушли, а съ ними исчезъ и воинственный жаръ дѣтей имперіи, который ихъ присутствіе разжигало. Что дѣлать? Не ужели спокойно сѣсть на школьную скамейку, теперь свободную отъ военныхъ запасовъ? Неужто такъ и кончится эта Одиссея?

А фіалки ужъ распустились въ саду Эдгара и вечера стали такъ теплы. Чтобъ выдумать? Пріятели наши надѣваютъ маски, подкрадываются къ лавкѣ какого-нибудь мирнаго буржуа и просовываютъ въ открытое окно страшныя рожи; а тотъ одурѣваетъ отъ страха, пока громкій хохотъ шалуновъ необъясняетъ въ чемъ дѣло. А въ другой разъ притащатъ съ поля лошадиный скелетъ, побѣленный временемъ и привяжутъ его ночью къ дверямъ какого-нибудь извѣстнаго роялиста, а утромъ подкарауливаютъ его смѣшную, раздосадованную фигуру въ ночномъ колпакѣ, когда тотъ отворяетъ дверь. Но лѣто скоро прошло.

Зимой ходили они замаскированные на дѣтскіе балы въ пансіонъ, который содержала одна старая монахиня. Сколько бисерныхъ козечекъ съ прострѣленными сердцами передавалось тайкомъ на этихъ балахъ, гдѣ Эдгару встрѣтилась не одна двѣнадцатилѣтняя Беатриче. Но и это удовольствіе кончилось, наступилъ великій постъ.

Сердце нашего героя осталось однакожъ на этотъ разъ свободнымъ; но для нѣкоторыхъ изъ его друзей разлука была тяжела, такъ что необходимо стало завести переписку. Думали, гадали, пробовали и обратились къ Эдгару съ просьбой сочинить письма. Ему показалось сначала страннымъ, что его избрали для такого затруднительнаго дѣла, а потомъ, что онъ держалъ перо въ рукахъ безъ скуки, чего съ нимъ прежде никогда не случалось. Въ письмахъ этихъ онъ краснорѣчиво описывалъ все то, что ему внушала прежде дочь Агамемнона, и оказалось, что друзья нашли въ его произведеніяхъ вѣрное изображеніе своихъ чувствъ.

«Это были мои первые литературные опыты. Они вполне заслуживаютъ это названіе, потому что изобрѣтеніе играло въ нихъ важную роль.»

Но рѣдко случалось, чтобъ эти посланія вызывали отвѣтъ. Любовь стала мало-по-малу остывать и переписка прекратилась.

Наконецъ слухъ о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы овладѣлъ воображеніемъ молодежи, не находившемъ уже пищи.

«До-тѣхъ-поръ легенда имперіи была для меня безлична. Она представлялась мнѣ вдали въ видѣ арміи, бивакъ, ввидѣ одѣтой въ мундиры толпы. Съ этого дня она воплотилась въ моихъ глазахъ и стала называться Наполеономъ. Къ нему обратилось теперь мое участіе, а не просто къ вооруженной Франціи. Съ этой минуты его фигура отдѣлилась отъ кучи фургоновъ, пушекъ, которыя я видѣлъ въ альманахахъ и которыя составляли для меня всю исторію...»

«Онъ высадился; это вѣрно. Но какъ пройдетъ онъ Францію... почти одинъ! Сколько опасностей, Боже! Хотя бы онъ избралъ путь чрезъ нашъ городъ!..»

Такія размышленія вызвало у Эдгара это происшествіе. Каждый день приносилъ онъ что нибудь починить въ лавку слесаря дяди Шилье, котораго сынъ служилъ гренадеромъ гвардіи на островѣ Эльбѣ и цѣлые часы проводилъ тамъ, надѣясь схватить какую нибудь новость.

«То побѣжденъ, то побѣдилъ, чаще всего въ плѣну. Говорили даже о желѣзной клеткѣ.»

Однажды вечеромъ приходитъ отрядъ солдатъ. Начальникъ его участвовалъ во многихъ наполеоновскихъ походахъ, сердце тянетъ его на помощь императору. Но онъ присягнулъ Бурбонамъ и не хочетъ измѣнить присяги. Солдаты ослѣвлены близостью орловъ, но онъ рѣшается уговорить ихъ слѣдовать за Бурбонами. На другой день, яснымъ мартовскимъ утромъ, Эдгаръ вышелъ въ поле пощеголять трехцвѣтной кокардой, которую ужъ привязалъ на шляпу. Вчерашній отрядъ возвращается назадъ, но съ нимъ нѣтъ ни одного офицера. Солдаты оставили ихъ, какъ только узнали объ ихъ намѣреніи. Ихъ велъ сержантъ. Проходя мимо Эдгара, онъ закричалъ ему:

«Мальчикъ! дай мнѣ свою кокарду.» Эдгаръ вошелъ въ городъ рядомъ съ сержантомъ, въ главѣ отряда, не слыша земли подъ собою отъ восторга. «Вотъ самая высокая и единственная награда, которую я получилъ за мой бонапартизмъ.»

Наконецъ бонапартизмъ нашихъ друзей заявилъ себя въ послѣдній разъ самымъ блистательнымъ образомъ. Одна изъ Беатриче подарила имъ трехцвѣтное знамя, вышитое по краямъ золотомъ. Въ восторгѣ они обѣгали поля, луга, сосѣднія деревни, оглашая воздухъ звуками известной пѣсни Беранже:

Il faut partir, Agnès l'ordonne
Adieu plaisir, adieu repos,

не зная еще имени ея автора, и удивлялись тому, что земледѣльцы не бросали работъ, пастухи стады, чтобъ слѣдовать за ними.

Какой переходъ послѣ этого къ страшной вѣсти о Ватерлоо.

«Адъютантъ императора взошелъ на пригорокъ и сказалъ: Государь! Я вижу безчисленную армію пруссаковъ!

«Наполеонъ всходитъ въ свою очередь и смотритъ въ трубу.

— Нѣтъ, говоритъ онъ, вы ошибаетесь. Это наши, это Груши. Вы трусите и вамъ такъ кажется.

— Государь, отвѣчаетъ адъютантъ, это пруссаки.

— Въ такомъ случаѣ, говоритъ императоръ, мы пропали, намъ пзмѣнили.»

Вотъ въ какомъ видѣ первоначально дошелъ до народа разсказъ о событіи, разсѣявшемъ его имперію. Онъ сохранился до настоящаго времени. «Спустя сорокъ восемь лѣтъ, въ двухъ-стахъ миляхъ разстоянія, говоритъ Кинэ, я слышалъ его такимъ же, какимъ слышалъ его въ первый разъ отъ одного крестьянина.»

Ничего больше не оставалось, какъ ждать прошлогоднихъ гостей. Скоро они и явились. Эдгаръ опять замѣтилъ ихъ издали съ того же мѣста дороги. Но теперь они ужъ не боялись призрака, исчезнушаго въ дыму ватерлооскихъ пушекъ; не старались, какъ прежде, нравиться хозяевамъ, а съ увѣренностью пользовались насильнымъ правомъ гостепріимства. За то и хозяева платили имъ презрѣніемъ. Во все время ихъ пребыванія ни одинъ изъ нихъ не раздѣлилъ ни разу хлѣба-соли съ Жеромомъ Кинэ, ни разу не присѣлъ у его домашняго очаго. «Съ этихъ поръ, говоритъ Эдгаръ Кинэ, перестали вести во Франціи легкую жизнь. Прежде, даже во время величайшихъ бѣдствій, сохранялась нѣкоторая веселость, беззаботность. Теперь это исчезло и никогда не возвратится.»

Въ самомъ дѣлѣ вторженіе непріятели произвело большой переворотъ въ нравственной жизни Франціи. До-тѣхъ-поръ она знала только себя. Другихъ народовъ считала она à priori варварами и подносила имъ свою цивилизацію на концѣ штыка. Но вотъ эти варвары съ оружіемъ въ рукахъ попираютъ почву своей благодѣтельности, считаютъ оскорбленіемъ то, что она считала благодѣніемъ. Они имѣютъ сознаніе своего права; свою національную гордость. Франція не одна въ мірѣ!

Мы отдѣлили слѣдующіе два эпизода, чтобы не прерывать послѣдовательности впечатлѣній, полученныхъ Эдгаромъ Кинэ въ дѣтствѣ, отъ политическихъ происшествій.

Однажды Эдгаръ, во время своихъ прогулокъ по полямъ, нашелъ трупъ солдата, раненнаго пулей въ бокъ. Запекшаяся кровь лежала черной полосой на голубомъ фонѣ полевыхъ фиалокъ. Солдатъ былъ убитъ за то, что хотѣлъ дезертировать.

— Какъ! Старый солдатъ хотѣлъ дезертировать въ подобную минуту!

Образъ этотъ преслѣдовалъ его повсюду. Онъ представлялся ему по почамъ, краснымъ, какъ огонь, съ открытымъ ртомъ, будто крича о пощадѣ. Стыдъ бояться мертвецовъ, опасеніе насмѣшекъ отца удерживали его прикованнымъ къ постели. Холодный потъ выступалъ у него на лицѣ, онъ открывалъ ротъ подобно привидѣнію.

Но разъ онъ не могъ больше сопротивляться, до того видѣніе было безпощадно настойчиво. Онъ спалъ въ комнатѣ, отдѣленной отъ остальной части дома; мертвый солдатъ является. «Я ошупью оставляю постель и выхожу изъ комнаты, призракъ выходитъ со мной. Въ темнотѣ схожу съ лѣстницы, оборачиваюсь, чтобъ положить руку на перила и вижу его опять съ ужасной кровавой раной. Я чувствовалъ его огненное дыханіе на моемъ плечѣ. Я пробѣгаю узкій корридоръ во всю длину, солдатъ слѣдуетъ за мной; открываю дверь внизу, онъ входитъ; затворяю ее, онъ передо мной. Я приближаюсь къ постели слуги и вскрикиваю задыхающимся голосомъ: «Солдатъ!» И солдатъ приближается къ постелѣ. Послышался наконецъ голосъ слуги, даже и тогда призракъ держался нѣсколько минутъ.»

«Это видѣніе, единственное во всей моей жизни, имѣло реальность, силу, которыя я напрасно старался бы передать словами.»

Никто даже отецъ его, не смѣялся и никогда не напоминалъ ему о привидѣніи. Наконецъ оно перестало его беспокоить. «Перечитывая въ десятый разъ, около этого времени, видѣнія Макбета и Гамлета, я не могъ удержаться, говорить Квинэ, чтобъ не сказать: «Я также имѣлъ свое!»

Родители Эдгара, чтобъ побѣдить въ немъ солдатскія склонности, старались занять его всемъ пріятнымъ и полезнымъ, чѣмъ только было можно въ ихъ маленькомъ городкѣ.

«Еслибъ избрали для этого только музыку, цѣль была бы вполне достигнута... Скрипка, какъ только я ее услышалъ, стала для меня откровеніемъ поэтическаго міра... Въ звукахъ то текущихъ, то важныхъ, выходившихъ изъ ея тощаго тѣла, я находилъ что-то волшебное...»

Послѣ перваго урока, онъ не покидалъ свою скрипку ни на минуту къ великому отчаянію его сосѣдей. Дня было ему недостаточно, онъ игралъ ночью. Сонъ его былъ полонъ магическихъ звуковъ. Проснувшись до разсвѣта, онъ становился на постель, не одѣваясь, чтобъ не терять времени, и принимался «тиранить» свою скрипку.

Сентябрьское солнце едва взошло, всѣ спали. Эдгаръ, по обыкновенію, стоялъ на постелѣ и упражнялся въ «неистовыхъ арпеджіо.» Одинъ кроатскій гусаръ пробужденный этимъ ужаснымъ Орфеемъ, бросается въ комнату и вырываетъ у него скрипку... «Боже! Какіе звуки, какая неслышанная гармонія! Я стоялъ, окаменѣлый, неподвижный, съ распростертыми руками...»

Со времени вторженія все перемѣнилось вокругъ Эдгара. То, что онъ считалъ священнымъ, великимъ, сдѣлалось вдругъ предметомъ порицанія. Въ одну ночь добродѣтель, заслуга стала преступленіемъ. Онъ долженъ былъ спрятать свою трехцвѣтную кокарду и свое знамя.

Въ саду сдѣлалъ онъ себѣ гряду въ видѣ орла, голова усѣяна была резедой, грудь васильками, крылья фіалкамъ. Ему пришлось вырывать цвѣты стебелекъ за стебелькомъ...

Преслѣдованіе не останавливалось на вещахъ, люди еще болѣе подвергались ему. Школьный учитель Эдгара, старый драгунъ, былъ изгнанъ. «При этомъ случаѣ, говоритъ онъ, я въ первый разъ узналъ значеніе слова: изгнаніе.» Другое лицо, которое Эдгаръ такъ часто видѣлъ у своего отца, подверглось той же участи. Это былъ прежній членъ національнаго конвента, товарищъ Сенъ-Жюста, Бодо. Высокаго роста, красивый собой, одѣтый въ черное съ головы до ногъ, онъ возбуждалъ дѣтское любопытство Эдгара.

Однажды онъ слышалъ отъ него слова, показавшіяся ему странными: «У другихъ бываетъ лихорадка двадцать четыре часа, говоритъ Бодо, у меня она продолжалась десять лѣтъ.» Эдгаръ спрашивалъ, что это значить? ему шептали «терроръ.» Онъ не понималъ тогда этого слова, теперь оно ему объяснилось.

Жандармы пришли искать Бодо въ домѣ Кинэ, комната Эдгара не была пощажена, заглядывали даже подъ кровать; наконецъ его нашли въ сѣнномъ сараѣ. Въ тюрьмѣ членъ конвента игралъ въ карты съ палачемъ, чтобъ приобрести его благосклонность, писалъ онъ Жерому Кинэ, на случай, когда будетъ

пмѣть съ нимъ дѣло. Онъ былъ изгнанъ въ Брюссель, гдѣ Эдгаръ Кинэ занялъ потомъ его мѣсто. Всѣ герои Эдгара внезапно превратились въ преступниковъ.

Какое воспитаніе получилъ онъ въ нѣсколько дней отъ этой непостижимой переменны. Выраженіе лицъ даже было другое! «Я находилъ очень простымъ, что вещи измѣнялись; но я не могъ понять, какъ могли измѣняться въ тоже время мысли, слова, лица.»

«Впечатлѣніе этой измѣняемости было такъ велико, что тяготѣло надо мной всю жизнь. Я чувствовалъ это въ короткія мгновенія, которыхъ продолженія я желалъ... Пропешедшее отнимало у меня силу наслаждаться настоящимъ.»

«Въ концѣ осени 1815 года, въ самый разгаръ бѣлаго террора, одно воспоминаніе, говоритъ Кинэ, представляется мнѣ съ удовольствіемъ.»

Приказано было сдѣлать во всемъ городѣ иллюминацію въ память паденія Наполеона и возстановленія законной дпнастїи. Возвращаясь съ катанья по рѣкѣ, Эдгаръ увидѣлъ, что ихъ домъ освѣщенъ на равнѣ съ другими. Въ одно мгновеніе вбѣгають онъ въ комнаты и выбрасываетъ на улицу всѣ плошки. Родителей его не было дома. Королевскій прокуроръ, проходя мимо, замѣтилъ черную массу среди великолѣпнаго освѣщенія. Сосѣди рассказали ему о случившемся. Эдгаръ, спокойно ожидая своей участи, заснулъ. «Знаете ли, что сынъ вашъ надѣлалъ?» вскрикнулъ прокуроръ, встрѣтивъ Жерома Кинэ. Но этотъ не сказалъ сыну ни слова, какъ будто ничего не было. Впослѣдствїи Эдгаръ узналъ отъ матери, что отецъ былъ внутренне доволенъ поступкомъ своего сына. «Увы! не смотря на все это, это происшествіе было послѣднимъ. Съ ними окончилась для меня счастливая жизнь дѣтства.»

С М Ъ С Ъ.

Прощальный обѣдъ, данный въ Кіевѣ профессору
П. В. Павлову.

(письмо къ редактору.)

Вѣсть о переходѣ Платона Васильевича изъ кіевского университета въ училище правотѣднія, опечалила всѣхъ близкихъ ему людей. И вотъ явилась мысль почтить отъѣзжающаго единокдушнымъ собраніемъ; она родилась среди учителей, бывшихъ его слушателей; къ нимъ присоединилась почти половина высшего учёнаго сословія и нѣсколько постороннихъ особъ, преимущественно университетскаго образованія.

13-го декабря былъ устроенъ торжественный обѣдъ, въ которомъ участвовало около пятидесяти человѣкъ.

Но вы напрасно, милостивый государь, ожидали бы отъ меня описанія самого процесса обѣда. Я считаю это совершенно лишнимъ: это не угощеніе благодѣтеля-начальника, не празднованіе годовщины какого-нибудь общества любителей чего-нибудь, не съѣздъ богатыхъ людей, придравшихся къ высокой идеѣ, чтобы попить на славу и т. п., далеко не то.

Обѣдъ нашъ, при всей его торжественности, былъ только принятою формою выраженія задушевной, не оффиціальной признательности тому человѣку, который ее вполне заслужилъ. И мы смѣемъ думать, что голосъ, поданный небольшимъ числомъ присутствовавшихъ, можно считать мнѣніемъ всего образованнаго нашего меньшинства. Устраняя личные увлеченія и отношенія, которыя не ловко было бы обнаруживать громогласно,

Отд. III.

1

общество позволило себѣ произнести нравственную оцѣнку дѣятельности Платона Васильевича *).

Подобная оцѣнка у насъ дѣло новое, непривычное, съ которыми, во-первыхъ, шевелится много законныхъ и незаконныхъ самолюбій, во-вторыхъ, оно пока кажется щекотливымъ и для того лица, которое подвергается оцѣнкѣ вслухъ.

Щадя скромность Платона Васильевича въ тонѣ, удаляя всякое пристрастіе, я позволю себѣ повторить покойно и коротко общественное мнѣніе о немъ, выразившееся въ рѣчахъ. Думаю, что сказанное въ кругу пятидесяти человѣкъ не можетъ, не должно оставаться не гласнымъ.

Итакъ, сдерживая неизбежную реторику рѣчей, я постараюсь передать ихъ сущность, сводя ихъ результаты и весьма мало добавляя отъ себя **).

Читатели Русскаго Слова, безъ сомнѣнія, прочли уже три статьи *Исторіи кіевскаго университета*. Можемъ прибавить отъ себя къ напечатанному, что служебная дѣятельность Платона Васильевича относится къ третьему періоду исторіи нашего

*) Незнакомому съ внутреннею жизнью Кіева покажется загаза, что мы преувеличиваемъ собственное дѣло. Скажутъ: общество, общественное мнѣніе! Да не слишкомъ ли высокомерно пятидесяти человѣкамъ вообразить себя представителями общественнаго мнѣнія? — Но просимъ вспомнить во-первыхъ, что мы беремъ быть представителями мнѣнія о томъ человѣкѣ, котораго близко знаемъ, а, во-вторыхъ, и при этомъ случаѣ не мѣшаетъ подумать о недостаткѣ общественнаго мнѣнія у насъ вообще, а мы прибавимъ: и въ Кіевѣ въ-особенности. Едва ли есть другой городъ, въ которомъ бы сталкивалось столько разногласнѣйшихъ мнѣній, какъ въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ. Областная парціальность народностей, вѣроисповѣданій, состояній, языковъ, одеждъ и т. д., отличаетъ даже нашу самую образованную молодежь. Сами представители образованія распадаются на довольно странные отдѣлы: нѣмцевъ, медиковъ и т. п. Слѣдовательно, собраться для общественнаго дѣла у насъ вовсе не легко, и серьезный кружокъ въ пятьдесятъ человѣкъ даже не мыслимъ; слѣдовательно, если что и связывало насъ на обѣдѣ, такъ это общее, утвердившееся мнѣніе о человѣкѣ. Нечего и говорить о томъ, что число обѣдавшихъ могло бы значительно возрасти, еслибы встрѣтилась надобность въ соблюденіи разнородныхъ околичностей, прямо къ дѣлу не относящихся: иные, напримѣръ, не пожелали лишь потому, что ихъ не приглашали *особенно*, другіе потому, что въ переднихъ рядахъ торжества идутъ экстраординарные люди, а не истинные жрецы науки, иные потому, что *импѣриализма* обѣда шла не отъ высшей корпораціи и т. п.... всякія бываютъ побужденія на свѣтъ вообще и передъ общественными обѣдами въ-особенности.

***) Три подлинныя рѣчи, которыя авторы согласились сообщить публикѣ, помѣщены въ приложеніи.

университета и по справедливости должна занять собою одну изъ ея свѣтлыхъ страницъ.

Общественная дѣятельность Платона Васильевича начинается около 1848 года, когда воротились къ намъ изъ за-границы молодые, свѣжіе люди (И. В. Вернадскій, Тутковскій), когда университетъ приобрѣлъ новыхъ дѣятелей, въ лицѣ Н. Х. Бунге и В. Я. Шульгина. Находимъ неумѣстнымъ касаться здѣсь дѣятельности послѣднихъ *) и переходимъ къ немногословной характеристикѣ дѣятельности Платона Васильевича Павлова.

Въ этотъ-то важный для всей образованной Европы періодъ занялъ кафедру русской исторіи у насъ Платонъ Васильевичъ.

Всякій изъ современниковъ пусть скажетъ, чѣмъ была до того русская исторія въ нашемъ университетѣ. Ни болѣе ни менѣе какъ критическою передачею мельчайшихъ сомнительныхъ фактовъ по Карамзину съ примѣсю философскихъ взглядовъ à la Полевой; верхъ философствованія выражался въ построении русской исторіи по рубрикамъ западной. Нѣкоторое время кафедра была вакантная; потомъ усердно отдавались исключительнымъ, частнымъ вопросамъ по малороссійской исторіи и проч.

Правда, въ тѣ недавнія времена и самая наука не далеко ушла; исторіи Соловьева и прочихъ не было; главнымъ пособіемъ историку служили лѣтописи, а многихъ историческихъ и юридическихъ актовъ еще не издавали. Платону Васильевичу первому въ нашемъ университетѣ принадлежитъ честь чтенія внутренней исторіи; онъ сообщилъ взглядъ на исторію въ ея современномъ видѣ, онъ занимался исторіею науки русской исторіи, убѣжденный, что дѣло профессора не учить студента исторіи, а готовить къ самостоятельнымъ, специальнымъ трудамъ; Платонъ Васильевичъ указалъ исторически на отношенія нашихъ сословій, первый у насъ показалъ необходимость историку понимать юридическія и экономическія отношенія общества, не обращая исключительнаго вниманія на его политическое положеніе. (Объ ученыхъ трудахъ Платона Васильевича, не будучи специалистами, мы не брались судить).

Но заслуги Платона Васильевича какъ ученаго, какъ профессора, при всей важности, занимаютъ второстепенное мѣсто въ

*) Хотя общество привыкло произносить эти имена нераздѣльно: за обѣдомъ провозглашенъ былъ тостъ за здоровье гг. Павлова, Бунге и Шульгина вмѣстѣ.

его общественной дѣятельности: нравственное развитие молодого поколѣнія, вотъ его цѣпная служба.

Въ то время, какъ почтениѣйшіе изъ его товарищей составляли авторскую славу, готовили специалистовъ, Платонъ Васильевичъ воспитывалъ людей. Вотъ его величайшая заслуга; вотъ на что отозвались благодарностью общество и всѣ наши рѣчи, замѣчательно, какъ бы по уговору, согласныя между собою, пополнявшія одна другую.

Этотъ, повидному скромный и незамѣтный, родъ педагогической дѣятельности Платона Васильевича есть тотъ же, что и незабвеннаго Грановскаго.

Гражданское общество наше такъ еще молодо, что такіе люди, преимущественно передъ специалистами, получали и получаютъ еще историческое значеніе. Глядя безпредразсудочно на вещи, имѣя безукоризненно-чистыя убѣжденія, они готовятъ общество къ самостоятельному мышленію и дѣйствованію, они даютъ ему внутреннія опоры частной общественной нравственности. Такіе люди съ благородной смѣлостью рѣшаются говорить истину въ то время, когда другіе, весьма достойные люди, довольствуясь полезною, трудовою кабинетною дѣятельностью, или выставляютъ на знамени: *beatae plane aures...* Или просто томятся болѣзнью благороднаго и благоразумнаго молчанія.

Подвигъ этотъ особенно важенъ въ нашемъ краю, если вспомнимъ кое-какія мѣстные тяжелыя обстоятельства, слава Богу, миновавшія.

И вотъ среди этихъ-то особенныхъ и другихъ общихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, Платонъ Васильевичъ *твердо держалъ свѣточъ правды* въ рукахъ, не колебался и, забывая личные интересы, *неумолимо готовилъ лучшіе дѣятели для будущаго*, для современнаго порядка вещей.

Вліяніе Платона Васильевича было особенно сильно потому, что проповѣдуя гуманныя начала, какъ и всякій профессоръ дѣлаетъ то *ex officio*, Платонъ Васильевичъ былъ гуманенъ не въ однихъ лекціяхъ, но и въ частной жизни своей. Прямо скажемъ, Платонъ Васильевичъ навсегда останется образцомъ гуманныхъ отношеній къ студентамъ, среди которыхъ онъ пользовался рѣдкою и достойно заслуженною популярностью. Вліяніе Платона Васильевича было сильно потому, что въ немъ слушатели не видѣли ни деспотизма идеи во имя свободы, ни гордости и себялюбія, которыя часто прикрываются стремленіями къ общему благу. Слова его никогда не были фразою, никогда не

расходились съ дѣломъ, на сколько это согласно съ человѣческими слабостями. Безъ особенныхъ возвеличеній, съ полнымъ убѣжденіемъ и правомъ, по двѣнадцати-лѣтнему опыту, мы относились къ нему съ такими словами: «вы всею своею жизнью подавали намъ примѣръ чистаго служенія своимъ убѣжденіямъ, всею своею дѣятельностью въ университетѣ подавали примѣръ powerful содѣйствія къ развитію въ университетскихъ поколѣніяхъ здравыхъ и благородныхъ понятій.» Замѣчательно, что эти слова говоритъ человѣкъ который слушалъ Платона Васильевича принадлежа къ другому факультету. Молодой адъюнктъ скромно признается, что на занятія его юридическими науками оказалъ преобладающее гуманное вліяніе профессоръ русской исторіи, профессоръ другаго факультета. Еще замѣчательнѣе, что нравственнаго вліянія Платона Васильевича на себя не отвергаютъ даже товарищи его, какъ на примѣръ, В. Я. Шульгинъ, (въ письмѣ, которое прочтено было за обѣдомъ *), по общему сознанію, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ нашихъ.

Прибавимъ прямо и смѣло: Платонъ Васильевичъ для всѣхъ былъ лицомъ, въ которое *нельзя было бросить камнемъ*; и не одинъ человѣкъ призывалъ его судьей всякихъ нравственныхъ недоразумѣній и сомнѣній, не одинъ скажетъ ему спасибо.

Послѣ этого, надѣюсь, не покажутся преувеличеніемъ слова одного изъ членовъ нравственнаго торжества: «нѣсколько поколѣній, Платонъ Васильевичъ, вынесли изъ вашей аудиторіи честныя убѣжденія и добросовѣстное стремленіе къ общественной пользѣ.»

Обращаясь къ послѣднему поколѣнію, сказавшій рѣчь доказываетъ свою мысль положительнымъ фактомъ: «учрежденіе *воскресныхъ школъ* (гдѣ гг. студенты учатъ грамотѣ даромъ и даже даромъ раздають учебныя пособія) служить лучшимъ доказательствомъ, какое плодотворное направленіе сообщено Платономъ Васильевичемъ кругу университетской молодежи.»

Люди, знающіе Платона Васильевича, могутъ добросовѣстно носвидѣтельствовать, что польза общественная занимаетъ его, какъ говорятъ, днемъ и ночью, и что мысли о ней даже берутъ перевѣсъ надъ его личною жизнью **).

*) По болѣзни, онъ самъ не присутствовалъ.

***) Не удивительно поэтому, что за обѣдомъ вспомнили и о проектахъ Платона Васильевича на пользу общую: чтеніяхъ для простаго сословія, городскомъ кабинетѣ для чтенія и друг., для припеденія въ исполненіе ко-

Вотъ существенное изъ рѣчей, а въ немъ и существенный смыслъ обѣда; изъ самыхъ рѣчей полнѣе, живѣе видно отношеніе Платона Васильевича къ нашему обществу. Смѣемъ думать, что высказанное въ нихъ должно получить не одно мѣстное, кievское, а и общее значеніе: кто двѣнадцать лѣтъ такъ служилъ одному извѣстному обществу, тотъ навѣрное, также и до конца послужить всякому обществу.

Заключу невольнымъ восклицаніемъ: дай Богъ, чтобы почаще *служащіе* вызывали такія рѣчи, чтобы почаще собирались на такіе обѣды!

Е. СУД.

Кievъ. 15-го декабря.

Р. С. Когда статейка наша была готова, мы узнали, что гг. студенты вчера устроили вечеръ въ честь Платона Васильевича. Подробностей не описываемъ, не бывши очевидцами. Знаемъ одно, что тамъ говорилось не меньше пятнадцати рѣчей: отъ образованныхъ евреевъ, отъ поляковъ, отъ купечества, отъ харьковскихъ студентовъ, перешедшихъ въ кievскій университетъ, отъ нѣкоторыхъ академистовъ, отъ сербовъ, воспитывающихся въ Кievѣ, отъ малороссофиловъ и т. д. и т. д. Можемъ сообщить еще кстати, что гг. студенты сняли сотни портретовъ Платона Васильевича. Истинными космополитическими убѣжденіями Платона Васильевича, удалось до нѣкоторой степени смягчить исключительную національность, которую иные умѣютъ раздражать кваснымъ патріотизмомъ или смягчать уступками и подлаживаніями подъ чужой тонъ.

Ручи, сказанныя за обѣдомъ, даннымъ профессору
П. В. Павлову.

I.

Разставаясь съ Платономъ Васильевичемъ я позволю себѣ сказать прощальное слово отъ лица своихъ товарищей, вмѣстѣ со мною получившихъ развитіе подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, вмѣстѣ со мною начавшихъ свое служеніе святому дѣлу воспитанія университетскихъ поколѣній.

Какое же прощальное слово я скажу, отъ лица моихъ товарищей, нашему уважаемому наставнику? Слово это да будетъ

торыхъ требуются не столько личныя стремленія, сколько единодушное согласіе, деньги и проч.

словомъ обѣта не сбиваться съ указанной имъ дороги, неуклонно слѣдовать по намѣченному имъ пути.

Платонъ Васильевичъ всею своею жизнью подавалъ намъ примѣръ честнаго служенія своимъ убѣжденіямъ, Платонъ Васильевичъ всею своею дѣятельностью въ университетѣ подавалъ намъ примѣръ посильнаго содѣйствія къ развитію въ университетскихъ поколѣніяхъ здравыхъ и благородныхъ понятій. Да будетъ примѣръ его всегда передъ нашими глазами! И если преподаваемые нами науки будутъ обогрѣты соучаствіемъ къ интересамъ ближняго, если развиваемыя нами *юридическія понятія* будутъ запечатлѣны гуманнымъ характеромъ сознанія достоинства общества, уваженія и довѣрія къ силамъ человѣка частнаго, если, наконецъ, при разборѣ нами учреждений, иноземныхъ и отечественныхъ, мы не затеряемъ въ лабиринтѣ канцелярскихъ тонкостей главную цѣль, которой должны служить эти учрежденія, благо общества, единственное мѣрило ихъ годности, все это будетъ только плодомъ слушанія нами лекцій Платона Васильевича, все это будетъ только плодомъ того направленія, которое вырабатывалось въ насъ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ.

Разставаясь съ Платономъ Васильевичемъ, я позволю себѣ отъ всего сердца пожелать ему привнести и въ новую среду его дѣятельности, скажу словами поэта: «тотъ всесильный духъ движенія и созданья, тотъ вѣчно-юный, новый и живой», которымъ столько времени оживлялъ нашъ университетъ Платонъ Васильевичъ.

Не битю фразою будетъ звучать послѣ этого мое предложеніе, гг., вмѣстѣ со мною выпить за дорогое здоровье дорогого Платона Васильевича.

А. В. СЛАВАТИНСКІЙ.

II.

Позвольте и мнѣ, милостивые государи, какъ одному изъ числа первыхъ по времени, слушателей Платона Васильевича, сказать отъ лица моихъ товарищей нѣсколько словъ, по поводу настоящаго нашего собранія.

Среди тяжелыхъ обстоятельствъ пришлось Платону Васильевичу начинать у насъ свою ученую дѣятельность. Университетъ нашъ понесъ тогда чувствительную потерю въ лицѣ одного изъ лучшихъ его представителей, пользовавшихся, по справедливости, сочувствіемъ молодого поколѣнія. Сердцу человѣка больно переносить дорогія потери, трудно забывать лю-

бимыя личности; оно съ недоувѣрjemъ встрѣчаетъ новое и часто бессознательно, напрасно переноситъ на него свое недовольство за недавнюю потерю. При такихъ обстоятельствахъ, новому молодому профессору трудно было сразу встрѣтить ту горячую симпатю его слушателей, которая сопровождала его дальнѣйшую у насъ дѣятельность. Но молодое поколѣнiе вскорѣ увидѣло стѣмъ имѣеть дѣло; оно скоро и ясно поняло и чистыя стремленiя и честныя убѣжденiя новаго дѣятеля, и отвѣтило ему своимъ полнымъ доувѣрjemъ. Въ высокой степени гуманное обращенiе съ своими слушателями, живѣйшая готовность всегда помогать имъ словомъ и дѣломъ, и совѣтами и учеными пособiями, и ободрять первые труды ихъ въ домашнихъ душевныхъ бесѣдахъ, необыкновенно ясное изложенiе лекцiй, въ которыхъ студенты всегда встрѣчали послѣднiе результаты науки, не говоря уже о глубокомъ знанiи своего дѣла, широкое пониманiе высокой обязанности профессора, вотъ основанiя той горячей симпатii и безкорыстной любви, которую одно университетское поколѣнiе передавало другому, сознавая благотворную дѣятельность Платона Васильевича.

Прошли годы, переменились обстоятельства и люди, дѣятельность нашего профессора нашла болѣе широкое для себя поле, и влiянiе его на молодые умы становится еще живительнѣе и плодотворнѣе. Толпы слушателей, безъ различiя факультетовъ, вѣръ и национальностей, наполняютъ аудиторiю его, и жадно ловятъ каждое слово, произносимое съ кафедры, потому что слова эти не были пустымъ звукомъ, но выраженiемъ его честныхъ убѣжденiй и добросовѣстнаго изученiя своего предмета, потому что на лекцiяхъ этихъ вещи назывались своими именами и черное не было бѣлымъ.

И вотъ въ то самое время, когда благотворная дѣятельность ваша, Платонъ Васильевичъ, получила такое направленiе, съ глубокимъ сожалѣнiемъ мы должны разстаться съ вами, и мысль, что нравственныя основанiя, положенныя вами здѣсь, на всегда сохранятся въ сердцахъ вашихъ слушателей, что дѣятельность ваша не прекратится и будетъ имѣть тотъ же характеръ, только въ другомъ мѣстѣ и на другомъ поприщѣ, мысль эта, сама по себѣ отрадная, не можетъ подавить нашей искренней скорби. Намъ жаль за будущее, но мы не можемъ быть неблагодарны за прошедшее. Во имя этого прошедшаго, во имя всего, что сдѣлано здѣсь вами добраго для насъ и нашихъ преемниковъ, отъ лица моихъ товарищей, а вашихъ бывшихъ слушателей,

позвольте принести вамъ нашу искреннюю благодарность, позвольте пожелать вамъ на новомъ вашемъ поприщѣ осуществить ваши полезныя намѣренія и встрѣтить отъ молодого поколѣнія такое же горячее сочувствіе и довѣріе, какое вы встрѣтили здѣсь!

И. О. САМЧЕВСКІЙ.

III.

Въ побужденіяхъ, собравшихъ насъ сегодня, вы можете вѣтъ, Платонъ Васильевичъ, свидѣтельство того уваженія, на которое ваша дѣятельность имѣетъ неотъемлемое право.

Мнѣ, какъ одному изъ бывшихъ вашихъ слушателей, можетъ быть, всего приличнѣе упомянуть о томъ ея характерѣ, который, вѣроятно, добрымъ преданіемъ будетъ переходить отъ одного университетскаго поколѣнія къ другому. Я разумѣю здѣсь воспитательное значеніе вашей дѣятельности.

Въ нашемъ молодомъ обществѣ, только въ послѣдніе годы получившемъ возможность заявить свою самодѣятельность, всегда и особенно будутъ дороги люди, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, твердо державшіе свѣточъ правды и неутомимо готовившіе лучшихъ дѣятелей для будущаго времени. Дѣятельность ихъ всегда будетъ почтена общественною симпатіею, и ваша, Платонъ Васильевичъ, принадлежитъ къ такому роду.

Нѣсколько поколѣній университета, слышало вашъ честный голосъ, настойчиво указывавшій имъ на нравственные идеалы человѣка и гражданскаго дѣятеля. Нѣсколько поколѣній вынесло изъ вашей аудиторіи, а еще болѣе изъ частныхъ отношеній, то добросовѣстное стремленіе къ общественной пользѣ, тѣ честныя убѣжденія, которыя, по обстоятельствамъ нашего общественнаго устройства, быть можетъ, всего настоятельнѣе нужны.

Учрежденіе *воскресныхъ школъ* въ послѣднее время служить лучшимъ доказательствомъ, какое плодотворное направленіе сообщено вами кругу университетской молодежи.

Я не рѣшусь касаться нравственнаго значенія вашей личности, не стану говорить о томъ, что съ вашимъ именемъ привыкли соединять *только* честное, доброе, истинно благородное, что освѣжительно дѣйствуетъ на общество присутствіе въ его средѣ лица, въ которое нельзя бросить камнемъ. Ваша добрая память въ университетѣ говоритъ о вашей личности, объ общественной заслугѣ и вмѣстѣ даетъ вамъ право на сочувствіе каждаго честнаго человѣка.

Разстаемся съ вами теперь съ искренною грустью. И въ этомъ прощальномъ обѣдѣ, предлагая тостъ за ваше здоровье, я считаю умѣстнымъ соединить съ нимъ тостъ и за торжество тѣхъ началъ, которыхъ вы были неутомимымъ поборникомъ.

И. И. СЛѢПУШКИНЪ.

Не можемъ удержаться, чтобы не рассказать одинъ характеристическій случай. Послѣ этой рѣчи предложенъ былъ тостъ за все молодое русское поколѣніе. Этотъ тостъ вызвалъ недоразумѣніе въ одномъ почтенномъ ученомъ иностранцѣ; въ немъ родилось сомнѣніе, пользуются ли честью этого тоста и тѣ обитатели Россіи, которые не принадлежатъ къ славянскому племени?

Письмо изъ Алжира.

III.

16-го декабря 1859 года.

Въ послѣдній разъ я писалъ къ вамъ, что у насъ наступаетъ осень; — такъ называютъ алжирцы ноябрь мѣсяцъ, не смотря на то, что онъ очень походитъ на іюнь въ сѣверной Европѣ. Деревья покрываются листьями и высоты травой, на поляхъ хлѣбъ поднимается на четверть аршина и въ срединѣ дня бываетъ градусовъ шестнадцать тепла. — Въ настоящее же время у насъ начались зимніе дожди, послѣ которыхъ переходъ къ лѣту считается частью зимою, а частью приходится на весну. Однимъ словомъ алжирцы хотятъ, на зло природѣ, имѣть четыре времени года, хотя у нихъ бываетъ только два: одно — сухое, жаркое, мертвое время, когда все выгорѣло и покрыто пылью, и другое — сырое, прохладное, живое, когда все зеленеетъ и цвѣтетъ. Первое соответствуетъ сѣверной зимѣ, съ тою только разницею, что снѣгъ замѣняется пылью, — второе — лѣту, между тѣмъ называется на оборотъ. Каждый пароходъ привозитъ намъ чахоточныхъ, ищущихъ спасенія отъ сѣвернаго холода и надѣющихся на какое-то чудотворное свойство нашего климата. Доктора, сбывая ихъ сюда, — потому что они были, такъ сказать, «au bout de leur latin», вѣроятно, обѣщаютъ этимъ несчастнымъ совершенное выздоровленіе. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ питаютъ эту надежду и послѣ первой недѣли уже чувствуютъ большое облегченіе при помощи вообра-

жизни. Къ сожалѣнню здѣшніе медики другаго мнѣнія и прямо говорятъ, что чахотка и здѣсь неизлѣчима, а въ послѣднихъ степеняхъ даже скоротечнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Несчастные страдальцы, измученные морскимъ путешествіемъ, конечно, послѣ нѣкотораго отдыха, чувствуютъ себя лучше, чѣмъ на пароходѣ въ осеннюю бурю, но скоро замѣчаютъ, что и здѣсь приходится прибѣгать къ искусственному поддержанію жизни. Прохладные вечера и чудныя лунныя ночи, которыми мы такъ восхищаемся, не сотворены для нихъ, потому что они сыры. Приходится запирается на восемнадцать часовъ изъ двадцати четырехъ, и остальное время ходить закутаннымъ. Иногда зима бываетъ не такъ прекрасна, какъ въ нынѣшнемъ году: случается, что дождь льетъ втеченіе цѣлаго мѣсяца. Тогда, они, конечно, и здѣсь терпятъ тоже самое, что и дома, съ тою разницею, что нѣтъ ни удобствъ ни утѣшеній, которыя доставляютъ родные и пріатели. Запершись съ золотомъ въ уединенной комнатѣ, больной проводитъ время въ скучаніи по родинѣ и оставшимся тамъ дорогимъ роднымъ и друзьямъ, или предается наблюденіямъ за своею богѣзнію, которыя настраиваютъ его душу самымъ мрачнымъ образомъ. Все облегченіе, приобретенное прогулкою въ серединѣ дня, поглощается вреднымъ вліяніемъ вечерней скуки. Единственная ихъ отрада состоитъ въ полученіи писемъ съ родины; но, къ сожалѣнню, и это утѣшеніе не прочно, потому что почта наша стала очень неисправна и вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю ходитъ теперь только два. Желашему глѣчиться у насъ необходимо пріѣхать съ семействомъ, и никакъ ни одному. Успѣхъ только тогда возможенъ, когда моральная сторона человѣка въ нормальномъ положеніи и содѣйствуетъ усиліямъ тѣла. Разумѣется, кромѣ того, нужно имѣть средства, устроиться удобно, потому что здѣсь для порядочнаго помѣщенія пріѣзжихъ, сообразно сѣверно-европейскимъ требованіямъ, ничего не сдѣлано. Надобно имѣть свое хозяйство, потому что въ гостинницахъ кормятъ слишкомъ воздушно и вовсе несообразно съ питательною діетой, нужною для чахнущихъ. При этихъ условіяхъ пребываніе въ Алжирѣ, можетъ быть, принесетъ пользу больному, если онъ не истратитъ слишкомъ много силъ на дорогу. Во всякомъ случаѣ оно полезно алжирскимъ докторамъ, домохозяевамъ и лавочникамъ; къ тому же надо помнить, что жизнь въ Алжирѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Петербургѣ и Лондонѣ. Довольно дешевы одни предметы роскоши и то сравнительно съ цѣнами петербургскими; за то все необхо-

димое для жизни и непомерно дорого, и очень не хорошо. Квартиры въ настоящее время, находятся въ одной цѣнѣ въ Алжирѣ и Парижѣ, и домовладѣтели наравятъ сорвать съ прїѣзжаго за зимніе мѣсяцы такія деньги, за которыя здѣшній житель могъ бы нанять домъ на цѣлый годъ. Жизненные припасы вполнину, а иногда вдвое дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Конечно въ гостинницахъ можно найти обѣдъ за два или три франка, но онъ не соотвѣтствуетъ ни предписаніямъ доктора, ни требованіямъ сѣвернаго желудка. О прислугѣ нечего и говорить: кромѣ дороговизны, она чрезвычайно капризна и надѣлена довольно странными причудами. — Всѣ эти подробности, можетъ быть, очень скучны, но нельзя не бороться противъ ложнаго мнѣнія, распространившагося недавно въ Европѣ на счетъ дешевизны и лѣчебныхъ свойствъ Алжира. Оно очень удобно для докторовъ, но все-таки не хотѣлось бы, чтобъ наши соотечественники были его жертвами. Туристамъ непростительно не посмотрѣть Алжиръ: онъ имѣетъ столько оригинальной красоты, — художникамъ точно также; но большимъ прїѣхать сюда нехѣло, когда они, не подвергаясь неприятному осеню плаванью по Средиземному морю, могутъ находить тотъ же благодатный климатъ въ южной Италіи при меньшихъ расходахъ и гораздо большемъ удовольствіи.

Оставимъ, однако, европейскій элементъ Алжира, и перейдемъ къ описанію арабовъ. Извѣстно, что Алжирія раздѣляется на два пояса, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго: Тель или побережье, гористая, прорѣзанная долинами и рѣчками полоса, удобная для земледѣлія, и Сахара или степь, способная только мѣстами кормить стада. Какъ разнообразны эти полосы, такъ различны ихъ жители нравами. Въ долинахъ Телля живутъ арабы, а на горахъ кабилы; и тѣ, и другіе занимаются земледѣліемъ. Сахара же обитается одними арабами-пастухами. Эти оба рода арабовъ имѣютъ, однако, одну общую черту — это аристократическій образъ правленія, если такъ можно назвать патріархальную власть, перешедшую въ руки начальниковъ племенъ и ихъ помощниковъ — и уваженіе къ потомкамъ старинныхъ родовъ. Выборъ начальника племени (кандъ) не представляется членамъ этого собранія, а онъ назначается правительствомъ и есть представитель интересовъ послѣдняго. Кандъ однако всегда назначается изъ семействъ, пользующихся уваженіемъ въ племени и послѣднее считало бы себя униженнымъ, если бы въ канды назначенъ былъ человекъ не именитый.

Вотъ въ чемъ выражаются аристократическія понятія арабовъ. Кандъ сосредоточиваетъ въ лицѣ своемъ званія: и судьи, и администратора, и сборщика податей. Въ помощники ему назначается халифа, заступающій мѣсто канда во время его отсутствія. — У арабовъ существуетъ троякаго рода дворянство: 1) дворянство по древнему происхожденію; 2) дворянство военное, и 3) дворянство церковное. *Шерифомъ* или дворянскомъ мусульмане называютъ всѣхъ тѣхъ, которые могутъ доказать свое происхожденіе отъ дочери Магомета, Фатьмы-Зоры, или дяди его Сидъ-Али-Аби-Талебъ *). Шерифы (по арабски *шерфа*) пользуются большимъ уваженіемъ у арабовъ, не имѣя, между тѣмъ никакихъ существенныхъ преимуществъ. Они носятъ титулъ *Сиди* (мой господинъ). *Джуадъ* или военные аристократы, потомки старинныхъ, прославившихся фамилій или даже потомки хорейшитовъ, племени Магомета. Они составляютъ военный элементъ арабскаго общества и предводительствуютъ другими въ бою. Бѣдный народъ часто терпитъ отъ ихъ жадности и несправедливости, но примиряется съ этимъ гнѣтомъ ради гостеприимства и покровительства, щедро оказываемаго ими въ минуты нужды. Имъ даютъ названіе *шейхъ*. Духовная аристократія, имѣющая огромное политическое вліяніе, играетъ гораздо большую роль, нежели предыдущіе, хотя и не основана на матеріальной силѣ. И у арабовъ мысль беретъ верхъ надъ кулакомъ. Члены этого класса называются *марабутами*. Посвятивши себя исключительно изученію корана и молитвамъ, марабуты у арабовъ считаются хранителями чистоты вѣры и пользуются большимъ уваженіемъ; слова ихъ имѣютъ силу оракуловъ. Нерѣдко они однимъ словомъ останавливали рѣзню, но еще чаще поджигали фанатизмъ и возбуждали къ войнѣ противъ исповѣдующихъ другія религіи. Достоинство марабута наследственно. Они потомки людей, прославившихся строгимъ исполненіемъ предписаній корана, иногда даже творившихъ чудеса. Надъ могилами этихъ праведниковъ воздвигнуты молебны (*зауа*), кругомъ которыхъ живутъ нынѣшніе марабуты маленькими деревнями, питаются продуктами пожертвованныхъ земель, или припасамъ, приносимыми благочестивыми людьми изъ ближайшихъ окрестностей. Иногда они пользуются десятиною отъ окрестныхъ

*) *Сидъ* значитъ сударь, господинъ. *Талебъ* — грамотный, ученый. *Марабуть* связанный. Сходство мысли со словомъ *religieux*, происходящаго отъ *ligare*.

племень, но эта подать совершенно добровольна и не основана ни на какомъ законѣ. Марабуты рѣдко занимаются работою, предоставляя ее своимъ ученикамъ — *толба*, взамѣнъ которой они посвящаютъ послѣднихъ въ тайны грамотности и вѣры. Главная же обязанность ихъ оказать гостепрѣимство всѣмъ странникамъ, не исключая даже преступниковъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя *зауа* сдѣлались, разумѣется, ненарушимымъ убѣжищемъ для послѣднихъ. Рабства, въ томъ отвратительномъ значеніи, которое это слово имѣетъ въ Америкѣ, у арабовъ нѣтъ. Для нихъ рабъ — слуга, который считается членомъ семейства и имѣетъ право требовать, чтобы владѣющій имъ продалъ его, если онъ съ нимъ обращается дурно. Черезъ извѣстное число лѣтъ рабъ освобождается, но обыкновенно остается въ семействѣ, которое обязано, кормить его до смерти. Коранъ гласитъ: «Не говори никогда: «мой рабъ», ибо мы всѣ рабы Божіи, — говори: «мой слуга, моя служанка». Эта мысль ясно заимствована изъ Евангеліи, но, къ сожалѣнію, не получила полного развитія у полудикихъ, жестокихъ жителей пустынь Аравіи. Но какъ бы то ни было, — это все-таки переходъ отъ языческаго понятія, ставившаго раба на ряду съ вещами, къ христіанскому братству. Не дурно бы демократическимъ плантаторамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ поучиться челоуѣколюбію и равенству у презрѣнныхъ арабовъ! Впрочемъ и инымъ русскимъ помѣщикамъ не мѣшало бы прожить нѣсколько времени въ арабской палаткѣ!

Тяжелое и долгое время иго турокъ, безпрестанная вражда между отдѣльными племенами и происходящія отъ этого постоянныя опасности, которыми окруженъ арабъ, сдѣлали его скрытнымъ и недоувѣрчивымъ, а суевѣріе прибавило ханжество. Боясь оскорбить или слишкомъ откровенно высказаться, въ особенности въ разговорахъ съ христіанами, онъ отдѣляется многочисленными вѣжливостями и фразами, немѣющими для него никакого смысла, но легко обманывающія европейца тономъ чистосердечія и какого-то самороднаго космополитизма. Постоянно страшась вліянія злыхъ духовъ, злыхъ глазъ, колдовства и подобныхъ порожденій разгоряченнаго суевѣріемъ воображенія, онъ ничего не предпринимаетъ безъ молитвы; имя Божіе постоянно на его языкѣ, но не какъ выраженіе глубокой религіозности, а просто какъ магическое слово для отвращенія несчастій. Основная черта арабскаго характера — глубокий эгоизмъ — выражается и въ его религіозности. Религія есть для

него не болѣе какъ средство обезпечить себѣ успѣхъ во всемъ и отвратить неудачи; единственное сильное чувство, которое она способна возбудить въ немъ, — это фанатическая, слѣпая и безграничная ненависть къ исповѣдующимъ другія религіи, да и въ этомъ страсть къ грабежу играетъ большую роль. Алжирскій арабъ корыстолюбивъ, суевѣренъ и недовѣрчивъ; но всѣ эти качества скрываются подѣ чисто-дипломатическими формами вѣжливости. Спрашивать о женѣ араба, называя ее, никогда нельзя, даже если она опасно больна. Говорятъ: «какъ здоровье твоего семейства или твоей палатки». Болѣе ясныя выраженія возбуждаютъ уже ревность и подозрительность. Если ты спрашиваешь о моей женѣ, стало быть ты видѣлъ ее: вотъ что подумаетъ арабъ, хотя и не скажетъ. Обыкновенный, осторожный поклонъ передается такимъ образомъ: «кланяюсь людямъ» и употребляется при встрѣчѣ съ незнакомыми, между которыми можетъ находиться невѣрный, при которомъ не слѣдуетъ произносить священныя слова, чтобъ не профанировать ихъ. Строгіе же блюстители закона говорятъ при встрѣчѣ съ магометанами въ обществѣ христіанъ или евреевъ: «кланяюсь тѣмъ, которые исповѣдуютъ религію» (т. е., магометанскую, единственную истинную). При встрѣчѣ съ важными лицами этикетъ соблюдается очень строго. Начальнику, марабуту, или толбѣ цѣлуютъ руку, а если онъ верхомъ, колѣно. Послѣдніе какъ-то ловко умѣютъ скромно оттянуть руку, не мѣшая, однако, цѣловать ее. Проходя мимо незнакомаго, которому хотятъ поклониться вскользь, кладутъ руку на сердце. Проходя мимо работающаго, слѣдуетъ сказать: «Да поможетъ тебѣ Богъ» или «да дастъ тебѣ Богу силу»; и въ отвѣтъ на это говорится: «Да спасетъ тебя Богъ». Разговоры о дѣлахъ нѣсколько разъ прерываются поклонами и спрашиваніемъ о здоровьи. Если арабъ при васъ чихнетъ, скажите: «Да спасетъ тебя Богъ» и онъ вамъ тотчасъ отвѣтитъ: «да будетъ Богъ милосердъ къ тебѣ». Послѣ глубокаго вздоха говорится: «да проститъ мнѣ Богъ то, что случилось». Рыганіе не считается неприличіемъ, такъ какъ у испанцевъ, въ нравахъ которыхъ осталось много арабскаго. Когда случается то, что у насъ считается невыразимымъ неприличіемъ, но для араба есть только знакъ сытости, то виновникъ приключенія хладнокровно говоритъ: «благодарю Бога» (подразумѣвая: за то, что Онъ меня насытилъ), а присутствующіе также спокойно отвѣчаютъ: «дай Богъ тебѣ здоровья». Ъдятъ и пьютъ при помощи правой руки, ибо демонъ ѣсть и

пѣтъ лвою рукою. Воспитанный человекъ никогда не пѣтъ стоя, а всегда садится, и ему присутствующіе говорятъ: «на здоровье». Пить слѣдуетъ только одинъ разъ, окончивъ трапезу. Тотъ, кто пѣтъ, уже сытъ, и этимъ выражаетъ, что болѣе ѣсть не хочетъ. Пророкъ запретилъ дуть на кушанье, и смотрѣть на кушающаго считается верхомъ неприличія. Богатый арабъ, угощавшій бѣднаго, сказалъ: «Ты пожпраешь этого барана съ такимъ ожесточеніемъ, что можно бы подумать, что онъ при жизни бодалъ тебя». «А ты, отвѣтилъ бѣднякъ: — ѣшь такъ осторожно, какъ будто мать твоя была его кормилицею». Вотъ какъ обидны кажутся арабу замѣчанія на счетъ его главной заботы и въ тоже время радости — ѣды. Приходя къ кому-нибудь для бесѣды, арабъ уходитъ домой, не прощаясь; прощаются только, отправляясь въ дорогу. И тогда хоть бы онъ забылъ все, что ему нужно въ дорогѣ, не напоминайте ему, потому что напоминаніе служило бы дурнымъ предвѣщаніемъ. При отправленіи въ путь отца семейства, его жена или служанка вспрыскиваетъ для счастья ноги и заднюю часть лошади водою, иногда даже кофеемъ. Показывать на кого-нибудь пальцемъ, у насъ неприлично: у нихъ это выражаетъ желаніе зла. Желанія, поздравленія, молитвы, просьбы ихъ, наполнили бы цѣлый томъ. Замѣчательно, однако, множество фразъ, которыми можно закрыть ротъ спрашивающимъ, не высказывая ничего и избѣгая дальнѣйшаго допрашиванія безъ невѣжества. Это разительное доказательство скрытности и недовѣрчивости ихъ. Если арабъ не хочетъ исполнить просьбы, онъ ее выслушиваетъ терпѣливо и отвѣтитъ: «ступай, Богъ дастъ», и хорошій мусульманинъ не посмѣетъ повтореніемъ просьбы, выразить сомнѣніе въ милосердіе Божіе. Чтобы отдѣлаться отъ вопросовъ, говорятъ: «не мнѣ вмѣшиваться въ дѣла Божіи» или «одинъ Богъ знаетъ все». Если вамъ дѣлаютъ упреки, отвѣчайте просто: «это была воля Божія» или «это было написано у Бога» и сейчасъ отстанутъ. Скрытность араба и боязнь состраданія доходитъ до того, что, умирая, онъ вамъ отвѣтитъ: «слава Богу! чувствую себя хорошо». Когда же ему удалось узнать отъ васъ что-нибудь, занимающее его, онъ васъ осыплетъ выраженіями благодарности и дружбы, которыя, однако, надо понимать, какъ и всѣ другія пустыя фразы его. Пока вы ему нужны, онъ накормитъ васъ сладкими словами; когда же онъ не нуждается въ васъ болѣе, или вы обѣднѣли и уже не равны ему по состоянію, и, можетъ случиться, попросите его помощи,

онъ отвѣтитъ вамъ: «лошадь моя тебя знаетъ» или «я тебя не знаю». Старинная арабская пословица говоритъ: «цѣлуй въ морду собаку, пока она тебѣ нужна» и они дѣйствительно, держутся пословицы. Бѣдные арабы обмѣниваются между собою вѣжливыми фразами; у богатыхъ вѣжливость доходитъ часто и до дѣла. Не хвалите лошади или оружія богатаго араба, — онъ сочтетъ себя обязаннымъ подарить ихъ вамъ, конечно, только въ томъ случаѣ, если вы человѣкъ значительный. Не хвалите его самого, его ловкость, храбрость, богатство, — онъ приметъ это за зависть или за желаніе навлечь несчастіе. Если кто-нибудь, въ подтвержденіе своихъ словъ, призываетъ на себя несчастіе, арабъ непременно прерветъ его словами: «да будетъ зло далеко отъ тебя». Суевѣріе доходитъ до того, что едва вы успѣете сказать: «мнѣ снилось», какъ уже васъ прервутъ словами «что-нибудь хорошее, съ дозволенія Божія».

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы показать, на чемъ основана религіозность араба. Безъ боязни злыхъ силъ, онъ бы не такъ часто молился. Наконецъ все его благочестіе, выражающееся въ стереотипныхъ фразахъ, есть ничто иное, какъ осторожность, которая также весьма интересно выражается въ ихъ пословицахъ. Вотъ для примѣра нѣсколько:

«Скажи тому, кто верхомъ на ослѣ, какъ твоя лошадь хороша, сударь мой. — Подымаясь, чтобы идти къ пріятелю, ты на дѣлѣ спускаешься. — Врагъ никогда не дѣлается другомъ и отруби не дѣлаются мукою. — Спроси о здоровьѣ твоего сосѣда, прежде чѣмъ справишься о его семействѣ, и спроси о здоровьи спутника, прежде чѣмъ спросишь о дорогѣ. — Не играй съ собаками, а то онѣ назовутъ себя твоими братьями. — Женщина бѣжитъ отъ сѣдой бороды, какъ ягненокъ отъ шакала. — Когда у собаки есть деньги, ее величаютъ госпожа собака. — Брить учаться на головахъ сиротъ. — Когда говорить сумасшедшій, слушатель долженъ быть мудрецомъ».

Конечно и арабъ не лишенъ хорошихъ качествъ, которыми Провидѣніе надѣлило всякій народъ, рядомъ съ его недостатками. Но эти хорошія стороны рѣдко выказываются въ сношеніяхъ съ христіанами. Арабъ, живущій далеко отъ городовъ, на столько отличается честностью, насколько живущіе въ городахъ — недостаткомъ ея. Гостепрѣимство исполняется свято между единовѣрными; но христіанина принимаютъ только тогда, когда на это выпуждены. Мало напоить, накормить и пріютить «гостя Божія», надобно еще и удалить отъ него всѣ непріятныя впе-

чатлѣнія. Расскажу вамъ только одинъ примѣръ, съ какою строгостью соблюдается арабское гостепріимство.

Въ окрестностяхъ Меден живетъ нѣкто Бу-Бекеръ. Однажды недалеко отъ города остановился караванъ номадовъ — арабовъ, въ числѣ которыхъ онъ узналъ двухъ сыновей одного своего стараго пріятеля. Бу-Бекеръ не ограничился одними выраженіями радости, но присылалъ всѣмъ имъ кушанья и фрукты, пока они стояли около Меден. Въ послѣдній день ихъ пребыванія онъ сдѣлалъ всему каравану пиръ. Компания была веселая и всѣхъ особенно забавлялъ своею рѣзвостью и ловкостью мальчикъ семи или восьми лѣтъ, сынъ щедраго амфитріона. Отецъ въ немъ души не слышалъ и въ восхищеніи своемъ подарилъ ему новый нарядъ. Вечеромъ, однако, за ужиномъ мальчикъ не показывался и на вопросы гостей Бу-Бекеръ отвѣтилъ только: Онъ спитъ глубокимъ сномъ. «Веселье этимъ не нарушилось и угощеніе и болтовня продолжались до поздней ночи. Когда, однако, насталъ часъ феджера (молитвы при восходѣ солнца) и гости собирались уйдти, Бу-Бекеръ сказалъ имъ: «друзья мои, я исполнилъ законъ и заботился объ томъ, чтобы вы безъ горя проводили у меня время, — теперь у меня есть просьба къ вамъ. Окажите мнѣ вашу дружбу. Мой сынъ спитъ глубокимъ сномъ: онъ, играя съ матерью, упалъ съ террасы и убился. Богу такъ угодно было, да упокоить онъ его. Чтобы не нарушить пиръ и не огорчить васъ, я скрылъ свое горе и удержалъ свои чувства, я заставилъ жену молчать, грозивъ ей разводомъ, и вы слезъ ея не слышали. Но теперь я васъ прошу пойдти со мною, похоронить моего сына и помолиться со мною за него». Можно себя представить, какъ были поражены гости и какъ искренно они молились за маленькаго покойника.

Вотъ съ какою не естественною, пожалуй, суевѣрною строгостью соблюдаются законы гостепріимства. Каковъ бы былъ этотъ народъ подъ руководствомъ болѣе свѣтлой и согрѣвающей душу религіи! Любовь къ ближнему выражается очень сильно въ предѣлахъ племени. Бѣднымъ помогаютъ, для больныхъ и стариковъ работаютъ, — однимъ словомъ дѣлаютъ все, чтобы облегчить несчастіе. Но всѣ эти благодѣянія оказываются только одноплеменникамъ и основаны скорѣе на семейномъ чувствѣ, иногда и политическомъ разчетѣ, чѣмъ на состраданіи. Въ племени нѣтъ ни состраданія, ни благодѣтельности, а часто вражда и преслѣдованія; о ненависти къ христіанамъ и евреямъ уже и говорить нечего. Какъ въ Помпеѣ изучаемъ быть древ-

нихъ римлянъ, точно такъ въ палаткѣ араба мы находимся въ мірѣ Авраама и Моисея, ни чуть не измѣнившимся теченіе тысячелѣтій. Чувство самосохраненія поддерживаетъ ту же тѣсную связь между членами племени. Отецъ семейства тотъ же не ограниченный властелинъ и любовь его тотъ же, прикрытый поэтическими фразами, эгоизмъ, выдающій въ сыновьяхъ защитниковъ племени и опору своей старости, а въ дочеряхъ будущій выкупъ невѣсть. Всѣ чувства араба сосредоточиваются въ племени и этотъ коллективный предметъ его любви очень похожъ на разбойничье братство. Окруженный опасностями, онъ чувствуетъ, что одинъ онъ пропасть, и по этому тѣсно сближается съ родными; общность интересовъ дѣлается условіемъ *sine qua non* его существованія и наконецъ является отчужденіе и ненависть ко всему не родному. Евреи провозгласили себя народомъ Божиимъ и считали вправѣ истреблять сосѣдей. Ученіе Магомета освятило для арабовъ тоже самое чувство исключительнаго положенія, далеко до него существовавшее, потому что оно естественное послѣдствіе кочевой жизни, и дало арабамъ право вести такую же истребительную войну противъ всѣхъ другихъ, подобно тому какъ народъ Моисея велъ противъ амалекитянъ, филистимлянъ и прочихъ. Съ этой точки зрѣнія арабы имѣютъ для насъ большой исторической интересъ; но, между тѣмъ, фанатизмъ и фатализмъ породили равнодушіе ко всему, что мы называемъ прогрессомъ, и ограниченность нуждъ въ странѣ, гдѣ природа производитъ, безъ большой помощи человѣка, почти все, что необходимо для животной жизни, вкоренило лѣнь и отвращеніе къ труду въ душѣ араба. Забавно и жалко то гордое презрѣніе, съ которымъ они смотрятъ на чужда европейской образованности. Одинъ арабъ, увидѣвъ въ первый разъ летящій по желѣзной дорогѣ поѣздъ, съ усмѣшкой покачалъ головою и сказалъ: «наши лошади въ степи бѣгутъ гораздо скорѣе». При такомъ закоснѣломъ презрѣніи ко всему не магометанскому пройдутъ столѣтія прежде чѣмъ европейское вліяніе въ Африкѣ разшевелитъ ихъ изъ долгаго усыпленія, въ которое погрузила ихъ фанатическая вѣра и слишкомъ щедрая природа. Прежде чѣмъ говорить объ арабахъ кочующихъ — жителяхъ Сахары, — я постараюсь описать одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ древности: это кабилы, древніе берберы, сохранившіе до-сихъ-поръ совершенно особенный типъ.

Кабилы (Kbail) или берберы, обитающіе почти всѣ южныя

хребты сѣверной Африки отъ Туниса до Атлантическаго океана, по всей вѣроятности тотъ же народъ, который римляне называли нумидійцами. Есть ли въ нихъ примѣсь крови вандаловъ и алановъ — не знаю. Рѣшеніе этого вопроса предоставляю ученымъ. По моему вѣрно то, что они первые обитатели нынѣшней Алжиріи и что они нѣкогда исповѣдывали христіанскую религію. Выгнанные арабами изъ равнинъ, они удалились въ горы, гдѣ сохранили свою народность и отчасти самостоятельность, хотя, къ сожалѣнію, не умѣли соблюсти также христіанскую религію. Первое доказательство этого — ненависть къ арабамъ, которую даже общее подданство Франціи едва ли изгладитъ. Второе — совершенное различіе языковъ. Другія доказательства найдемъ въ ихъ правахъ, изученіе которыхъ занимательно и съ другихъ точекъ зрѣнія. Оставимъ, слѣдовательно, всѣ историческіе факты, несообразные съ скромностью обыкновеннаго письма, и приступимъ прямо къ разсмотрѣнію типовъ, нравовъ и обычаевъ. Сравнимъ кабилевъ съ арабами, чтобы лучше отличить и тѣхъ и другихъ.

У араба волосы и глаза черные, у кабилевъ часто встрѣчаются рыжіе волосы и голубые глаза, и всегда они бѣлѣе арабовъ. У араба продолговатое лице и длинная шея, кабилъ напротивъ сутуловатъ и лицо его кругло. Арабъ хлопочетъ, чтобы скорѣе имѣть бороду, кабилъ же брѣтется до двадцати или двадцати пяти лѣтъ и, сдѣлавшись вполнѣ мужчиною, только тогда отпускаетъ бороду, которая служитъ признакомъ развитаго ума и зрѣлаго сужденія. Арабъ всегда ходитъ съ покрытою головою и въ дождь надѣваетъ обувь, кабилъ ни лѣтомъ, ни зимою не покрываетъ головы и всегда ходитъ босикомъ. вмѣсто сложной одежды араба, кабилъ носитъ только рубашку, едва покрывающую колѣни и вязанные камашы; иногда, когда средства ему позволяютъ, онъ носитъ грязный бурнусъ, переходящій по наслѣдству отъ отца къ сыну, пока совсѣмъ не изорвется, а для работы онъ надѣваетъ кожаный передникъ. Арабъ живетъ въ палаткѣ, какъ номадъ, — кабилъ земледѣлецъ, — и поэтому строитъ себѣ домъ изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей и полевыхъ камней, покрывая крышу соломю или изразцами. Домъ этотъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ комнатъ. Въ одной живетъ семейство, другая служитъ хлѣвомъ и конюшней. Арабъ покрываетъ себя талисманами, иногда даже вѣшаетъ ихъ на своихъ лошадей и собакъ, чтобы защитить ихъ отъ колдовства, болѣзней и злаго глаза. Кабилъ не вѣритъ ни

въ колдовство, ни въ злые глаза и мало довѣряетъ амулетамъ. По его мнѣнію, что написано Богомъ, то случится, и отъ этого ни чѣмъ не избавишься. Какъ исключеніе, онъ допускаетъ только вліяніе старыхъ бабъ на любовныя дѣла и прибѣгаетъ къ помощи вѣдьмъ, чтобъ заставить женщину полюбить или разлюбить его, смотря по надобности. Суевѣрія, впрочемъ, и у нихъ довольно много. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Отправляются въ путешествіе, большей частью, по понедѣльникамъ, четвергамъ или субботамъ; послѣдній день особенно счастливъ, потому что пророкъ предпочиталъ его другимъ. Четвергъ лучшій день для свадьбы, ибо новобрачная проснется въ пятницу подъ новымъ кровомъ. Счастливъ тотъ, кто умретъ во время рамадана (главнаго поста), ибо втеченіе этого мѣсяца адъ запертъ и ворота рая отверсты. Какъ великъ скептицизмъ кабилловъ на счетъ чародѣйства, такъ глубока ихъ вѣра въ демоновъ. Земля наполнена послѣдними во всякое время года, кромѣ рамадана, когда Богъ запираетъ ихъ въ адъ; и кабиллы боятся ихъ какъ пугливыя дѣти. Никогда кабилъ не выйдетъ ночью, не призывая Бога на помощь противъ нихъ, въ-особенности если ему придется идти мимо мѣста, на которомъ была пролита кровь, ибо демоны любятъ кровь и собираются вокругъ ея. Арабъ по природѣ лѣнивъ и ненавидитъ работу, кабилъ трудолюбивъ и презираетъ праздныхъ. Арабъ пашетъ землю и занимается скотоводствомъ, но никогда не сажаетъ деревьевъ. Кабилъ менѣе занимается хлѣбопашествомъ, а преимущественно садоводствомъ. Онъ проводитъ дѣлую жизнь въ сажаніи и прививкѣ деревьевъ и кустовъ. Кабилія обилуетъ всевозможными фруктами, въ-особенности оливками. Арабы не имѣютъ почти никакой промышленности, кабиллы, напротивъ, занимаются всѣми ремеслами, произведенія которыхъ имъ необходимы, и ловкость ихъ доходила до того, что до завоеванія ихъ страны французами существовало цѣлое племя, занимавшееся почти исключительно дѣланіемъ фальшивыхъ монетъ. Бѣдность и скудность въ растительности горной почвы заставляетъ кабилловъ искать счастья внѣ родины. Подобно савоярамъ въ Европѣ, молодые кабиллы оставляютъ на нѣсколько лѣтъ свои горы, чтобы трудами и бережливостью составить себѣ маленькій капиталъ, при помощи котораго, возвратившись назадъ, они выстраиваютъ домъ и заводятъ свое хозяйство. Арабъ тщеславенъ и склоненъ ко лжи, кабилъ гордъ и считаетъ ложь позоромъ. Самое важное различіе между этими двумя племенами заключается въ положеніи женщины въ обще-

ствѣ. Для араба женщина родъ возвышеннаго домашняго животнаго, лишеннаго всѣхъ правъ. Она не можетъ участвовать въ увеселеніяхъ или являться въ обществѣ мужчинъ, и всегда обязана тщательно закрывать свое лицо. У кабиловъ женщины свободны и никогда не закрываютъ своихъ лицъ. И тѣ и другія татуируютъ себѣ лицо, преимущественно лобъ и носъ; но у кабилокъ рисунокъ этотъ обыкновенно представляетъ крестъ (воспоминаніе христіанства), между тѣмъ какъ у арабокъ онъ представляетъ всѣ возможныя фигуры. Арабская женщина никогда не посмѣетъ сѣсть за столъ вмѣстѣ съ мужемъ, а тѣмъ болѣе съ постороннимъ лицомъ. Кабилка, напротивъ, всегда кушаетъ съ своимъ семействомъ, не боясь и присутствія чужихъ. Оставленная мужемъ, она возвращается къ своимъ родителямъ и пользуется совершенною свободою. Разводъ очень обыкновененъ у кабиловъ, но онъ зависитъ отъ воли мужчинъ. Мужъ, желающій избавиться отъ своей жены, говоритъ ей: «Я тебя оставляю за сто дуросъ» (дуро = пяти франкамъ), и жена удаляется къ своимъ роднымъ съ этими деньгами; но если она выходитъ вновь замужъ, то должна возратить ихъ первому мужу. Это денежное вознагражденіе необходимо, потому что кабилы никогда не дають дочерямъ приданаго, а напротивъ, получаютъ за нихъ выкупъ отъ жениховъ. У арабовъ женщина погружена въ крайнее невѣжество; у кабиловъ же почитается память святыхъ женщинъ, отличившихся ученостью и примѣрною жизнью, и изученіе священныхъ книгъ и теперь не запрещено женщинамъ, которыя и въ этомъ имѣютъ одинакія права съ мужчинами.

Еще замѣчательнѣе политическія учрежденія кабиловъ. До покоренія французами каждое племя составляло самостоятельное отдѣльное цѣлое и сколько было племенъ, столько же было отдѣльныхъ обществъ. Эти племена, смотря по надобности, составляли союзы (*soff*) съ наступательною и оборонительною цѣлью. Часто племя переходило изъ одного союза въ другой, смотря по своимъ интересамъ, иногда даже за деньги; послѣднее считалось, однако, постыднымъ. Начальникъ выбирался обыкновенно тѣмъ племенемъ, которое призывало на помощь союзниковъ. Не смотря на чисто-республиканскія учрежденія кабиловъ, у нихъ есть родъ аристократіи, состоящій изъ семействъ, прославившихся военными подвигами или благочестіемъ, и имѣющихъ часто большое вліяніе не только на все, но и на сосѣднія племена. Изъ нихъ, большею частію, выбирались предводи-

тели союзовъ и черезъ нихъ дѣйствовалъ Абъ-дель-Кадеръ. Французское правительство, понимая ихъ важное значеніе въ странѣ, сдѣлало ихъ своими чиновниками съ званіями: казифа, аги и т. д. Каждое племя подраздѣляется на ферка (или âreg—жилы), а эти на деревни (dechera). Каждая деревня, въ общемъ собраніи, гдѣ каждый членъ подаетъ голосъ (suffrage universel), выбираетъ себѣ начальника (amine). Начальники деревень въ общемъ собраніи (djemaâ) выбираютъ начальника племени (amine el oumena — аминъ аминовъ), который предводительствуетъ воинами племени, но въ гражданскихъ дѣлахъ долженъ совѣтоваться съ собраніемъ аминовъ, которое составляетъ настоящее правительство. Начальники выбираются на различные сроки: у однихъ племенъ на полгода, у другихъ на годъ. За дурное поведеніе они могутъ быть смѣщаемы, за особые подвиги срокъ ихъ власти можетъ продлиться, но всегда съ утвержденія народа. Они отвѣчаютъ за общее спокойствіе и наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ, существованіе которыхъ составляетъ также характеристическую черту кабилевъ. Изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ одни кабилы имѣютъ законы, которые не основываются ни на коранѣ, ни на священныхъ дополненіяхъ къ нему, а на старинныхъ обычаяхъ (coutumes), сохранившихся въ преданіяхъ втеченіе многихъ столѣтій. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ «кабильскаго уложенія о наказаніяхъ»: за обнаженіе ятагана безъ нанесенія удара платится пеня въ восемь буджу (буджу составляетъ около тридцати-двухъ копеекъ серебромъ); за нанесеніе удара ятаганомъ пеня удваивается; за угрозу ранить огнестрѣльнымъ оружіемъ — десять буджу; за рану, нанесенную имъ — тридцать буджу; за угрозу палкою — одну буджу, за ударъ ею — три буджу; за угрозу камнемъ — одну буджу, за ударъ имъ — шесть буджу; за ударъ кулакомъ — четверть буджу; за брань безъ причины — четыре буджу; за воровство — сто буджу. Кто входитъ въ домъ въ отсутствіе хозяина, тотъ платитъ сто буджу; кто не пойдетъ на часы въ свою очередь — одну буджу и кто подходитъ къ мѣсту, гдѣ женщины полощатъ бѣлье — два буджу. Эти штрафы вносятся аминами и употребляются частію на вспомошествованіе бѣднымъ, частію кладутся въ общую сумму, хранящуюся у начальника племени (главнаго амина), который, въ случаѣ войны, покупаетъ на эти деньги порохъ для бѣдныхъ. Замѣчательно, что утаившій ворованныя вещи не подвергается никакой отвѣтственности передъ закономъ, между тѣмъ какъ воръ уплачиваетъ значи-

тельный штрафъ. Есть, напротивъ, признанные закономъ продавцы ворованныхъ вещей (*oukaf*). Въ противорѣчіе корану, который строго предписываетъ *lex talionis* (око за око, зубъ за зубъ), кабилскій джема (уложение) никогда не признаетъ смертнаго приговора. Убійца исключается изъ племени, домъ его разрушается, имѣніе конфискуется и онъ самъ подвергается вѣчному изгнанію. Родственникамъ, однако, не воспрещается мстить, и суевѣріе даже ея требуетъ. Тѣлесное наказаніе, столь обыкновенное у арабовъ, считается позорнымъ у кабиловъ и ни одинъ аминъ не имѣетъ права приговорить къ нему виновнаго.

Чисто полицейской власти аминовъ, строго ограниченной обычаями и племенными собраніями, не было бы достаточно для сохраненія общаго спокойствія и согласія между различными племенами, если бы не было другой, болѣе сильной власти. Эта соединительная власть находится въ рукахъ марабутовъ *). Всю важность значенія ихъ и вліянія на общество можно видѣть изъ слѣдующаго: когда возникаетъ несогласіе между какими-нибудь племенами, они водворяютъ миръ и заставляютъ побѣдителя уступать пріобрѣтенныя имъ выгоды, иногда даже признавать себя побѣжденными. При выборахъ они предлагаютъ кандидатовъ и читаютъ молитву (*fatah*) надъ избранными. Когда требуется рѣшеніе какого-нибудь общаго важнаго вопроса, амины сзываютъ племена, но марабуты объявляютъ цѣль собранія и собираютъ мнѣнія. Собравъ голоса, они составляютъ между собою совѣтъ и, согласившись на счетъ рѣшенія, объявляютъ свое мнѣніе народу. Если рѣшеніе ихъ принимается всѣми, тогда собраніе, въ знакъ согласія, бьетъ въ ладони и потомъ выстрѣливаетъ изъ ружей залпъ. Эта церемонія у кабиловъ называется *ель-мещъ* — рѣшеніе. Марабуты предсѣдательствуютъ на рынкахъ, гдѣ власть аминовъ уступаетъ имъ. Рынки свободны отъ всякихъ налоговъ и даже считаются святынями, защищающими отъ преслѣдованія или мести за преступленіе. У арабовъ же рынки обложены податью и очень часто служатъ мѣстомъ арестованія преступниковъ. Это вліяніе марабутовъ тѣмъ страннѣе, что религіозныя понятія кабиза далеко не такъ развиты, какъ у арабовъ. Онъ не знаетъ молитвъ, плохо соблюдаетъ посты и умеренія и всѣ его религіозныя познанія часто ограничиваются однимъ стихомъ: «Богъ единъ и Магометъ его пророкъ». Надобно пскать причину этого повиновенія скорѣе всего въ промышлен-

*) Значеніе марабутовъ объяснено выше.

номъ духѣ, который хорошо понимаетъ необходимость власти и порядка для общаго благосостоянія. Марабуты, понимая, что власть ихъ основана только на общественномъ мнѣніи и истинныхъ заслугахъ, не употребляютъ ее во зло, а, напротивъ, воспользовались ею для учрежденія, которое сдѣлалось необходимымъ при слабой связи племенъ между собою, составляя, такъ сказать, краеугольный камень кабилскаго общества. Это *аная* или покровительство. Аная есть нѣчто въ родѣ паспорта или охранной грамоты, съ тою только разницею, что эти послѣднія даются законною властью, между тѣмъ всякій кабилъ можетъ дать аная. Этотъ обычай соблюдается такъ свято, что иностранецъ можетъ подъ защитою аная проѣхать черезъ всю Кабилию, не боясь ни насилія, ни мести. Она даже временно избавляетъ его отъ наказанія за предъидущіе проступки. Это покровительство могло бы сдѣлаться опаснымъ злоупотребленіемъ и наконецъ лишилось бы всякаго значенія, если бы кабилы не были такъ осмотрительны въ примѣненіи его. Кабилъ даетъ свою аная только пріятелю, и тотъ, кто бы рѣшился ложно объявлять себя подъ покровительствомъ, подвергается неминуемой смерти при обличеніи обмана. Удостоивая кого-нибудь своего покровительства, кабилъ, въ свидѣтельство этого, передаетъ ему одну изъ собственныхъ своихъ вещей, какъ, напримѣръ, ружье, собаку, посохъ и т. п., извѣстные уже другимъ, какъ неотъемлемо принадлежащія ему. Иногда онъ самъ провожаетъ или посылаетъ слугу, если имѣетъ причины беспокоиться за своего *protégé*. Аная имѣетъ тѣмъ большее значеніе и служитъ на большемъ пространствѣ, чѣмъ важнѣе лицо, даровавшее ее. Данная обыкновеннымъ кабиломъ, она служитъ въ его деревнѣ и ея окрестностяхъ; дарованная аминомъ, она простирается на его племя и можетъ быть возобновлена сосѣдними аминами; если же марабутъ удостоитъ ею кого-нибудь, то она не имѣетъ предѣловъ: переходя отъ одного марабута къ другому, чужестранецъ можетъ проѣхать всю Кабилию, не встрѣчая ничего, кромѣ ласкъ.

Ни о чемъ кабилъ такъ не заботится, какъ о неприкосновенности своей аная. Не только онъ самъ, но и его семейство, деревня, иногда даже цѣлое племя считаетъ себя отвѣтчиками за ненарушимость ея. Рассказываютъ замѣчательный тому примѣръ. Къ одному кабилу является его пріятель просить аная. Въ отсутствіи мужа жена его даетъ бѣглому пріятелю, въ знакъ покровительства, собаку, извѣстную во всѣхъ окрестностяхъ.

Вскорѣ, однако, собака возвращается одна, запачканная кровью. Кабилъ собираетъ свою деревню, отправляется по слѣдамъ собаки и находитъ трупъ своего друга. Война была тотчасъ объявлена тому племени, на территоріи котораго случилось убійство, много было пролито крови и до-сихъ-поръ деревня, бывшая мѣстомъ убійства, называется «деревнею собаки» (dacheget el kelba). Часто кабилъ изъ великодушія даетъ свое покровительство совершенно незнакомому ему лицу, которому грозитъ какая-нибудь опасность. Вдова убитаго кабила присутствовала при казни убійцы ея братьями. Пораженный нѣсколькими ударами, злодѣй уже не могъ подняться съ земли, но, успѣвъ схватить за ногу вдову, вскрикнулъ: «Умоляю тебя объ анаѣ». Вдова тотчасъ же бросила на него свое покрывало, и онъ былъ спасенъ.

Не трудно бы исчислить еще и другія черты кабилскаго характера, рѣзко отличающія это племя отъ другихъ жителей Африки. Трудно не видѣть въ этомъ темное воспоминаніе другихъ временъ, когда суровый законъ Магомета еще не былъ извѣстенъ въ этихъ счастливыхъ краяхъ. Нѣкоторыя кабилскія племена сохранили до-сихъ-поръ тишь сѣверныхъ варваровъ и, по прежнему, называютъ свои двухсотлѣтніе законы канунами (kanouns) отъ греческаго слова kánon, чтó ясно намекаетъ на христіанское происхожденіе. Не трудно убѣдиться, что кабилскій народъ, происходившій отъ смѣси первобытныхъ жителей съ германскими племенами и нѣкогда исповѣдывавшій христіанскую религію, не совсѣмъ еще измѣнился подъ вліяніемъ новой вѣры. Уступая силѣ, онъ принялъ коранъ, но не открылъ ему глубину своей души; онъ облекъ себя въ догматы Магомета, какъ надѣваются бурнусъ, но сохранилъ внутри прежнія общественныя учрежденія, въ которыхъ онъ самъ указываетъ на свое происхожденіе такъ же безотчетно, какъ на татуированномъ лицѣ своемъ носить символъ креста.

Очеркъ нравовъ араба, кочующаго въ степи Сахарѣ, откладывая до слѣдующаго раза. Но заключая письмо, не могу пройти молчаніемъ комическую изобрѣтательность южныхъ жителей, не описавъ одного эпизода, совершающагося передъ моими окнами въ настоящую минуту въ чисто-южномъ вкусѣ, то есть, театральномъ. Хотѣлъ бы, да вздохъ вырывается изъ груди при воспоминаніи о покойномъ Лаблашѣ. На улицѣ остановилась коляска особеннаго рисунка съ двумя высокими сидѣньями сзади. Въ коляскѣ стоитъ господинъ со шлемомъ на головѣ и въ полномъ рыцарскомъ нарядѣ, — ну точь-въ-точь какъ хористы во вто-

ромъ дѣйстви «Трубадура», — который съ выразительными жестами восклицаетъ свой товаръ толпѣ собравшихся зѣвакъ, между тѣмъ какъ сидящіе сзади на возвышеніяхъ два сорванца производятъ ужаснѣйшія какофоніи на трубѣ и турецкомъ барабанѣ. Все это тащится двумя, разукрашенными лентами и кистями, слѣпыми музатами. Можно подумать, что это «Dottore Dulcamara» изъ «Elixir d'Amore», который со сцены сошелъ на улицу, чтобы продавать свои чудотворные элексиры. Ни чуть не бывало; это разнощикъ, продающій карандаши, почтовую бумагу и т. п. Дѣти юга всегда остаются дѣтьми и даже безграмотные купятъ карандаши и бумагу, потому что они продаются человѣкомъ въ шлемѣ и при звукахъ трубъ и барабановъ. Часто сердиться на лѣнь, беззаботность и лживость этихъ вѣчныхъ дѣтей; но, признаться, когда видишь подобныя сцены, невольно улыбаешься и примиряешься съ ними. Природа не велѣла достигнуть имъ совершенности; — какъ же отъ нихъ требовать достоинствъ взрослога и сердиться на ихъ чисто-дѣтскіе недостатки? Иногда, правда, случаются выходки и не ребяческія: раза два въ мѣсяцъ слышишь, что испанецъ хватилъ жену или знакомаго ножемъ. Да это не его вина, а четырехсотъ-лѣтняго воспитанія подъ крыльями инквизиціи. До слѣдующаго письма.

Н.

Вѣсти изъ Новгорода.

Я уже писалъ вамъ, что комиссія, назначенная для осмотра ремесленныхъ заведеній въ Новгородѣ, по нѣкоторымъ причинамъ, вскорѣ замѣнена была другою. О результатахъ произведеннаго ею осмотра помѣщена въ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, редакторомъ ихъ, прекрасная статья, изъ которой я заимствую слѣдующія строки:

«Желая имѣть ясное понятіе о положеніи мальчиковъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ, г. начальникъ губерніи поручилъ особой комиссіи освидѣтельствовать эти заведенія, вмѣнивъ ей при этомъ въ обязанность обратить вниманіе на пищу, одежду, обувь, принадлежности спанья, помѣщеніе, количество времени, употребляемаго на занятія мальчиковъ, обращеніе съ ними хозяевъ. Порученіе это дало возможность ознакомиться съ положеніемъ ремесленныхъ заведеній, замѣтить существующіе въ нихъ недостатки, выискнуть въ причины ихъ. Главный недоста-

«стокъ мастерскихъ есть тѣснота помѣщенія» и неопрятность, преимущественно у русскихъ хозяевъ. У насъ, въ Новгородѣ, ремесленные заведенія содержатъ русскіе и нѣмцы. Первые помѣщаются болѣе въ подвалахъ и гдѣ-нибудь за заборами, во «двѣгеляхъ», которые скорѣе можно назвать собачьими конурами, нежели человѣческимъ жильемъ; нѣмцы занимаютъ этажи и содержатъ въ квартирахъ довольно чисто; но въ отношеніи пищи преимущество должно отдать русскимъ, у которыхъ ученики «ѣдятъ, большею частію, за однимъ столомъ съ хозяевами; кормятъ учениковъ три раза въ день, пища состоитъ изъ двухъ кушаньевъ (щи, каша или картофель жареный), у иныхъ кромѣ того дается еще молоко. Но на одежду и обувь мальчиковъ какъ русскіе, такъ и нѣмцы мало обращаютъ вниманія. Хуже всѣхъ въ этомъ отношеніи найдено у кузнеца Малышева. У нѣкоторыхъ мальчиковъ въ мастерской его, не смотря на то, что работа производится часто на открытомъ воздухѣ, нѣтъ не только теплой одежды, но даже и лѣтнихъ халатовъ; для сна употребляются рогожи; бѣлье до такой степени худо, что ему прилично названіе рубища. Ученики объявили, что, по неимѣнію одежды, они не ходятъ въ церковь. На жестокое обращеніе жалобы были только въ одной мастерской, иностранца Кеслера, у котораго, какъ объявили мальчики, при наказаніи даютъ по пятидесяти и по сту ударовъ розгами. Это недостойно гражданна цивилизованной націи» *).

«Грязь, нечистота и неопрятность составляетъ отличительный признакъ большей части русскихъ куреней. Нужно видѣть эту нечистоту и неопрятность, чтобы имѣть о ней понятіе. У порядочнаго хозяина хлѣвъ чище содержится, чѣмъ у насъ курень. Не мѣшало бы русскимъ куреньщикамъ заглядывать иногда въ нѣмецкія булочныя, чтобы тамъ поучиться опрятности. Правила относительно рабочихъ часовъ почти нигдѣ не соблюдаются, мальчики работаютъ безъ отдыха по четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать и болѣе часовъ въ сутки. Кромѣ того, ихъ заставляютъ постоянно носить съ рѣки воду ведрами или ушатами, что для слабосильныхъ мальчиковъ крайне изнурительно.

«Глядя на многочисленныя и разнообразныя вывѣски, красующіяся на мастерскихъ, и зная по опыту печальное состоя-

*) Со стороны г. начальника губерніи приняты уже дѣятельныя мѣры къ устраненію всѣхъ этихъ безпорядковъ и къ оштрафованію виновныхъ

«ние искусства ихъ представителей, необходимо рождается вопросъ: отъ чего у насъ такъ мало настоящихъ мастеровъ? Отъ чего на рѣдкаго изъ нихъ можно положиться, что вещь не «будетъ испорчена? Къ разрѣшенію отчасти этого вопроса привелъ меня слѣдующій случай: приходитъ въ ремесленную управу чело­вѣкъ. Что тебѣ нужно? спрашиваютъ члены. — Хочу «открыть сапожную мастерскую. — А знаешь ли ремесло? — Знаю. «Спросите хоть Сидора Карпыча. — Эй, Сидоръ Карповъ, умѣешь «онъ сапоги шить? — Какъ-же-съ. Надо быть что умѣеть. — Ну «такъ подавай прошеніе, говорятъ члены будущему мастеру. «Удивительно ли, послѣ этого, что въ такихъ мастерскихъ про­«цвѣтаетъ искусство только портить вещи?»

«Но если отъ такихъ мастеровъ нельзя ожидать знанія дѣла; «то съ другой стороны, мало также можно надѣяться на содѣй­«ствіе къ водворенію порядка въ ремесленныхъ заведеніяхъ съ «стороны тѣхъ изъ членовъ ремесленной управы, которые сами «служать примѣромъ безпорядковъ, ибо для того, чтобы требо­«вать отъ другихъ исполненія закона, нужно самому быть пер­«вымъ исполнителемъ его. Не къ стыду ли тѣхъ старшинъ от­«носится, что они, при всей возможности, не платятъ не только «окладныхъ, но и подушныхъ? а не платя сами, они подаютъ «поводъ и другимъ уклоняться отъ платежа.»

«Весьма бы полезно было при ремесленной управѣ учредить «управу подмастерскую; ввести, какъ требуетъ законъ, чтобы «каждый подмастерье имѣлъ дипломъ, чтобы у каждого былъ «аттестатъ. Эта полезная мѣра пресѣкла бы въ подмастерьяхъ «самовольство, на которое жалуется почти каждый хозяинъ, по­«тому что съ дурнымъ аттестатомъ никто бы не сталъ ихъ «принимать.»

«Такимъ образомъ Новгородскія Вѣдомости, назвавъ по фа­«миліямъ хозяевъ, въ мастерскихъ которыхъ найдены были ком­«миссіею безпорядки, *первыя* показали примѣръ *настоящей* глас­ности въ этомъ случаѣ. Что толку было-бъ, еслибъ онѣ сказали только, что напримѣръ: у одного кузнеца, квартирующаго тамъ-то, найдено *то-то и то-то*, за что онъ и оштрафованъ *столь­кими-то* рублями? Печатать подобнымъ образомъ совершенно бесполезно: не штрафъ здѣсь страшенъ, а именно опубликованіе имени. Это доказывается тѣмъ, что послѣ напечатанія этой «статьи въ вѣдомостяхъ, первымъ вопросомъ при встрѣчѣ куп­цовъ и даже мѣщанъ, было: — читалъ? — Читалъ. — Каково?! — Скверная, братъ, штука! — Говорятъ, по двадцати пяти рублей

штрафу. — Что штрафъ! Тьфу! Я заплатилъ бы не двадцать пять, а вчетверо, только бы не публиковаться: вѣдь это срамъ на улицу глаза показать. — Просто вѣдь хоть изъ города выѣзжай!. Вотъ оно что значить вѣдомости!

Вотъ какъ сильно дѣйствуетъ настоящая гласность даже на простой народъ, но только *настоящая* же. Не потому она такъ сильно дѣйствуетъ, чтобы народъ былъ ужъ слишкомъ щекотливъ — нѣтъ! тутъ поражаетъ преимущественно *новость* этой мѣры. Тотъ же самый мѣщанинъ и даже купецъ, который теперь преспокойно и даже съ какимъ-то молодечествомъ платитъ штрафъ или сидитъ въ полициі за проступки, сгорѣлъ бы отъ стыда, еслибъ объ этомъ было опубликовано. Великое, великое дѣло гласность, повторю я за другими въ миллионный разъ, и не только повторю, но и докажу сейчасъ же, если только справедливъ слѣдующій слухъ. Говорятъ, что хозяева, которые вслѣдствіе осмотра ихъ заведеній обязаны были подписками перемѣнить свои квартиры, какъ вредныя для мальчиковъ, вотъ какъ изловчились выполнить это обстоятельство: они просто помѣнялись между собою квартирами, и — только! тѣмъ и дѣло кончилось. Такимъ образомъ и *овцы цѣлы и волки сыты*... Удивительно изворотливъ и крючковать русскій человекъ! И какъ часто подобною изворотливостію парализуются самыя лучшія мѣры! Справедливъ ли этотъ слухъ, не знаю, не имѣя возможности удостовѣриться въ немъ; но если онъ справедливъ, то вотъ тутъ-то гласность и поможетъ поправить дѣло, передавъ объ этомъ слухъ, кому *слѣдуетъ*.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ и вашимъ журналомъ, чтобы придать большую гласность другой замѣчательной статьѣ здѣшнихъ Губернскихъ Вѣдомостей, написанной редакторомъ же ихъ. Вотъ она: «Есть истины столь очевидныя, столь осязательныя, что доказывать ихъ было бы такъ же излишне, какъ доказывать, что дважды два не четыре, а три. Къ разряду такихъ истинъ принадлежитъ необходимость и польза устройства путей сообщенія. Каждый знаетъ, что дороги, рѣки, каналы суть артеріи, по которымъ движется то, что составляетъ жизнь государства — просвѣщеніе, торговля, промышленность; а потому всякая новая мысль, всякое новое предпріятіе, касающіяся этого предмета, столь близки сердцу каждаго, кому только дорого благо отечества, что возбуждаютъ невольнo интересъ. Не нужно говорить, что утвержденіе проекта устройства новаго ладожскаго канала принято было у насъ съ живѣйшимъ удо-

«вольствіемъ, въ-особенности въ промышленномъ классѣ, такъ какъ классъ этотъ прежде другихъ ощущаетъ невыгоды отъ затруднительности путей сообщенія. Затрудненія сплава между Новгородомъ и Петербургомъ, представляются во-первыхъ со стороны непропорціальности времени, употребляемаго при про-слѣдованіи судовъ, въ отношеніи къ пространству ими проходимому, или иначе въ продолжительности плаванія. Такъ, на-примѣръ: пространство отъ Новгорода до первыхъ пороговъ, почти около ста тридцати верстъ, суда проходятъ въ трое, четверо сутокъ, а остальное до Петербурга пространство двѣсти двадцать верстъ — въ сорокъ дней. Весь водяной путь между Новгородомъ и Петербургомъ считается около трехъ-сотъ пятидесяти верстъ, именно: отъ Новгорода до Грузина восемьдесятъ верстъ, отъ Грузина до пороговъ сорокъ восемь верстъ, отъ пороговъ до Ладоги шестьдесятъ верстъ, ладожскій каналъ сто четыре версты и Невой шестьдесятъ верстъ. Суда проходятъ это пространство въ шесть недѣль, или въ сорокъ два дня; раздѣливши же пространство на время, мы увидимъ, что судно идетъ круглымъ числомъ по восьми съ четвертью верстъ въ сутки. Отъ такой продолжительности плаванія, поздніе осенніе караваны почти всегда замерзаютъ на пути, остаются тутъ на всю зиму и лишь чрезъ семь мѣсяцевъ, съ открытіемъ весенней навигаціи, достигаютъ столицы.»

«Второе неудобство состоитъ въ томъ, что по причинѣ мелководія въ порогахъ, суда не могутъ идти чрезъ нихъ съ полнымъ грузомъ и бывають принуждены перегружаться на пакски. Эта операція, кромѣ времени, требуетъ еще расходовъ, которые падаютъ сначала на товаръ, а впослѣдствіи на потребителей.

«Третье затрудненіе представляетъ опасность крушенія судовъ въ самыхъ порогахъ, которыхъ на Волховѣ два-Пчевжскіе и Ладожскіе, по десяти верстъ, и третій на Невѣ. Для прохода судовъ, чрезъ Пчевжскіе и Ладожскіе пороги, наняютъ особыхъ мѣстныхъ лодмановъ. Не говоря уже о томъ, что этотъ расходъ, также какъ и предъидущій, разлагается на товаръ, здѣсь каждый судопромышленникъ подвергается большому или меньшему риску. Конечно, для хозяина, имѣющаго нѣсколько судовъ, потеря одного изъ нихъ, въ случаѣ несчастія, не можетъ быть особенно чувствительна, убытки свои онъ пополнивъ на другихъ товарахъ. Но что сказать о тѣхъ хозяевахъ, которые имѣютъ по одному судну, грузъ котораго со-

«ставляетъ все ихъ состояніе? а такихъ хозяевъ у насъ въ Новгородѣ много. Бываетъ не рѣдко, что грузъ одного судна принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ. Какъ же тягостенъ бываетъ для нихъ рискъ, можно судить потому, что, въ случаѣ несчастія, ихъ ожидаетъ совершенное разореніе. По причинѣ всѣхъ этихъ затрудненій, проводъ судовъ отъ Новгорода до Петербурга стоитъ дорого. Платятъ минимумъ семьдесятъ пять и максимумъ двѣсти рублей съ судна.

«Четвертое неудобство заключается въ томъ, что въ петербургѣ судохозяинъ, вмѣстѣ съ товаромъ, долженъ продавать судно, которое, при возможности обратнаго сплава, могло бы служить ему нѣсколько лѣтъ. Судно идетъ въ продажу за одну пятую всей его стоимости, такъ напримѣръ: барки у насъ закупаются по двѣсти и двѣсти пятидесяти рублей, а въ Петербургѣ ихъ продаютъ за тридцать пять рублей, слѣдовательно, хозяинъ теряетъ $\frac{1}{5}$ цѣнности отъ каждаго судна.

«А между тѣмъ люди, знакомые хорошо съ мѣстностію, утверждаютъ, что есть возможность устранить всѣ эти препятствія посредствомъ проведенія канала, который слѣдуетъ начать въ двадцати четырехъ верстахъ выше первыхъ волховскихъ дорогъ, называемыхъ Пчевжскими, тамъ гдѣ впадаетъ въ Волховъ рѣка Тигода. Отъ Тигоды каналъ должно вести въ рѣку Тосну, въ пяти верстахъ отъ впаденія ея въ Неву и въ тридцати пяти верстахъ отъ Петербурга. Между Тигодой и Тосной, которыя должно соединить каналомъ, пространство заключается въ шестидесяти верстахъ; грунтъ земли, какъ говорятъ, ровный и не каменистый, такъ что въ этомъ отношеніи работы не могутъ представлять никакихъ важныхъ затрудненій. Да еслибы даже они и были, то выгоды проведенія этого канала такъ громадны, что въ виду ихъ не должно останавливаться ни предъ какими препятствіями. Отъ рѣки Тигоды нынѣшній водяной путь до Петербурга составляетъ пространство около двухъ-сотъ пятидесяти верствъ, именно: рѣкою Волховомъ восемьдесятъ четыре версты, ладожскимъ каналомъ сто четыре версты и Невюю шестьдесятъ верствъ. Съ проведеніемъ канала этотъ долженъ сократиться почти на сто пятьдесятъ верствъ (Тигодою пять верствъ, каналомъ шестьдесятъ, Тосною пять и Невюю тридцать пять верствъ), слѣдовательно вмѣсто теперешнихъ двухъ-сотъ пятидесяти будетъ только сто пять верствъ.

«Прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ такого сокращенія

«будетъ: 1) Выигрышъ времени, которое, какъ говорятъ англичане, есть тѣ же деньги, потому что времени для сплава въ С. Петербургъ потребуется вмѣсто шести недѣль, не болѣе какъ десять дней. 2) Устраненіе опасностей плаванія чрезъ пороги, ибо каналъ не только минуется волховскіе пороги, но будетъ выходить въ Неву ниже даже невскихъ пороговъ. 3) Избавить судозозяевъ отъ затрудненій перегрузки судовъ на паузки. 4) Сократить излишніе расходы, порождаемые этими затрудненіями. 5) Дастъ возможность обратнаго сплава порожнихъ судовъ, не подвергая хозяевъ необходимости продавать ихъ за безцѣнокъ. Наконецъ 6) При достаточной глубинѣ канала можетъ быть устроено не посредственное пароходное сообщеніе между Петербургомъ и Новгородомъ. Обстоятельства эти такъ важны, что мы рѣшились придать имъ гласность, чтобы обратить на нихъ вниманіе и вызвать мнѣніе людей специальныхъ. Предметъ стоитъ того, чтобы серьезно подумать о немъ.

«Общее число судовъ, проходящихъ по Волхову, простирается въ настоящее время до 10,000; но, съ устраненіемъ препятствій, число это должно увеличиться, потому что тогда Вышневолоцкая система будетъ представлять наиболѣе удобствъ сплава въ сравненіи съ другими системами, и слѣдовательно всѣ шансы для того, чтобы расположить судозозяевъ предпочесть сплавъ по этой системѣ, будутъ на сторонѣ ея. Самыя высшія цѣны за проводъ судовъ, по двѣсти рублей, берутся съ барокъ, нагруженныхъ сѣномъ и дровами, слѣдовательно съ такихъ, грузъ которыхъ составляетъ для столицы предметъ необходимости; за другія же суда платится отъ семидесяти-пяти до ста пятидесяти, смотря по роду груза; съ проведеніемъ канала расходы эти должны уменьшиться болѣе чѣмъ на половину. Десяти-дневный путь безъ всякихъ препятствій никакъ не будетъ стоить для дровяныхъ или сѣнныхъ барокъ болѣе семидесяти-пяти, а для прочихъ сорока рублей. Если положить на покрытіе расходовъ по проведенію канала круглымъ числомъ по двадцати пяти рублей съ каждаго судна, то годовая цифра будетъ 250,000 рублей».

Удивляюсь, что эта статья до-сихъ-поръ не перепечатана въ столичныхъ газетахъ. Еслибы выраженное въ ней предположеніе о прорытіи новаго канала и оказалось бы не осуществимымъ, по изслѣдованію мѣстности, то все-таки статья заслуживаетъ вниманія уже и потому одному, что возможность этого

прорытія признается самими судопромышленниками, то есть, людьми, сужденіемъ которыхъ о подобной мѣстности, до изслѣдованія ея специалистами, вовсе не слѣдуетъ пренебрегать. Если же это предположеніе осуществимо, то чрезвычайно важныя выгоды *новаго* канала не исчислимы уже и потому одному, что и *десять* ладожскихъ каналовъ, какъ бы хороши они ни были, не избавятъ судовъ отъ страшныхъ пороговъ и отъ всего, съ чѣмъ сопряжено прохожденіе ихъ, всегда тягостное, въ высшей степени медленное, дорогое, а иногда убыточное и даже разорительное. Чрезвычайно оживилась бы и развилась торговля, внутренняя и внѣшняя, на всемъ громадномъ пространствѣ районовъ желѣзныхъ дорогъ, николаевской и варшавской, если бы съ устройствомъ предполагаемаго канала соединить еще эти дороги особою вѣтвію на Новгородъ и Лугу: вся та громадная масса товаровъ, которые идутъ теперь съ волжскихъ системъ и николаевской желѣзной дороги, чрезъ Петербургъ, въ Ригу, Либаву, Варшаву и проч., доставлялась бы тогда, при посредствѣ этой вѣтви, *прямо* къ мѣсту своего назначенія, а не давала бы нынѣшняго огромнаго и совершенно напраснаго крюку, чтобы, такъ сказать, *заглянуть мимоходомъ въ нашу сѣверную Пальмиру...*

Въ прошлыхъ *вѣстьяхъ* я обѣщаль поговорить о нашемъ телеграфѣ. Это обѣщаніе исполнить теперь для меня тѣмъ болѣе кстати, что на дняхъ, именно 27-го ноября, послѣдовало *наше* открытіе этого телеграфа, такъ давно ожидаемое...

Первое извѣстіе о соединеніи Новгорода съ Петербургомъ посредствомъ телеграфа получено у насъ было въ январѣ 1859 года. Въ началѣ сентября поставлены уже были столбы и даже положена была на нихъ проволока на всемъ протяженіи отъ Чудова до Новгорода или правильнѣе до знаменитаго моста его. А какъ домъ подъ телеграфную станцію нанять *за мостомъ*, къ немалому удивленію жителей, о которомъ кое-что сказано будетъ ниже, провести же проволоку по мосту нельзя, потому что онъ у насъ, по случаю прохода подъ нимъ судовъ, *подъемный*, а положить ее на дно рѣки далеко и далеко не такъ удобно и *дешево*, какъ на столбы, то устройство нашего телеграфа остановилось у мосту, по-пословицѣ: *плылъ, — плылъ да на берегу и утонулъ...* Оставалось стало быть сѣсть у берега, сложя руки, и ждать закрытія навигаціи, что разумѣется и сдѣлано... Но вѣдь и закрытіе навигаціи позволяетъ провести проволоку по мосту только *о времени*, то есть, до весны: тѣмъ не менѣе *одна-*

кожъ не упустили случая воспользоваться этимъ временнымъ обстоятельствомъ и — телеграфъ наконецъ открыть, какъ уже я имѣлъ честь доложить объ этомъ выше. Задача же, которую зададо жителямъ то обстоятельство, что домъ подъ телеграфную станцію нанять за рѣкою, не рѣшена ими даже и по настоящее время, не смотря на самыя упорныя усилія и чрезвычайно-разнообразныя догадки, не лишеныя по временамъ и остроумія. Одни наприжѣръ, люди характера уступчиваго, думаютъ рѣшить эту задачу тѣмъ, что должно быть ужъ такъ надо, чтобъ станція была непременно за рѣкою: Богъ вѣдь ихъ знаетъ тамъ, эти телеграфы! вѣрно ужъ, молъ, такъ надо! другіе, болѣе тонкіе и дальновидные, *чувствуютъ* здѣсь, въ наймѣ-то дома за-рѣкою, какую-то особую цѣль правительства, о которой говорятъ они съ чрезвычайно-таинственнымъ видомъ и боязливо оглядываясь во всѣ стороны, хотя бы говорили объ этой цѣли даже въ собственной квартирѣ — *черта*, *многоходовъ*, *чисто русская, національная*, которая, увы! изглаживается уже въ настоящее время вмѣстѣ съ другими подобными чертами. *Чувствуютъ* же они эту особую цѣль вслѣдствіе слуха, что купецъ Соколовъ не только предлагалъ подъ телеграфную станцію свой новый, прекрасный домъ на *петербургской* сторонѣ, но даже, получивъ отказъ, жаловался будто бы высшему начальству, и тоже не получилъ удовлетворенія, хотя свой домъ, говорятъ эти тонкіе и дальновидные, онъ отдавалъ дешевле того, что платится теперь за телеграфную станцію. Да еслибы, прибавляютъ тонкіе и дальновидные, онъ и дороже просилъ, то здѣсь не нужны уже были бы тѣ не малые расходы, которыхъ требуется, чтобъ положить проволоку на дно рѣки, чего конечно не могло не сообразить начальство телеграфовъ, и однакожь Соколовъ, говорятъ, получилъ отказъ. Мы уже не говоримъ о неизбежномъ частомъ ремонтѣ подводной проволоки, прибавляютъ тонкіе и дальновидные, безнадежно махнувъ рукою. Послѣ этого ясно, заключаютъ они, *національно* озираясь по *старой* привычкѣ, что тутъ кроется особая цѣль правительства... Какіе, подумаешь, тонкіе и дальновидные люди бываютъ на свѣтѣ и даже въ Новгородѣ!. Какъ бы-то ни было однакожь, а телеграфъ уже *дѣйствуетъ*, и мы знаемъ тарифъ, на основаніи котораго каждый смертный можетъ заставить его *дѣйствовать*.

Этотъ тарифъ даетъ *приблизительное* понятіе о платѣ за депеши и на всѣхъ другихъ станціяхъ. Наша публика, не имѣв-

шая дѣла съ телеграфами, и понятія объ этой платѣ не имѣтъ рѣшительно никакого. Такъ, напримѣръ, у насъ одни утверждали, что за каждое слово, пересылаемое по телеграфу изъ Новгорода въ Петербургъ, будетъ назначено десять копеекъ, другіе — двадцать копеекъ, а третьи даже рубль, говоря, что изъ-за *какою-нибудь* гривенника (точно есть гривенники какіе-нибудь и не какіе-нибудь!) и хлопотать-то не стоитъ; тѣмъ болѣе, говорятъ, не стоитъ, что и депешъ-то въ Новгородъ и изъ Новгорода почитай, что совсѣмъ не будетъ: развѣ ужъ, молъ, кто въ шутку или скуки ради вздумаетъ спросить Петербургъ: что, молъ, какъ вы тамъ себѣ, али что другое; а то о чемъ же такомъ еще намъ съ нимъ пересылаться.... Теперь тарифъ показываетъ, что за слово изъ Новгорода въ Петербургъ, то есть, за разстояніе во сто восемьдесятъ одну версту берется менѣе копейки, то есть, менѣе даже извѣстныхъ пожертвованій, о которыхъ и мы узнали уже.... Но это всторону, а не всторону то, что Новгородъ, *въ телеграфномъ отношеніи*, принадлежитъ къ числу тѣхъ двадцати трехъ губернскихъ городовъ, которые предположено присоединить, въ 1859 и 1860 годахъ, посредствомъ телеграфическихъ проволокъ, къ дѣйствующимъ уже у насъ телеграфнымъ линіямъ. Общее протяженіе предположенныхъ къ устройству, въ эти два года, линій составляетъ 6,944 версты, что въ совокупности съ существующими уже телеграфами составитъ 16,344³/₄ верстъ, со сто двадцатью одной станціею. А между тѣмъ не прошло еще и десяти лѣтъ отъ начала устройства у насъ нынѣшнихъ, то есть, электромагнитныхъ телеграфовъ.

Въ день открытія телеграфа, народъ, собравшись небольшими кучками въ разныхъ мѣстахъ, съ жадностію смотрѣлъ на проволоку, вслѣдствіе слуха, что по окончаніи молебствія въ домѣ телеграфной станціи, будетъ отправлена въ Петербургъ депеша: смотрѣлъ съ вѣрою и упованіемъ, что вотъ-вотъ проволока начнетъ отливать разныя штуки, чуть только пойдетъ депеша. Но депеша и отправлена и получена была, а проволока ни *гу*, и народъ, потерявъ надежду увидѣть штуки ея, разошелся, говоря, что видно, сегодня депеши посылать не станутъ.... Не диво, впрочемъ, что простой народъ имѣетъ подобныя понятія о телеграфахъ, когда большинство даже такъ называемой образованной публики немногимъ отличается отъ него въ этомъ отношеніи, какъ доказываетъ слѣдующая новгородская утка. Одно время прошелъ у насъ слухъ, что школьники, спуская

змѣя, зацѣпили имъ за телеграфную проволоку; боясь, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ этого, и стараясь поэтому поскорѣе распутать или хоть оборвать нитку, они стали ее дергать такъ спѣшно, что телеграфъ *заговорилъ*, отчего будто бы стрѣлка его забѣгала на чудовской станціи такъ шибко и такъ, разумѣется, безтолково, что поставила тамъ всѣхъ въ тупикъ: видѣли тамъ, что въ Новгородѣ происходитъ что-то необычайное, но что именно, понять никакъ не могли, почему и отправили курьера. Тутъ ужъ все объяснилось и школьничковъ, разумѣется, *славно отодрали*.... Этому слуху тѣмъ болѣе вѣрили, что мальчиговъ *дѣйствительно* отодрали.

А вотъ и другой случай въ такомъ же родѣ, рассказываемый про одного изъ здѣшнихъ купцовъ, человѣка, впрочемъ, умнаго. 'Бхалъ, видите, онъ однажды по желѣзной дорогѣ и, скуки ради, разговорился съ своими собесѣдниками, что вотъ, молъ, до чего человѣкъ можетъ прозойти своимъ умомъ. Вотъ хоша бы таперпча желѣзная дорога, если хошь и телеграфъ: можешь, значить, переговариваться, съ кѣмъ хошь, въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Собесѣдниками-то случились ребята теплые и потому сочли за грѣхъ упустить случай позабавиться на счетъ купца. Что переговариваться! сказалъ одинъ изъ нихъ: теперь вотъ дошли до того, что и посылки можно посылать по телеграфу. На это купецъ сказалъ: нѣтъ, ужъ это дудки-съ! но сказалъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что вы, молъ, ребята хоть и теплые, а тоже не на дурака напали. Теплые, однакожъ, продолжали отстаивать посылку вещей и дѣло дошло до того, что купецъ, сначала отшучивавшійся, подъ конецъ даже обидѣлся, особенно, когда теплые предложили ему пари. Между тѣмъ пріѣхали на станцію, на которой назначенъ обѣдъ. Выходя изъ вагона, купецъ захватилъ съ собою и свой сак-вояжъ, замѣнявшій ему на этотъ разъ буфетъ, аккуратно попризакусилъ и даже, грѣшнымъ дѣломъ, выпилъ малую толпку; потомъ отнесъ сак-вояжъ въ вагонъ, а самъ сталъ прохладяться на станціи съ своими знакомыми въ ожиданіи звонка. Теплые между тѣмъ передали облегченный порядочно сак-вояжъ кондуктору, объяснивъ ему о своемъ намѣреніи *пошутить*. Вдругъ звонокъ. Купецъ прибѣжалъ на свое мѣсто и, разумѣется, первымъ дѣломъ его было освѣдомиться о своемъ сак-вояжѣ: оказалось, что его не оказалось. Купецъ туда-сюда, подъ лавку, подъ другую — нѣтъ нигдѣ! Ахъ, батюшки мои! говоритъ онъ: никакъ я сак-вояжъ-то забылъ на станціи. А вагоны давно уже

въ полномъ ходу. Вотъ кстати и случай убѣдиться вамъ въ нашихъ словахъ, говорить купцу одинъ изъ теплыхъ: сак-вояжъ доставятъ вамъ по телеграфу. — Полно вамъ, батюшка, смѣяться-то надъ старикомъ. Кажись, однакожъ, я принесъ его сюда. — Принесли бы, такъ вѣдь тутъ бы онъ и былъ: дѣваться-то ему некуда. — Такъ оно, такъ, повторяетъ купецъ, а штука оно скверная, безъ сак-вояжа-то. — Да не безпокойтесь, пожалуйста: стоитъ только попросить переслать по телеграфу и кончено. — Нѣтъ ужъ, просить-то я объ этомъ не стану; сказать, пожалуй, скажу, что забылъ; а тамъ, какъ они сами себѣ хотять. — Ну, такъ, пожалуй, мы попросимъ за васъ. — Пока шелъ этотъ разговоръ, прѣехали на станцію: долго ли по чугункѣ? Теплые дѣйствительно попросили кондуктора передать ихъ просьбу о сак-вояжѣ въ телеграфное отдѣленіе. Кондукторъ сказалъ: хорошо, прибавивъ, что сак-вояжъ будетъ доставленъ на слѣдующую станцію. И точно: на этой станціи кондукторъ подалъ купцу его сак-вояжъ, спросивъ: этотъ? Но купецъ не могъ отвѣтить уже ничего на этотъ вопросъ отъ изумленія: увидѣвъ сак-вояжъ, онъ только схватился обѣими руками за голову и почти крикнулъ: «ай, батюшки-свѣты! не случись этого казуса надъ самимъ мною — отцу родному не повѣрилъ бы никогда, хоть онъ тутъ землю ѣшь!» И теперь бѣдняга-купецъ хоть драться готовъ, если не вѣрятъ ему, что по телеграфу можно посылать и вещи, и многіе вѣрятъ ему вполне, зная его за человѣка умнаго и степеннаго.... Теперь едва ли уже и существованіе телеграфа въ Новгородѣ можетъ разувѣрить ихъ въ этомъ заблужденіи.

Не могу умолчать также и о томъ, что нѣкоторые изъ жителей Новгорода, видѣвшіе на телеграфѣ николаевской желѣзной дороги *три* параллельныя проволоки, крайне обидѣлись, что на нашемъ телеграфѣ проволока идетъ въ одну только линію. Какъ ни объясняли имъ, что *тамъ* каждая проволока составляетъ отдѣльный телеграфъ, предназначенный для извѣстныхъ пунктовъ, они твердили одно: видно ужъ Новгородъ и телеграфу-то лучшаго не заслужилъ. Обидѣли желѣзной дорогой, такъ хоть телеграфъ-то сдѣлали бы, какъ у людей....

Для уничтоженія, по возможности, подобныхъ негѣпныхъ *телеграфныхъ* понятій, въ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена, редакторомъ ихъ, статья, которая, въ простыхъ словахъ, объясняетъ дѣйствіе телеграфа. Вообще надо сказать, что Новгородскія Вѣдомости — одинъ изъ немногихъ гу-

бернскихъ, въ которыхъ встрѣчаются дѣльныя статьи, принадлежащія исключительно редактору ихъ. Такъ въ началѣ 1859 года помѣщено было имъ нѣсколько энергическихъ статей о необходимости учрежденія въ Новгородѣ женскаго училища, слѣдствіемъ которыхъ было то, что городское общество пожертвовало на открытіе училища 2000 рублей серебромъ изъ городского капитала, а для помѣщенія его назначило такъ называемую *Ярославову башню*, и кромѣ того положило сдѣлать нѣкоторый сборъ съ купцовъ и мѣщанъ. Но объ открытіи этого училища, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, нѣтъ ни слуху ни духу. Такимъ образомъ Новгородъ имѣетъ несчастіе принадлежать къ числу весьма немногихъ городовъ Россіи, въ которыхъ до-сихъ-поръ нѣтъ ни одного общественнаго женскаго училища. Скверно! А рѣчь-то хорошая прочтена была въ собраніи, отъ имени городского головы, о необходимости учрежденія въ Новгородѣ женскаго училища....

Въ настоящее время Новгородъ, всегда тихій, нѣсколько оживился по случаю сѣзда дворянъ на выборы, къ которымъ уже и приступлено 10 декабря по *заведенному мѣстару порядку*. Присутствіе дворянъ въ городѣ не такъ замѣтно зимою, какъ лѣтомъ, когда появляется довольно количество экипажей, весьма замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи.... Зимніе экипажи помѣщиковъ почти не принадлежатъ къ области археологій, и отличаются отъ туземныхъ экипажей только сбруею лошадей, уснащенною бляхами, большими и малыми, и самыми лошадьми, всегда подобранными подъ масть, а еще болѣе способностію пристяжныхъ загибаться въ кольца, недоступныя для городскихъ лошадей. Но если экипажи помѣщиковъ зимою мало отличаются отъ городскихъ, то взаимнъ того, сами помѣщики отличаются отъ городскихъ жителей болѣе зимою, нежели лѣтомъ: теперь ихъ сразу узнаешь или по необъятной медвѣжьей шубѣ, сдѣлавшейся уже миеомъ въ городѣ, или по безконечной остроконечной бараньей шапкѣ (передразнивающей форму сахарной головы), съ кусочкомъ красенькаго сукна на верхушкѣ, или же — по довольно впрочемъ объ этомъ!

Новгородъ. 12-го декабря 1859 г.

Въ настоящее время въ Новгородѣ, по случаю святокъ, каждый вечеръ можете встрѣтить на улицахъ такъ называемыхъ *окумниковъ*, то есть, костюмированныхъ, которые ѣздятъ, но

чаще ходить цѣлыми партіями и никогда въ одиночку, изъ дома въ домъ, заглядывая, «между дѣломъ», въ трактиры, харчевни и даже въ кабаки. *Окручиваются* у насъ — я разумѣю здѣсь простой народъ — только одинъ разъ въ году, съ 26-го декабря по 6-е января, т. е., по *Крещенію*, но за то уже каждый день. Во все это время въ Новгородѣ появляется каждый вечеръ множество такъ называемыхъ деревенскихъ извозчиковъ, предлагающихъ окрутникамъ свои рогожаныя кибитки и даже простыя дровни. Плата, смотря по экипажу и числу лошадей, простирается отъ пятидесяти копеекъ до двухъ рублей въ ночь, то есть, до двухъ и четырехъ часовъ ночи. Пассажировъ бываетъ обыкновенно въ *деревенскомъ* экипажѣ отъ двухъ до восьми человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Богѣе состоятельные окрутники ѣздятъ на городскихъ извозчикахъ по одному, по два и рѣдко по три. Впрочемъ и изъ состоятельныхъ многіе предпочитаютъ деревенскихъ извозчиковъ: ѣздить сборищемъ гораздо веселѣе. Рѣдко бываетъ, что партія человѣкъ въ шесть и восемь составляется предварительно и нанимаетъ извозчика: сформировать ее — это ужъ его дѣло. Обыкновенно въ запасъ у него всегда уже есть «знакомыя барышни», со товарищество которыхъ онъ и предлагаетъ нанимающимъ его. Часто однакожъ эти *барышни* оказываются, разумѣется уже *впослѣдствіи*, кузарками, прачками и, главное, чуть не старухами, иногда весьма безобразными.

Какъ ни дешево и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, ни весело ѣздить на деревенскихъ извозчикахъ, многіе однакожъ ходятъ пѣшкомъ разумѣется по внушенію — карманныхъ обстоятельствъ... Тѣ, которые ѣздятъ, обыкновенно поютъ, т. е., горланятъ до охриплости, что собственно и называется *веселиться*... Многихъ при этомъ одолеваетъ страсть кричать, что есть мочи: *сторонись! пади!! правый!!! сомни!! въ щепу разобью!!* И не только сами кричать, но и своего извозчика заставляютъ дѣлать тоже.

Главная цѣль *разтѣзжающихъ* окрутниковъ — *посѣдки*. Это сборъ молодежи обоего пола изъ низшаго класса въ домѣ, въ которомъ есть по крайней мѣрѣ одна дѣвушка. Въ самомъ Новгородѣ посѣдокъ не бываетъ, но въ примыкающихъ къ нему слободахъ: *Троицкой, Ямской и Духовской* и въ подгородныхъ деревняхъ: *Городищъ, Новой и Юрьевской* посѣдки не оскудѣваютъ во всѣ святки, мѣняя только дома: сегодня въ одномъ, а завтра въ другомъ. Посѣдки состоятъ собственно изъ того, что на нихъ преимущественно поютъ, *преимущественно* же не

поють, но «любезничаютъ,» и притомъ на широкую ногу, на началахъ самыхъ *либеральныхъ*. Такое широко-либеральное «любезничанье» тѣмъ удобнѣе, что почти каждая пара («милый и милая») занята исключительно собою и не обращаетъ вниманія на другія пары, изъ которыхъ инныя позволяютъ себѣ подъ шумокъ (впрочемъ, рѣдко), такія вещи какъ бы въ комнатѣ, кромѣ ихъ, не было ни души... При этомъ обыкновенно *милая* поетъ чрезвычайно усердно... Эта-то чрезвычайная свобода обращенія и тянетъ окрутниковъ на посѣдки. Запасшись разными лакомствами для *дамъ*, (орѣхами, преимущественно кедровыми, пряниками, твердыми, какъ булжжники, и проч. *) и добрымъ количествомъ *зелена вина* — *conditio, sine qua non* — окрутники отправляются на посѣдки въ самомъ веселомъ расположеніи духа, но возвращаются оттуда иногда, «что съ побойща.» Естественно, что мѣстные *кавалеры* не могутъ смотрѣть дружелюбно на пріѣзжающихъ; и ежели послѣднимъ *повезетъ* на посѣдкахъ (прекрасный полъ вездѣ такъ непостояненъ!), а задобрить ихъ виномъ пріѣзжіе не успѣютъ или не захотятъ, то начинается схватка, въ которой принимаютъ участіе иногда и дамы, вооруженныя домашнимъ оружіемъ. Вотъ это-то собственно обстоятельство и заставляетъ окрутниковъ ѣздить большими партіями....

Посѣщать посѣдки дерзаютъ иногда и тѣ изъ окрутниковъ, которымъ денежные средства не позволяютъ нанять лошадей, которыхъ они по возможности замѣняютъ — быстрою бѣга. Впрочемъ, *прибавлять шагу* заставляетъ ихъ едва ли не то обстоятельство, что они обыкновенно бываютъ одѣты ужъ слишкомъ легко: *сильфидами, испанцами* и проч. Верхняя одежда не употребляется пѣшими окрутниками потому, что куда же имъ дѣваться съ нею, прійдя въ чужой домъ? Разъѣзжающіе складываютъ свою верхнюю одежду въ сани, оставляя при ней по очереди одного изъ своихъ товарищей.

Въ Старой Руссѣ (уѣздный городъ новгородской губерніи) сверхъ всего этого, окрутники, но чаще не окрутники, носятъ еще о святкахъ по улицамъ, такъ называемые *вертепы*, то есть большіе освѣщенные фонари, наполненные множествомъ движу-

*) Въ дальнихъ уѣздахъ новгородской губерніи, напримѣръ въ Бѣлозерскомъ, эти лакомства замѣняются — просто луковицами. Это вовсе не шутка: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, въ какой-нибудь глуши достать орѣховъ или пряниковъ?

щихся фигуръ, и звезды, или небольшіе освѣщенные же фонари, которые имѣютъ подобіе звѣзды. Останавливаясь подъ окнами домовъ, владѣльцы вертеповъ и звѣздъ, составляющіе партію человѣкъ въ пять и пятнадцать, поютъ сначала духовныя псалмы, а потомъ *многоя мта* хозяину и всему его семейству, каждому члену порознь, до-тѣхъ-поръ, пока не вышется имъ изъ дому *посмьлая мзда*. Ничего этого нѣтъ въ Новгородѣ, да и вообще округничество совершенно упало въ немъ въ послѣднее время, къ горькому и вѣчному сожалѣнію поклонниковъ его. Первый ударъ здѣшнему округничеству, какъ и всему Новгороду, нанесло открытіе николаевской желѣзной дороги, оставившее его внѣ самаго большаго въ имперіи торговаго тракта, отъ котораго онъ прежде добывалъ славную копейку; а безъ денегъ ужъ какое веселье. Окончательно же добилъ округничество клубъ, существующій у насъ съ 1854 года: онъ поглотилъ почти всѣ балы, вечера и маскарады, которые до него дѣлались въ частныхъ домахъ... Только и пытается соперничать съ клубомъ, на поприщѣ удовольствій, содержатель кофейнаго дома въ лѣтнемъ саду, г. Мелеховъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *новгородскаго Излера*. Онъ тоже задаетъ маскарады и семейные вечера, въ которыхъ почти всегда принимаетъ дѣятельное участіе... полиція.

Впрочемъ, нашъ клубъ не «клубъ,» а собственно *благородное собраніе*, и весьма исключительный, какъ доказало недавно забалотированное въ немъ предложеніе: *допустить пріемъ въ члены его и купцовъ низшихъ шльдій*.

Впрочемъ, по одному этому случаю не судите о нашемъ клубѣ: онъ гораздо выше нѣкоторыхъ своихъ собратій, напримѣръ гродненскаго клуба, который, по словамъ мѣстнаго корреспондента Сына Отечества, не выписываетъ *ни одного* періодическаго изданія, между тѣмъ, какъ нашъ получаетъ *много* журналовъ и газетъ, выказывая притомъ благородныя побужденія при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ еще недавно членами клуба пожертвовано было до двухъ сотъ рублей серебромъ въ пользу двухъ бывшихъ студентовъ медико-хирургической академіи, которые, по нѣкоторымъ причинамъ, присланы были фельдшерами въ здѣшнюю городскую больницу, но теперь, вслѣдствіе ходатайства новгородскаго начальства, освобождены уже отъ обязательной службы въ фельдшерскомъ званіи.

Слышно было, что нашъ клубъ хотѣлъ присоединить свои

журналы и газеты къ новгородской публичной библиотекѣ, которая, впрочемъ, существуетъ — *пока еще только на бумагу*.

Дело объ учрежденіи ея *заведено* уже никакъ лѣтъ двадцать тому назадъ, и книгъ, какъ вы уже видѣли, собрано не мало; но до-сихъ-поръ она не могла быть открыта «по неизбѣннѣ помѣщеній;» теперь же это *меммиэ* устранено уступкою для нея комнаты въ домѣ дворянскаго собранія: стало быть все уже есть, а библиотеки все-таки нѣтъ! Пора бы однакожь наконецъ родиться ей на свѣтъ, хоть потому уже, что публичныя библиотеки открыты даже въ такихъ губернскихъ городахъ, которые и губернскими въ то время еще не были, когда Новгородъ хлопоталъ уже о своей библиотекѣ, напримѣръ въ Самарѣ. Тамъ публичная библиотека открыта при редакціи мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, а она, какъ мы уже видѣли, почти втрое менѣе нашей, не открытой. При этой же редакціи открытъ и кабинетъ для чтенія газетъ и журналовъ, (между которыми есть даже *Le Nord*), за совершенно ничтожную плату: три рубля серебромъ въ годъ, одинъ рубль семьдесятъ пять копеекъ въ полгода и тридцать копеекъ въ мѣсяцъ.

Пока это сбудется, мы остаемся по прежнему при одной варлаамьевской ярмаркѣ (на первой недѣлѣ петрова поста), на которую, сверхъ колесъ, овчинъ и проч., привозятъ и книги. Заимѣчательно то, что большинство привозимыхъ книгъ продается у насъ гораздо дешевле объявляемыхъ печатно цѣнъ; такъ напримѣръ *Горе отъ Ума*, Грибоѣдова, не смирдинскаго изданія, стоющее по объявленіямъ семьдесятъ пять копеекъ, можно купить за пятнадцать копеекъ.

N. N.

Новгородъ. 5-го января 1860 г.

О нашихъ ходатаяхъ по дѣламъ на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ г. Филиповымъ въ № XI Современника (за 1859 годъ) подъ заглавіемъ: «Г-ну Лохвицкому» и проч.

У насъ нѣтъ адвокатуры въ западномъ смыслѣ этого слова; сводъ законовъ, давая каждому право быть повѣреннымъ, уничтожилъ существовавшіе въ древней Россіи цехи повѣренныхъ (площадныхъ подъячихъ). Но на фактъ у насъ существуютъ эти цехи. Повѣренные, для которыхъ стряпческое занятіе соста-

вляеть профессію, у насъ двухъ родовъ. Одни — прямые наслѣдники подъячихъ стараго времени, — они берутъ по двугривенному и штофу водки за сочиненія просьбы, по пяти и десяти цѣлковыхъ за фальшивый паспортъ; есть у нихъ и такса за фальшивое свидѣтельство, за фальшивую подпись и проч. Этотъ типъ очень хорошо всѣмъ знакомъ — кому изъ дѣла, кому изъ литературы. Что ни дѣлало наше законодательство со временъ Петра Великаго противъ нихъ, все осталось бесплоднымъ, потому что они естественное слѣдствіе закрытаго и письменнаго судопроизводства, суда по одной буквѣ закона, отсутствія всякой гласности въ судопроизводствѣ, отсутствія установленія правильной адвокатуры. Петръ Великій установилъ писать прошенія по пунктамъ, съ тою цѣлью, чтобы дѣло излагалось логически безъ примѣси постороннихъ, не относящихся къ нему, обстоятельствъ; а подъячіе стали писать по пунктамъ все, что взбредеть имъ въ голову — и судъ ничего не можетъ сдѣлать: форма соблюдена. Запрещались неоднократно ябедническіе извороты, — и все-таки они продолжаютъ, — потому что нельзя въ законѣ опредѣлить, что такое составляетъ ябедническій изворотъ, а суду очень трудно излагать свое мнѣніе, когда нѣтъ основанія въ статьѣ свода. Запрещается употреблять неприличныя выраженія, — запрещается писать прошенія безъ приведенія доказательствъ, — а Рисположенскіе дѣлають все-таки по своему.

Есть и другой родъ частныхъ повѣренныхъ, — аристократическій. Это люди съ приличными манерами, хорошо одѣвающіеся, берущіе за составленіе бумагъ по нѣскольку сотъ рублей, — они бываютъ большею частію изъ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они презираютъ дешевыхъ подъячихъ, хотя часто обращаются къ нимъ для кое-какихъ продѣлокъ; они украшаютъ себя громкимъ именемъ адвокатовъ, — неизвѣстно по какому праву и на какомъ основаніи. Но какъ бы они не старались выдѣлать себя, въ обществѣ мнѣніе объ нихъ очень неблагопріятное. Нельзя сказать, чтобы общество было несправедливо въ этомъ случаѣ. Трудно повѣрить, что позволяютъ себѣ эти господа.

Въ Бессарабіи напримѣръ, одной изъ цвѣтущихъ сторонъ нашихъ адвокатовъ, есть лпца, пользующіяся громкой извѣстностью, нажившіе себѣ большое состояніе, и самый невинный недостатокъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они въ одно и то же время пишутъ бумаги и истцу и отвѣтчику, и, конечно,

съ обоихъ берутъ деньги. Каковы ихъ нравственныя понятія, — читатель можетъ найти у Гоголя въ лицѣ «юрисконсульта», написавшаго Чичикову знаменитую бумагу съ приложеніями, перевернувшую верхъ дномъ всѣ губерскія власти. Разумѣется, есть почтенныя исключенія, но они рѣдки; и такого рода люди откровенно говорятъ, что въ своихъ занятіяхъ они часто должны бывають возиться въ такой грязи, прибѣгать къ такимъ средствамъ, что тяжело и совѣстно дѣлается. Духъ стараго подъячества дѣйствуетъ и на нихъ; и они иногда прибѣгаютъ къ ябедническимъ изворотамъ, до нечѣлости ложному толкованію самыхъ неопровержимыхъ доводовъ противниковъ, мастерству впутывать въ дѣло обстоятельства вовсе къ нему не относящіяся, пересыпають все это перцомъ кабацкихъ остротъ и ругательствъ, въ ожиданіи, что неопытный противникъ бросится сторяча на эти постороннія обстоятельства, — дѣло запутается, и тогда привольно въ мутной водѣ ловить рыбу.

Произведенія подъячихъ стараго и новаго времени хорошо извѣстны; но до-сихъ-поръ въ печати не появлялись еще произведенія *адвокатовъ*. Этотъ пробѣлъ восполненъ г. Филипповымъ, адвокатомъ, какъ онъ самъ себя называлъ, въ № 11 Современника за прошлый годъ. Произведеніе это относится къ тому роду стряпческихъ бумагъ, когда и образованные и добросовѣстные ходатаи, подчиняясь окружающей ихъ дѣятельности сферѣ, прибѣгаютъ къ тѣмъ уловкамъ, которыя по преданію дошли отъ подъячихъ стараго времени. Въ этомъ превосходномъ документѣ ярко обрисовывается и логика, и добросовѣтность, и познанія, и образъ мыслей достойнаго сословія. Нельзя не отдать справедливости откровенности г. Филиппова, подписавшагося подъ этой исповѣдью и даже обозначившаго свое мѣсто жительства — для большой точности; въ этомъ отношеніи развѣ только г. Макаровъ съ своей исповѣдью, помѣщенной въ томъ же № Современника, можетъ съ нимъ соперничать.

Надобно сказать нѣсколько словъ о причинахъ появленія исповѣди г. Филиппова. Въ № VIII Современника было помѣщено окончаніе его статей о русскомъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ.

Большую часть этой послѣдней статьи занимаетъ изложеніе французскаго уголовного судопроизводства съ замѣчаніями о примѣненіи его къ Россіи. Вопросъ о реформѣ нашего судопроизводства и судоустройства — едва ли не важнѣйшій изъ занимающихъ вниманіе образованнаго общества. По этому долгѣ

каждаго предостерегать публику отъ тѣхъ господъ, которые, не имѣя понятія о западномъ судопроизводствѣ толкуютъ объ немъ съ видомъ знатоковъ и критиковъ, и предлагаютъ свои издѣлія, какъ проекты реформъ. Замѣтивъ въ статьѣ г. Филиппова незнаніе французскаго уголовнаго судопроизводства, мы указали въ № 10 Русскаго Слова на нѣсколько фактическихъ ошибокъ, изъ которыхъ ясно видно его незнаніе.

Возражать на наши замѣчанія рѣшительно было нельзя. Мы приводили не наши мнѣнія, — а факты, чистые факты. Но для *адвокатовъ*, какъ г. Филипповъ, все возможно, — они даже считаютъ необходимымъ отписаться, какъ бы то ни было. Но если отвѣтъ не представляетъ никакого научнаго смысла, — за то онъ интересенъ въ другомъ отношеніи, о которомъ мы уже говорили. Только вслѣдствіе такого значенія отвѣта г. Филиппова намъ показалось не бесполезнымъ рассмотреть его со всею подробностью.

1) Я замѣтилъ г. Филиппову, что онъ излагалъ не нынѣ дѣйствующіе французскія законы, а прежніе. Опытъ показалъ Франціи что было неудобнаго въ прежнихъ постановленіяхъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, — поэтому, кажется, не слѣдовало бы повторять и ставить для насъ въ образецъ то, что отмѣнено опытомъ той самой страны, которой уложеніе вы разсматриваете. Если же вы находите, что послѣднія измѣненія дурны, а старый кодексъ лучше, то слѣдуетъ показать причины. На это г. Филипповъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Первое обвиненіе г. Лохвицкаго заключается въ томъ, что я привелъ въ примѣръ давно отмѣненные законы французскаго Code d'instruction criminelle. Кто же г. Лохвицкому сказалъ, что я имѣлъ намѣреніе разсматривать нынѣ дѣйствующее уложеніе Франціи? *Если ему могутъ нравиться усовершенствованные законы Наполеона III*, то я имѣю полное право дозволить себѣ отдавать предпочтеніе уголовному законодательству Наполеона I, а не Людовика-Филиппа, какъ то утверждаетъ ученый профессоръ, завѣряющій публику, что онъ превосходно знаетъ исторію французскаго законодательства. Еслибы г. Лохвицкій прочиталъ мою статью, взглянулъ на нее спокойно и безпристрастно, то я не сомнѣваюсь, что онъ въ цитатахъ моихъ нашелъ бы не болѣе, какъ описку или опечатку, или просто — пропускъ года изданія того уложенія, которымъ я руководствовался. Говоря о французскомъ уголовномъ судѣ, я вовсе не утверждаю, что разбираемые мною постановленія нынѣ дѣйствуютъ; я также не представляю ихъ

какъ образецъ, а провожу только параллель между уложеніемъ Наполеона I и нашимъ, и этимъ сравненіемъ указываю на недостатки нашего уголовного судопроизводства. Разсматриваю же я уложеніе Наполеона I, а не третьяго, потому что основанія перваго вошли въ законодательство родственной намъ Польши. Поэтому разсматривать уложеніе Наполеона I почти все равно, что подвергнуть анализу законодательство намъ родственное.»

Разберемъ этотъ отвѣтъ, какъ образчикъ изворотовъ а) авторъ говоритъ, что онъ и не думалъ излагать современнаго законодательства, а то, которое дѣйствовало при Наполеонѣ I, но позабылъ просто обозначить годъ. Противъ этого изворота можно сказать автору, что онъ вездѣ, гдѣ приводитъ постановленія свода уголовного судопроизводства употребляетъ глаголы въ настоящемъ времени, и, когда писатель отдаетъ преимущество, особенно въ статьѣ имѣющей практической характеръ, уложенію старому извѣстнаго народа, то слѣдуетъ обозначить причины,— а если этого не сдѣлано, то оговорка о пропускѣ года есть недостойный изворотъ. Но въ возраженіи авторъ дополнилъ этотъ пропускъ, чрезвычайно мастерски: онъ приводилъ уложенія Наполеона I, а не нынѣшнее, «потому что основанія перваго вошли въ законодательство родственной намъ Польши, слѣдовательно разсматривать уложеніе Наполеона I почти все равно, что подвергнуть анализу законодательство намъ родственное. Какова поправка! Польское законодательство родственное намъ!! Что поляки принадлежатъ къ одному племени съ русскими, это вѣрно, — но также вѣрно и то, что нѣтъ двухъ народовъ болѣе противоположныхъ по исторіи, цивилизаціи, законодательству, характеру, какъ польскій и русскій.

При этомъ г. Филипповъ дѣлаетъ очень мпую загвоздку: «Если ему (г. е. мнѣ) могутъ нравиться усовершенствованные законы Наполеона III, то я имѣю полное право отдавать предпочтеніе законодательству Наполеона I.» Это чрезвычайно мило и больно. Только мы замѣтимъ слѣдующее: въ законахъ уголовного судопроизводства, дѣйствующихъ теперь во Франціи, Наполеонъ III нисколько не виноватъ. Кодексъ Наполеона I былъ измѣненъ при реставраціи, при Лудовикѣ-Филиппѣ и во время февральской республики, — а Наполеонъ III ничего не сдѣлалъ новаго. Но не будемъ останавливаться на остроуміи г. Филиппову, — перейдемъ къ новому открытію, которое отлично характеризуетъ его знанія и пониманія дѣла. Господину Филиппову уложеніе Наполеона I нравится болѣе, нежели нынѣшнее. Онъ

дѣйствительно имѣеть полное право такъ думать, но писать этого, особенно въ практической и реформаторской статьѣ, онъ не можетъ, не подвергнувшись обвиненію въ невѣжествѣ. Мы не будемъ ходить далеко, а скажемъ только относительно вопроса о присяжныхъ, такъ, какъ объ немъ было дѣло въ нашихъ замѣткахъ. Г. Филипповъ излагаетъ условія поступленія въ присяжные по кодексу Наполеона I *), которыя онъ считаетъ годными для приложенія у насъ, не догадываясь, что по этой системѣ, все лежитъ на рукахъ префекта, что всѣ категоріи ничего назначать, когда префектъ могъ самопроизвольно избрать изъ листа въ нѣсколько сотъ человекъ только шестьдесятъ, и главное, когда онъ имѣлъ право включать въ списокъ присяжныхъ (а слѣдовательно и въ окончательный) лицъ не принадлежащихъ ни къ одной изъ указныхъ категорій, по собственному усмотрѣнію и разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ! Такъ, что и окончательный списокъ онъ очень удобно могъ составить только изъ тѣхъ лицъ, которыя нравились ему и министерству. Было бы очень длинно и здѣсь неумѣста входить во все различіе нынѣшняго способа составленія присяжныхъ отъ прежняго (временъ Наполеона I). Всѣ законовѣдцы единогласно говорятъ, что по системѣ Наполеона I, во Франціи не было присяжныхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, — а теперь они дѣйствительно существуютъ **). И замѣтьте, что такое

*) Въ замѣчаніяхъ нашихъ, говоря собственно только объ одной рубрикѣ условій для присяжныхъ, именно о цензѣ, мы сказали, что напрасно г. Филипповъ приводитъ условіе, существовавшее въ тимократической Франціи Лудовика-Филиппа (условія ценза окончательно и подробно были определены при Лудовикѣ-Филиппѣ закономъ 29-го апрѣля 1831 г.). Г. Филипповъ совершенно справедливо говоритъ, что онъ приводитъ законъ о присяжныхъ не Лудовика-Филиппа, а Наполеона I, и упрекаетъ насъ въ томъ, что мы приняли одно законодательство за другое. Г. Филипповъ можетъ теперь убѣдиться, что мы не можемъ смѣшать постановленія Наполеона I съ послѣдующими — въ нихъ слишкомъ много своеобразнаго.

**) Приводимъ слова извѣстнаго Буатарда въ заключеніе его изслѣдованій о составѣ присяжныхъ во Франціи: «Vous voyez que si le système peut encore par quelque côté prêter le flanc à la critique, s'il ne satisfait pas complètement à tout ce que la théorie peut exiger, il y a cependant une immense amélioration dans ses dispositions rapprochées du système tout à fait illusoire du Code 1808. Vous voyez qu'en comparant la formation des listes prescrites par le Code de 1808 avec celle qui est maintenant en vigueur, il est bien vrai de dire, que cette dernière renferme non seulement des corrections, des améliorations au système qu'elle a remplacé, mais qu'elle a vraiment en France ressuscité le jury, qui en vérité, ~~il~~ existait plus depuis la rédaction du Code imperial.»

непониманіе обнаруживаетъ человѣкъ, который обѣщаетъ издать особое сочиненіе о присяжныхъ, повидимому уже готовое («самый же разборъ и анализъ этого учрежденія я *излагаю* въ особомъ сочиненіи» — слова г. Филиппова.) Хорошъ будетъ анализъ! Только въ той сферѣ, гдѣ дѣйствуетъ нашъ *адвокатъ* и реформаторъ, можно почерпнуть такой запасъ безстыдства. Конечно, будущее произведеніе г. Филиппова доставитъ ему еще большую извѣстность, потому что такія явленія привлекаютъ *большую публику*.

2) Я замѣтилъ г. Филиппову, что онъ сдѣлалъ нелѣпый переводъ французскаго выраженія *peines afflictives* — словами тѣлесное наказаніе, которое давнымъ давно не существуетъ во Франціи. Онъ возражаетъ на это, что клейменіе есть также тѣлесное наказаніе, а клейменіе существовало при Наполеонѣ I... Довольно будетъ сказать, что клейменіе существовало только для осужденныхъ на каторжную работу, слѣдовательно и по объясненію автора «слово тѣлесное наказаніе» не годится здѣсь, потому что подъ *peines afflictives* разумѣлись и разумѣются всѣ безъ исключенія уголовныя наказанія, т. е., всѣ наказанія, кромѣ заключенія въ тюрьму. При этомъ г. Филипповъ, съ остроуміемъ прихожей земскаго суда, говоритъ: «Если г. Лохвицкій пришелъ въ ужасъ отъ неправильности моего перевода, то почему онъ, какъ профессоръ французскаго, русскаго и проч. и проч. законовѣднѣй (каково остроуміе!) не нашелъ другаго слова для перевода термина — *afflictives*?» — Находить было нечего, потому что найдти нельзя: слово *afflictives* означаетъ собирательно наказанія: смертную казнь, каторжную работу и заключеніе въ смирительномъ домѣ (*reclusion*). Поэтому слѣдовало просто исчислить эти наказанія, или для краткости перевести словомъ уголовное наказаніе, — что не совсѣмъ точно въ примѣненіи къ нашему праву. Нашъ ученый реформаторъ не знаетъ того, что и французскіе юристы не могутъ иначе опредѣлить слово *afflictives*, какъ исчисленіемъ его содержанія. Собственно для него приводимъ въ примѣчаніи слова Буатарда, объ этомъ терминѣ *); можетъ быть отъ этого, хотя на будущее время укротится бойкость нашего автора, и онъ не будетъ употреблять

*) «A proprement parler, toutes les peines sont afflictives, en ce sens que toute peine enlève, ou tend à enlever à celui qu'elle frappe la jouissance d'un bien ou à lui infliger un certain mal; toutes les peines sont afflictives, mais à des degrés fort différentes. Cependant ce n'est pas dans ce sens naturel, dans ce sens général que nos deux articles et le Code pénal emploient

нелѣпныхъ переводовъ и задавать еще болѣе нелѣпныхъ вопросовъ, — что все происходитъ отъ того, что онъ ничего не читалъ по французскому праву.

Это еще не все. Г. Филипповъ оканчиваетъ второй пунктъ блистательнымъ образчикомъ подъяческой сноровки ввертывать въ дѣло обстоятельства, до него некасающіяся, и притомъ выраженные такъ бессмысленно, что и поймать ихъ трудно. «Напрасно также г. Лохвицкій, говоритъ онъ, приписываетъ выраженію моему «тѣлесное наказаніе,» такое важное значеніе: онъ опасается, чтобы я не уронилъ въ глазахъ русскаго общества французскій судъ!.. Успокойтесь, г. профессоръ! Процессъ Монталамбера достаточно уронилъ его въ глазахъ не только Россіи, но и цѣлой Европы; безусловно восхищаются имъ только тѣ, которые въ процессѣ Монталамбера изучали идеаль судопроизводства и которые предполагаютъ, что весь либерализмъ ихъ (?) заключается въ громкихъ фразахъ, сказанныхъ ими на банкетахъ!...

Здѣсь г. Филипповъ выражаетъ мнѣніе, — что процессъ Монталамбера уронилъ французскій судъ. Прекрасно. За чѣмъ же г. Филипповъ ставитъ его въ образецъ для насъ? Рѣшительно нельзя понять. Что касается до остальной части фразы о восхищеніи къ-мъ-то, процессомъ Монталамбера, — то мы право не помнимъ, кто это восхищался этимъ процессомъ, — должно быть тѣже чудаки, которые, по словамъ г. Филиппова, сами о себѣ предполагаютъ, что весь либерализмъ ихъ заключается въ громкихъ фразахъ на банкетахъ.

Фраза о банкетахъ, написана грамматически бессмысленно, — и потомъ спрашивается, какая связь этихъ банкетовъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ? Надобно полагать, что г. Филипповъ хотѣлъ сказать здѣсь остроуту. Этихъ попытокъ на остроуміе бездна въ исповѣди г. Филиппова; напримѣръ, онъ, говоря, о своемъ рецензентѣ, называетъ его «сей ужасный ученый, профессоръ всѣхъ возможныхъ законодательствъ, авторъ компиляцій, критикъ, напоминающій Сенковского и Булгарина» и проч. Эти выраженія очень характеристичны, — образъ *адвоката* высшаго разбора становится осязательнѣе. Только остроумія, при всемъ

le mot de peines afflictives; ils l'emploient sans le limiter, sans le définir nettement. Vainement cherchions-nous à la donner une définition; *c'est par énumération* et non pas par une définition que nous pouvons fixer l'étendu de ce mot, *sont afflictives, dans le sens technique de ce mot, les peines que le législateur a bien voulu déclarer telles, sont à appliquer à ces peines les conséquences que la loi a voulu leur imprimer.*»

нашемъ желаніи, мы не могли здѣсь найдти. Г. Филипповъ напомнилъ этимъ мнѣ старое время гимназическаго воспитанія. Въ гимназій, гдѣ я учился, былъ дубинноголовый учитель нѣмецкаго языка, который задавалъ учить наизусть составленное имъ рукописное собраніе анекдотовъ потрясающей глупости. Скука учить ихъ была однако не главнымъ затрудненіемъ. Главное заключалось въ томъ, что учитель, скрестя руки, мрачно спрашивалъ ученика въ заключеніе: *Wo ist der Witz?* (Въ чемъ здѣсь острога?). Ломаеть бывало голову бѣдный ученикъ, и рѣдко не срѣжется.

Если же г. Филипповъ хотѣлъ серьезно поговорить о людяхъ, которые говорятъ одно, а дѣлаютъ другое, — то слѣдовало ему развить свою мысль и показать въ какой связи она находится съ французскимъ уголовнымъ кодексомъ. Дѣйствительно, есть люди, которые пишутъ или говорятъ публично либерально, а дѣйствуютъ иначе, — хотя, надобно замѣтить, у насъ, гдѣ по особеннымъ условіямъ слово есть тоже дѣло, такихъ едва ли много сыщется, — а гораздо больше людей извѣстнаго сорта, которые во всякомъ благородномъ и мужественномъ словѣ видятъ только громкія фразы.

3) Я указалъ г. Филиппову, между прочимъ, на двѣ немаловажныя ошибки:

Статья г. Филиппова: «Для наблюденія за производствомъ формальнаго слѣдствія, наряжается ассизнымъ судомъ совѣщательная палата или коммиссія (*la chambre du conseil.*)»

Мое замѣчаніе: Ассизный судъ собирается временно (четыре раза въ годъ) и *chambre du conseil* назначается не имъ, а уѣзднымъ трибуналомъ.

Статья г. Филиппова: «Генераль-прокуроръ въ теченіе пяти дней отъ полученія слѣдственнаго дѣла, долженъ передать его въ *cour impérial*: президентъ этого присутственнаго мѣста обязанъ назначить трехъ своихъ членовъ въ совѣщательную палату (*Chambre du conseil.*)...»

Мое замѣчаніе: Вовсе не такъ. При каждомъ *cour impérial* есть для этого постоянный департаментъ (состоящій по-крайней-мѣрѣ изъ пяти членовъ) называемый не *Chambre du conseil*, а *Chambre des mises en accusation.* — Что же отвѣчаетъ на это г. Филипповъ? Онъ не опровергаетъ ихъ, потому что факта опровергнуть нельзя. Но — какъ можно сознаться въ ошибкѣ, — надобно отписаться, отписаться во что бы то ни стало. Посмотрите, какъ мастерски онъ на это отвѣчаетъ: «г. Лохвицкій уличаетъ меня въ незнаніи что такое ассизный судъ: это онъ доказы-

ваетъ опискою, встрѣчающеюся въ моемъ опредѣленіи *Chambre de conseil*. Каждый мало-мальски понимающій дѣло, прочитавъ, по ссылкѣ же г. Локвидкаго, то мѣсто моего сочиненія, гдѣ я объясняю составъ ассизнаго суда, уразумѣть эту описку.»

Спрашивается: гдѣ я здѣсь сказалъ г. Филиппову, что онъ не знаетъ состава ассизнаго суда? я только показалъ что онъ два раза ошибся. Г. Филипповъ относительно первой указанной нами ошибки говоритъ, что это описка. Положимъ такъ, — дѣйствительно возможно же при разсѣянности описаться и вмѣсто словъ «уѣздный» написать «ассизный.» Но вторая ошибка, о которой г. Филипповъ хранитъ глубокое молчаніе, — это также описка? Здѣсь мы при всемъ довѣріи, которое должны имѣть къ словамъ другаго, не можемъ согласиться, потому что описка возможна въ словѣ, въ выраженіи, — но описка цѣлой фразы, гдѣ всѣ слова и юридическія опредѣленія невѣрны — невозможна; чтобъ дѣлать такія описки надобно страдать мозговой болѣзнью. Нѣтъ, это *изворотъ*, изворотъ недобросовѣстный.

Г. Филипповъ часто говоритъ о своей честности, о томъ, что у него накопѣло на сердцѣ отъ зрѣлища неправды... Какъ же это такъ? На какомъ же основаніи честность въ литературѣ онъ отдѣляетъ отъ другихъ ея родовъ? Г. Филипповъ, сдѣлавши такой изворотъ, объявивши, что это описка или опечатка, убѣждаетъ однако самого себя, что я просто прива-злся къ опечаткѣ, дѣлаетъ вдругъ удивительный поворотъ, и изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ наступательное. Чудный примѣръ логики! онъ говоритъ: «По логикѣ г. Локвидкаго слѣдуетъ придти къ заключенію, что я также не имѣю никакого понятія и о нашихъ русскихъ законахъ, потому что въ сочиненіи моемъ встрѣчаются слѣдующія описки: вмѣсто коммерческіе суды — «коммиссіонные», вмѣсто $\frac{1}{2}$ процента — 2% и проч. — Я не знаю, найдется ли кто нибудь, кромѣ г. Филиппова, который бы подумалъ, что отъ моихъ замѣчаній можно логически перейти къ тѣмъ, которыя придумываетъ г. Филипповъ. Въ приведенномъ имъ примѣрѣ опечатка ясна для каждаго (коммиссіонныхъ судовъ не существуетъ), описки очень возможны, вмѣсто $\frac{1}{2}$ — 2% и проч. Но, повторяемъ: описаться, какъ онъ въ *Chambre des mises en accusation* — невозможно. Г. Филипповъ оканчиваетъ третій пунктъ словами, что онъ полагаеъ, «что многовались времена критикъ Сенковскаго и Булгарина, все остроуміе и ученость которыхъ заключалась въ тщательномъ розысканіи и критикѣ опечатокъ.» Онъ очень кстати упомянулъ о Бул-

гаринѣ и его критикѣ. Только надобно замѣтить, что главное качество его критикъ было не отыскиваніе опечатокъ, а безчестность. Булгарину что ни говорили, сколько ни указывали на его грубыя ошибки, онъ отвѣчалъ изворотами, ругательствами, давалъ эпитеты своимъ противникамъ, подпускалъ намеки на либерализмъ ихъ съ той стороны, гдѣ зналъ, что по разнымъ внѣшнимъ причинамъ нельзя имъ было отвѣчать прямо, и все это оканчивалъ завѣреніемъ, что онъ стоитъ за *правду-матку*... Г. Филипповъ кромѣ того безпрестанно повторяетъ съ особеннымъ удареніемъ, что онъ русскій. Такъ какъ этого не дѣлаютъ другіе писатели (прежде Булгаринъ очень любилъ), то мы должны изъ этого заключить, что г. Филипповъ и честный и русскій человекъ *par excellence*.

4) Мы замѣтили г. Филиппову, что онъ не имѣетъ понятія о кассационномъ судѣ, считая его за судебную инстанцію. Мы привели въ доказательство его диллему, что для упрощенія гражданскаго судопроизводства во Франціи или *не надобно апелляціоннаго, или кассационнаго суда*. Мы показали, сколько грубаго невѣжества въ капитальномъ вопросѣ французскаго судопроизводства обнаружилъ человекъ, разбирающій его критически. Далѣе, мы замѣтили, что онъ, какъ видно, считаетъ даже, что кассационный судъ не одинъ во Франціи, а что ихъ много, потому что употребляетъ этотъ терминъ во множественномъ числѣ. Г. Филипповъ продолжаетъ и здѣсь прежнія извороты, т. е., на главный пунктъ доказательства ничего не говоритъ, а на побочный отвѣчаетъ: это описка! «Что касается до обвиненія меня, говоритъ онъ, въ непониманіи того, что такое кассационный судъ, что основываетъ г. Лохвицкій *на одномъ выраженіи моемъ «кассационные суды»*, то смѣемъ сказать г. автору, что описка или отпечатка (г. Филипповъ самъ не знаетъ — то или другое) въ большомъ сочиненіи не есть погрѣшность» и проч. Это наконецъ возмутительно! Какъ! я только на одномъ выраженіи «кассационные суды» основывалъ мнѣніе о незнаніи г. Филипповымъ этого учрежденія? Это уже слишкомъ... Вѣдь, возраженіе мое напечатано, статья г. Филиппова также, поэтому ложь обнаруживается легко.

Г. Филипповъ говорилъ въ своей статьѣ, что обиліе судебныхъ инстанцій въ гражданскихъ дѣлахъ вредно. Это совершенно справедливо. У насъ ихъ три и можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ пять. Слѣдовательно французское судопроизводство несравненно удобнѣе, — тамъ только двѣ ин-

станцій — уѣздный судъ и палата (cour), — конечно сюда не входитъ кассационный судъ, который вовсе не есть инстанція. Для насъ было бы большое благо упрощеніе инстанцій по французскому образцу. Но г. Филипповъ, сколько я могъ понять, идетъ далѣе, — онъ считаетъ излишними палаты. Остановимся здѣсь, чтобы показать степень добросовѣстности г. Филиппова. Только что онъ завѣрялъ, что знаетъ, что такое кассационный судъ, — а въ возраженіи опять видно, что онъ считаетъ его за инстанцію, и думаетъ, что если существуютъ губернскія судилища во Франціи, то въ ней три инстанціи! Что тутъ станете дѣлать! Невѣжество, которое даже не хочетъ узнать дѣла, хотя и имѣло время, возражаетъ, твердитъ объ ошибкахъ, и опять повторяетъ тотъ же вздоръ. Вообще, объ этомъ пунктѣ на бумагѣ очень трудно говорить съ г. Филипповымъ, — нельзя поймать нити. Я ему говорилъ, что во Франціи только двѣ инстанціи... Онъ отвѣчаетъ: вы рекомендуете французскія три инстанціи, — а я считаю лучшимъ тотъ порядокъ, который теперь у насъ существуетъ въ коммерческомъ судопроизводствѣ. Да, здѣсь именно и есть двѣ инстанціи: коммерческій судъ и департаментъ сената (—а иногда и больше, т. е., общее собраніе, государственный совѣтъ), — только съ той разницей, что нѣтъ кассационнаго суда, который, повторяемъ еще разъ, вовсе не инстанція. Мы подумали было, когда писали возраженія, что г. Филипповъ считая губернскіе суды излишними, полагаетъ, что достаточенъ одинъ уѣздный, — а центральное для всей имперіи судебное учрежденіе понимаетъ, какъ кассационный судъ; — такъ мы могли заключить изъ словъ его: почему давать гражданскимъ дѣламъ болѣе инстанцій нежели уголовнымъ, — что если для послѣднихъ достаточна одна, то и для первыхъ также. Мы поэтому и указали ему вкратцѣ на существенное различіе уголовного судопроизводства (французскаго) съ присяжнымъ отъ гражданскаго, гдѣ ихъ нѣтъ. Г. Филипповъ упрекаетъ насъ въ любви къ теоріи. Мы замѣтимъ ему, что опытомъ всѣхъ народовъ дознано, что дѣло, которое не вершится присяжнымъ, должно пройти по-крайней-мѣрѣ чрезъ двѣ инстанціи. Мы очень хорошо знаемъ трудности хорошо составить у насъ и уѣздные и губернскіе суды, а потому и не находимъ невозможнымъ ограничиться одной инстанціей, — но мы замѣтили только, что если выбрать изъ двухъ — уѣзднаго или губернскаго суда, то, кажется надобно отдать преимущество послѣднему, — и сказали нѣсколько словъ о причинахъ. Вотъ наши слова, — вотъ

какъ мы понимаемъ г. Филиппова. Теперь посмотрите, что за путанница выходитъ въ возраженіи г. Филиппова. Я говорю, что въ гражданскихъ дѣлахъ во Франціи существуетъ только двѣ инстанціи, — а что у насъ, по временнымъ обстоятельствамъ, можно даже ограничиться одной. Г. Филипповъ отвѣчаетъ мнѣ, что опытъ убѣдилъ Россію въ неудобствѣ рекомендуемыхъ мною *трехъ* инстанцій...

Отъ чего вся эта путанница у г. Филиппова? Оттого, что онъ все-таки не имѣетъ понятія о кассационномъ судѣ; оттого ему и кажется три тамъ, гдѣ у меня два; — а оттого что онъ не хочетъ порядкомъ прочесть, что ему говорятъ, ему кажется три, гдѣ у меня одинъ!

Я замѣтилъ г. Филиппову, что ему не мѣшало бы почитать кое-что о кассационномъ судѣ. За этотъ добрый совѣтъ г. Филипповъ благодаритъ меня драгоценнымъ свидѣтельствомъ о понятіяхъ о чести, логикѣ и остроуміи того разряда частныхъ повѣренныхъ, къ которымъ онъ принадлежитъ:

«Простите великодушно, г. Лохвицкій, за то, что я въ сочиненіи своемъ не упомянулъ о прекрасной ученой вашей компіляціи, подъ заглавіемъ «Дуэль и кассационный судъ». *Одно рыцарское названіе этой статьи, признаю вамъ откровенно* (благодарю за это), — *напомнивъ мнѣ рыцаря печальнаго образа*, отбило у меня всякую охоту поучаться вашими лекціями». Итакъ, одно слово «дуэль», возбуждаетъ въ г. Филипповѣ чувство смѣшнаго, и отбиваетъ охоту читать. Это очень интересная черта нравовъ. Затѣмъ г. Филипповъ задаетъ мнѣ вопросъ: «и почему вы такъ возстали за высказанное мною мнѣніе о французскомъ уложеніи и прошли молчаніемъ мою критику русскихъ законовъ»?.. Нашъ авторъ не хочетъ давать другимъ свободы говорить о томъ, о чемъ имъ захочется. Этотъ мудрый вопросъ онъ разрѣшаетъ за насъ: «или, можетъ быть, вы, какъ профессоръ русскаго законовѣдѣнія, лучше знаете французскіе законы, нежели русскіе? Или, можетъ быть, русское недостойно вашего ученаго вниманія?.. Или, можетъ быть васъ плѣняетъ во французскомъ законодательствѣ не принципъ правды, а одинъ только внѣшній лоскъ: фракъ и бѣлыя перчатки велерѣчивыхъ парижскихъ адвокатовъ?» — Жаль, что мало этихъ «или». Всего только три; а вѣдь можно по этой логикѣ продолжать ихъ до безконечности. Намъ попадались бумаги подъячихъ, гдѣ ихъ было больше, и они шли въ размѣрѣ все болѣе и болѣе грозномъ, съ разными вставками, что образовывало изъ нихъ цѣлое но-

вое дѣло. Любуясь стряпческимъ талантомъ г. Филиппова, мы рѣшаемся ему замѣтить, что невѣжество вредно даже и относительно балагурства. Напримѣръ, г. Филипповъ думалъ сказать послѣднимъ или большую остроту, — а отъ невѣжества его она лопается сама собою. Онъ не знаетъ, что французскіе адвокаты педируютъ въ черныхъ мантияхъ и клобукахъ, а не во фраккахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

5) Я замѣтилъ г. Филиппову, что онъ напрасно считаетъ доказаннымъ положеніемъ, что чѣмъ больше составъ уголовного суда, тѣмъ лучше. Я ему приводилъ доказательства противнаго примѣромъ Англии, примѣромъ исторіи Франціи. Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «доказательства критика не основываются въ этомъ случаѣ ни на здоровой логикѣ, ни на началахъ науки»... Но самъ не приводитъ ни началъ науки, ни началъ логики, которыя бы подтверждали его мнѣніе.

6) Въ шестомъ пунктѣ г. Филипповъ сообщаетъ, что онъ подвергнетъ въ особомъ сочиненіи анализу учрежденіе присяжныхъ; въ седьмомъ говоритъ, что онъ въ своихъ статьяхъ выказалъ откровенно и честно, что накипѣло у него на сердцѣ, что онъ будетъ радоваться, если я безпристрастно разберу его сочиненіе.

Мы уже выразили наше мнѣніе о томъ, чего надобно ожидать отъ сочиненія г. Филиппова о присяжныхъ... Оно будетъ очень интересно. Мы охотно вѣримъ, что у него накипѣло на сердцѣ. Да только французское законодательство чѣмъ виновато, что у него кипитъ сердце? Писать же о произведеніяхъ г. Филиппова мы болѣе не будемъ: есть качества писателя, которыя опредѣляются нѣсколькими страничками, и эти нѣсколько страничекъ дѣлаютъ навсегда невозможной и безплодной бесѣду съ нимъ. Такія именно качества выказалъ г. Филипповъ въ своемъ отвѣтѣ.

Конечно, читателю долженъ сильно наскучить этотъ подробный разборъ отвѣта г. Филиппова. Еслибъ дѣло шло только о мнѣніяхъ этого практика и писателя о насъ и нашихъ трудахъ, то, конечно, мы бы не стали тратить времени на разборъ. Но для общей пользы надобно было обнаружить примѣръ замѣчательнаго безстыдства и наглости. Представьте подобнаго господина гдѣнибудь въ другой сферѣ дѣятельности—въ обществѣ, въ судѣ,—гдѣ нѣтъ той возможности приподнять и порастрасти его, какъ въ литературѣ, — чего онъ не надѣлаетъ! Мы указали ему въ первой нашей статьѣ на грубую ошибку, и имѣ-

ли полное право сказать, что онъ обнаружилъ незнаніе, невѣжество: тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Онъ отвѣчаетъ также невѣжествомъ, изворотами, неправдой, — и все это облекаетъ въ возмутительную, и нисколько не вызванную нами форму. Что же дѣлать! По неволѣ надобно говорить съ ними не тѣмъ языкомъ, какъ съ другими...

Въ заключеніе мы просимъ г. Филиппова объ одномъ. Онъ называетъ себя *адвокатомъ*. Но такого званія у насъ не существуетъ: есть частные повѣренные, есть присяжные стряпчіе при коммерческихъ судахъ. Но развѣ это тоже, что адвокатъ? А между тѣмъ собратія г. Филиппова принимаютъ гласно титулъ адвоката. Въ Одессѣ вы встрѣтите это слово на вывѣскахъ и на домовыхъ билетахъ. Во-первыхъ, сводомъ законовъ запрещено принимать не принадлежащія званія и именованія; во-вторыхъ, масса публики можетъ подумать, что если теперь толкуютъ и пишутъ о введеніи у насъ адвокатуры, то это ничего больше, какъ организація въ замкнутый цехъ нынѣшнихъ почтенныхъ ходатаевъ. Названіе значитъ много. Трудно растолковать массѣ, что отъ нынѣшнихъ ходатаевъ по профессіи, истинный адвокатъ совершенно отличается образованіемъ, формой дѣятельности, а главное нравственностью. Что во Франціи сутяга или негодяй не можетъ быть адвокатомъ, потому что совѣтъ корпораціи вычеркнетъ его при первомъ гадкомъ поступкѣ изъ таблицы, — это убѣжденіе приходитъ современемъ. Мы должны строго наблюдать, чтобы не унизилось въ глазахъ народа благородное званіе адвоката, когда всякій ходатай будетъ принимать его. Мы вспоминаемъ при этомъ, что знаменитые адвокаты, бывшіе членами національнаго собранія 89 — 91 года, по уничтоженіи этимъ собраніемъ корпораціи адвокатовъ и по предоставленіи всѣмъ безъ разбору быть судебными защитниками, потребовали, чтобы было съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожено и наименованіе адвоката. «Мы не хотимъ, говорили они, чтобы люди безъ правилъ, безъ традиціи, безъ ученаго образованія, безъ моральныхъ гарантій, можетъ быть часто презрѣнные, унижали наше славное прошлое, нося имя адвокатовъ. Народъ, мало-по-малу забывши о прошломъ, будетъ думать, что и прежде адвокаты были тѣже. Пусть лучше онъ думаетъ и знаетъ, что ихъ вовсе нѣтъ». Тѣже причины руководятъ и насъ при изъявленіи желанія подкрѣпляемаго авторитетомъ свода законовъ, чтобы гг. ходатаи не украшали себя именемъ адвокатовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ЛОХВИЦКІЙ.

НЕКРОЛОГЪ.

Вашингтонъ Ирвингъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ отторженія сѣвероамериканскихъ колоній Англїи отъ угнетавшей ихъ метрополїи, англичане съ какимъ-то враждебнымъ предубѣжденіемъ смотрѣли на развивающуюся самостоятельную жизнь единоплеменной имъ республики. Не имѣя возможности отрицать исполнскихъ успѣховъ ея на поприщѣ торговли и промышленности, они старались по крайней мѣрѣ доказать, что эти успѣхи исключительно поглотили всю дѣятельность, всѣ силы молодой націи, и что вслѣдствіе того она надолго еще, если не навсегда, должна остаться совершенно чуждою собственно-литературному развитію. Можетъ быть, говорили англійскіе журналы, а за ними и вся Англїя, американцы скоро сравняются съ нами въ производствѣ суконъ и стальныхъ вещей, но произведенія чисто-умственного, нематеріальнаго труда останутся для нихъ исключительно привознымъ товаромъ. Были въ Америкѣ даровитые литераторы — Барло, Маршалъ, Брокденъ Браунъ, но предубѣжденіе метрополїи сохраняло свою силу. Наконецъ явился тотъ, которому суждено было разрушить это предубѣжденіе и силою своего дарованія вынудить самыхъ строгихъ судей отдать справедливость какъ ему, такъ и его соотечественникамъ — писатель, болѣе полувѣка съ непрерывнымъ, блистательнымъ успѣхомъ проходившій литературное поприще и наконецъ, въ ноябрѣ минувшаго года (28-го числа), почившій послѣднимъ сномъ — Вашингтонъ Ирвингъ.

Онъ родился въ Нью-Йоркѣ, въ 1783 году. Отецъ его, достаточный негоціантъ, родомъ изъ Шотландїи, умеръ, оставивъ его еще ребенкомъ, такъ, что воспитаніе его производилось подъ надзоромъ старшихъ братьевъ, пзъ числа которыхъ трое не безъ успѣха занимались литературою; это обстоятельство, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на первоначальное развитіе и направленіе ума молодого Вашингтона. Впродолженіе своего дѣтства, при сильныхъ учебныхъ занятіяхъ, нерѣдко впрочемъ прерывавшихся по слабости его здоровья, будущій писатель имѣлъ довольно времени, чтобы исходить во всѣхъ направленіяхъ живописный островъ Мангаттанъ *), любуясь кра-

*) Островъ, на которомъ находится Нью-Йоркъ.

сотами его, которыя онъ впослѣдствіи такъ удачно изображалъ въ своихъ твореніяхъ и ознакомиться со всѣми мѣстными преданіями старины, послужившими ему матеріаломъ для столькихъ прелестныхъ разсказовъ.

Достигнувъ юношескаго возраста, онъ сталъ сближаться съ городскимъ обществомъ, представлявшимъ въ то время смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Тутъ были потомки первыхъ поселенцевъ края, сохранившіе флегматическую аккуратность во всѣхъ мелочахъ жизни, свойственную голландцамъ, французскіе протестанты, изгнанные изъ своей родины отмѣною нантскаго эдикта, англійскія аристократическія фамиліи, переселившіяся послѣ завоеванія колоніи при Карлѣ II, американцы изъ сѣверныхъ областей — такъ называемой Новой Англій, — оспаривавшіе, и весьма успѣшно, у голландцевъ первенство въ торговлѣ и промышленности, наконецъ шотландцы, отличающіеся, какъ и вездѣ, своею предприимчивостью въ дѣлахъ и расчетливостью, доходящею до скупости въ частной жизни. Всѣ эти различныя народности, при республиканскомъ самоуправленіи въ-особенности, должны были сталкиваться на каждомъ шагу и самая мелочность подобныхъ мирныхъ столкновеній дѣлала ихъ болѣе достойными служить предметомъ изученія для истиннаго наблюдателя и сатирика. Первыми опытами Вашингтона Ирвинга въ литературѣ были «Письма Джонатана Ольдстэйля, Джентльмена», помѣщенные въ журналѣ, издателемъ котораго былъ его старшій братъ. Въ этомъ рядѣ юношескихъ произведеній, окончившемся въ 1802 году, хотя еще не вполне выказалось, но уже замѣтно было блестящее дарованіе молодого писателя.

Вскорѣ послѣ этого семейство Ирвинга, встревоженное оказавшимися у него признаками разстройства груди, убѣдило его, для поправленія здоровья, провести нѣкоторое время въ южной Европѣ. Вслѣдствіе того онъ сначала отправился въ Бордо, потомъ сухимъ путемъ черезъ южную Францію въ Ниццу, а оттуда, объѣхавъ Италію, Швейцарію, Францію и Голландію, прибылъ въ Англію, гдѣ провелъ цѣлую осень и часть зимы 1805 года, и весной 1806 возвратился въ Нью-Йоркъ совершенно здоровый. Здѣсь онъ дѣятельно занялся юриспруденціею и въ томъ же году зачисленъ адвокатомъ, но по особенной застѣнчивости и недовѣрію къ своимъ силамъ не рѣшился приступить къ судебной практикѣ; а вмѣсто того сдѣлался однимъ изъ главныхъ участниковъ изданія «Сальмагунди», пріобрѣтшаго въ скоромъ времени огромную популярность. Это изданіе, выходяв-

шее поврежденными, небольшими выпусками, состояло из небольших сатирических и правоописательных статей в родѣ фельетоновъ, писанныхъ отъ лица нѣсколькихъ воображаемыхъ личностей, между которыми главныя: Ланслоу Лангстауъ, философъ-юмористъ, мастерски наблюдающій и съ добродушнымъ комизмомъ рисующій недостатки и смѣшныя стороны своего круга, Уильямъ Уизардъ, карриатура на современныхъ театральныхъ и литературныхъ критиковъ — онъ развилъ въ себѣ тонкость вкуса долгимъ пребываніемъ въ чужихъ краяхъ: въ Кантонѣ, Калькуттѣ и при блестящемъ дворѣ гаитійскомъ — и наконецъ Антони Эвергринъ — олицетвореніе великосвѣтскости, — сотрудникъ-специалистъ по части баловъ, раутовъ и всевозможныхъ собраний. Особенно удачно изображенъ въ «Сальмагунди» типъ заѣзжаго купеческаго приказчика-англичанина, смотрящаго на американцевъ какъ на существа низшей породы, и старающагося ихъ ослѣпить своими аристократическими приемами.

Изданіе «Сальмагунди», имѣвшее, какъ мы уже сказали, блистательный успѣхъ и доставившее Ирвингу громкую извѣстность, прекращено въ 1808 году, а годъ спустя явилась «Никкербаккорова Исторія Нью-Йорка» — произведеніе едва-ли не безпримѣрное во всѣхъ существующихъ литературахъ, — въ которомъ Ирвингъ, подъ видомъ разсказа о первыхъ временахъ существованія колоніи, съ неподражаемымъ юморомъ очерчиваетъ слабости и смѣшныя стороны своихъ согражданъ, такъ, что современныя ему нью-іоркскіе ольдермены вынуждены были узнать свои портреты въ видѣ бургомистровъ и шеппеновъ XVII вѣка. Тонъ всего сочиненія представляетъ такое смѣшеніе серьезности съ ироніей, въ особенности въ началѣ, что нѣкоторые изъ читателей на первый взглядъ ошибались, принимая его за настоящій историческій трудъ. Въ 1810 году двое изъ старшихъ братьевъ Ирвинга, занимавшіеся коммерческими дѣлами, приняли его въ участники своего торговаго дома, не требуя, впрочемъ, отъ него занятій, которыя могли бы помѣшать его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ. Во время войны съ Англіей, въ 1813—14 годахъ, онъ издавалъ журналъ Analytical Magazine, помѣщая въ немъ біографіи знаменитѣйшихъ американскихъ моряковъ, и сверхъ того исправлялъ должность адъютанта при губернаторѣ Нью-Йорка, Томпкинсѣ.

Съ заключеніемъ мира кончились и литературныя и служебныя занятія Ирвинга; вскорѣ онъ долженъ былъ по торговымъ дѣламъ ѣхать въ Англію, гдѣ и пробылъ этотъ разъ пять лѣтъ.

Между тѣмъ настала коммерческій кризисъ, послѣдствіемъ котораго было паденіе многихъ нью-іоркскихъ домовъ и въ томъ числѣ фирмы братьевъ Ирвинговъ, такъ, что Вашингтонъ долженъ былъ искать въ литературѣ уже не одной извѣстности, но и средствъ къ существованію. Въ 1818 году онъ началъ издавать по частямъ свою безсмертную «Книгу Очерковъ» (Sketch-Book), которая печаталась сначала въ Нью-Йоркѣ, а потомъ одновременно въ Нью-Йоркѣ и въ Лондонѣ. Объ успѣхѣ этого сочиненія можно судить по тому, что книгопродавецъ Муррэй, приобрѣтшій сначала право на изданіе его за двѣсти фунтовъ стерлинговъ, послѣ того самъ прибавилъ автору еще двѣсти. Въ «Книгѣ Очерковъ» Ирвингъ показалъ всю дивную многосторонность своего дарованія. Между тридцатью двумя статьями, составляющими эту книгу, нѣкоторыя проникнуты искреннимъ, глубоко душевнымъ чувствомъ (The Wife, The Broken Heart), въ другихъ мы находимъ мѣткую, хотя и добродушную сатиру (John Bull, The Art of Book-making); нныя заключаютъ въ себѣ увлекательный разсказъ о полу-фантастическомъ, полустественномъ происшествіи изъ народныхъ преданій (The Spectre Bridegroom, The Legend of Sleepy-Hallow), — но всѣ равно удались автору.

Слѣдующее по порядку появленія въ печати произведеніе Ирвинга — «Замокъ Брэсбриджъ» (Bracebridge-Hall), ничто иное какъ продолженіе тѣхъ очерковъ перваго сборника, въ которыхъ Ирвингъ касался нравовъ англійскихъ землевладѣльцевъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и должно отдать автору справедливость въ томъ, что слегка набросанные очерки развились въ полную, превосходно отдѣланную картину. Въ особенности четыре главные характера — стараго сквайра, родственника его, мастера Симона, фермера Тиббетса и генерала Гарботтля схвачены съ необыкновенною наблюдательностью и такъ мастерски очерчены, что читатель видитъ ихъ, какъ живыхъ людей, стоящими передъ его глазами.

Вскорѣ послѣ Bracebridge-Hall появился «Разказы путешественника (Tales of a Traveller), раздѣляющіеся на четыре части: «Разказы нервознаго господина», «Бокторнъ и его друзья», «Итальянскіе бандиты» и «Искатели кладовъ». Особенно замѣчательна вторая часть, заключающая въ себѣ очеркъ лондонскаго литературнаго міра.

Во время пзданія этихъ книгъ Вашингтонъ нѣсколько разъ пережѣнялъ свое мѣстопребываніе, поселяясь то въ Лондонѣ,

то въ Парижѣ, а зиму 1823 года провелъ въ Дрезденѣ. Наконецъ, въ 1826 году, онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ пробылъ два года и написалъ «Жизнь Колумба» — сочиненіе, доказавшее, что будучи самымъ увлекательнымъ изъ рассказчиковъ, онъ можетъ быть и превосходнымъ историкомъ. Этотъ трудъ, впоследствии дополненный «Путешествіями и открытіями спутниковъ Колумба», есть самое капитальное изъ произведеній Ирвинга; какъ по добросовѣстности изысканій и строгой вѣрности истинъ, такъ и по доказанной авторомъ способности возсоздавать передъ нами великія личности минувшихъ вѣковъ, оно даетъ ему право занять одно изъ первыхъ мѣстъ между историками новѣйшаго времени.

Весною 1828 года онъ отправился въ южную Испанію, посѣтилъ Гранаду и изучилъ на мѣстѣ хранящіеся въ монастырскихъ бібліотекахъ остатки разныхъ средневѣковыхъ лѣтописей; особенно остановилось его вниманіе на сказаніяхъ о завоеваніи Гранады Фердинандомъ и Изабеллою. Тщательно собравъ и изучивъ эти сказанія, онъ составилъ изъ нихъ полную исторію паденія гранадскаго халифата и въ слѣдующемъ году издалъ ее одновременно въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ. Въ предисловіи къ этой исторіи, Ирвингъ, пронычески приглашая читателей къ внимательному изученію описываемаго имъ событія, приводитъ любопытныя мнѣнія нѣкоторыхъ испанскихъ духовныхъ писателей, доказывавшихъ, что въ этой войнѣ самъ Богъ предводительствовалъ испанцами и доставилъ имъ побѣду въ награду за установленіе инквизиціи. Пробывъ въ Испаніи еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ жилъ въ самой Альгамбрѣ, Ирвингъ собралъ матеріалы для сочиненія, названнаго по имени историческаго дворца халифовъ и изданнаго въ 1832 году. Нѣкоторые критики упрекаютъ Ирвинга въ томъ, что передавая въ «Альгамбрѣ» мавританскія преданія, онъ отчасти измѣнилъ и украсилъ ихъ, примѣняясь къ современному вкусу; но если эти преданія отъ прибавленныхъ къ нимъ украшеній не потеряли своего національнаго характера и только выиграли въ глазахъ современнаго читателя — то вправѣ ли мы упрекать автора, такимъ образомъ увеличившаго испытываемое нами удовольствіе? Нѣкоторыя изъ арабскихъ преданій, какъ, напримѣръ, «Роза Альгамбры» и «Три красавицы», въ рассказѣ Ирвинга истинно очаровательны.

Въ іюлѣ 1829 года Ирвингъ прибылъ въ Англію, будучи назначенъ секретаремъ американскаго посольства, и занималъ

эту должность около двухъ лѣтъ. Во время своего пребыванія въ Англіи, а именно въ 1830 году, Ирвингъ получилъ установленную Георгомъ IV награду за замѣчательныя историческія сочиненія, золотую медаль, вѣсомъ въ пятьдесятъ гиней (другая медаль въ томъ же году присуждена историку Галламу), а Оксфордскій университетъ поднесъ ему дипломъ на званіе доктора словесности. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Нью-Йоркъ и встрѣченъ своими соотечественниками съ величайшимъ энтузіазмомъ: въ Нью-Йоркѣ городское общество сдѣлало въ честь его большой обѣдъ и подобныя же почести оказаны ему въ разныхъ другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того онъ присоединился къ комиссіонерамъ правительства, командированнымъ для переселенія индійскихъ племенъ, кочевавшихъ около рѣки Миссисипи, на правый берегъ ея, и совершивъ вмѣстѣ съ ними путешествіе по луговымъ степямъ (prairies) западнаго края, изложилъ свои воспоминанія въ сочиненіи «Tour an the Prairies». Нѣсколько времени спустя онъ издалъ «Аббатсфардъ и Аббатство Нюстидъ», «Асторію» и «Похожденія капитана Баннъилля» — сочиненія, отличающіяся тѣми же достоинствами, которыя мы находимъ въ прежнихъ произведеніяхъ его.

Въ 1839 году издатели нью-йоркскаго журнала «Knickerbacker Magazine», получившаго это названіе отъ ирвингова Никкербаккера (воображаемаго автора исторіи Нью-Йорка), пригласили Ирвинга къ сотрудничеству, и дѣйствительно, въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ этомъ журналѣ появлялись отъ времени до времени его статьи; но въ 1842 году занятія его были прерваны совершенно неожиданнымъ для него самого назначеніемъ: онъ опредѣленъ посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ при испанскомъ дворѣ. Черезъ четыре года, возвратившись въ Америку, Ирвингъ занялся пересмотромъ всѣхъ своихъ сочиненій и приготовленіемъ ихъ къ новому, полному изданію, такъ, что всѣ почитатели его уже не ожидали появленія новыхъ произведеній его пера. Тѣмъ не менѣе онъ издалъ, въ 1848 году, «Біографію Оливера Гольдсмита», въ 1850 году «Магомета и преемниковъ его» и въ 1855 году «Жизнь Георга Вашингтона». Послѣднее изъ нихъ англійскіе и американскіе критики единогласно признали лучшимъ изъ существующихъ донинѣ изображеній этой дивной личности, представляющей почти безпримѣрное соединеніе дарованій великаго полководца и гениальнаго законодателя съ самыми высшими нравственными достоинствами человѣка. Не смотря на преклонныя лѣта, въ которыхъ Вашингтонъ Ирвингъ писалъ послѣднія

сочиненія свои, мы не находимъ въ нихъ ни малѣйшаго признака утомленія или ослабленія таланта. Послѣ изданія «Жизни Вашингтона» Ирвингъ, какъ бы положивши послѣдній камень, требовавшійся еще для довершенія намятника его славы, окончательно сошелъ съ литературнаго поприща, и провелъ остальные годы своей жизни въ деревенскомъ уединеніи, въ помѣстьи Sunnyside, на берегу рѣки Гудсонъ, въ двадцати почти миляхъ отъ Нью-Йорка; тамъ отъ-времени-до-времени посѣщали его передовые люди Соединенныхъ Штатовъ на всѣхъ поприщахъ, считая обязанностью лично выразить свое уваженіе Нестору американской литературы и воспользоваться для будущихъ успѣховъ совѣтами того, у котораго было столько успѣховъ въ прошедшемъ. Должно замѣтить, что хотя Вашингтонъ Ирвингъ въ послѣдніе годы своей жизни и не принималъ прямого участія въ политической жизни своего отечества, но, какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ его благороднымъ и гуманнымъ образомъ мыслей, горячо сочувствовалъ дѣлу освобожденія негровъ-невольниковъ. Такъ прожилъ онъ около четырехъ лѣтъ, пользуясь замѣчательнымъ при такой глубокой старости здоровьемъ; наконецъ, 28-го ноября 1859 года, насталъ для него послѣдній часъ, и онъ скончался безъ всякой болѣзни — какъ будто-бы уснулъ, утомленный многоразличными трудами семидесяти шести лѣтней жизни.

По удостовѣренію всѣхъ, лично его знавшихъ, Вашингтонъ Ирвингъ въ частной жизни былъ именно таковъ, какимъ онъ является въ своихъ сочиненіяхъ: увлекателемъ въ разговорѣ, пылокъ сердцемъ и глубоко-добродушенъ, такъ, что многіе, сблизившись съ нимъ и узнавъ человѣка, совершенно забывали искать въ немъ писателя. По портретамъ, сдѣланнымъ во время его молодости, онъ былъ замѣчательно хорошъ собой: черные волосы и черные глаза, при нѣскольکو смугломъ цвѣтѣ лица, придавали ему физиономію испанца. Сверстники его рассказываютъ, что онъ былъ когда-то помолвленъ съ дѣвушкой рѣдкихъ достоинствъ и красоты, что всѣ тогда любовались миловидною и счастливою четвою, но невѣста его умерла скоропостижно, и Вашингтонъ Ирвингъ никогда не могъ рѣшиться сдѣлать новый выборъ, а началъ жить, какъ и жилъ до конца, исключительно для дружбы и для отечественной литературы.

Ө. ПЕНАРОКОМОВЪ.

ШКОЛЫ ДЛЯ БЕЗПЛАТНАГО ОБУЧЕНІЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.

Въ сентябрской книжкѣ *Русскаго Слова*, за 1859 годъ, были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя изъ газеты *le Nord*, объ учредившейся годъ тому назадъ школѣ для бесплатнаго обученія мальчиковъ.

Добрый примѣръ не остался безъ подражанія и въ нынѣшнемъ году открыты еще двѣ подобныя школы, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ.

Дѣло это такъ свято и всѣ принимающіе въ немъ участіе получаютъ такое полное возмездіе въ сознаніи значенія результатовъ своей дѣятельности, что конечно разсыпаться въ похваляхъ не только здѣсь неумѣстно, но даже и щекотливо.

Поэтому, не вдаваясь въ разсужденія о благотворныхъ послѣдствіяхъ распространенія образованія въ тѣхъ слояхъ общества, которыя, по несчастнымъ обстоятельствамъ или грустной обстановкѣ, лишены возможности вполне пользоваться даже своими естественными правами, мы считаемъ однако нашею обязанностью сообщить возможно-полныя свѣдѣнія о названныхъ нами школахъ, для того чтобы показать, какое замѣчательное переживаемъ мы время, и какія отрадныя явленія, какія свѣтлыя стороны представляетъ намъ наша общественная дѣятельность.

Года полтора тому назадъ, пять воспитанниковъ николаевскаго инженернаго училища, только что вышедшихъ въ то время въ академію, согласились между собою удѣлять свободное отъ занятій время на первоначальное обученіе мальчиковъ недостаточнаго состоянія, и съ этою цѣлью собирались каждый вечеръ въ квартирѣ прапорщика К., который былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Число учениковъ въ учредившейся такимъ образомъ домашней школѣ сначала не превышало семи, потому что, не смотря на все желаніе расширить ея размѣры, недостатокъ средствъ не допускалъ до осуществленія этого намѣренія. Но, мало-по-малу, слухъ объ этой школѣ распространился между знакомыми ея учредителями, и къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человекъ, также трудящихся на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, изъявившихъ готовность принять участіе въ безвозмезд-

номъ преподаваніи. Вслѣдствіе этого, представлялась возможность обучать уже большее число мальчиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлась необходимость и въ особомъ помѣщеніи. Въ числѣ лицъ, присоединившихся къ учредителямъ школы, для содѣйствія въ ихъ благомъ предпріятіи, находился артиллеріи полковникъ Ф.*); чрезъ него узнала о домашней школѣ и графиня Л., которая приняла въ этомъ дѣлѣ такое ревностное участіе, что исходятайствовала у г. министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе учредить на свое имя уже открытую школу для бесплатнаго обученія мальчиковъ всѣхъ сословіѣ.

Такимъ образомъ положено было прочное основаніе школѣ, которая и была открыта 21-го февраля 1859 года, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ частей столицы, гдѣ преимущественно живутъ люди недостаточнаго состоянія и гдѣ цѣны на квартиры не достигли тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, которые вовсе не соответствуютъ подобнымъ предпріятіямъ, именно въ манежной улицѣ въ домѣ Трескинской, откуда въ сентябрѣ, минувшаго года, переведена въ старо-офицерскую улицу, за таврическимъ садомъ, въ домъ Иванова. Число преподавателей простиралось въ то время, уже до двѣнадцати, а учащихся до тридцати; попечительницами или директриссами школы, изъявили согласіе быть: графиня Л. и супруга полковника Ф., особы наиболѣе обезпечивавшія матеріальныя средства школы, инспекторомъ, наблюдающимъ за преподаваніемъ, избранъ былъ полковникъ Ф., а помощникомъ его — прапорщикъ К., въ квартирѣ котораго положено было первое основаніе школѣ.

Главныя правила, которыми согласились руководствоваться, при приѣмѣ мальчиковъ въ школу къ ихъ обученію, заключаются въ слѣдующемъ:

Цѣль школы — доставлять дѣтямъ недостаточныхъ родителей возможность получить первоначальное образованіе, приготовить ихъ къ поступленію въ учебныя заведенія, преимущественно же высшіе классы гимназій, и, если позволяютъ средства школы, принять на себя плату за бывшихъ своихъ учениковъ, по поступленіи ихъ въ гимназію; тѣмъ же, которые изберутъ

* В Русскомъ Словѣ (1859 года, № 10) ошибочно было сказано полковникъ П., потому что сообщенныя о школѣ свѣдѣнія были заимствованы изъ *Le Nord*, а на французскомъ языкѣ фамилія полковника дѣйствительно начинается съ Р.

какое-либо техническое поприще, способствовать деньгами при опредѣленіи въ мастерскія, и т. п.

Въ школу принимаются дѣти всѣхъ сословій, кромѣ солдатскихъ и придворно-служительскихъ, для которыхъ существуютъ особыя заведенія, содержимыя военнымъ и придворнымъ вѣдомствами.

Если число желающихъ поступить въ школу превыситъ ея средства, то преимущество отдается не по сословію, а по затруднительности положенія родителей.

Для поступленія въ школу нужно только умѣть читать и писать по русски.

Курсъ преподаванія соотвѣтствуетъ гимназическому.

Каждый изъ учениковъ снабжается отъ школы всѣмъ, необходимымъ для занятій: руководствами, бумагой, перьями, карандашами и т. п.

Въ школѣ обращается вниманіе на каждого изъ учениковъ отдѣльно, а потому на каждого преподавателя должно приходиться отъ пятнадцати до двадцати мальчиковъ. Если же какой-либо классъ сдѣлается многочисленнѣе, то онъ подраздѣляется на параллельныя отдѣленія.

Преподаваніе должно сдѣлать повозможности легкимъ и занимательнымъ для дѣтей, и каждый урокъ обращать въ дружескую и интересную бесѣду.

Обращеніе съ дѣтьми должно быть самое ласковое, и перемяна въ немъ съ провинившимися принадлежитъ къ числу наказаній.

Тѣлесныя и другія физическія наказанія исключаются и допускаются только нравственныя.

Въ школѣ не существуетъ ни черныхъ, ни красныхъ досокъ, ни размѣщенія учениковъ по успѣхамъ и ничего другаго тому подобнаго.

Отмѣтки ставятся разъ въ мѣсяць, и то только для сообщенія ихъ родителямъ учениковъ; другаго назначенія баллы не имѣютъ.

Участіе въ школѣ выражается: 1) бесплатнымъ преподаваніемъ въ ней; 2) принятіемъ на себя безвозмездно обязанности дежурить въ ней и посѣщать учениковъ, какъ вновь поступающихъ, для удостовѣренія въ недостаточности состоянія ихъ родителей, такъ и обучающихся уже, для ознакомленія съ домашними обстоятельствами ученика и 3) денежными постоянными

вносами; но одни денежные вносы не даютъ права (кромя почительницъ) на участіе въ дѣлахъ школы.

Ежедневно въ каждомъ классѣ бываетъ три урока, продолжающихся отъ трехъ съ половиной до семи съ половиной часовъ пополудни. По утрамъ классовъ не бываетъ *).

Въ концѣ учебнаго года бываютъ экзамены; но при этомъ билеты въ младшихъ классахъ не допускаются.

Втеченіе 1859 года, число учениковъ возрасло до пятидесяти и въ школѣ было сформировано три класса, изъ которыхъ первый (младшій) раздѣленъ на два параллельныя отдѣленія.

Затѣмъ преподаватели въ школѣ, принявъ во вниманіе, что число предметовъ, входящихъ въ курсъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи такъ велико, что затрудняетъ самостоятельное развитіе мальчиковъ, родители которыхъ не имѣютъ возможности заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, положили изъ двухъ отдѣленій перваго класса образовать два отдѣльные класса съ различными курсами и такимъ образомъ въ январѣ нынѣшняго года составилось четыре класса, въ которыхъ трехлѣтній гимназическій курсъ распределенъ на четыре года; — образовавшіеся, вслѣдствіе этого, свободные часы въ младшихъ классахъ посвящены на чтеніе и бесѣды преподавателей съ дѣтьми.

Наконецъ, вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ пересмотру и обсужденію методовъ преподаванія и существующихъ учебниковъ, руководствъ и книгъ для дѣтскаго чтенія.

Въ настоящее время нравственныя и матеріальныя средства школы находятся въ слѣдующемъ состояніи:

Число лицъ, принимающихъ въ ней участіе, какъ личнымъ трудомъ, такъ и денежными средствами, простирается (кромя четырехъ дамъ) до	77
Изъ нихъ преподающихъ	41
Кандидатовъ въ преподаватели	19
Эти лица, по званію, распределяются слѣдующимъ образомъ:	
Священниковъ	4
Офицеровъ	30
Чиновниковъ	21
Учителей	8
Студентовъ университета	10
» медико-хирургической академіи	4

*) Потому что преподающіе въ школѣ преимущественно люди служащіе, сами снискивающіе себѣ хлѣбъ трудомъ.

Число учениковъ :

Въ первомъ классѣ	17
Во второмъ »	19
Въ третьемъ »	11
» четвертомъ »	3

Всего . . . 50

Въ томъ числѣ :

Дѣтей дворянъ	9
» оберъ-офицеровъ	23
» мѣщанъ	18

Втеченіе года израсходовано :

На приобрѣтеніе мебели	140	рублей	серебромъ
» наемъ квартиры	300	»	»
» отопленіе	70	»	»
» освѣщеніе	100	»	»
» наемъ прислуги	110	»	»
» учебныя пособія	277	»	»

Всего . . . 997 рублей серебромъ *).

Понятно, что предпріятіе нѣсколькихъ молодыхъ людей, достигшее такихъ размѣровъ, не могло уже оставаться тайною не только для тѣснаго кружка ихъ знакомыхъ, но и для лицъ совершенно постороннихъ.

Слухъ о школѣ достигъ наконецъ до одного весьма почтеннаго семейства, въ домѣ котораго собирались иногда любители музыки; имъ пришла счастливая мысль устроить въ пользу школы домашній музыкальный вечеръ, безъ афишъ и обязательной платы; эта мысль была сообщена нѣкоторымъ изъ нашихъ извѣстныхъ артистовъ и они приняли ее съ такимъ радушіемъ, съ такою готовностью помочь святому дѣлу, что осталось только

*) Эта цифра не составляетъ, конечно, опредѣленнаго годоваго бюджета потому что хотя, даже при увеличеніи школы, уменьшится расходъ на покупку мебели, но за то онъ непремѣнно увеличится по другимъ статьямъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы замѣтили, школа приняла на себя обязанность обезпечивать, въ нѣкоторой степени, денежными средствами своихъ бывшихъ учениковъ. Съ этою цѣлью нѣкоторые изъ преподающихъ въ школѣ намѣрены, въ пользу ея, втеченіе нынѣшней зимы, прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій и, сколько намъ извѣстно, первыя чтенія начнутся, въ великомъ посту, обзоромъ дѣятельности Шиллера.

назначить день для осуществленія этого предположенія и этимъ днемъ было избрано 17-е января, въ которое были приглашены на музыкальный вечеръ всѣ принимающіе непосредственное участіе въ школѣ и ихъ знакомые. Оркестръ состоялъ изъ десяти любителей-музыкантовъ, изъ которыхъ одни только что поступили на службу, другіе же находятся еще въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ (училищѣ правовѣдѣнія, лицѣѣ, гимназіяхъ). Такимъ образомъ во вновь учрежденной школѣ приняли дѣятельное участіе не только взрослые, но даже и тѣ, которые еще сами нуждаются въ чужой помощи. Для репетицій этотъ оркестръ собирався въ домѣ того почтеннаго семейства, гдѣ возникла первая мысль о музыкальномъ вечерѣ. Молодыми виртуозами дирижировалъ извѣстный музыкантъ г. Вильбоа, который не только съ полною готовностью принялъ на себя эту трудную обязанность, но даже благодарилъ за доставленную ему честь принять участіе въ святомъ, по выраженію одного изъ артистовъ, дѣлѣ. Въ назначенный день, въ семь часовъ пополудни, собрались въ залѣ петропавловскаго училища приглашенные на музыкальный вечеръ (въ числѣ не болѣе двухсотъ человекъ, ограниченномъ размѣрами залы), и были до такой степени довольны исполненіемъ артистическимъ выполненіемъ программы, что громкія рукоплесканія слѣдовали за каждою пьесою. Да иначе и быть не могло: артистовъ воодушевляла мысль объ участіи въ добромъ дѣлѣ, а слушателей — не только впечатлѣнія, производимыя искуснымъ исполненіемъ, но и та идея, что они слушаютъ лицъ сочувствующихъ имъ, участвующихъ въ одномъ, общемъ предпріятіи, словомъ, слушаютъ своихъ собратьевъ, членовъ одной и той же семьи. Впрочемъ, одно перечисленіе исполненныхъ пьесъ и именъ принявшихъ участіе въ концертѣ, уже достаточно, чтобы убѣдиться, что вечеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова артистическій. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій; въ первомъ были исполнены: 1) первая часть седьмой симфоніи Гайдна; 2) серенада изъ втораго акта Донъ-Жуана — *г. Васильевъ*; 3) концертантъ для скрипки и фортепьяно — *и. Спитцъ* и *Герке* (сынъ); 4) пѣснь Маргариты изъ Фауста, Глинки — *г-жа Леонова* и 5) концертъ Шопена — *г. Герке* (сынъ). Второе отдѣленіе состояло изъ слѣдующихъ пьесъ: 6) тріо изъ оперы «Жизнь за царя» — *и. Булохова*, *Петровъ* и *Булоховъ*; 7) вариациі изъ Риголетто, соч. Листа — *г-жа Ингеборнъ-Старкъ*; 8) Не тоскуй, не горюй, романсъ — *г-жа Леонова* и 9) финалъ 7-й симфоніи Гайдна. Большая часть изъ этихъ пьесъ, по желанію слушателей, была ис-

полнена по два раза, а г-жа Ингеборнъ-Старкъ *) была такъ обязательна, что въ отвѣтъ на громкія и единодушныя рукоплесканія, сопрождавшія ея игру, снова сѣла за фортепьяно и исполнила одинъ изъ блестящихъ вальсовъ Шульгофа.

Честь и слава вамъ, благородные артисты; искренняя, задушевная благодарность отъ имени тѣхъ дѣтей, въ судьбѣ которыхъ вы приняли такое живое участіе.

Добрый примѣръ, какъ мы уже замѣтили, не остался безъ подражанія, и на васильевскомъ острову открылась подобная же школа для мальчиковъ, въ которой принимаетъ участіе также и прапорщикъ К., положившій основаніе первой бесплатной школы.

Наконецъ нѣсколько дамъ изъ Высочайше утвержденного общества для вспомошествованія бѣднымъ согласились устроить подобную же школу для дѣвочекъ и обратились съ просьбою о содѣйствіи въ преподаваніи къ участвующимъ въ обученіи въ первоначальной школѣ для мальчиковъ; руководителемъ этихъ учредительницъ въ распредѣленіи классовъ и преподаванія явились полковникъ Ф. и тотъ же неутомимый прапорщикъ К., который рѣшительно все свое свободное время посвящаетъ для учрежденной имъ школы. Обученіе дѣвочекъ будетъ происходить въ томъ же помѣщеніи, за таврическимъ садомъ, но только по утрамъ, причѣмъ преподающіе въ школѣ мальчиковъ уступили это помѣщеніе безвозмездно и такимъ образомъ доставили себѣ возможность вдвойнѣ наслаждаться плодами своей благородной дѣятельности.

20-го числа минувшаго января происходило открытіе женской школы; къ двѣнадцати часамъ утра въ помѣщеніи школы для мальчиковъ собрались всѣ учредительницы новаго учебнаго заведенія, родители съ ихъ дочерьми — будущими ученицами новой школы и нѣкоторые изъ преподавателей первоначальной школы. Послѣ обычнаго молебствія, священникъ, принимающій участіе въ бесплатномъ обученіи мальчиковъ, сказалъ замѣчательно-умное и сильное слово. Онъ пригласилъ учредительницъ принять участіе въ обученіи дѣвочекъ не только денежными пожертвованіями, но непосредственнымъ, личнымъ трудомъ, потому что, въ женскомъ воспитаніи, сказалъ духовный отецъ, только участіе женщины можетъ способствовать къ образованію добродѣтельной жены, послушной дочери и нѣжной матери.

*) Участвовавшая въ тотъ же день, утромъ, въ музыкальныхъ упражненіяхъ студентовъ с. петербургскаго университета.

Притомъ же, прибавилъ онъ, ваши дочери, участвуя въ обученіи дѣвочекъ, научатся по опыту воспитывать своихъ будущихъ дѣтей.

Эти слова произвели такое глубокое впечатлѣніе на учредительницъ школы, что они тутъ же поблагодарили преподавателей за готовность ихъ обучать дѣвочекъ и сами распредѣлили между собою всѣ классы.

Такимъ образомъ осуществились слова инспектора первоначальной школы для мальчиковъ, который въ краткой рѣчи, слѣдовавшей за словомъ священника, совѣтовалъ учредительницамъ содѣйствовать сближенію сословіи на дѣлѣ, о чемъ такъ усердно хлопочутъ современные писатели.

Въ заключеніи будущіе ученицы были приглашены учредительницами къ завтраку и девять будущихъ матерей семейства составили веселый и беззаботный кружокъ въ одномъ изъ классовъ школы.

Мы оканчиваемъ нашу утѣшительную лѣтопись въ надеждѣ, что сообщенныя нами свѣдѣнія, быть можетъ, не останутся безъ отголоска и въ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, гдѣ провинціальная жизнь съ ея безконечно-длинными и скучными вечерами такъ удобна для такого предиріятія. — *Licht, mehr Licht*, говорилъ умирающій Гёте; свѣта мнѣ, свѣта, восклицаетъ пробуждающаяся Россія.

* * *

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНІЕ ВЪ ЗАЛѢ ПАССАЖА.

Въ томъ присутственномъ мѣстѣ, куда явился Чичиковъ для свершенія купчей, герой видѣлъ много бумаги и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя; все это работало усидчиво, шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько тѣлегъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями. « — Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція? сказалъ Чичиковъ. — Здѣсь, сказалъ Иванъ Антоновичъ. — А у меня дѣло вотъ какое: Чичиковъ рассказалъ. Я бы хотѣлъ, мнѣ нужно поторопиться... чтобы ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ... Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе, ска-

загъ сурово Иванъ Антоновичъ. Чичиковъ попялъ закавыку: Другіе, тоже не будутъ въ обидѣ: я самъ служилъ, дѣло знаю... Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ и накрылъ ее тотчасъ книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что ненужно показывать». Просителя провелъ въ присутствіе чиновникъ приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, и получившій за ту службу въ свое время коллежскаго регистратора.

Всѣ эти широкіе затылки, сюртуки губернскаго и столичнаго покроя, коллежскіе регистраторы съ прорванными локтями, кувшинно-рылые Иваны Антоновичи и т. д. и т. д., всѣ они, посвятивъ себя спеціально превращенію чистой бумаги въ черную или бѣловую, пользовались за свое тридцати-пяти-лѣтнее шумѣнье перьями, не рѣдко безъ всякой пользы, — полнымъ обезпеченіемъ до конца дней своихъ. Умиралъ наконецъ такой Иванъ Антоновичъ и послѣ него оставался въ жизни еще меньшій слѣдъ, чѣмъ послѣ той тѣлеги съ хворостомъ, которую провозили въ лѣсу по изсохшимъ листьямъ.

Не тотъ жребій выпадалъ на долю труженниковъ другаго рода. И они вѣкъ свой шумѣли перьями; но не тотъ слѣдъ оставляли въ жизни. Званіе литератора и ученаго было почетно вездѣ и всегда: «Я могу въ одинъ день произвести тысячу человѣкъ въ рыцари, но не въ состояніи и въ тысячу лѣтъ сдѣлать одного ученаго», сказалъ, кажется, еще Карлъ Великій. И не смотря на то, «доля этой аристократіи ума и талантовъ была всегда очень печальна. Общество жило ея умомъ, шло за своими вожаками; но пользуясь наукой, оно не хотѣло знать творцовъ ея. Какъ только какой-нибудь литературный дѣятель переставалъ напоминать о себѣ, и имя его не появлялось болѣе въ печати, общество уже забывало о немъ. Оно кидалось на новыя имена, поклонялось новымъ кумирамъ и не заботилось о томъ, что прежній его учитель, истощивъ свои умственныя и физическія силы трудной головной работою, больной и престарѣлый, не имѣлъ никакихъ средствъ для существованія. Чиновникъ, служа правительству, получалъ отъ него кусокъ хлѣба на старость, а общество, обязанное своимъ духовнымъ образованіемъ литературѣ и наукѣ, отворачивалось отъ своихъ учителей, какъ только видѣло, что они истощили свои силы и ждаты отъ нихъ впередъ»

ужь нечего. Читающая публика, платя деньги книгопродавцамъ и издателямъ за книги, считала свои расчеты оконченными. Можетъ быть она была и права, частью, точно также какъ книгопродавцы и издатели, наживавшіе себѣ деньги; но все это неизбавляло еще труженниковъ науки отъ нищеты и отъ возможности голодной смерти на старости лѣтъ. Прежде, когда у насъ читалось и писалось не много, когда литературный трудъ составлялъ больше роскошь, чѣмъ потребность жизни, званіе чиновника и литератора уживались очень хорошо вмѣстѣ. Но пора такого младенческаго состоянія общества проходить, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются люди посвящающіе себя исключительно труду, литературному и ученому. Чиновнику дозволялось быть больнымъ четыре мѣсяца, но литератору и ученому хворать не позволялось; продолжительная болѣзнь была не рѣдко первымъ шагомъ къ нищетѣ: плата шла за число написанныхъ имъ листовъ, а до болѣзни и потери силъ не было никому дѣла. — Скоро однако этотъ печальный порядокъ вещей будетъ у насъ невозможнымъ: въ концѣ прошлаго года учредилось общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Первая мысль этого учрежденія принадлежитъ А. В. Дружинину. Капиталъ общества составляется изъ постоянныхъ взносовъ гг. членовъ и изъ пожертвованій постороннихъ лицъ. Но для усиленія фонда, общество задумало устраивать публичныя чтенія.

Первый такой литературный вечеръ происходилъ 10-го января. И на этотъ разъ залъ пассажиа былъ полонъ, но кажется на хорахъ народу было меньше, чѣмъ на скандальномъ спорѣ гг. Смирнова и Перозіо. Чему приписать это? неужели мы такъ любимъ всякіе скандалы? Есть эта слабость въ русскомъ челоуѣкѣ, но въ настоящемъ случаѣ наше общество можно избавить отъ подобнаго упрека; напротивъ, всевозможныя лекціи, не всегда даже отличающіяся интересомъ, лекціи за деньги, лекціи съ благотворительной цѣлью и лекціи такъ, безъ всякой цѣли, привлекающія всегда слушателей, убѣждаютъ въ томъ, что не отказываясь и отъ скандала, мы можемъ заняться дѣломъ и болѣе серьезнымъ. Переживая очень трудную эпоху, когда всѣ начала, изъ которыхъ долженъ сформироваться нашъ общественный организмъ находятся въ разбродѣ, когда не выяснилось еще ни одно здоровое и вполне органическое направленіе, и переполненное внутренней силы, наше общество смутно но сильно двигается куда-то; ложные учителя и непризванные пророки слятся навязывать намъ чуждое намъ ученье, бранять наше

общество за то, что русская жизнь не хочет походить на идеаль, составленный доктринерами изъ вычитанныхъ ими нѣмецкихъ книжекъ. Насъ укоряютъ въ незрѣлости: будтобы? а если и такъ, не бѣда — созрѣемъ. Намъ говорятъ, что мы любимъ скандалы; но неужели это такое преступленіе? Насъ укоряютъ въ томъ, что мы не любимъ серьезнаго труда, что мы ничего не дѣлаемъ, что намъ нельзя дать права говорить громко и обо всемъ, и мало ли сколько обвиненій! Сердитые и мудрые наставники забываютъ только одно, что они совсѣмъ не знаютъ своего ученика, что они сами не понимаютъ для какого дѣла они работаютъ. Люди воображаемаго порядка и соннаго движенія впередъ, читая нѣмецкія книжки, не видятъ изъ за-нихъ ничего въ русской жизни; если русскій человѣкъ смѣется надъ тѣмъ, надъ чѣмъ плачетъ нѣмецъ, они не потрутся разъяснить себѣ причины этого противорѣчія, но обвинять прямо русскаго». Между тѣмъ жизнь идетъ все своимъ порядкомъ, русскій народъ думаетъ и чувствуетъ не справляясь съ нѣмецкими книгами, и даже не сердится на своихъ сердитыхъ наставниковъ. Для людей, не зараженныхъ преднамѣреннымъ взглядомъ нѣмецкихъ учителей на русское общество, для людей не считающихъ для себя закономъ нѣмеціе взгляды на неспособность славянъ создать государство и необходимость для этого нѣмецкаго элемента, для людей не совсѣмъ сочувствующихъ государственному строю по нѣмецкому образцу, всякая сходка, гдѣ громко высказываются симпатіи и антипатіи русскаго человѣка представляютъ живой интересъ. Не много было досихъ-поръ случаевъ, гдѣ бы заявлялась открыто наше не всегда выяснившее пониманье жизни и новыхъ для насъ вопросовъ. Но второй подобный случай въ петербургской жизни показалъ прямоту и честность направленія русскаго общества, какъ и прямоту и честность направленія его наставницы — литературы. Въ этомъ отношеніи едва-ли изъ европейскихъ литературъ есть другая, которая бы превзошла русскую: у насъ знамя одно, хоть и съ разными оттѣнками. Таже черта выражается и въ русскомъ обществѣ, черта, по которой въ одномъ и томъ же лицѣ укладываются противоположности повидимому не совмѣстимыя — напримѣръ, чиновникъ и человѣкъ, солдатъ и человѣкъ. Эта способность раздвоенія заключаетъ въ себѣ залогъ той живучести общественнаго элемента, которая спасетъ насъ отъ растлѣвающаго вліянія разныхъ нѣмецкихъ Staatswissenschaften.

Литературный вечеръ 10-го января показалъ какіе вопросы

волнуютъ насъ наиболѣе, что намъ нужно. Было и тутъ увлеченіе, которое такъ не нравится людямъ порядка и положительнаго направленія, вѣрующимъ только въ зрѣлыя основанія науки о богатствѣ; но это увлеченіе, по которому публика аплодировала тому, что она хотѣла найти въ словахъ автора а не тому что онъ самъ думалъ сказать, какъ это случилось съ прочитаннымъ г. Бенедиктовымъ собственнымъ стихотвореніемъ «Борьба», — указываетъ ярко нашъ вкусъ и наше стремленіе.

Капитальнымъ чтеніемъ, около котораго группировалось все остальное, была статья И. С. Тургенева «Донъ-Кихоть и Гамлетъ». Статья эта въ высшей степени честная по мысли, честная по направленію, произведеніе вполнѣ поэтическое по изложенію и по чувству, которымъ она проникнута, составляетъ замѣчательное явленіе нашей современной литературы. Въ статьѣ проведена параллель между Донъ-Кихотомъ, этимъ благороднымъ и честнымъ, вѣчно увлекающимся чудакомъ, котораго Я стоить всегда на второмъ планѣ и олицетвореніемъ эгоистическаго Я въ образѣ Гамлета, вѣчно холоднаго, вѣчно сомнѣвающагося. Донъ-Кихоть носится по свѣту, воюетъ съ призраками и препятствіями созданными его воображеніемъ, рыцарствуетъ ради придуманной имъ самимъ невинности, но сквозь грозный костюмъ рыцаря свѣтитса постоянно Алонзо добрый; Гамлетъ же стоить на риступи жизни вѣчно размышляющій, недовѣряющій ни себѣ, ни другимъ, полный сомнѣній, полный внутренняго разлада, и ничего не дѣлаетъ.

Статья И. С. Тургенева вызвала страшный громъ рукоплесканій. Касаясь общечеловѣческаго вопроса, изображая двѣ совершенныя крайности человѣческой природы, она вмѣстѣ съ тѣмъ представляла интересъ болѣе мѣстный, интересъ современный русскій: каждый изъ насъ, какъ человѣкъ, болѣе или менѣе Донъ-Кихоть или Гамлетъ; эти черты мы переносимъ и въ сферу нашей общественной дѣятельности. Не представляя такихъ частныхъ, крайнихъ типовъ, мы богаты тутъ преимущественно помѣсю — донкихотствующими Гамлетами; мы богаты великолѣпными экземплярами весьма разсудительныхъ и зрѣлыхъ въ юности личностей, великихъ поклонниковъ спокойнаго государственнаго взгляда на вещи и началъ политической экономіи. Эти Гамлеты, стоя съ сложенными на крестъ руками, донкихотствуютъ, дѣлая видъ, что они работаютъ что-то, трудятся для общаго дѣла; въ сущности же не зная къ кому пристать, куда

идти, административные Гамлеты дѣлають попросту то, что имъ выгодно. Это признаки нашего ляннья.

Ни одинъ изъ литераторовъ не былъ встрѣченъ такими еднудушными, восторженными рукоплесканіями, какъ Тургеневъ; но за то и ни одно чтеніе не представляло такого полнаго, живаго интереса, какъ чтеніе И. С. Тургенева.

Кромѣ его читали: Я. П. Полонскій, два свои стихотворенія: «Наяды» и «Иная зима» (Русское Слово. 1860. № 1.)

Жаль, что эти прекрасные стихи не пропзвели того впечатлѣнія, какое они могли бы произвести, а причина въ томъ, что г. Полонскій читалъ первый и нѣсколько тихо. Лучше всѣхъ читалъ А. Н. Майковъ свой «Приговоръ» (Русское Слово, 1860 г., № 1.) и В. А. Бенедиктовъ — «Борьба и Нынѣ». Чтеніе Н. А. Некрасова — «Блаженъ незлобивый поэтъ и 'Бду ли ночью по улицѣ темной» было много слабѣе; отъ груднаго расстройства и страданій горла, у г. Некрасова почти нѣтъ голоса.

Въ заключеніе вечера, г. Маркевичъ прочелъ отрывокъ изъ драмы Шекспира «Георгъ III» въ переводѣ А. В. Дружинина. Жаль, что не читалъ самъ переводчикъ; неужели онъ боялся, что прочитаетъ хуже г. Маркевича?

Подобныя публичныя собранія интересны между прочимъ еще и потому, что выводятъ на свѣтъ разныя поучительныя замѣчанія и размышленія на счетъ русскаго общества. Напримѣръ одинъ ученый сдѣлалъ открытіе, что въ нашей публикѣ замѣтно развивается вкусъ къ наслажденію въ литературѣ всѣмъ истиннымъ и дѣйствительно-изящнымъ. Неужели?! Г. ученый, живя въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, и читая по преимуществу русскія сочиненія прошедшаго столѣтія, былъ пріятно удивленъ, узнавъ, что у насъ есть литература и журналистика, совсѣмъ непохожая на литературу временъ Хераскова и Сумарокова; г. ученый не зналъ что если могутъ существовать двѣсти періодическихкихъ изданій, значитъ есть и чтецы для нихъ. Не подозрѣвая ничего этого, онъ «съ особенной радостью слышалъ сзади себя чье-то многозначительное замѣчаніе: «Можно ли провести вечеръ лучше сегодняшняго? Нельзя представить себѣ высшаго наслажденія: мы знакомимся здѣсь съ личностью извѣстнѣйшихъ литераторовъ и слышимъ столько прекраснаго!»*) Какое простосердечіе! Теперь даже ученые Германіи знаютъ

*) Спб. Вѣд., N 9, статья г. академика Грота. Н. Ш.

уже положительно, что по улицамъ Петербурга не ходятъ медвѣди!

Въ Петербургѣ пронесся слухъ, что литературные вечера будутъ у насъ каждое воскресенье; но воскресеній прошло много съ 10-го января, а чтеній не было. Увѣряютъ, однако, что второй вечеръ составитъ другое свѣтило нашей современной литературы, А. Ѳ. Писемскій.

Н. Ш.

Федора Ивановна.

(Похожденія новгородской жительницы Федоры Ивановны. Альбомъ карикатуръ, издаваемый г. Дуровымъ.)

Федора Ивановна.... Кто она такая? Новгородская жительница. Прекрасно; но мало ли въ Новгородѣ жительницъ, и можетъ быть, даже Федоръ Ивановнъ! Какое же кому дѣло до ихъ похожденій? На оборотѣ заглавнаго листа карикатуръ стоитъ однакожъ (очень безграмотно напечатанный) эпиграфъ изъ пушкинской оды «Клеветникамъ Россіи»:

«О чемъ шумите вы, народныя вити?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?»

Это ужъ что-то черезъ-чуръ важно. По поводу какой-то Федоры Ивановны цитируются такіе громкіе возгласы. Что же, наконецъ, это за Федора такая? Вѣрно не та, про которую пословица говоритъ: «велика Федора — да дура!» Этого быть не можетъ. Судя по эпиграфу, у этой Федоры есть какое-то, если не всемірное, то, по малой мѣрѣ, всероссійское значеніе. Она даже, повидимому, поважнѣе и почище другой очень знаменитой новгородской жительницы, а именно, Марѣы Посадницы; смѣлости у ней только такой пѣтъ, и потому она попадаетъ въ разныя странныя напасти. Эти-то напасти и составляютъ собственно ея приключенія или похожденія, которыя мы и расскажемъ по порядку, какъ они слѣдуютъ одно за другимъ на листахъ карикатуръ.

Первый листъ представляетъ просто ея портретъ. Судя по нему, Федора Ивановна молодая, красивая женщина. Она изображена въ дорогомъ повойникѣ, въ пышной душегрѣйкѣ, и только низъ ея сарафана весь въ заплаткахъ. Около нея идетъ плачу-

щій мальчкѣ, какъ будто нищій, и она весело и небрежно по-даетъ ему скудную, повидимому, милостыню. По серпу, который на всѣхъ рисункахъ не выходитъ изъ рукъ Ѳедоры Ивановны, должно заключить, что главная специальность ея — земледѣліе.

Впрочемъ, на второмъ листѣ она оказывается и не просто миролюбивой земледѣлицей. Около нея пѣтушится косматый орелъ, и она кормитъ конфетами Шамиля, котораго держать на рукахъ въ дѣтскомъ одѣяльдѣ. Подпись гласитъ такъ: «*Ѳедора*. Ахъ ты горный волчонокъ! Насялу тебя поймала. Пора перестать кусаться. Будешь умницей? *Имамъ Шамиль*. Буду умницей, маменька; только побольше давай конфетъ.»

Ѳедора Ивановна, какъ вы видите, жѣнщина не робкаго десятка, если умѣетъ ловить такихъ волчатъ, какъ Шамиль. Далѣе, на третьемъ листѣ, она тоже выказываетъ немалую, если не храбрость, то, по крайней мѣрѣ, бодрость. Она преспокойно сидитъ, какъ на ловкой кушеткѣ, на медвѣдѣ, усердно сосущемъ свою лапу, и подсмѣивается надъ ожесточенными усилиями англичанна и турка, которые тянутъ съ ноги ея башмакъ. Ѳедора насмѣшливо замѣчаетъ имъ: «Сымайте, пожалуй, башмакъ! Да растолстѣла: напрасно трудитесь!» Но *они* (какъ сказано въ подписи) восклицаютъ: «Годдемъ! Аллахъ иншаллахъ!» и продолжаютъ трудиться.

Первые три рисунка сдѣланы довольно бойко, повидимому, привычнымъ карандашомъ. Но слѣдующіе одинъ другаго хуже. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть занимательными, хотя въ то же время нѣкоторыхъ и понять совсѣмъ нельзя.

Что, напримѣръ, значить этотъ родственннй поцѣлуй, который Ѳедора даетъ гречанкѣ, и что значить эта подпись: «*Ѳедора*. Ты больно умна, Елена. Божь тебя. Ну, ужъ какъ-нибудь, будемъ сестрами. *Елена*. Ты добра, велика, сильна, сестрица. Защити меня!»

Это не совсѣмъ вразумительно.

Ѳедора Ивановна является и тутъ еще *великой* и *сильной*, по крайней мѣрѣ на словахъ; рисовальщикъ изобразилъ ее довольно глупой съ виду и некрасивой бабой, какою мы видимъ ее и на дальнѣйшихъ страницахъ альбома.

Ну, не странно ли, что эта самая Ѳедора Ивановна, нянчащая Шамиля, обещающая свою защиту Греціи въ лицѣ одной изъ ея представительницъ, не дающаяся въ руки соединеннымъ силамъ турка и британца, отличается, какъ скоро дѣло касается

до ея соотечественниковъ, совершенную беззащитностью и безхарактерностью.

Откупщикъ Штукаревъ заставляетъ ее пить гадкую водку: «Выпей еще, Федора Ивановна!» Она жалуется: «Охъ, глотка-то горить.» Ловкій Штукаревъ говоритъ: «И, полно, матушка! Казенное не горить, не тонетъ.» И Федора Ивановна морщится, а пьетъ. Дѣйствительно, глотка у нея, видно, казенная.

Не то прислуга, не то родня Федоры Ивановны стоятъ передъ нею въ тришкиномъ кафтанѣ. Она, бѣдная, не знаетъ, какъ поправить свои запутанныя дѣла. Сбили ее съ толку деньги и цѣфры. Какъ ни старается она одѣть Тришку въ кафтанъ изъ бумажекъ съ надписью *три, пять* и т. д., у Тришки то полруки не закрывается, то полноги.

Вѣроятно утомившись въ заботахъ о Тришкѣ, Федора Ивановна засыпаетъ на слонѣ, и не видитъ, что слонъ этотъ идетъ прямо въ крѣпостной ровъ, куда повидимому вотъ-вотъ свалится. Какая-то моська лаетъ на слона; мы полагаемъ, что она хочетъ разбудить Федору Ивановну, и остановить ее на краю пропасти. Впрочемъ, едва ли: подпись какъ будто противорѣчитъ этому предположенію. Вообще, тутъ не много поймешь. Что-то ужъ очень хитро.

Вотъ то ли дѣло рисунокъ, гдѣ Федора является строителемъ. Не смотря на то, что ею помыкаетъ какой-то Штукаревъ, что она не можетъ справиться со своимъ тришкинымъ кафтаномъ, что дальше ей приходится еще и не то терпѣть, Федора Ивановна собирается увѣковѣчить въ потомствѣ свое имя и принимается строить себѣ памятникъ, повторяя съ гордостью стихи Державина:

«Я памятникъ себѣ воздвигну чудный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь, ни градъ его не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.»

Пока Федора впрочемъ вбиваетъ какіе-то гнилые пни; на колотушкѣ, которою она работаетъ, написано: *вѣсь на удаѣ*. На пняхъ — на одномъ: *авось*, на другомъ: *мѣра на глазъ*, на третьемъ: *какъ-нибудь*, на четвертомъ: *сойдетъ*, на пятомъ: *не што*. Памятникъ выйдетъ, дѣйствительно, чудный.

Не смотря на свою успленную дѣятельность, Федора Ивановна страдаетъ полнокрівіемъ. Докторъ совѣтуетъ Федорѣ Ивановнѣ приставлять чаще півовокъ съ жидовскими головками. «Тогда вы скоро, говоритъ онъ, похудѣете какъ сестрица.» А

сестрица, стоящая рядомъ, въ кунтушѣ и конфедераткѣ, худобы неизобразимой. Смотрѣть — жалости достойно.

Должно быть, ради того же полнокровія, какой-то нѣмецкій барабанщикъ заставляетъ Ѳедору Ивановну дѣлать усиленный моціонъ, отплясывать всевозможные иностранные танцы. Ѳедора Ивановна, повидимому, съ удовольствіемъ прошлась бы русскую: пляска такая чинная, плавная — сейчасъ бы и отдохнуть можно. Но барабанщикъ неумолимъ. «Надо все передѣлать на ученьи, возглашаетъ онъ: русской пляски не надо.» Ѳедора, захывавшись, молитъ его: «Охъ устала! мочи нѣтъ!» Но барабанщика этимъ не урезонишь. Онъ командуетъ: «Хоть тресни, а танцуй. А то отколочу палкой. Вѣдь я шутить не люблю.» Онъ выбиваетъ дробь на барабанѣ, и кричитъ: «Ну!» У Ѳедоры душа уходитъ въ пятки и она пляшетъ по чужой дудкѣ до изнеможенія силъ.

Чѣмъ, какъ не крайнимъ изнеможеніемъ, объяснить положеніе бѣдной Ѳедоры на послѣднемъ листѣ каррикатурнаго альбома?

Она лежитъ ничкомъ, а на спину къ ней вскочилъ какой-то кургузый нѣмецкій франтъ и ловитъ ножницы, которыя летятъ надъ нею. Эти ножницы служатъ вмѣсто перышка двумъ какимъ-то господамъ, играющимъ въ волакъ надъ головою Ѳедоры. Хромой господинъ откидываетъ отъ себя ножницы къ господину, вооруженному орудіями кузнечнаго ремесла, и на лету ихъ хочетъ перехватить нѣмецкій франтъ. Онъ ихъ не поймастъ. Надпись гласитъ: «по усамъ текло, а въ ротъ не попало.» Эта забава и ничего бы, да жаль Ѳедору.

Ее собираются стричь, а она лежитъ себѣ, и не шелохнется. Не правда ли, странный характеръ? Кажется, недостатка въ силѣ у нея нѣтъ. Шамилъ на рукахъ у нея присмирѣлъ и притихъ, англичанинъ съ туркомъ сладить съ нею не могутъ, гречанка, прося ея защиты, называетъ ее сильною и великою; а она позволяетъ Штукареву поить себя насильно водкой, позволяетъ стричь себя какимъ-то страннымъ господамъ.

Стричь! Это ужасно непослѣдовательно. Пожалуй, можно подумать, что дѣйствительно про нее выдумана глупая пословица: «велика Ѳедора — да дура!»

Р. Ч.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Призракъ, пугающій фельетониста. — Фельетонистъ на распутьи. — Балъ при дворѣ. — Открытіе новой планеты. — Миссъ Викторія Бальфъ. — Жезлъ, поднесенный Баверьнъ. — Богатство публичной библіотеки. — Объ изданіи энциклопедическаго лексикона. — Проектъ устройства новаго порта. — Новый банкирскій домъ. — Г. Самойловъ въ роли Шейлока. — Театральныя новости. — Обѣдъ академику Кеппену. — Кабинетъ метохромотипии. — Сестры Ферри. — Вьетанъ. — Собраніе сочиненій Державина. — Благотворительныя швейныя машины. — О картинѣ Трутовскаго. — Красное словцо.

Если у васъ собрались гости и вы скажете имъ:

— Mesdames et messieurs! начнемте острить и веселиться!

Что изъ этого выйдетъ?.. Никто не будетъ ни острить, ни веселиться. Поучительная притча эта приводится здѣсь въ доказательство того, какъ трудно писать фельетоны. Только что принимается фельетонистъ за перо, передъ мысленнымъ окомъ его встаетъ грозный призракъ, который въ объявленіяхъ и афишахъ называется почтеннѣйшею публикою. Робко глядитъ фельетонистъ на грозный призракъ и угадываетъ его мысли. Ну, фельетонистъ, думаетъ призракъ, пиши, я жду, фельетонъ твой долженъ быть остроумень, весель, живъ, разнообразенъ, занимателенъ. И въ ту же минуту остроуміе, веселость и живость покидаютъ бѣднаго фельетониста, причемъ остается только безобразный скелетъ, безъ плоти и крови, — перечень новостей за истекшій мѣсяцъ. Какъ пустить это безобразное чучело передъ почтеннѣйшую публику? На голову фельетониста посыплются укоры и негодованіе, отъ сквернаго скелета почтеннѣйшая публика отвернется, скелетъ долженъ преобразиться искусствомъ фельетониста въ красивое, живое и забавное существо... А вы думаете это легко?

Было время, когда русскіе фельетонисты жаловались на недостатокъ новостей, на неразвитіе нашей общественной жизни и наивно толковали о погодѣ. Теперь дѣло нѣсколько измѣнилось, новостей постоянно такъ много, что незнаешь какъ пересказать всѣ на одномъ листѣ. Но бѣда въ томъ, что грозный призракъ, приводящій въ смущеніе фельетониста, составленъ изъ множества разнообразныхъ вкусовъ и мнѣній, какъ имъ угодить. Одинъ говорить:

— Расскажите мнѣ что дѣлается въ высшемъ свѣтѣ, какъ рассказывалъ графъ Сологубъ.

Другой говорить:

— Такъ не рассказывайте...

Одинъ требуетъ новостей солидныхъ, о биржѣ, напримѣръ, о торговыхъ компаніяхъ и т. д., другому нужны новости болѣе фривольныя, о пикникахъ, о маленькихъ скандалахъ. И стоитъ фельетонистъ въ раздумьи, словно сказочный витязь на распутьи: прямо пойдешь — самъ пропадешь, конь будетъ цѣль, направо пойдешь — самъ будешь цѣль, конь пропадетъ, налѣво пойдешь — и конь пропадетъ и самъ пропадешь...

Все это, однакъ, присказка, а вы ждете сказку; извольте. Прежде всего мнѣ слѣдовало бы рассказать вамъ о чтеніи въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; но объ этомъ говорится въ отдѣльной статьѣ. Я хотѣлъ бы рассказать вамъ о великолѣпномъ балѣ, данномъ въ зимнемъ дворцѣ, но перо мое слабо, о такомъ великолѣпнѣи можетъ говорить только фельетонистъ-французъ. Скромно уступаю ему мѣсто, пусть перлы его краснорѣчія украсятъ мою бѣдную лѣтопись. Теофиль Готье-сынъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Калейдескопъ съ своими переливами цвѣтныхъ кусточковъ, образующихъ каждый разъ новыя фигуры; хроматропъ, съ своими разширеніями и суженіями, въ которыхъ звѣзда вдругъ становится цвѣткомъ, потомъ превращается въ солнце и сверкаетъ то рубиновымъ, то изумрудовымъ, то топазовымъ, то аметистовымъ цвѣтами — только эти изображенія увеличенныя въ миллионъ разъ, могутъ дать понятіе объ этомъ движущемся соединеніи золота, драгоценныхъ камней и цвѣтовъ.... Мундиры и парадные костюмы мужчинъ такъ блестящи, богаты разнообразіемъ, такъ зашты золотомъ, шитьемъ и орденами, что женщинамъ съ ихъ изяществомъ новаго времени и легкою граціею теперешнихъ модъ, трудно бороться съ этимъ массивнымъ блескомъ. Не будучи въ состояніи побѣдить богатствомъ, онѣ побуждаютъ красотою: ихъ открытыя плечи и груди стоютъ всякаго золота... Не заключайте, однако, прибавляетъ Теофиль Готье, изъ словъ моихъ о слишкомъ первобытной простотѣ. Эти простыя платья сдѣланы изъ англійскихъ кружевъ, и ихъ двѣ или три тюники стоютъ дороже, чѣмъ далматская куртка изъ золотой парчи; эти букеты на тарлатановой или газовой юбкѣ приколоты брилліантами, эта бархатная ленточка имѣетъ замочкомъ камень, который, кажется, вынутъ изъ короны царской. Что можетъ быть проще бѣлаго платья изъ тафты, тюля или моаре, съ нѣсколькими жемчужными камнями: но этотъ жем-

чугъ стоитъ сто тысячъ рублей, и ни одинъ рыбакъ не вытаскивалъ изъ глубины океана болѣе крупнаго, болѣе чистаго жемчуга! И такъ съ перваго взгляда кажется, что русскія дамы одѣваются не такъ роскошно, какъ мужчны, но это заключеніе не вѣрно. Какъ всѣ женщины, онѣ умѣютъ сдѣлать газъ болѣе дорогимъ чѣмъ золото.

«За нѣсколько времени до ужина, говоритъ дагѣ Теофиль Готье, относительная темнота царствовала въ большой залѣ, гдѣ долженъ былъ происходить онъ. Лакеи въ парадной ливреѣ, молча ходили назадъ и впередъ, осматривая столы; мажордомы дѣлали послѣднія приготовленія. Слабый свѣтъ пробѣгалъ по этому темному тону, какъ искры на догорающей бумагѣ.

«Между тѣмъ безчисленное множество свѣчей стояло въ канделябрахъ, на карнизахъ и аркахъ, но ни малѣйшей огненной звѣздочки не было на оконечностяхъ ихъ... Въ это время Императоръ появился на порогѣ залы, и появленіе его было какъ бы fiat lux. Пламя разомъ, съ быстротою молніи, пробѣжало отъ одной свѣчи къ другой; все зажглось въ одно мгновеніе — и цѣлые потоки свѣта наполнили, будто волшебствомъ, огромную залу. Этотъ переходъ отъ полусвѣта, къ самому ослѣпительному блеску, дѣйствительно имѣетъ въ себѣ что-то волшебное. Но въ нашъ прозаическій вѣкъ, всякое чудо легко объясняется: нити изъ хлопчатой бумаги, омоченныя въ горячее вещество, связываютъ между собою фитили всѣхъ свѣчей, и огонь, зажженный въ семи или осьми мѣстахъ, быстро распространяется.

«Императрица съ нѣсколькими высокопочтенными лицами, сѣла на эстрадѣ, на которой былъ поставленъ полукруглый столъ. Позади позолоченнаго кресла государыни разстился, какъ колоссальный растительный фейерверкъ, огромный кустъ бѣлыхъ камелій и розъ, прислоненный къ мраморной стѣнѣ. Двѣнадцать негровъ высокаго роста, выбранные изъ самыхъ красивыхъ образчиковъ этой породы, одѣтые въ богатый мамелюкскій костюмъ, всходили и сходили по ступенямъ эстрады, отдавая ланкетъ или принимая отъ нихъ тарелки, съ тою граціею и достоинствомъ, которыя, даже въ рабскомъ занятіи, свойственны восточнымъ народамъ. Эти Отелло, позабывшіе Дездемонъ, съ величественнымъ видомъ исполняли свою обязанность и придавали чисто европейскому празднику азіатскій характеръ самаго лучшаго тона.

«Гости сѣли за столъ, гдѣ кто хотѣлъ; мѣсто ни для кого не было заранѣе назначено. Императоръ ходилъ вдоль столовъ, го-

ворпль нѣсколько словъ тѣмъ, которыхъ ему угодно было отличить, иногда садился и прикасался губами до бокала шампанскаго и потомъ отходилъ, повторяя тоже самое въ другихъ мѣстахъ стола. Это считается знакомъ большой милости.»

Охотникамъ до астрономіи дабудетъ извѣстно, что докторъ медицины парижскаго факультета, Лескарбо, открылъ новую планету между Солнцемъ и Меркуріемъ.

Въ то же время и на театральномъ небосклонѣ появилась новая планета — миссъ Викторія Бальфъ, дочь извѣстнаго композитора, знакомаго Петербургу. Г-жа Бальфъ дебютировала въ «Травіатѣ». Нельзя сказать, чтобы у нея не было дарованія и голоса; но голосъ не великъ, а дарованію нужно развитіе. На бѣду дебютантки Петербургъ очень живо помнитъ несравненную Бозіо «въ Травіатѣ», невольно приходится сравнивать, а при такомъ сравненіи дебютантка разумѣется страдаетъ. Впрочемъ у молодой артистки есть сильная партія, что высказалось въ необузданныхъ рукоплесканіяхъ, крикахъ, безчисленномъ множествѣ букетовъ, вѣнковъ, г. п. «вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній». Жаль будетъ если молодая пѣвица слишкомъ довѣрчиво приметъ дружеское усердіе своихъ почитателей. Миѣ не разъ уже приходилось, да вѣроятно не разъ и еще придется, толковать объ усердныхъ друзьяхъ, которые и вредятъ артисту и надоѣдаютъ публикѣ, но толкованія мои были и будутъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Не знаю останется ли у насъ дѣвица Бальфъ или нѣтъ; во всякомъ случаѣ ей слѣдуетъ сказать своимъ друзьямъ:

— Друзья мои, будьте поблагодаруменѣе.

Носится слухъ, что отецъ молодой пѣвицы будетъ капельмейстеромъ на мѣсто г. Бавери; почти всѣ артисты недовольны такою переимѣною, не потому чтобы г. Бальфъ былъ плохой капельмейстеръ, а потому что г. Бавери былъ очень хороши. На дняхъ артисты поднесли ему въ знакъ любви и уваженія, серебряный жезлъ, украшенный драгоценными камнями. Г. Бавери, говорятъ, былъ тронутъ этимъ до слезъ — это очень естественно. Жаль, если этотъ жезлъ перестанетъ управлять оркестромъ нашей итальянской оперы.

Вы конечно замѣтили привычку фельетонистовъ рассказывать все *кстати*, цѣпляя одно извѣстіе за другое; но если нельзя чего-нибудь приклеить къ слову, тогда что дѣлать? Въ настоящую минуту я именно въ такомъ затрудненіи. Рѣшаюсь разсѣчь узелъ просто, т. е., заговорю не кстати.

Въ нынѣшнемъ году нашей публичной библіотекѣ стукнуло шестьдесятъ пять лѣтъ. Начало свое она получила въ Варшавѣ и принадлежала фамиліи графовъ Загусскихъ. Іосифъ Загусскій, умирая, завѣщалъ ее своимъ согражданамъ съ тѣмъ, чтобы главный надзоръ за нею принадлежалъ варшавскому іезуитскому коллегіуму. Съ уничтоженіемъ іезуитскаго ордена, библіотека эта перешла въ вѣдѣніе варшавской эдукаціонной комиссіи, а въ 1795 году, послѣ взятія Варшавы русскими, была перевезена въ Петербургъ. Въ то время всѣхъ книгъ въ библіотекѣ было 262,000 томовъ и 10,000 рукописей; но по распоряженію правительства нѣкоторыя книги были отчислены въ различныя присутственныя мѣста и учебныя заведенія, такъ что въ библіотекѣ осталось книгъ не болѣе 238,000 томовъ. Въ 1810 году узаконено было доставлять въ публичную библіотеку по два экземпляра всѣхъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи, Польшѣ и Финляндіи. Съ-этихъ-поръ и начинается постоянное и быстрое приращеніе библіотеки. Въ 1853 году приказано было передавать въ библіотеку всѣ иностранныя запрещенныя книги; за-границей пріобрѣтались книги и рукописи; сверхъ того поступало много приношеній какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ особъ высочайшей фамиліи. Теперь въ нашей публичной библіотекѣ находится 840,853 томовъ книгъ, 29,045 томовъ рукописей и собраній автографовъ и 66,162 эстампа. Въ этомъ собраніи любопытный найдетъ автографы государей, полководцевъ, ученыхъ, писателей, музыкальныя пьесы написанныя собственноручно Бетховеномъ, Гайденомъ, Беллини, Бахомъ и другими; рукописи русскихъ писателей до Лермонтова и т. п. Самое замѣчательное въ нашей библіотекѣ — рѣдкое собраніе библий на всевозможныхъ языкахъ, начиная отъ Мазариновской библіи напечатанной Гуттенбергомъ до новѣйшихъ библий, изданныхъ самымъ роскошнымъ образомъ. Всѣхъ библий 1365 и онѣ занимаютъ цѣлую залу длиною въ пятнадцать сажень.

Въ одной изъ нашихъ газетъ сообщаютъ проэктъ устройства новаго порта въ Петербургѣ. Это предпринимается съ тою цѣлю, чтобы корабли разгружались не въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ. Новый портъ этотъ предлагаютъ устроить на канонирскомъ островѣ, уничтоживъ всѣ существующія теперь пристани, таможенныя склады и буяны. Потребуется, конечно, углубленіе фарватера Невы... Вообще издержки по этому предпріятію предполагаются отъ двадцати до сорока милліоновъ; а чего еще будетъ стоить ежегодная поддержка фарватера? Не

берусь судить, на сколько это предпріятіе принесетъ пользы, но сомнѣваюсь, чтобы съ устройствомъ новаго порта цѣна на привозные товары понизилась.

Въ мірѣ торговомъ появилось новое созвѣздіе, новый банкирскій домъ Винекенъ и комп. Домъ этотъ намѣренъ замѣнить Петербургу утрату, понесенную имъ въ лицѣ барона Штиглица.

Такъ какъ рѣчь коснулась торговли, то весьма прилично будетъ поговорить о купцѣ... *Венеціанскомъ*. Примѣръ ли знаменитаго африканскаго трагика, недавно гостившаго у насъ, соблазнилъ г. Самойлова, или самому ему просто захотѣлось новыхъ лавръ — не знаю. Дѣло только въ томъ, что г. Самойловъ явился передъ петербургскою публикою въ роль *Шейлока*. Говоря откровенно, попытка г. Самойлова не увѣчалась успѣхомъ. При всемъ уваженіи къ несомнѣнному дарованію г. Самойлова, я долженъ сказать, что онъ выполнилъ трудную роль Шейлока весьма слабо. Передъ зрителемъ явился мелкій, вертлявый жидокъ, а не колоссальный типъ извѣстнаго шекспировскаго героя. Г. Самойловъ не сумѣлъ передать ни этой страшной злобы и ненависти еврея ко всему христіанству, ни той жажды мщенія, жажды крови христіанской, ни того отталкивающаго корыстолюбія и страшнаго отчаянія смѣняющаго внезапно торжество и радость, изъ которыхъ созданъ Шекспиромъ Шейлокъ. Не было ни одной сцены, которая потрясла бы зрителя, все шло ровно, гладко и не хорошо. Особенную слабость выказалъ г. Самойловъ въ сценѣ суда. Вообще вся пьеса, это слабѣйшее произведеніе великаго писателя, произвела на меня впечатлѣніе довольно непріятное. Г-жа Жулева въ роли Порціи была очень хороша. На г. Малышева, повидимому, очень дурно подѣйствовали первые легкіе успѣхи, преждевременныя хвалы и рукоплесканія. Жаль будетъ если этотъ молодой артистъ, подававшій такія пріятныя надежды, опочіетъ на раннихъ лаврахъ въ гордомъ еознаніи что онъ артистъ совершенный.

Въ будущемъ петербургскимъ театрамъ предстоятъ наслажденія въ видѣ новой оперы: *Le Pardon de Ploemel*, новаго балета *Цакаретта* и новой комедіи г. Чернышева *Отецъ семейства*.

Обращаюсь отъ будущаго опять къ прошлому. Вотъ нѣсколько словъ объ ученомъ обѣдѣ, данномъ въ честь пятидесятилѣтней службы академика Кеппена. На этомъ обѣдѣ присутствовало около ста человекъ извѣстныхъ литераторовъ, академикъ и сановниковъ. Подробности его мы не беремся описывать; замѣтимъ только, что онъ былъ похожъ на все подобныя обѣды,

съ народными гимнами, тостами, слезами умиленія и рѣчами, рѣчами безъ конца, въ которыхъ, конечно, съ всѣми подробностями перечислялись заслуги юбиляра и высказывалось общее къ нему уваженіе. Академикъ Кеппенъ заслуживаетъ вполне уваженіе; онъ много сдѣлалъ для русской ученой литературы. Всякому мало-мальски образованному челоѣву извѣстны труды почтеннаго академика по части статистики и этнографіи Россіи. Особенно замѣчательна его книга изданная въ 1857 году подъ заглавіемъ *Десятая ревизія*.

На всѣ рѣчи, Кеппенъ отвѣчалъ очень скромною, короткою рѣчью, заключивъ ее такими словами:

«Благодарю васъ, мм. гг., благодарю васъ! Но признаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ что грудь моя стѣсняется чувствомъ, сознаниемъ, что я не заслужилъ этой чести.»

Сѣверная Пчела увѣряетъ даже, что голосъ юбиляра заглушилъ слезы умиленія. Когда же, наконецъ, литература наша освободится отъ торжественныхъ одъ меценатамъ, слезъ умиленія, теплыхъ чувствъ, насильныхъ изъявленій уваженія и перьевъ, чувствующихъ свою слабость къ описанію столь трогательныхъ событій. Положимъ Н. Н. великій челоѣвъ, да слезъ-то умиленія въ знакъ уваженія проливать не слѣдуетъ.

Недавно въ Петербургѣ, противъ гостиннаго двора, въ домѣ Лонгинова, открытъ кабинетъ метохромотипіи. Метохромотипія значитъ по гречески краснопечатаніе — искусство переводить картины нарисованныя на особенной бумагѣ маслянными красками, на дерево, холстъ стекло и т. п. Краски быстро переходятъ на другую поверхность и послѣ этого процесса бумага остается совершенно чистою, а на другой поверхности, т. е., на стеклѣ, металлѣ или деревѣ получается такое вѣрное изображеніе картины какъ будто ее нарисовалъ самъ художникъ. Оттискъ вымывается теплою водою и покрывается лакомъ. Метохромотипію можно, съ большою выгодною, приложить къ снятію иконъ, плащаницъ и т. п.

На дняхъ сюда пріѣхали знаменитыя скрипачки, сестры Ферри. Судя по отзывамъ заграничныхъ журналовъ, сестры скрипачки занимаютъ очень видное мѣсто въ ряду современныхъ музыкальныхъ знаменитостей. Сестры Ферри родились въ Коло, Виргінія въ — 1838 году, Каролина въ — 1841. Первоначальное музыкальное образованіе онѣ получили въ Туринѣ, гдѣ появились въ первый разъ передъ публикою въ 1850 году, даномъ въ Theatre Nazionale.» Послѣ ряда концертовъ въ другихъ

итальянскихъ городахъ, онѣ отправились въ Парижъ для довершенія своего музыкальнаго образованія. Во время пребыванія въ Парижѣ, онѣ пользовались уроками у Робберента, Алара, Беріо и Леонара, а въ 1856 году дали нѣсколько концертовъ. Затѣмъ онѣ посѣтили Бельгію, Голландію, Германію, Италію. Это артистическое путешествіе упрочило за ними извѣстность начало которой положилъ все-таки Парижъ. Въ послѣднее время онѣ путешествовали преимущественно по Германіи, давали концерты, между прочимъ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, играли при дворѣ императора австрійскаго и принца резента прусскаго. Итакъ въ длинномъ спискѣ успѣховъ не достаетъ только успѣховъ въ Петербургѣ. Вѣроятно этотъ пробѣлъ пополнится, чего я отъ всей души желаю.

Петербуржскимъ меломанамъ сверхъ наслажденія слушать скрипки двухъ сестеръ, предстоить еще высшее наслажденіе — сюда ѣдетъ знакомый нашъ князь скрипачей Вьѣтанъ.

Академія наукъ возымѣла доброе намѣреніе издать полное собраніе сочиненій Державина и поручила бывшему профессору Я. Гроту отыскать, гдѣ возможно, не напечатанныя сочиненія пѣвца Фелицы. Г. Гротъ приступилъ къ розысканіямъ и нашелъ у родственниковъ поэта множество любопытныхъ документовъ, между которыми есть стихи, опера, трагедія, мемуары и т. п. Наши библіографы Генади, Полторацкій, Полѣновъ, Лонгиновъ и др. съ своей стороны доставили разные матеріалы для біографіи Державина. Кромѣ того въ Москвѣ найденъ превосходный портретъ поэта (во весь ростъ), исполненный извѣстнымъ художникомъ Тончи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу сообщить вамъ отраднѣйшій фактъ благотворительности. Нѣкто, приобрѣлъ за-границею двѣнадцать швейныхъ машинъ, привезъ ихъ сюда, взялъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, съ цѣлію обучить ихъ обращаться съ этими машинами, дагъ имъ отъ семи и до двѣнадцати рублей жалованья въ мѣсяць; каждая изъ мастерицъ, проработавшая усердно пять лѣтъ, получаетъ при выходѣ въ замужество въ приданое одну швейную машину. Нельзя не порадоваться такой благой мысли и не пожелать, чтобы нашлось побольше подражателей.

Въ послѣднемъ N° Русскаго Художественнаго Листка помѣщенъ снимокъ съ картины Трутовскаго: различные періоды жизни малороссійскаго чумака. Въ этой картинѣ столько прелести, теплоты и чувства, что самый холодный зритель невольно съ удовольствіемъ простоятъ нѣсколько минутъ.

Чумакъ, опершись на длинную палку, стоитъ посреди возовъ съ волами. Лобъ его, изрѣзанный морщинами, ясно показываетъ, что этотъ человѣкъ много испыталъ на своемъ вѣку, а между тѣмъ лице его выражаетъ невозмутимое спокойствіе. Но таковъ ли былъ этотъ чумакъ лѣтъ 15—20 тому назадъ? Нѣтъ, Грицко былъ веселымъ беззаботнымъ парнемъ, любилъ, и любилъ со-всѣмъ пыломъ молодости, наконецъ, посѣдѣлъ въ нѣсколько лѣтъ и умеръ набожнымъ, благочестивымъ патриархомъ. Товарищи его, мужики, срубили дубъ, обтесали его кое-какъ и поставили его вмѣсто креста на могилѣ Грицко, и «далеко, далеко изъ степи его видно».

Всѣ эти сцены представляются сами собою передъ зрителемъ, глядящимъ на картину г. Трутовскаго и представляются живо и оставляютъ послѣ себя глубокое, отрадно-печальное чувство, подобное тому, которое выносить читатель изъ рассказовъ Марка Вовчка.

Въ заключеніе позвольте передать вамъ довольно удачное красное словцо одного очень почтеннаго господина.

— Что вы думаете, спросили его, о г. Л.? Онъ, кажется, получилъ весьма разностороннее образованіе и владѣеть хорошо языкомъ.

Почтенный отвѣчалъ на это.

— Л. напоминаетъ мнѣ мелочную лавочку, въ которой все есть и все скверно.

Это, пожалуй, можно сказать и про мою лѣтопись. На всѣхъ вѣдъ не угодишь.

Е. МОЛЛЕРЪ.

ПОПРАВКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(М. И. Самевскаго.)

I.

Н. Г. Устряловъ нашелъ въ статьѣ нашей о «VI томѣ исторіи Петра I» («Русское Слово» 1860 года, № 1) двѣ ошибки, которыя, по его указанію, и спѣшимъ исправить: а) Приводя письмо царевича Алексѣя къ Ивану Федоровичу отъ 1-го декабря изъ Данцига — мы говоримъ (стр. 27): «Здѣсь ошибка, не показанная въ печаткахъ: 1718 годъ вмѣсто 1717 года». Ошибку же сдѣлалъ не г. Устряловъ, а мы, прочитавъ 1-е декабря вмѣсто 1-е января, при которомъ и стоитъ, какъ и слѣдуетъ 1718

годъ; смотр. VI томъ, стр. 134 текста, и перепечатку буква въ букву того же письма въ 133-мъ приложеніи, стр. 432—433.

б) У насъ сказано (стр. 34): «Княгиня Настасья Троекурова была урожденная Щербатова; г. Устряловъ *ошибочно* ее называетъ (на 222 стр.) урожденной Лопухиной». Н. Г. Устряловъ отыскалъ намъ въ родословномъ сборникѣ Долгорукова указаніе, что Настасья Троекурова (или какъ ее называетъ Леклеркъ, Левекъ и другіе, Тресигва), была дѣйствительно урожденная Лопухина. Почему же историографъ не привелъ въ своемъ мѣстѣ ссылку? Что же касается до нашей ошибки (о которой мы, впрочемъ, наведемъ еще справку), то она произошла отъ выписокъ изъ родословіи нѣкоторыхъ княжескихъ родовъ, имѣющихся у насъ, откуда мы заимствовали это извѣстіе, и оттого, что въ подробной родословной Лопухинныхъ, выданной В. Г. Лопухину изъ герольдіи (въ 1801 году, марта 6-го, за № 89, г-мъ Козодавлевымъ), и нынѣ хранящейся у насъ, не показана *Настасья Лопухина*. Какъ бы то ни было, но вмѣсто словъ: «г. Устряловъ *ошибочно* говоритъ...», слѣдуетъ читать: «г. Устряловъ, какъ кажется, ошибается». Вполнѣ сожалѣемъ, что историографъ Петра I не взялъ на себя труда найдти другія промахи въ замѣткахъ нашихъ на его книгу. Ошибки всегда и во всемъ неизбѣжны; мы съ удовольствіемъ примемъ всякаго рода поправки. А между тѣмъ, кстати по поводу Настасьи, признаваемой нами за урожденную *Щербатову*, и всего дѣла Алексѣя, вспомнимъ весьма характеристическій разговоръ князя *М. Щербатова*. «Незадолго до 1718 года Захаръ Данилычъ Мешуковъ, поручикъ флота, любимый государемъ, яко первый русскій, въ которомъ онъ довольно знанія мореплаванія нашель, и первый, который командовалъ уже фрегатомъ, бывъ на единомъ пршествѣ съ государемъ въ Кронштадтѣ и напившись *нѣсколько* пьянъ, ставъ *размышлять* о лѣтахъ государя, о оказующемся слабомъ его здоровѣи и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился государь, возгѣ котораго онъ сидѣлъ, о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, что онъ *размышлялъ*, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ него строенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый оный, служившій во флотѣ и ощущающій его милости,— суть дѣянія рукъ его; то взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его, государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ удержаться, прилагая притомъ простую рѣчь: «на кого

ты насъ оставишь?» — Отвѣтствовалъ государь: «у меня есть наслѣдникъ», разумѣя царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ слѣпо и неосторожно сказалъ: «охъ, вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ!» При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдѣющихъ. Что же сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину, и довольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ *приложеніемъ*: «дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорить». (Смотри «О поврежденіи нравовъ въ Россіи князя М. Щербатова, стр. 24—25».)

Почтенный Щербатовъ приводитъ выписанный нами случай доказательствомъ того, «коль любилъ государь истину». Множество примѣровъ доказываютъ, что великій преобразователь любилъ правду, дорожилъ ею, презиралъ лесть; но на разсказъ Щербатова мы смотримъ съ другой точки: мы видимъ изъ него, что Мешуковъ былъ *нѣсколько пльнъ*, что онъ *размышлялъ* о томъ, какъ и что сказать и, думаемъ, вполне былъ увѣренъ, что отзывъ его о Алексѣѣ понравится, по крайней мѣрѣ, вызоветъ *въ приложеніи* только названіе *дурака*, а не ударъ знаменитой дубинки. Слѣдовательно, рѣшимость Мешукова не велика, рисковать ему многимъ не приходилось; изъ его поступка видно, какъ безцеремонно относились къ нелюбимому Петромъ первенцу-сыну, какъ грубо относились его деньщики и слуги.

Такъ или иначе, но подобные факты въ высшей степени интересны; на недостатокъ ихъ, въ сочиненіи Устрялова мы указали уже въ нашихъ *замѣткахъ*.

II.

Въ публичной библіотекѣ, въ отдѣленіи иностранныхъ сочиненій, относящихся къ отечественной исторіи, находится, если можно такъ выразиться, *цѣлая литература* о предшественникѣ Гюйсена, воспитателѣ царевича, *Нейебауеръ*. Тамъ можно найти нѣсколько сочиненій, сообщающихъ весьма любопытныя подробности объ этомъ менторѣ Алексѣя, менторѣ, о которомъ Н. Г. Устряловъ на 620 страницахъ «Исторіи царевича Алексѣя Петровича» не сказалъ ни одного слова. Мы искренно пожелаемъ, если начальство библіотеки не представитъ по поводу VI тома исторіи Петра замѣчаній о матеріалахъ, упущенныхъ изъ виду историкомъ, замѣчаній, подобныхъ тѣмъ, которые были сдѣланы въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 года о первыхъ трехъ томахъ исторіи Петра I. Говорить ли о томъ, какъ ин-

тересны и какъ драгоцѣнны, въ историческомъ отношеніи, подобнаго рода замѣчанія и указанія?

III.

Мы замѣтили (въ «Русскомъ Словѣ» 1860 года, № 1, критика, стр. 46) «что хорошо бы было, если бы кто нибудь составилъ списокъ лицъ *штрафованныхъ* и *скасованныхъ*, лицъ всѣхъ сословій, наказанныхъ разными способами и за разные преступленія съ сентября 1689 года по январь 1725 года. Можно бы было съ одного взгляда замѣтить, чего стоили Россіи нововведенія мудраго, но суроваго монарха.» Какъ одинъ изъ матеріаловъ къ отвѣту на этотъ запросъ, приводимъ небольшую записку, доставленную намъ, между прочими, однимъ изъ нашихъ ученыхъ. Это выписка изъ подлинныхъ бумагъ о *астраханскомъ бунтѣ 1705 года*:

«А изъ вышечисанныхъ пушихъ завогчиковъ казнены смертью передъ преображенскимъ приказомъ: *колесованы*: Гурь Агѣевъ, Прохоръ Носовъ, Иванъ Шелудякъ, Григорей Артемьевъ, Терентей Корешило, Петръ Жегало, и того шесть человекъ.

А товарищи ихъ казнены смертью жъ, *отсѣчены головы* у преображенскаго приказа, астраханецъ посадкой человекъ земскихъ дѣлъ бурмистръ Антищъ Ермолаевъ съ товарищи (имена), всего 42 человекъ.

На красной площади, Ѳедоръ Шиншка съ товарищи, 30 человекъ.

Около Москвы, по дорогамъ, *перевѣшены*: 242 человекъ.

Да во время розысковъ и послѣ розысковъ (пытокъ) померли 45 человекъ.

Всего колесовано, казнено и померло (по этому дѣлу) 365 человекъ.»

IV.

Первымъ доказательствомъ мнимости письма А. И. Румянцева, отъ 27-го іюля 1718 года, г. Устряловъ приводитъ, что Титовъ, къ которому писано письмо, не существовалъ; не существовалъ, по крайней мѣрѣ, такой Титовъ, который бы пользовался въ то время большимъ значеніемъ, былъ бы покровителемъ Румянцева и проч. Мы уже говорили въ нашихъ замѣткахъ на VI томъ (стр. 52), что это замѣчаніе очень не важно; еще вопросъ: *къ Титову ли писалъ Румянцовъ?* По крайней мѣрѣ письмо о привозѣ Алексѣя въ Москву писано Румянцовымъ

не къ Дмитрію Ивановичу, а къ Ивану Дмитріевичу, въ Рязань; фамліи же этого лица не узналъ *кн. Вл. К.*, печатая (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844 года, томъ XXXIII) письмо изъ рукописи Румянцова-Задунайскаго. Итакъ не переписчиками ли выдуманно, что Александръ Ивановичъ писалъ къ Титову? Н. Г. Устряловъ не говоритъ, какими списками руководствовался онъ при отпечатаніи посланія Румянцова? По его просьбѣ, доставленъ былъ нами списокъ (о чемъ историографъ не нашелъ нужнымъ упомянуть), списокъ позднѣйшій (другаго мы не имѣли) и, если не ошибаемся, съ этого одного списка Н. Г. Устряловъ печаталъ имъ осужденное *мнимое письмо*. П. Н. Петровъ, близко знающій отечественную исторію и занимающійся ею въ связи съ своею спеціальностью: исторіею гравированья въ Россіи, — сообщилъ намъ, что на одномъ, довольно старинномъ спискѣ письма Румянцова, онъ видѣлъ надпись: *Татищеву*. Вообще вопросъ о мнимости этого письма — не рѣшенъ еще окончательно.

V.

Въ статьѣ нашей: «Царствованіе Елисаветы, 1743 годъ» («Русское Слово» 1860 года, № 1, стр. 29, 30), замѣчена А. Θ. Бычковымъ (которому и приносимъ благодарность) важная ошибка; у насъ сказано: «къ крошадскимъ работамъ опредѣленъ былъ инженеръ-маіоръ-мина Румянцовъ». Слѣдуетъ же писать *мина-Румянцовъ* чрезъ большую букву *Мина*. Это не титулъ, какъ думали мы, а собственное имя; оно правильно напечатано въ П. С. З., т. XI, стр. 818.

VI.

Еще важнѣе въ той же статьѣ не наша, а типографская ошибка: перепутаны выноски на примѣчанія. Считаемо необходимымъ исправить эти опечатки:

напечатано:		читай:		напечатано:		читай:	
На 32	стр. 14	стр. сверху	(10) (9)	« 43	« 15	« сверху	(22) (20)
« 35	« 11	« «	(11) (10)	« 43	« 13	« снизу	(23) (18)
« 35	« 11	« снизу	(12) (10)	« 43	« 10	« снизу	(24) (21)
« 36	« 10	« сверху	(13) (11)	« 44	« 13	« сверху	(25) (22)
« 36	« 11	« снизу	(14) (13)	« 45	« 9	« сверху	(26) (23)
« 40	« 8	« сверху	(15) (12 и 14)	« 45	« 13	« снизу	(26) (24)
« 40	« 16	« сверху	(16) (15)	« 46	« 16	« сверху	(27) (24)
« 40	« 9	« снизу	(17) (16)	« 46	« 19	« сверху	(28) (25)
« 41	« 14	« снизу	(18) (16)	« 46	« 8	« снизу	(29) (26)
« 41	« 1	« снизу	(19) (17)	« 46	« 1	« снизу	(30) (27)
« 42	« 18	« снизу	(20) (18)	« 47	« 8	« сверху	(31) (28)
« 43	« 8	« сверху	(21) (19)	« 48	« 12	« снизу	(32) (29)

напечатано:		читай:	напечатано:		читай:
« 50	« 19	« сверху (33) (32)	« 62	« 4	« снизу (46) (41)
« 51	« 5	« сверху (34) (30)	« 63	« 3	« сверху (47) (42)
« 55	« 17	« снизу (35) (31)	« 64	« 11	« сверху (48) (43)
« 56	« 4	« снизу (36) (31)	« 66	« 14	« сверху (49) (44)
« 57	« 5	« сверху (37) (12)	« 66	« 16	« снизу (50) (46)
« 59	« 6	« сверху (38) (33)	« 67	« 6	« сверху (51) (45)
« 59	« 7	« снизу (39) (34)	« 67	« 16	« снизу (52) (47)
« 61	« 8	« снизу (40) (35)	« 68	« 12	« сверху (53) (48)
« 61	« 1	« снизу (41) (36)	« 68	« 9	« снизу (54) (49)
« 62	« 6	« сверху (42) (37)	« 68	« 5	« снизу (55) (50)
« 62	« 14	« сверху (43) (38)	« 69	« 10	« сверху (55) (51)
« 62	« 18	« сверху (44) (39)	« 69	« 6	« снизу (56) (51)
« 62	« 18	« снизу (45) (40)	« 70	« 2	« снизу (57) (52)

На 78 стран., 7 строка снизу, напечатано: статья эта, читай: статья наша.

VII.

П. Н. Петровъ сообщилъ намъ довольно важную поправку; приводимъ записку Петра Николаевича дѣлкомъ:

«18-го Декабря 1709 г. въ десять часовъ утра, при громѣ пушечной пальбы, при гулѣ колокольнаго звона — въ главѣ россійскихъ полковъ, въ сопровожденіи великолѣпной свиты генераловъ и знаменитѣйшихъ шведскихъ плѣнныхъ, начался торжественный вѣздъ Петра въ первопрестольную Москву.»

Такъ начинается М. И. Семевскій любопытную статью свою «Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ» (Русскде Слово, кн. 2. 1859 г.) и дѣлаетъ здѣсь ошибку, довѣрившись Голикову и Крекшину: вшествіе триумфальное было не 18-го декабря, а *три дня спустя послѣ рожденія Елисаветы*, т. е., 21-го числа того же мѣсяца, это видно изъ гравюры, современной происшествію: «Изъявленіе триумфальнаго входа его царскаго величества въ Москву 1709 декабря въ 21-й день.»

Точность означенія на эстампѣ числа триумфальнаго вѣзда подтверждается приложеніемъ къ походному журналу за 1709 годъ. Не останавливаясь на художественной оцѣнкѣ гравюры, опишемъ самое изображеніе.

Гравюра — въ ширину. Линіи процессіи тянутся вавилономъ, сквозь четверо триумфальныхъ воротъ: голова поѣзда вверху, конецъ — внизу картины. Нечего и говорить о перспективномъ размѣрѣ фигуръ, которые въ переднихъ рядахъ не такъ мелки, какъ бы слѣдовало. Передняя часть картины занята загородкою, родъ эстрады, съ двумя ступенями; по сторонамъ ея, между разбросанными военными принадлежностями: пушками, ядрами, холоднымъ оружіемъ, знаменами и проч. прикованы фигуры: Съ лѣва шведъ, съ права — колѣноприклоненный Мазепа, со-

всѣмъ обнаженный, изъ-за него выглядываетъ голова въ нѣмецкомъ шлемѣ. На щиткѣ надпись:

«Изъявленіе триумфальнаго входа его царскаго величества въ Москву 1709 декабря въ 21 день: вводящаго шведскаво плѣнных генералов вышнія і нижнія офицеров купно съ ихъ артилерією знаменами і прочім двух баталиі то есть 1708 сентября въ 28 ден прілесном съ генералом графом Левенгауптом и 1709 годѣх съ королем швецким Карлом :12: прі Полтаве учинившіяся. А какім, порядком оное опредѣлено указуеі всем чертеж по ну-мерам....»

Самое распредѣленіе, предполагавшееся въ четырехъ граняхъ недописано, а только начато. Именно назначены слова въ первой: 1 Полкъ семеновскій (которым командовалъ господин генералъ Леитенантъ князь Голицын) а за онымъ» — далѣе нѣтъ.

Самые дальнія фигуры — (начало шествія) — конные по четверо въ рядъ съ поднятыми палашами, четыре шеренги. За ними одна фигура конная же, за которою одинъ изъ четверыхъ, составляющихъ шеренгу, везетъ широкое знамя. Послѣ трехъ шеренгъ (включая и со знаменемъ) опять одинъ конный за нимъ — пушки.

Второй рядъ, отъ послѣдней «побѣдительныхъ вратъ,» справа пѣшкомъ густая толпа шведскихъ плѣнныхъ, предшествуемая четырьмя шерингами конныхъ. Передъ плѣнными за кавалькадою, на богатомъ сѣдлѣ фигура какого-то важнаго лица. Отъ третьихъ до четвертыхъ воротъ — третій рядъ состоитъ изъ пушекъ, послѣдуемыхъ возомъ съ боченками пороха и знаменами. Знаменъ шестнадцать. Ихъ несутъ по четверо въ рядъ; опустивъ совершенно къ землѣ. Передъ знаменщиками четыре барабанщика.

Третья ворота — съ лѣвой стороны картины — увѣнчаны русскимъ орломъ, украшены живописною картиною плывущаго корабля съ аллегорическими по сторонамъ фигурами.

Ворота вторыя, на которыхъ стоящая фигура бога войны съ копьемъ, тоже съ живописью, скульптурными фигурами и балюстрадамъ устроены на сквозномъ портикѣ: передъ ними, соединяясь впрочемъ съ воротами, загородками, со статуями, пирамидами на квадратныхъ основаніяхъ, оканчивающіяся фигурами славы съ трубою.

Въ эти ворота проходитъ толпа пѣшихъ по одному въ рядъ. Впереди и за ними по четверо въ рядъ съ поднятыми вверхъ прямо саблями.

Ворота первыя, украшенныя только аллегорическою живописью, просто съ зубцами на плоской кровлѣ. Къ нимъ направляется съ правой стороны картины послѣдній рядъ шествія, открывающійся какими-то крытыми фурами. Рядъ этотъ исключительно изъ конныхъ раздѣленныхъ на три отдѣленія въ четыре шеренги каждое, и въ каждомъ отдѣленіи везется штандартъ. Между отдѣленіями особо одиночныя фигуры, сколько позволяетъ разсмотрѣть гравюра, богато одѣтыя.

Мы имѣемъ эстампъ п. «Фейерка по полтавской баталіи, бывшаго въ Москвѣ въ 1710 году въ 1-й день января» которымъ, а отнюдь не 21-го декабря, оканчивается торжество.»

21-го января 1860 года.

Печатня Сиверина и Ко.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Въ Москвѣ въ 1860 году.

Печатаніе сочиненія Н. И. Костомарова: «Русскіе инородцы», по желанію автора отлагается на непродолжительное время.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГРАФОМЪ КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ настоящее время кажется уже созрѣло сознаніе, что для уразумѣнія смысла исторіи не достаточно однихъ повѣтствований о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеніяхъ, указахъ, дипломатическихъ сношеніяхъ и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ не возможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція Русскаго Слова полагаетъ не бесполезнымъ при своемъ журналѣ печатать въ видѣ приложеній памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большею частію досихъ-поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книго-хранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не рѣдко въ стрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлю, съ февраля мѣсяца, редакція приступаетъ къ изданію перваго тома Сборника, названіе котораго выписано выше. Въ составъ его войдутъ: 1) Повѣсть о посадникѣ Щиглѣ, съ картинами; 2) Горе-злочастіе; 3) Повѣсть о Димитріѣ, кievскомъ купцѣ

и его сынѣ; 4) О премудромъ Акирѣ; 5) Повѣсть о грѣшной матери, съ картинами; 6) Ерусланъ Лазаревичъ по списку XVII вѣка; 7) Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи; — кромѣ того, нѣкоторые другіе памятники старинной русской литературы, выборъ которыхъ не рѣшенъ еще окончательно.

Памятники старинной русской литературы будутъ напечатаны или въ четвертку или въ большую осьмушку, смотря потому, какой форматъ окажется болѣе удобнымъ для картинъ, которыя будутъ сняты фотографически. Собраніе этихъ картинъ, представляющихъ различныя стороны домашней старинной жизни русской, будетъ увеличено фотографическими снимками съ рисунковъ изъ Олеарія, Герберштейна, Строуса, Кленка и другихъ путешественниковъ, оставившихъ описанія о старинномъ бытѣ Россіи. Число всѣхъ фотографическихъ картинъ будетъ простирается до семидесяти; всѣ онѣ будутъ воспроизведены со всевозможною точностію, а тѣ изъ нихъ, которыя въ подлинникѣ раскрашены (такихъ будетъ до двадцати), въ такомъ же видѣ явятся въ снимкахъ.

Памятники старинной русской литературы назначаются *исключительно* для подписчиковъ Русскаго Слова и потому ихъ въ продажѣ не будетъ. Редакторъ Русскаго Слова, принимающій на себя издержки по изданію памятниковъ старинной русской литературы, предлагаетъ гг. подписчикамъ своего журнала текстъ Сборника бесплатно. Приобрѣтеніе же собранія принадлежащихъ къ нему фотографическихъ картинъ, превышающаго своею цѣною подписную цѣну на журналъ, предоставляется собственному ихъ выбору. За каждую раскрашенную картину платится девяносто копеекъ, за черную двадцать пять копеекъ. Соображаясь съ этою цѣною, гг. подписчики могутъ присылать свои требованія. При нежеланіи получить полное собраніе картинъ (необходимое только для роскошныхъ экземпляровъ), выборъ ихъ будетъ сдѣланъ редакторомъ Сборника, профессоромъ Костомаровымъ. Каждый подписчикъ можетъ получить не болѣе одного экземпляра Сборника.

Чтобы гг. подписчики Русскаго Слова не встрѣтили затрудненія въ немедленномъ удовлетвореніи ихъ требованій, редакция покорнѣйше проситъ присылать эти требованія заранѣе *),

*) Требования слѣдуетъ адресовать такъ: въ редакцію Русскаго Слова, въ С.-Петербургѣ, на гагаринской пристани, въ домѣ графа Кушелева-Безбородко.

обозначая въ нихъ сколько и какихъ картинъ (т. е., раскрашенныхъ или черныхъ) желаютъ они получить. При требованіи слѣдуетъ прилагать не менѣе третьей части цѣны желаемыхъ картинъ; остальные деньги можно доставить по выходѣ Памятниковъ старинной русской литературы, т. е., къ 1-му мая, о чемъ редація извѣститъ своевременно.

Подписка на картины принимается: для ближнихъ губерній до 15-го апрѣля, для дальнихъ — до 15-го мая; требованія, поступившія послѣ этого срока, останутся неудовлетворенными.

Н. Костомаровъ.

Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.

Журналъ «Русское Слово» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна годовому изданію, съ учеными и литературными прибавленіями (которыя составятъ не менѣе 150 печатныхъ листовъ), безъ доставки и пересылки — 14 р. 50 к., съ доставкою на домъ, въ Петербургъ и Москвѣ, 16 р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ПОЧТѢ 17 р. 50 к.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТЪ.

№ 14.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Шахматные вечера* гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. — Окончаніе перваго турнира. — Нѣсколько словъ о характерѣ игры Д. С. Стерна и В. В. Пеликана. — Партіи Д. С. Стерна съ И. С. Шумовымъ и В. В. Пеликаномъ. — Второй турниръ. — Третій турниръ. — Опроверженіе обвиненій Г-на А. М—ва (въ Березовѣ). — Опечатки въ нумераціи задачъ. — Удачная печатка или найденышъ. — Задачи. — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 8-я).

Послѣдніе два мѣсяца очень замѣчательны въ лѣтописи петербургской шахматной жизни. Давно, со времени счастливейшихъ дней покойнаго клуба, не было замѣтно такого оживленія въ дѣятельности нашихъ любителей; причиною тому блистательные шахматные вечера графа Кушелева-Безбородко, на которые съѣзжались всѣ почти петербургскіе шахматисты, отъ знаменитаго своими теоретическими изслѣдованіями Яниша, до непризнающихъ никакой теоріи *натуралистовъ**), отъ непобѣдимаго Шумова до игроковъ, получающихъ ладью и коня впередъ. Замѣчательнѣйшій эпизодъ этихъ вечеровъ — турниры, о первомъ изъ которыхъ мы говорили уже въ прошломъ Листкѣ. Но въ то время окончательный результатъ турнира не былъ еще извѣстенъ; знали только, что призы достаются Гг. Шумову, Стерну и Пеликану, которымъ предстояло еще состязаться между собою для рѣшенія вопроса о распредѣленіи призовъ. Въ этомъ послѣднемъ состязаніи играется, — какъ мы уже объяснили прежде,

*) Такъ называютъ въ Германіи любителей, которые, отвергая значеніе теоріи, играютъ единственно по собственнымъ соображеніямъ.

— не по жребію, а такъ, что каждый изъ трехъ побѣдителей непремѣнно играетъ съ двумя остальными; тѣмъ не менѣе бросить жребій необходимо, чтобы узнать кому и съ кѣмъ играть прежде. Для этого положено въ урну три билета; на одномъ написано — *бѣлые*, на другомъ — *черные*, на третьемъ — *нуль*. Первый изъ этихъ билетовъ достался Стерню, второй Шумову, третій Пеликану. Итакъ состязаніе побѣдителей началось битвою Шумова со Стернемъ. Битва была упорна; партія длилась болѣе четырехъ часовъ и окончилась розыгрышемъ (См. партію No. 85.). Пришлось переигрывать и въ этотъ разъ участь борьбы рѣшилась скоро: на 14-мъ ходѣ г. Стернь сдѣлалъ грубую ошибку, а на 31-мъ призналъ себя побѣжденнымъ (См. партію No 86.). Послѣ двухъ партій съ такимъ противникомъ какъ г. Шумовъ, г-ну Стерню необходимо было бы отложить предстоящую съ новымъ соперникомъ битву до другаго дня. Онъ этого не сдѣлалъ; тутъ-же, не отдыхая ни минуты, вступилъ въ бой съ г. Пеликаномъ и, противъ общаго ожиданія, — проигралъ партію. Кстати, скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ соперникахъ, еще мало знакомыхъ читателямъ Листка.

Во время существованія петербургскаго шахматнаго клуба, Д. С. Стернь по справедливости считался однимъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ этого общества; правда, онъ всегда уступалъ въ силѣ Гг. Янишу, Шумову и Урусову, но, за исключеніемъ ихъ, занималъ едва ли не первое мѣсто. Его смѣлая и чрезвычайно своеобразная игра обнаруживаетъ замѣчательный талантъ, который онъ имѣлъ случай развить практикою съ знаменитыми русскими и иностранными игроками *). Къ сожалѣнію г. Стернь играетъ весьма неровно: иногда разыграетъ партію превосходно, а другой разъ, какъ напримѣръ во второй турнирной партіи съ Шумовымъ, играетъ очень слабо; случается также, что послѣ ряда чрезвычайно тонкихъ, хорошо обдуманыхъ ходовъ, вдругъ дѣлаетъ грубую ошибку и проигрываетъ партію. Обладая богатою фантазіей и тонкимъ соображеніемъ, онъ вѣчно стремится къ чемунибудь необыкновенному; не довольствуется выиграть просто, а хочетъ во что бы то ни стало выиграть какимънибудь красивымъ, неожиданнымъ маневромъ. Охотники видѣть во всемъ такъ называемыя

*) Проѣздомъ черезъ Варшаву, г-нъ Стернь сыгралъ двѣ партіи съ несравненнымъ Петровымъ: одну изъ нихъ проигралъ, а другую привелъ къ розыгрышу.

школы сказали бы непременно, что г. Стернъ принадлежитъ къ школѣ Кіезерицкаго и дѣйствительно игра его очень напоминаетъ *proportions gardées*, игру знаменитаго лифляндца. Нѣтъ сомнѣнія, что живость воображенія, безъ которой невозможно играть красиво и оригинально, составляетъ драгоценное свойство для шахматнаго игрока; но если это свойство развито слишкомъ сильно въ ущербъ вниманію и основательности соображеній, то оно обращается въ недостатокъ; этотъ то недостатокъ замѣчаемъ мы въ игрѣ г. Стерна. Тѣмъ не менѣе г. Стернъ безспорно принадлежитъ къ числу наилучшихъ петербургскихъ шахматистовъ и мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ теперь въ рукахъ ни одной партіи, по которой читатели могли бы судить о его настоящей силѣ; въ печатаемыхъ здѣсь турнирныхъ партіяхъ, за исключеніемъ развѣ первой, г. Стернъ былъ рѣшительно недостойнъ самъ себя.

Г. Пеликанъ не имѣетъ ни опытности, ни извѣстности г. Стерна; можетъ быть онъ уступаетъ ему также въ отношеніи замысловатости и оригинальности соображеній, но за то въ высокой степени обладаетъ необходимымъ для шахматнаго игрока качествомъ, а именно: вниманіемъ. Онъ никогда не дѣлаетъ грубой ошибки, всегда играетъ основательно, обдуманно и осторожно. Не подумайте впрочемъ, чтобъ онъ игралъ трусливо; напротивъ того, онъ любитъ игру открытую, охотно даетъ и принимаетъ всякаго рода гамбиты даже съ самыми сильными противниками и вообще ни чѣмъ не походить на тѣхъ несносныхъ кароттеровъ, которые, доводя осторожность до крайнихъ предѣловъ, мучатъ противника спертою игрою и вялыми маневрами. Но въ то же время г. Пеликанъ умѣетъ сдерживать свою фантазію *), понимая очень хорошо, что игроку, не достигшему еще большой силы, не слѣдуетъ, особенно въ партіяхъ серьезныхъ, легко вдаваться въ область неизвѣстнаго.

Нѣсколько дней спустя послѣ побѣды надъ г. Стерномъ, В. В. Пеликанъ потерпѣлъ пораженіе отъ г. Шумова; этимъ и заключился турниръ. Первый призъ получилъ И. С. Шумовъ, второй — В. В. Пеликанъ, третій — Д. С. Стернъ. Вотъ послѣднія партіи этого турнира, за исключеніемъ игры двухъ первыхъ побѣдителей, которая не была записана.

*) Что у г. Пеликана нѣтъ недостатка въ шахматной фантазій, это можно видѣть изъ его крайне замысловатыхъ и красивыхъ задачъ (см. Шахм. Лист. N° XIII.)

ПАРТІЯ № 85.
ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(22 Декабря 1859 года.)

Д. С. Стернь. И. С. Шумовъ,

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	39) f2—e2	e1—g1+
2) f2—f4	d7—d5	40) g2—h2	g1—h1+
3) e4—d5°	e5—f4° (1)	41) h2—g2	h1—g1+ (5)
4) d1—f3 (2)	g8—f6	42) g2—h2	g1—f1
5) f1—b5+	c8—d7	43) e2—e4 (6)	g6—g5
6) b5—d7°+	h8—d7°	44) e4—e2	f6—f5
7) d2—d4	d7—b6	45) h2—g2	f1—g1+
8) c1—f4°	b6—d5°	46) g2—h2	g1—c1 (7)
9) f4—e5	f8—d6	47) d2—c2	c1—f1
10) e5—f6°	d5—f6°	48) c2—d2	f1—h1+
11) g1—e2	0—0	49) h2—g2	h1—g1+ (8)
12) 0—0	c7—c6	50) g2—h2	g1—f1 (9)
13) b1—d2	d8—c7	51) d2—c2	f1—d1 (10)
14) h2—h3	a8—e8	52) c2—d2	d1—d2° (11)
15) c2—c3	e8—e7	53) e2—d2°	b1—e1
16) d2—c4	f8—e8	54) h2—g2 (12)	g5—f6
17) e2—f4	d6—f4°	55) g2—f2	e1—e4
18) f3—f4°	c7—f4°	56) d4—d5	c6—d5°
19) f1—f4°	f6—d5	57) d2—d5°	e4—e5
20) f4—f2	f7—f6	58) d5—e5°	f6—e5°
21) c4—d6	e8—d8	59) f2—e3	f5—f4+
22) d6—f5	e7—e6	60) g3—f4°+	e5—f5
23) a1—d1	g7—g6	61) a3—a4	b5—a4°
24) f5—h6+	g8—g7	62) c3—c4	g4—g3
25) h6—g4	h7—h5	63) e3—f3	g3—g2
26) g4—h2	d8—c8	64) f3—g2°	f5—f4° (13)
27) h2—f3	b7—b5	65) c4—c5	f4—e5
28) g2—g3	a7—a5	66) c5—c6	e5—d6
29) d1—d2	g6—g5	67) c6—c7	d6—c7°
30) a2—a3	g7—g6	68) g2—f3	c7—c6
31) g1—h2	d5—e3	69) f3—e3	c6—c5
32) f3—g1	e3—c4	70) e3—d3	c5—b4
33) d2—c2	e6—e1	71) d3—c2	a4—a3
34) g1—f3	e1—b1	72) b2—a3°+	b4—a3°
35) f3—d2	c4—d2° (3)	73) c2—b1	a3—b3
36) c2—d2°	e8—e1	74) b1—a1	a5—a4
37) h2—g2	g5—g4 (4)	75) a1—b1	a4—a3
38) h3—g4°	h5—g4°	76) b1—a1	a3—a2

Бѣлому королю патъ и слѣдовательно игра ничья.

Примѣчанія къ партіи № 85.

1) e5—e4 составило бы такъ называемый контръ-гамбитъ Фалькбеера, который по справедливости почитается одною изъ лучшихъ защитъ противъ королевскаго гамбита.

(2) g1—f3 было бы безъ сомнѣнія лучше, тогда 4) $\overline{d3-d5^0}$ 5) $\overline{b1-c3}$; черные теряютъ темпо и бѣлые имѣютъ очевидное превосходство положенія, ибо если 5) $\overline{d5-e6+}$, то 6) $\overline{e1-f2}$, угрожая завоевать ферзя или дать матъ посредствомъ f1—b5+ и h1—e1.

(3) Играя 35) $\overline{b1-b2^0}$ бѣлые выиграли бы пѣшку, но это не представляетъ выгоды ибо 36) $\overline{d2-c4^0}$ 37) $\overline{f2-c2^0}$ и игра непременно кончится розыгрышемъ, тогда какъ, сохраняя обѣ ладьи, черные имѣютъ довольно сильную атаку.

(4) Угрожая матомъ въ три хода.

(5) Черные могутъ давать вѣчный шахъ, но г-нъ Шумовъ не такой игрокъ, чтобъ легко довольствоваться розыгрышемъ.

(6) d4—d5 было бы гораздо сильнѣе; черные были бы при-нуждены или дѣлать немедленно ничью посредствомъ вѣчнаго шаха или проиграть партію.

(7) Г. Пеликанъ замѣтилъ, что черные могли выиграть партію на этомъ ходѣ, играя:

46)	g1—h1+
47) h2—g2	h1—h3
48) g2—f2 (лучшій ходъ)	b1—h1
49) d2—c2 (лучшій ходъ)	h1—h2+
50) f2—f1	h2—e2°
51) c2—e2°	h3—g3°

и партія г. Стерна проиграна безъ всякаго сомнѣнія. Повторяемъ, что это замѣчаніе принадлежитъ г-ну Пеликану.

(8) }
 (9) } Смотри примѣчаніе 7-ое.
 (10) }
 (11) }

(12) Надо было играть d4—d5 и бѣлые имѣли бы хоть нѣ-который шансъ выиграть, а теперь непременно будетъ ничья.

(13) Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что игра ничья; продолжать такую партію можно только въ надеждѣ на грубую ошибку противника.

ПАРТІЯ № 86.
НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(22 Декабря 1859 года.)

И. С. Шумовъ. Д. С. Стернъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
		16) h4—g6	f4—d4°
1) e2—e4	e7—e6	17) g6—f8°	a8—f8°
2) d2—d4	d7—d5	18) a1—d1	d4—f4
3) e4—d5°	e6—d5°	19) f1—e1	d7—e5
4) g1—f3	f8—d6	20) c4—b3	e5—g4 (3)
5) f1—e2 (1).	g8—f6	21) h3—g4°	f6—g4°
6) 0—0	h7—h6	22) g2—g3	f4—g5
7) c2—c4	d5—c4°	23) g1—g2	g5—h5
8) e2—c4°	0—0	24) e1—h1	h5—g5
9) c1—e3	c8—g4	25) d1—e1	f8—d8
10) b1—d2	b8—d7	26) c2—e4	g7—g6
11) d1—c2	c7—c6	27) e4—e7	g5—e7°
12) h2—h3	g4—f3°	28) e1—e7°	d8—d2
13) d2—f3°	d8—c7	29) e7—f7°	g8—h8
14) f3—h4	d6—f4 (2)	30) h1—e1	d2—d8
15) e3—f4°	c7—f4°	31) e1—e7	избѣгнуть мата

нѣтъ возможности и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи No 86.

(1) Обыкновенно играется f1—d3.

(2) Грубая ошибка, испортившая партію черныхъ, которая до того была не дурна.

(3) Вторая ошибка, окончательно сгубившая партію. За тѣмъ черные совершенно деморализированы и играютъ до конца очень слабо.

ПАРТІЯ № 87.

GIUOCO PIANO.

В. В. Пеликанъ. Д. С. Стернъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	6) c2—c3	b4—d6 (2)
2) g1—f3	b8—c6	7) d1—b3	d8—e7
3) f1—c4	f8—c5	8) d2—d4	h7—h6
4) 0—0	g8—f6	9) f3—e5°	d6—e5°
5) b2—b4 (1)	c5—b4°	10) f2—f4	e5—d4°+

11) c3—d4°	c6—d4°	33) d7—d1	c2—g6
12) b3—c3 (3)	c7—c5	34) b3—b4°	c8—c2
13) e4—e5	f6—d5	35) d1—g1	c2—a2°
14) c3—b2 (4)	d5—b4	36) b4—d6	g6—d6°
15) b1—a3	a7—a6	37) e5—d6°	a2—d2
16) c1—e3	b7—b5	38) g1—d1	d2—d1°+
17) e3—d4°	c5—d4°	39) b1—d1°	b8—d8
18) c4—b3	d4—d3	40) g2—g4	h8—g8
19) b2—d4	0—0	41) h1—g2	g8—f8
20) a1—b1	g8—h8	42) g2—f3	b5—b4 (6)
21) b3—d5	b4—c6	43) f3—e4	f8—e8
22) d4—d3° (5)	c8—b7	44) e4—d5	e8—d7
23) a3—c2	a8—b8	45) d1—e1	b4—b3 (7)
24) g1—h1	e7—c5	46) e1—e7+	d7—c8
25) d5—f3	c6—e7	47) d5—c6	g7—g5 (8)
26) c2—b4	b7—f3°	48) e7—c7+	c8—b8
27) d3—f3°	c5—b6	49) c7—b7+	b8—c8
28) f1—d1	a6—a5	50) b7—b3°	g5—f4°
29) d1—d7°	a5—b4°	51) b3—a3	c8—b8
30) d7—e7°	b6—c5	52) d6—d7	f7—f6
31) e7—d7	c5—c2	53) a3—b3+	b8—a8
32) f3—b3	f8—c8	54) c6—c7	черные сдаются.

Примѣчания къ партии No 87.

(1) Этотъ ходъ хорошъ въ томъ случаѣ, когда черные защищаются посредствомъ 4) $\overline{d7-d6}$, но въ настоящемъ положеніи d2—d4 сильнѣе.

(2) Кіезерицкій употреблялъ это отступленіе въ обыкновенномъ Эвансова гамбитѣ, но оно какъ въ томъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ нигде не годится.

(3) Теперь черные имѣютъ двѣ лишнія пѣшки и должны бы непремѣнно выиграть, еслибъ играли внимательно: правда, силы бѣлыхъ нѣсколько лучше развернуты, но это незначительное превосходство далеко не вознаграждаетъ утраты двухъ пѣшекъ.

(4) Брать коня слономъ ведетъ къ потерѣ ферзя.

(5) Последніе ходы черныхъ очень слабы, вслѣдствіе чего они и потеряли двѣ пѣшки, такъ что теперь силы равны а превосходство положенія все же на сторонѣ бѣлыхъ.

(6) Потеря времени; надо было играть непосредственно короля на е8.

(7) Ошибка: надо было ставить немедленно ладью на е8 и игра была бы по всей вѣроятности ничья.

(8) Пустой ходъ, но какъ бы ни игралъ г. Стернь спасти его партію нѣтъ никакой возможности.

Въ заключеніе повѣствованій о турнирѣ я долженъ къ стыду моему признаться, что игралъ на немъ крайне плохо, ниже всякой критики; мало того, что проигралъ съ самаго перваго состязанія и проигралъ игроку, который, по общему мнѣнію, играетъ слабѣ меня, но проигралъ нелѣпо, постыдно. Послѣдній *мазетта*, ребенокъ, играющій въ первый разъ въ шахматы, едва ли сыграетъ такъ плохо и ужъ конечно не сдѣлаетъ того непостижимаго промаха, которымъ я заключилъ партію. Понятно, что послѣ столь постыднаго пораженія я сталъ хлопотать объ устройствѣ новаго турнира, въ надеждѣ хоть сколько нибудь поправить свою репутацію. Турниръ дѣйствительно уладился, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ: вмѣсто двадцати четырехъ рыцарей — двѣнадцать *), въ числѣ призовъ уже не красуются неаполитанскія коралловыя шахматы. Впрочемъ устройство этого турнира совершенно подобно устройству перваго, т. е. играется по жребію до тѣхъ поръ, пока останутся три побѣдителя, а за тѣмъ они состязаются между собою о первомъ, второмъ и третьемъ призѣ.

1° СОСТЯЗАНІЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Гр. Григорій Александровичъ *Кушелевъ-Безбородко*.
2. Викторъ Михайловичъ *Михайловъ*.
3. Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.
4. Георгій Николаевичъ *Радзевскій*.
5. Александръ Венцеславовичъ *Пеликанъ*.
6. Карлъ Осиповичъ *Розенбергеръ*.

ПРОИГРАЛИ:

- Александръ Николаевичъ *Филиповъ*.
- Степанъ Несторовичъ *Буйницкій*.
- Николай Ивановичъ *Петровскій*.
- Михаилъ Осиповичъ *Збиковскій*.
- Дмитрій Николаевичъ *Бѣлевцевъ*.
- Осипъ Ивановичъ *Корбутъ*.

*) Побѣдители перваго турнира не могли къ сожалѣнію участвовать во второмъ, такъ какъ они были заняты борьбою между собою.

2° СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Викторъ Михайловичъ *Михайловъ*.
2. Георгій Николаевичъ *Радзевскій*.
3. Карлъ Осиповичъ *Розенбергеръ*.

ПРОИГРАЛИ:

- Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ* *)
- Гр. Григорій Александровичъ *Кушелевъ-Безбородко*.
- Александръ Ивановичъ *Максимовъ*.

Нѣсколько времени спустя г. Радзевскій проигралъ двумъ остальнымъ побѣдителямъ турнира и, слѣдовательно, получилъ только третій призъ **); вопросъ о первомъ и второмъ призахъ разрѣшится на дняхъ битвою К. О. Розенбергера со мною. А между тѣмъ разыгранъ еще третій турниръ, побѣдителями котораго остались Д. С. Стернь (первый призъ) и Э. И. Форшь ***) (второй призъ). Вотъ таблица, объясняющая ходъ этого послѣдняго турнира:

1° СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернь*.
2. Г-нь *Франкенштейнъ*.
3. Фердинандъ Ивановичъ *Видеманъ*.
4. Эдуардъ Ивановичъ *Форшь*.

ПРОИГРАЛИ:

- Густавъ Густавовичъ *Циммерманъ*.
- Петръ Осиповичъ *Рудзевичъ*.
- Осипъ Ивановичъ *Корбутъ*.
- Дмитрій Богдановичъ *Броневскій*.

2° СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛИ:

1. Эдуардъ Ивановичъ *Форшь*.
2. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернь*.

ПРОИГРАЛИ:

- Г-нь *Франкенштейнъ*.
- Фердинандъ Ивановичъ *Видеманъ*.

3° СОСТЯЗАНИЕ.

ВЫИГРАЛЪ:

1. Дмитрій Сигизмундовичъ *Стернь*.

ПРОИГРАЛЪ:

- Эдуардъ Ивановичъ *Форшь*.

*) Въ первомъ состязаніи г. Циммерманъ не участвовалъ; онъ занялъ мѣсто А. В. Пеликана.

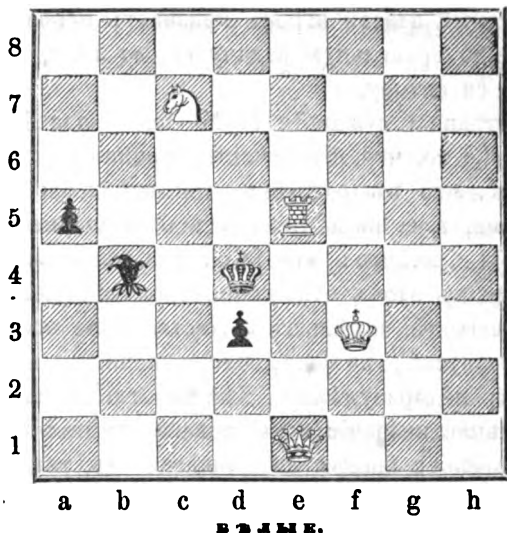
**) Г. Н. Радзевскій, молодой и еще неопытный любитель, игралъ во все время турнира весьма основательно и въ послѣднемъ своемъ состязаніи со мною, привелъ двѣ партіи къ розыгрышу.

***) По причинѣ малаго числа участниковъ, на этомъ турнирѣ было только два приза: первый — 25 р. и второй — 15 р.

Въ послѣднемъ Листкѣ мы сказали, что втеченіе минувшаго года редакція его получила большое число писемъ. Не будь этихъ писемъ и мы не знали бы, находить ли наше обозрѣніе читателей, имѣть ли оно какой нибудь интересъ для любителей благородной игры. Не надо забывать, что на Шахматный Листокъ не существуетъ отдѣльной подписки; онъ составляетъ неотъемлемое приложение Русскаго Слова и, слѣдовательно, не можетъ судить по числу подписчиковъ о степени возбуждаемаго имъ сочувствія: письменные и словесные отзывы любителей служатъ единственнымъ тому мѣриломъ. Отсюда понятно, какъ много благодарны мы тѣмъ изъ читателей, которые берутъ на себя трудъ обращаться къ намъ съ разнаго рода вопросами и замѣчаніями касательно помѣщаемыхъ въ Листкѣ статей, партій и задачъ. Случается, что вопросы эти бывають довольно наивны, замѣчанія не совсѣмъ справедливы*); въ такихъ случаяхъ мы приняли за правило, по весьма понятной причинѣ, отвѣчать не печатно въ журналѣ, а письменно по почтѣ. Но вотъ, въ концѣ декабря, получили мы изъ Березова, отъ г-на А. М—ва замѣчанія, которыя хотя и относятся къ разряду самыхъ неосновательныхъ, тѣмъ не менѣе требуютъ непременно, по тону изложенія, печатнаго отвѣта. Г-нъ М—въ, вполнѣ повидимому убѣжденный въ неопровержимости своихъ мнѣній, выражается такъ рѣзко и докторально, что замѣчанія его очень походятъ на обвиненія. Они касаются двухъ предметовъ: задачи № 3, помѣщенной въ февральскомъ Листкѣ 1859 г., и сужденія нашего о Морфи. Начнемъ съ задачи, которую для большей ясности перепечатываемъ здѣсь совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ первый разъ.

*) Даже и такого рода вопросы и замѣчанія никогда не бывають намъ неприяты, напротивъ того встрѣчаются съ радостію, какъ доказательство, что Листокъ читается русскими любителями. Мы вѣдь очень хорошо понимаемъ, что никто не обязанъ быть сильнымъ шахматнымъ игрокомъ: «On peut être honnête homme et faire mal des vers.»

ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Хотя задача эта довольно замысловата, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ почти проблемамъ въ два хода, она разрѣшается весьма легко, а именно:

- 1) e1—c1 d4—e5° (или b4—c3)(A)
- 2) c1—f4⊗

(A) При всякомъ другомъ ходѣ черныхъ, напр. a5—a4, b4—d2 и пр. бѣлые даютъ матъ посредствомъ 2) e5—d5⊗.

Каково же было наше изумленіе, когда, одиннадцать мѣсяцевъ спустя по напечатаніи проблемы (времени на разрѣшеніе было кажется довольно), мы прочли въ письмѣ березовскаго любителя, что *сдѣлать матъ въ два хода совершенно невозможно, а далѣе: бѣлые могутъ сдѣлать въ два хода матъ, когда ферзь ихъ будетъ стоять на e2*. Но, М. Г., въ томъ то и дѣло, чтобы придумать положеніе, въ которомъ выполнение мата въ извѣстное число ходовъ представляло бы трудность, а то при вашей перестановкѣ всякій ребенокъ мгновенно найдетъ рѣшеніе. Вотъ напримѣръ г. Шмиттъ, (проблема No 3 принадлежитъ ему) составилъ такую задачку въ два хода, которую вы не разрѣшили въ цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ, стало быть онъ мастерски сочиняетъ проблемы. Ему вашъ отзывъ будетъ, безъ сомнѣнія, весьма пріятнымъ.

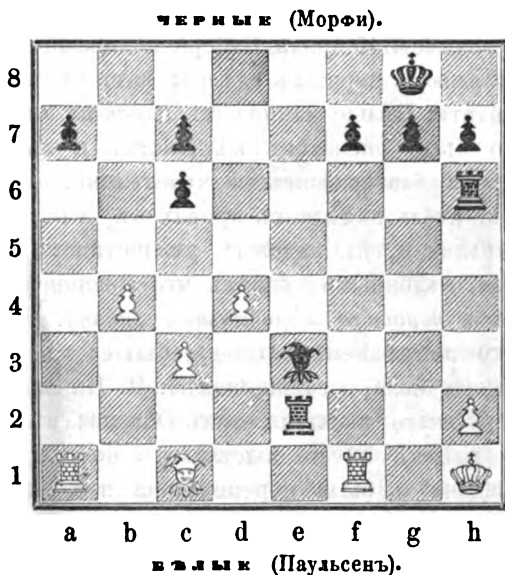
тень; спору нѣтъ, что вы играете слабо, даже очень слабо, но вѣдь если и самый плохой игрокъ признаеть невозможнымъ рѣшить совершенно правильную задачу *съ два хода*, то это, согласитесь, лестно ея автору.

Сколь ни странны сужденія г. М—ва о задачѣ г. Шмитта, по еще страннѣе то, что мы отчасти причиною его заблужденій. Дѣло въ томъ, что въ рѣшеніи этой проблемы (Шахм. Лист. стр. 105) второй, т. е. послѣдній ходъ бѣлыхъ напечатанъ ошибочно: 2) $c1-f1 \times$ вмѣсто 2) $c1-f4 \times$. Мы тѣмъ болѣе признаемъ себя виновными въ этомъ отношеніи, что замѣтили опечатку немедленно по выходѣ апрѣльского Листка и не оговорили ее въ слѣдующемъ выпускѣ, полагая, что она никакъ не можетъ подать повода къ недоразумѣнію. Дѣйствительно, потребно совершенно спеціальное незнаніе игры и какая то невѣроятная недогадливость, чтобъ не найдти настоящаго хода, тогда какъ 1) задача заключаетъ всего два хода; 2) первый ходъ въ рѣшеніи ея показанъ вѣрно; 3) во второмъ, т. е. уже послѣднемъ ходѣ, играемая пашка (ферзь) и линія, на которую она помѣщается (f), указаны правильно. Но, какъ бы то ни было, мы признаемъ себя кругомъ виноватыми въ томъ, то допустили опечатку и не исправили ее во время. Перейдемъ ко второму пункту обвиненій.

Не обладая, какъ можно видѣть изъ предъидущаго, обширными знаніями по части шахматной игры, г. М—въ приступилъ къ разбору одной изъ партій Морфи. Смѣлость весьма похвальная; въ наше время ниго не преклоняется безусловно передъ авторитетами, почему же скромному любителю не подвергнуть критикѣ, даже пожалуй самой строгой, неумолимой критикѣ, комбинаціи величайшаго шахматнаго генія. Можетъ быть шахматное свѣтило, взошедшее въ Новомъ Орлеанѣ, просіявшее въ Нью-Йоркѣ, Лондонѣ, Парижѣ, должно померкнуть въ Березовѣ. Но для этого г-ну М—ву надлежало бы дѣйствительно подвергнуть дѣльному и добросовѣстному анализу партіи знаменитаго американца; къ сожалѣнію онъ этого не сдѣлалъ, а просто объявилъ, что партія Морфи съ Паульсеномъ (Шахм. Лист. No. 1 стр. 8—10) нехороша, что она не подтверждаетъ нашихъ похвалъ молодому герою и что слова наши *далеко несправедливы*. Повторяемъ, что почтенный корреспондентъ не представилъ никакихъ варіантовъ этой партіи; «укажу только на то, говорить «онъ, что партія не доведена до конца, и что еще не совсѣмъ «легко сказать за кѣмъ останется побѣда». Далѣе г. М—въ за-

мѣчаетъ: «Странно, что Морфи, въ характерѣ котораго видать, по словамъ автора, что то рыцарски благородное, не указалъ Паульсену, когда тотъ послѣ 28-го хода черныхъ сдался, что «сдаваться еще очень рано, и что игра можетъ быть ничью». Этого ужъ мы совсѣмъ не понимаемъ! Никакой шахматный уставъ, никакое, самое щекотливое чувство чести, не предписываетъ никому въ мѣрѣ объяснять противнику когда пора и когда рано сдаваться, какъ надо ходить и т. п., не говоря уже о томъ, что такой игрокъ какъ Паульсенъ ужъ конечно не сдастъ партіи раньше времени. Но оставимъ все это въ сторонѣ; допустимъ, что Морфи дѣйствительно обязанъ не только побѣждать, но и учить своихъ противниковъ и посмотримъ, справедливо ли, хотя бы съ этой, крайне эксцентрической точки зрѣнія, сужденіе г-на М—ва; дѣйствительно ли, какъ утверждаетъ онъ, «въ этой партіи поторопились провозгласить Морфи побѣдителемъ». Вотъ діаграмма, изображающая положеніе игры въ тотъ моментъ, когда Паульсенъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Положеніе партіи № 1 послѣ 28-го хода черныхъ.

Всякому человѣку, имѣющему ясное понятіе объ игрѣ, очевидно, что бѣлые неминуемо проиграютъ, но г. М—въ утверждаетъ, что если они съиграютъ 29) $\frac{f1-f2}{}$, то «интересно будетъ «видѣть за кѣмъ останется побѣда.» Мы съ этимъ согласиться

не можемъ и находимъ, что ходъ f_1-f_2 нисколько не поправляетъ партіи бѣлыхъ; послѣдствія его, по нашему мнѣнію, будутъ слѣдующія: 29) $\frac{f_1-f_2}{e_2-f_2^{\circ}}$ 30) $\frac{c_1-e_3^{\circ}}{f_2-h_2^{\circ}+}$ 31) $\frac{h_1-g_1}{h_2-h_1+}$ 32) $\frac{g_1-g_2}{h_1-a_1^{\circ}}$ 33) $\frac{e_3-h_6^{\circ}}{g_7-h_6^{\circ}}$, и черные остаются съ ладьей и шестью пѣшками противъ трехъ пѣшекъ. Если на тридцатомъ ходѣ бѣлые не возьмутъ слона, то получаютъ немедленно матъ, а если на тридцать-третьемъ сыграютъ иначе чѣмъ показано, то Морфи сохраняетъ двѣ ладьи противъ слона. Слѣдовательно Паульсенъ сдался весьма основательно, а Морфи ничуть не нарушилъ правилъ рыцарской чести, согласившись быть признаннымъ побѣдителемъ.

Оправдавшись какъ умѣли отъ грозныхъ обвиненій г-на М—ва, спѣшимъ принести повинную голову въ нашихъ дѣйствительныхъ промахахъ. 1) Первая задача въ декабрьскомъ Листкѣ обозначена номеромъ 26-мъ, тогда какъ въ дѣйствительности она уже 27-ая. 2) Задачи въ январскомъ выпускѣ текущаго года вовсе не нумерованы; надъ первой изъ нихъ слѣдуетъ выставить № 28, а надъ второй № 29. Рѣшеніе этихъ проблемъ отлагается до слѣдующаго выпуска. 3) Подъ помѣщенною въ январской книжкѣ задачею Конрада Байера подписано «Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.» вмѣсто этого надо читать: Бѣлые начинаютъ и *даютъ матъ* въ 4 хода.

Да, много было опечатокъ въ Листкѣ и мы очень каемся въ томъ передъ благосклонными читателями. Но это ужъ не ново, что сочинитель надѣлаетъ промаховъ, а потомъ извиняется передъ читателями и, въ надеждѣ умиловить ихъ, заранѣе называетъ благосклонными; а вотъ что совершенно ново: *уродливая опечатка породила хорошенькую задачу.* Вотъ какъ совершилось это почти невѣроятное событіе: въ пятомъ номерѣ Листка помѣщена была, посвященная Н. И. Николаеву, кипергань извѣстнаго прусскаго писателя фонъ-Оппена; въ ней оказалась опечатка: на клѣткѣ h_3 не выставленъ черный ферзь, вслѣдствіе чего задача и была перепечатана потомъ въ исправленномъ видѣ. Г-нъ фонъ-Оппенъ, получивъ пятый выпускъ Листка, принялся внимательно разсматривать свое, изуродованное наборщикомъ дѣтище и къ удивленію убѣдился, что этотъ уродикъ имѣетъ полное право на существованіе, что кипергань возможна, — разумѣется уже въ иное число ходовъ, — и въ той ошибочной формѣ, въ какой она появилась первый разъ. Открытіе свое г-нъ фонъ-Оппенъ сообщилъ намъ, предлагая назвать эту

новую проблему, обязанную своему существованію чистой случайности, *найденнымъ* (der Findling). Но точно ли это простая случайность? Быть можетъ нашъ наборщикъ обладаетъ особеннымъ шахматнымъ ясновидѣніемъ и подобно тому какъ пивѣя произносила великія истины, сама того не сознавая, такъ и онъ, не смысля ни аза въ шахматной игрѣ, разставитъ нетвердою рукою шахматы, и создастъ глубокомысленную проблему. Не должны ли мы послѣ этого питать особенное уваженіе къ опечаткамъ ясновидящей типографіи, не истреблять ихъ, а хранить какъ драгоценность, какъ даръ неба. Но увы! мы не вѣримъ ни пивѣямъ, ни магнетизму, и будемъ стараться, чтобъ опечатокъ не было никакихъ, даже пророческихъ.

Въ заключеніе намъ остается принести глубочайшую благодарность г-ну фонъ-Оппену за его любезное сообщеніе. Другой на его мѣстѣ разсердился бы на насъ за опечатку, а онъ, вмѣсто того, чтобы предаваться бесполезному гнѣву, углубился въ полезный трудъ и вмѣсто неприятнаго упрека сдѣлалъ намъ пріятный подарокъ.

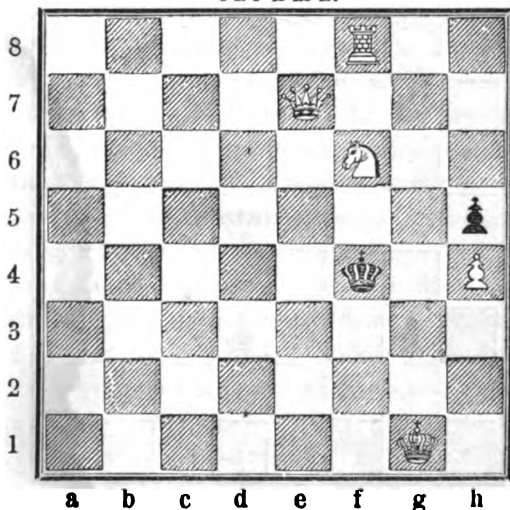
Задачи.

№ 30.

ФОНЪ-ОППЕНА (въ Берлинѣ).

Найденнышъ (der Findling).

ЧЕРНЫЕ.

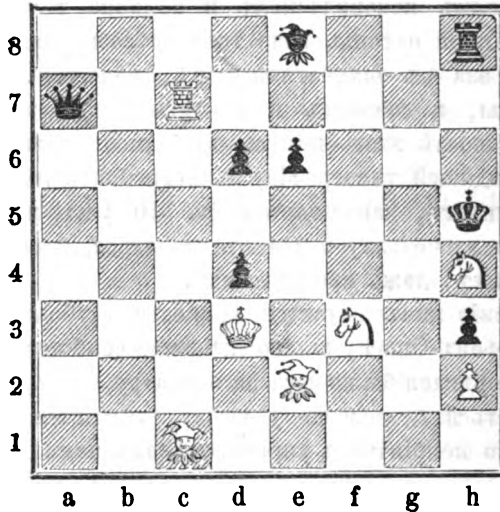
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

№ 31.

(Изъ Лондонской Иллюстраціи.)

ч е р н ы е .

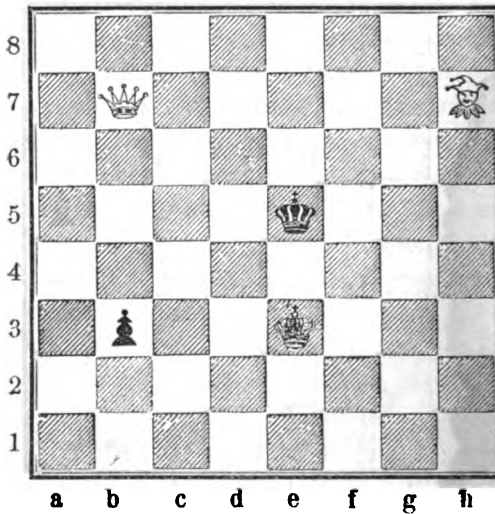
б ѣ л ы е .

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 32.

(Изъ Лондонской Иллюстраціи.)

ч е р н ы е .

б ѣ л ы е .

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 9-я)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Процессъ игры при равныхъ силахъ.

Какъ количество не всегда даетъ выигрышъ, такъ и *время* не всегда имѣетъ вліяніе на результатъ игры. Бываютъ положенія, гдѣ первенство хода рѣшаетъ участь игры, и бываютъ такія, гдѣ первенство хода даетъ столь малое преимущество, что игра бываетъ ничья.

Мы подвергнемъ анализу только такія положенія, въ которыхъ результатъ игры не очевиденъ; то есть не будемъ разсматривать тѣ случаи, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ однѣ фигуры, но обратимъ вниманіе только на игру пѣшекъ противъ пѣшекъ и игру фигуръ при пѣшкахъ противъ таковыхъ же шашекъ.

11. Одна пѣшка противъ одной.

Выигрышъ здѣсь зависитъ, во-первыхъ, отъ отдаленія одной пѣшки отъ другой и, во-вторыхъ, отъ отдаленія королей отъ пѣшекъ. Если пѣшка пѣшку удерживаетъ, то выигрышъ не вѣроятенъ; если же пѣшка пѣшку не удерживаетъ, какъ въ положеніяхъ діаг. СXXXVIII и СXXXIX, розыгрышъ не вѣроятенъ; это потому, что въ первомъ случаѣ всегда можно пожертвованіемъ пѣшки выиграть оппозицію.

Отд. IV.

6

Въ тождественныхъ положеніяхъ, какъ діагр. СХХХІХ, выигрышь зависитъ исключительно отъ первенства хода.

Въ нетождественныхъ положеніяхъ, какъ діагр. СХХХVІІІ, выигрышь зависитъ отъ отдаленія пѣшекъ отъ своихъ базъ.

Въ положеніяхъ, гдѣ пѣшка пѣшку удерживаетъ, выигрышь зависитъ отъ возможности выиграть пѣшкой одно темпо.

Пояснимъ сказанное примѣрами, діагр. СХХХVІІІ. — Если бѣлымъ начинать, то выигрышь очевиденъ (f5—f6), но если чернымъ ходить, бѣлые легко могутъ ошибиться.

Лучшій ходъ черныхъ есть b4—c5, и тогда: если e4—e5 — розыгрышь. Должно играть:

2) $\frac{f5-f6}{c5-d6}$ 3) $\frac{e4-f5}{a5-a4}$ 4) $\frac{f5-g6}{a4-a3}$ 5) $\frac{f6-f7}{d6-c7}$ 6) $\frac{g6-g7}{b6-b5}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХL. — Если бѣлымъ начинать, то: 1) $\frac{c4-c5}{a8-a7}$ 2) $\frac{c8-c7}{b8-b7}$, бѣлые выигрываютъ; но если чернымъ, то: 1) $\frac{c8-c7}{c6-c5}$ 2) $\frac{c8-c7}{a8-a7}$ 3) $\frac{c7-c6}{a7-b8}$ 4) $\frac{c6-c5^{\circ}}{b8-c7}$ игра ничья.

Діагр. СХLІ. — Если бѣлымъ начинать, то d5—e6 выигрываютъ; если же чернымъ: 1) $\frac{d5-e5^{\circ}}{e7-e5}$ 2) $\frac{d5-e5^{\circ}}{e8-e7}$ игра ничья.

12. Двѣ пѣшки противъ двухъ.

Здѣсь весьма рѣдко бываетъ розыгрышь, въ особенности если шашки расположены тождественно.

Діагр. СХLІІ. — При крайнихъ пѣшкахъ всегда бываетъ розыгрышь.

1) $\frac{d1-d2}{c1-c2}$ (единственное средство занять оппозицію: если d1—e2, то d8—e8, а если d1—c2, то d8—c8) 1) $\frac{d8-d7}{c8-c7}$ лучший ходъ 2) $\frac{d2-d3}{c2-c1}$ (если d2—c3, то d7—c7) 2) $\frac{d2-d3}{d7-d6}$ лучший ходъ 3) $\frac{d3-d4}{d6-c6}$ можно играть и d6—e6, 4) $\frac{d4-c4}{c4-c3}$ если d4—e4 или e5 — черные выигрываютъ) 4) $\frac{c4-d5}{c6-d6}$ (если c6—b6, то $\frac{c4-d5}{b6-a6}$ и $\frac{d5-e5}{c6-d6}$ бѣлые выигрываютъ) 5) $\frac{c4-b5}{d6-d5}$ 6) $\frac{b5-a5^{\circ}}{d5-c5}$ 7) $\frac{a5-a6}{c5-c6}$. — Эта оборона есть единственное средство сдѣлать ничью; если бы напр. черные устремились къ пѣшкѣ h4, то проиграли бы игру: 8) $\frac{a6-a7}{c6-c7}$ 9) $\frac{a4-a5}{c7-c6}$ 10) $\frac{a7-a6}{b7-b6}$ (или: $\frac{a7-b8}{c6-b5}$ 11) $\frac{b8-c7}{b5-a5^{\circ}}$ 12) $\frac{c7-d6}{a5-b5}$ 13) $\frac{d6-e6}{b5-c6}$

- 14) $\frac{e6-f6}{c6-d6}$ 15) $\frac{f6-g6}{d6-e7}$ и e7—f8 ничья) 10) $\frac{a6-b5}{c6-c7}$ 11) $\frac{a6-b5}{c7-b7}$ 12) $\frac{b5-c5}{a7-a6}$
 13) $\frac{c5-d5}{a6-a5^{\circ}}$ 14) $\frac{d5-e5}{a5-b6}$ 15) $\frac{e5-f5}{b6-c6}$ 16) $\frac{f5-g5}{c6-d6}$ 17) $\frac{g5-h5^{\circ}}{d6-e7}$ и e7—f8 игра
 ничья.

Диагр. СХLIII. — Въ этомъ положеніи первенство хода даетъ выигрышъ.

- 1) $\frac{d1-d2}{d8-d7}$ (Всякій другой ходъ былъ бы ошибоченъ и имѣлъ бы слѣдствіемъ розыгрышъ; напр.: если бы $\frac{d1-e2}{d8-e8}$, $\frac{e2-e3}{e8-e7}$ или $\frac{d3}{d7}$ или $\frac{f3}{f7}$) 1) $\frac{d2-d3}{d7-d6}$, или А, В, С, D. 2) $\frac{d2-d3}{d7-d6}$, или Е, F, G, H, I, K,
 3) $\frac{d3-d4}{d6-c6}$, или L.

- 4) $\frac{d4-c4}{c6-b6}$ (если иначе — розыгрышъ.) 4) $\frac{c4-d5}{b6-b7}$ (если c6—d6, то c4—b5 и играть какъ въ варіантѣ D.) 5) $\frac{d5-c5}{b7-a6}$ 7) $\frac{c5-c6}{a6-a7}$
 8) $\frac{c6-b5}{a7-b7}$ 9) $\frac{b5-a5^{\circ}}$ бѣлые выигрываютъ.

Тотъ же результатъ будетъ въ положеніяхъ королей $\frac{c1}{d8}$, $\frac{d1}{e8}$, $\frac{c1}{f8}$, и т. д. То есть:

Гдѣ бы ни стояли короли, лишь бы въ одинаковомъ разстояніи отъ пѣшекъ — игра будетъ выиграна начинающимъ.

- А, 1) $\frac{d2-c3}{d8-c7}$ 2) $\frac{d2-c3}{c7-d7}$ лучший ходъ 3) $\frac{c3-d3}{c8-d8}$ бѣлые выигрываютъ.

- В, 1) $\frac{d2-c3}{d8-e8}$ 2) $\frac{d2-c3}{e8-d7}$ 3) $\frac{c3-d3}{c8-d8}$ бѣлые выигрываютъ.

- С, 1) $\frac{d2-e3}{d8-c8}$ 2) $\frac{d2-e3}{c8-d7}$ 3) $\frac{e3-d3}{c8-d8}$ бѣлые выигрываютъ.

- D, 1) $\frac{d2-e3}{d8-e7}$ 2) $\frac{d2-e3}{e7-f6}$ 3) $\frac{e3-d4}{f6-e6}$ 4) $\frac{d4-c4}{e6-f6}$ 5) $\frac{e4-d5}{f6-f7}$ 6) $\frac{d5-c5}{f7-e6}$ 7) $\frac{c5-b5}{e6-d5}$
 8) $\frac{b5-a5^{\circ}}{d5-c5}$ 9) $\frac{a5-a6}{c5-c6}$ 10) $\frac{a4-a5}{c6-c7}$ 11) $\frac{a6-b5}{c7-b7}$ 12) $\frac{b5-c5}{b7-a6}$ 13) $\frac{c5-d5}{a6-a5^{\circ}}$ 14) $\frac{d5-e5}{a5-b6}$
 15) $\frac{e5-f5}{b6-c6}$ 16) $\frac{f5-g5^{\circ}}{c6-d7}$ 17) $\frac{g5-g6}{c6-d7}$ бѣлые выигрываютъ.

Если 1) $\frac{d3-e7}{d8-e7}$, или 1) $\frac{d3-e7}{d8-c7}$, или c8, или e3 и 2) $\frac{d3-e7}{d8-d7}$, во всякомъ случаѣ положеніе будетъ то же, что послѣ хода 1) $\frac{d3-e7}{d8-d7}$.

- Е, 2) $\frac{d3-e4}{d7-c7}$ 3) $\frac{d3-e4}{c7-c6}$ 4) $\frac{e4-f5}{c6-c5}$ 5) $\frac{f5-g5^{\circ}}{c5-b4}$ 6) $\frac{g5-f6}{c5-b4}$ бѣлые выигрываютъ.

F, — — — 3) $\frac{c7-d6}{c7-d6}$ 4) $\frac{e4-f5}{d6-e7}$ 5) $\frac{f5-g5^{\circ}}{e7-f7}$ 6) $\frac{g5-h6}{f7-g8}$ 7) $\frac{h6-g6}{f7-g8}$ бѣ-
 лые выигрываютъ.

G, 2) $\frac{d3-c4}{d7-e7}$ 3) $\frac{d3-c4}{e7-e6}$ 4) $\frac{c4-b5}{e6-e5}$ 5) $\frac{b5-a5^{\circ}}{e6-e5}$ бѣлые выигрываютъ.

H, — — — 3) $\frac{c4-b5}{e7-d6}$ 4) $\frac{c4-b5}{d6-d5}$ 5) $\frac{b5-a5^{\circ}}{d5-c5}$ или с6 бѣлые от-
 дають пѣшку а4, берутъ g5 и выигрываютъ.

I, 2) $\frac{d3-e4}{d7-e6}$ 3) $\frac{d3-e4}{e6-f6}$ 4) $\frac{e4-d5}{f6-f7}$ 5) $\frac{d5-c5}{f7-g7}$ 6) $\frac{e5-f5}{g7-h6}$ 7) $\frac{f5-f6}{h6-h7}$
 8) $\frac{f6-g5^{\circ}}{h7-g7}$ 9) $\frac{g5-f5}{g7-f7}$ 10) $\frac{f5-c5}{f7-g6}$ 11) $\frac{e5-d5}{g6-g5}$ 12) $\frac{d5-c5}{g5-g4^{\circ}}$ 13) $\frac{c5-b5}{g4-f5}$
 14) $\frac{b5-a5^{\circ}}{f5-e6}$ 15) $\frac{a5-b6}{e6-d7}$ 16) $\frac{b6-b7}{f5-e6}$ бѣлые выигрываютъ.

K, 2) $\frac{d3-e4}{d7-c6}$ играть какъ въ главной игрѣ.

L, Если 3) $\frac{d4-e4}{d6-e6}$ 4) $\frac{d4-e4}{d6-e6}$ и потомъ играть какъ въ варіан-
 тахъ E, F и K.

Въ положеніяхъ діагр. CXLIV, CXLV, CXLVI, CXLVII, CXLVIII
 и CXLIX игра ничья потому, что пѣшки не пропускаютъ королей.

Но въ діагр. CL, гдѣ каждый изъ королей удерживаетъ
 пѣшки только при своемъ ходѣ, игра выиграна начинающимъ:

1) $\frac{b4-a5^{\circ}}{b4-a5^{\circ}}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ діагр. CLII, гдѣ бы ни стояли короли, лишь бы не на
 своихъ третьихъ линіяхъ, игра ничья.

1) $\frac{e1-e2}{e8-f8}$ или e7 2) $\frac{e2-d3}{f8-f7}$ или f3 ничья, или 2) $\frac{e2-e3}{f8-e7}$ ничья.

Но если 1) $\frac{e1-e2}{e8-d8}$ 2) $\frac{e2-f3}{d8-d7}$ ошибка, тогда:

3) $\frac{f3-f4}{d7-d6}$ 4) $\frac{f4-f5}{d7-d6}$ бѣлые выигрываютъ.

И такъ, когда пѣшки сдвинуты съ своихъ первоначальныхъ
 кѣтокъ и расположены такъ, что одна другую удерживаетъ,
 то, вообще говоря, игра должна быть ничья.

Совершенно иной результатъ будетъ, если предположить
 пѣшки несдвинутыми съ первоначальныхъ кѣтокъ. Только при
 соединенныхъ пѣшкахъ, которыя другъ друга удерживаютъ,
 какъ въ положеніи діагр. CLII, игра будетъ ничья; въ положе-
 женіяхъ же, подобныхъ CLIII, CLIV и CLV, пачинающій вы-
 игрываетъ.

Въ положеніи діагр. CLVI результатъ будетъ тотъ же, что
 и въ CLV.

Черные начинают 1) $\frac{f5-f4}{f5-f4}$ 2) $\frac{d5-d4}{f4-f3}$ 3) $\frac{d4-d3}{f3-f2}$ 4) $\frac{d3-c4}{f2-e2}$ 5) $\frac{c4-b4^\circ}{e2-d2}$
 черные выигрываютъ.

Бѣлые начинаютъ 1) $\frac{d5-c4}{f5-c4}$ 2) $\frac{c4-b4^\circ}{e4-d4}$ 3) $\frac{b4-a3}{d4-c3}$ 4) $\frac{a3-a2}{e3-d2}$ 5) $\frac{a2-b1}{d2-e3}$
 6) $\frac{b3-b4}{e3-d4}$ 7) $\frac{b1-a2}{d4-c4}$ 8) $\frac{a2-a3}{a2-a3}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ положеніи діагр. CLVII, если бѣлые начнутъ, то выиграютъ; если же черные — ничья.

1) $\frac{c6-c5}{c6-c5}$ 2) $\frac{e4-e5}{d6-e5^\circ}$ (или $d4-c5^\circ$) 3) $\frac{d4-e5^\circ}{c5-c4}$ игра ничья.

1) $\frac{e4-e5}{c6-c5}$ (или $d6-e5^\circ$) 2) $\frac{e5-e6}{c5-c4}$ 3) $\frac{e6-e7}{c4-c3}$ 4) $\frac{c7-c8 \text{ ф.}}{c3-c2}$ мать
 въ 2 хода.

Діагр. CLVIII. — Если бѣлые начнутъ, то выиграютъ; если же черные — ничья.

1) $\frac{d6-d7}{b7-c7}$ 2) $\frac{c5-c6}{c7-d8}$ 3) $\frac{f3-f4}{d8-c7}$ 4) $\frac{f4-e5}{h4-h3}$ 5) $\frac{e5-e6}{h3-h2}$ 6) $\frac{e6-e7}{h2-h1}$ ф.

7) $\frac{d7-d8 \text{ ф.} +}{c7-c6}$ 8) $\frac{d8-a8 +}{d8-a8 +}$.

Діагр. CLIX. — Если черные начнутъ, то 1) $\frac{b3-b4}{h3-h2}$ 2) $\frac{b3-b4}{a6-a5}$

ничья, или 1) $\frac{f2-g3}{a6-a5}$ 2) $\frac{f2-g3}{h3-h2}$ ничья; но если бѣлые, то:

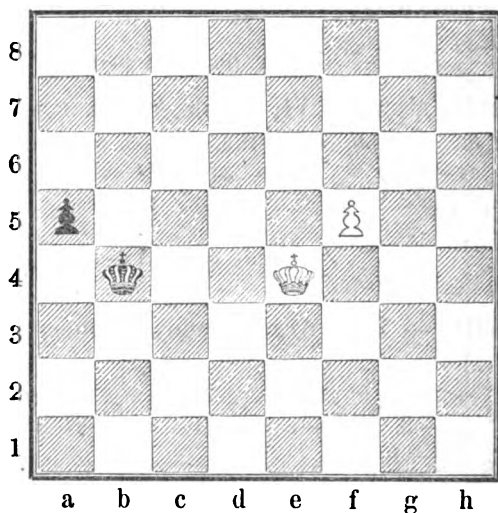
1) $\frac{f2-g3}{h3-h2}$ 2) $\frac{g3-f2}{a6-a5}$ 3) $\frac{b3-b4}{a5-b4^\circ}$ 4) $\frac{a4-a5}{b4-b3}$ 5) $\frac{a5-a6}{b3-b2}$ 6) $\frac{a6-a7}{b2-b1}$ ф.

7) $\frac{a7-a8}{a7-a8}$ мать, или: 1) $\frac{f2-g3}{h1-g1}$ 2) $\frac{g3-h3^\circ}{g1-f2}$ 3) $\frac{b3-b4}{f2-e3}$ 4) $\frac{b4-b5}{a6-b5^\circ}$ 5) $\frac{a4-b5^\circ}{a4-b5^\circ}$

бѣлые выигрываютъ.

СХХХVIII.

ЧЕРНЫЕ.

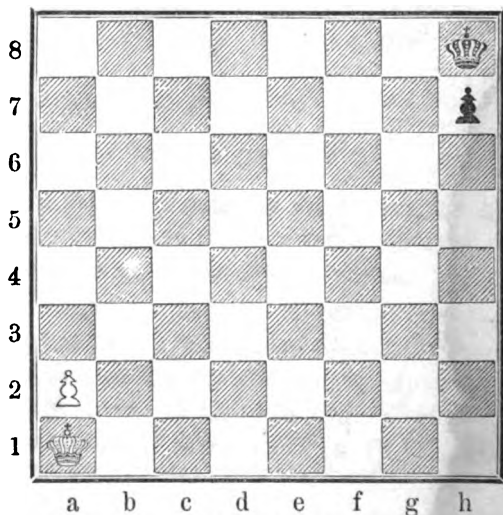

БѢЛЫЕ.

Кто бы ни начинать, бѣлые выигрываютъ.

СХХХIX.

ЧЕРНЫЕ.

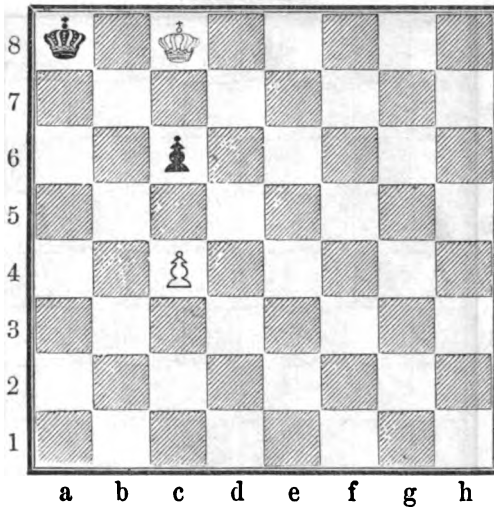

БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываетъ.

CXL.

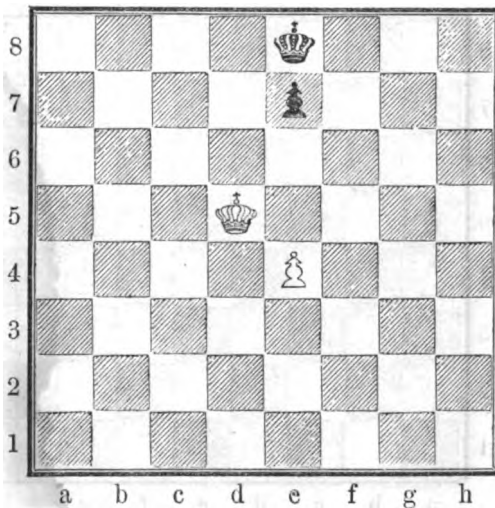
ЧЕРНЫЕ.

При ходѣ бѣлыхъ, — бѣлые выигрываютъ, при ходѣ черныхъ — ничья.

CXLI.

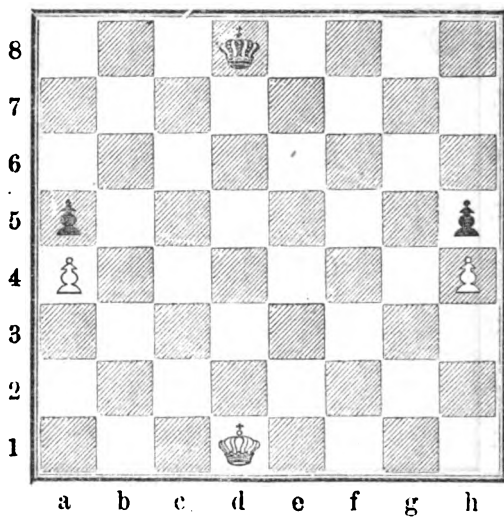
ЧЕРНЫЕ.

При ходѣ бѣлыхъ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

СХЛII.

ЧЕРНЫЕ.

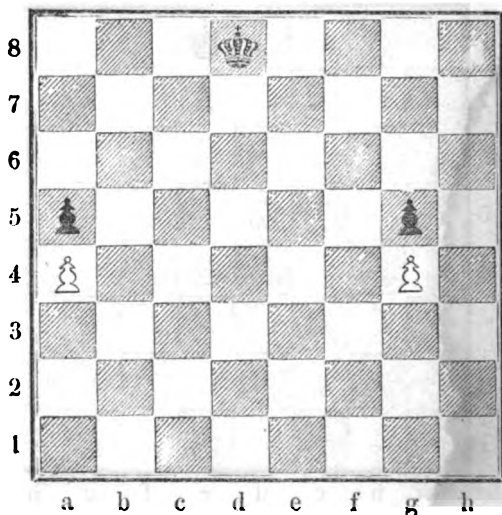

БѢЛЫЕ.

Ничья

СХЛIII.

ЧЕРНЫЕ.

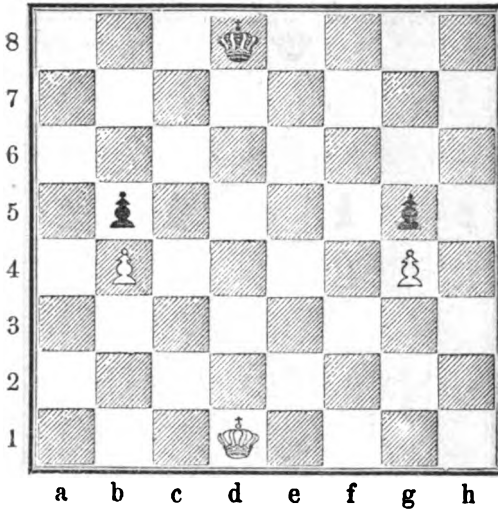

БѢЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CXLIV.

ЧЕРНЫЕ.

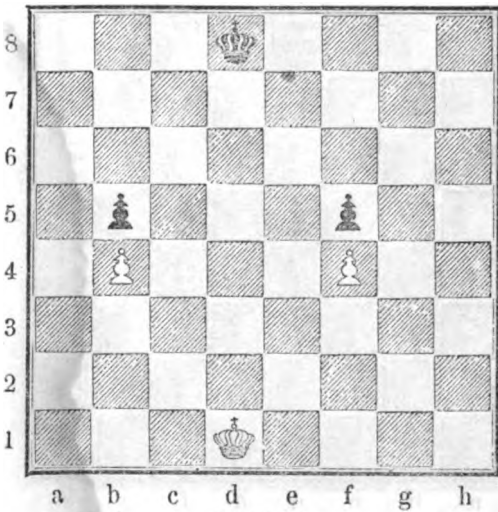

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CXLV.

ЧЕРНЫЕ.

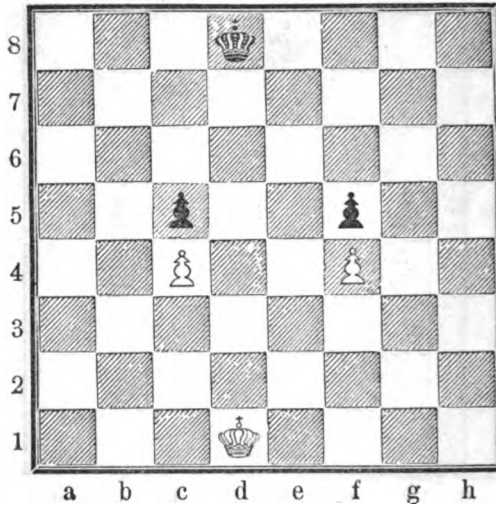

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CXLVI.

ЧЕРНЫЕ.

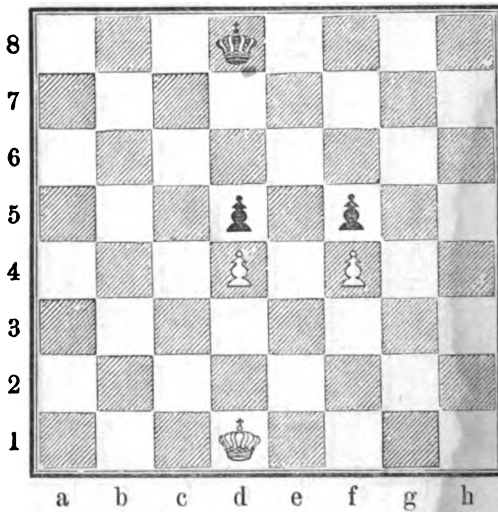

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CXLVII.

ЧЕРНЫЕ.

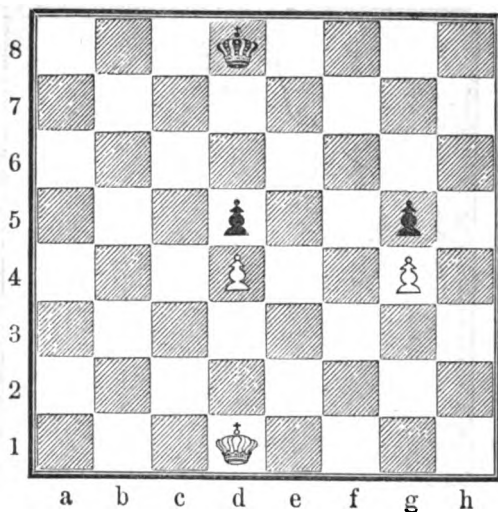

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CXLVIII.

ЧЕРНЫЕ.

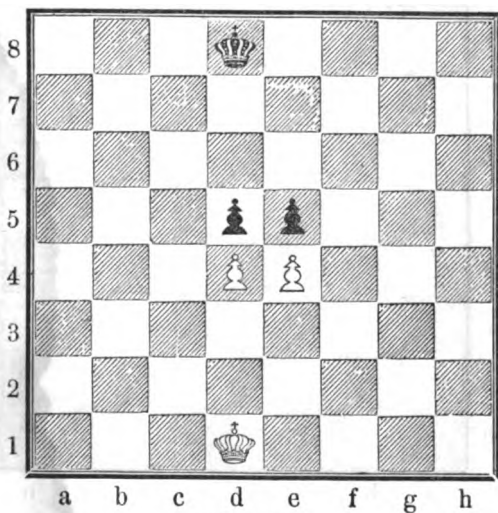

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CXLIX.

ЧЕРНЫЕ.

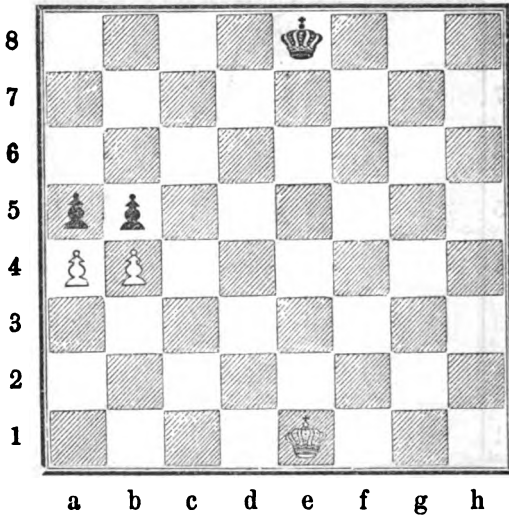

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CL.

ЧЕРНЫЕ.

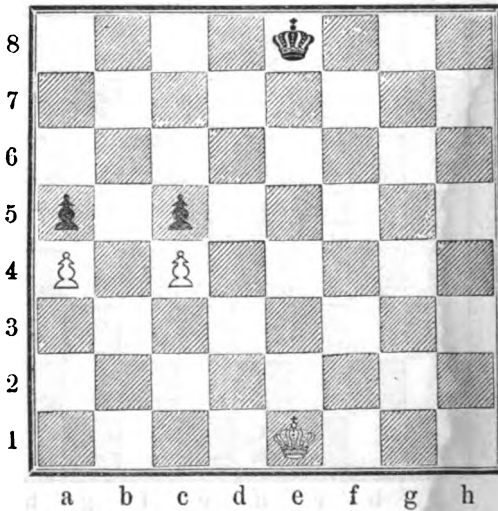

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CLI.

ЧЕРНЫЕ.

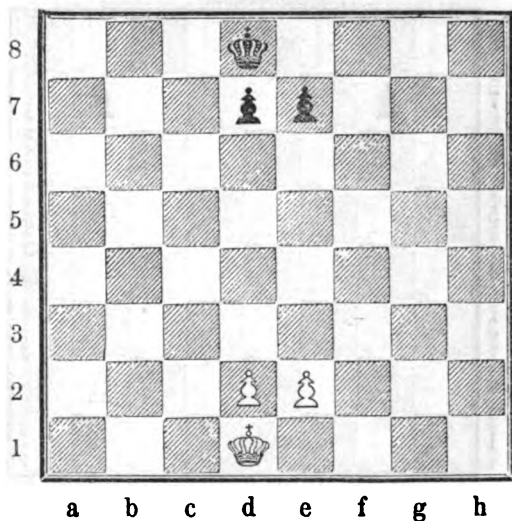

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CLII.

ЧЕРНЫЕ.

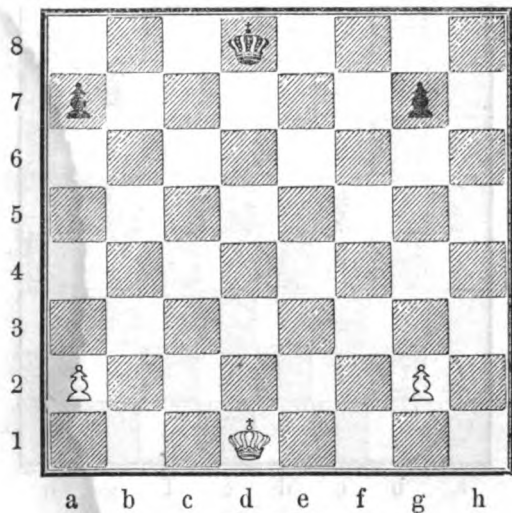

БѢЛЫЕ.

Ничья.

CLIII.

ЧЕРНЫЕ.

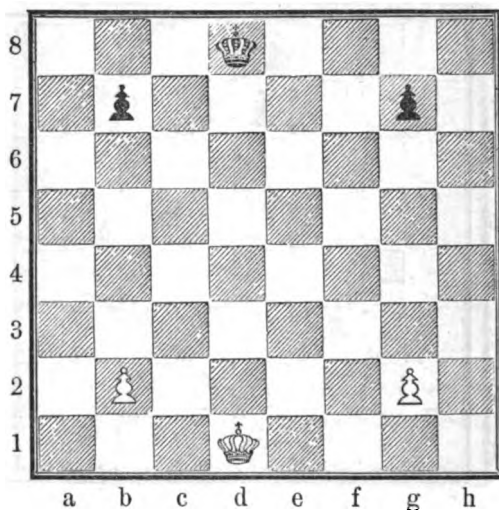

БѢЛЫЕ.

Начинающий выигрываетъ.

CLIV.

ЧЕРНЫЕ.

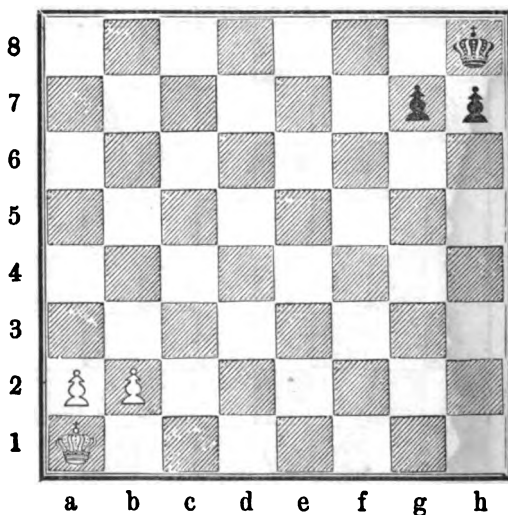

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CLV.

ЧЕРНЫЕ.

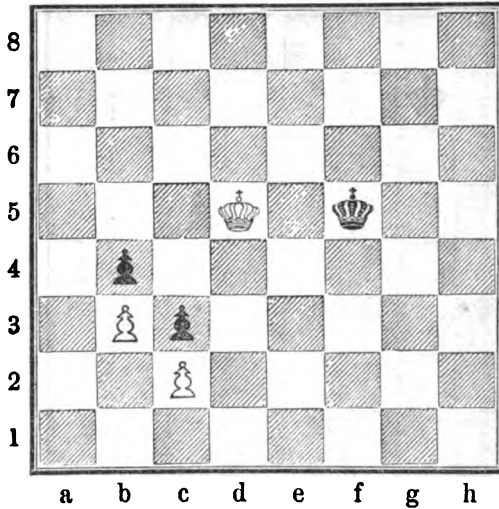

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CLVI.

ЧЕРНЫЕ.

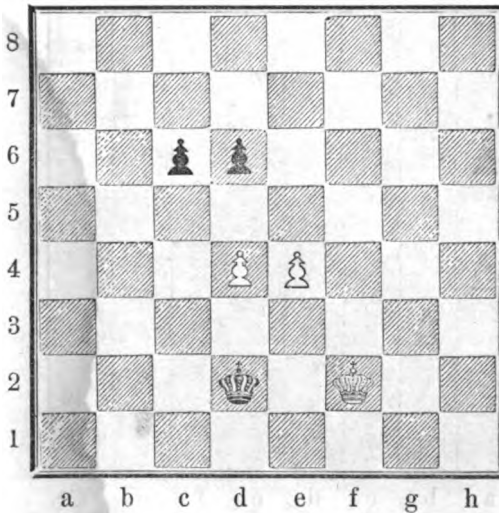

БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываетъ.

CLVII.

ЧЕРНЫЕ.

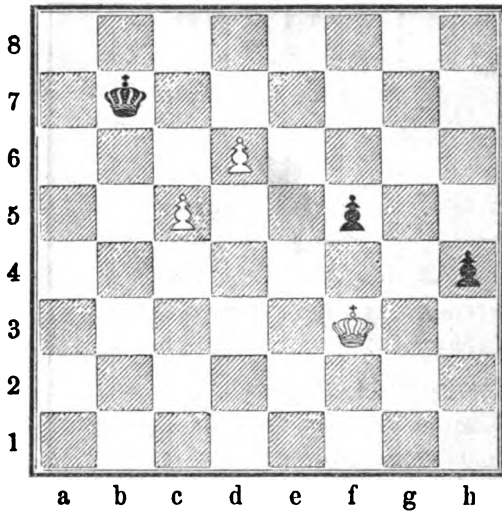

БѢЛЫЕ.

При ходѣ бѣлыхъ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

CLVIII.

ЧЕРНЫЕ.

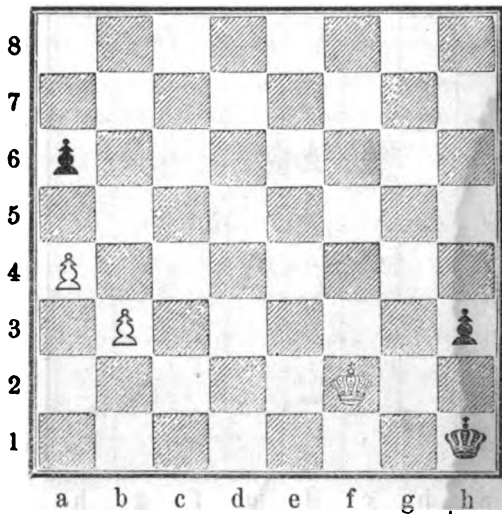

БѢЛЫЕ.

При ходѣ бѣлыхъ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

CLIX.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

При ходѣ бѣлыхъ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

Объ изслѣдованіи преступленій въ устномъ и гласномъ процессѣ. А. И. ПАЛЮМБЕЦКАГО	1
Гафизъ. 24-ре стихотворенія. (Съ персидскаго.) А. А. ФЕТА	25
Кольберъ и система его. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА	38
Два стихотворенія Н. С. НИКИТИНА	86
Царствованіе Елизаветы Петровны. 1743 годъ. Историческій очеркъ. М. И. СЕМЕВСКАГО	88
Исторія ислама. I. Обзоръ Востока въ политическомъ отношеніи предъ появленіемъ Мохаммеда. А. КАЗЕМЪ-БЕКА	119
Семейство Подошвиныхъ. Романъ. А. П. КОБЯКОВОЙ. (Продолженіе.) Часть вторая	153
За городомъ. Стихотвореніе. Я. П. ПОЛОНСКАГО	235
Мотылекъ мальчику. Стихотвореніе. А. П. ФЕТА	236
Одна изъ административныхъ кастъ. (Статья вторая.) Н. В. ШЕЛГУНОВА	237
Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности. (1769 — 1775 годъ.). Д. Л. МОРДОВЦОВА	307
Изъ путевыхъ замѣтокъ. ПОРФИРОВА	377
Переводы изъ Марло. I. Сцена изъ «Эдуарда II». Н. В. ГЕРБЕЛЯ. II. Смерть Фауста. М. Л. МИХАЙЛОВА	413
Венеція. Стихотвореніе. Н. И. КРОЛЯ	417

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Горькая судьбина. А. Писемскаго. М. Л. МИХАЙЛОВА	1

Библиографія. Годъ на Сѣверѣ. *С. Максимова.* Н. Ш. —

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію *Ник. Вас. Гербеля.* М. Л. — Курсъ Всеобщей Исторіи Вебера. Пер. *Е. и В. Корша.* И. С. РЕМЕЗОВА. — Землевѣдѣніе Азіи, Карла Риттера. Переводъ *П. Семенова.* — Карта Китая и побережья рѣки Амура. А. П...НА. — О началахъ наследованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. *В. Никольскаго.* А. В. ЛОХВИЦКАГО. — О показаніяхъ свидѣтелей. Сочиненіе *В. Демченка.* Л. — Мѣсяцесловъ на 1860 годъ. А. Л. — Маленькій собиратель насѣкомыхъ. — Біографіи знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Соч. *Ф. Араго.* Перевелъ *Д. Перевощиковъ.* — Начальныя основанія ботаники Динпеля. Переведено и издано подъ редакцію *Н. Цабеля.* В. Л. ХАНКИНА. — Педагогическія сочиненія, вышедшія на 1860 годъ: 1) Русскія сказки для дѣтей, рассказанныя нянюшкою Авдотьей Степановною Черепевою, изданныя *К. Авдѣевой.* Изд. четвертое; 2) Говорящія животныя. Текстъ автора *Степки-Растрепки;* 3) Еще говорящія животныя. Текстъ автора *Степки-Растрепки.* 4) Басни и пѣсенки для дѣтей. Изданія *М. О. Вольфа.* 5) Путешествіе въ сказочную страну. Текстъ автора *Степки-Растрепки.* 6) Русскія сказки въ иллюстраціяхъ. *В. Жуковскаго;* 7) Волшебныя Цвѣты; 8) Настоящій Робинзонъ. Заимствовано съ французскаго *А. Разиньмъ;* 9) Лея или необитаемый островъ. Переводъ съ англійскаго. Изданія *М. О. Вольфа.* Ф. Г. ТОЛІЯ 10

Иностранная литература. Эдгаръ Кинэ, его жизнь и труды. Статья 1-я 89

ОТДѢЛЪ Ш.

Сивсь. Прощальный объѣдъ, данный въ Кіевѣ профессору П. В. Павлову и рѣчи, сказанныя за объѣдомъ *А. В. Славятинскимъ, И. О. Самчевскимъ и И. И. Сльпушкинымъ.* Е. В. СУД. 1
Письмо изъ Алжира. N. 10
Вѣсти изъ Новгорода. N. N. 27

О НАШИХ ХОДАТАЯХЪ ПО ДѢЛАМЪ НА ОСНОВАНІИ МАТЕРІАЛОВЪ, СООБЩЕННЫХЪ Г. ФИЛИППОВЫМЪ ВЪ N° XI СОВРЕМЕННОКА (за 1859 годъ) ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: «Г-ВУ ЛОХВИЦКОМУ» и проч. А. В. ЛОХВИЦКАГО	43
Вашингтонъ Ирвингъ. Некрелогъ. Ѳ. Н. НЕНАРОКОМОВА	58 ✓
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Призракъ, пугающій фельетониста. — Фельетонистъ на распутьи. — Балъ при дворѣ. — Открытіе новой планеты. — Миссъ Викторія Бальфъ. — Жезлъ, поднесенный Бавернъ. — Богатство публичной библіотеки. — Объ изданіи энциклопедическаго лексикона. — Проектъ устройства новаго порта. — Новый банкирскій домъ. — Г. Самойловъ въ роли Шейлока. — Театральныя новости. — Обѣдъ академику Кеппену. — Кабинетъ метохромотиписи. — Сестры Ферни. — Вьетанъ. — Собраніе сочиненій Державина. — Благотворительныя швейныя машины. — О картинѣ Трутовскаго. — Красное слово. Е. Ѳ. МОЛЛЕРА.	82
Поправки и историческія замѣтки М. И. СЕМЕВСКАГО	90
Памятники старинной русской литературы, издаваемые графомъ Кушелевымъ-Безбородко подъ редакціею профессора Н. И. КОСТОМАРОВА.	98

Шахматный листокъ. Шахматные вечера графа Г. А. Кушелева-Безбородко. — Окончаніе перваго турнира. — Нѣсколько словъ о характерѣ игры Д. С. Стерна и В. В. Пеликана. — Партіи Д. С. Стерна съ И. С. Шумовымъ и В. В. Пеликаномъ. — Второй турниръ. — Третій турниръ. — Опроверженіе обвиненій г-на А. М—ва (въ Березовѣ). — Опечатки въ нумераціи задачъ. — Удачная опечатка или найденышъ. — Задачи. — Руководство къ изученію шахматной игры. Соч. князя С. Урусова. (Статья восьмая.) В. М. МИХАЙЛОВА

	25

22
JW